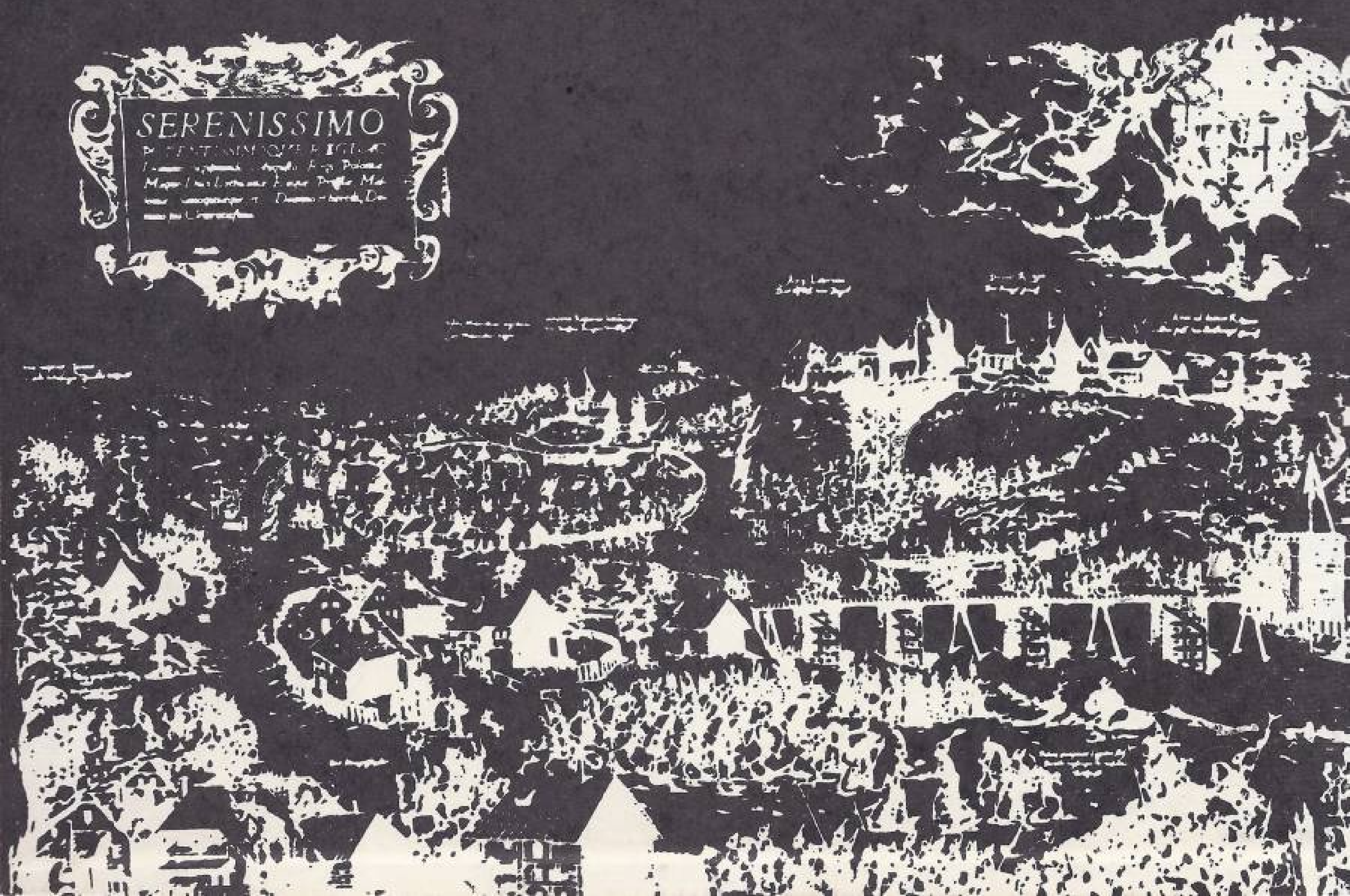
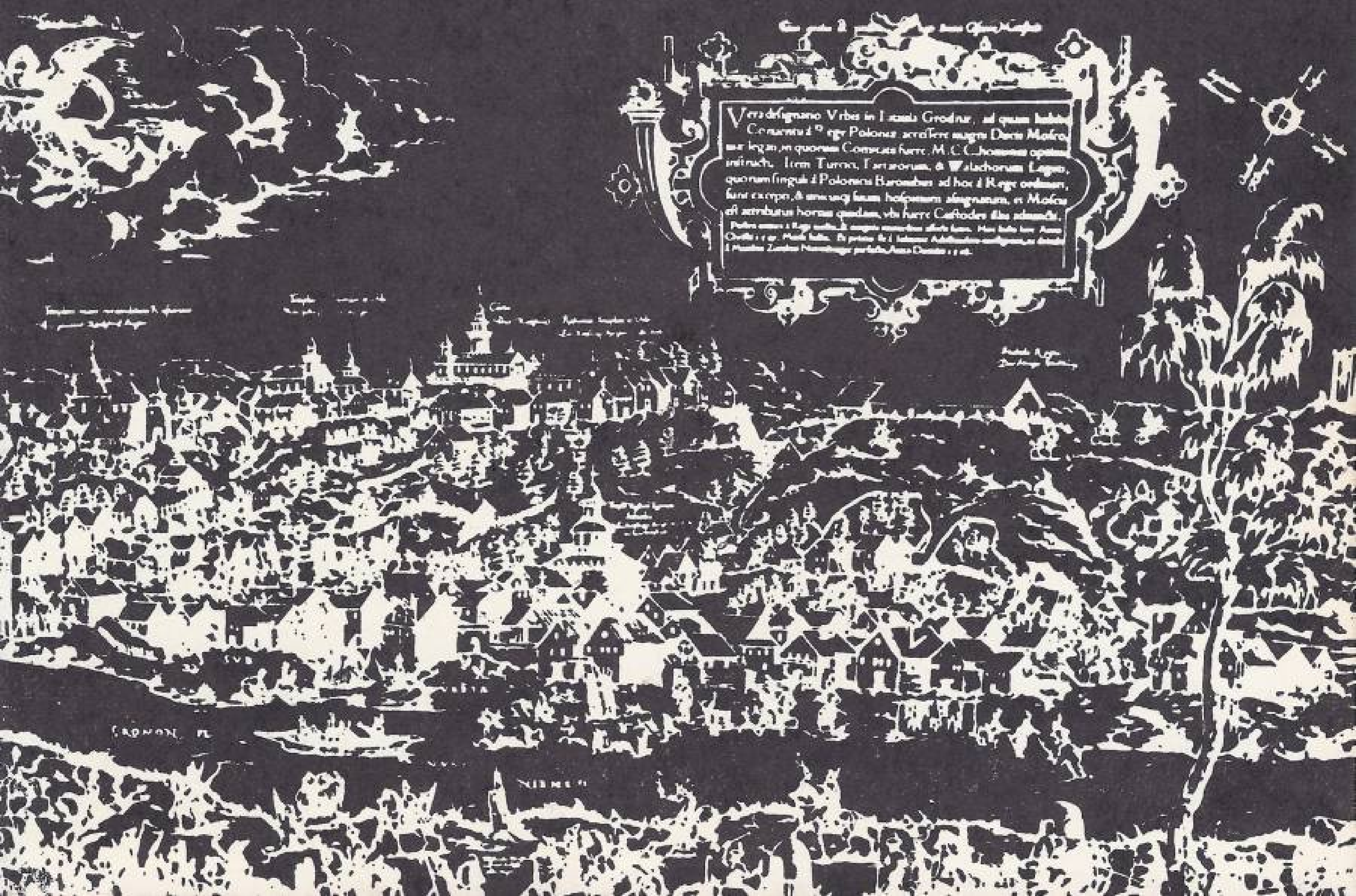

SERENISSIMO

NIEMEN
CRONON FL

72 С
Ч 18

Рецензенты: Союз архитекторов БССР; доктор искусствоведения профессор А. А. ТИЦ.

Оформление Э. Э. ЖАКЕВИЧА.

Ч $\frac{30202-071}{М304(05)-77}$ 59—76

В. А. ЧАНТУРИЯ

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ БЕЛОРУССИИ

Издание второе, переработанное и дополненное

ДОПУЩЕНО МИНИСТЕРСТВОМ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНИКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 1201 «АРХИТЕКТУРА»

МИНСК «ВЫШЭЙШАЯ ШКОЛА» 1977

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава IV

Глава V

Глава VI

ОТ АВТОРА

Архитектура является важной составной частью культуры народа. Развитие ее отражает социальную сущность той или иной общественной формации, идейно-художественные устремления и особенности творчества в различные исторические эпохи. В силу этого архитектура имеет огромное идеологическое значение. Архитектура — это летопись истории народа, рубленная в дереве и сложенная из камня. Градостроительные ансамбли, древние крепости и замки, ратуши и храмы, народное жилище и многие другие сооружения в своих лучших образцах отражают талант народа, их создавшего. Архитектурное наследие, являясь неисчерпаемым источником творческой фантазии поколений, дает нам замечательные примеры совершенства композиционных решений и богатства форм, изобретательности конструкторской мысли и рачительности экономного хозяина.

В каждой республике Союза ССР есть памятники архитектуры, имеющие мировое значение. Есть они и в Белоруссии. На протяжении своей истории белорусский народ создал высокоразвитую архитектуру. Ее лучшие произведения свидетельствуют о практической мудрости и художественном мастерстве зодчих. Изучение истории архитектуры и градостроительства способствует выработке творческого мировоззрения архитектора, правильного отношения к художественному наследию прошлого, освоению его подлинных ценностей.

В этой книге прослеживается процесс исторического развития архитектуры Белоруссии за дооктябрьский период. Руководство по истории белорусского зодчества, созданное применительно к потребностям высшей архитектурной школы, необходимо для организации изучения этого предмета и развития навыков самостоятельной работы студентов. Оно написано в соответствии с учебной программой по курсу истории искусств, архитектуры и градостроительства для высших учебных заведений по специальности «Архитектура», утвержденной Министерством высшего и среднего специального образования БССР 17 июля 1974 г.

Создание учебника стало возможным благодаря многолетним изысканиям и изучению в натуре архитектурного и градостроительного наследия, а также материалов центральных и республиканских архивов, фондов музеев и обширных литературных источников. Экспедиции и исследования, проведенные в течение двадцати лет, не только помогли ввести в научный оборот многие до этого малоизученные памятники зодчества, но и создали необходимый фундамент для постановки ряда историко-архитектурных проблем.

Для правильной оценки архитектурных явлений прошлого и освещения отдельных вопросов истории здесь рассматриваются не только уникальные здания, но и более широкая номенклатура сооружений, прослеживаются условия, которые привели к возникновению различных типов построек, обычно хорошо продуманных с функциональной стороны и простых по архитектуре (городское и сельское жилье, торговые ряды, хозяйственные постройки и др.).

Сравнительное изучение разнообразных типов построек раньше не проводилось или велось поверхностно и случайно, хотя анализ их весьма поучителен при рассмотрении архитектуры прошлого. Кроме того, предыдущие исследователи не выходили за пределы изучения значительных городов. Поэтому были совершенно упущены такие стороны зодчества, как народное и усадебное строительство, столь самобытные и яркие у каждого народа.

Первое издание «Истории архитектуры Белоруссии» (дооктябрьский период) вышло в свет в 1969 г. Материалы книги, помимо своего прямого назначения — учебного, использовались в той или иной степени в издании Белорусской советской энциклопедии и Свода памятников истории и культуры Белоруссии, в работе специальных научно-реставрационных и производственных мастерских Министерства культуры БССР, деятельности республиканского Общества охраны памятников истории и культуры и других организаций. В 1972 г. на Всесоюзном смотре творческих достижений советской архитектуры книге был присужден почетный диплом.

Подготавливая новое издание книги, автор стремился учесть критические замечания и пожелания, высказанные в печати и на специальных обсуждениях первого издания. Текст всех разделов был подвергнут переработке или доработке с учетом результатов новейших исследований в области истории бело-

русского зодчества. Были еще раз проверены и, насколько это представилось возможным, уточнены датировки строительства отдельных памятников. Шире освещен процесс возникновения градостроительных систем и ансамблей в связи с историческим развитием городов. Даны характеристики строительных материалов и конструкций, имевших распространение в различные эпохи на белорусской земле.

Вместе с тем необходимо признать, что многие чрезвычайно важные проблемы архитектуры Белоруссии остаются пока недостаточно исследованными, а потому не нашли должного отражения и не получили оценки в новом издании книги. Так, пока еще не ясной представляется планировочная структура городов до XVII в. Археологические разработки при отдельных интересных открытиях последних лет (Берестье, Минск, Полоцк и др.) еще не дают нам обобщающих материалов, способствующих научному познанию градостроительной культуры, путей формирования архитектурных комплексов и ансамблей. Еще слабо изучено зодчество периода формирования белорусской народности и особенно деревянная народная архитектура, в которой национальные особенности проявляются наиболее заметно, отличаясь самобытными качествами. Недра земли сулят археологам и историкам еще неизвестные ценные находки, которые обогатят наши знания о древней культуре на территории Белоруссии, уточнят ее взаимосвязи и специфику по сравнению с культурой соседних стран и народов.

Старые города Белоруссии после разрушительных войн вновь возрождались, отстраивались, сберегая в то же время на своей территории многие уцелевшие древние здания. Эти здания становились историческими памятниками, реликвиями минувших эпох. В практике советского градостроительства отмечается включение памятников зодчества и исторических планировочных структур в проекты современной реконструкции городов. Гармоничное сочетание памятников и нового строительства в едином ансамбле — это решение одной из сторон проблемы взаимосвязи между традиционными и новаторскими чертами в градостроительстве. Актуальность проблемы усиливается массовой реконструкцией центральных районов исторически сложившихся городов Белоруссии. Это обстоятельство обязало автора во втором издании книги уделить место специальному приложению об исторических городах республики. В приложении «Архитектурное наследие древних городов БССР» (исп. Ю. В. Чантурия) приводится список городов БССР с архитектурным и градостроительным наследием, дана классификация этих городов по значимости и степени сохранности культурного наследия; по группам городов показан процесс формирования основных ансамблей, определены границы исторических центров в плане современных городов; выявлены наиболее ценные памятники и характерная рядовая застройка.

Ныне эти вопросы приобрели чрезвычайную важность. Принятый 26 октября 1976 г. Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» определил программу, направленную на обеспечение сохранности памятников истории и культуры в наших городах и населенных пунктах, памятных мест и исторических ландшафтов. Речь идет не только об охране культурных ценностей, но также о их предназначении, об их огромном научно-познавательном, воспитательном и эстетическом значении.

Материалы приложения имеют двоякое значение для учебного процесса. Во-первых, студент получает представление о планировочном развитии многих городов республики и уясняет для себя ценность сохранившегося в них архитектурного наследия; во-вторых, материалы приложения могут быть использованы для учебно-исследовательской работы студентов, а также для курсового и дипломного проектирования студентами градостроительной специализации. Таким образом, историко-теоретический курс по белорусской архитектуре сближается с решением ряда практических вопросов в рамках учебного процесса.

Включенные в книгу иллюстрации содержат натурные снимки, картографические материалы, обмеры, гравюры, акварели и зарисовки важнейших архитектурных памятников и ансамблей. Это делает издание пригодным не только для учебных целей, но и для более профессионального знакомства любого читателя, интересующегося историей материальной культуры, с градостроительством и памятниками зодчества Белоруссии.

ВВЕДЕНИЕ

В основу периодизации архитектуры Белоруссии положены важнейшие этапы социально-экономического развития страны, для которых характерно было преобладание определенных стилевых признаков в архитектуре. Все этапы развития архитектуры тесно связаны и представляют единый стройный процесс:

первый этап — это архитектура на территории Белоруссии в эпоху первобытнообщинного строя (с древнейших времен до IX в.);

второй — архитектура западных земель Руси во времена Древнерусского государства (IX—XI вв.);

третий — архитектура периода феодальной раздробленности (XII—XIII вв.);

четвертый — архитектура периода формирования белорусской народности (XIV — первая половина XVII в.);

пятый — архитектура Белоруссии периода господства феодально-барщинной системы (вторая половина XVII—XVIII в.);

шестой — архитектура Белоруссии периода разложения феодально-крепостнических отношений и зарождения капитализма (конец XVIII — первая половина XIX в.);

седьмой — архитектура Белоруссии периода капитализма (вторая половина XIX — начало XX в.).

Принятая периодизация определяет главные и наиболее характерные моменты развития белорусской архитектуры, связанные с развитием социально-экономических формаций общества и политической жизнью страны. Объединение в книге периодов Древнерусского государства и феодальной раздробленности объясняется чрезвычайно малой сохранностью памятников тех времен на территории Белоруссии. Исходя из того что эти два периода были тесно связаны, допустимо совместное рассмотрение архитектурного наследия IX — XIII вв., памятники периода феодальной раздробленности логично развились из архитектуры Древнерусского государства, что обнаруживается уже на последней стадии его развития.

До IX в. развитие архитектуры на территории Белоруссии в основном протекало в условиях доклассового общества, хотя зачатки классовых отношений возникли уже в первом тысячелетии н. э. Определяющим для этого периода было простейшее жилище земляночного, полуземляночного и надземного типов. Сосредоточивалось оно в селищах и укрепленных поселениях — городищах. Таких городищ на белорусской земле насчитывают многие сотни.

Монументальная архитектура, которая находилась на одной из первых ступеней своего развития, представлена погребальными сооружениями (курганами) и языческими храмами. Хотя археологические раскопки еще не предоставляют науке достаточного материала для раскрытия характера всех типов построек до IX в., очевидно, что общее развитие культуры этой эпохи непосредственно предопределило развитие зодчества в период Древней Руси и последующее развитие архитектуры на белорусской земле.

В IX—XI вв. территория современной Белоруссии вошла в состав западных земель Древнерусского государства. Этот период характе-

ризуется развитием феодальных отношений, принятием христианства, расцветом всех областей культуры. Появляются новые типы сооружений: княжеские хоромы, церкви, монастыри и др. Возникают и быстро растут многочисленные города, окруженные крепостными укреплениями. Зодчие Древней Руси заложили основы градостроительства и монументальной каменной архитектуры на территории Белоруссии. Лучшие памятники этого периода заняли выдающееся место в сокровищнице мировой культуры. Через свои западные земли Древнерусское государство оказывало культурное влияние на Польшу и Восточную Прибалтику.

В XII—XIII вв., в период феодальной раздробленности, на территории Белоруссии возникает несколько удельных княжеств, независимых от былой столицы — Киева. Наступает время политических и экономических столкновений, княжеских междоусобиц и войн. Продолжается дальнейшее развитие феодальных отношений, растут ремесла и торговля, что способствует новому росту городов. Для этого времени характерно глубокое выражение самостоятельной культуры каждого княжества на местной народной основе. Дальнейшее развитие получают уже известные с IX—XI вв. типы построек. Базируясь на многих традициях зодчества предшествующих столетий, они приобретают местные характерные особенности. Монументальные памятники архитектуры XII—XIII вв. в Полоцке, Витебске, Гродно и других городах — переосмысленные образцы древнерусского зодчества. По своему художественному и техническому уровню они стоят в ряду лучших памятников архитектуры Руси.

В XIV — первой половине XVII в. формируется белорусская народность. Этот процесс проходил в сложных исторических условиях, в обстановке возрастающего феодального и национального гнета. В результате развития экономических отношений укреплялись культурные связи между городами и отдельными районами страны, что создало предпосылки для формирования общебелорусской культуры. Развившаяся на основе высокой для того времени древнерусской культуры белорусская культура приобрела большое значение в Великом княжестве Литовском. Ожесточенная социальная и национальная борьба, как и частые войны, происходившие на территории Белоруссии, оказали прямое влияние на характер градостроительства и архитектуры. Большое внимание уделялось строительству развитых городских укреплений, крепостей, замков и оборонных храмов. Сохранившиеся памятники зодчества этого периода имеют характерные черты готики, ренессанса и раннего барокко. Специфика развития белорусской архитектуры на этом этапе заключается в том, что она в силу сложившейся исторической обстановки находилась в контакте как с русским, так и с восточноевропейским и отчасти с западным средневековым искусством.

Со второй половины XVI в. возрастает стремление народных масс Белоруссии и Украины к воссоединению с Россией. Народные волнения расшатывали устои Литовского княжества. Во время Ливонской войны обнаружилось, что литовским магнатам уже не хватает силы, чтобы удержать в повиновении народные массы. В этой связи в обстановке внутриполитического кризиса ими была подписана в Люблине в 1569 г. уния об объединении Литвы с Польшей в одно государство — Речь Посполитую. С этого времени и особенно в XVII—XVIII вв. отмечается наплыв в Белоруссию польских магнатов и католического духовенства. Приглашенные ими из Италии и других стран Западной Европы архитекторы сооружали великолепные дворцы, монументальные монастырские комплексы и костелы. В многочисленных постройках этого вида наивысшего расцвета достигла архитектура барокко. Этот стиль в Белоруссии получил своеобразную

трактовку, определившуюся местными условиями. Свои индивидуальные особенности сложились в деревянном строительстве в городах и селах. Особенно ярко они проявились в народном зодчестве, имевшем меньшую связь с общим стилистическим направлением в архитектуре.

Во второй половине XVIII в. Речь Посполитая находилась в состоянии экономического кризиса. Раздираемая классовыми и национальными противоречиями, она оставалась страной отсталой и слабой.

Воссоединение Белоруссии с Россией (1772—1795) было крутым поворотом в исторических судьбах белорусского народа. Это событие оказало большое влияние на подъем экономики, дальнейшее развитие культуры Белоруссии: она получила возможность мирно развиваться, была включена в общероссийский рынок, проводила крупные строительные мероприятия. Все это непосредственно или косвенно воздействовало на развитие архитектуры. Градостроительство вошло в русло государственной политики. Начались массовое переустройство белорусских городов, ансамблевая застройка и благоустройство их центров. В архитектуре новые, прогрессивные устремления определили пересмотр прежних художественных принципов. На смену стилю барокко приходит классицизм, который достиг своего наивысшего расцвета в первой трети XIX в. Плодотворное влияние русского зодчества обусловило рост архитектурного творчества в Белоруссии.

Со второй половины XIX в. Белоруссия вступает на путь капиталистического развития. Быстро развиваются промышленность и железнодорожный транспорт, растут и расширяются города, возникают новые типы сооружений, внедряются новые строительные материалы и конструкции. Развитие архитектуры Белоруссии шло в общем русле с русским зодчеством. В практике градостроительства консервировались сложившиеся планировочные структуры и системы застройки середины XIX в. Архитектурные течения этого периода носили в целом эклектичный и модернистский характер, что свидетельствует об упадке архитектурного творчества. Только Октябрьская революция вывела архитектуру Белоруссии из тупика и положила начало ее новому развитию.

ГЛАВА I

РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В ЭПОХУ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ

Архитектура древнейшего периода на территории Белоруссии известна нам далеко не полно. Это объясняется не только громадным историческим сроком, отделяющим наши дни от эпохи первобытнообщинного строя, но и недолговечностью применявшихся в то время строительных материалов. Тем не менее в самых общих чертах можно проследить ход развития зодчества в те далекие времена.

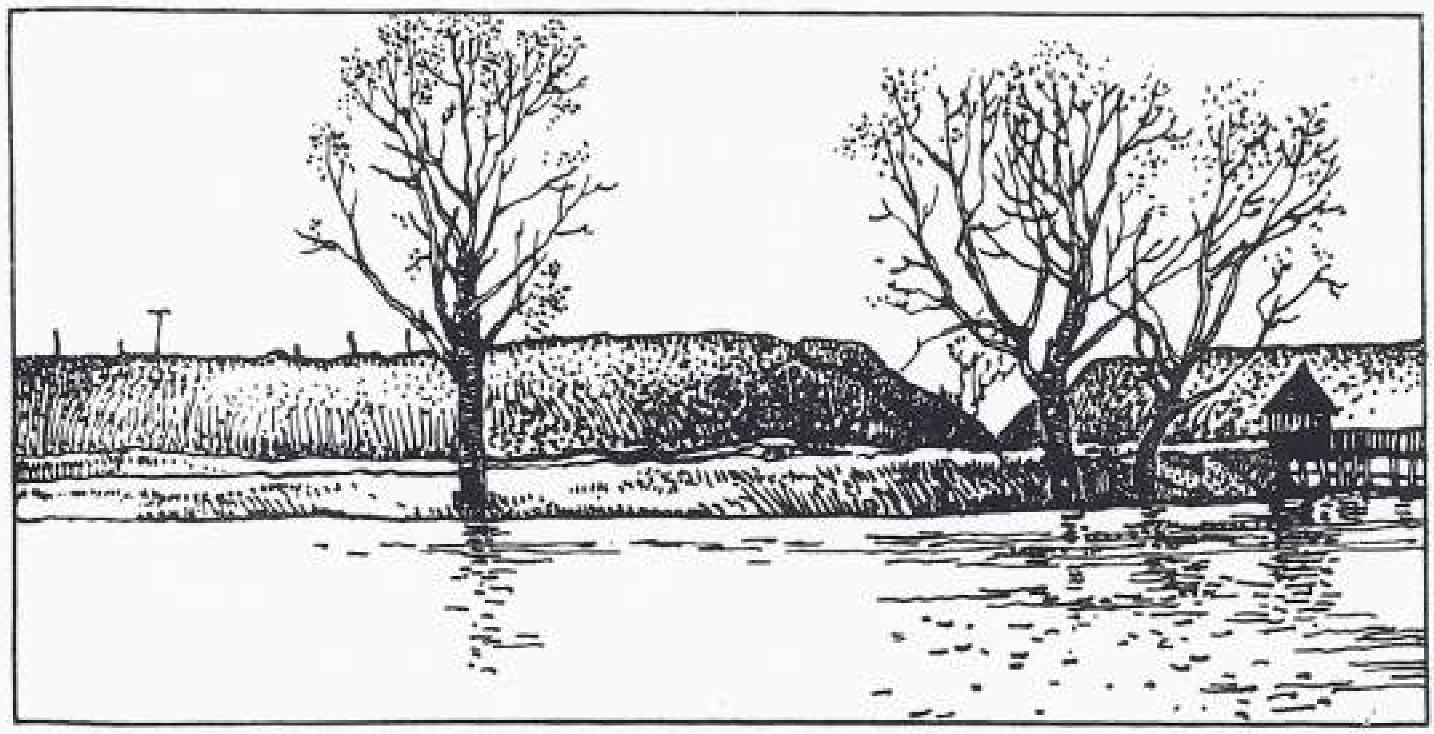
Археологические исследования на белорусских землях и в других местах Советского Союза показали, что ранний период развития зодчества был связан с возникновением *городищ* и *селищ*. Их появление связано с переходом общества к занятию земледелием и скотоводством. Городища — укрепленные поселения — преобладали; их насчитывают на территории Белоруссии более полутора тысяч. Часто городищам сопутствовали селища.

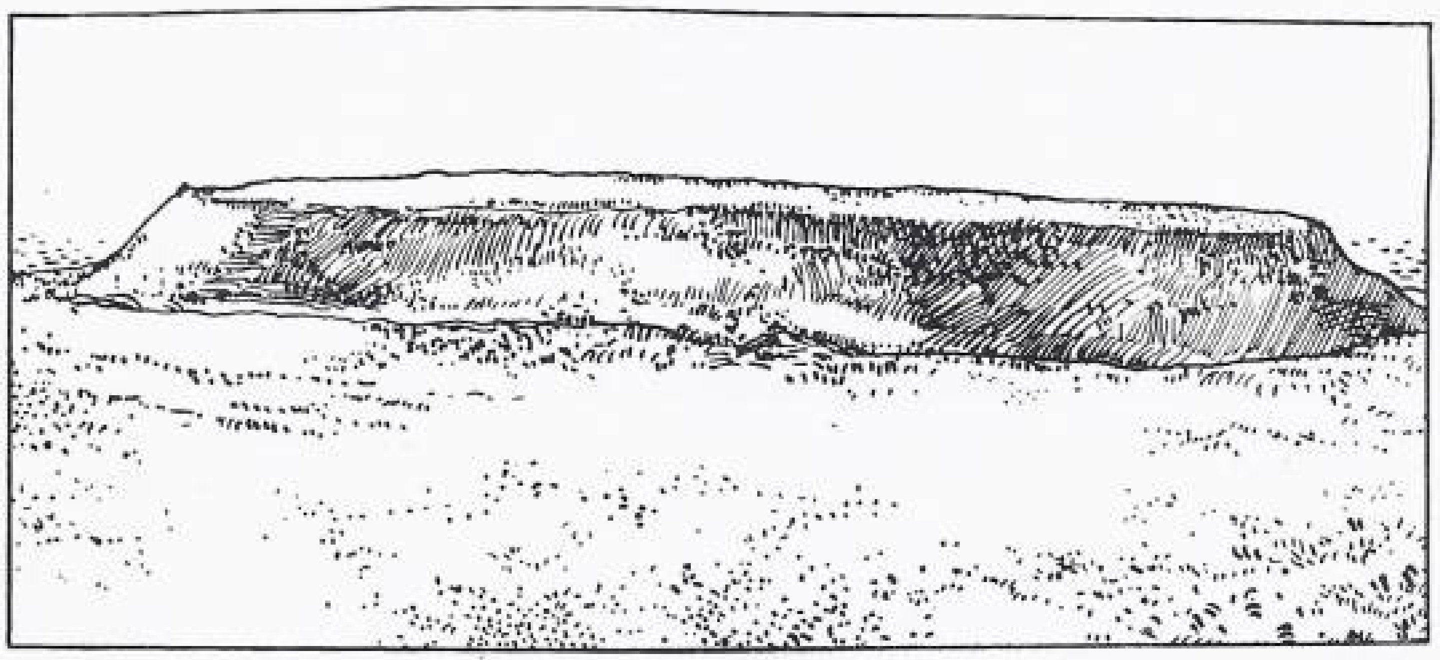
Большинство городищ располагалось на берегах рек, часто на мысах или в других более или менее труднодоступных местах. Кроме естественных, природных преград, городище обычно имело искусственные оборонительные сооружения в виде валов, рвов и деревянных стен — частоколов. Высота валов достигала 2,5—3 м. Многие городища, имея несколько валов и рвов, представляли собой настоящие небольшие крепости, защищавшие имущество рода от нападения врагов.

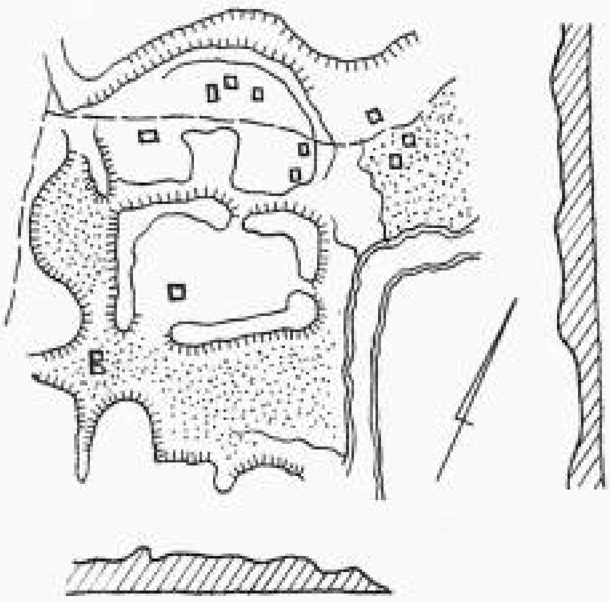
Городища получали самую разнообразную конфигурацию в зависимости от рельефа местности и очертания участка. Однако наиболее распространенной следует считать форму, близкую к овалу. В ранних поселениях хозяйственные строения размещались в середине городища, а вокруг них группировалось жилье. Во II—III вв. н. э. жилая застройка обнаруживается на всей территории городища.

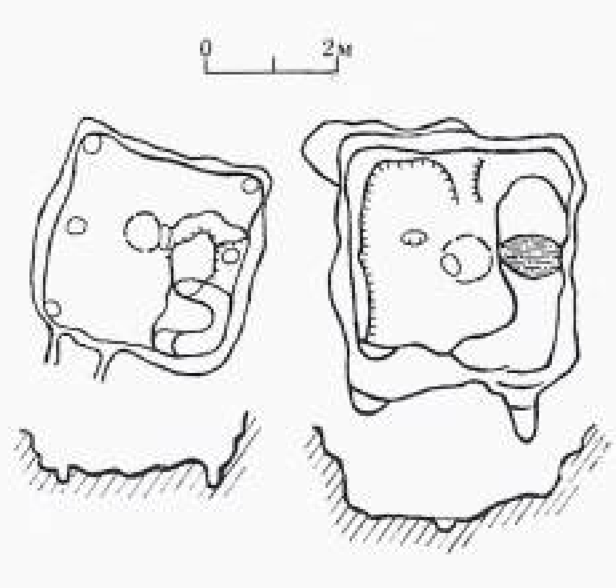
Городища восточных славян явились первыми архитектурными комплексами, продуманными в своей планировочной организации и органично увязанными с окружающей средой. В них уже складывались отдельные особенности, получившие распространение и дальнейшее развитие в архитектуре последующих периодов.

Наиболее древним видом строительства является возведение жилищ. В архитектуре жилищ обнаруживается прямая связь строительства с материальными потребностями жизни и природными условиями. Первоначально земля, глина и дерево были у восточных славян почти единственными материалами, применяемыми для возведения жилища. Использование разнообразных строительных материалов, в том числе камня и кирпича, относится к более поздним временам и связано с повышением уровня строительной техники. Только в течение длительного времени архитектура жилища, как и других видов сооружений, поднимается до уровня произведений искусства, а вначале она решала лишь самые простые, чисто утилитарные задачи.

Усилиями белорусских археологов удалось в общих чертах проследить основные типы древнейшего жилья на территории республики начиная с эпохи раннего железа (VII—V вв. до н. э.).

Характер жилых построек был обусловлен как социальной структурой общества, так и природными условиями и видами местных строительных материалов. Например, в южных районах, где было мало хорошего строевого леса, широкое распространение при строительстве землянок и полуземлянок получила глина. В северных, лесистых, районах определяющими явились срубные постройки. В средней части Белоруссии обнаруживаются жилые постройки как первого, так и второго типа.

Жилища древних обитателей Белоруссии были разнообразны. В ранних поселениях (I Моховское городище в Речицком районе Гомельской области) преобладают *однокамерные жилища полуземляночного типа*, углубленные в грунт на 0,3—0,6 м. Их площадь составляла 12—16 кв. м. Форма плана была различная: квадратная, прямоугольная, круглая, овальная. Вход в жилище имел вид выступа возле одной из стен или в углу. Внутри находился открытый очаг. В середине и по углам стояли столбы, которые поддерживали перекрытие и составляли каркас стен.

С течением времени жилища этого типа сменяются *надземными постройками столбовой конструкции*, которые обнаруживаются в культурах различных племен. Показательным в этом отношении

является городище у д. Чаплин (Лоевский район Гомельской области). Оно состояло из 25—30 жилищ, сгруппированных в центральной и западной частях поселка. Хозяйственные постройки располагались на южной и восточной окраинах. Вся территория городища (75×65 м) была окружена сплошным частоколом из массивных бревен. Жилища строились в основном надземного типа, размерами 16—24 кв. м. Конструктивную основу жилья составляли столбы, поставленные на расстоянии 1—2 м друг от друга. В них имелись пазы, в которые пропускались горизонтальные жерди. Такая конструкция была широко распространена и в позднейшие времена. Часто стены, сплетенные из прутьев, обмазывались глиной (городище у д. Горшково Речицкого района Гомельской области).

В средней полосе Белоруссии жилища периода патриархально-родового уклада (III—II вв. до н. э.) представляли собой *большие по размерам и протяженные в плане дома, расчлененные на помещения площадью 20—25 кв. м.* Такие многокамерные дома столбовой конструкции обнаружены на городищах близ д. Збаровичи и д. Лабенщины (Минская область).

Во II—III вв. н. э. здесь появляются *многокамерные дома меньших размеров.* Очевидно, такое жилье принадлежало одному общественному коллективу — большой патриархальной семье, внутри которой начался процесс разложения и выделения меньших по численности семейств.

Наиболее показательные остатки срубных жилых домов вскрыты на городищах близ д. Вязынка (Молодечненский район Минской

Городище древнего Турова

Городище на острове озера Освея

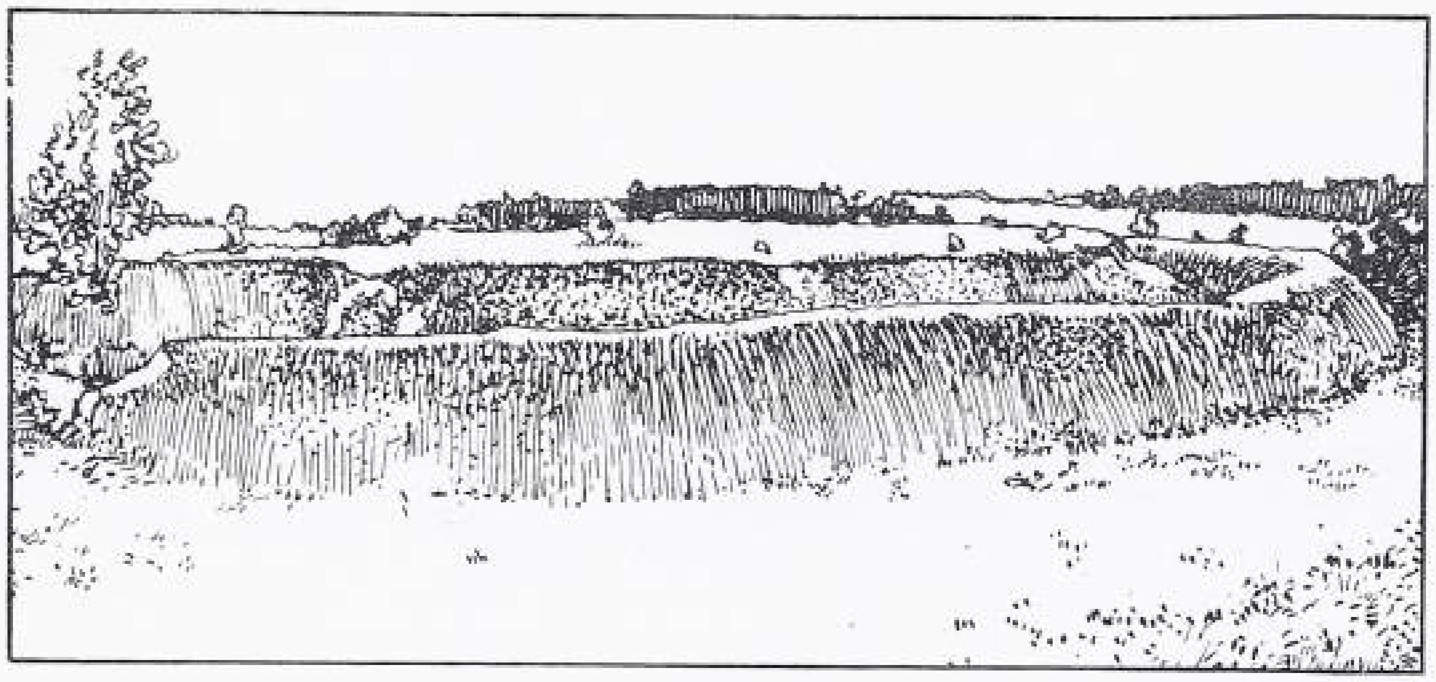
План древней части Друцка

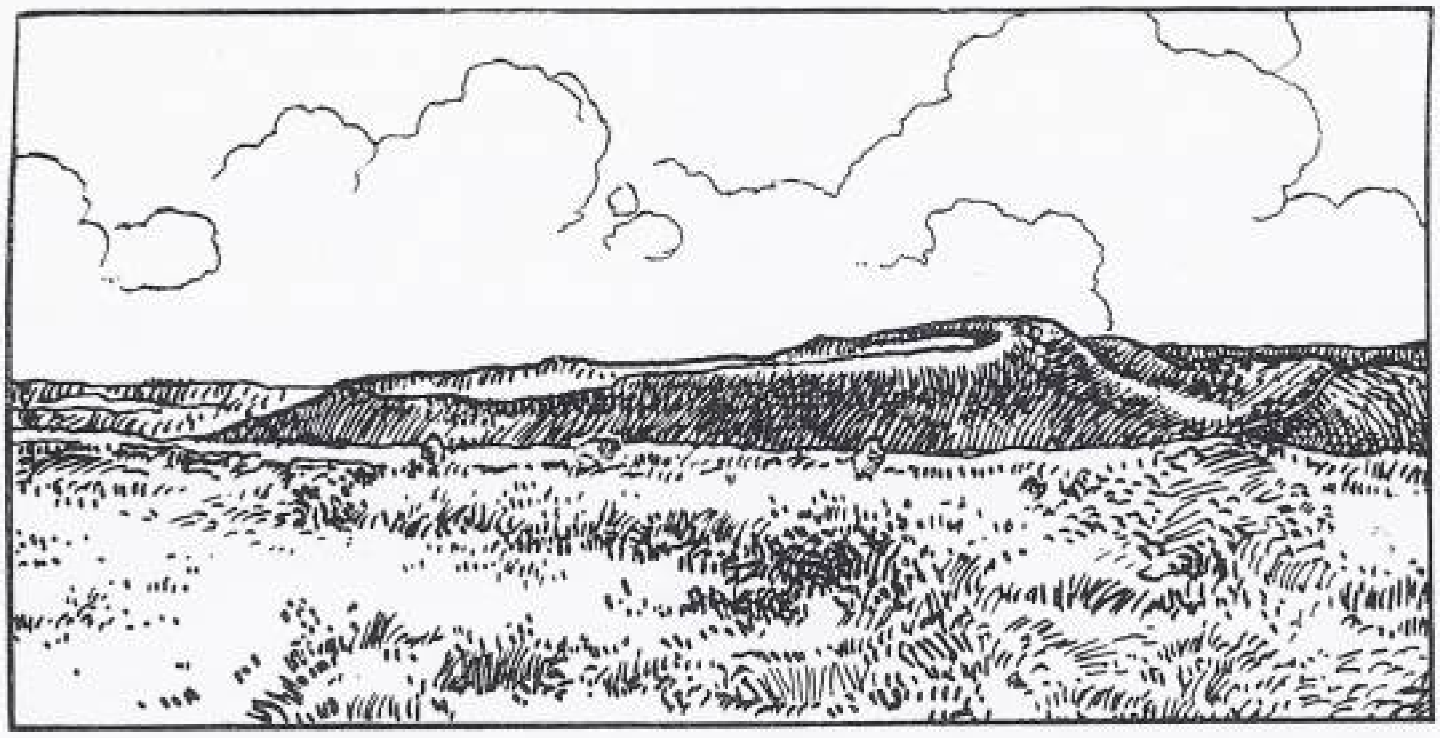
Планы и разрезы землянок в д. Чаплин

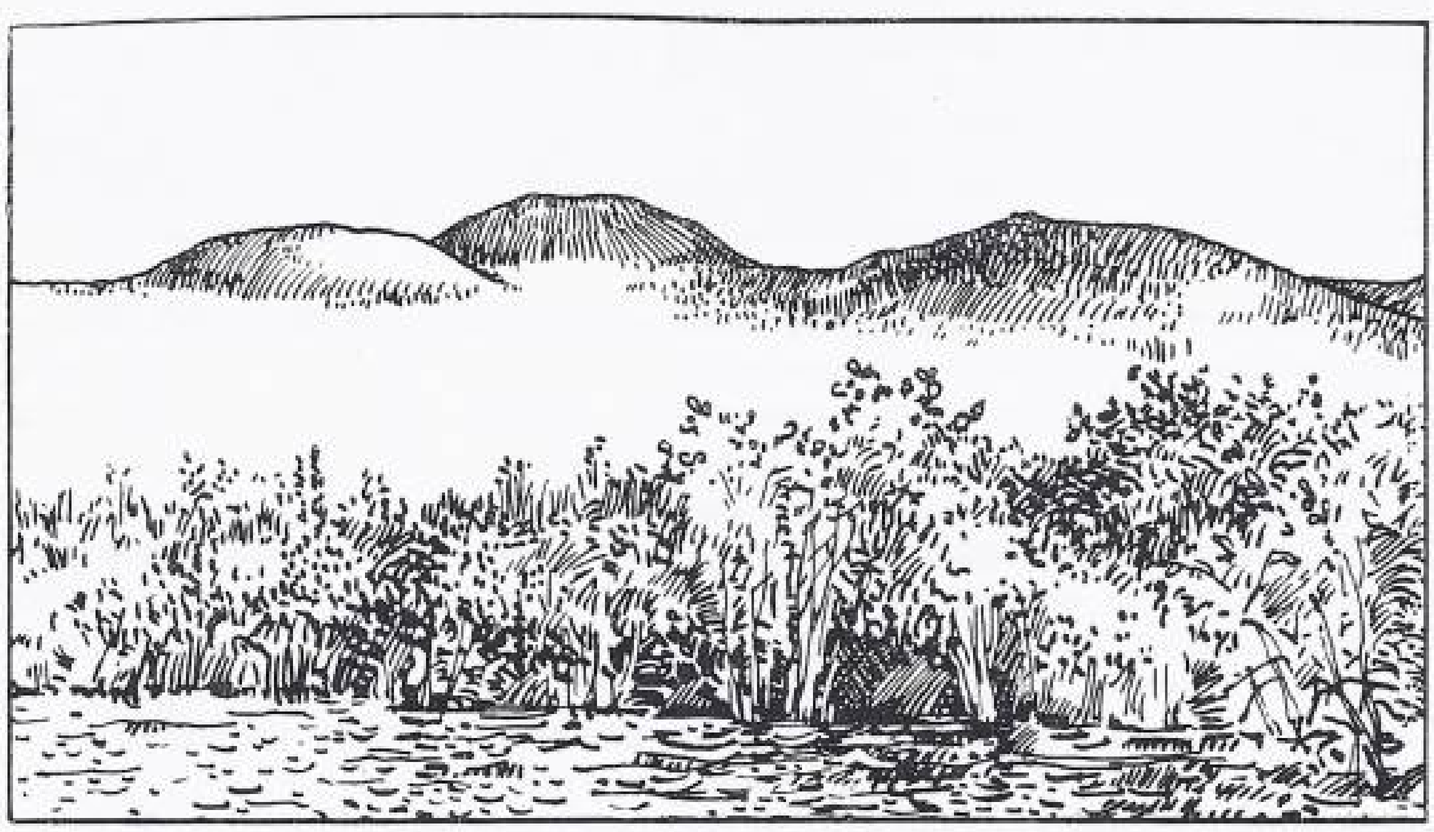
Расселение восточнославянских племен на территории Белоруссии

Землянки на селище Замковая гора, VI—VIII вв.

области) и д. Малышки (Кривичский район Минской области). Большое жилище на Вязынке состояло из трех неодинаковых помещений площадью 48, 32 и 26 кв. м, которые образовывали компактный план рядового жилья. На городище Малышки сохранились следы четырех надземных домов размером 18×7 м. Каждый дом членился на четыре одинаковых жилых помещения с очагами. Жилой комплекс городища характеризуется четкостью и известной регулярностью планировки. Деревянные стены построек были обмазаны глиной. Использование дерева и глины свидетельствует о появлении более утепленного и благоустроенного жилья, совершенствовании архитектурно-строительных приемов. Вероятно, из построек этой материальной культуры происходит древнейшее в Белоруссии срубное жилье.

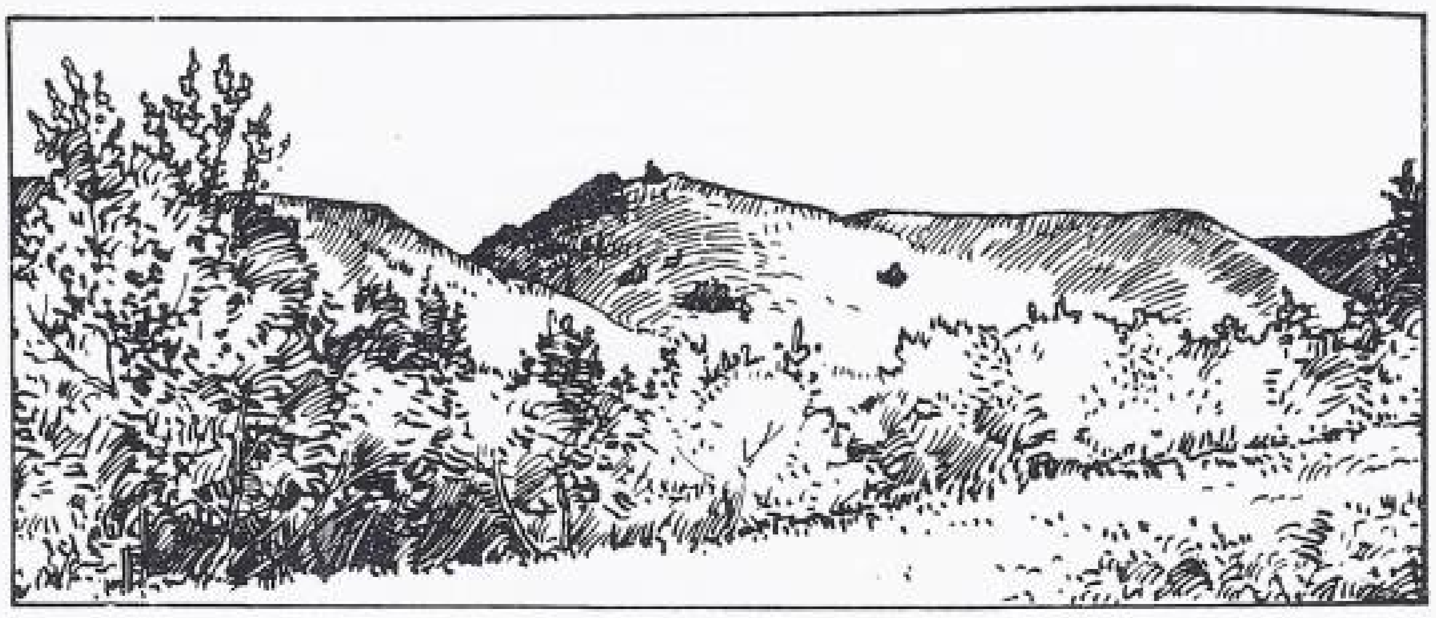

В IV—V вв. н. э. процесс разложения патриархально-родовых отношений на территории Белоруссии был вызван дальнейшим развитием производительных сил и в первую очередь пашенного земледелия. Появляются сельские общины, начальные родовые связи внутри которых постепенно слабеют, уступая место связям территориальным.

Новые социально-экономические условия привели к изменению характера поселений. Вместо традиционных ранее городищ развиваются открытые, неукрепленные поселения — селища, тяготеющие к пашне. Количество городищ сокращается, меняется их характер. Отныне они становятся центрами обмена, местами народных собраний или отправления религиозных обрядов. Вместе с этим городища на долгое время сохраняют роль цитадели — убежища от военных набегов. В дальнейшем на городищах поселялись знать, жрецы, воины и реже отдельные ремесленники. Такие городища часто располагались внутри крупных селищ.

Городище возле д. Хотомель (Столинский район Брестской области) непосредственно связано с открытым селищем, растянувшимся у его крепостных стен. Территория селища (около 1 га) была плотно застроена рядами полуземляночных жилищ, расположенных вдоль внешнего вала городища в 1—5 м друг от друга. На позднем этапе своего существования — в VIII—X вв.— это городище представляло собой поселение с мощными круговыми деревянными укреплениями. Состав археологических находок, как и планировочная организация городища, свидетельствует о превращении его в своеобразный поселок дружинников.

Комплекс в Хотомеле, существовавший приблизительно с VI в. и представляющий собой напластование различных культур, рисует наглядную картину перехода от патриархально-родового строя к классовому обществу. Его городище, населенное состоятельными дружинниками,— последний шаг к раннему феодальному укреплению.

Особенностью селищ являлись их большие размеры — до 5—7 га и более — и множество жилищ. На селище «Замковая гора» близ г. Бегомля (Докшицкий район Минской области) обнаружено свыше 300 полуземляночных жилищ. Каждое жилище рассчитано на одну семью. Его площадь не превышает 15 кв. м, форма плана четырехугольная. Получает дальнейшее развитие также срубный однокамерный дом, который к VIII—IX вв. становится преобладающим.

Таким образом, для территории Белоруссии периода разложения первобытнообщинного строя показательно разнообразие типов жилищ.

Городище Вищин

Городище с остатками валов близ Мазолова

Курганы близ д. Слободка на берегу Лукомльского озера, X в.

Языческий идол VI—X вв. (найден близ Шклова)

Городище с рвом и валом близ д. Старый Шклов

Древняя архитектура на территории Белоруссии представлена также монументальными сооружениями. Распространены были земляные *погребальные курганы*. Первоначально они служили коллективными родовыми усыпальницами. Позднее, с образованием классового общества, курганы стали местом погребения князей и дружинников. Форма и размеры их разнообразны. В середине и во второй половине I тысячелетия н. э. в отдельных районах Подвинья, Поднепровья, Понеманья и Буга строились длинные и удлиненные курганы. Первые из них имеют вид вала протяженностью до 80—100 м, шириной около 20 м и высотой 2 м; вторые не превышают 20 м при ширине около 10 м и высоте до 1,5 м. На смену таким курганам к IX в. появляются круглые, получившие повсеместное распространение.

Мемориальные курганы всех разновидностей представляют собой древнейшие произведения монументальной архитектуры.

Получить представление о других памятниках монументального строительства на территории Белоруссии, например о языческих храмах или святилищах, еще не представляется возможным. Можно лишь предполагать, что они были идентичны сооружениям такого же характера, найденным на территории России и Украины.

* * *

Между ранними и позднейшими по времени постройками восточнославянских племен, живших на территории Белоруссии, наблюдается преемственная связь. Их роднит прежде всего общий строительный материал — дерево, получившее широчайшее распространение в строительстве. Определяющую роль в использовании дерева играли его экономические и технические преимущества — обилие строительного леса и несложность обработки. Отмечается и комплексное использование дерева и глины. Известны также каменные сооружения того периода (например, захоронения со сводами вдоль рек Березины и Бобра). Остатки таких построек слишком малочисленны, чтобы по ним можно было судить о зарождении каменного зодчества. Даже образцы деревянного строительства пока представляются в самом общем виде по отдельным изысканиям археологов.

Несомненно лишь то, что на территории Белоруссии с древнейших времен существовала достаточно развитая материальная культура, в том числе и строительное искусство. Древние мастера не только знали технику срубовых и некоторых каменных конструкций, но и умели выбирать места для поселений, удобно организовывать и создавать надежную систему укреплений. Культура восточных славян явилась базой, на которой в новых социально-экономических условиях развивалась культура Древней Руси.

ГЛАВА II

АРХИТЕКТУРА ЗАПАДНЫХ ЗЕМЕЛЬ РУСИ ВО ВРЕМЕНА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (IX—XIII вв.)

Во второй половине IX в. возникло Древнерусское государство. Создание его ускорило процесс формирования древнерусской народности и укрепило международное положение Руси. К концу X в. на Руси распространилось христианство. Эта религия содействовала укреплению феодальных отношений, развитию государственности, взаимовлиянию с соседними странами. Связи с Византией (откуда пришло на Русь христианство) оставили заметный след в архитектуре этого периода. Создание монументальных православных храмов способствовало развитию строительной техники, искусства декорации, интерьера и пр.

Изменения, происшедшие в IX—XI вв. в экономике и социальных отношениях Древней Руси, создали условия для возникновения и развития городов. На западнорусских землях вырастают Полоцк, Витебск, Минск, Гродно, Орша, Пинск, Брест, Туров, Браслав, Волковыск и др. Города в большинстве случаев располагались на возвышенных местах, при слиянии рек. Например, Витебск при впадении р. Витьбы в Западную Двину, Гродно — р. Городничанки в Неман, Минск — р. Немиги в Свислочь, Полоцк — р. Полоты в Западную Двину, Орша — р. Оршицы в Днепр и т. д. Свое название многие города получили от рек (Витебск, Гродно, Орша, Полоцк и др.).

Центральное место в городе занимал укрепленный детинец (кремль), рядом или вокруг которого размещался ремесленно-торговый ряд. Такой прием был традиционным в древнерусском градостроительстве.

Экономический и политический расцвет Древней Руси вызвал быстрое развитие каменного строительства. По византийским образцам сооружались большие храмы, однако уже в первых постройках этого типа заметна национальная творческая обработка. Ранее повсеместно распространенный крестовокупольный тип культового здания в разных частях Древней Руси получает различные особенности сообразно с местными условиями и строительными материалами. Вместе с этим сохраняется общность древнерусской архитектуры. Полоцкий Софийский собор (XI в.) выполнен в формах, характерных для одноименных соборов в Киеве и Новгороде. Создание трех однотипных храмов в важных центрах будущих России, Украины и Белоруссии служит свидетельством общих истоков зодчества русского, украинского и белорусского народов.

В каменной культовой архитектуре Киевской Руси была широко распространена техника «полосатой» кладки из тонкого плитнякового вида кирпича — плинфы: кирпич через один ряд утапливался и затирался широкой полосой раствора так, чтобы фасадные стены получали полосатую двухцветную раскраску. Кладка такого типа встречается иногда и в церковных постройках периода феодальной раздробленности.

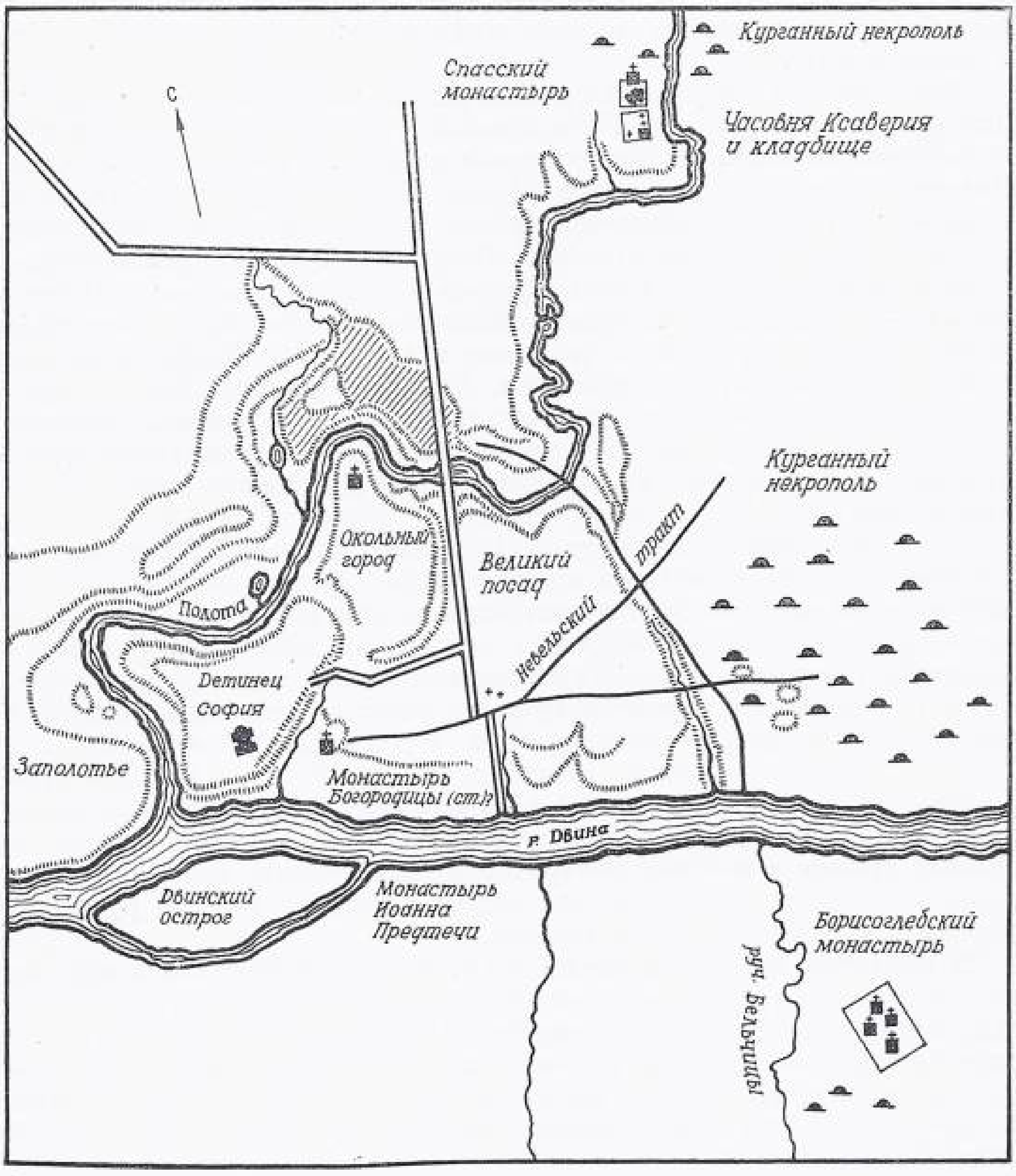
Интерьеры храмов обильно украшались фресками. К сожалению, фресковые росписи храмов до нашего времени частью не сохранились, а частью еще требуют выявления и реставрации для определения их исторического места в древнерусском искусстве.

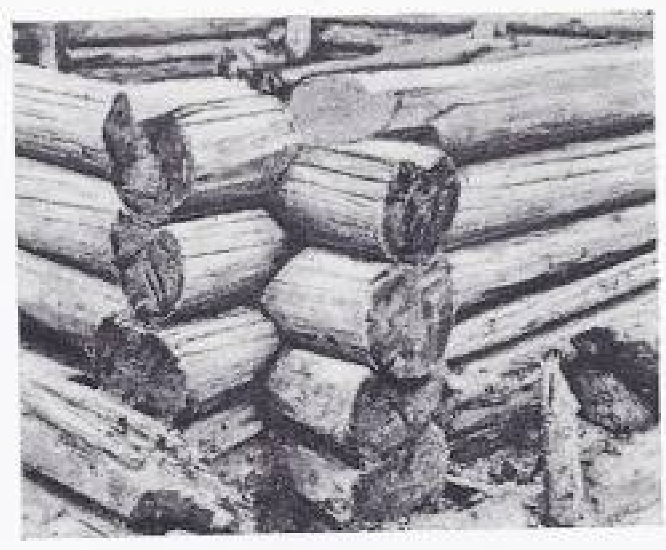

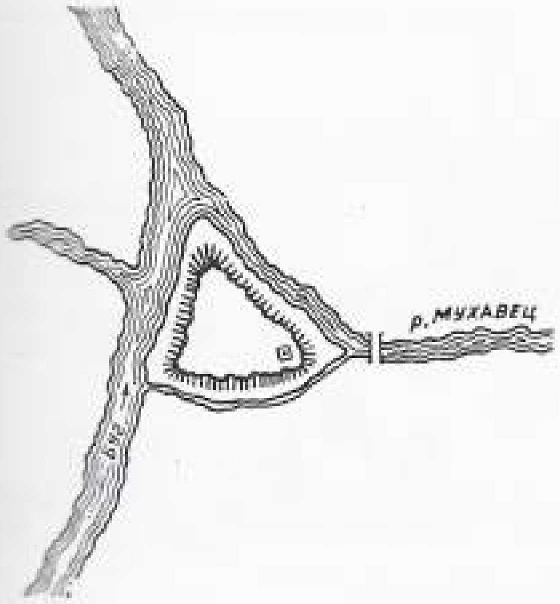
Период феодальной раздробленности, возникшей после распада Древней Руси, явился закономерным этапом исторического развития государства. Расширение крупного землевладения способствовало усилению политического значения знати и возникновению самостоятельных княжеств. Рост ремесленного и торгового населения вызвал создание новых и развитие старых городов.

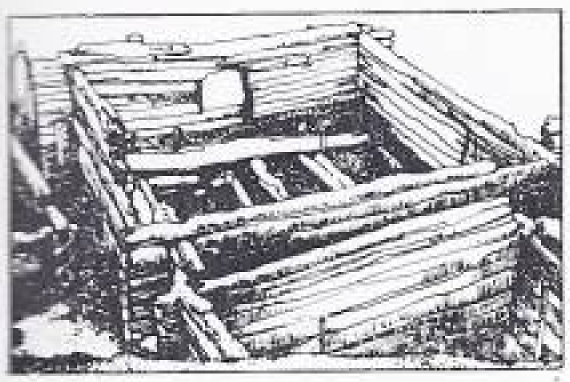
Идеология господствующего класса — феодалов, выступавшая в форме церковного мировоззрения, определила один из основных типов монументальных построек — *культовые здания*. Их отдельные образцы дошли до наших дней. Другие монументальные сооружения, образцы гражданской архитектуры, кроме оборонной башни в Каменце, не сохранились.

Развитие архитектуры на западнорусских землях протекало в традициях, сложившихся в период Древнерусского государства. Храмы как центральные постройки княжеской вотчины, монастыря или города были невелики, не имели той величественной монументальности, которая была присуща сооружениям периода централизованного

государства. Отмечается большое художественное разнообразие в архитектуре отдельных земель, формы и декоративные приемы теснее связываются с местным народным творчеством.

Наиболее характерным являлся трехнефный, четырехстолпный вариант церкви с одной главой, толстыми стенами и небольшим числом узких оконных проемов-щелей. Широкое развитие получают конструктивные и декоративные приемы, основанные на использовании местных строительных материалов.

В период феодальной раздробленности архитектура западнорусских земель при единстве, вытекающем из традиций зодчества Древней Руси, развивалась в нескольких самостоятельных направлениях, каждое из которых сохранило памятники, свидетельствующие о своеобразных путях становления местного монументального зодчества. На западных землях развились свои школы с талантливыми мастерами, которые воплощали в жизнь свои художественные понятия. Формы зданий, их конструкции, как и строительные приемы, совершенствовались сообразно с местными запросами и находили в каждом конкретном случае свое характерное выражение. Это разнообразие обогатило древнерусское зодчество.

Новые формы и приемы, сложившиеся в архитектуре западнорусских земель периода Древней Руси и феодальной раздробленности, нашли свое проявление и дальнейшее развитие в XIV — первой половине XVII в., в период формирования белорусской народности. В эпоху Киевского государства и феодальной раздробленности на территории Белоруссии широко развивается градостроительство. В течение IX—XI вв., согласно летописям, возникли города Полоцк (862), Туров (980), Заславль (конец X в.), Брест (1019), Витебск (1021), Минск и Орша (1067), Друцк (1092), Пинск (1097). Археологическими изысканиями подтверждено, что уже в XI в. существовали Браслав, Волковыск, Гродно, Новогрудок, Кричев.

В письменных источниках XII и XIII вв. упоминаются Слуцк (1116), Копысь (1116), Клецк (1127), Борисов (1127), Рогачев (1142), Гомель (1142), Мозырь (1155), Мстиславль (1156), Каменец (1196), Речица (1213), Несвиж (1223), Копыль (1247), Слоним (1252), Волковыск (1252), Кобрин (1287) и некоторые другие города. Большинство из них развилось из княжеских крепостей (например, Минск и Гродно), другие возникли из дофеодальных поселений (например, Полоцк). Некоторые города стали к XIII в. значительными экономическими центрами, другие мало чем отличались от укрепленных замков и усадеб феодалов.

Богатым и крупнейшим княжеством Древней Руси было Полоцкое, границы которого в конце XI в. достигли Рижского залива. Города княжества — Полоцк и Витебск были главными транзитными пунктами основного торгового пути Руси и славились как экономические и культурные центры. *Полоцк* относится к числу самых древних городов страны: он упоминается в «Повести временных лет» под 862 годом. Его раннее поселение возникло на месте укрепленного валами городища, расположенного в низовье извилистого притока Западной Двины — Полоты.

На рубеже X—XI вв. укрепленный центр города — детинец был территориально смещен на юг к месту впадения Полоты в Двину (Верхний замок). Площадь детинца достигала 7 га. Окольный посадский город (Нижний замок) сформировался между детинцем и старым городищем. Заполотье (Старый город) развилось также как посадское поселение. Таким образом, Полоцк получил к XI в. трехчастную структуру плана, где доминирующее положение в топографии занял детинец. От детинца и Окольного города вдоль Двины с годами начал развиваться Великий посад, самая обширная часть

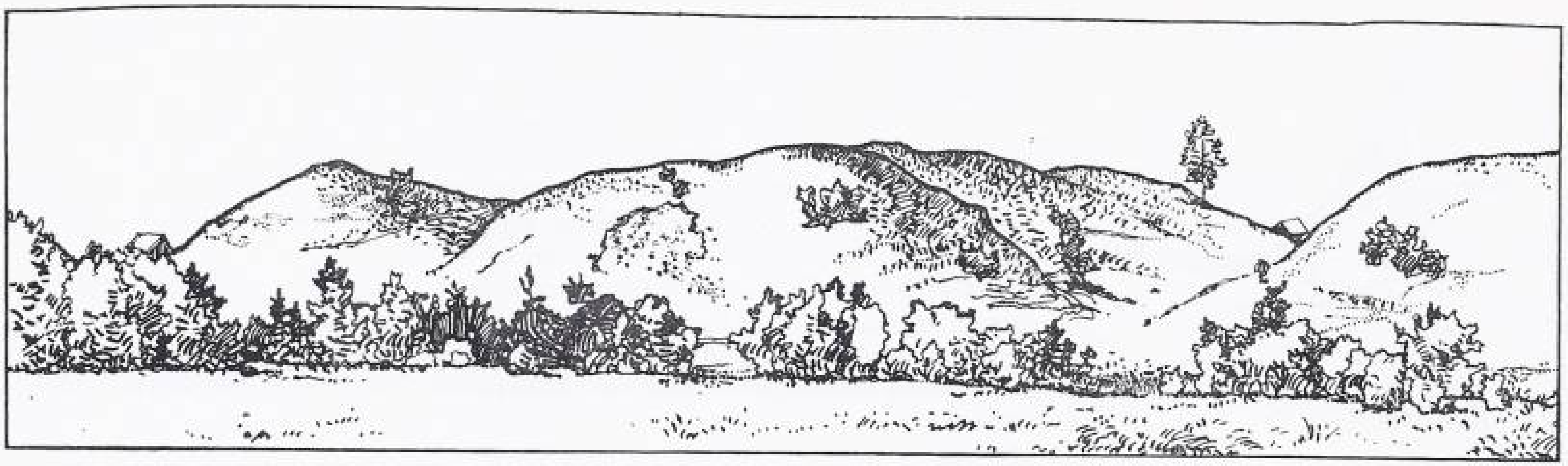
План древнего Полоцка (по Л. Алексееву)

Центры феодальных княжеств западных земель Руси в конце XII в.

Остатки сруба жилого дома в Полоцке, XIII в.

План детинца Берестья с обозначением места древней «вежи»

Срубы жилых домов в Берестье, XIII в.

города. К XII в. площадь Полоцка достигала 70—80 га, что свидетельствует о быстром росте городской территории.

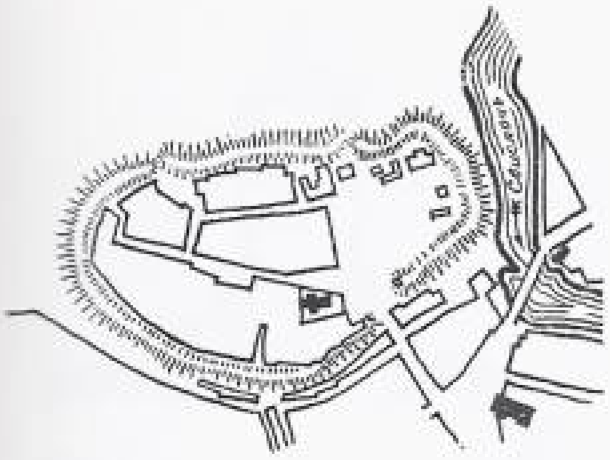
Подступы к городу охраняли два монастырских комплекса — Евфросиньевский на севере (в излучине Полоты) и Бельчицкий на юге (за Двиной).

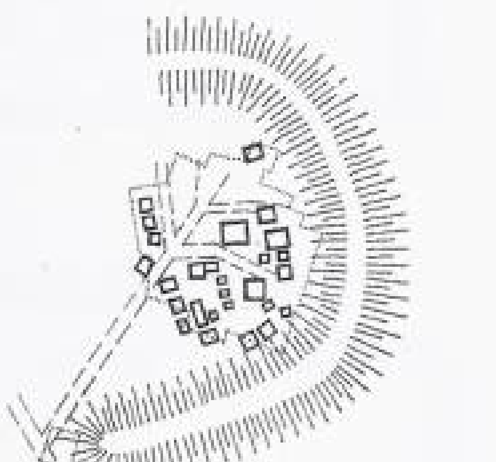
Каждая часть Полоцка на протяжении исторического развития имела ту или иную систему укреплений, однако основные оборонительные сооружения были сосредоточены вокруг детинца на высоком холме. Здесь за крепостными стенами разместился главный храм княжества Софийский собор, дворец князя, жилье феодалов, дружины, зажиточных ремесленников. Планировочная структура древнего Полоцка, сеть его основных улиц еще не определены археологами. Раскопки пока лишь свидетельствуют, что жилая застройка города формировалась стихийно, бессистемно. Улицы прокладывались между домами, а потому были извилистые и узкие. Обнаруженные остатки бревенчатых мостовых на лагах свидетельствуют о первых шагах развития городского благоустройства. Среди вскрытых нескольких десятков деревянных построек детинца Полоцка выделяется жилище (5×5 м) середины XIII в., где сохранились конструкция стен из шести венцов, глинобитная печь, бревенчатая завалинка.

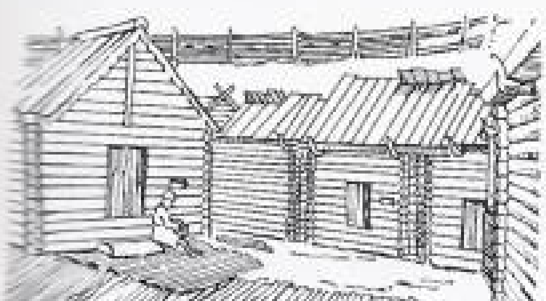
Замечательны находки последнего времени в древнейшей части *Бреста* — Берестье: остатки жилых и хозяйственных построек, дворовые настилы, парканы свидетельствуют о характере застройки древнего поселения в XI—XIII вв. Все вскрытые семнадцать построек различных строительных ярусов относятся к типу наземных однокамерных строений, в плане квадратных, срубной конструкции «в обло с остатком». Жилье имело протяженность стен от 3,2 до 4,4 м, материал — сосна и дуб. Сохранились постройки на 7—12 венцов, что позволяет судить об объемной композиции сооружений, форме и размерах дверных и оконных проемов, деталях дощатых крыш и пр.

Один из старейших городов Полоцкого княжества и всей Киевской Руси Друцк (XI в.), история которого оборвалась около XV в., сохранил до нашего времени черты организации древнейшего поселения. Возникший в гуще древнерусских поселений, на волоке между бассейнами Западной Двины и Днепра, он разместился на высоком правом берегу реки Друти. Построение укреплений двухчастное: детинец (1,0 га), обнесенный высоким, почти десятиметровым земляным валом и глубоким, до 12 м рвом, и окольный город (1,3 га), также окруженный валом и рвом. Посад, примыкающий полукругом к детинцу и окольному городу, не имел укреплений. Раскопки детинца показали, что его средняя часть была отведена под площадь (вероятно, здесь же стоял деревянный храм); в западной, наиболее

Городище в Друцке

Ворота «града» древнего Минска, XI—XII вв.

Замок на плане Минска, конец XVIII в.

План восточной части Минского замчища, XII—XIII вв.

Усадьба горожанина в древнем Минске, XIII в. (по Э. Загорульскому)

укрепленной части детинца, размещались княжеские хоромы; в южной части — по сторонам двух перекрещивающихся улиц, обстроенных простейшим срубным жильем (площадью около 16 кв. м), проживали ремесленники, обслуживающие княжеский двор.

Археологические изыскания, проведенные на территории Белоруссии, в известной степени воссоздают архитектурно-планировочную структуру и застройку древних городов. Показательными в этом отношении являются результаты раскопок и исследования по минскому «Замчищу».

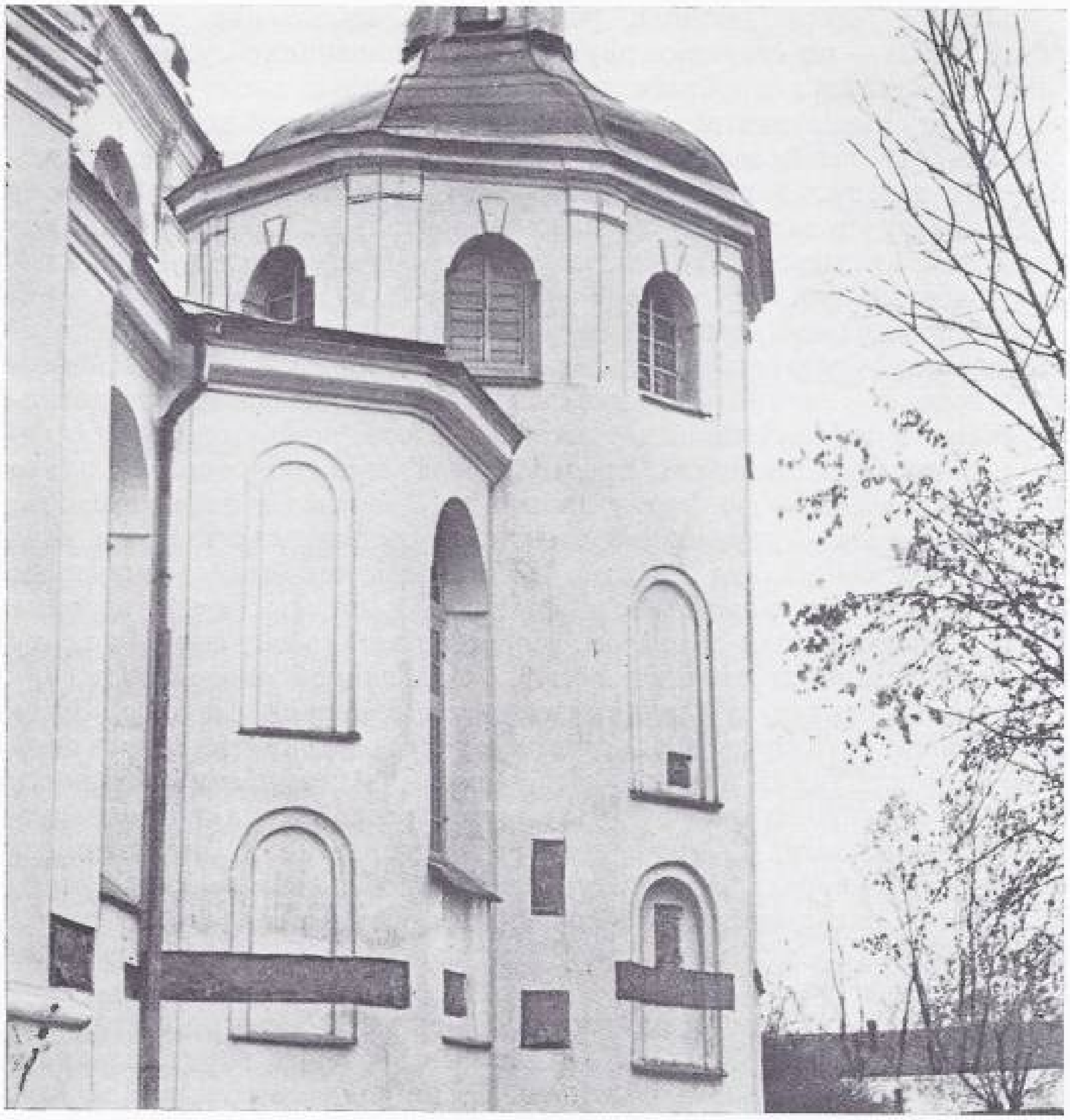
«Замчище» было детинцем раннефеодального Минска. Эта укрепленная часть древнего города располагалась на небольшой возвышенности у слияния рек Свислочи и Немиги. Ограничение детинца реками и заболоченной территорией с северной стороны обеспечивало ему стратегические преимущества при обороне. В плане детинец имел овальную форму площадью 3 га, был обнесен высоким земляным валом с деревянной стеной. Первоначально ширина вала у основания составляла 14 м; в дальнейшем он был расширен до 22—25 м. В толщу вала были заложены массивные бревна, которые явились своеобразным каркасом, укрепившим его склоны. По верху вала протянулась деревянная стена общей длиной около 800 м.

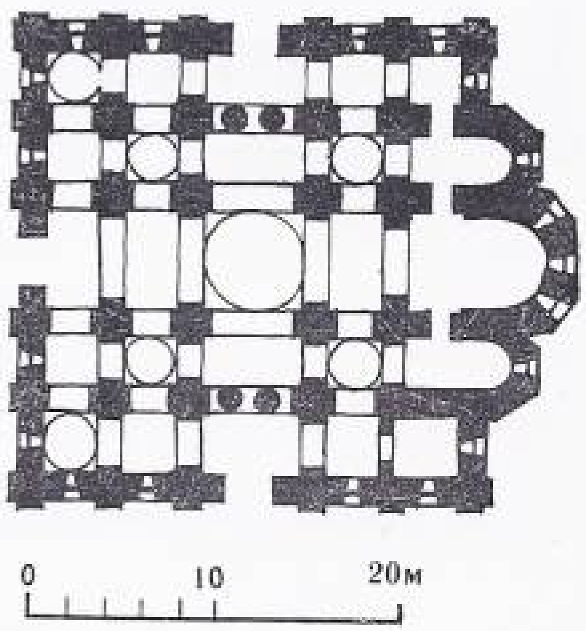
Въезд в детинец, очевидно, находился с южной стороны. Здесь обнаруживается разрыв вала, концы которого сдвинуты относительно друг друга. Такой прием, усиливающий защитные возможности крепости со стороны въезда, получил распространение в древнерусской фортификации. Въезд в детинец проходил через укрепленные двухбашенные ворота, воздвигнутые во второй половине XI в. Городские ворота складывались из срубов, поставленных друг на друга. Нижние срубы из дубовых бревен были заполнены землей и служили массивным основанием ворот.

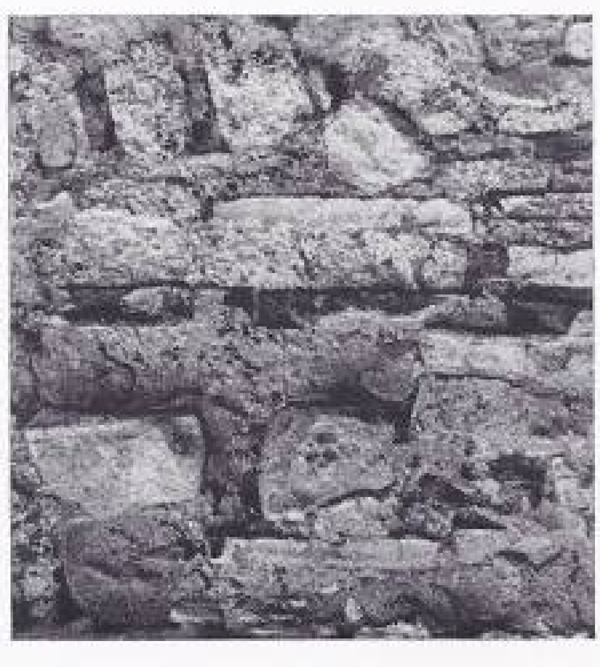
Планировка минского детинца не менялась в течение многих веков. Главная улица, бравшая начало от городских ворот, протянулась с юга на север вдоль Свислочи. Ее ширина не превышала 4 м. От главной ответвлялись три улицы более узкие. Все они имели деревянные настилы — мостовые. Территория детинца была разбита на отдельные участки под городские усадьбы, которые представляли собой расположенные вдоль улиц замкнутые дворы с жилыми и хозяйственными постройками, огражденными частоколом. Археологи отмечают стабильность городских усадеб: более поздние строения воздвигались на месте существовавших ранее, часто с использованием сохранившихся нижних венцов в качестве фундамента. Вполне возможно, что это явление было следствием высокой плотности застройки детинца. В этой связи можно предположить, что за владельцами городских усадеб закреплялись определенные участки.

С ростом экономического значения Минска и увеличением численности его населения территория детинца становится недостаточной. Город выходит за пределы крепостных стен, занимая соседние земли, наиболее пригодные для застройки. К югу от детинца в радиусе до 300 м обнаруживаются постройки городского посада XIII—XIV вв.

Археологами на минском «Замчище» открыто частично или полностью около 130 сооружений. Преобладающим типом жилых построек здесь, как и в других древнерусских городах на территории Белоруссии в IX—XIII вв., являлся срубный однокамерный дом площадью от 12 до 25 кв. м. Такие дома обычно рубились в простой угол («в обло») с остатком длиной 20—30 см. Однако обнаруживаются и постройки, рубленные более сложным строительным приемом («в лапу»). Первые венцы толстых бревен сруба клались пря-

мо на землю, а иногда на каменные валуны или деревянные плахи. Полы были дощатые, реже земляные. Подпольев в домах не обнаруживается. Глинобитная печь топилась «по-черному». Крыши домов, вероятно, были двускатными, что подтверждается материалами археологических раскопок. Столбовая конструкция отмечается преимущественно в хозяйственных постройках.

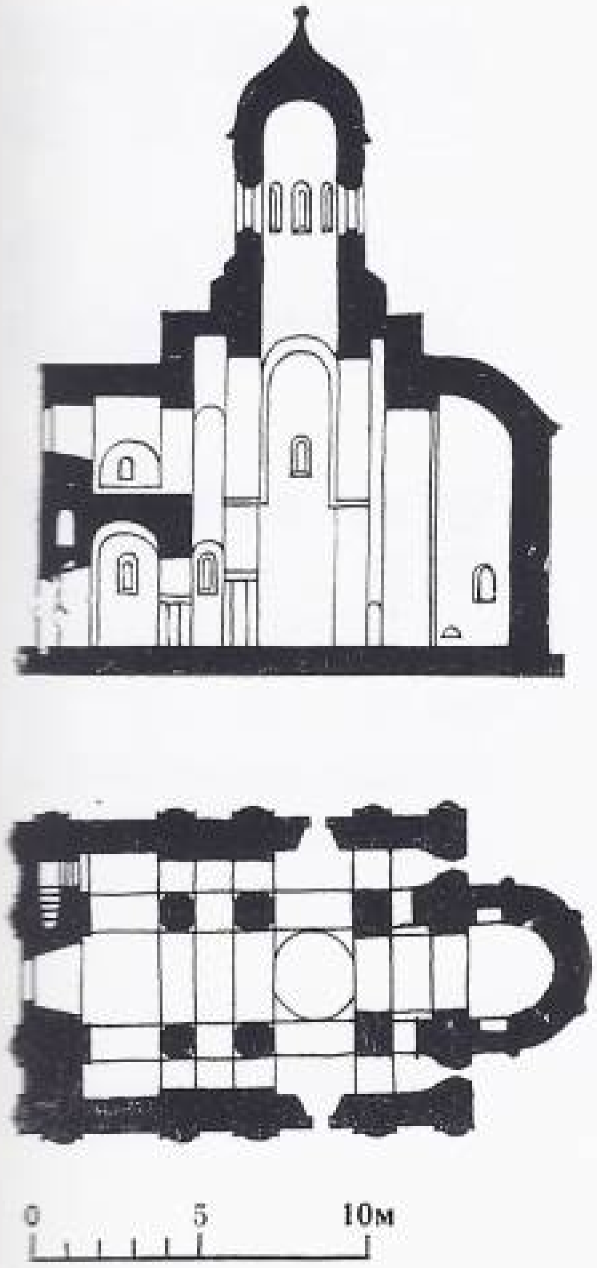
В целом организация как усадьбы, так и жилого дома горожанина отражает социальную структуру общества того времени.

Жилой дом стабилизировался как самостоятельная срубная постройка, собственность одной семьи. Имеются также сведения о планировочном разнообразии городских жилых домов срубной конструкции в зависимости от характера занятий и степени состоятельности их обитателей.

Выразительная художественная характеристика жилых домов горожан и тем более хором феодалов позволяет предполагать, что к этому времени в государстве было много высококвалифицированных плотников и мастеров — «градодельцев».

* * *

Первым из числа выдающихся культовых сооружений западных областей Руси можно считать *Софийский собор* в Полоцке, заложенный между 1044 и 1066 гг. в связи с широкими политическими планами полоцких князей. О первоначальном виде собора имеются противоречивые сведения. В одних источниках он указан как семи-

главый, в других — пятиглавый. В XVIII в. памятник был полностью видоизменен перестройками; верх его надстроен, главы исчезли, появились две башни на главном фасаде; храм был превращен в униатскую базилику в барочной обработке.

От собора остались только отдельные части фундаментов, три апсиды, склеп и фрагменты внутренних столбов. Сохранившиеся фрагменты позволяют полагать, что в прошлом памятник представлял собой такое же центрическое сооружение, как и Киевская София, но с некоторыми изменениями и упрощениями по сравнению с последней. Его план в форме квадрата был разделен на пять нефов, перекрытых развитой системой сводов. Выделение трех средних нефов создает иллюзию вытянутости внутренней части собора и приближает его к базиликальным постройкам. Обширные П-образные хоры с аркадами в интерьере придавали ему вид парадного двора, обстроенного галереями и перекрытого куполом. Нарядность интерьера усиливалась многокрасочными фресками.

Введение граненых апсид, столь типичных для деревянных храмов, является одной из особенностей полоцкого Софийского собора. Ни в Киеве, ни в Новгороде такие апсиды не встречаются. Отличительной чертой собора является также отсутствие внешних обходных галерей и башен. Благодаря этому наружный объем храма был более компактным и динамичным.

Софийский собор в Полоцке — первый и еще робкий пример памятника, в котором проявляются черты, свойственные искусству Полоцкой земли. После Софии, преимущественно в XII в., здесь появляются многочисленные памятники с оригинальной интерпретацией крестовокупольной системы.

Широта диапазона, богатство типов и разнообразие строительных приемов составляют отличительные особенности архитектуры, созданной на белорусской земле в то время. Наиболее яркими и характерными образцами зодчества XII в. являются собор Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке, церкви Благовещения в Витебске и Борисоглебская, или Коложская, в Гродно.

Собор Спасо-Евфросиньевского монастыря, построенный между 1128 и 1156 гг. зодчим Иоанном, представляет собой шестистолпную одноглавую постройку. В ней отразились особенности общего направления древнерусского зодчества XII в. — небольшие размеры, простота плана, монументальность внешнего вида, достигнутая скупыми художественными средствами.

Первой характерной чертой Спасо-Евфросиньевского собора как памятника Полоцкой земли можно считать преобладание наружного объема над внутренним, а также ярусность наружной композиции. Источником ярусного построения было народное деревянное зодчество. Особенно заметно его влияние в решении подкупольного постамента, состоящего из четырех трехлопастных арок. Зодчий воспроизвел в кирпиче деревянные «бочки», которые нарубались под покрытиями каменных зданий. Этот прием развился впоследствии в излюбленный мотив русской архитектуры XV—XVI вв. — многоярусные декоративные кокошники.

Характеризуя Спасо-Евфросиньевский собор, нельзя обойтись без сравнения его с Софией. В обоих сооружениях в построении внутреннего пространства и наружного объема можно обнаружить общие принципы, хотя осуществлены они различными приемами. В планах наблюдается сочетание некоторой базиликальности со средним квадратом; снаружи — общая центрическая композиция с нарастанием масс и группировкой вокруг главного барабана остальных объемов. Все это является в известной мере доказательством единого направления в архитектуре древнего Полоцка.

Софийский собор в Полоцке, XI в. — фрагмент восточного фасада, план (реконструкция) и кладка стены апсиды

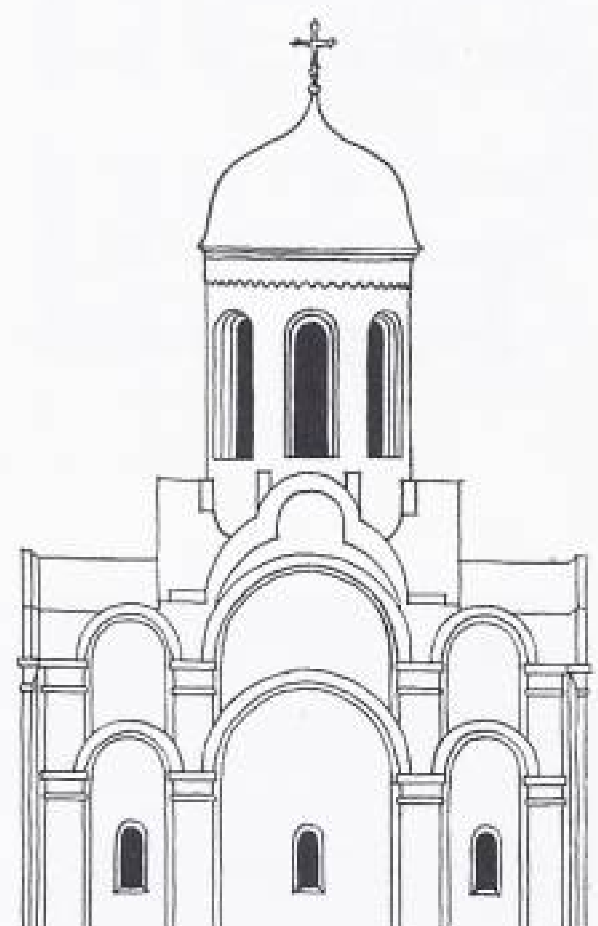
Разрез и план собора Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке, XII в.

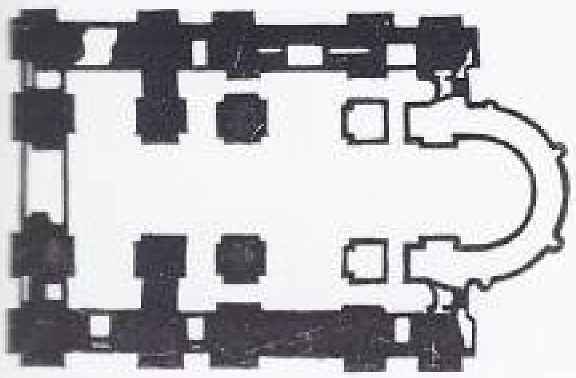

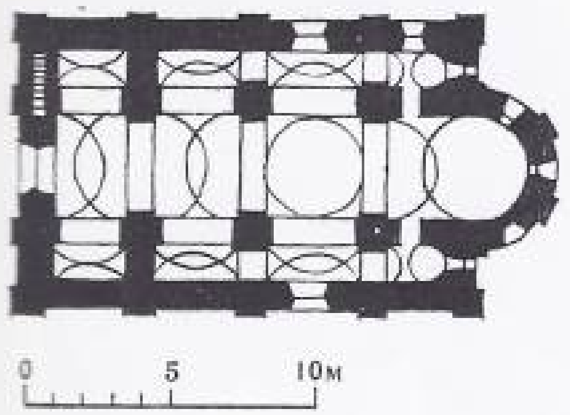
В Полоцке известны еще четыре памятника культового строительства XII в. — храмы Борисоглебского монастыря в пригороде Бельчицы на левом берегу Западной Двины. Данные летописей, литературных источников и материалы археологических раскопок указывают на обилие монументальных каменных построек в этом районе, подтверждая мысль о существовании здесь укрепленной княжеской резиденции (Воронин). Каменные крепостные стены комплекса были разрушены еще в XVII в., а в XIX — начале XX в. разобраны заброшенные и сильно обветшавшие церкви и другие постройки.

Сейчас установлено, что храмы Бельчиц различаются своими масштабами, планировочными особенностями и объемной композицией, свидетельствуя о многообразии понятия архитектурного творчества, широком диапазоне строительного мастерства. Здесь и небольшая церковь-усыпальница, воздвигнутая под влиянием деревянного зодчества: бесстолпная постройка с прямоугольной апсидой; и оригинальная церковь с трансептом, план которой растянут, как в базиликальных храмах; и величественный трехапсидный собор.

Выделяется в монастыре *церковь Бориса и Глеба,* построенная зодчим Иоанном несколько раньше собора Спасо-Евфросиньи. Между обеими постройками имеется композиционная общность: ступенчатое, ярусное построение завершающей части. Все постройки Бельчиц характеризуются одинаковой техникой двухцветной полосатой кладки из кирпича-плинфы наподобие кладки церкви Спаса на Берестове в Киеве (конец XI — начало XII в.). Контраст цветов усиливался за счет покраски мумией выступающих рядов кирпича. Дальнейшее изучение остатков бельчицких церквей даст ценный материал по архитектурной школе Полотчины, ее художественным связям с различными землями Руси.

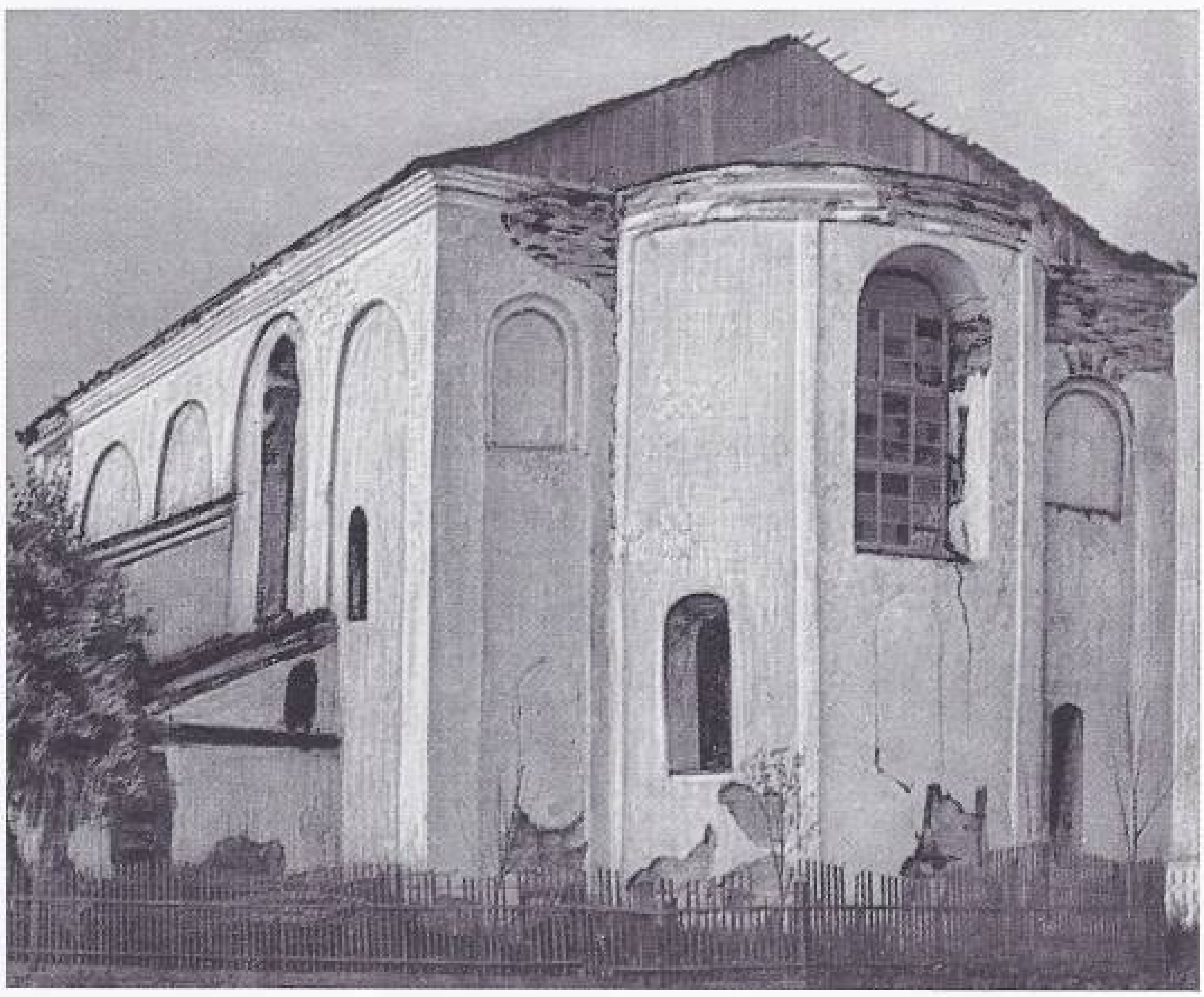

Витебская Благовещенская церковь XII в. примыкает к полоцкой группе храмов. Ее вытянутый план, расчлененный шестью столбами на три нефа, напоминает план Спасо-Евфросиньевского собора. Здесь также средний неф значительно больше боковых; в западной части храма разместились хоры с лестницей в толще стены. В Благовещенской церкви, как ни в каких других постройках этого периода, определилась базиликальность. Таким образом, можно прийти к выводу, что уже в XII в. в западнорусском зодчестве начал складываться новый для этих мест тип храма — прямоугольная базилика, получившая в дальнейшем, особенно в XVII—XVIII вв., широкое распространение в белорусской архитектуре.

Своеобразные черты древнерусского зодчества на Гродненской земле представлены особенно полно в *Нижней и Борисоглебской (Коложской) церквах* XII в. на Замковой горе в Гродно. Сохранившаяся в развалинах Нижняя церковь, очевидно, была соборным храмом гродненской крепости. По остаткам стен (их высота в отдельных местах превышает 3 м) можно заключить, что постройка представляла собой небольшой цельный объем с одной главой. План трехнефный, четырехстолпный. Расположение подкупольных столбов указы-

Собор Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке, XII в.— современный вид и главный фасад (по Н. Брунову)

План Борисоглебской церкви в Бельчицах, XII в.

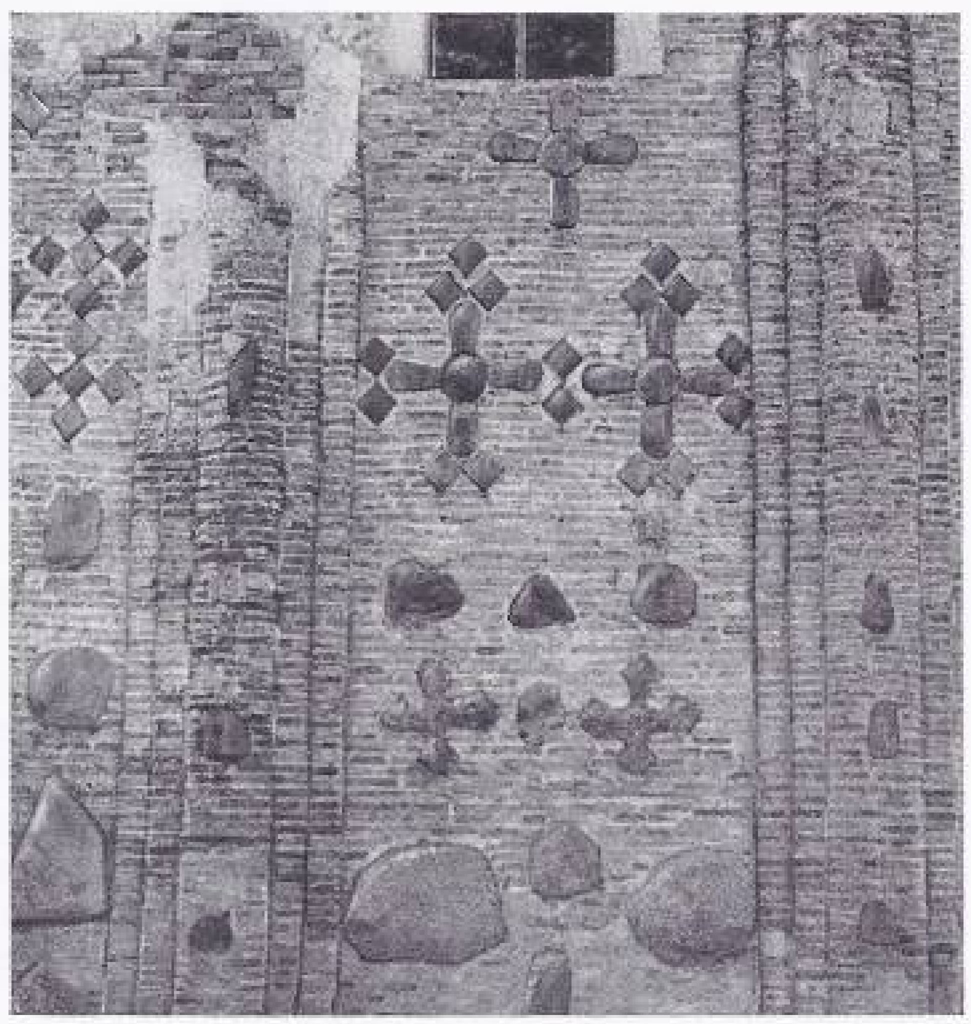
Благовещенская церковь в Витебске, XII в.— план (реконструкция) и общий вид (фото 50-х годов)

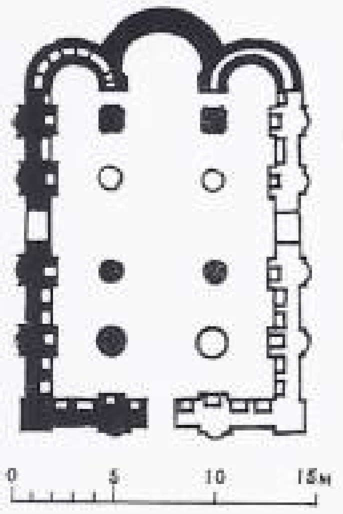
вает на сдвиг купола к западу, к центральному входу. Такой прием не традиционен для других школ древнерусского зодчества.

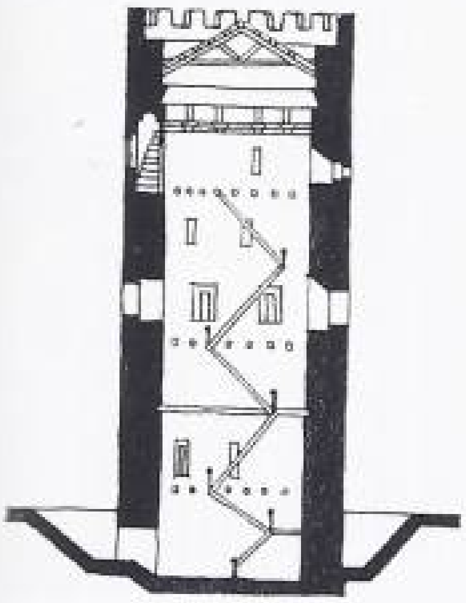
В конструктивном отношении храм примечателен бессистемной кладкой: ряды плинфы укладывались без перевязки вертикальных швов, а в толщу стены вмуровывались валуны и глиняные кувшины-голосники, как для облегчения стен, так и для улучшения звучания в интерьере. Гранитные валуны раскалывались на две части и вкладывались в стену плоской стороной наружу, которая в отдельных случаях полировалась. Цвет камня самый различный — от розового до красного, от серого до черного. Его применение в кладке с ис-

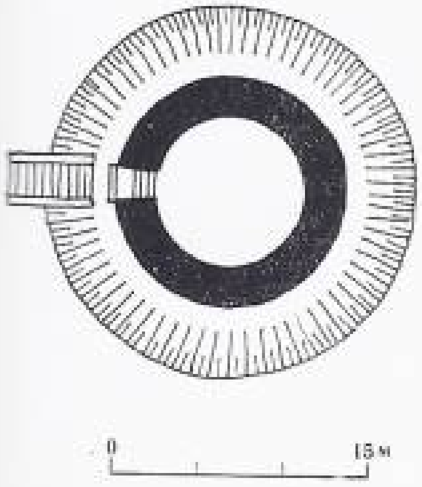

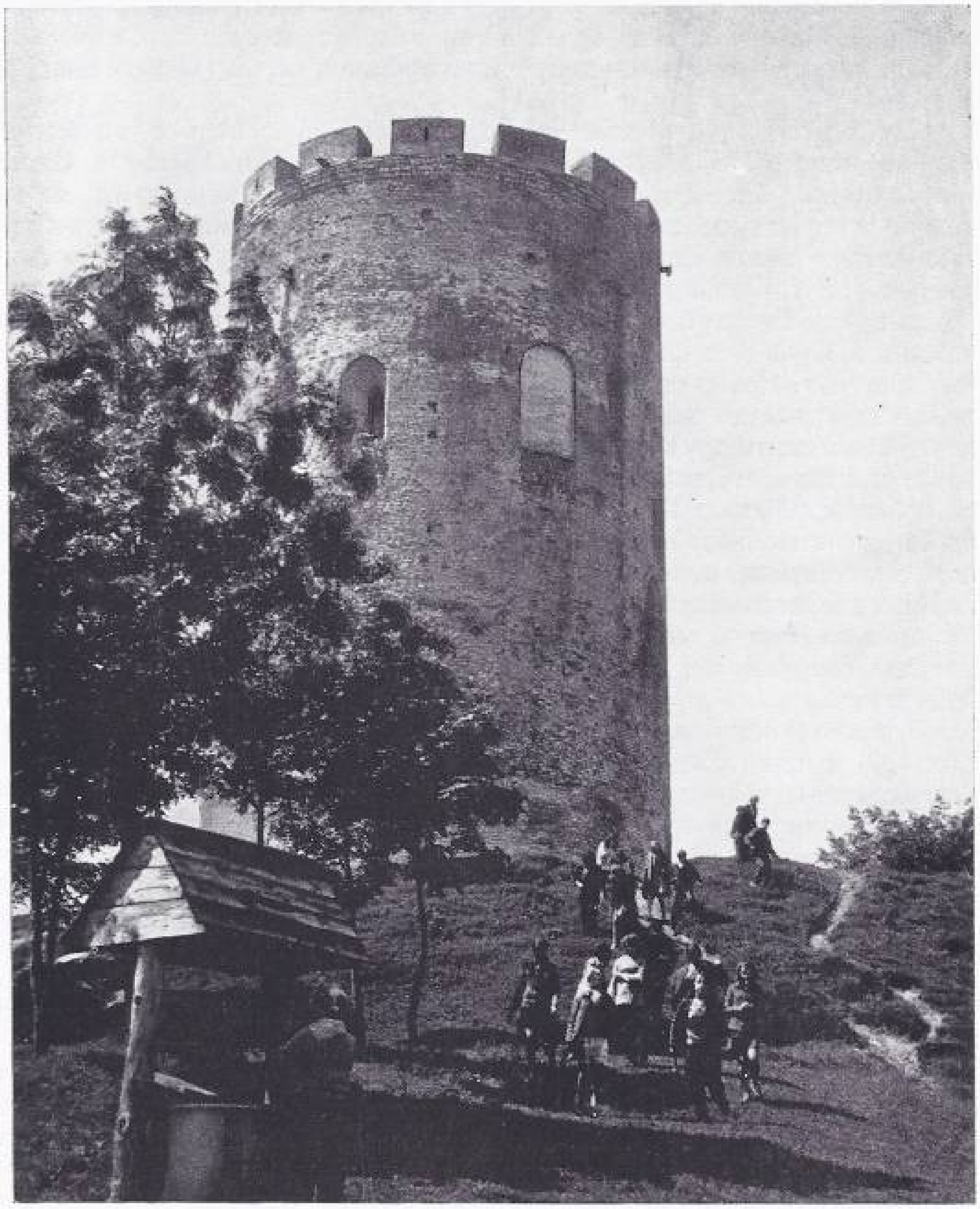

пользованием различных способов обработки поверхности придавало фасадам живописность.

Красочность фасадов церкви еще более усиливалась керамическими вставками, покрытыми глазурью коричневого и зеленого цвета. Таким образом, по существу, главным художественным средством в декоративной обработке стен была полихромия. Она продолжена и в интерьере, где полы представляют собой набор красочных майоликовых плиток, плинфы, полированных камней. Разноразмерные плитки зеленого, желтого и коричневого цвета имеют квадратную форму и образуют орнаментальный ковер большой художественной выразительности.

Борисоглебская церковь относится к шестистолпным, трехапсидным храмам крестовокупольной системы. По своей архитектуре она родственна Нижней церкви: та же компактность объема, однокупольное завершение, конструкция стен с использованием валуна, декоративная обработка фасадов. Однако имеются и отличительные черты. Это более тщательная кладка плинфы с вкраплением в нее более мелких валунов, относительно тонкие стены и круглые в сечении

Борисоглебская (Коложская) церковь в Гродно, XII в.— общий вид, фрагменты апсиды и северной стены, план

Каменецкая, или Белая, вежа, XIII в.— разрез, план (по В. Суслову), общий вид

столбы. Утонение несущих конструкций стало возможным не только благодаря применению в сводах и верхних частях стен керамических голосников, но и повышению прочности кладки ограждающих поверхностей.

Как и в Нижней церкви, в Борисоглебской основное внимание зодчего было сосредоточено на живописном решении фасадов. Здесь также стены убраны каменными и керамическими вставками, но их подбор и сочетание намного богаче. Особенно красивы глазурованные плитки желто-золотых и бирюзово-зеленых тонов. Почти восемьсот лет они украшают фасады храма, но не потеряли сочности и чистоты цвета. Создается иллюзия инкрустации фасадов драгоценными камнями. Красочен пол церкви: он мастерски выполнен в майоликовых плитках. Ковер из плиток богатой цветовой палитры — основная тема в оформлении внутреннего пространства церкви. Нелегко найти другой памятник древнерусского зодчества, в котором использованию цвета в архитектуре было бы придано такое значение, как в Борисоглебской церкви в Гродно.

К ранним образцам каменного монументального зодчества на белорусской земле относятся *оборонно-сторожевые башни*. Башня в г. Каменце, известная как *Белая вежа*, сохранилась в хорошем состоянии до наших дней. Она представляет собой типичное оборонительное сооружение, назначением которого была охрана границ государства.

В плане башня имеет циркульное очертание с наружным диаметром 13,6 м при толщине стен 2,5 м. Общая высота ее 29,4 м. Фундаменты, стены и свод башни выполнены из темно-красного и желтоватого кирпича размером 24×14×8 см на известковом растворе с крупнозернистым песком. Пять ярусов — этажей башни соединены между собой внутренней деревянной лестницей. Общая площадь этажей достигала 300 кв. м и могла вместить много воинов. Внешний вид вежи необычайно прост: пояс и зубцы завершения — единственный пластический элемент башни. Сильное художественное впечатление создает расположение ее на насыпном холме, монолитность массива и лаконизм деталей.

Истоки своеобразия Каменецкой вежи следует искать в местных условиях строительства, а также во влиянии архитектуры соседних западных земель. Уместно сказать, что в Польше XIII век явился переходным от романской архитектуры к готике.

Время строительства вежи в Каменце определяется второй половиной XIII в. В этот же период был построен «столп» в Гродно, упоминание о котором ныне можно отыскать в Ипатьевской летописи (1277). Как и гродненская башня, вежа в Каменце не была одиноким оборонительным форпостом, а входила в комплекс крепостного укрепления.

Постройки культового и гражданского назначения, восходящие к XII—XIII вв., обнаружены археологическими раскопками в Волковыске, Новогрудке, Турове и других городах республики. Остатки этих сооружений — материальные свидетельства развития каменного зодчества в самых противоположных концах белорусской земли, выработки на местах своих приемов строительства и художественного решения.

Высокая культура Древней Руси явилась благодатной основой для формирования и дальнейшего развития всех областей белорусского искусства и архитектуры в XIV — первой половине XVII в.

ГЛАВА III

АРХИТЕКТУРА ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ (XIV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII в.)

Становление и развитие белорусской культуры проходило в сложных исторических условиях: с XIV в. территория современной Белоруссии, как и значительная часть Украины, была включена в Великое княжество Литовское, а с конца XVI до конца XVIII в. входила в состав Речи Посполитой. В силу этих обстоятельств различные области белорусского искусства, в первую очередь архитектура, оказались связанными не только с русским и украинским, но и с восточно- и в известной степени с западноевропейским средневековым искусством.

Хотя белорусское искусство начало развиваться в рамках Великого княжества Литовского, оно не растворилось в искусстве других народов, входивших в это княжество, и сохранило свое национальное лицо. В значительной мере этому содействовали могучие художественные традиции древнерусской культуры.

В условиях тесного контакта между белорусским, русским, литовским, польским и другими народами появились предпосылки для взаимных влияний в области достижений строительства, обмена художественными ценностями. Несмотря на превратности истории, культурные связи между этими народами в течение веков не прерывались.

Имеются сведения о том, что отдельные памятники каменной архитектуры Великого княжества Литовского создавались с участием мастеров переселенцев из Киева, Волыни, Гродно и других городов (стены замка Гедимина, Пречистенский собор в Вильнюсе). В Тракайском замке (XV в.) стены некоторых помещений были покрыты фресками, близкими по своему стилю к русско-византийской живописи. Известны также многочисленные росписи, выполненные русскими, украинскими и белорусскими художниками в польских городах Кракове, Люблине, Сандомеже, Вислице.

С XIV в. заметно увеличиваются площади городов; в XV—XVI вв. в результате Грюнвальдской победы над Тевтонским Орденом (1410), а также существенных сдвигов в области социально-экономического развития общества и политических преобразований наблюдается дальнейший рост городов. Многие белорусские города и местечки получают самоуправление (магдебургское право); возрастают торговые связи с другими странами.

В первой половине XVI в. начинают создаваться ремесленные цехи. С этого времени известен цех каменщиков Гродно. Плотники чаще объединяются в цехи ввиду широкого распространения дерева как основного строительного материала. В городах, где было мало ремесленников, создавались сборные цехи, куда входили мастера разных профессий. Обычными были специализированные или объединенные цехи. В них состояли ремесленники одной или нескольких близких профессий. К середине XVII в. число цехов в городах возрастает; особенно много их насчитывалось в Могилеве (21).

В больших городах цехи насчитывали от 60 до 150 ремесленников.

Формируется новая планировочная структура городов с двумя административными центрами — замком и ратушей. Дороги, подводившие к замку и рыночной площади, стали основными городскими магистралями; между ними сложилась уличная сеть сообразно с рельефом местности, но с регулярными началами в планировке площади и кварталов. Преуспевают в своем развитии, как центры латифундий магнатов, частновладельческие города-крепости (Несвиж). Расширение строительной деятельности обусловило количественный рост каменной застройки в городах (культовые комплексы, ратуши, купеческие и цеховые дома, гостиные дворы, корчмы и др.).

Многие белорусские города окружались крепостными стенами и башнями, образующими развитую систему обороны (Полоцк, Витебск). В большинстве случаев городские укрепления были деревянными, но встречались стены и башни, выполненные частично или целиком из камня. Древнейшими из сохранившихся типов монументальных сооружений этой эпохи являются замки, крепости, оборонные церкви: белорусская земля была ареной частых войн и междоусобных распрей феодалов; резиденции феодалов укреплялись и в связи с угрозой народных восстаний.

Большой удельный вес среди других видов строительства занимали земляные работы, они в первую очередь были связаны с наружными оборонными укреплениями городов и замков. Протяженность рвов и валов достигала нескольких сотен метров (Витебск, Несвиж, Гераноны). Параллельно развивается строительство из камня и дерева, являясь часто прямым отражением социального деления феодального общества: дерево веками абсолютно преобладало в массовом, народном строительстве; камень был основным строительным материалом для возведения замков и других монументальных зданий.

В каменных конструкциях замков XIV—XVI вв. применялся валун, кирпич, глина, известь и дерево. Валун, который собирался с окрестных полей, употреблялся в кладке стен в необработанном виде или грубой колке. Шлифовка лицевой поверхности — явление редкое. Валунные камни укладывались горизонтальными рядами, и их размеры с высотой кладки уменьшаются. Промежутки между камнями заполнены кирпичом. Нижние ряды кладки стен в некоторых постройках XIV в. положены на глинистом растворе (Крево). Более традиционен известковый раствор и цемянка.

Наибольшее применение имел брусковый, так называемый литовский кирпич, однако использовалась и известная ранее древнерусская плинфа. Брусковый, или большемерный, кирпич перед обжигом получал на постели продольные полосы — борозды для лучшего схватывания с раствором. Кирпич не имел определенного стандарта: его наиболее ходовой размер в среднем 10×15×30 см (соотношение сторон от 2 : 3 : 6 до 1 : 2 : 4). Для кладки облицовочного слоя стен, перемычек, углов и других частей здания использовались разновидности кирпича. Например, для сводчатых перекрытий применялся более короткий и тонкий кирпич. В XV—XVI вв. с развитием и совершенствованием производства кирпича увеличивается и количество его видов: не редкость профилированный или фасонный — для деталей, плитняковый — для полов.

Широкое распространение получил способ трехслойной кладки, состоящей из двух внешних стен и забутовки между ними. В этом случае внешние стены выполнялись из кирпича (Новогрудок) или смешанной кладки (Мир), а забутовка состояла из камня и кирпичного боя, залитых связующим раствором. Со временем такие стены

превратились в прочные монолитные массивы. Для жесткости вдоль стен закладывались дубовые связи, а для конструктивной устойчивости часто вводились деревянные балки и стойки, увязанные с кладкой каменных стен и сводов. Нижние части многих крепостных стен и башен выполнены из бута и кирпича. Сплошь из кирпича сложены верхние части строения, своды, углы, откосы проемов. Этот прием кладки наблюдается в замковых постройках (Лида, Мир, Смольяны), а в дворцово-замковых комплексах (Несвиж, Гольшаны) он постепенно исчезает, уступая место кладке только из кирпича.

Стены не штукатурились, их фактура определялась разновидностями готической кладки. В кирпичных стенах конца XV — первой половины XVI в. в кладку включался пережженный кирпич-железняк темно-серого цвета. Его тычки создавали на фасадах орнаментальный мотив простого геометрического узорочья (Кодень, Супрасль, Ишкольдь). Оштукатуривание с декоративной целью начинает распространяться со второй половины XV в. для фрагментов фасада, обрамления проемов, профилированных тяг карнизов (Мир). В интерьерах использование штукатурки отмечается с более раннего времени (Гродно).

Наружные стены иногда дополнительно усиливались контрфорсами, эволюция которых проходила от постепенной замены форм массивных на легкие. Контрфорсы играли не столько конструктивную, сколько архитектурно-декоративную роль: их разнообразие (плоские, ступенчатые, лекальные) нередко представлялось оригинальным рисунком (Ишкольдь). В противоположность классическим образцам готики, в которых контрфорсы играли определяющую конструктивную роль, в белорусских постройках из кирпича вся нагрузка от сводов равномерно распределялась на массивные стены и внутренние опорные столбы; контрфорсы уничтожали только силу распора стен. Постепенный отказ от применения контрфорсов привел к использованию контурных связей в виде железных затяжек и анкеров.

Самый сложный элемент средневекового зодчества — свод был наиболее показателен для культовых зданий и представлял собой обычно крестовую конструкцию с ребрами-нервюрами, выполненными из кирпича. Применяемый материал объясняет необычно малую стрельчатость сводов, постепенное отмирание нервюр. Последние становятся чисто декоративными узорами (часто звездчатого построения) в убранстве интерьера. Аналогия наблюдается в кирпичных конструкциях литовских памятников архитектуры XV—XVI вв. Арочные проемы делались полуциркульными, лучковыми или стрельчатыми. Крыши покрывались гонтом, реже черепицей — плоской, корыточной или фасонной для завершения верха и углов. Кровельная черепица иногда покрывалась разноцветной глазурью, производство которой уходит своими корнями в глубокую историю края.

Крепости и замки на белорусской земле в зависимости от их расположения делятся на две группы. Первую группу составляют укрепления, построенные на возвышенностях, вторую — в низинах.

К первой группе относятся укрепления старого типа (до XV в.). Мощность и неприступность крепостей этой группы определялись не только конструкциями, но и высотой и крутизной холма, на котором они сооружались. Для этого часто выбирался холм на мысу, у слияния рек. На сложном рельефе укрепления в общих чертах повторяли конфигурацию участка. Поэтому в очертаниях крепостей наблюдается многообразие.

Ко второй группе относятся крепости и замки более позднего типа (Мир — начало XVI в., Гераноны — первая половина XVI в., Несвиж — конец XVI в.). Низинное расположение цитаделей получает

широкое распространение после строительства князем Витовтом в первом десятилетии XV в. Тракайского замка (на востоке Литвы). Этот замок, расположенный на острове озера Гальве, представляет собой новый тип укрепления: он вобрал в себя достижения западного фортификационного искусства и вместе с тем в нем были использованы традиционные местные архитектурные приемы и формы.

Многие замки XIV—XVI вв. имели черты готической архитектуры: своеобразную кладку, перекрытия в виде стрельчатых крестовых сводов или сводов с нервюрами, высокие окна и двери стрельчатого очертания. Знакомство белорусских мастеров с готической строительной техникой и архитектурными формами сказалось в использовании ими наиболее приемлемых практически и интересных с художественной позиции приемов. В отдельных замках или крепостях (Лида) наряду с готическими деталями встречаются элементы романской архитектуры.

Замковое строительство постепенно начинает отвечать не только задачам обороны, но и задачам представительства. В этой связи увеличивается количество парадных помещений, возрастает их декоративное убранство (Гродно). В целом в замковом зодчестве на белорусской земле прослеживаются связи с русским и западноевропейским фортификационным искусством. Некоторую роль в развитии этой типологической группы архитектуры сыграло появление в XVI в. в Великом княжестве Литовском значительной группы иностранных мастеров, военных и гражданских архитекторов: Ван Лаера, Нонхарта, Голланда, Валлона, Дондена и др.

С XVI в. на территории Белоруссии строятся храмы, городские ворота — «брамы» и жилые дома (Гайтюнишки), фланкированные по углам башнями. Обычно эти башни имели цилиндрическую форму. Несомненно, что появление подобных композиций в культовом и отчасти жилом зодчестве было результатом прямого влияния крепостной и замковой архитектуры.

Культовая архитектура оборонного типа наиболее полно представлена храмами в Сынковичах (XV в.) и Маломожейкове (начало XVI в.). Для этих памятников характерны компактный массивный объем с высокой щипцовой крышей и наличие четырех или двух угловых башен с бойницами. Особенностью построения подобных укрепленных храмов является четкое разделение внутри на фортификационную и культовую части. При этом целостность архитектурной композиции не нарушается.

Стены белорусских храмов делались толстыми, на них передавалась основная нагрузка сводов. Встречается интересная декоративная обработка фасадной стены тонкими вертикальными лопатками, которые заканчиваются под карнизом своеобразным трехрядным поясом из стрельчатых арочек (церковь Бориса и Глеба в Новогрудке). Трехнефные планы, хорошо развитые апсидные части с нервюрами и элементами декорации определяют позднеготический характер их архитектуры.

Высокие щипцы торцовых стен заметно облегчены за счет уменьшения толщины и введения многочисленных ниш по фасаду. Эти декоративные ниши встречаются и в замковом зодчестве (Мир), что свидетельствует о взаимовлиянии и художественной близости архитектуры различных типов построек.

Храмы оборонного типа в Белоруссии имеют черты, родственные русским культовым постройкам, но в целом отличны от них. При трехнефном плане, близком западнорусским и новгородским образцам, у них отсутствует барабан с главой. Это позволило отказаться от мощных конструктивных столбов в интерьере и тем самым создать зальность внутреннего пространства.

Тенденцией мастеров той эпохи было стремление к силуэтной и объемной выразительности построек. Велись поиски совершенных композиционных решений, гармонической уравновешенности самих масс зданий, фасады декорировались более скупо. В отличие от памятников западноевропейской готической архитектуры в зодчестве Белоруссии, как и Литвы, не прослеживается приверженность к высоким вертикальным построениям, что составляет одну из особенностей развития архитектуры этих земель.

Во второй половине XVI в. наряду с готикой наблюдается проникновение на белорусскую землю, главным образом через Вильнюс, сначала элементов ренессанса, а затем барокко.

Сохранившийся с некоторыми перестройками храм в Сморгони (XVI в.) вобрал в себя отдельные характерные черты архитектуры ренессанса — центричность композиции, аттик и др. Храм отличается суровой простотой, достигнутой за счет монолитности объема и отсутствия пилястр — элемента, типичного для итальянского ренессанса. Декоративный замысел выражен аттиком, который первоначально прикрывал купол.

Сочетание элементов раннего ренессанса с различными элементами готики наблюдается и в украинской и литовской архитектуре (церковь Онуфрия в Добромиле, середина XVI в.; костел Петра и Павла в Шяуляй, начало XVII в.).

Реформатским храмам были присущи элементы оборонного характера (Деревня, Заславль, Койданово и др.), такие, как высокие земляные валы (Заславль) или крепостные стены с башнями (Осташин, Койданово). Обязательной частью этих храмов была высокая, часто многоярусная башня, которая возглавляла объемную композицию постройки. В архитектуре также наблюдалось смешение приемов и форм ренессанса и готики с преобладанием первого (Заславль) или второго (Деревня).

Характерный для ренессанса аттик становится весьма распространенным в первой половине XVII в. в архитектуре как Белоруссии, так и Литвы. Однако его применение не изменило вертикальную композицию зданий, свойственную готике. Часто аттик на торцовой стене не закрывал полностью щипца крыши. Поэтому в композиции построек наблюдалось оригинальное смешение новой, ренессансной, формы со старой, готической (например, храмы в Воронах, Ивье — до перестройки в XVIII в.).

Говоря о костельном строительстве этого периода, следует отметить, что его первые памятники, сохранившиеся до нашего времени, восходят к концу XV в. Это костел в Ишкольди — оригинальный памятник белорусской готики, простой, но очень пластичный, с мягко очерченными линиями контрфорсов и предельно лаконичной архитектурой. Костел в Комаи имеет со стороны главного фасада две монументальные приземистые цилиндрические башни, прорезанные узкими окнами-бойницами. Архитектурное построение костела не обошлось без влияния оборонных построек православной церкви XV—XVI вв. Поэтому храм в Комаи, при всем своем отличии от храмов, допустим, в Сынковичах, Маломожейкове, Новогрудке, имеет с ними схожие композиционные характеристики. Это положение объясняется как тесным взаимодействием разных культур на территории Белоруссии, так и прямым влиянием строительных традиций местных мастеров, строивших все монументальные здания, независимо от их принадлежности и назначения.

В последнем десятилетии XVI в. на белорусской земле появляются первые, пока единичные памятники архитектуры барокко (костелы в Гродно и Несвиже). Основное развитие и расцвет этого стиля приходится на XVII—XVIII вв.

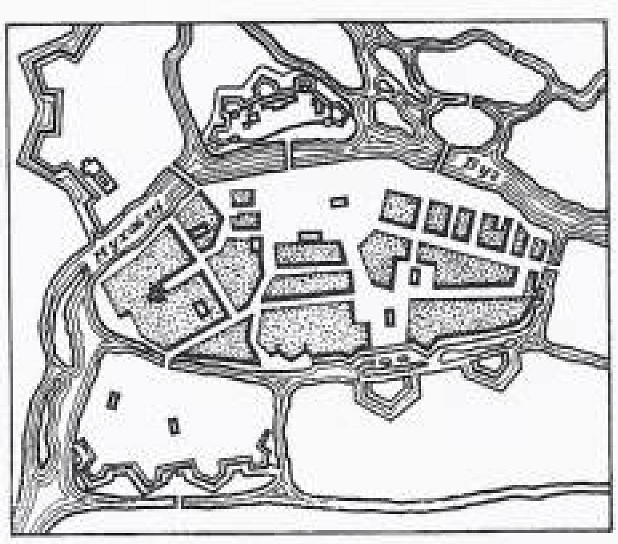
Развитие ремесел и торговли способствовало процветанию и росту числа городских поселений. К XVII в. насчитывалось около сорока городов с численностью населения от 5 до 10 и свыше тысяч жителей. Среди них Брест, Витебск, Гродно, Могилев, Орша, Пинск, Слуцк и ряд других городов стали экономическими и культурными центрами края. Города делились на свободные (коронные) и частновладельческие. Свободные города характеризовались бо̀льшими размерами территории (Могилев). Рост частновладельческих городов, а их к середине XVII в. было свыше половины общего числа городских поселений, нередко тормозился магнатами.

Другой распространенной формой расселения на территории Белоруссии были местечки, число которых в этот период достигло 250. Формировались они у замков, монастырей, панских сел и дворов, получая официальное признание специальной королевской грамотой. Местечки занимали промежуточное положение между городом и деревней: жители их ремесленничали и торговали, но преобладающим занятием оставалось сельское хозяйство. Численность жителей в местечках была значительно меньше, чем в городах, и колебалась обычно в пределах нескольких сот человек.

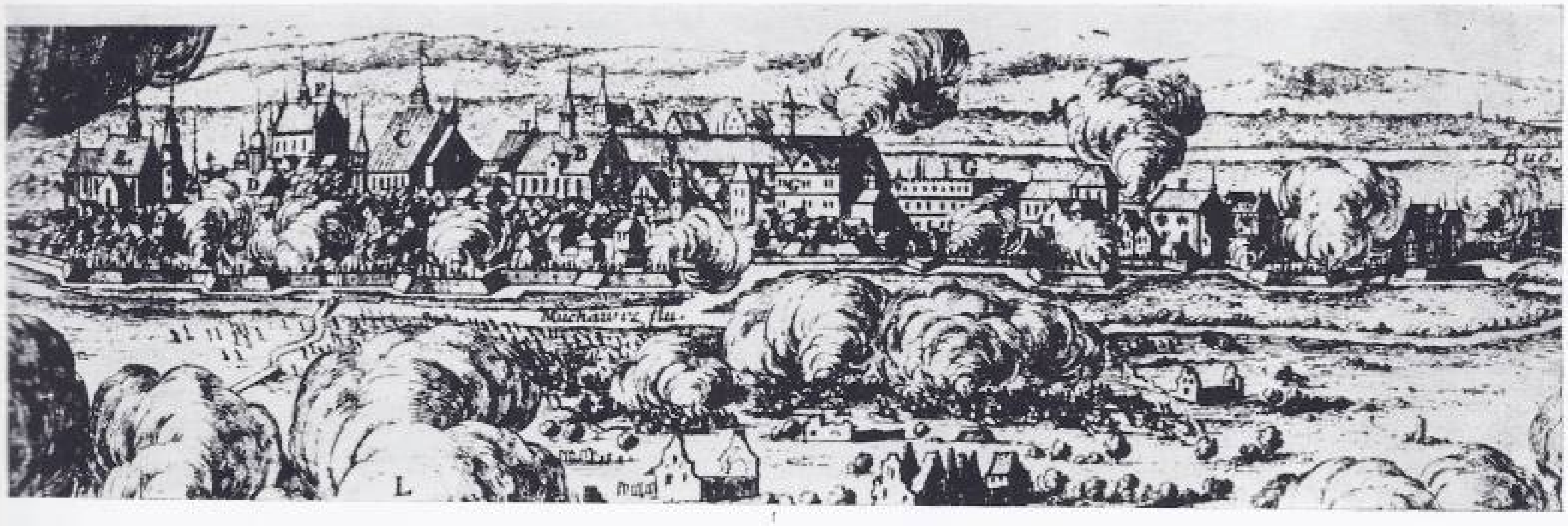
В XIV — первой половине XVII в. необходимость обороны определяла систему укреплений и архитектурно-планировочную структуру города. Большинство городов, как свободных, так и частновладельческих, помимо замка, имели внешние укрепления, опоясывающие всю территорию поселения (Могилев, Брест, Слуцк, Старый Быхов и др.). Немаловажное значение в системе укреплений имели естественные и искусственные водоемы. В этом отношении наиболее показательны Брест и Дисна, где максимально были использованы полноводные реки и их рукава как первый оборонительный рубеж поселения.

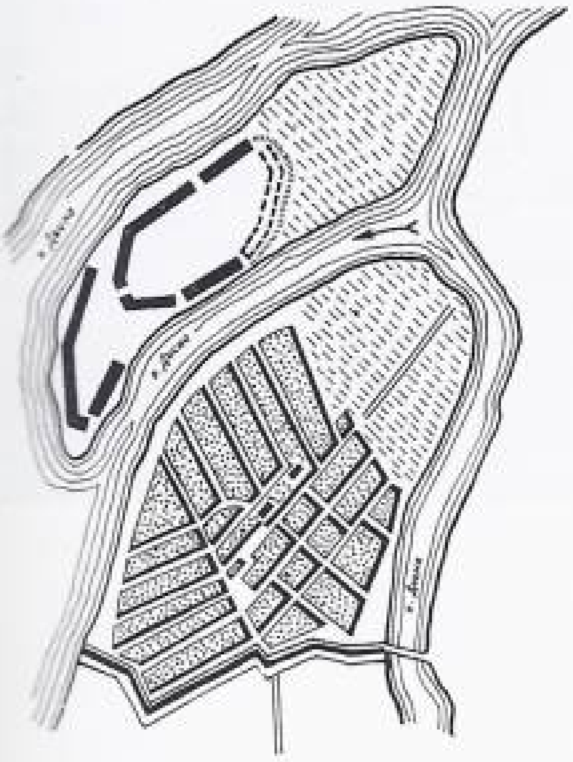
Древний *Брест* (Берестье) был основан на одном из островов в дельте реки Мухавец, впадающей в Западный Буг. Деревянные крепостные стены опоясывали весь контур острова, в середине которого высилась главная оборонительная башня. С ростом населения основная часть города была перенесена на соседний более крупный остров. Здесь сформировался центральный ансамбль города с торговой площадью. Новая часть Бреста также получила систему укреплений из валов и деревянных крепостных стен, созданную с учетом и использованием водного бассейна рек.

Город-крепость *Дисна* был возведен во второй половине XVI в. на острове у слияния полноводных и широких рек Дисны и Западной Двины. Конфигурация холмистого острова определила систему укреплений — валов с девятью башнями — в виде растянутого эллипса. Под защитой мощной крепости, напротив нее, развился посад, или Новый город. Его планировка носила черты регулярности: прямоугольные кварталы образовывались прямыми улицами, большинство из которых брало свое начало от торговой площади. Территория Нового города с двух сторон омывалась водами рек, а с третьей очерчивалась земляным валом с тремя деревянными башнями.

В городах небольших, частновладельческих, наружный пояс укреплений отсутствовал (Клецк, Ляховичи, Слоним). Замок феодала располагался близ реки и нередко имел дополнительную систему обводнения. Старый замок в Клецке расположился на высоком холме, который огибался рвом. Небольшая река Лань была запружена плотиной, и воды ее заполняли ров, отрезая замок от остальной территории города.

В комплекс городских укреплений входили и монументальные монастыри, расположенные полукольцом вокруг замка *(Слоним)*. Значение монастырей как оборонительных пунктов прослеживается и в городах с наружными укреплениями. В этом случае они строились на границе города, непосредственно у городских стен или валов *(Несвиж)*. Местечки, как правило, не имели укреплений. Однако среди них встречаются и такие, которые развились в непосредственной близости от замка феодала *(Любча)*. В этом случае характер планировочной организации местечка и небольшого укрепленного города сближается.

Развитие уличной сети в свободных городах идет в прямой связи с торговыми путями и основной производственной деятельностью горожан. Основные улицы брали свое начало от въездных башен наружных укреплений и вели к центру города, закладывая основу радиальной системы планировки. В дальнейшем развитие уличной сети характеризуется появлением улиц полукольцевого направления *(Пинск, Могилев)*. Такая эволюция привела к сложению архитектурной композиции плана, типичной для городов феодальной эпохи. В частновладельческих городах, развивающихся на проектных началах и в короткий исторический срок, прослеживается регулярность планировочной организации *(Несвиж, Старый Быхов)*.

Некоторые большие города сохранили деление на посады, идущее от структуры древнерусских поселений. Полоцк в середине XVI в. делился на шесть посадов — Великий, Заполотский, Островской, Якиманский, Слободской и Кривцов. Посады не были равнозначными по количеству жителей и размеру территории. В Витебске в середине XVII в. также было шесть посадов — Узгорский, Песчанский, Задунайский, Заручайский, Слободской и Русский. В Могилеве в XVII в. существовало восемь посадов — Нагорский, Шкловский, Виленский, Задубровенский, Папинский, Покровский, Троицкий и Луполовский. Отдельные посады, развившиеся позднее других, находились за пределами городских укреплений. Их планировка характеризуется хаотичностью уличной сети, а застройка кварталов — разреженностью (Луполовский посад), в то время как старейшие посады (Нагорский, Шкловский) имели в целом упорядоченную систему планировки с застройкой большей плотности. Это объясняется многими причинами, в том числе дороговизной земельных участков и высокими требованиями городских властей к застройщикам в центральных посадах.

Ремонт и обновление всех элементов городских укреплений — земляных валов, рвов, стен, башен — вменялись в обязанность горо-

План и гравюра Бреста, 1657 г.

План Дисны, конец XVI в. (по Хедеману)

3*

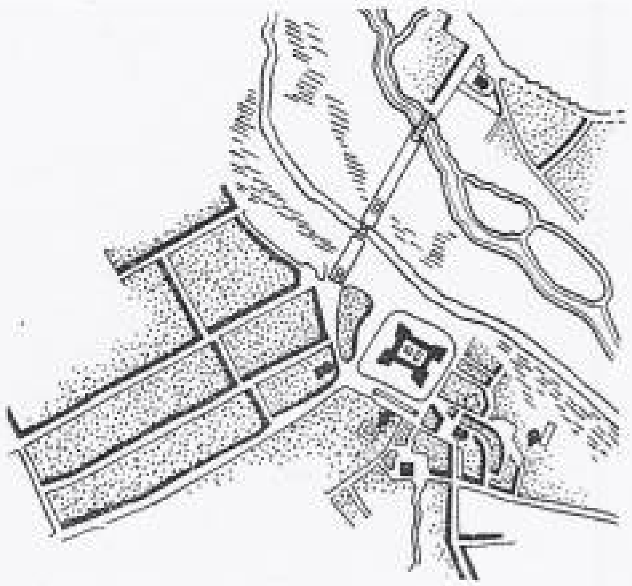

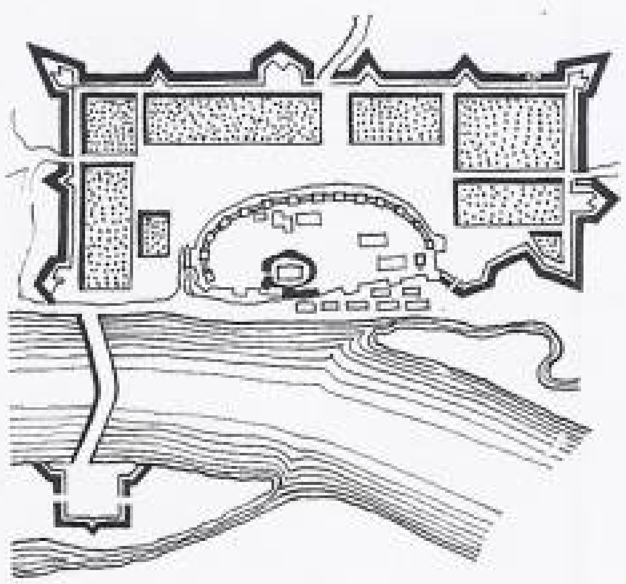
жанам под присмотром ратушной комиссии. Особое внимание уделялось заботе о въездных башнях-брамах. Они строились из кирпича и дерева, количество их было невелико, а местоположение рационально продумано. Архитектура городских брам отличается представительностью и разнообразием форм. Сохранившиеся описания и графические изображения дают нам известное представление о брамах Могилева, Несвижа, Любчи, Витебска.

В планах городов феодальной эпохи вплоть до конца XVIII в. отмечается стабильность местоположения городских центров. Способствовали тому удачное их размещение на возвышенности, доминирующей над местностью, сложившаяся столетиями радиальная или веерная система улиц, собирающаяся в узел у исторической первоосновы поселения и, наконец, отсутствие практики коренной реконструкции старых городов. Однако характер застройки и детали планировки городских центров со временем менялись. К XVII в. центр развился в двухчастную архитектурную композицию. По существу в городах стало существовать два центра — резиденция феодала и ратушная площадь с торговыми рядами. Первая обычно располагалась на территории древнейшей части города; вторая — поблизости от нее как общественно-торговый центр (Гродно, Могилев, Пинск).

Торговая площадь, нередко единственная в городе, получала значительные размеры. Ее расположение определялось ратушей, торговыми рядами и культовыми постройками. Благодаря средоточию монументальной и высотной застройки ансамбль площади возглавлял силуэтную композицию города. В местечках торговые ряды и мастерские ремесленников, как правило деревянные, строились вплотную друг к другу и ориентировались своими основными (тор-

Гравюра и план Клецка, начало XVII в.

План Слонима, середина XVII в. (по Е. Квитницкой)

План Речицы, середина XVII в.

цовыми) фасадами на площадь или участки улиц, прилегающих к ней. В застройку площади также входил храм и жилье зажиточных купцов; традиционным было расположение площади на главной улице местечка.

Примерами сознательной планировочной деятельности градостроителей конца XVI — начала XVII в. являются частновладельческие города Несвиж и Старый Быхов. В 1584—1616 гг. магнат Радзивилл Сиротка с участием итальянских мастеров проводит реорганизацию *Несвижа*. Задачи обороны имели определяющее значение: не только замок владельца, но и само поселение, расположенное поодаль от него, было опоясано рвом и валом. У въездов в город стояли каменные ворота с башнями — брамы: Замковая, Слуцкая (сохранилась с перестройкой 1760 г.), Клецкая, Виленская и у бернардинского монастыря. Поднятые плотинами воды р. Уши, заболоченные окрестности стали важными элементами укреплений.

Согласно гравюре Т. Маковского начала XVII в. и картографическим материалам более позднего времени, план города первоначально был близок к квадрату и имел регулярную, прямоугольную разбивку на кварталы. Среднюю часть занимала обширная площадь с ратушей и торговыми рядами в центре. Площадь была местом пересечения двух основных улиц города. Одна из них связывала замковый комплекс с общественно-торговым центром, другая пересекала всю городскую территорию, являясь отрезком дороги Слуцк — Вильно. Культовые постройки с монастырями, окруженные стенами, разместились в ответственных местах города, усиливая его обороноспособность.

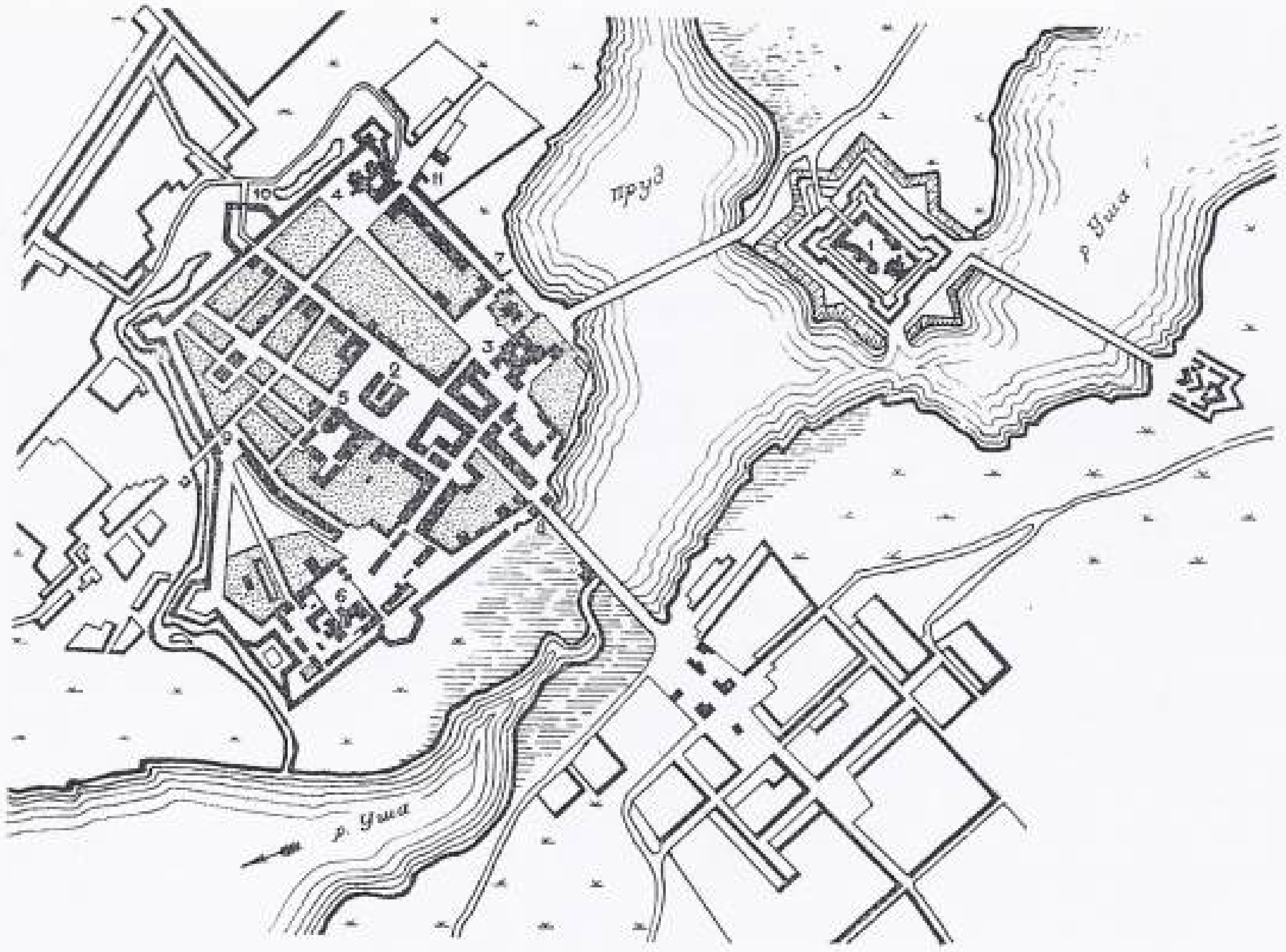
В начале XVII в. владельцы *Старого Быхова* гетман Ходкевич, затем магнат Сапега превращают город в мощную крепость. Земляные валы, рвы, бастионы полукольцом замкнули территорию города. Восточная сторона его выходила к обрывистому берегу Днепра и также получила укрепления, усиленные замком владельца. Замок стал центром композиции поселения: он располагался в головном месте плана, над Днепром; перед ним простиралась обширная площадь, по обеим сторонам которой были разбиты на регулярных началах жилые кварталы. Площадь разрезала всю территорию города на две части, являясь плацем для обучения солдат гарнизона крепости. Через площадь с севера на юг пролегла главная улица, замкнутая Могилевскими и Рогачевскими въездными воротами-брамами. Каменные сооружения города — замок феодала и синагога, все остальные постройки, в том числе и культовые, были деревянными. Старый Быхов первой половины XVII в. уступает Несвижу в насыщенности монументальными постройками, размахе и художественных качествах градостроительной композиции, но дает образцовый пример города-крепости для размещения и службы значительного войска магната.

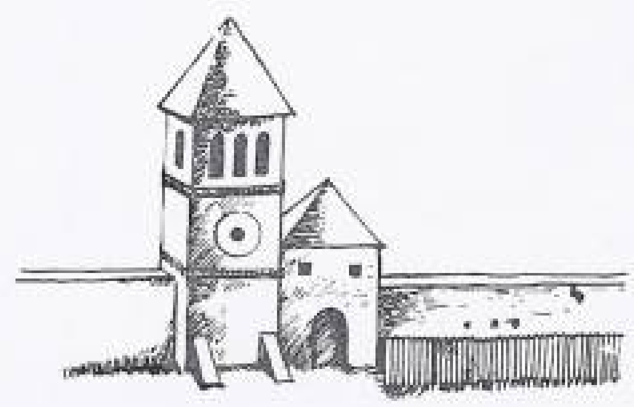
Город-крепость *Речица* к середине XVII в. был важным пограничным укреплением на р. Днепр. Его план получил трехчастную композицию, развившуюся вокруг первоосновы города. Старая крепость разместилась на небольшом холме над Днепром и была окружена рвом и валами. К ней примыкала территория центральной части города с торговой площадью и значительными храмами, которая имела свой пояс укреплений. Третья часть города была наибольшей, с кварталами, улицами и проездами четкого геометрического построения. Регулярности застройки отвечает линия наружных, основных, укреплений с правильной разбивкой рвов и валов бастионами перед деревянными стенами с башнями. План всего города получил очертание прямоугольника площадью около 30 га.

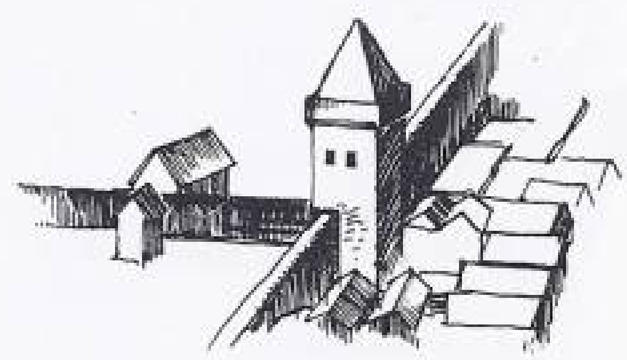

N E S D I S

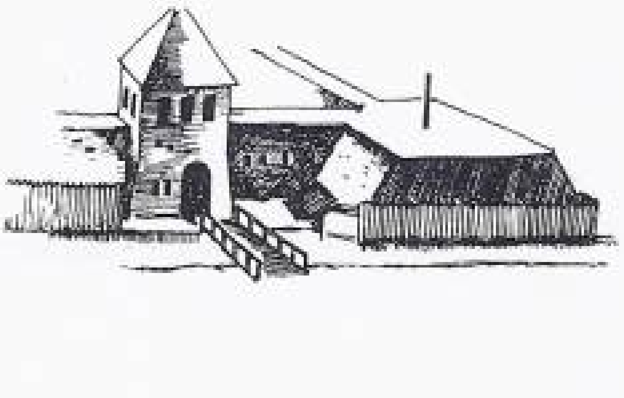

Гравюра Несвижа, начало XVII в.

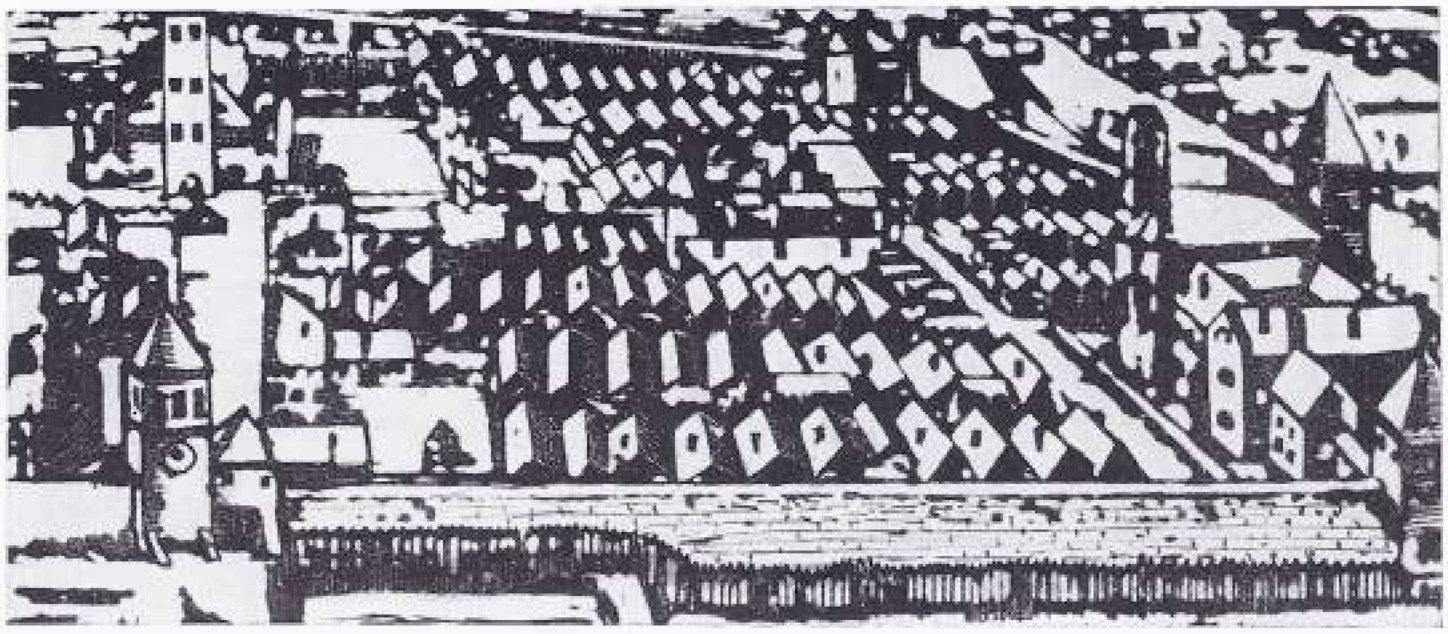

Оригинальны архитектурно-планировочные черты города-крепости *Слуцка*. Его план овальной формы был забран мощной цепью обводненных рвов, валов, бастионов и равелинов. Территория города площадью почти 120 га разрезалась рекой Случью и запрудой на ней на две части: северную, наиболее старую, сложившуюся вокруг замков, с арегулярной планировкой и южную, более новую, с четкой сетью улиц и кварталов. Здесь же в первой половине XVII в. владелец города Радзивилл закладывает главный узел всей системы обороны — цитадель, врезанную в кольцо городских укреплений. По своей фортификационной мощи Слуцк стоял в первом ряду городов-крепостей Белоруссии.

Примерами больших свободных (коронных) городов являются Могилев и Гродно. Их планировочная организация и застройка прослеживаются по материалам середины XVI—XVII вв.

Первооснова города *Могилева* разместилась на высоком холме при впадении реки Дубровенки в Днепр. На этом месте во второй половине XIII в. был заложен замок, вокруг которого в течение последующих веков сформировался город. К XVII в. Могилев превратился в крупный торговый и ремесленный центр края с самой совершенной системой оборонительных устройств. В Белоруссии не было города, который, подобно Могилеву, имел бы три пояса укреплений. Первый — вокруг замка (протяженностью около 600 м); второй окружал Старый город с торговой площадью и кварталами посада (более 1400 м); третий охватывал Новый город (свыше 5000 м). Укрепления состояли из рвов и валов, на которых стояли стены с башнями и проезжими воротами-брамами. Всего насчитывалось двенадцать брам, из них четыре в Замковом вале — Олейная, Ветряная, Королевская и Дубровенская, построенные в камне к середине XVII в. План города получил радиальную систему улиц, что было закономерно в связи с топографией местности. Основные улицы брали свое начало от брам и сходились, как в фокусе, на площади у замка. Наличие в городе нескольких поясов укреплений способство-

вало появлению полукольцевых уличных направлений. Такая планировочная структура продолжает традиции древнерусского градостроительства — она имела широкое распространение в старых городах Русского государства до XVIII в. Старый город был административно-торговым и религиозным центром Могилева, где были сосредоточены наиболее значительные каменные и деревянные постройки. Здесь разместились ратуша, дом купеческого братства, цеховые дома, православные, униатские и католические храмы. Деревянная ратуша (1578) была заменена каменной (1679), площадь и улицы этой части города мостились.

Город *Гродно* развился из пограничной крепости Древнерусского государства. Его географическое и стратегическое положение способствовало экономическому и культурному развитию. Бесконечные набеги врага, особенно крестоносцев до их разгрома в Грюнвальдской битве, требовали каждый раз восстановления, и обновлявшийся город неизменно занимал важное место в Великом княжестве Литовском. В конце XVI в. при короле Стефане Батории Гродно являлся фактически столицей Речи Посполитой. Развитие города шло от замка, расположенного на высоком холме у впадения реки Городничанки в Неман, на восток и север (вдоль рек). Левобережье с оптовым рынком начало застраиваться вдоль дорог, ведущих в Варшаву и другие города. Определяющее влияние оказали дороги и на сложение уличной сети в основной, правобережной части города, где главными направлениями были выезды на Вильно и Смоленск. Планировка улиц не получила регулярной системы: она была привязана к сложному рельефу города и главным его компонентам — торговой площади и замку.

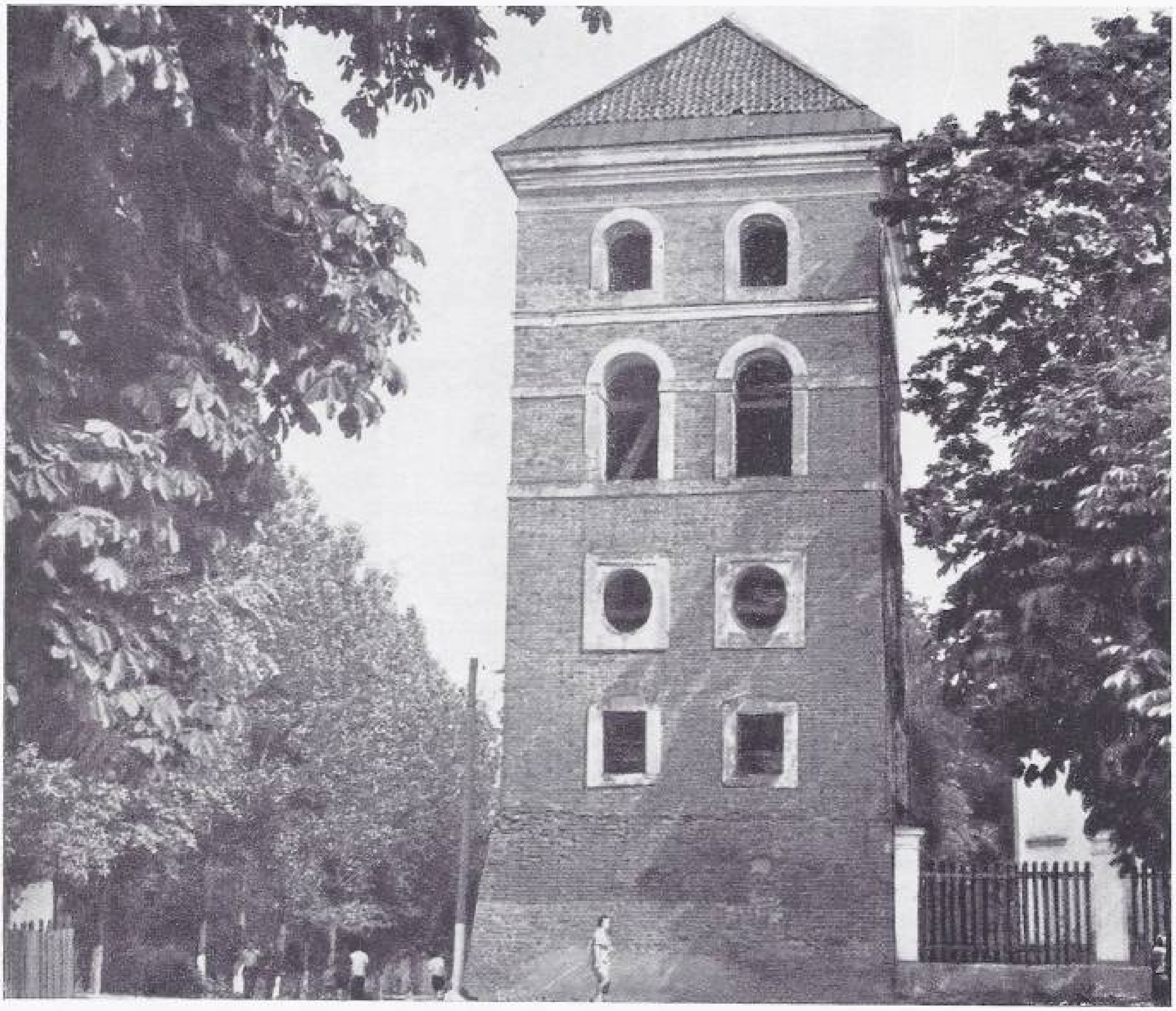
Гродно никогда не имел мощной системы укреплений, подобно Могилеву или Витебску. Он не был обвалован, опоясан стеной с башнями-брамами, не имел впереди себя укрепленных фортов. В этом отношении он приближается к западноевропейским бургам, где состоятельны в обороне были лишь замки феодалов. Совокупность Верхнего и Нижнего замков и группа соседствующих каменных церквей-крепостей составляли ядро обороны города. Впервые полукольцо земляных укреплений от поймы Городничанки до берега Немана в Гродно сделали русские войска (1655—1661) во время русско-шведской войны. Однако эта система укреплений, ограничивающая территорию правобережной части города, не получила развития и в последующие десятилетия была срыта.

Торговая площадь расположилась в двух кварталах от замка. На нее выходили семь улиц города, в том числе все основные, связанные с загородными дорогами и мостом через Неман. Площадь

План Несвижа, по материалам XVIII в. (*1* — замок, *2* — ратуша и торговые ряды, *3, 4, 5, 6* — костелы и монастыри: иезуитский, бернардинский, доминиканский, бенедиктинский, *7, 8, 9, 10, 11* — городские ворота — «брамы»: Замковая, Слуцкая, Клецкая, Виленская, у бернардинского монастыря)

Несвижские башни с «брамами» — Замковая, Слуцкая, у бернардинского монастыря (по гравюре начала XVII в.)

Жилая застройка Несвижа (по гравюре начала XVII в.)

имела регулярные очертания; центральное место на ней заняла ратуша, вокруг расположились дома знати, крупных торговцев, здесь же высились приходские церкви и костелы. В первой половине XVII в. в районе торговой площади появляются монументальные и величественные храмы и монастырские комплексы различных католических орденов (как результат польско-католической агрессии в области градостроительства).

Любча (Гродненская область) как местечко начала складываться в начале XVI в. по соседству с замком феодала. В 1530 г. по ходатайству владельца виленского воеводы Кишки местечко получает магдебургское право. В 1606 г. Любча переходит к новым владельцам — Радзивиллам, которые для экономического укрепления и расширения местечка переселяют в него многих мещан из Минска, Новогрудка и других королевских городов. В середине XVII в. принимается решение о создании цехов; в первой половине XVIII в. организуется типография Радзивиллов. Наряду с сельским хозяйством в местечке значительное место занимали ремесла и торговля. Однако рост поселения протекал чрезвычайно медленно, а планировочная структура, сложившаяся в первой половине XVII в., сохранилась до XIX в. практически без изменений.

Картографический материал, составленный около 1645 г., дает представление о планировке и застройке Любчи в период ее актив-

Замковая башня в Несвиже, конец XVI — начало XVII в.

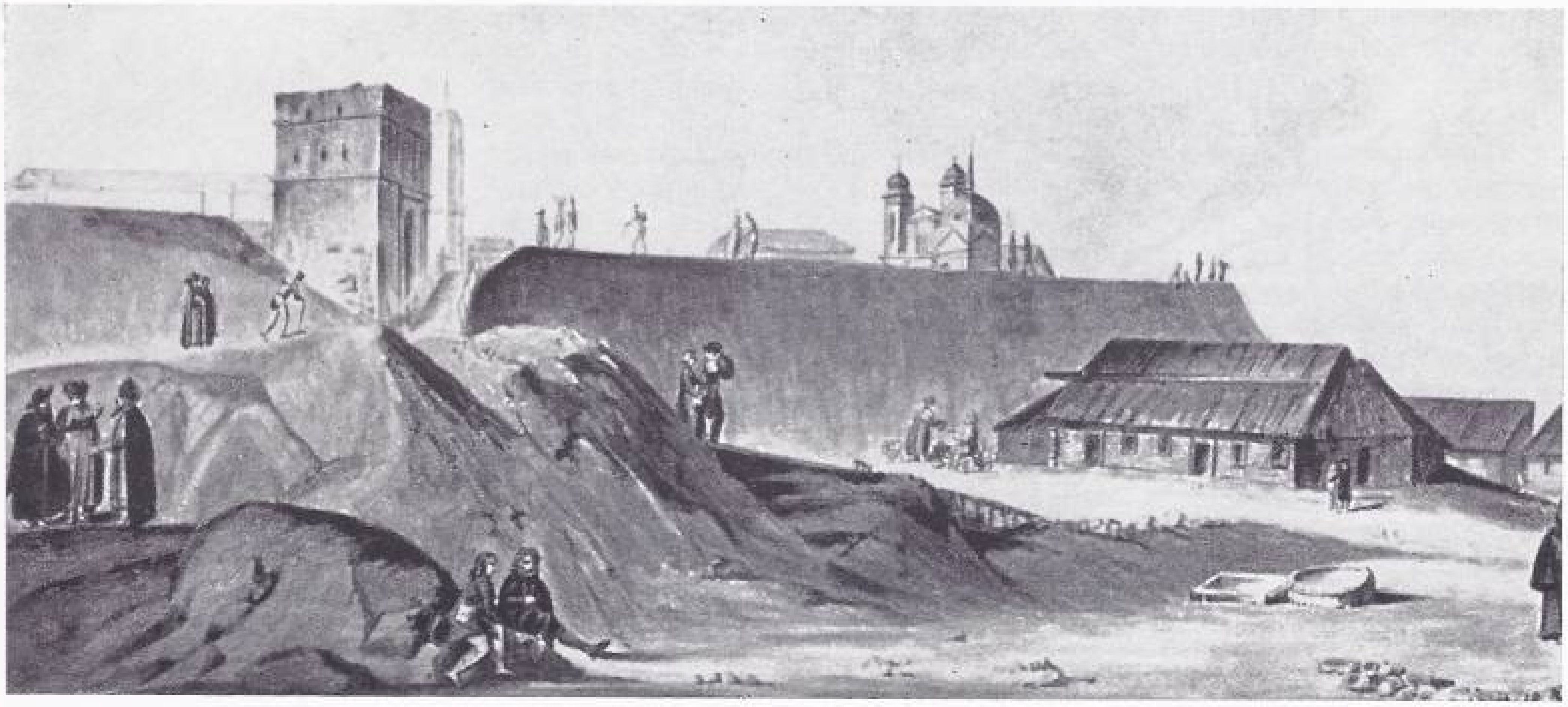
План Быхова (по материалам XVIII в.)

План Слуцка (по материалам XVIII в.)

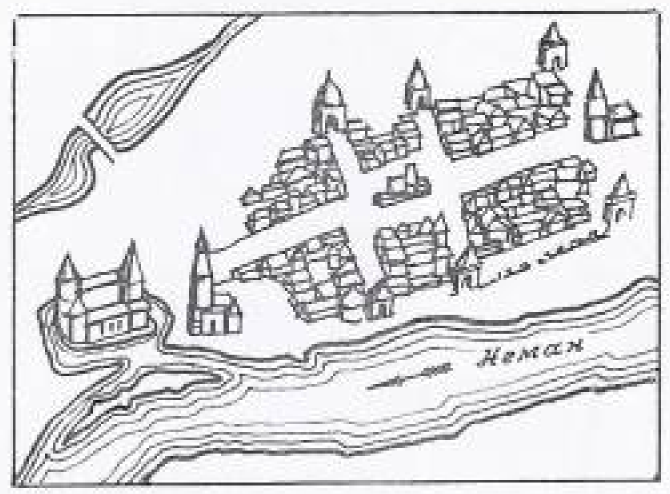
Алейная башня («брама») в Могилеве, 1646 г. (акварель И. Пешки)

Рака Случь

Неман

ного создания как частновладельческого местечка. План характеризуется регулярными основами: прямолинейными улицами, четким делением территории на прямоугольные кварталы, расположением торговой площади в центре местечка на главной оси композиции, берущей начало от замка. Последний, поставленный на холме, как бы открывал местечко, расположившееся у его подножия.

Любча расположена на правом берегу Немана у дороги, ведущей в Кореличи. Улицы подчинены реке: параллельны или перпендикулярны к ней. Концы улиц замыкались брамами из камня и дерева; в отдельных местах между ними ставился частокол. Некоторые брамы имели башнеобразное построение. Шесть жилых кварталов включали в себя около 150 домов. Середину обширной прямоугольной площади (около 1,5 га) занимали торговые ряды и мастерские ремесленников. По инвентарю 1667 г. в местечке насчитывалось 52 лавки, которые, очевидно, разместились не только в рядах, но и в жилых домах, примыкающих к площади. Вся застройка, за исключением отдельных частей въездных брам, была деревянной. Регулярная планировка и застройка местечка Любчи являет интересный пример подражания градостроительной деятельности феодалов во владельческих городах. Этим Любча заметно отличается от других местечек Белоруссии середины XVII в.

ГОРОДСКОЕ ЖИЛЬЕ

Материалы, позволяющие в какой-либо мере судить о городском жилье Белоруссии до XVI в., еще не обнаружены. Отдельные описи имений и редкие графические документы восходят к XVI—XVII вв. Поскольку жилье тех времен насчитывается единицами, эти материалы приобретают исключительную ценность. С их помощью можно проследить типы жилых построек, применяемые строительные материалы и конструкции, отдельные архитектурные формы и пр.

О характере жилищного строительства XVI — первой половины XVII в. в городах Белоруссии дают представление гравюры Гродно 1568—1572 гг. и первой четверти XVII в., рисунок Полоцка 1579 г., гравюры Несвижа и Клецка начала XVII в., карта с рисунком Любчи 1645 г., Речицы 1649 г., Бреста 1657 г. и др. «Чертеж» города Витебска 1664 г. также может быть отнесен к рассматриваемому периоду, учитывая консерватизм жилья, резкое сокращение, замораживание строительной деятельности во второй половине XVII в. из-за затяжных и опустошительных войн.

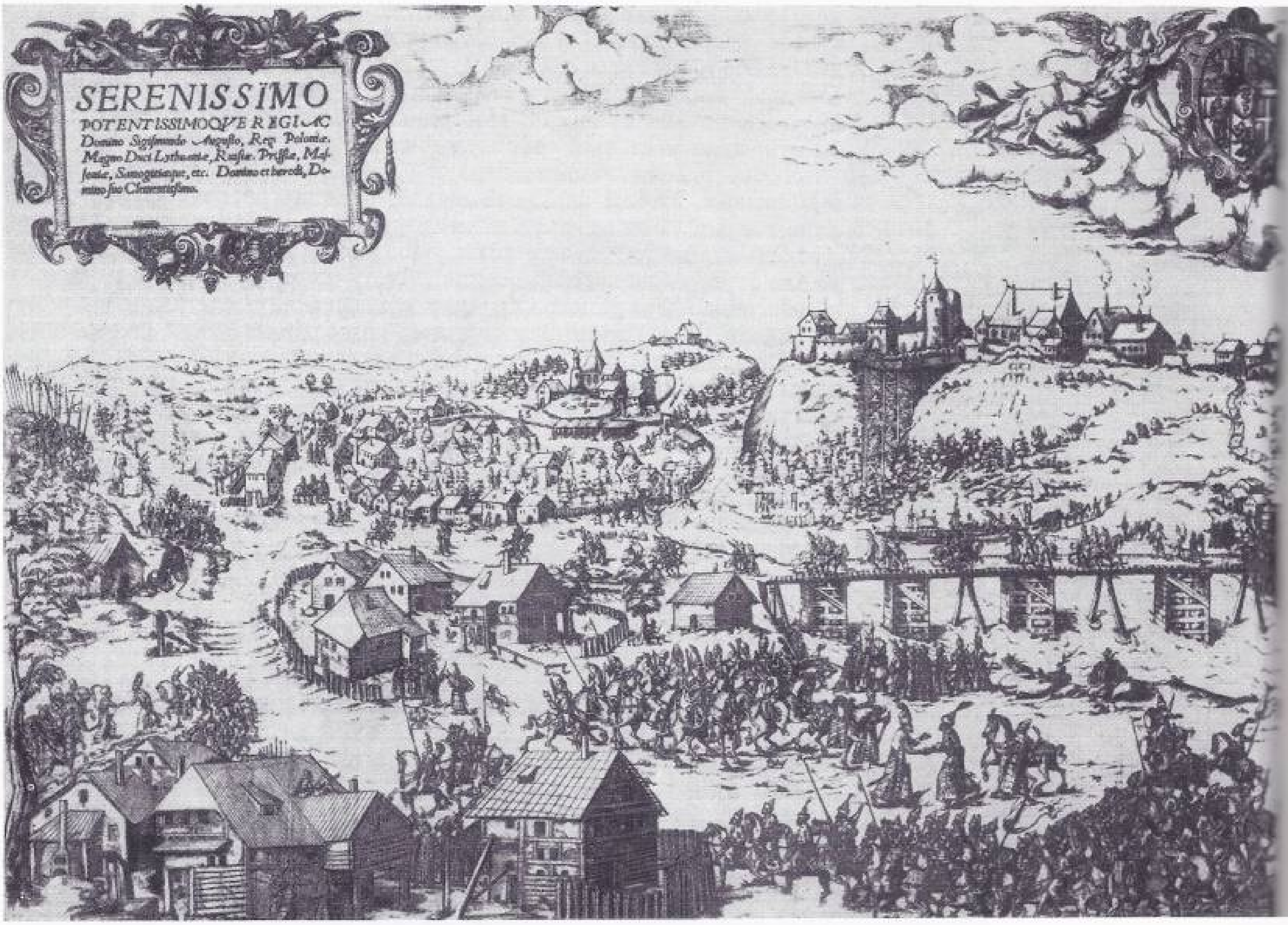
Качество графических материалов по городам самое различное; многие документы грешат излишней условностью, так как выполнялись для разных, в том числе и военных целей. Однако некоторые рисунки были исполнены профессиональными графиками: Несвиж и Клецк — Т. Маковским, Гродно — Г. Адельгаузером. Гравировались рисунки другими художниками в известных центрах полиграфии Европы (например, Нюренберге). Это обеспечивало хорошее качество изображения, но иногда приводило к значительному искажению архитектурных образов. Брест по гравюре больше напоминает западноевропейский, чем белорусский город. Выдающимися являются гравюра Гродно и «чертеж» Витебска: они наиболее полно из всех имеющихся материалов свидетельствуют о составе застройки городов тех времен, представляют исходные данные для первых обобщений по жилищному строительству.

Жилые дома, изображенные на гравюре города Гродно, можно разделить на два типа: первый, наиболее массовый, сосредоточен

План Могилева, XVII в.

План Гродно, середина XVI в. (по Е. Квитницкой)

Рисунок местечка Любчи, 1645 г.

в правобережной части города, на плотно застроенном Подоле; второй, малочисленный, тип жилья, принадлежащий зажиточным горожанам, показан на первом плане рисунка.

На правобережье Немана застройка имеет достаточно организованный характер, дома ориентированы главными торцовыми фасадами на улицы. Многие из них объединены в группы по три-четыре дома и окружены оградами. Застройка в группах плотная, без присадебных участков. Последние имеются только на склонах холмов, на землях, малоудобных для строительства. Дома рублены из брусьев, на подклетах в полтора-два этажа, компактные — на два-четыре окна. Вход как с торца, так и с протяженной стороны дома, что, очевидно, следует объяснить профессиональной принадлежностью владельца. Встречаются образцы, в которых второй жилой ярус нависает над подклетом и поддерживается подкосами. В этом случае внизу иногда создавалась закрытая галерея. Крыши домов двух-, реже четырехскатные. Жилье зажиточных горожан отличается более сложным объемным решением, иногда трехъярусной композицией, наличием различных пристроек.

Во многих домах обоих типов встречается применение фахверковой конструкции — деревянного каркаса с кирпичным или глинобитным заполнением. В этом случае нижние стены возводились из

Гравюра Гродно, 1568—1572 гг.

брусьев или кирпича, бутового камня. Многие дома изображены с трубами, что может свидетельствовать об отходе отопления «по-черному». Крыши под гонтом или тесом; по описи к гравюре известно, что устройство соломенных крыш по противопожарным соображениям запрещалось. В этой же описи указано на наличие в городе каменных жилых домов. Однако по гравюре определить их не представляется возможным: не исключено, что они располагались на торговой площади и не попали в изображение.

На гравюре Несвижа заметна регулярность в размещении жилых домов: они поставлены правильными рядами за городскими стенами. Постройки единообразны, ориентированы на улицы торцовыми фасадами, расположены вплотную или почти вплотную друг к другу, приусадебные участки отсутствуют. Крыши — двускатные, на них видны дымовые трубы. В новой, неукрепленной части города за рекой Ушой также просматривается известная регулярность в размещении жилой застройки и те же принципы в расстановке домов на улице. Однако заметна бóльшая свобода в использовании территории, в частности здесь уже появляются приусадебные участки.

В свободных (коронных) городах — Витебске и Полоцке, судя по графическим изображениям, жилье сформировалось в кварталы без соблюдения правил регулярности. Это следует объяснить эволю-

ционным развитием городских планов, которых не коснулись мероприятия по кардинальному переустройству.

Некоторый материал по планировке деревянных жилых домов дает инвентаризация, составленная по Любче в 1651 г. в связи с выходом местечка из-под юрисдикции замка. Описание и оценка многих десятков домов позволяют судить об их разнообразии и различиях в сочетании жилых домов и хозяйственных клетей на участке. Однокамерного жилья в поселении не отмечено; встречаются двух-, трех- и многочастные постройки. Дома с развитой внутренней планировкой, судя по их составу, имели и производственную часть, выходящую на улицу. Производственная часть отводилась под лавку, мастерскую ремесленника или небольшую корчму. Дома такого типа с характерным построением фасада широко известны во многих белорусских городах XVII—XVIII вв.

В общих чертах об архитектуре жилья середины XVII в. можно судить по «чертежу» города Витебска 1664 г. Несмотря на эскизность изображений, представляется возможным с его помощью классифицировать деревянное жилое строительство.

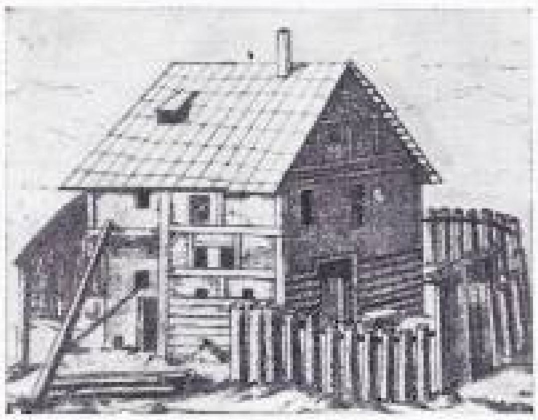
Пять типов домов, изображенных на «чертеже», достаточно полно показывают эволюцию городского жилья. При значительном отличии пятого и первого типов — высшего и простейшего — в них заметны родственные черты и приемы, традиционные для всего деревянного строительства. Характерны прямоугольные в плане клети, срубленные из круглых бревен. Количество венцов, определяющее высоту сруба, колебалось от 8 до 13. В домах высшего типа количество венцов определить невозможно, так как срубы снаружи оштукатурены. Жилые дома высшего типа имеют большие размеры, сложную композицию, их фасады отличаются насыщенной декорацией.

Первый тип жилья — *односрубный дом без подклета, с двускатной крышей*. Второй тип — также *односрубный*, но *с небольшим прирубом для хозяйственных целей*. Третий тип — *двухсрубный дом, соединенный сенями, иногда на подклете, покрытый общей двускатной крышей*. Эти три типа домов курные, с небольшими окнами, мало чем отличаются от сельского жилья. Четвертый тип жилья — *двухсрубный дом, в котором один сруб протяженный, а к нему под прямым углом примыкает короткий*. Дома этого типа имеют окна

Жилая застройка на правом берегу Немана в Гродно (по гравюре середины XVI в.)

Жилые дома Гродно (по гравюре середины XVI в.)

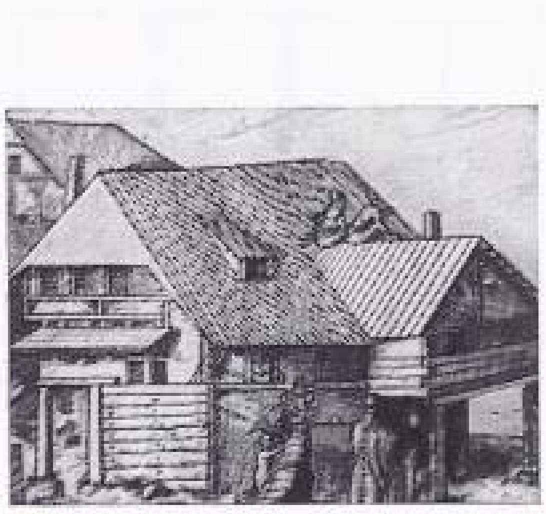

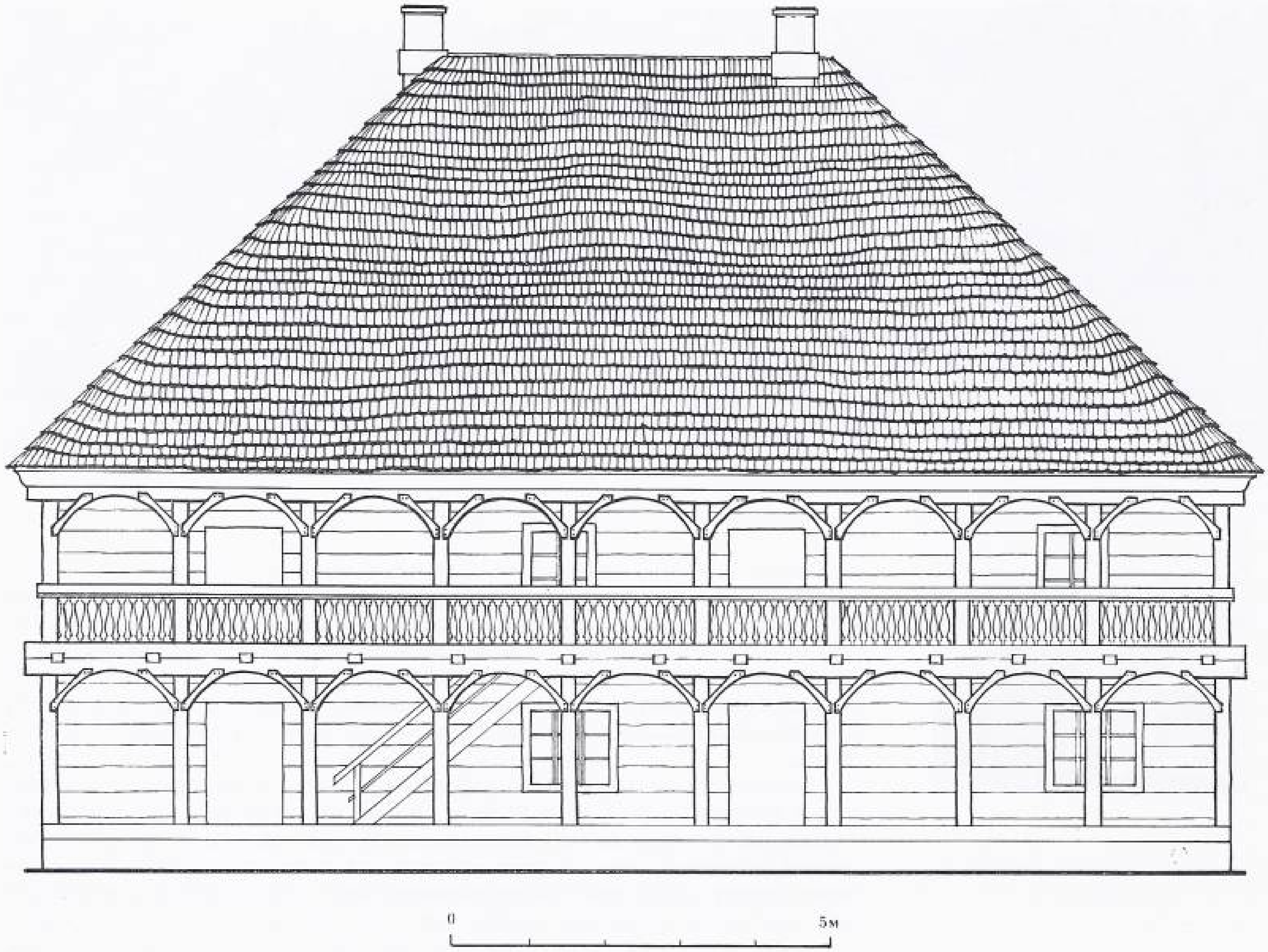
большого размера, печи с дымоходами, крыльца, пристройки у задней стены для хозяйственных нужд. Пятый тип — *хоромы, представляющие усложненный четвертый тип дома: с разнообразными крыльцами, обходными балконами-галереями, башнями и башенками, увенчанными шатровой крышей и луковицей.* В каждом типе жилых домов проявляются черты, свойственные белорусскому зодчеству, которые отмечаются и на последующих этапах развития архитектуры.

Дома помещичьих усадеб строились в подавляющем большинстве, как и все другое жилье, из дерева. Они были одноэтажными или двухэтажными (на подклетах).Нижний этаж, по планировке аналогичный жилой половине дома, использовался для хозяйственных нужд. Широкое распространение имели одноэтажные постройки с симметричной внутренней планировкой, где среднее место занимали сени, а по сторонам — жилые комнаты (светлицы); отопление, как правило, печное с дымоходом. В конструкциях нередко применение фахверка. Набор хозяйственных построек помещичьей усадьбы был значительным. Среди них выделяются амбары-лямусы, часто двухъярусные с галереями.

В помещичьих усадьбах и при монастырях амбары служили не только для хранения имущества и инвентаря, но были жильем для батраков и службы. Поэтому размеры их больше, а планировка сложнее. Из массивных брусьев была срублена в 1634 г. *во дворе бригитского монастыря в Гродно постройка, которая занимает промежуточное положение между амбаром и жильем.* Ее первый этаж использовался как хранилище для имущества, а второй был приспособлен под общежитие монахинь. Главный фасад с арочной галереей (подсенями) на два этажа и высокая четырехскатная гонтовая крыша сближают ее архитектуру со старым типом жилых домов. Все детали постройки просты и выразительны. Конструктивные элементы связаны врубками и деревянными клиньями.

Интересный *амбар* с фахверковой конструкцией, относящийся к XVII в., имелся при *иезуитском монастыре в Гродно.* В нем одна половина постройки и мансарда использовались по прямому назначению, а вторая половина была отведена под жилье. Она имела двойные деревянные оштукатуренные стены и печи. Получилась оригинальная постройка, уже в фасаде которой виден сплав двух разнородных по своему назначению частей.

КРЕПОСТНОЕ И ЗАМКОВОЕ ЗОДЧЕСТВО

Крепостное и замковое зодчество Белоруссии прошло сложный путь развития. Отвечая на каждом этапе общему уровню строительной и военной техники, столетиями совершенствуясь, получая различные планировочные композиции и формы, оно определило большую часть монументальной архитектуры средневековья.

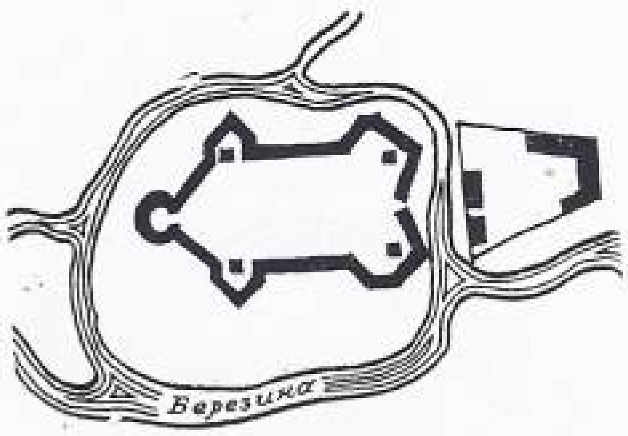
На белорусской земле в понятие «замок» вкладывался не всегда одинаковый смысл. В городе замком часто называли укрепленное место, бывшее в древности крепостью. Такой замок был общегородской цитаделью, местом защиты жителей от неприятеля (Витебск, Полоцк).

В тех случаях, когда в большом укреплении располагался великокняжеский дворец (Новогрудок, Гродно), оно также часто именовалось замком. Эти замки имели государственное значение и предназначались для защиты всего города, выросшего у его подножия.

В Белоруссии замками называли все виды укреплений или резиденции знати. Уместно сказать, что в Гродно дворец, построенный в первой половине XVIII в. для заседаний сейма и одновременно как королевская резиденция, назывался Новым замком, хотя никаких

оборонительных функций он не выполнял. Таким образом, можно прийти к выводу, что в обиходе именование «замок» или «крепость» не всегда отвечает истинному положению.

Другое значение понятия «замок» — это укрепленное жилище феодала, построенное на владельческих землях и предназначавшееся только для него. Если на Руси не встречается укреплений, возводившихся частными лицами, то в Белоруссии такие сооружения не были редкостью. Личная безопасность феодалов не обеспечивалась ни правами, ни взаимным уважением, ни централизованной властью, и это породило систему средневековых укреплений.

При классификации оборонно-крепостного зодчества в Белоруссии следует исходить из того, что *замками более справедливо называть владельческие укрепления феодалов XVI — XVII вв.* Обычно это были дворцово-замковые ансамбли.

По использованию строительных материалов крепостное зодчество Белоруссии делится на деревянное и каменное. Нельзя считать, что деревянные укрепления были только первым этапом крепостного строительства, вытесненным позднее. Деревянное и каменное крепостное зодчество развивалось параллельно, во взаимосвязи и часто с одинаковым подходом к решению оборонительных задач. Развитие деревянного крепостного строительства было обусловлено не только наличием в стране хорошего строевого леса, но и традиционным умением белорусов работать с этим материалом. Иногда элементы каменного и деревянного крепостного зодчества переплетались в одном объекте. Например, в оршанской крепости на каменных стенах высились деревянные башни, а в витебской крепости в общую систему деревянных укреплений были вкомпонованы каменные башни. Эти примеры свидетельствуют о том, что камень и дерево часто дополняли друг друга в одном укреплении.

Крепости, построенные в 1566—1567 гг. по указанию Ивана IV вокруг Полоцка во время войны с Польшей,— Туровля, Суша, Козьян, Красная, Ситно, Сокол — имеют значительное сходство, хотя только первые две из них каменные, а остальные — деревянные. Все они были построены на единых фортификационных началах с использованием рельефа и водоемов, имели однохарактерные башни и стены.

Регулярность планов указанных крепостей не была новинкой для белорусского крепостного зодчества. Достаточно вспомнить укрепления в Лиде и Крево XIV — XV вв. или замки в Геранонах и Мире XVI в. При сопоставлении крепостей Туровли и Суши с Мирским замком обнаруживается известное сходство как в общем характере плана, так и в построении башен. Все это объясняется двумя причинами. Во-первых, распространение крепостей с геометрически правильным планом, с прямоугольными и восьмигранными башнями было характерным для белорусского крепостного зодчества XVI — XVII вв. Во-вторых, строительство крепостей осуществлялось не только военными специалистами, но и местными жителями, которые вносили в него уже известные и получившие широкое распространение национальные приемы.

Деревянные башни и стены до наших дней не сохранились. Поэтому судить об их конструкциях, характере планировки и архитектуре весьма трудно. Некоторые данные о них можно извлечь из инвентарей и старых рисунков, сохранившихся до настоящего времени в ограниченном количестве.

Радошковичский замок середины XVI в., согласно инвентарю, построен в низине на насыпном холме и окружен прудами и реками Гуя и Вязынка. Вдоль замка тянулся ров, заполненный водой, через который был перекинут подъемный мост. У моста стояла главная

Фасад и план деревянной постройки во дворе бригитского монастыря в Гродно, 1634 г.

Укрепления Браслава, Иказни и Геранон (рисунки с карты Т. Маковского, 1613 г.)

План замка в Борисове (по материалам XVIII в.)

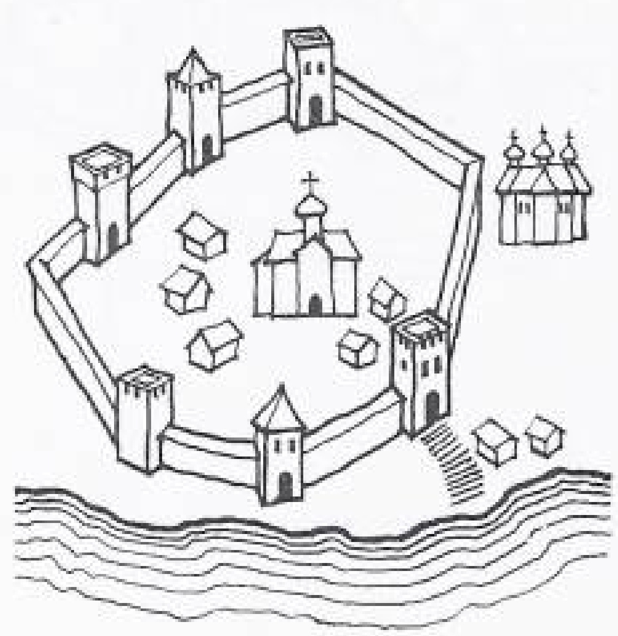
трехэтажная башня, «рубленная из великого и доброго протесья». Ее первый этаж прорезался воротами, второй был занят «великой светлицей», третий приспособлен для обороны. Остальные три башни прямоугольного и восьмиугольного сечения имели различное назначение. В них, кроме помещений для обороны, размещались кладовые (свирны), часовни (каплицы).

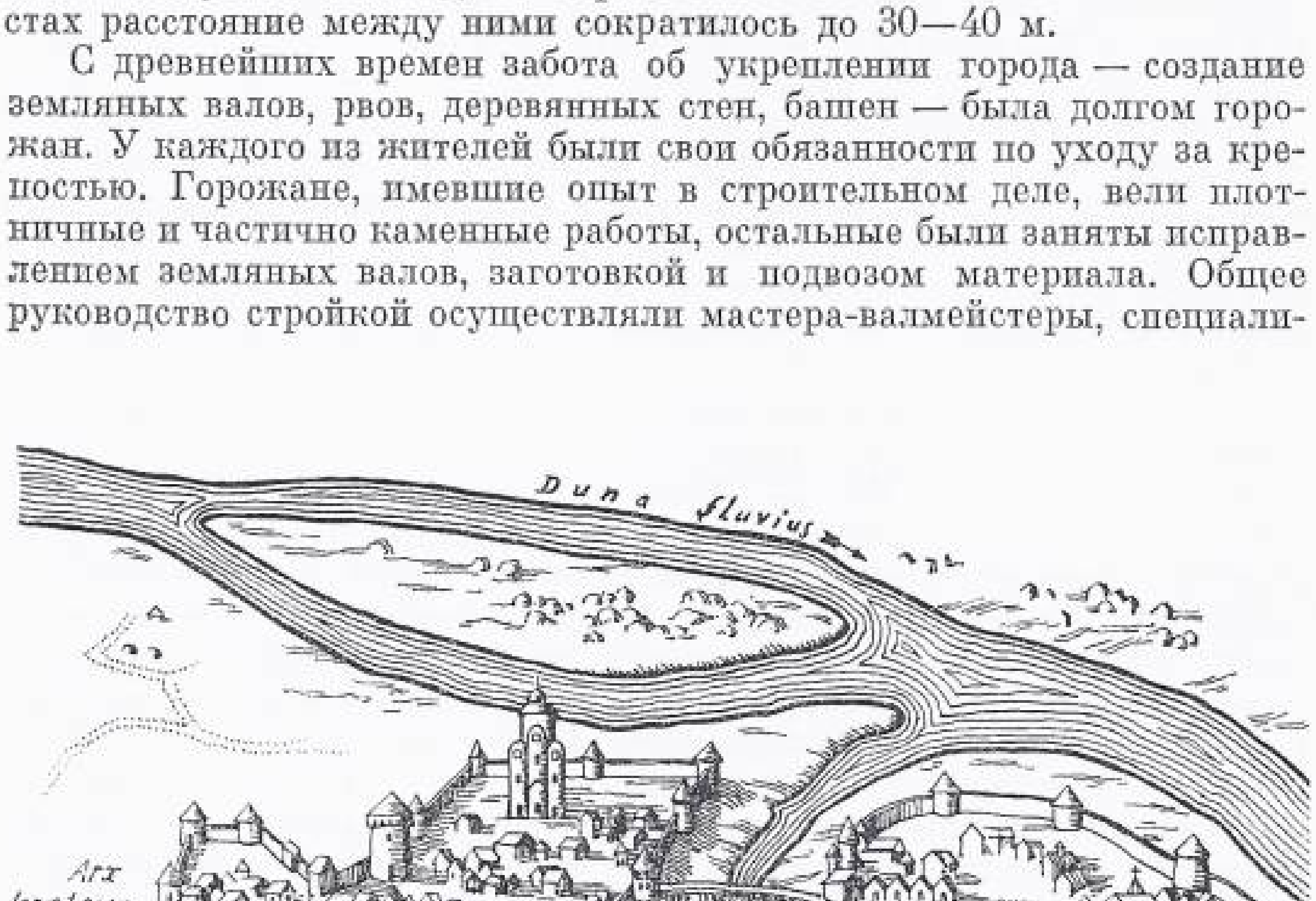
Размещение *Борисовского замка* XVI—XVII вв. также низинное, с максимальным использованием водоемов. Обращает на себя внимание регулярность в расположении построек. Головное место среди них занимал дворец. За пределами укреплений, напротив входа в замок, было несколько строений, которые можно отнести к хозяйственному придатку цитадели.

Верхний замок в Полоцке оставался в XVI в. главной частью города. Располагаясь на высоком холме при впадении в Двину реки Полоты, он занимал обширную территорию. Своим местоположением в плане, застройкой, системой укреплений он подчинил себе другие районы и представлял главную оборонную мощь города. В 1563—1579 гг. русскими войсками были созданы в Полоцке новые деревянные укрепления, которые пришли на смену стенам и башням, сожженным во время осады. О характере изменений, происшедших в Верхнем замке, как и во всем городе, позволяет в некоторой степени судить миниатюрный рисунок С. Пахоловицкого (1579), изображающий крепость, и записки капитана А. Гванини. На рисунке хорошо видны башни. Они многообразны по высоте и внешнему виду, что объясняется разновременностью их строительства. Сооружение новых башен продолжалось и в XVII в. Их количество только в Верхнем замке увеличилось до 11. При этом в наиболее ответственных местах расстояние между ними сократилось до 30—40 м.

С древнейших времен забота об укреплении города — создание земляных валов, рвов, деревянных стен, башен — была долгом горожан. У каждого из жителей были свои обязанности по уходу за крепостью. Горожане, имевшие опыт в строительном деле, вели плотничные и частично каменные работы, остальные были заняты исправлением земляных валов, заготовкой и подвозом материала. Общее руководство стройкой осуществляли мастера-валмейстеры, специали-

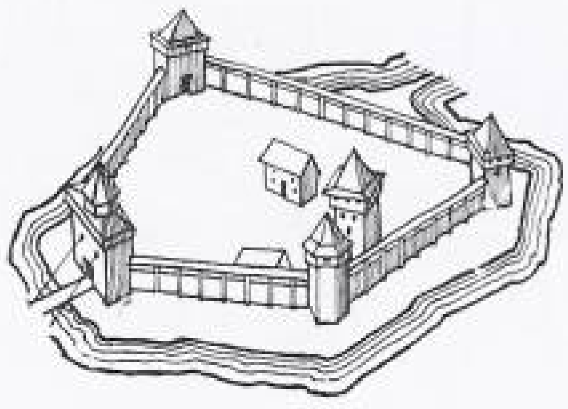

сты крепостного дела. Строительством башен занимались опытные плотники, объединявшиеся в артели. Руководителем такой артели, например, в Полоцке был Иван Долев, который в 1655 г. со своими помощниками построил Рождественскую башню.

Полное впечатление о деревянной крепости на белорусской земле дает уникальный графический документ — «чертеж» города Витебска 1664 г.

Витебская крепость относится к числу древнейших в Белоруссии. Протяженность ее деревянных стен в середине XVII в. превышала 3 км, а количество башен достигало 32. Толщина стен составляла 5,5 м, высота 4,5—7,5 м, хотя в отдельных местах не превышала 2,5 м. Стены, как и башни, были рублены «в венец» из толстых бревен. Башни крепости были в плане четырехугольными — «клетски рубленными» и восьмиугольными — «кругликами». Некоторые из них имели наружные лестницы. Различие в архитектуре и этажности башен не нарушало общности их композиции: все они в сущности были однохарактерными и подразделялись на проезжие и глухие. Проезжих башен было семь. Пять из них (Волконская, Заручьевская, Подвинская, Суражская и Темная) располагались на въездах в город. Они имели большие размеры, развитые помещения для караульной службы и выделялись своей монументальностью.

Каменные укрепления в силу исторических и политических причин большей частью строились в западных районах Белоруссии. Этим землям до XV в. грозила постоянная опасность со стороны крестоносцев. Линия мощных крепостных укреплений была проведена через Тракай, Вильно, Медининкай, Гродно, Новогрудок, Лиду, Крево. Каменные цитадели в центральных и восточных районах Белоруссии относятся к более позднему периоду, преимущественно к XVI — XVII вв.

Древнейшими каменными крепостями Белоруссии являются Лида, Крево, Новогрудок и Гродно. Заложены они были в разное время, поэтому в них наблюдаются различия архитектурно-планировочного и фортификационного порядка. Лида и Крево — простейшие крепости первой половины и середины XIV в., построенные на насыпном холме, с мощными стенами и низкими малочисленными (1—2) башнями. Новогрудок и Гродно — крепости, восходящие к XII — XIII вв. и перестроенные в XIV — XVI вв., расположенные на высоком холме, с мощными многочисленными (5) башнями.

Начиная с XIV в. особое внимание уделялось сооружению мощных башен. Это не случайно: наращивание мощи крепостных башен диктовалось не столько ростом строительной техники, сколько развитием военного дела. Завоевание артиллерией главенствующей роли среди остальных видов оружия отразилось на планировке и конструкциях крепостей и замков. Увеличилась толщина стен башен, возросло их количество. При этом высота башен уменьшилась: они потеряли былую роль дозорных вышек и стали рассматриваться прежде всего как оборонные сооружения. В этом случае башни входили в единую систему укреплений и были непосредственно связаны со стенами крепости.

Расположением на высоком холме крепости в Гродно и Новогрудке обязаны раннему происхождению. Многочисленные и высокие башни, не характерные для древних крепостей, они получили позже — в XIV — XVI вв. Можно допустить, что первоначально крепости в Гродно и Новогрудке были родственны крепостям в Лиде и Крево и, возможно, представляли разновидности укреплений одного типа.

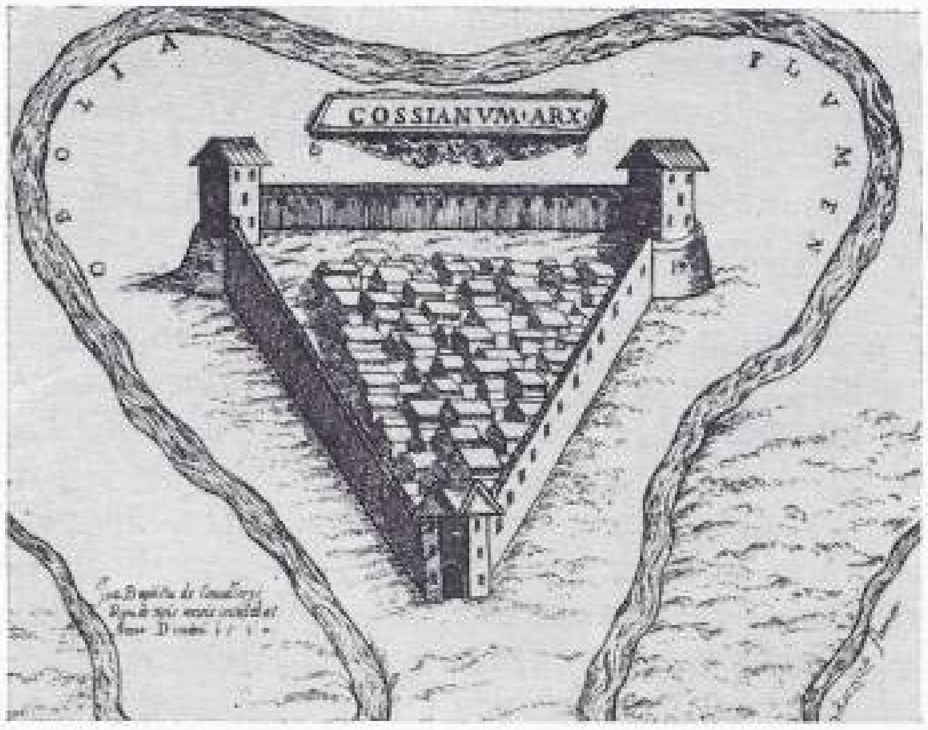
Крепости в Лиде, Крево, как и Медининкай (Литва), можно считать переходными от деревянных к каменным. Если их наружные

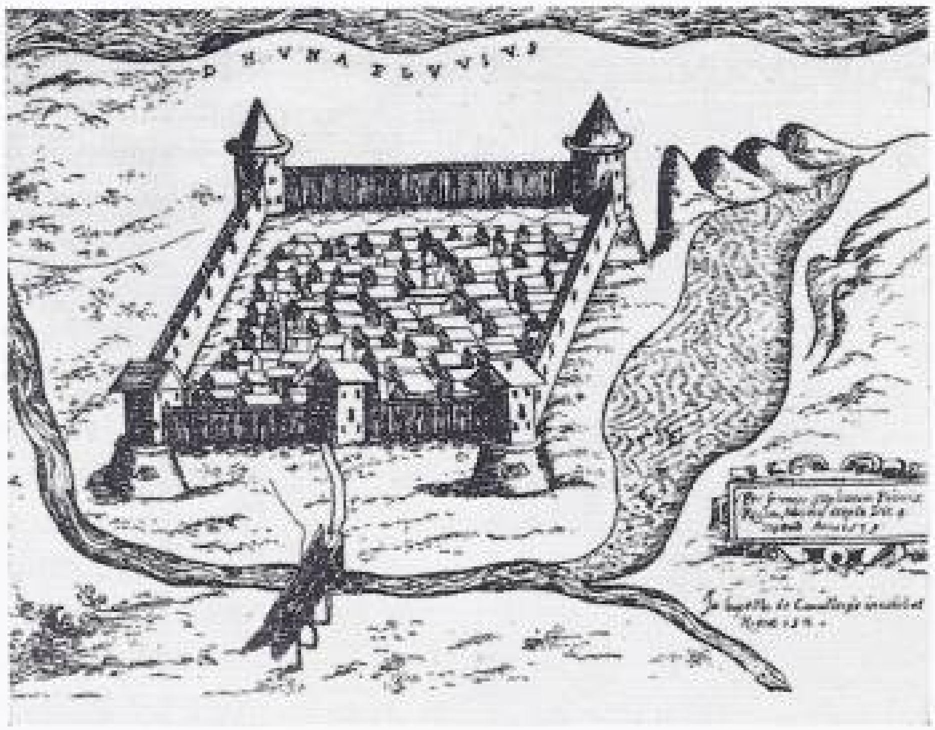
План Полоцка, 1579 г. (рисунок С. Пахоловицкого)

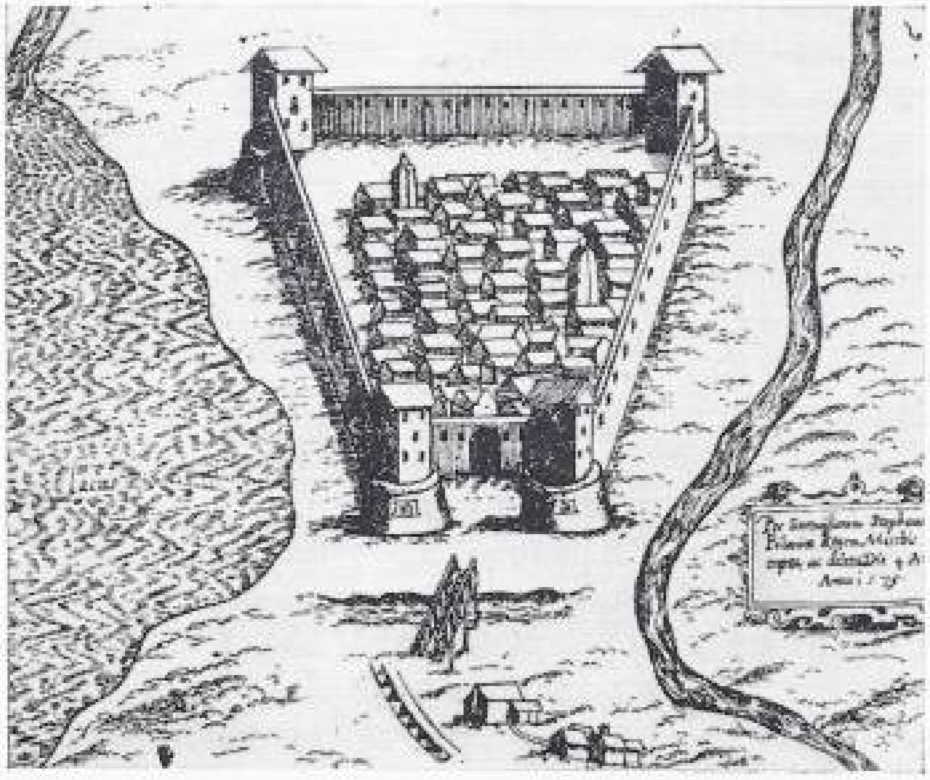
Застройка Верхнего замка Полоцка, 1579 г. (фрагмент рисунка С. Пахоловицкого)

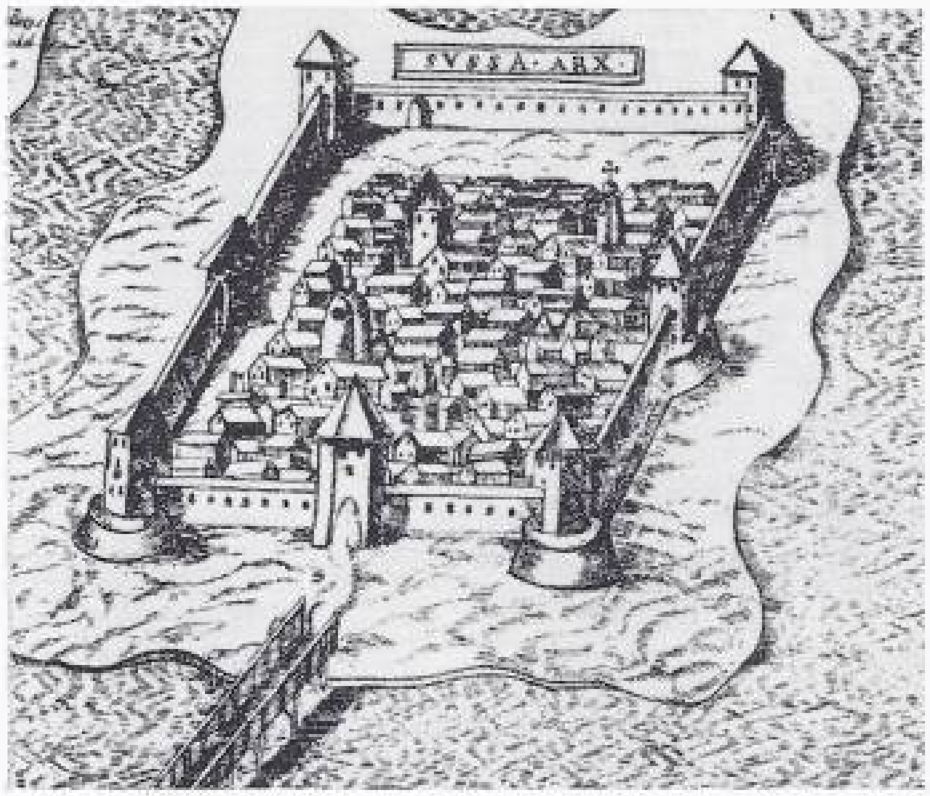
Изображение Полоцка по карте конца XVII — начала XVIII в.

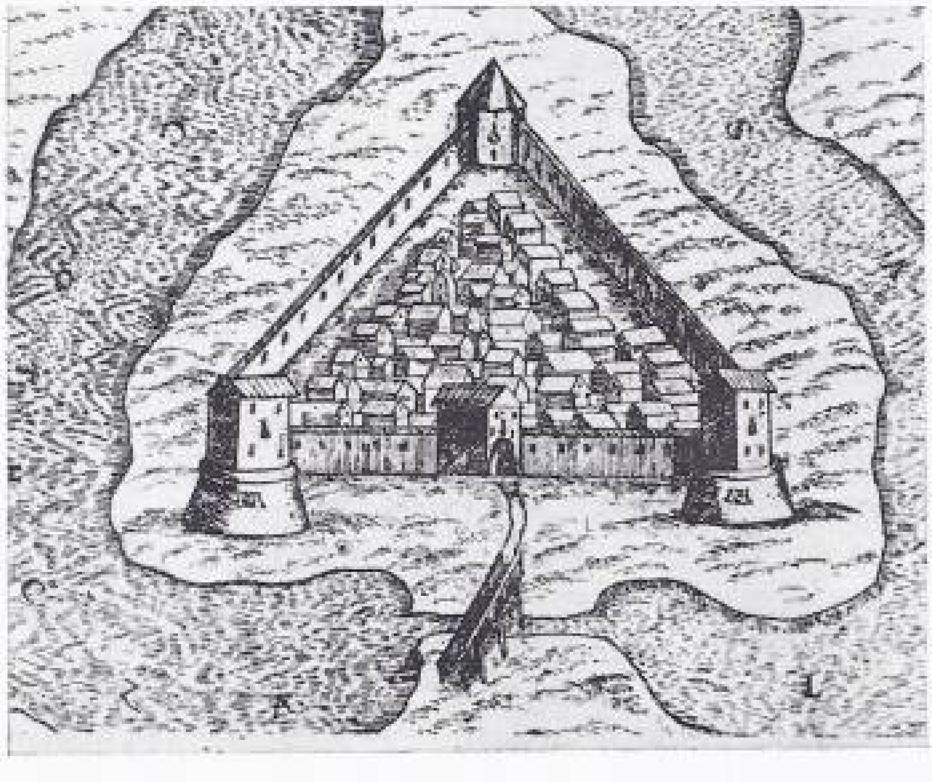
Замок в Радошковичах, середина XVI в. (по А. Митянину)

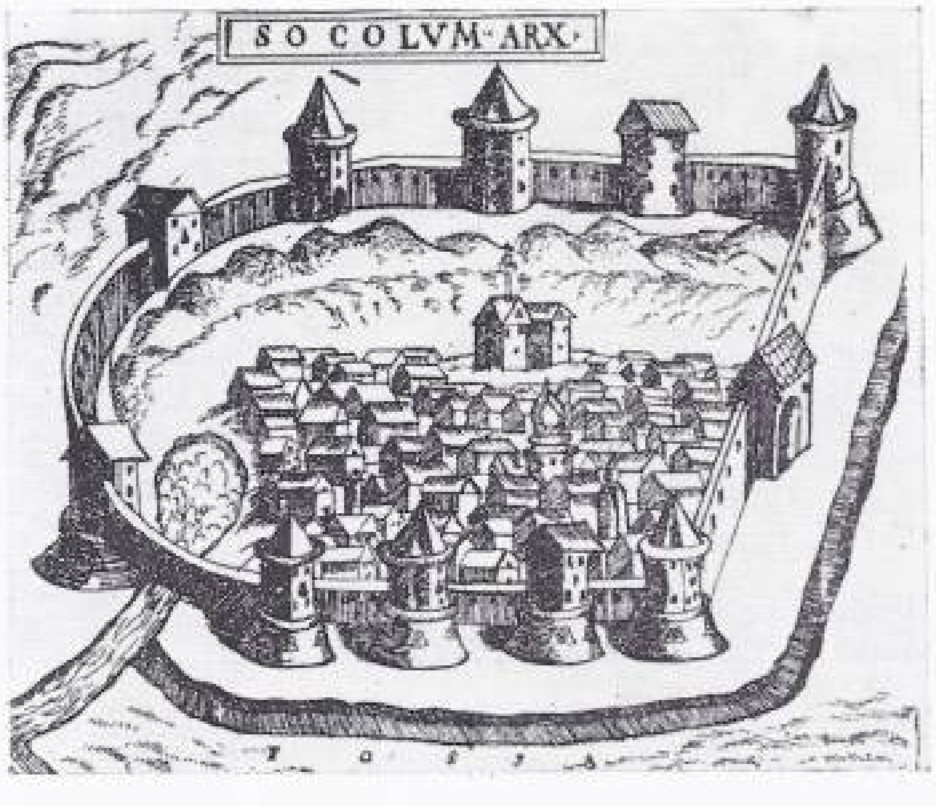

COSSIANVM·ARX

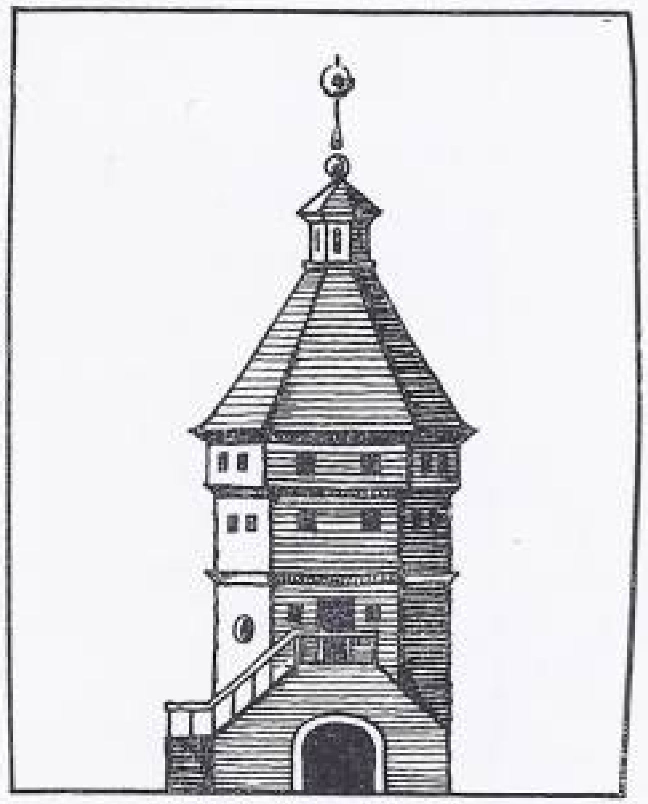

DVNA FLVVIVS

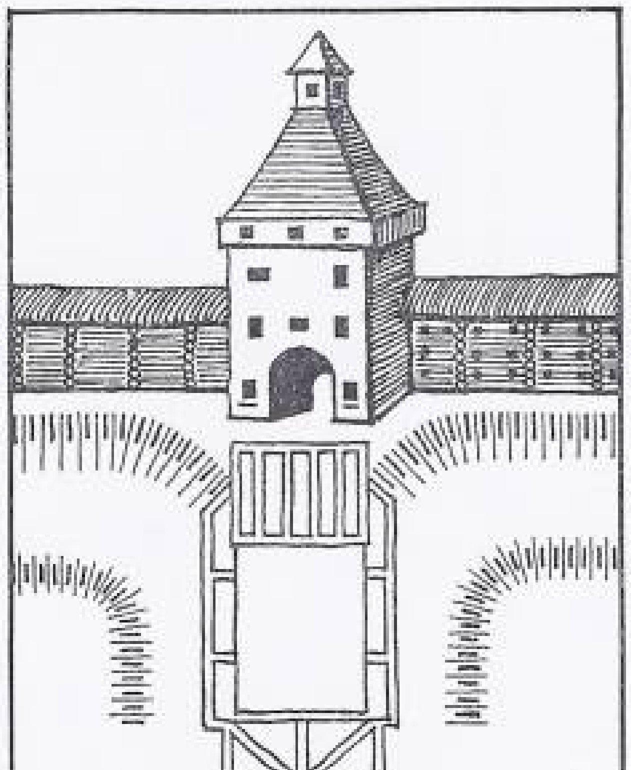

SVSSA·ARX

SOCOLVM·ARX

стены были выложены из камня — валуна и кирпича, то внутренние постройки были преимущественно деревянными.

Крепость в Лиде (Гродненская область) — оборонный форпост от крестоносцев на западной границе страны — была построена при Гедимине в 1323 г. Осады, которые выдерживала крепость, привели к повреждению стен, разрушению башен и полному уничтожению ее деревянной застройки внутри. Крепость заложена на насыпном холме. Ее план в виде прямоугольника, близкого к квадрату, имеет площадь около 0,6 га. Толщина стен у основания достигает 4 м при высоте 12 м. Верхняя треть стен, угловые части и обрамления проемов выполнены из кирпича, а остальной массив крепости сложен из крупных камней-валунов. Крепость имела две башни. Прямоугольные в основании, они располагались в углах ее диагонально друг другу и не выступали за лицевую сторону стен, а выдавались во двор. Архитектуру и фортификационные особенности башен трудно представить, так как они полностью разрушены.

В сохранившихся фрагментах крепости в Лиде наряду с готикой встречаются элементы романской архитектуры. Это монументальность стен, полуциркульные арки и сдержанность в применении деталей. Характерные особенности позволяют отнести этот ансамбль к ранним произведениям крепостного зодчества на белорусской земле. По своей архитектуре крепость в Лиде близка к Луцкому замку 1383 г. Это позволяет говорить об известных связях между архитектурой на белорусской и украинской землях, которые ведут свое начало еще со времен Киевского государства.

В крепости Крево (Гродненская область), построенной Ольгердом в середине XIV в., наметился постепенный переход от конструкций, основную мощь которых составляли стены, к таким, где башни приобретали головное значение. Большая башня в южном углу крепости имела четыре яруса. Она выдавалась за стену громоздким массивом и служила как для обороны, так и для жилья. В плане башня была почти квадратная (10×11,5 м). Крепостные стены образовывали в плане неправильный четырехугольник. В верхней части стен, облицованных, как и башни, кирпичом, были стрельницы, площадь которых расширялась за счет деревянных балконов. Стены первоначально имели высоту 11—12 м и на одну треть от основания были выложены из камня-валуна.

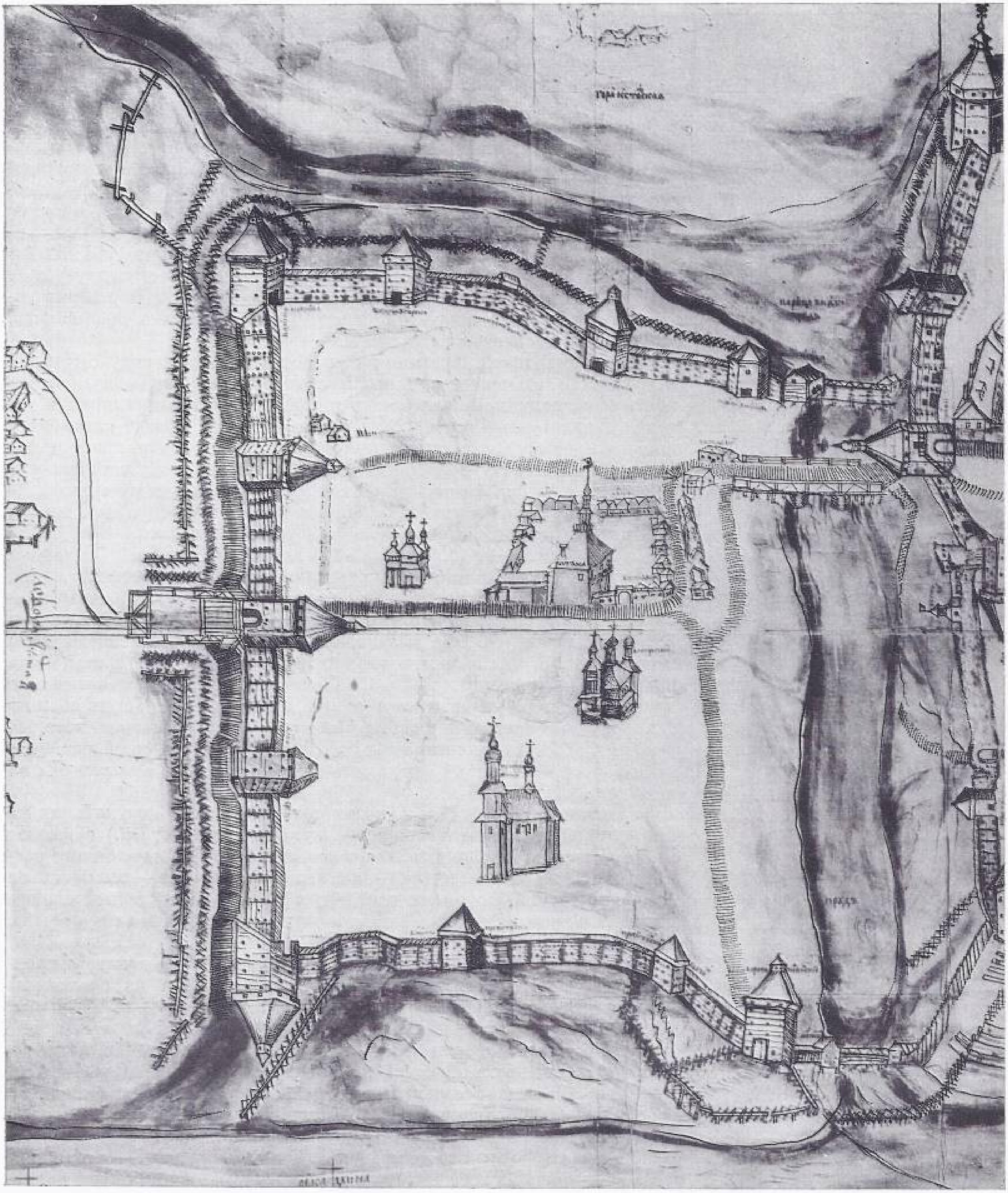
Крепость в Новогрудке (Гродненская область) — древнейшая на белорусской земле. Ее позднейшие стены (начало XVI в.) образуют многоугольник, объединяющий несколько башен. Четыре башни располагались по углам, пятая — проезжая и основная — высилась на северо-восточной стороне и, наконец, шестая разместилась у южного основания холма. Это была башня-колодезь, соединенная с крепостью скрытым проходом.

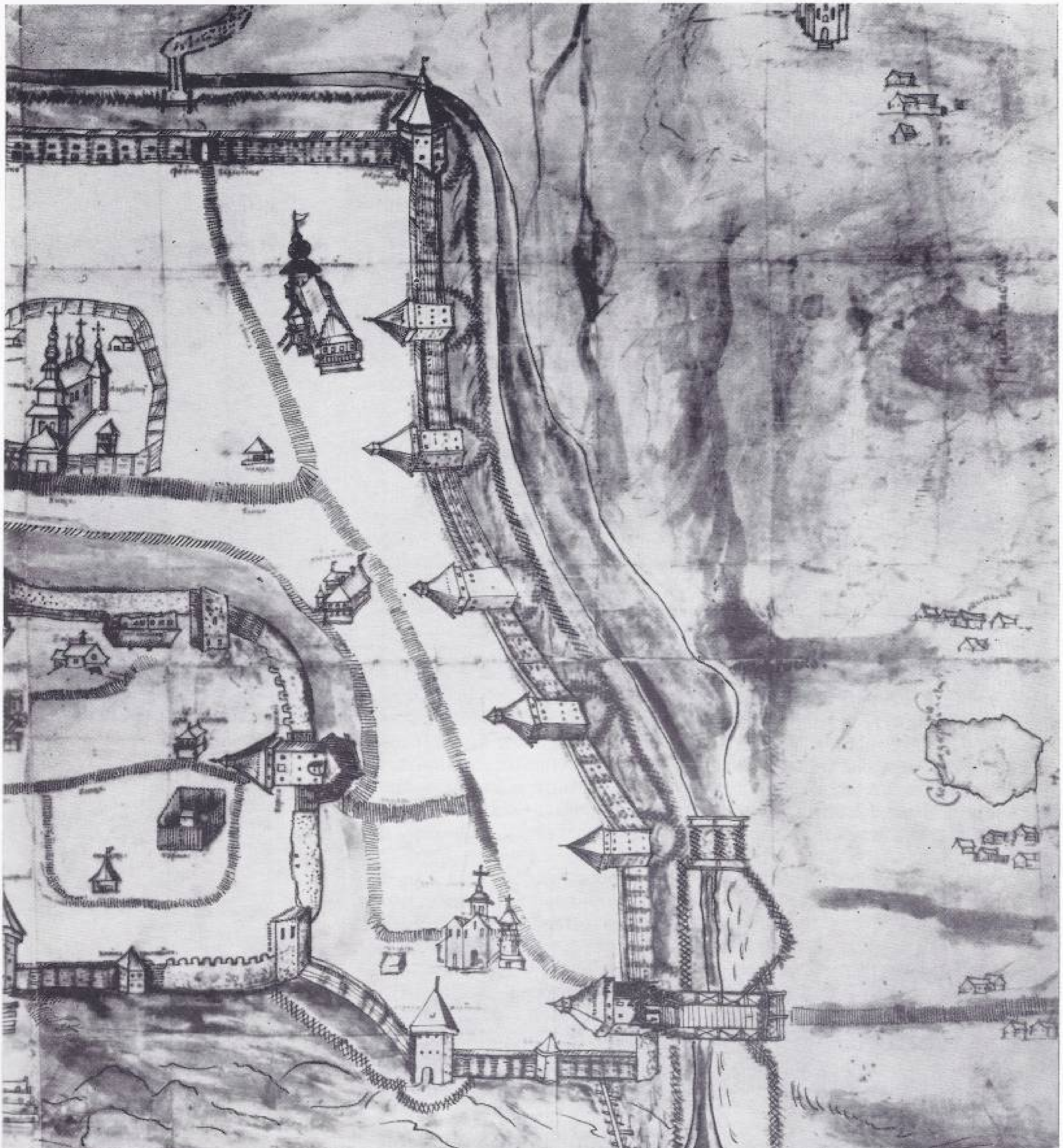
Основная крепостная башня — пятиэтажная, в виде четырехгранной, несколько сужающейся кверху призмы, имела внушительные размеры: протяженность ее фасадной стороны около 12 м. Сохранившаяся часть башни лишена архитектурных деталей и имеет вид каменного массива с бойницами в каждом этаже. Толщу башни прорезают широкие ворота стрельчатого очертания. Это был главный, а возможно и единственный въезд в цитадель. В средней части башни, на боковой ее стороне, сохранился небольшой эркер. Надо полагать, что он относился к жилой половине.

Фрагменты второй сохранившейся башни — угловой — позволяют установить, что на всей высоте, как и в основании, она имела прямоугольное сечение и монументальностью не уступала башне въезда. Однотипность этих башен свидетельствует о том, что строились они одновременно. Расположенные на самой бровке крутого холма, обо-

Крепости полоцкой земли — Козьяны, Ситна, Красная, Туровля, Суша, Сокол, середина XVI в.

Башни Волконский круглик и Суражская в Витебске (по «чертежу» Витебска 1664 г.)

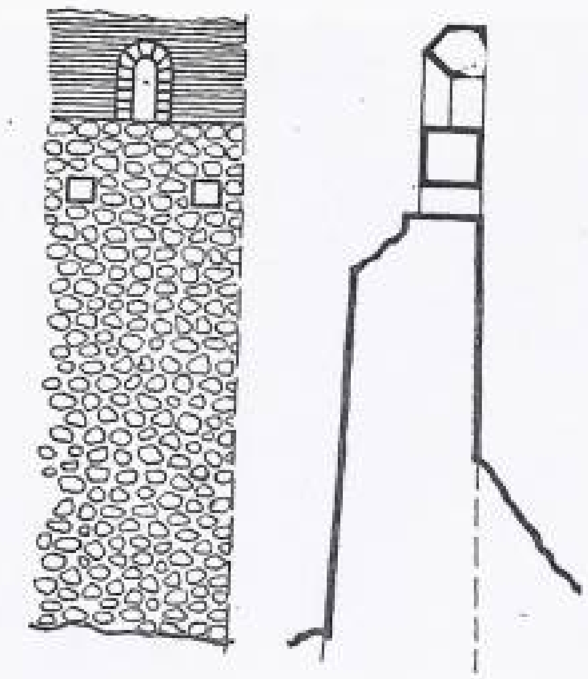

«Чертеж» Витебска, 1664 г.

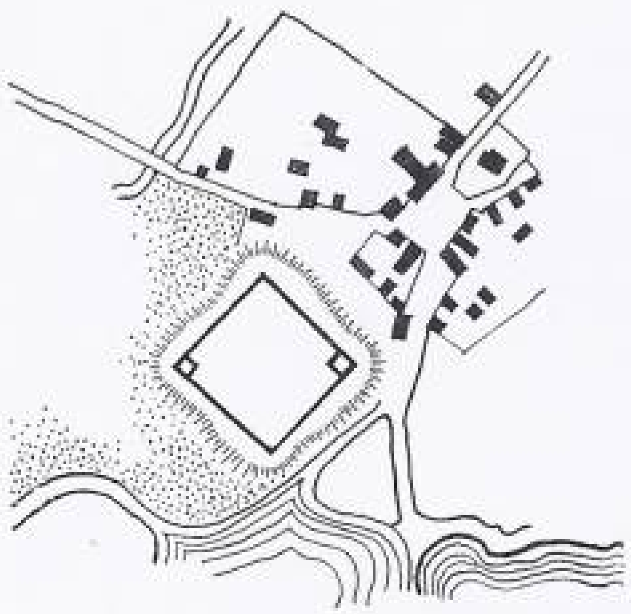
зреваемые за много километров от города, эти башни, как великаны, вырубленные из каменной глыбы, уже издали вещали о мощи крепости.

Внутреннее пространство Новогрудской крепости было занято постройками различного назначения. На небольшой территории площадью около гектара, некогда огражденной стенами с башнями, археологи обнаружили остатки храма, жилья, хозяйственных построек. В северо-восточном углу крепости, вплотную к ее стенам, найдены каменные фундаменты княжеского жилья. Многочисленные остатки строений, обнаруженные археологами в различных слоях земли, хотя и не воскрешают архитектурных и конструктивных особенностей зданий, но свидетельствуют о сложной истории Новогрудка.

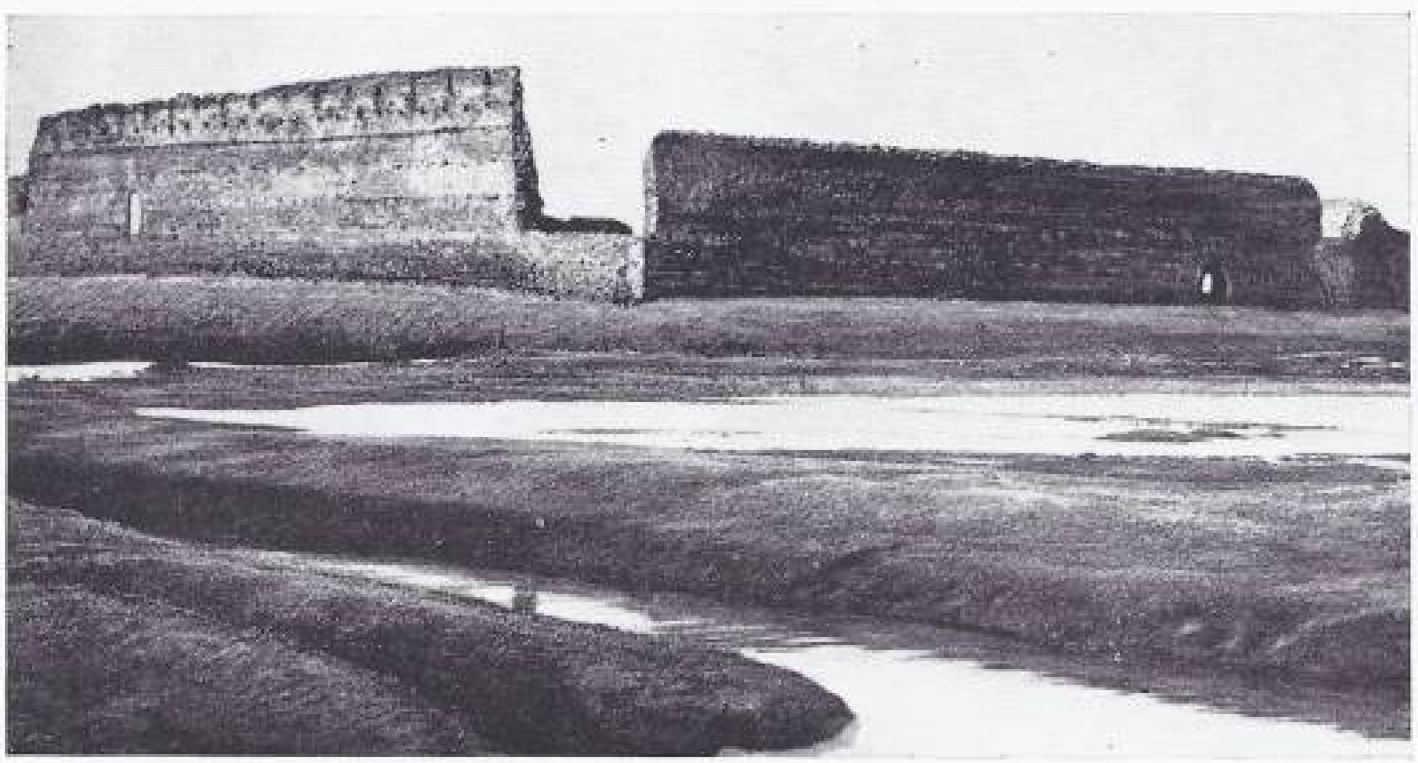

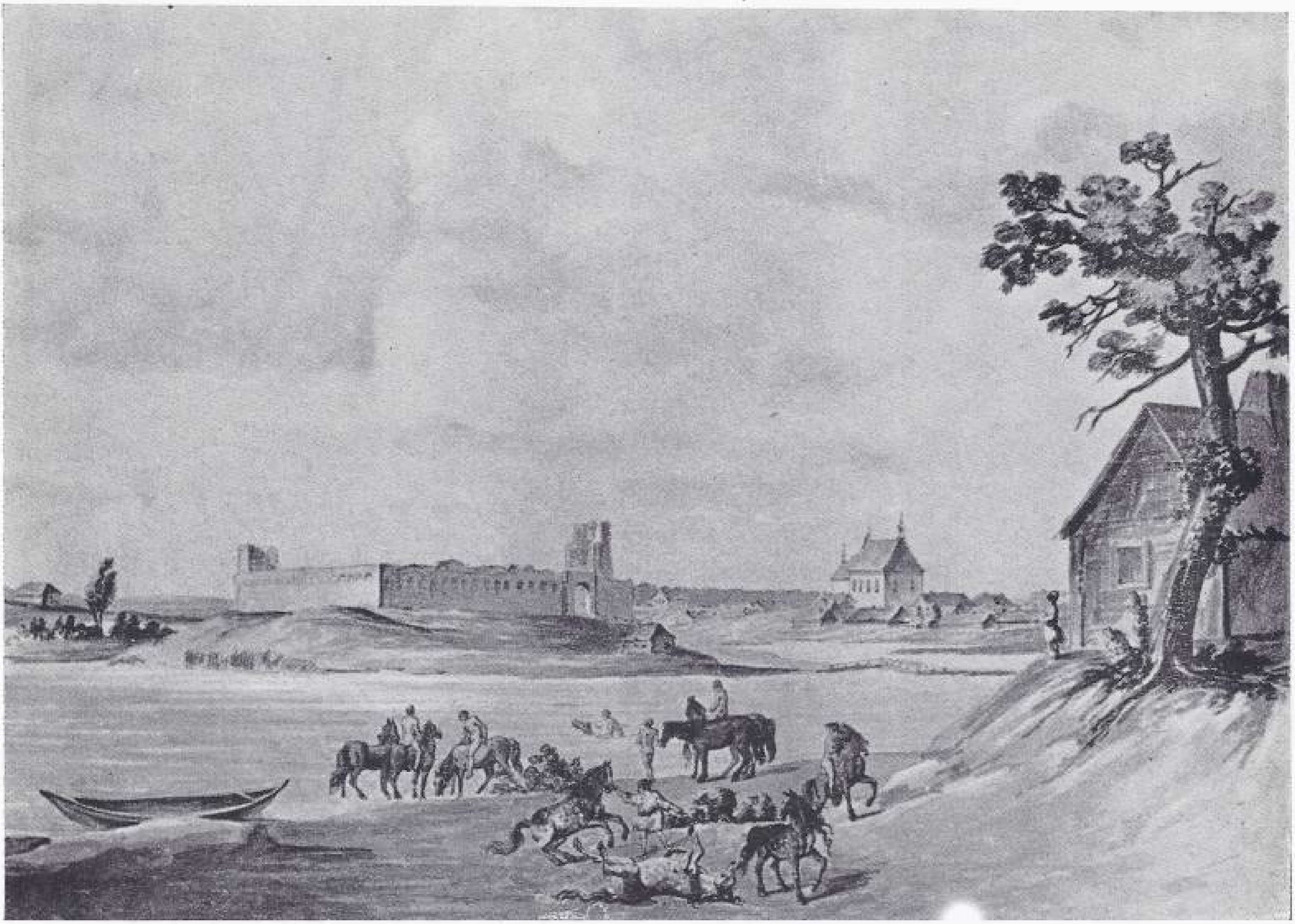
Гродненская крепость, или *Старый замок*, как ее часто именуют в литературе, подобно новогрудскому укреплению, много раз перестраивалась. В ее планировке и архитектуре заметны наслоения многих веков. Замок расположился на высоком и крутом холме на правом берегу Немана при впадении в него речки Городничанки. Бровка холма предопределила абрис его плана, близкий к треугольнику. Длина стен была 120, 90 и 70 м при толщине около 3 м. Стены имели неодинаковую высоту и завершались редкими зубцами. С наружной стороны они, как и башни, подпирались контрфорсами. От города замок отделялся оврагом и глубоким рвом.

В Гродненском замке времен Витовта имелось пять укрепленных башен. Поставленные по всему периметру стен, они обеспечивали оборону каждой из его сторон. Башни не сохранились до нашего времени: часть их была разобрана при строительстве дворца Стефана Батория во второй половине XVI в.; от других остались фундаменты или фрагменты стен.

Представление о внешнем виде замка Витовта дает гравюра города Гродно 1568 г., а также реконструкция, выполненная Т. Андреячеком по материалам Я. Войцеховского. Главная, въездная башня, открывающая доступ в замок, была квадратного сечения. Она помещалась в юго-восточном углу крепости и соединялась с городом подъемным деревянным мостом. В своей верхней части башня имела развитый пояс облам и бойницы, и завершалась она зубцами, прикрывающими боевые площадки. Две другие угловые башни и башня в стене над Неманом также были прямоугольного сечения. Одна из них выступала за пределы стены, нависая над оврагом, две другие — внутрь крепости.

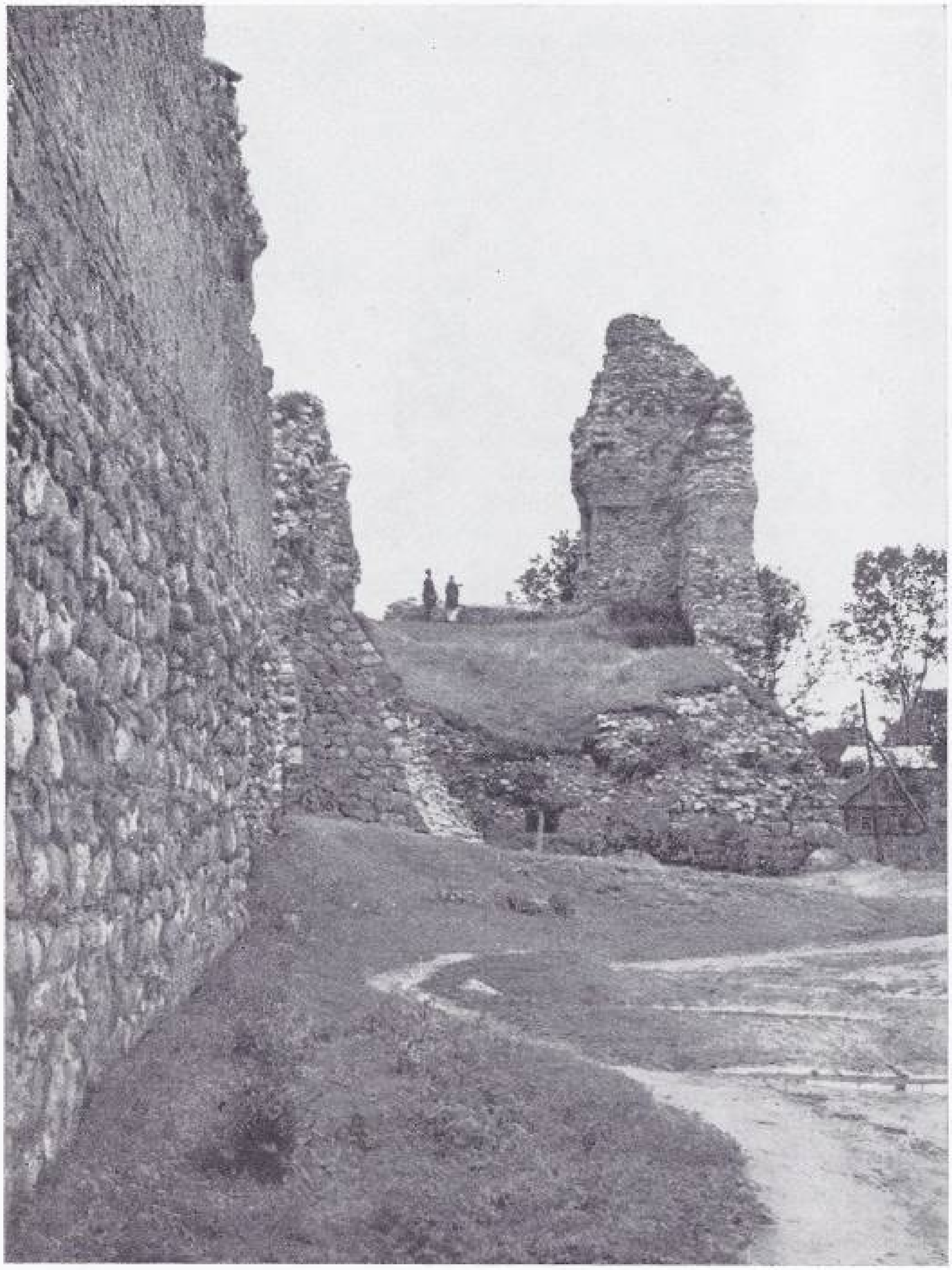

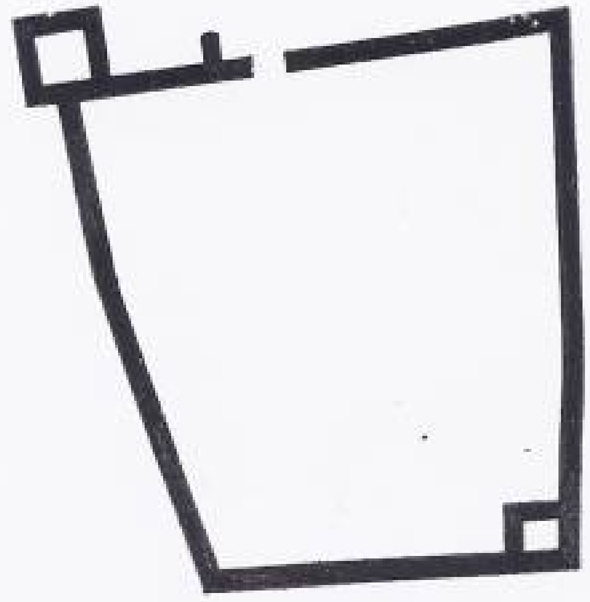
Высокая круглая башня, по всей вероятности, и была тем самым «столпом пред враты градныя», о котором говорится в Ипатьевской летописи за 1277 г. по поводу осады Гродно южнорусскими князьями. Это древняя башня, уцелевшая с XIII в. и включенная в замок Витовта. Она сильно выступала вперед и была важнейшей в системе укреплений. Положение башни выбрано весьма удачно: она прикрывала подходы к воротам и защищала восточные стены замка. Венчалась башня зубцами и конусообразной крышей. По своему характеру она близка к оборонно-сторожевым башням типа вежи в Каменце.

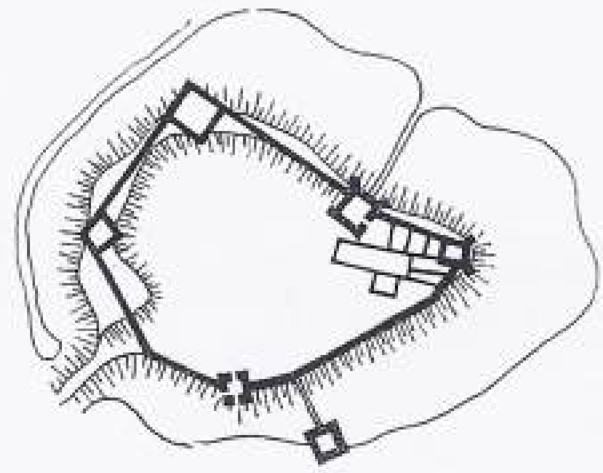
К восточной стене замка между двумя башнями — круглой и угловой — примыкал двухэтажный дворец. Архитектура его, как и всего замка Витовта, имела характерные готические черты.

О конструкции стен можно судить только по сохранившимся остаткам. Они выполнены рядами из камня-валуна и кирпича. Кирпич в кладке стен использовался для выравнивания рядов камня, а в башнях — как облицовочный материал. Преобладающие размеры кирпича в кладке 8×8,5×12 и 13×27×28 см. Его особенность — знаки, резанные острым инструментом. Эти знаки, выполненные преимущественно на ложковой стороне сырого кирпича до обжига, были клеймами мастеров. Рисунки знаков весьма разнообразны. В Гродненском замке XV в. система кладки близка кладке псковских и гдовских стен XIV—XV вв. Это наводит на мысль, что строили замок коложане, плененные Витовтом при осаде Пскова.

Лидский замок, XIV в.— общий вид, фрагмент и разрез стены, генеральный план (по материалам XVIII в.), вид замка в начале XIX в. (акварель И. Пешки)

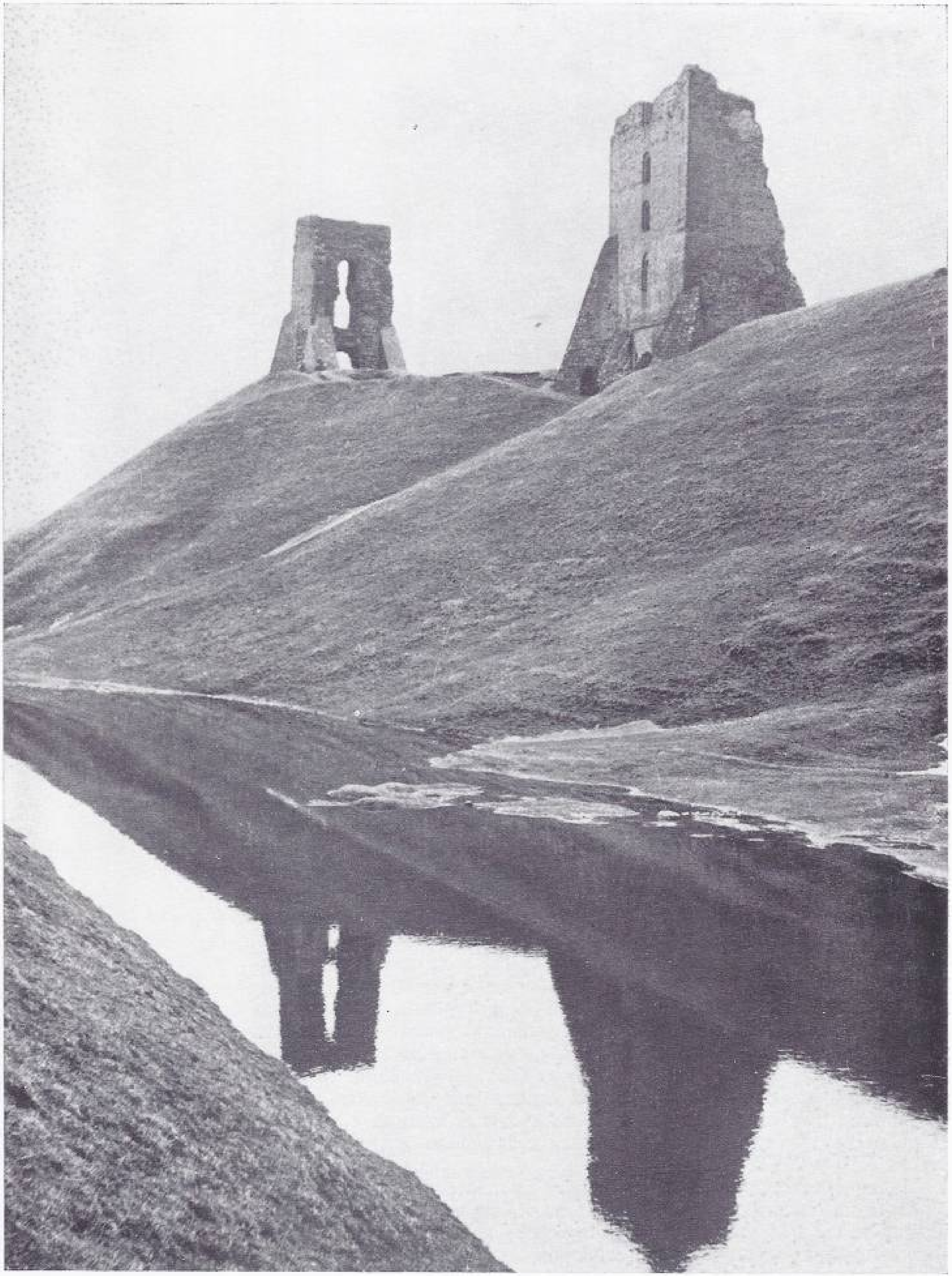
Кревский замок, XIV в.— руины башни, план

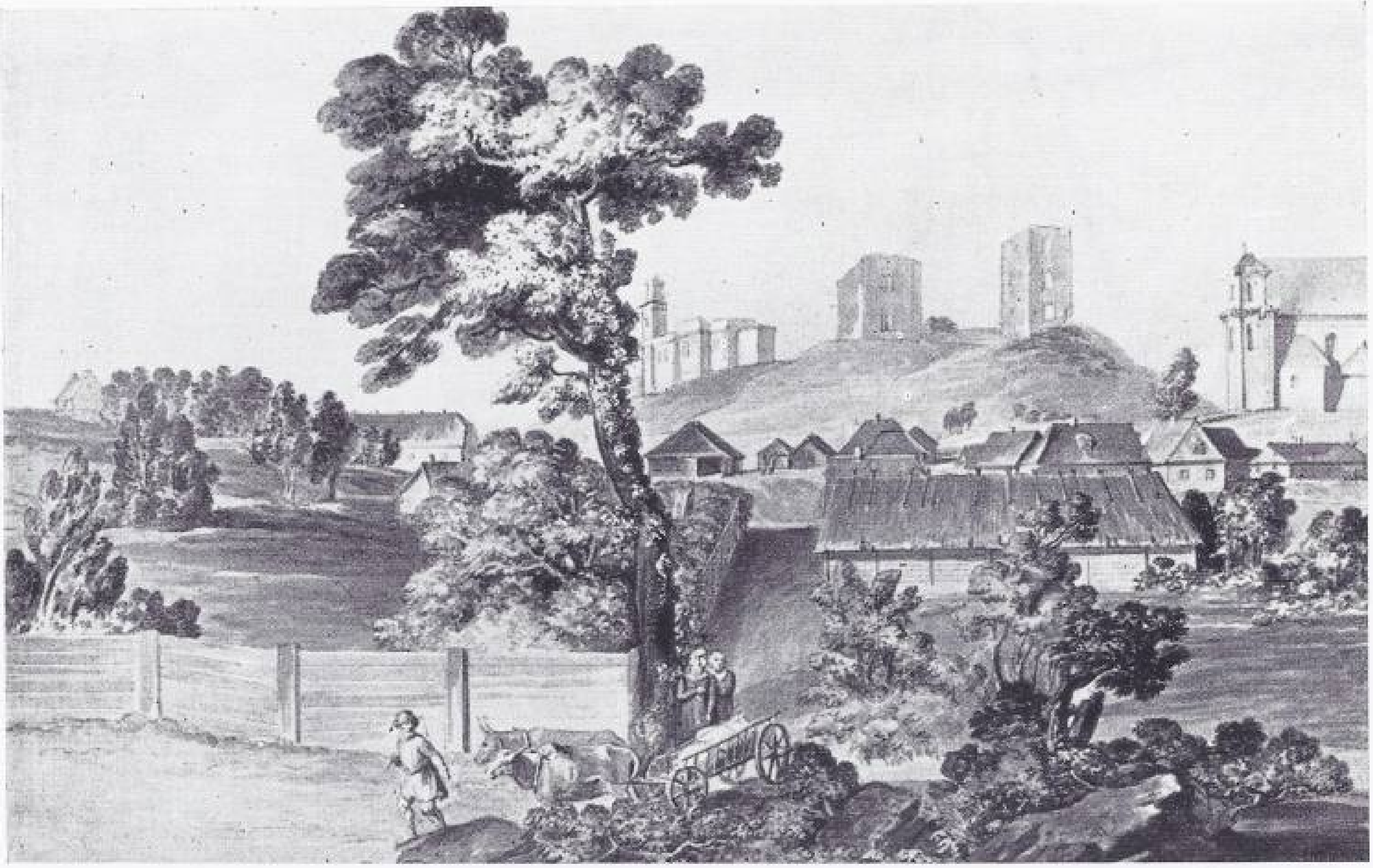
Новогрудский замок, XIII—XVI вв.— генеральный план, общий вид

ДВОРЦОВО-ЗАМКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Основным типом монументального зодчества в конце XVI и первой половине XVII в. продолжает оставаться замок и дворец феодала. Создание укрепленных феодальных резиденций, как уже отмечалось, было вызвано не только непрекращающимися войнами на белорусской земле, но и колонизаторской сущностью господства на ней польско-литовских магнатов. Особенно широкий размах замкового строительства наблюдается после Люблинской унии 1569 г. С конца XVI в. этот вид строительства претерпевает эволюцию от замкового к дворцово-замковому характеру комплексов.

Старый замок в Гродно в 80-х годах XVI в. при Стефане Батории подвергся коренному переустройству. Из укрепления Витовта были использованы только стены и некоторые башни. Все остальные постройки, включая дворец, въездную и круглую башни XIII в., были ра-

зобраны. По существу дворец был построен заново по проекту итальянского архитектора Скотто из Пармы. План дворца представляет собой несколько перекошенный прямоугольник. В планировке обоих этажей заметна приспособленность его к обороне. Здесь отсутствовали парадные вестибюль и лестница, а стены отличались большой толщиной. Скромные комнаты и несколько залов образуют асимметричную и замкнутую композицию плана, столь характерную для дворцов XVI в., забранных в крепостные стены. Внутренняя отделка нижнего этажа была выполнена из кирпича. В верхнем этаже располагались королевские комнаты, оштукатуренные шлифованным гипсом и украшенные изразцами и резьбой. Пол был выложен мрамором и керамическими плитками.

Дворец Старого замка выдержан в формах архитектуры Возрождения. Характерные черты его — декоративный аттик, окна, обрамленные тонкими наличниками, эркеры с фигурным завершением и др. Новым был уже самый подход к решению замка — он задуман как дворцово-замковый комплекс. Господствующее положение здесь занял большой дворец, имевший характер богатого палаццо. Сочетание мощной системы оборонительных укреплений (земляные валы с бастионами, глубокие рвы, крепостные стены и башни) с дворцом, стоящим внутри, становится типичным в замковом зодчестве Белоруссии XVI — XVII вв.

Дальнейшая судьба Старого замка в Гродно связана с многочисленными переделками. В XVII в., после войны с Россией, замок ремонтировался под руководством литовского канцлера Паца. Тогда окна изменили свои размеры и лишились характерных наличников эпохи Возрождения. В XVIII в. замок многократно достраивался. Надстройка третьего этажа, выполненная в XIX в., окончательно

Вид замка в Новогрудке в начале XIX в. (акварель И. Пешки)

Старый замок в Гродно, XIII—XVI вв. (по гравюре 1568—1572 гг.)

изменила его первоначальный облик. Каменный арочный мост между Старым замком и городом был построен взамен деревянного во второй половине XVII в.

Дворцово-замковые ансамбли XVI — XVII вв. представляют большое разнообразие архитектурно-планировочных и объемных композиций: от небольшого здания с четырьмя угловыми башнями (Гайтюнишки) до обширного комплекса, окруженного фортификационными сооружениями и водоемами (Несвиж).

В некоторых случаях укрепленная резиденция феодала повлияла на формирование плана города (Старый Быхов), в других — замкнулась в рамках самой цитадели и не имела органической связи с поселением (Гераноны). Большое разнообразие наблюдается и в использовании крепостных стен и башен. Если в Мире, Смольянах, Геранонах башни были основными укреплениями и отличались значительной высотой, массивностью, оборонительными устройствами и построением, удобным для обороны, то в Гольшанах они являлись частью дворцового корпуса и использовались прежде всего как жилые помещения.

Замок в Мире (Гродненская область) — выдающееся произведение белорусского зодчества. В его архитектуре нашла прямое отражение эпоха феодализма: за мощными стенами и башнями, способными защитить владельца от неприятеля, стоял богатый дворец — резиденция магната. Выполненный из камня и кирпича, расположенный в стороне от поселения, замок своей монументальностью и неприступностью демонстрировал силу и неограниченную власть феодала.

Замок расположен на открытой и невысокой местности. С трех сторон он был окружен рвами и земляными валами с бастионами; с четвертой, южной, стороны прикрывался водоемом. План замка представляет собой перекошенный четырехугольник, близкий к квадрату, образованный крепостными стенами протяженностью в среднем около 75 м. По углам, выступая за стены, стоят четыре башни. Пятая башня — главная — с аркой въезда находится в середине западной стены и обращена к поселку. За стенами, возвышаясь над ними, располагается дворец.

Строительство дворцово-замкового комплекса проходило в несколько этапов. Первоначально были построены крепостные стены, башни, наружные земляные укрепления и одноэтажное каменное здание в юго-западном углу замка. В середине XVI в. внутри замка с северной и восточной стороны строятся одноэтажные корпуса с подвалами. В конце XVI или первой половине XVII в. эти корпуса были надстроены до трех этажей и получили планировку, свойственную дворцовому зданию. Надстройка вызвала изменения крепостных стен, к которым примкнул дворец: в них были заложены бойницы, пробиты большие оконные проемы, а верхняя часть стен разобрана и возведена заново.

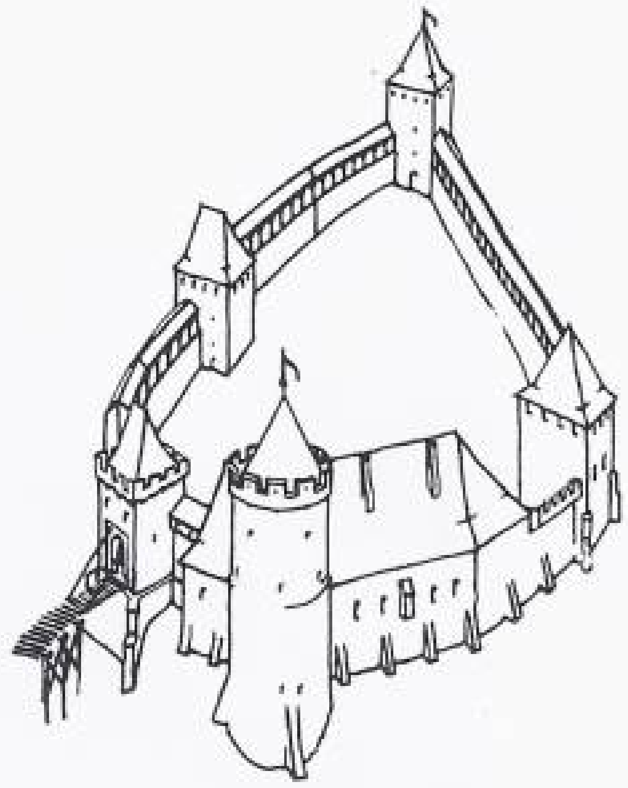

Стены замка первоначально имели высоту около 13 м и завершались зубцами. Их толщина в основании достигает 3 м. Кладка трехслойная: наружные части стены выложены из кирпича и камня, а внутренняя, составляющая ее основной массив, представляет собой забутовку из мелкого камня и кирпичного боя. Высота комбинированной кладки стен не превышает 1,5 м, зато в главной башне она достигает 7 м. Верхние части стен башен, а также стены, цилиндрические своды и полы дворца выполнены из кирпича.

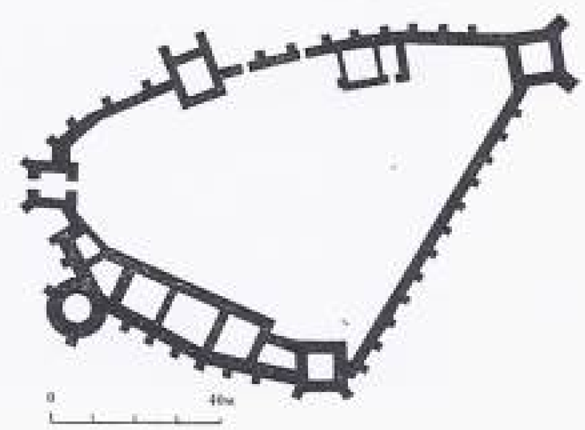
Достопримечательностью замка являются башни. Они возвышаются над стенами и имеют богатый разнообразный декор в виде ниш и орнаментальных поясов. Такой прием обработки фасадов получил широкое распространение в белорусской архитектуре в XV — XVI вв. Ниши, тяги, пояса белились, что в сочетании с красным кирпичным

полем стен и башен придавало замку большую художественную выразительность.

Декоративное убранство Мирского замка отличает его от городских укреплений и придает ему характер дворцовой постройки. В этом сказалось влияние традиций замковой архитектуры западно-европейских стран. Вместе с тем в планировке и объемном построении замка наблюдается связь с русской архитектурой. Например, план его почти идентичен плану внутренней крепости Иван-Города, а башни родственны башням русских кремлей, в частности башне «Кукуй» в Новгороде. В архитектуре замка преобладают черты готики, только в дворцовой части встречаются отдельные элементы ренессанса. Этот стиль не был широко распространен в Белоруссии, но черты его наблюдаются в памятниках дворцово-замковой архитектуры. Примером может служить Рогачевский замок XVI в. (так называемый «замок королевы Боны») с характерным планом и фасадом в виде арочной галереи-лоджии.

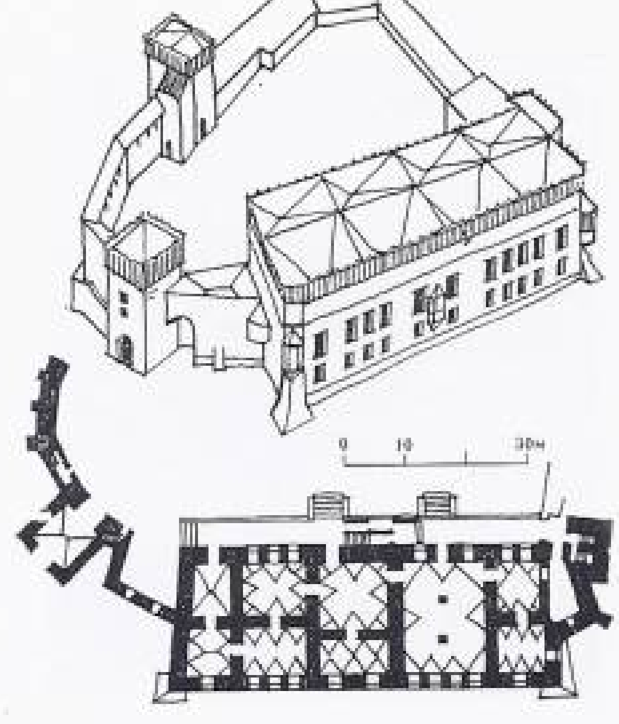
В замке Гераноны (Гродненская область) традиции дворцово-замкового строительства на низком рельефе с обводнением нашли на белорусской земле свое первое воплощение. Построенный виленским воеводой В. Гаштольдом в первой половине XVI в. замок с башнями удивляет размерами внешнего рва — около 700 м. За валами были участки, которые заполнялись водой. В замок вел подъемный мост. Проход к нему был через башни. Таким образом, дворцово-замковый ансамбль представлял собой крепость, укрепленную всеми известными тогда способами фортификации. Как и Мирский замок, он своим местоположением не был связан с поселением и располагался в стороне от него. Это была типичная укрепленная резиденция магната, своеобразная в своем решении и в то же время характерная для монументального зодчества на белорусской земле в XVI в.

Дворцово-замковый комплекс в Геранонах имеет сходство с Биржайским замком (Литва) и прогрессивными образцами западно-европейского фортификационного искусства. В дальнейшем приемы западного фортификационного искусства получили развитие с учетом местных традиций и особенностей.

Гераноны своими совершенными фортификационными укреплениями и архитектурно-планировочным построением оказали определенное влияние на строительство других белорусских замков. Они явились как бы этапом крепостного зодчества того времени. В первую очередь замок в Геранонах оказал влияние на обвалование замка Радзивиллов в Несвиже в конце XVI в. Хотя строительство этого замка было в руках известного иностранного мастера, тем не менее практика возведения подобной постройки в местных условиях уже имелась. Конструкция замка в Геранонах и опыт его строительства, несомненно, были учтены в Несвиже.

Каменный замок в Несвиже был заложен Н. Радзивиллом-Сироткой в 1583 г. Его строительство на первом этапе вел итальянский архитектор Ян Мария Бернардони. Замок расположился в стороне от города, на возвышенности, которую омывают воды, поднятые системой плотин реки Уши. Попасть из города к замковому комплексу можно было только по разборному деревянному мосту. За укреплениями располагались три отдельных каменных корпуса. Разобщенные корпуса в последующие века перестраивались и объединялись архитектурными вставками, образуя замкнутый двор. Изменился и внешний вид замка: укрепленная резиденция постепенно превратилась в дворцовый ансамбль.

Многоэтапность строительства и отсутствие единого первоначального проекта привели к нарушению симметричности ансамбля и несогласованности отдельных его частей, хотя в планировке и объем-

ном построении комплекса заметна тенденция к симметрии. Башня с аркой въезда во внутренний двор и центральный корпус располагаются почти на одной оси, ярко выраженной и единственной в ансамбле. Центральный корпус, надстроенный в середине XVIII в. и получивший повышенный — в четыре с половиной этажа — ризалит, является главной частью всего дворца. Он доминирует в ансамбле архитектурно-художественным решением. Со стороны двора этот корпус очень пластичен благодаря применению пилястр, рельефной декорации, скульптурных вставок в формах позднего барокко. Особенно выделяется обильной лепкой высокий фронтон.

Башня с аркой въезда в замок вынесена вперед, к мосту, через ров и решена в виде брамы, характерной для белорусского зодчества. Арка переходит в туннель, который прорезает насыпной вал и выходит во двор напротив центрального здания ансамбля. Такой прием создает интересную перспективу. Живописный вид открывается на замок и с дальних точек обзора: он воспринимается как сложное сооружение, поставленное на высокий земляной стилобат среди воды

Гродненский замок Витовта, конец XIV — начало XVI в. (по Я. Войцеховскому)

Гродненский замок Батория, конец XVI в. (по Я. Войцеховскому)

Комплекс Старого замка в Гродно с перестройками XVIII—XIX вв.

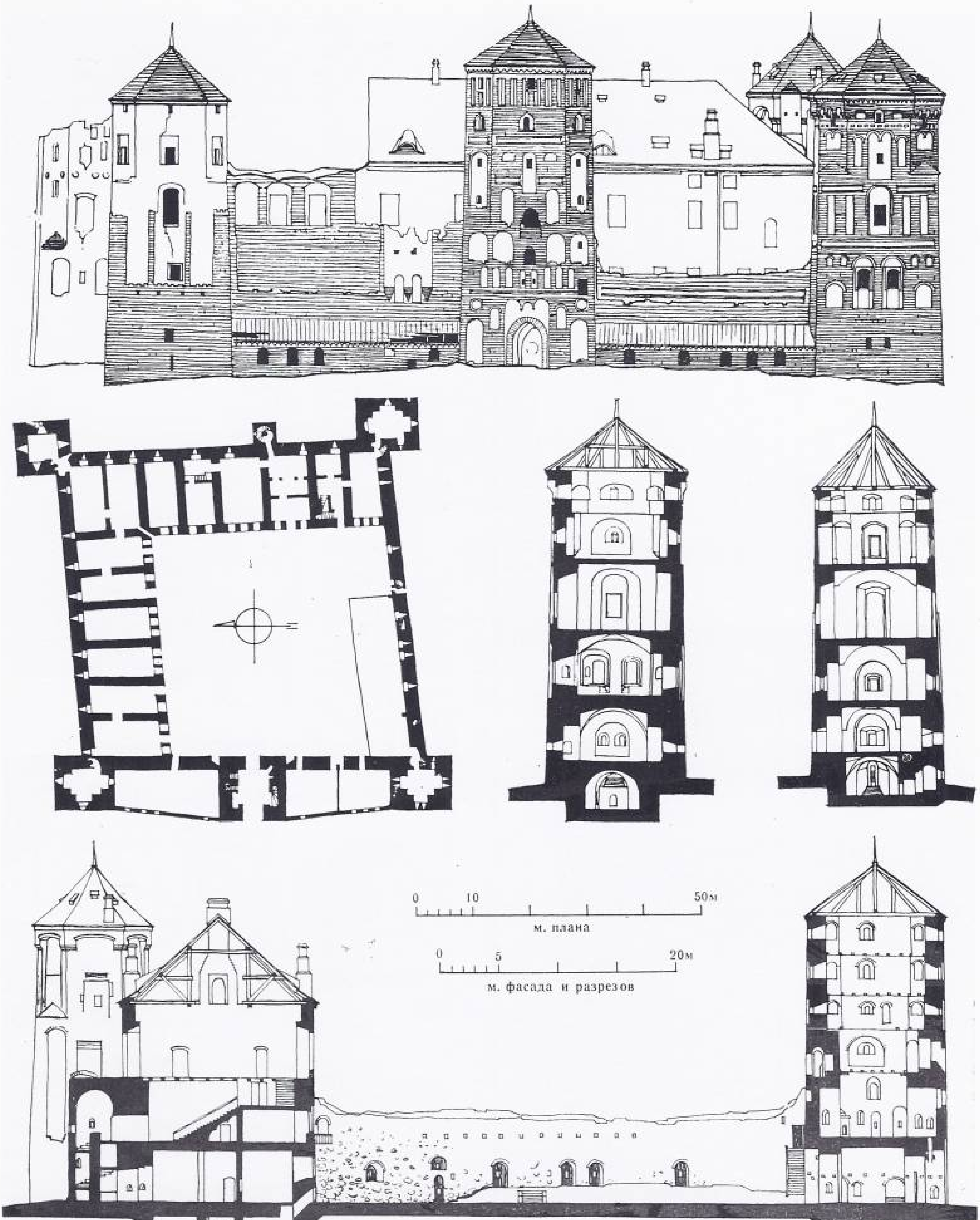
и зелени парка. Силуэт ансамбля усиливается стройными башнями и башенками. Романтичная привлекательность архитектурных форм замка была в XIX в. использована мастерами-садоводами в качестве видовых акцентов при разбивке парка. Созданием ландшафтного парка, одного из лучших в практике белорусского паркостроения, завершилось становление дворцово-замкового комплекса в Несвиже.

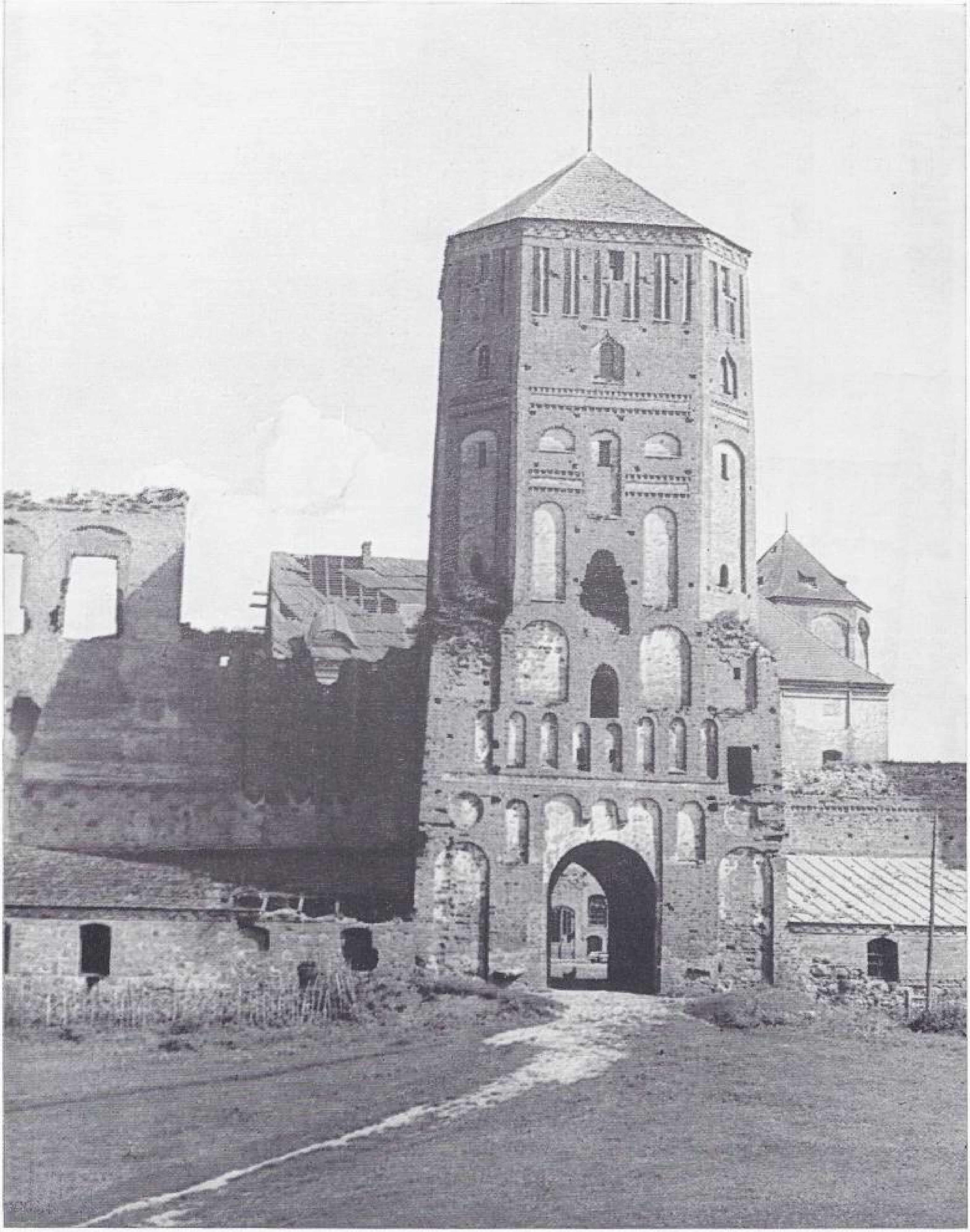
Замок в Старом Быхове представлял собой в плане несколько зданий, образующих замкнутый комплекс неправильной четырехугольной формы. Главный корпус по своей архитектуре мало отличается от дворцового здания. В нем размещались парадные залы и комнаты, вход в которые вел через аркадную галерею. Основной зал находился на втором этаже в левом торце здания, к нему примыкала анфилада других помещений и жилые покои владельца. Внутренний двор с шестигранными башнями по углам ограничивался каменной стеной и казармами.

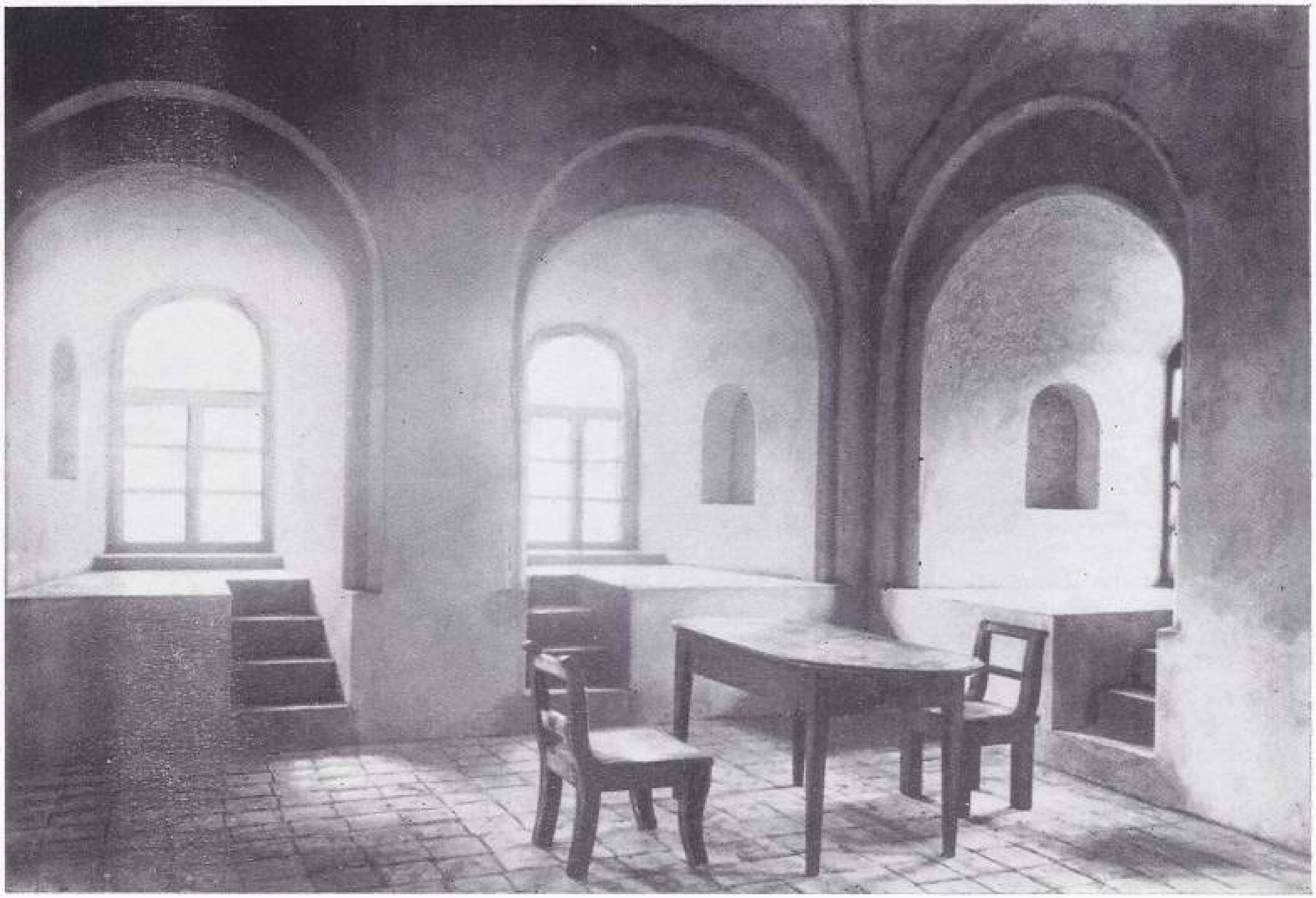
Замок в Смольянах под Оршей, построенный в первой трети XVII в., по фортификационной организации близок к замкам в Гераногах, Несвиже, отчасти в Мире и другим резиденциям магнатов. Располагаясь на окраине Смольян, на небольшой возвышенности среди заливных лугов, замок некогда занимал островное положение в середине небольшого искусственного водоема.

Дворцово-замковый комплекс в Мире, XVI—XVII вв.

Чертежи замка (по А. Митянину)

0 10 50м
м. плана
0 5 20м
м. фасада и разрезов

Частично сохранилась одна из башен замка (около 20 м) с оконными проемами, нишами, внутренней винтовой лестницей и арочным переходом. Она выложена из кирпича и камня, слои которых чередуются. Замок в Смольянах был одним из крупнейших в Белоруссии.

Дом-крепость в Гайтюнишках (Гродненская область) представляет собой миниатюрный замок с четырьмя круглыми башенками по углам. План отличается компактностью и небольшими размерами (15×34 м). Средняя часть его занята залом с деревянной лесенкой, ведущей на второй этаж; слева и справа расположены помещения, сообщающиеся с круглыми башнями. Первый этаж предназначался для размещения небольшого гарнизона или службы. Владелец дома занимал второй этаж и третий ярус центральной башни, которая имела самостоятельную лестницу.

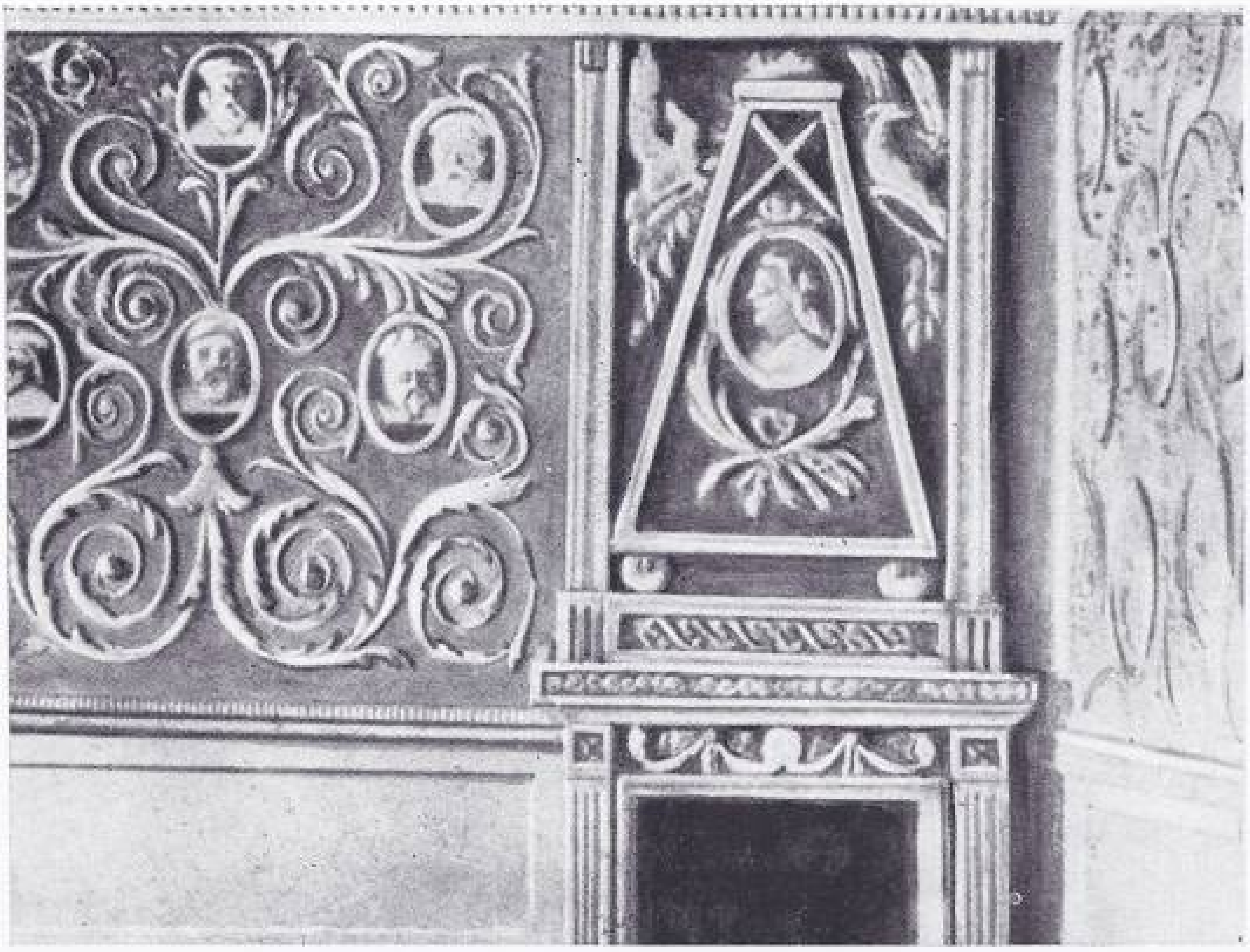
Как и все постройки оборонного характера того времени, дом в Гайтюнишках имел стены внушительной толщины и сводчатые перекрытия. Архитектурная декорация на фасадах почти отсутствует, и художественная выразительность достигнута за счет объемного построения, круглых башен и высоких крыш.

Этот дом был выстроен в 1611—1612 гг. Петром Нонхартом — строителем и заведующим королевскими строениями в Вильно. В строительстве дома принимал участие и сподвижник Нонхарта инженер-фортификатор Ван Доден. Они оба эмигрировали из Голландии и получили местное подданство.

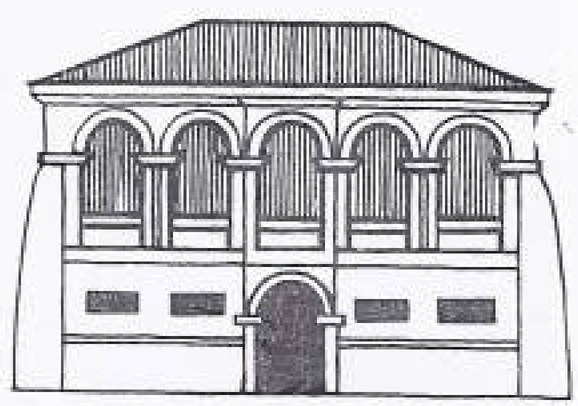
Эмиграция из Фландрии в XVI — XVII вв. была обычным делом. Прибывая с купцами в Ковно и Вильно, иностранцы затем разъезжа-

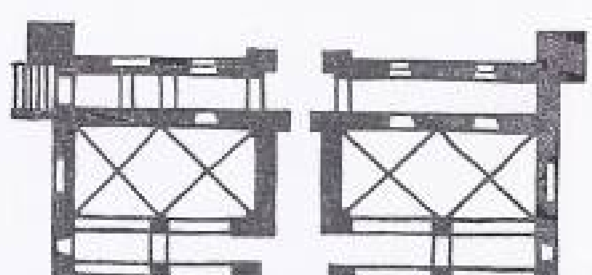
Главная (въездная) башня замка в Мире

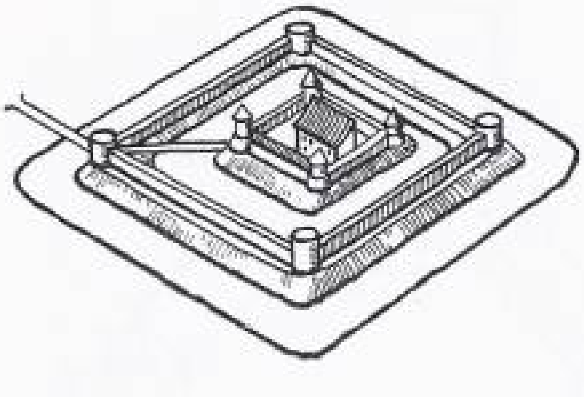
Интерьер зала на втором этаже замка (фото 30-х годов)

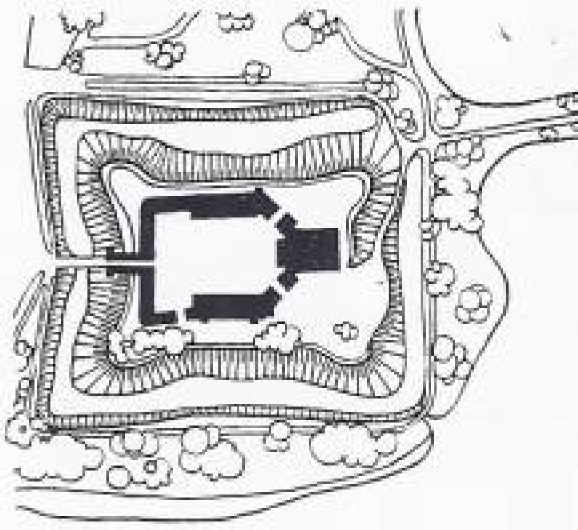

лись по Литве, Белоруссии и северо-восточным районам Польши. Это были преимущественно специалисты-фортификаторы и архитекторы или квалифицированные ремесленники — столяры, каменщики, резчики. Нельзя сказать, что памятники, созданные этими мастерами, являли пример необычной для этих мест архитектуры. Речь может идти лишь об обогащении архитектурной практики. Сравнивая тот же дом-крепость в Гайтюнишках с корпусом монастыря в Межириче на Украине или домом Карола Вази в Варшаве, или известными храмами и брамами Белоруссии и Литвы, относящимися к XVI в., легко обнаружить известную общность их построения. Собственные отличия архитектуры следует искать в приемах монументального упрощения форм и в комбинациях малочисленных узоров. Постройки отличались предельной лаконичностью и даже суровостью форм.

Дворцово-замковый ансамбль в Гольшанах (Гродненская область), построенный ошмянским старостой Павлом Сапегой в первой половине XVII в., отдаленно напоминает своей композицией Мирский замок. Как и там, по углам замка высятся башни, а по периметру стен, примыкая к ним, располагаются жилые корпуса, образующие замкнутый квадратный двор. Но Гольшанский замок отличается меньшей мощью и внушительностью башен и стен, он ближе к дворцу. Некоторые этажи башен использовались как жилые комнаты и не имели никакого оборонительного значения.

Близок к Гольшанскому замку *дворцово-замковый комплекс Радзивиллов начала XVII в. в Любче* (Гродненская область) на реке Неман с монументальной башней и корпусом, но и с чертами светской архитектуры. Башня имеет в основании кубическую форму, которая приблизительно с половины высоты переходит в восьмигранник, крытый шатром. Только верхний из четырех этажей башни был приспособлен к обороне и имел бойницы. Остальные этажи с просторными окнами использовались под жилье и вспомогательные помещения. Башня прорезана аркой въезда. В прошлом только через нее можно было попасть во внутренний двор. Такой прием организации был типичным для многих дворцово-замковых ансамблей минувших эпох.

Заканчивая обзор дворцово-замкового строительства, следует остановиться на одном любопытном историческом документе — архитектоническом трактате 1659 г. (предположительно Лукаша Опалинского), который имел известное хождение в Польше, Белоруссии и Литве в XVII в. Он представлял собой краткое учение о строительстве замков, дворцов, усадеб согласно местным обычаям и климатическим условиям. Цель этой работы сводилась к помощи застройщикам после опустошительной войны со шведами. Трактат имел узкоклассовое направление: он должен был помочь магнатам строить свои резиденции в модных для того времени формах. Проектирование в трактате мыслилось как процесс последовательного «складывания» отдельных элементов здания. Практические и теоретические указания трактата в большинстве случаев заимствованы из трудов классиков эпохи Возрождения — Палладио и Скамоцци, по возможности с сохранением местных традиций и согласованности с направлением развития магнатских резиденций.

Заслугой трактата является то, что он впервые санкционировал в Речи Посполитой архитектуру как науку. Однако в истории архитектуры этот труд не сыграл большой роли как по причине недостатков, указаных выше, так и потому, что он не мог быть единым «рецептом» для обширных земель страны с характерными для каждого края особенностями. Кроме того, трактат исторически несколько запоздал: феодальные резиденции в это время уже начали строиться под влиянием архитектуры барокко, принципы которого не были отражены в

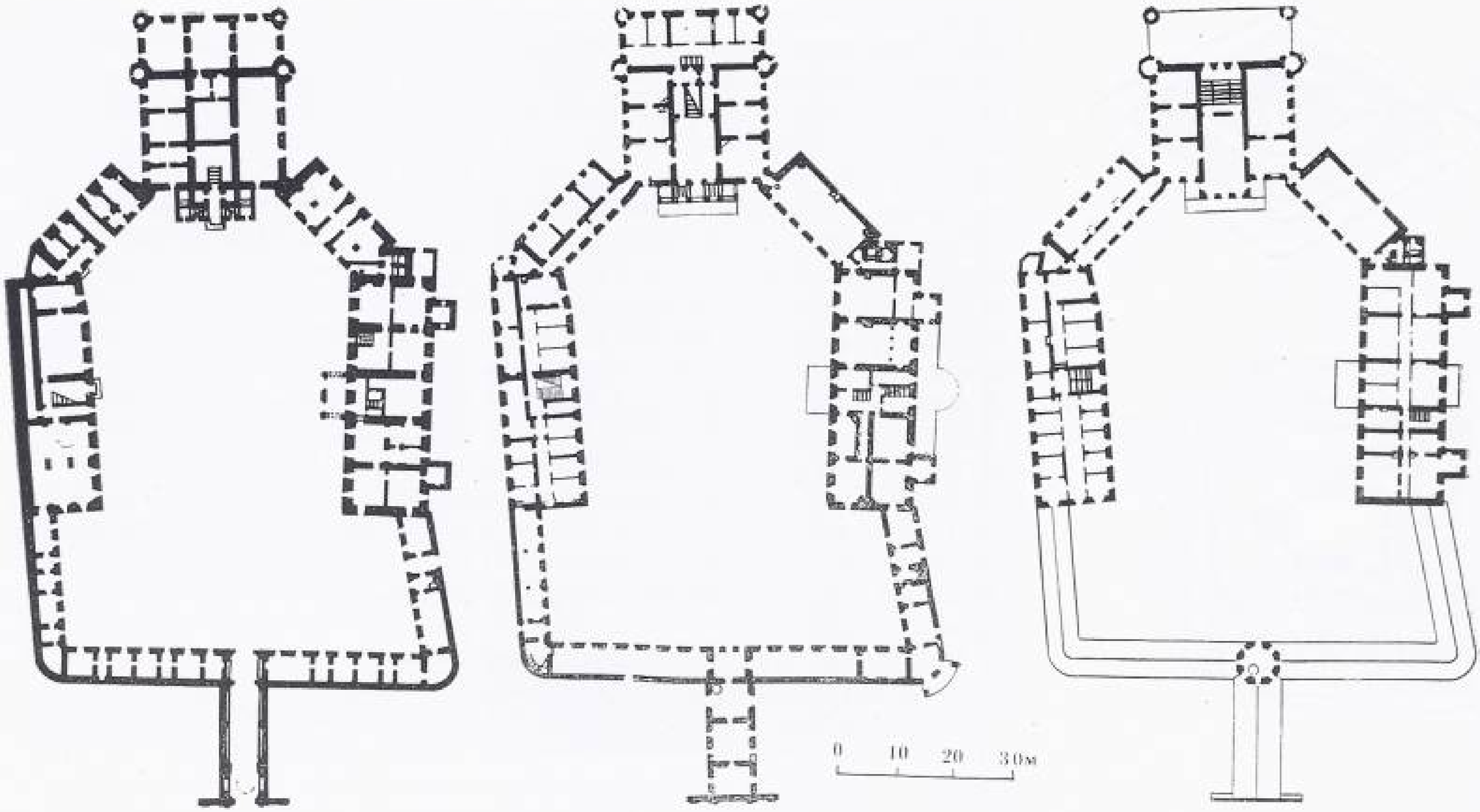
Фрагмэнт интерьера в жилой части замка в Мире (фото 30-х годов)

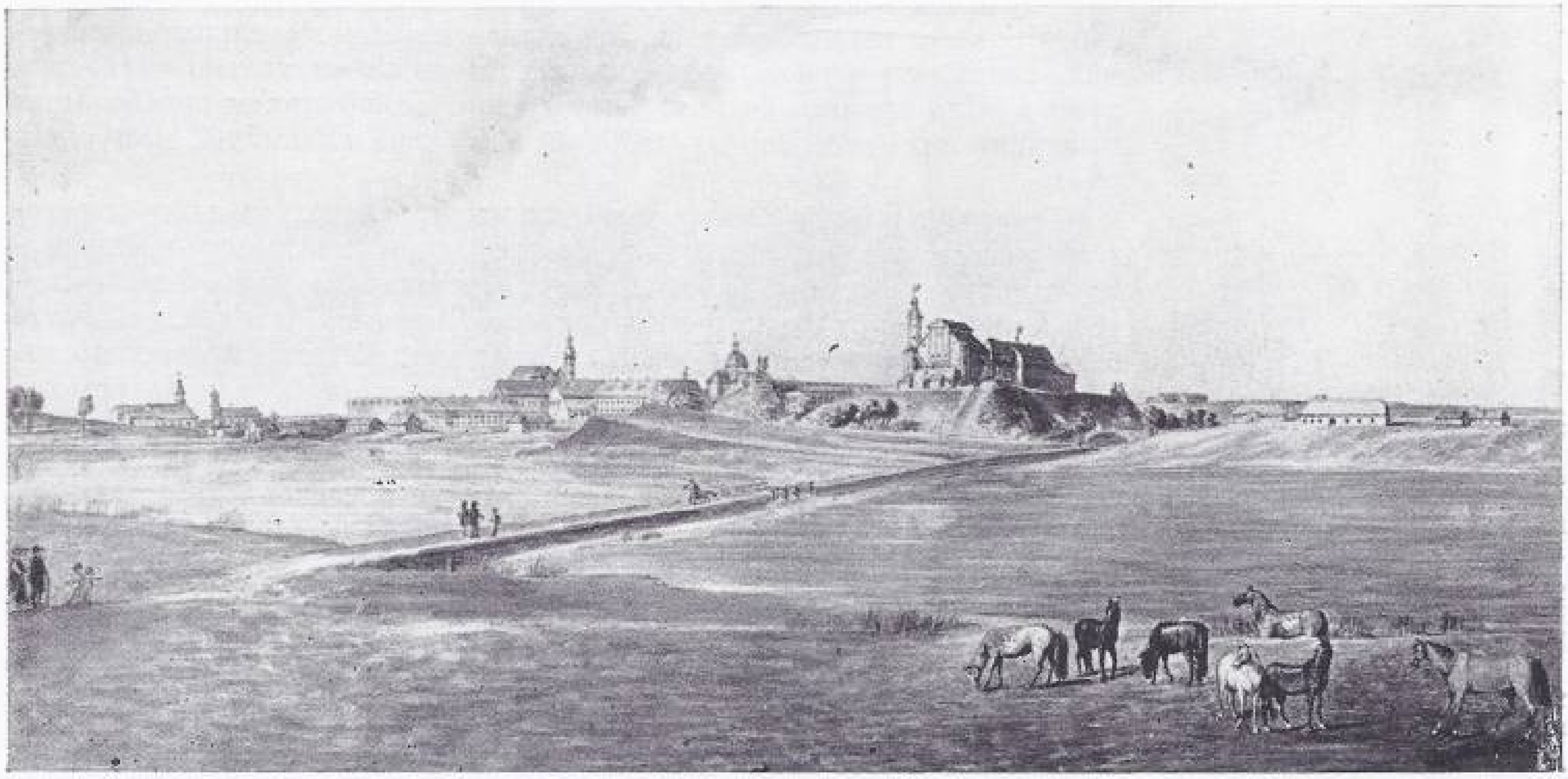
Кладка замковой стены в Мире

Рогачевский замок, XVI в. (реконструкция)

Замок в Геранонах, XVI в.

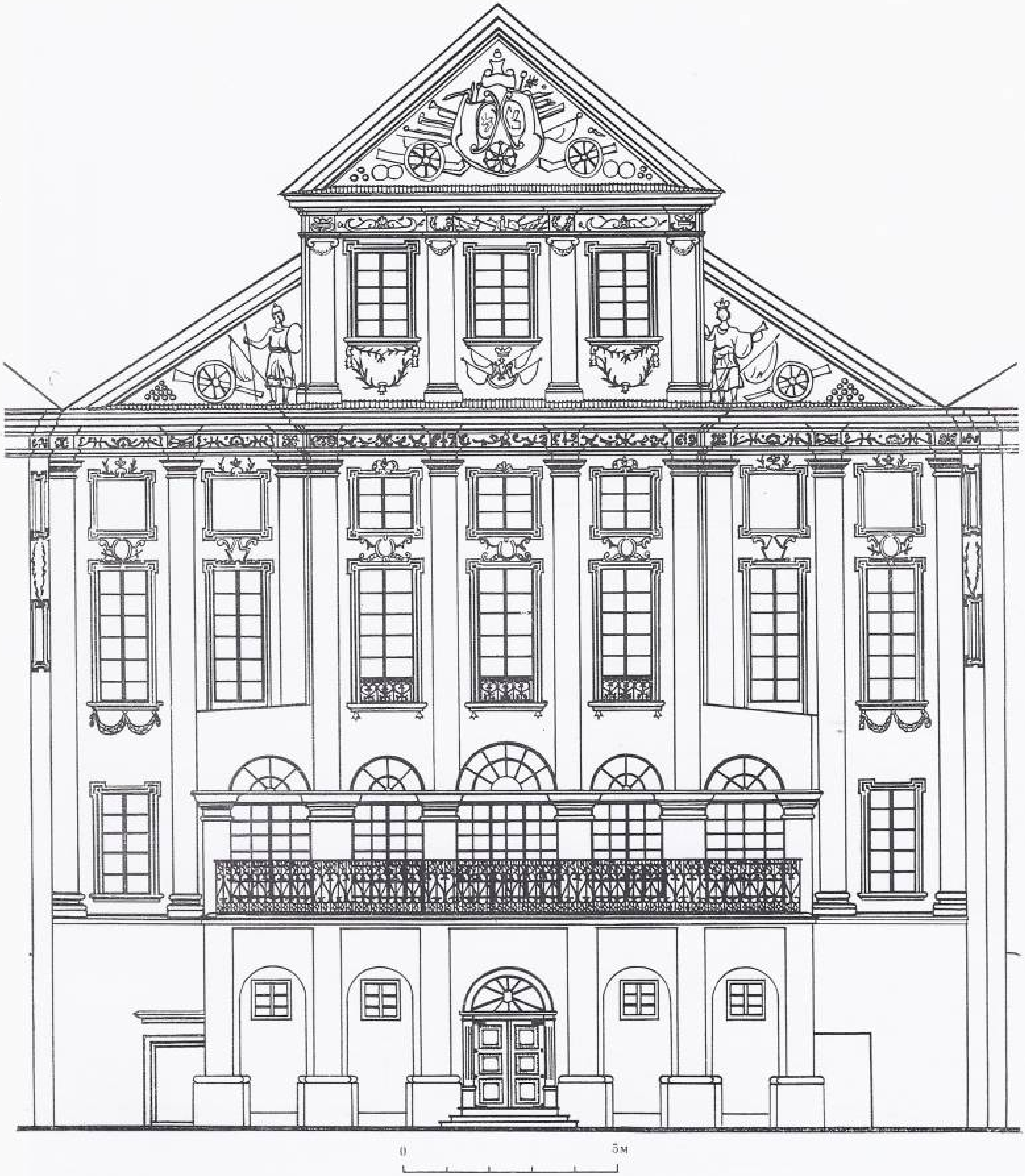
Генеральный план замка в Несвиже

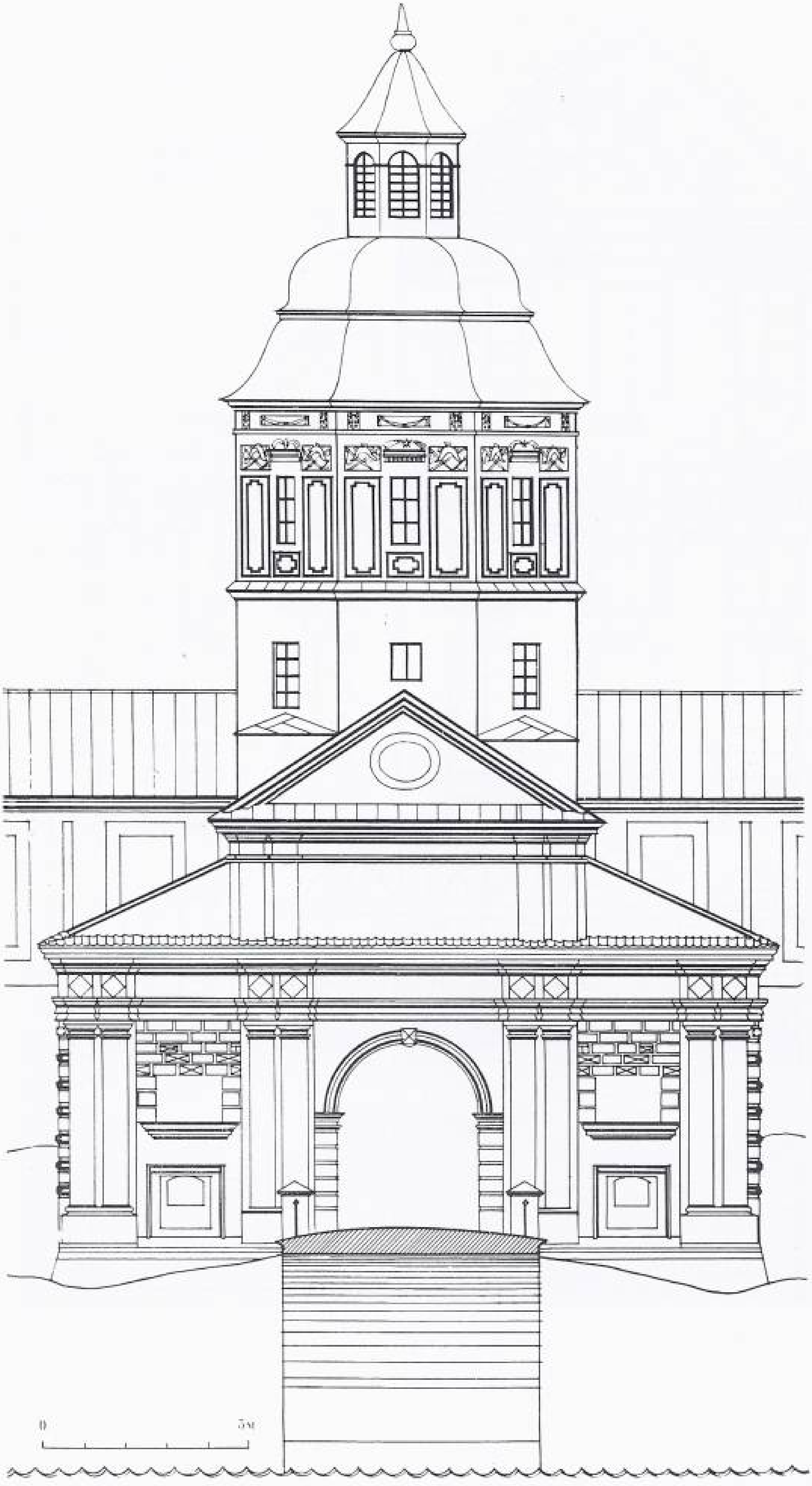

Планы этажей Несвижского замка (современное состояние)

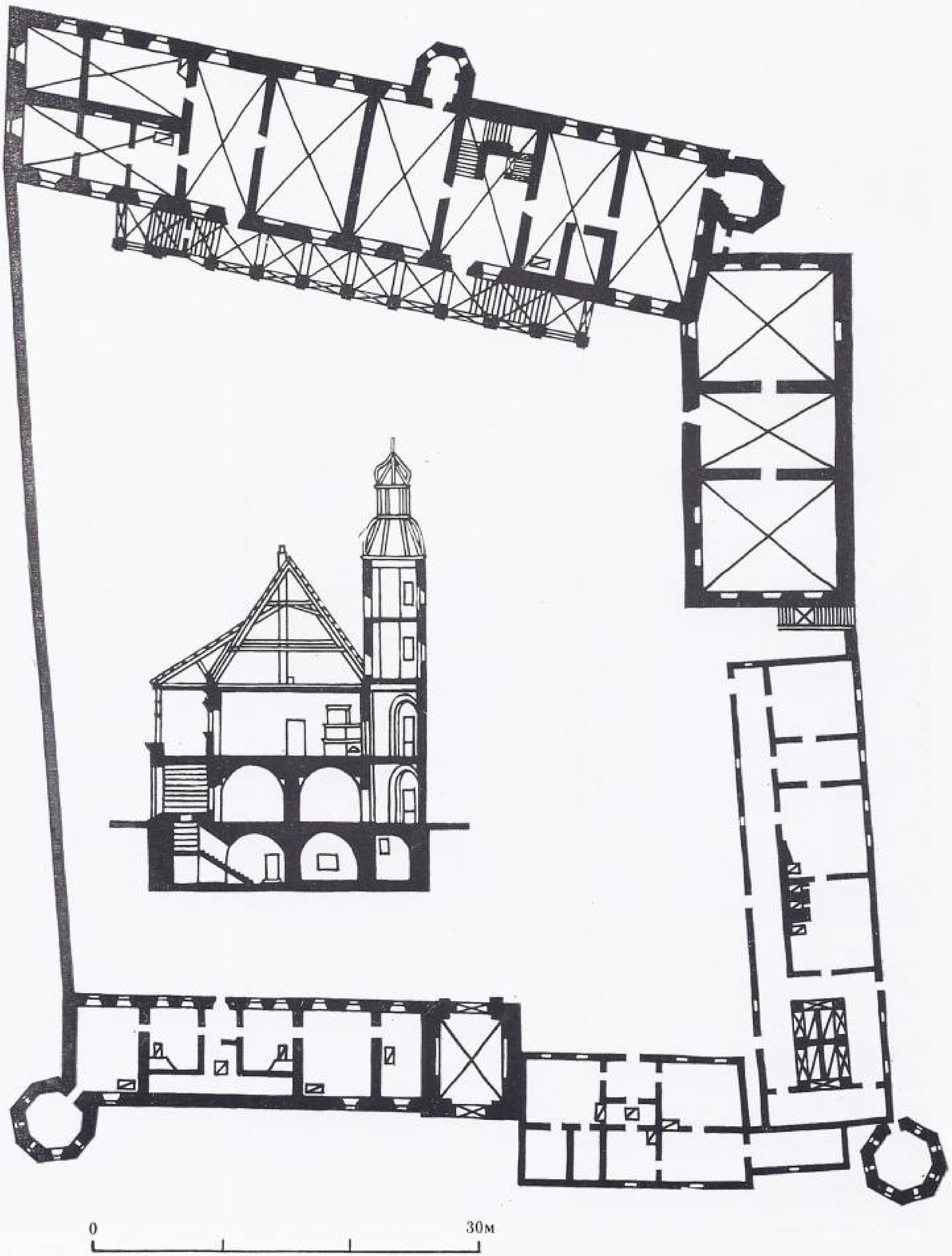
Вид замка в начале XIX в. (акварель И. Пешки)
Главный фасад замка

0
5м

Дворцово-замковый комплекс в Несвиже, XVI—XVIII вв.— башня с аркой въезда и центральный корпус

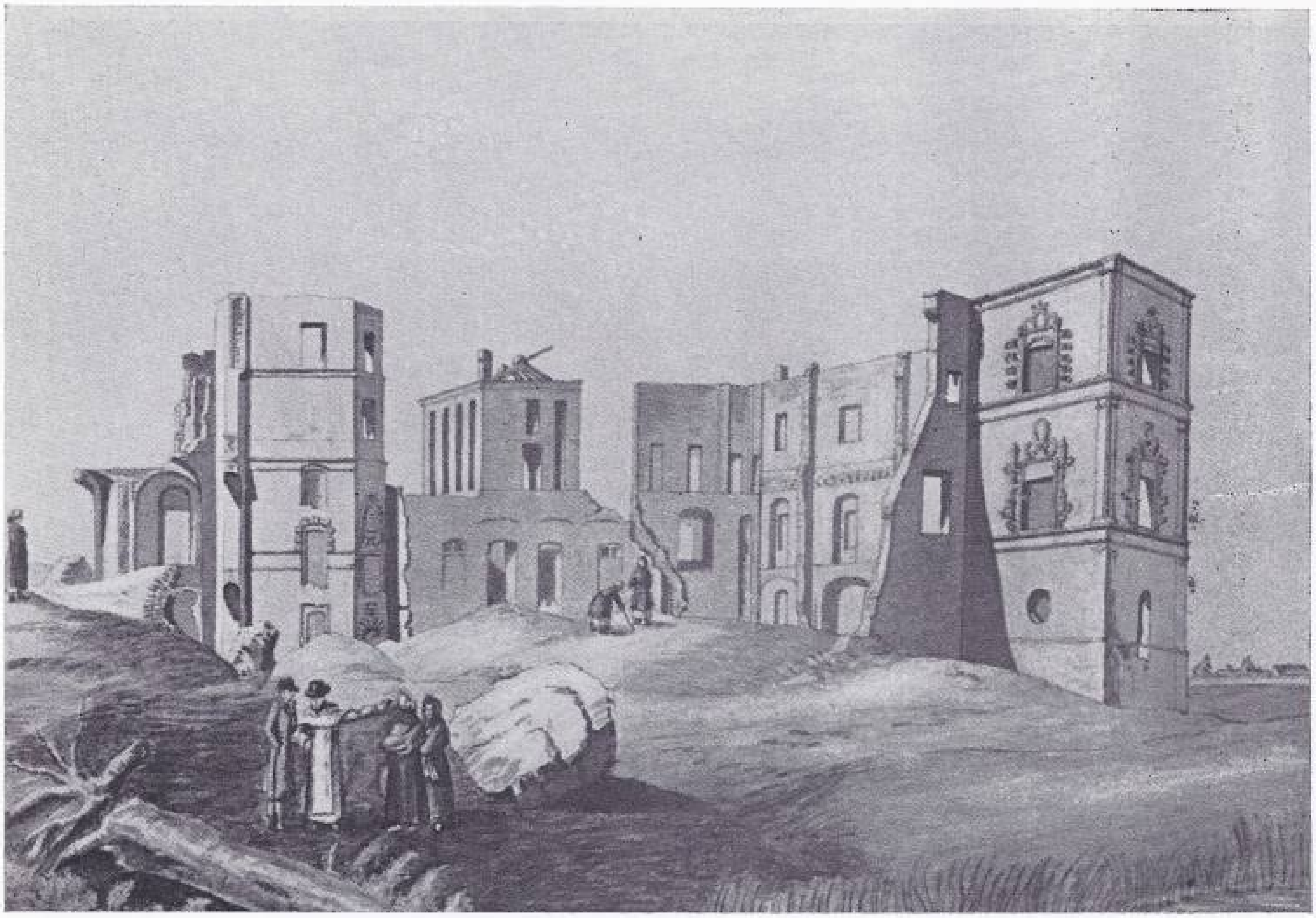

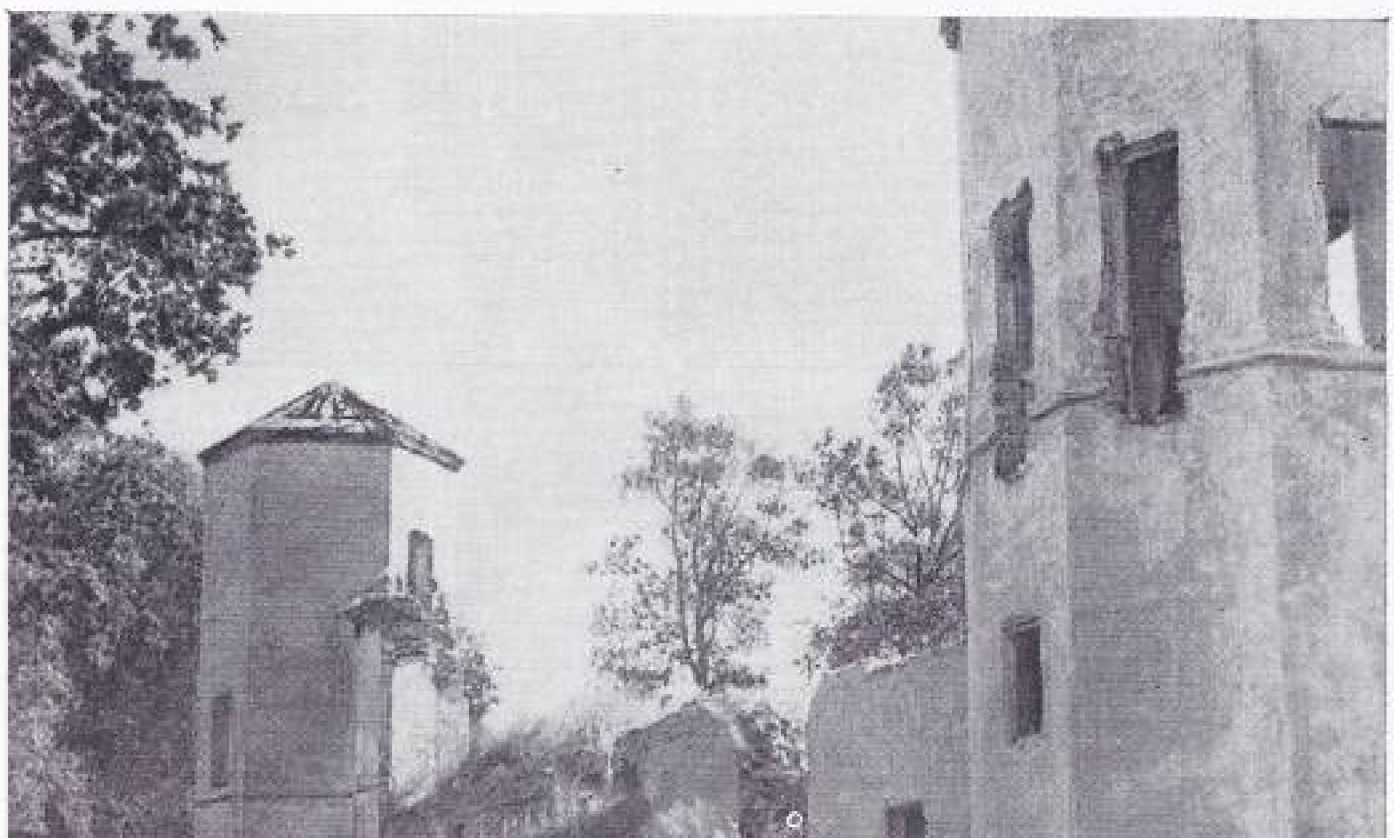

0
30м

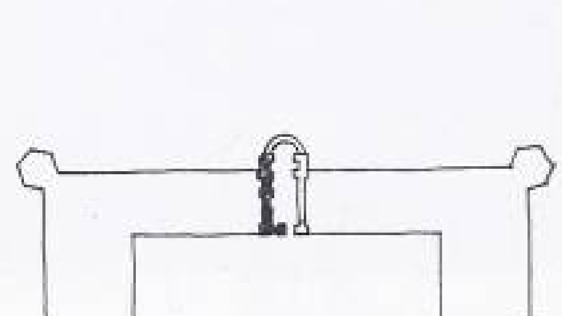

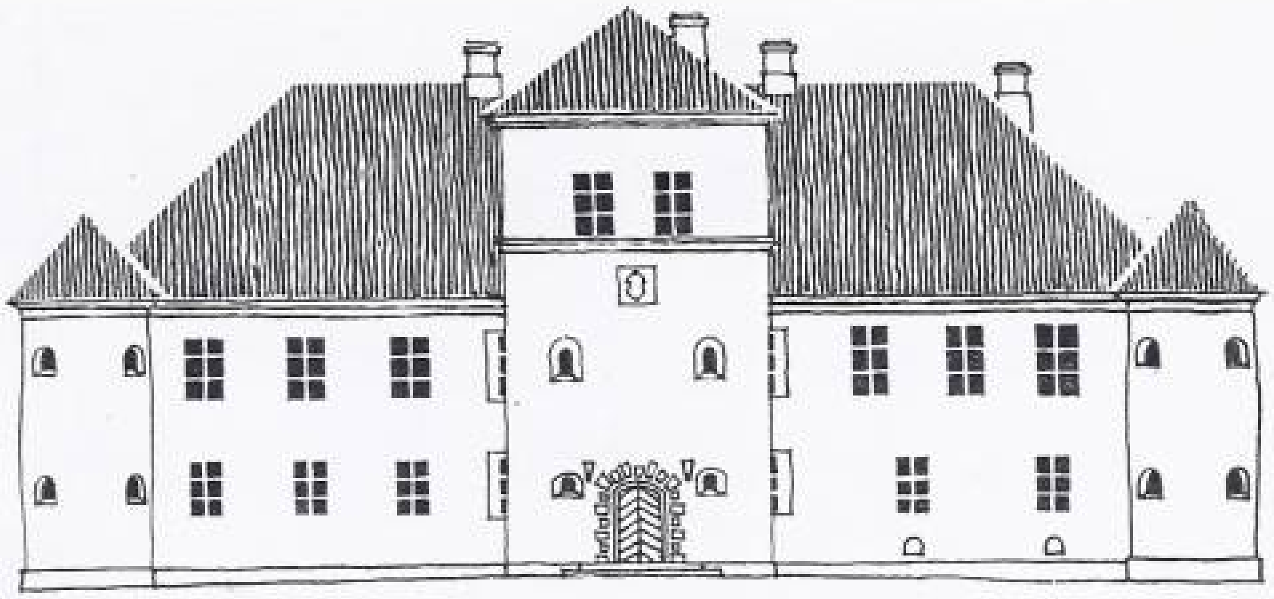
План и разрез замка в Старом Быхове, XVI—XVII вв.

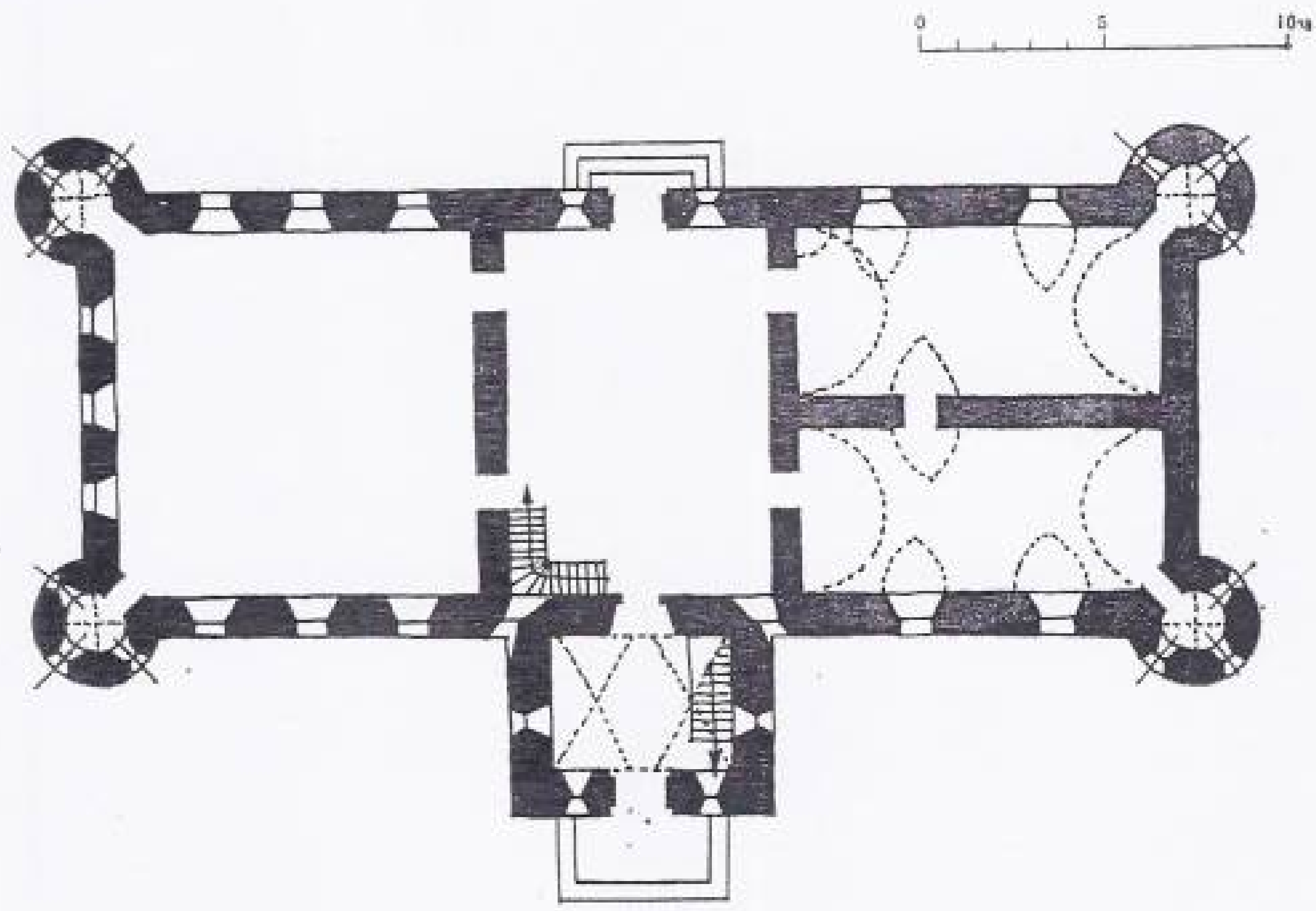
Замок в Смольянах, конец XVI в.— фрагмент башни

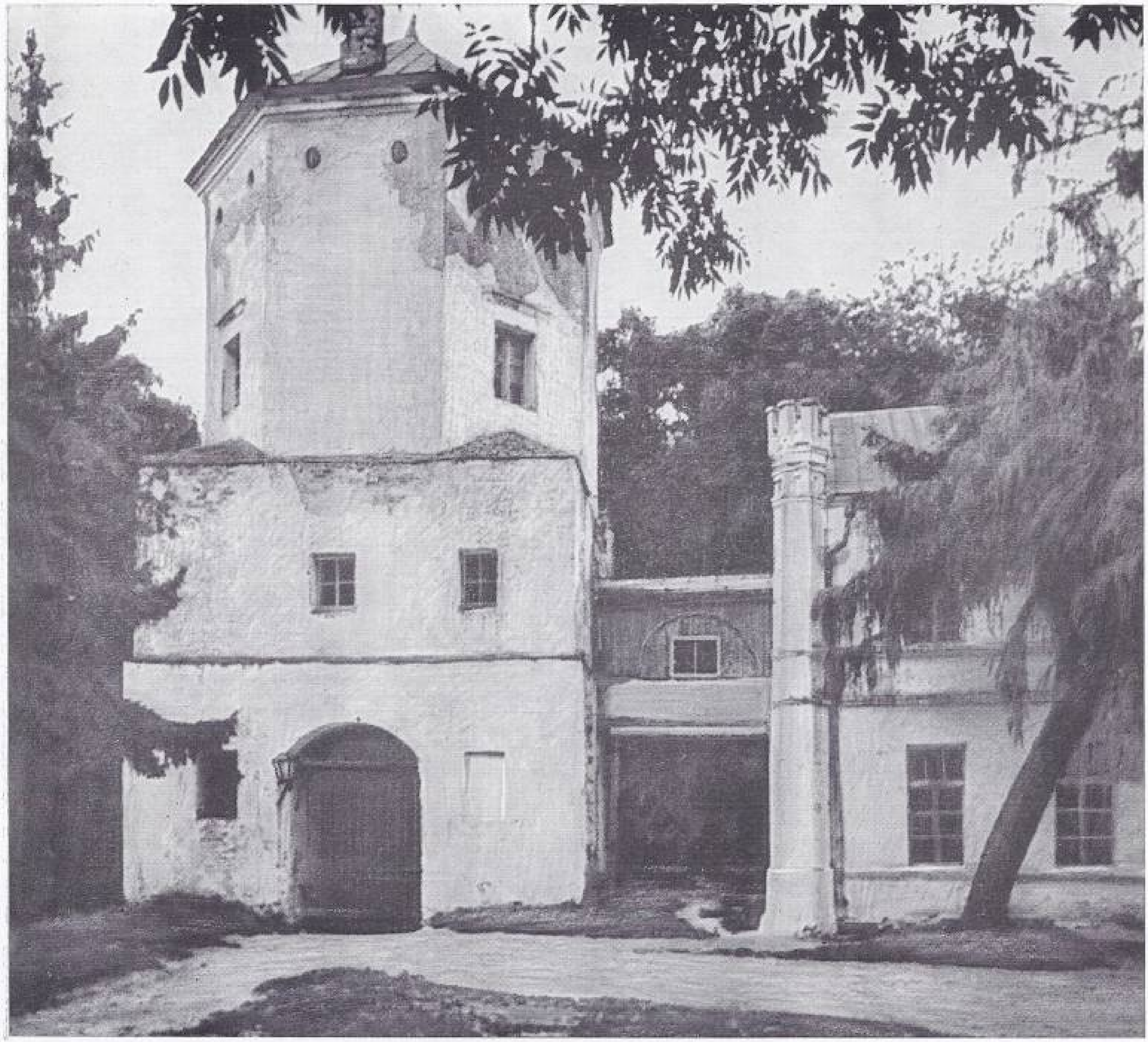

Вид замка в Смольянах в начале XIX в. (акварель И. Пешки)

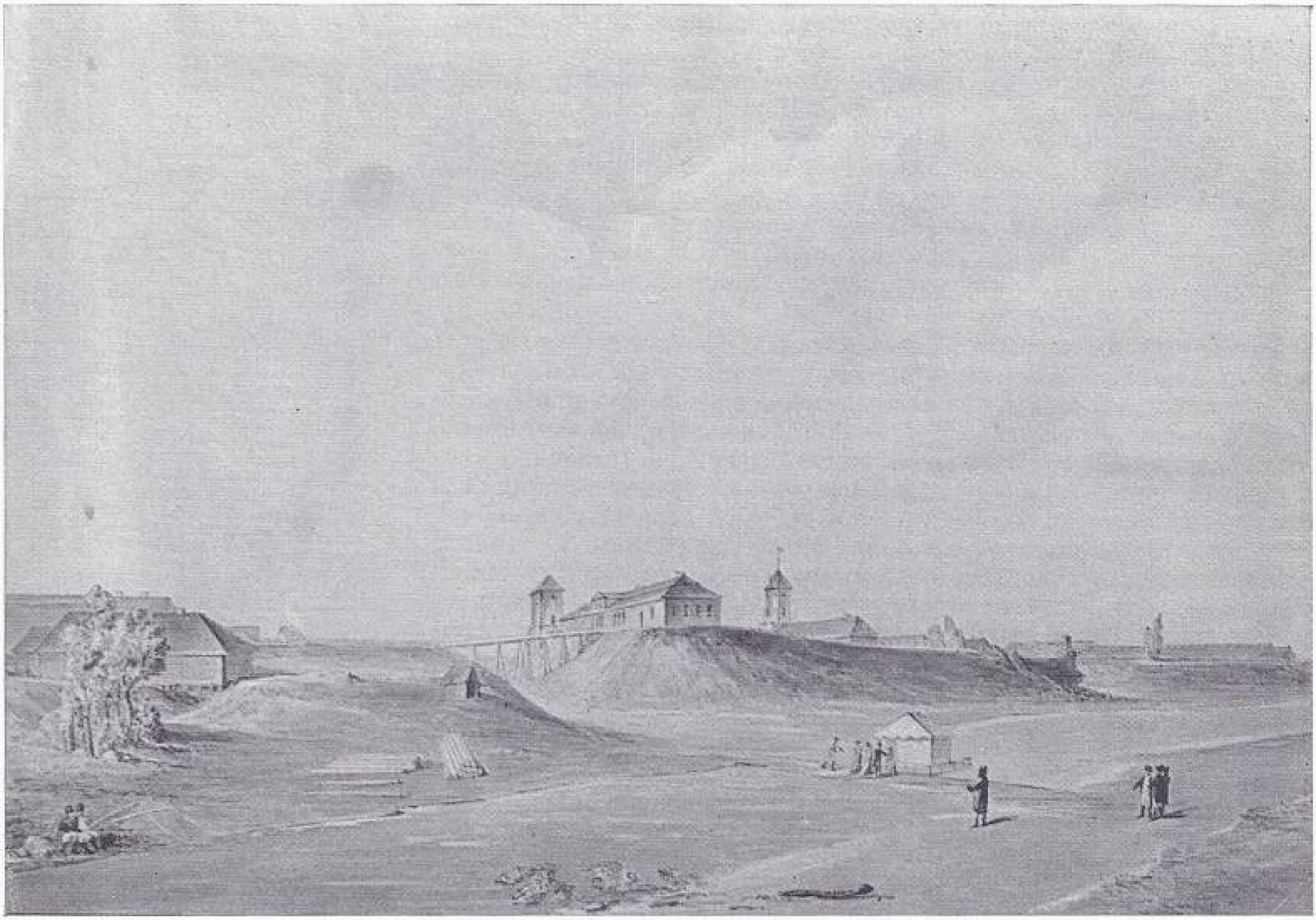
Замок в Гольшанах, первая половина XVII в.— руины башен и план

Дом-крепость в Гайтюнишках, 1613 г.— фасад, план и общий вид

Главная башня замка в Любче, первая половина XVII в.

Вид замка в начале XIX в. (акварель И. Пешки)

трактате. Тем не менее этот труд, выпущенный во время широкого послевоенного строительства, несомненно должен был оказать хотя бы частичное воздействие на создание дворцово-замковых комплексов.

КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА

Общий крепостной и замковый характер монументальной архитектуры XIV — первой половины XVII в. распространился и на культовое зодчество. Укрепленные храмы с мощными стенами, башнями, бойницами или обнесенные крепостным валом и стеной получили распространение на белорусской земле.

Самостоятельную группу храмов оборонного типа составляют церкви в Сынковичах, Супрасле и Маломожейкове. Это прямоугольные в плане постройки с одной или тремя апсидами и четырьмя крепостными башнями, выступающими по углам. Их планировка родственна четырехстолпным храмам западнорусских областей XII — XIII вв., что свидетельствует о продолжении традиций древнерусского строительства, о непрерывном процессе развития белорусского зодчества. Вместе с тем отличительные черты этих церквей указывают

на формирование собственных качеств архитектуры, вытекающих из местных условий и особенностей.

Сынковичская церковь (Гродненская область) является древнейшим оборонным храмом в Белоруссии. Наиболее вероятным временем ее строительства можно считать конец XV — начало XVI в. Система оборонных устройств церкви в основном повторяет подобные приспособления крепостного зодчества того времени. Массивные стены, башни и помещение над сводами с бойницами сближают ее с небольшим замком. План представляет собой слегка вытянутый перекошенный прямоугольник с трехнефным членением, все нефы имеют почти одинаковую ширину.

Граненые столбы, на которые опираются крестовые своды с нервюрами, занимают небольшую часть внутреннего пространства. Поэтому интерьер церкви получил зальный характер. Зальность интерьера чувствуется и во внешнем объеме церкви, представляющем собой параллелепипед, покрытый высокой двускатной крышей.

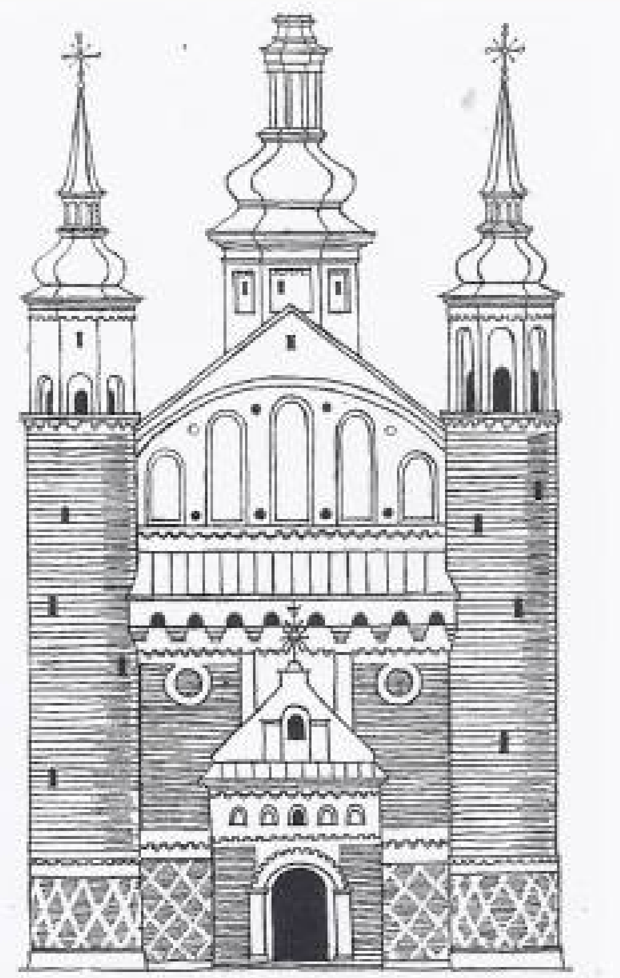
Оригинальный прием использован при перекрытии апсид. Если обычно каждая апсида храма имела отдельную крышу, то в Сынковичах все три апсиды находятся под одним покрытием. Это стало возможным за счет введения системы ступенчатых арочек, расположенных между верхними частями апсидных полукружий. Такой прием по существу превращает крышу постройки с трехапсидным планом в одноапсидный ее вариант, упрощая конструкцию и сохраняя целостность объемного построения. Аналогичная конструкция отмечается в Троицкой церкви начала XVI в. в Вильнюсе, подтверждая гипотезу о единстве многих характеристик архитектуры православных храмов в Великом княжестве Литовском.

В архитектуре церкви имеются детали древнерусского и готического зодчества. К первым можно отнести архитектурный поясок, охватывающий апсиды и две восточные круглые башни на уровне нижнего яруса. Стрельчатые арки проемов, большая высота крыши с острым щипцом, применение звездчатого свода в правой апсиде — элементы готики. Следовательно, в церкви наряду с чертами, близкими русским культовым постройкам, наблюдаются формы, распространенные в архитектуре западноевропейских стран. Фронтоны церкви, составляющие большую часть торцовых фасадов, изрезаны многочисленными декоративными нишами, которые снимают впечатление тяжеловесности стены. Подобный прием распространен в белорусской архитектуре.

Своеобразно объемное построение и отдельные архитектурные детали церкви. В серии оборонных церквей XV — XVI вв. на Украине, в Литве и Польше этот памятник белорусского зодчества наряду с чертами, общими для всех храмов подобного типа, имеет свое архитектурно-художественное решение как результат творческой переработки различных традиций местными мастерами. В этом заключается ценность памятника.

Церковь оборонного типа в Маломожейкове относится к началу XVI в. Она представляет собой четырехстолпную одноапсидную постройку. Апсида занимает всю ширину храма, являясь органическим продолжением его внутреннего пространства. Звездчатые своды состоят из гуртов, расходящихся от середины во все направления. Сплетения гуртов или нервюр образуют ромбы и треугольники разнообразного очертания и величины. Такая же система готического свода отмечается в одной из апсид церкви в Сынковичах.

Фасады церкви в Маломожейкове имеют много декоративных элементов, снижающих впечатление монументальности храма. Прием обработки фасадов церкви в Маломожейкове и Сынковичах один и тот же: многочисленные неглубокие ниши разнообразного рисунка

Церковь оборонного типа Благовещенского монастыря в Супрасле (Польша), XVI в.— фасад, разрез и план

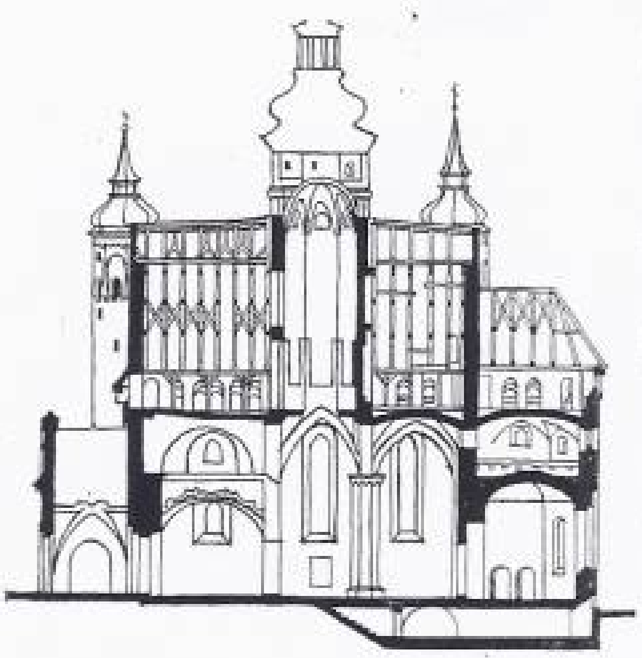
украшают плоскости стен, фронтона и башен. Следует отметить спаренные полуциркульные ниши с небольшим замком — мотив московской архитектуры — на башнях и боковых фасадах. Своеобразной формой является круглое окно в центре западной стены. Такой прием характерен для культовых памятников романской и готической архитектуры.

Маломожейковская церковь при родстве с сынковичским храмом имеет и свои отличительные свойства. Из них необходимо выделить два основных — четкое построение плана и более пышную декорацию. Система оборонных устройств церкви значительно слабее, чем в сынковичском храме.

Церковь Благовещенского монастыря в Супрасле (XVI в.) также имеет много элементов готической архитектуры. В интерьере они представлены разнообразными сводами — крестовыми, звездчатыми, сетчатыми или сотовыми; снаружи — формой апсид, высокой щипцовой крышей, стрельчатыми окнами, круглым проемом над входом. Устремленная вверх композиция постройки усиливается высоким барабаном центрального купола и стройными угловыми башнями. Объемная целостность храма, четкость архитектурных членений и богатый декор наделяют памятник большой художественной силой.

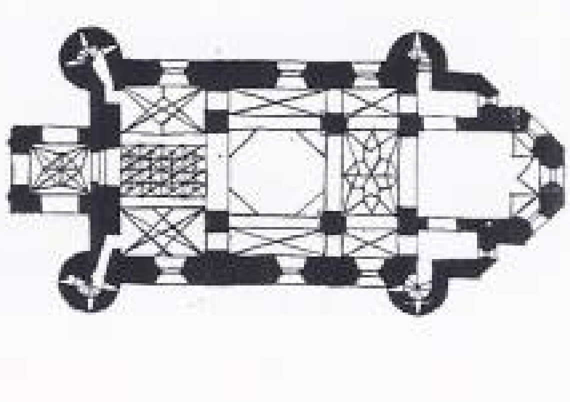
Во всех рассмотренных церквах крутые крыши вызвали необходимость возведения высоких щипцов-фронтонов, в которых строители проявили умение соединять конструктивные принципы с богатой и изобретательной декоративностью. Можно предполагать, что этот прием послужил источником для ренессансного аттика грядущих столетий.

Храмом, приспособленным к обороне, но отличающимся от рассмотренных образцов, является *Борисоглебская церковь в Новогрудке*. Эта постройка относится к 1519 г. Позже, в первой половине XVII в., она была реконструирована, достроена с западной стороны и получила иной облик.

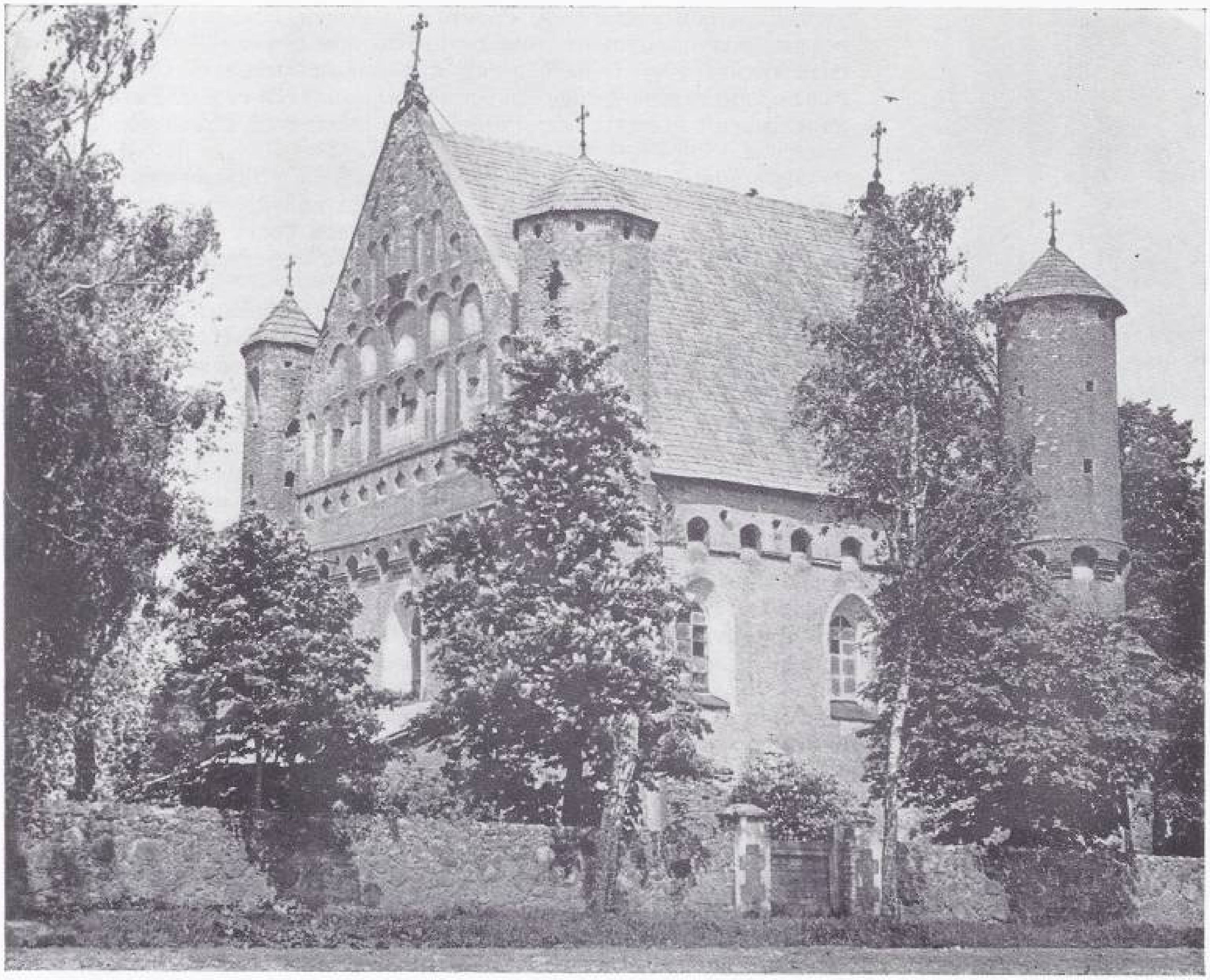

Первоначально храм был значительно меньше по размеру: его западная фасадная стена с входом возвышалась на месте существующих ныне столбов в интерьере. Об этом говорит нам наличие на чердаке остатков былого фронтона, опиравшегося на столбы, иная техника кладки и рисунок сводов и, наконец, существенное различие в архитектурном декоре стен. Восточная (древнейшая) часть храма выложена из большемерного кирпича (9×17×33 см), а западная (более поздняя) вместе с двумя башнями выполнена из кирпича, близкого современному (6×12×26 см).

Раньше церковь представляла собой небольшой четырехстолпный храм с планом, близким к квадрату со стороной около 14 м (без апсиды). Широкая и сильно выступающая пятигранная апсида являлась как бы продолжением основного объема постройки. Углы храма укреплены почти на всю высоту гранеными контрфорсами. Оригинально выполнено декоративное оформление стен древней части церкви: тонкие вертикальные лопатки под карнизом завершаются своеобразным трехрядным поясом из стрельчатых арочек. Принятый мотив декорации создает иллюзию ажурности фасадных стен и придает им нарядность.

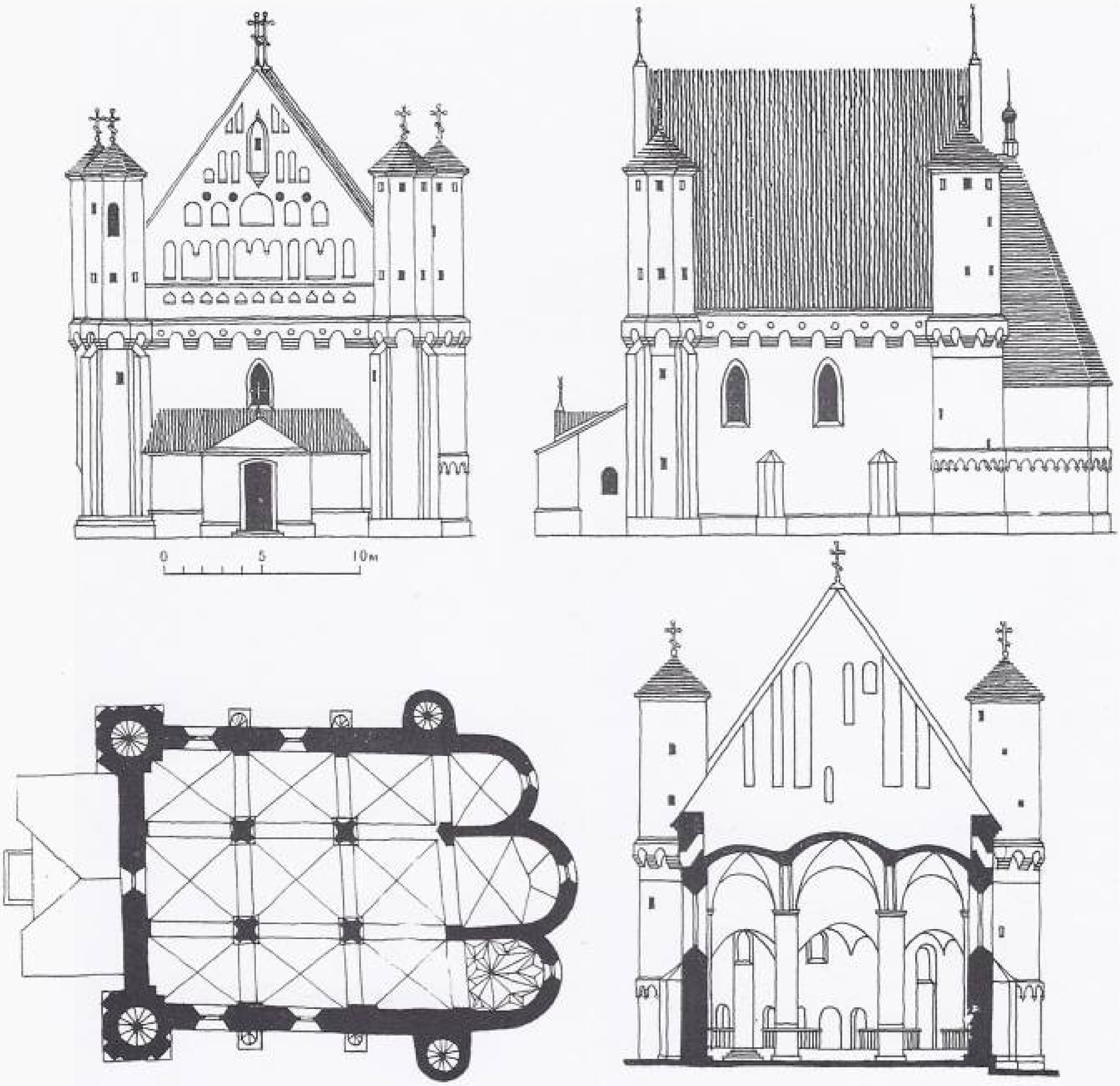

После перестройки план церкви получил форму вытянутого прямоугольника, западная сторона которого фланкирована двумя башнями и притвором. Новые участки боковых стен имеют более простое, плоскостное решение. Высокие башни головной части храма в основании имеют прямоугольное очертание, а вверху переходят в восьмигранники. Башни сильно выдаются за пределы основного объема храма, тем самым повторяя в новой редакции композиционный прием церквей XV — XVI вв. Башни имели оборонное назначение, поэтому

их стены прорезаны узкими бойницами, а верхняя часть завершена зубцами. На этом исчерпываются элементы оборонного устройства церкви. Предположение, что пространство над сводами первоначально также использовалось для нужд обороны, не подтверждается документально и не имеет следов в современном облике памятника. В этой церкви, как и в других одновозрастных ей культовых зданиях, находим элементы готики. Это постройка с характерными звездчатыми сводами на нервюрах, контрфорсами, стрельчатыми проемами, декоративным поясом стрельчатых арочек и пр. В архитектуре церкви обнаруживаются отдельные черты, роднящие ее с бернардинским костелом в Вильнюсе (1525—1594) и приходским костелом в Гродно (1494). В первую очередь это относится к интерьеру, где наблюдаются идентичные готические своды и профилированные колонны.

Церковь в Кодне (около 1530) на западном берегу Буга была построена на территории замка Сапеги. Она представляет собой трехнефную бескупольную постройку с одной сильно выступающей апсидой. Интерьер освещается только с южной стороны (аналогия имеется в Ишкольди). Окна узкие, высокие, с полуциркульным завершением. Объем храма компактен и лаконичен: это параллелепипед,

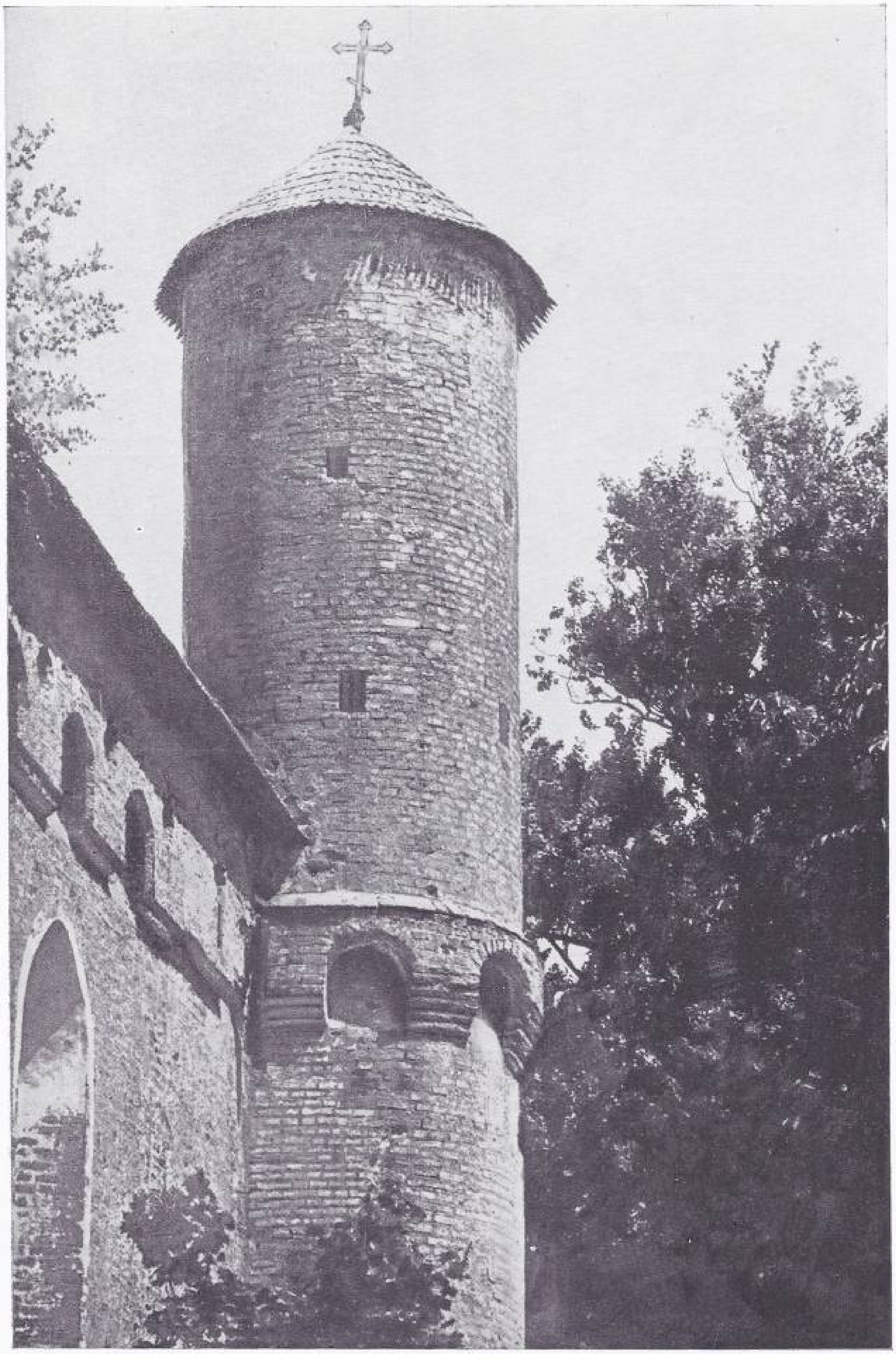

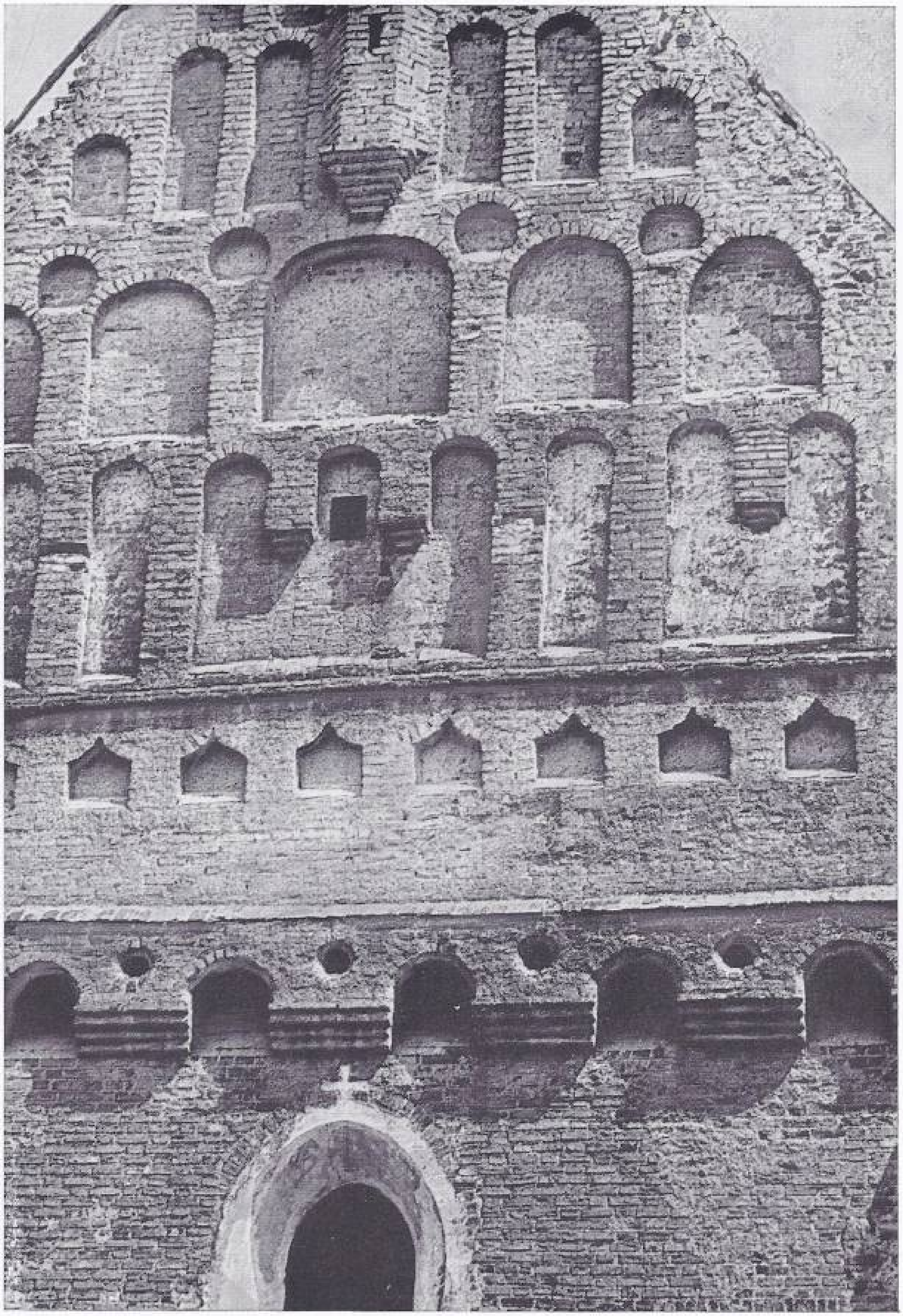
Церковь оборонного типа в Сынковичах, XV—XVI вв.— общий вид, фасады, план и разрез

завершенный высокой двускатной крышей. Ступенчатые контрфорсы имеются на всех фасадах. На главном, где собрано наибольшее количество декоративных элементов, контрфорсы сильно вытянуты и объединяют основную часть храма со щипцовой стеной. Такой композиционный прием в других постройках этого типа не встречается.

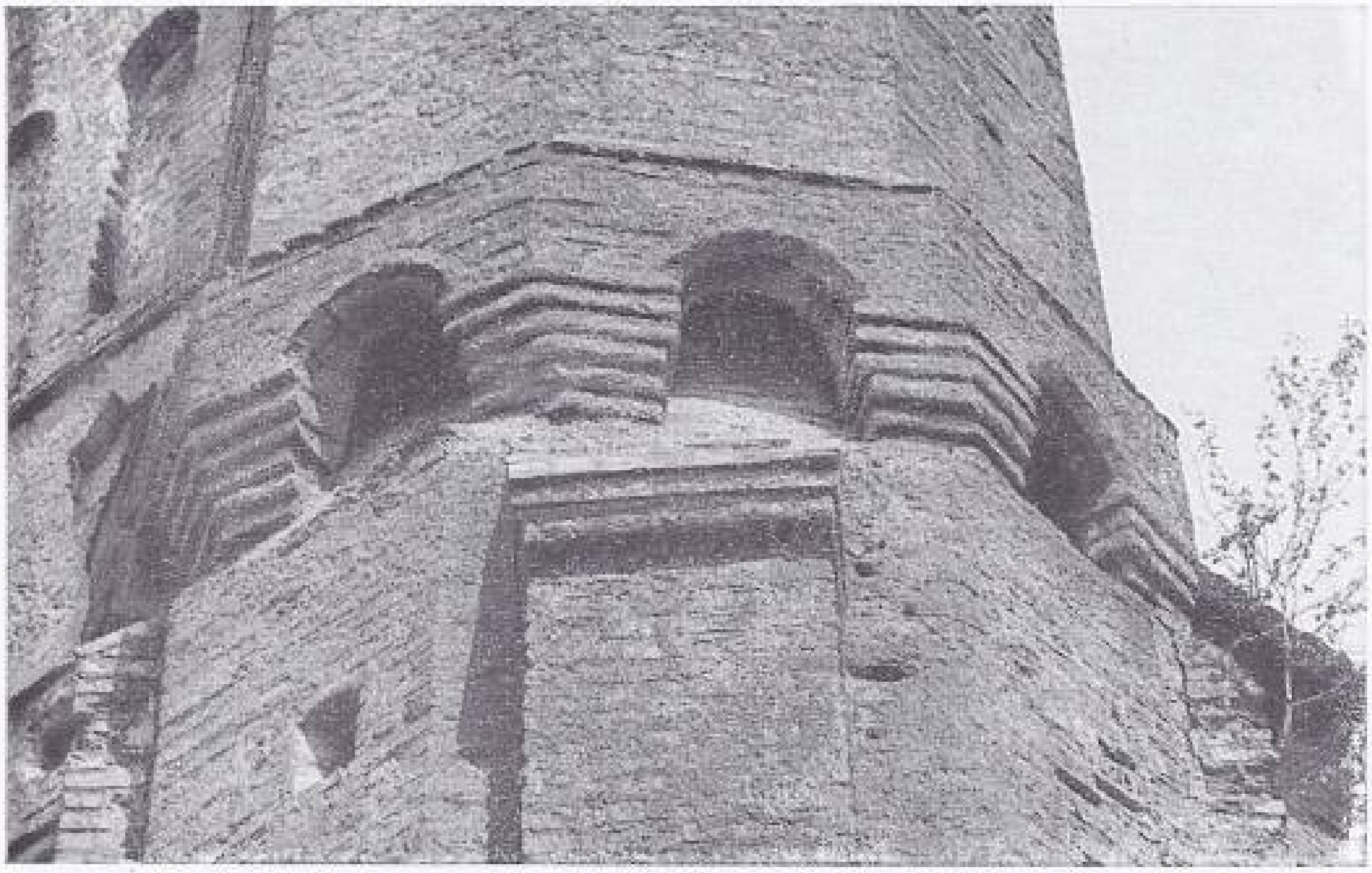
Щипцовая стена расчленена на три яруса арочными нишами, поля которых оштукатурены и побелены. Контур щипца украшает гребень из рядов фигурных столбиков. Арочки разных размеров; большинство из них спарены, напоминают прием, использованный в маломожейковском храме. Стены сложены из красного кирпича, с введением в нижних частях традиционного узора из темных тычков пережженного кирпича. Все фигурные украшения фасадов набраны из лекального кирпича. Вставки из цветных и позолоченных изразцов в верхней части главного фасада усиливают красочную нарядность постройки.

Храм в Кодне, как и ряд других памятников культового строительства (Сынковичи, Маломожейков, Новогрудок, Супрасль), являет пример развития художественного направления в зодчестве Белоруссии XV—XVI вв. Отмечается творческая переработка унаследован-

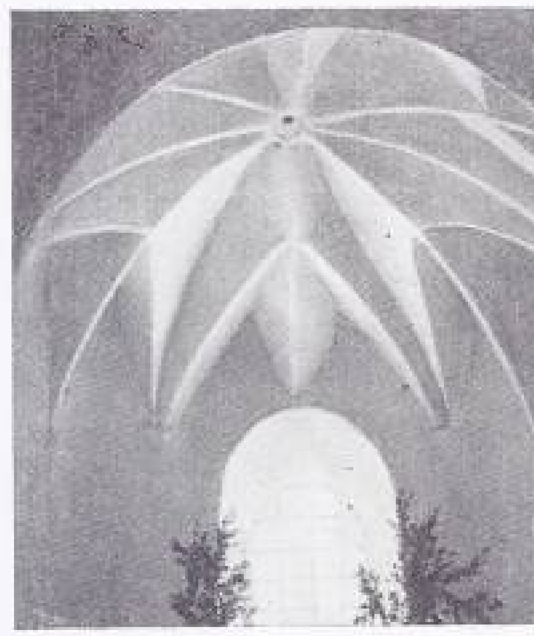

Церковь оборонного типа в Сынковичах, XV—XVI вв.— круглая башня и фрагмент западного фасада

ных приемов древнерусской архитектуры, использование доступных и передовых конструктивных и художественных качеств готики, высокое искусство местных мастеров в компоновке декоративных украшений. Это в сумме уже не переработка какого-либо известного художественного стиля, а свое творческое кредо, сложившееся в течение десятилетий и получившее признание в архитектурно-строительной деятельности на белорусской земле.

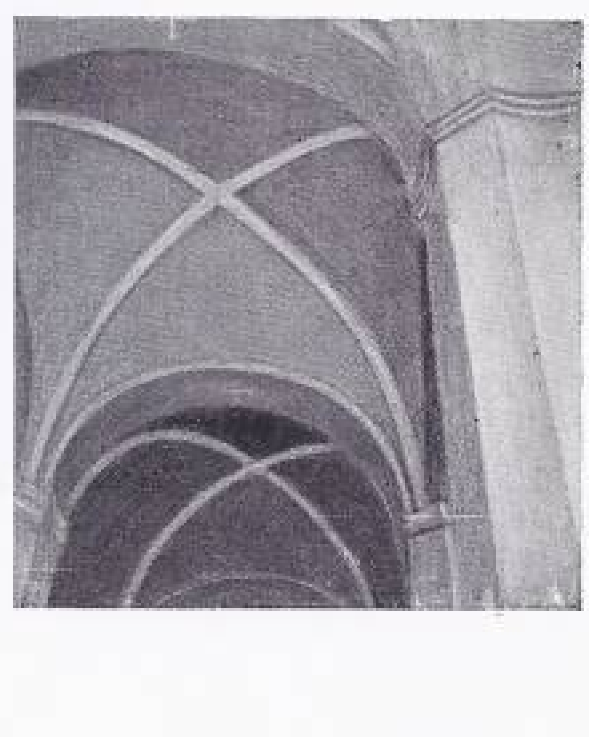

Реформатские храмы, или «кальвинские сборы», также были приспособлены к оборонным нуждам. Они наподобие маленьких крепостей обносились каменными стенами с башенками или земляными валами с бастионами. Иногда использовались старые укрепления, обычно насыпные, в которые вписывали новую культовую постройку.

Известны церкви подобного типа в Дзержинске, Осташине, Деревне и Заславле.

Храм в Сморгони имеет качества, свойственные названным постройкам, но вместе с этим характеризуется и другими чертами архитектуры: в нем светское начало приобрело широкое воплощение как в общей композиции, так и в отдельных деталях.

Показательным примером реформатского храма является *Преображенская церковь в Заславле,* построенная в середине XVI в. Расположение на высоком холме, подножие которого огибает извилистая речка, создало хорошие условия для организации круговой обороны. Земляные валы и бастионы по углам удачно завершили холм, создавая труднопреодолимую систему обороны. Преображенская церковь — бесстолпный, безапсидный храм с прямоугольным планом. Компактное и приземистое здание ее перекрыто высокой щипцовой крышей. С западной стороны к церкви примыкает тридцатипятиметровая башня, в основании квадратная, а в последующих ярусах восьмигранная. Башня была пристроена позже, очевидно, в XVII в. О перестройке церкви свидетельствует не только разнохарактерная обработка отдельных частей фасадов, но и толщина стен: вверху они значительно тоньше, чем внизу. Это позволяет предположить, что существующая верхняя стена с декоративными элементами сменила стены с бойницами, так как общий характер церкви с системой земляных укреплений не вызывает сомнения. Башня была возведена одновременно с реконструкцией фасадов. Об этом свидетельствует

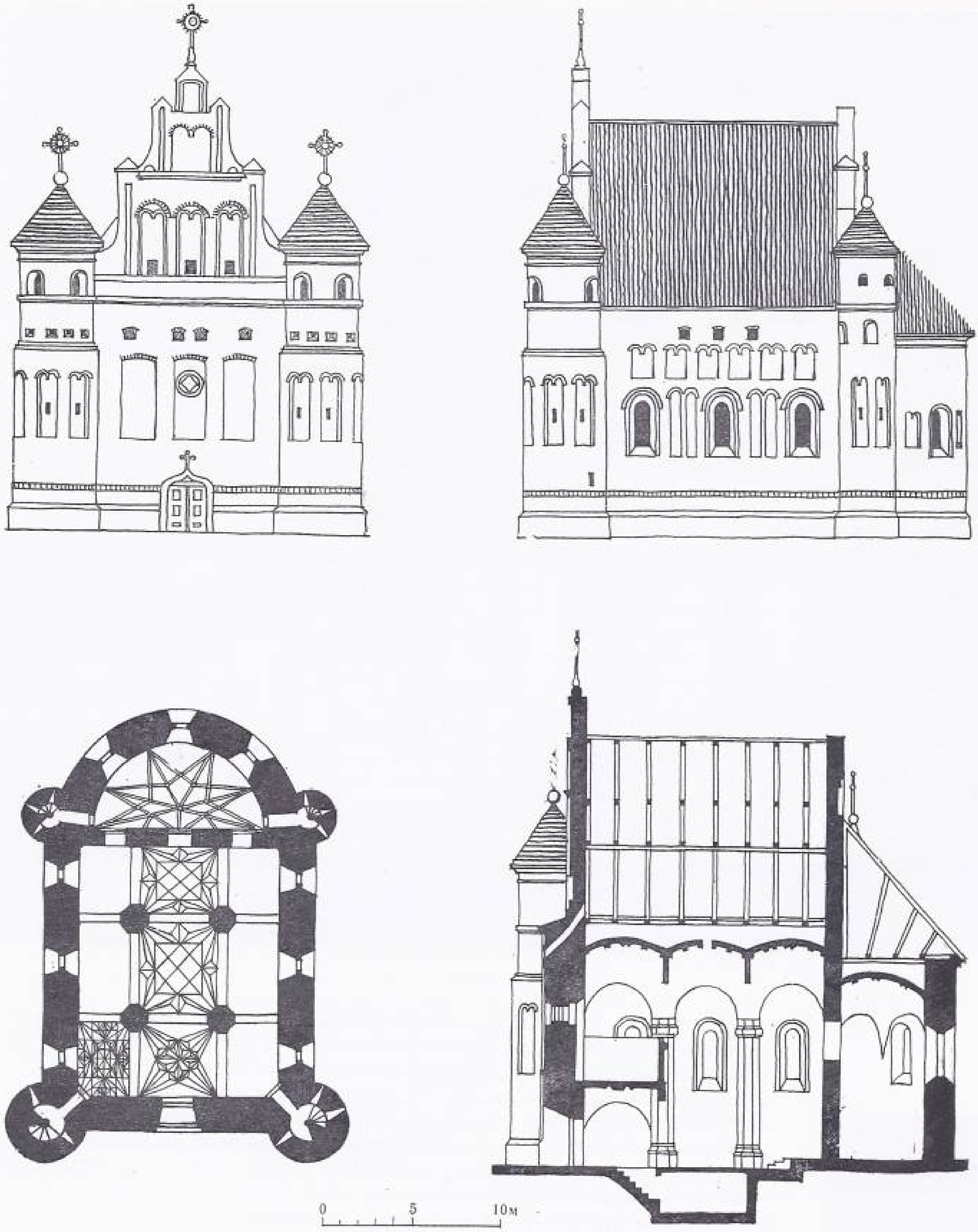

общность их архитектурной обработки на уровне венчающей части стен церкви. Эта часть храма трактована как аттик, который получил распространение в архитектуре ренессанса в Белоруссии.

Церковь в Сморгони (1553) является оригинальным памятником архитектуры ренессанса. План церкви представляет собой растянутый восьмигранник. Внутреннее пространство решено в виде цилиндра, перекрытого высоким куполом. Основание купола замаскировано аттиком, богато декорированным со всех сторон лопатками и спаренными полуциркульными нишами и гирьками. В противоположность аттику большая часть церкви выполнена в строгих формах. Монументальная приземистая башня, через которую открывается доступ в церковь, имеет оборонный характер. Заслуживает внимания и небольшая полукруглая башенка с узкими окнами — бойницами, поставленная в месте примыкания основной башни к храму. Подобное устройство оборонного характера можно встретить в архитектуре жилья на белорусской и литовской землях. Такой композиционный прием стал традиционным. В каждом конкретном случае он приоб-

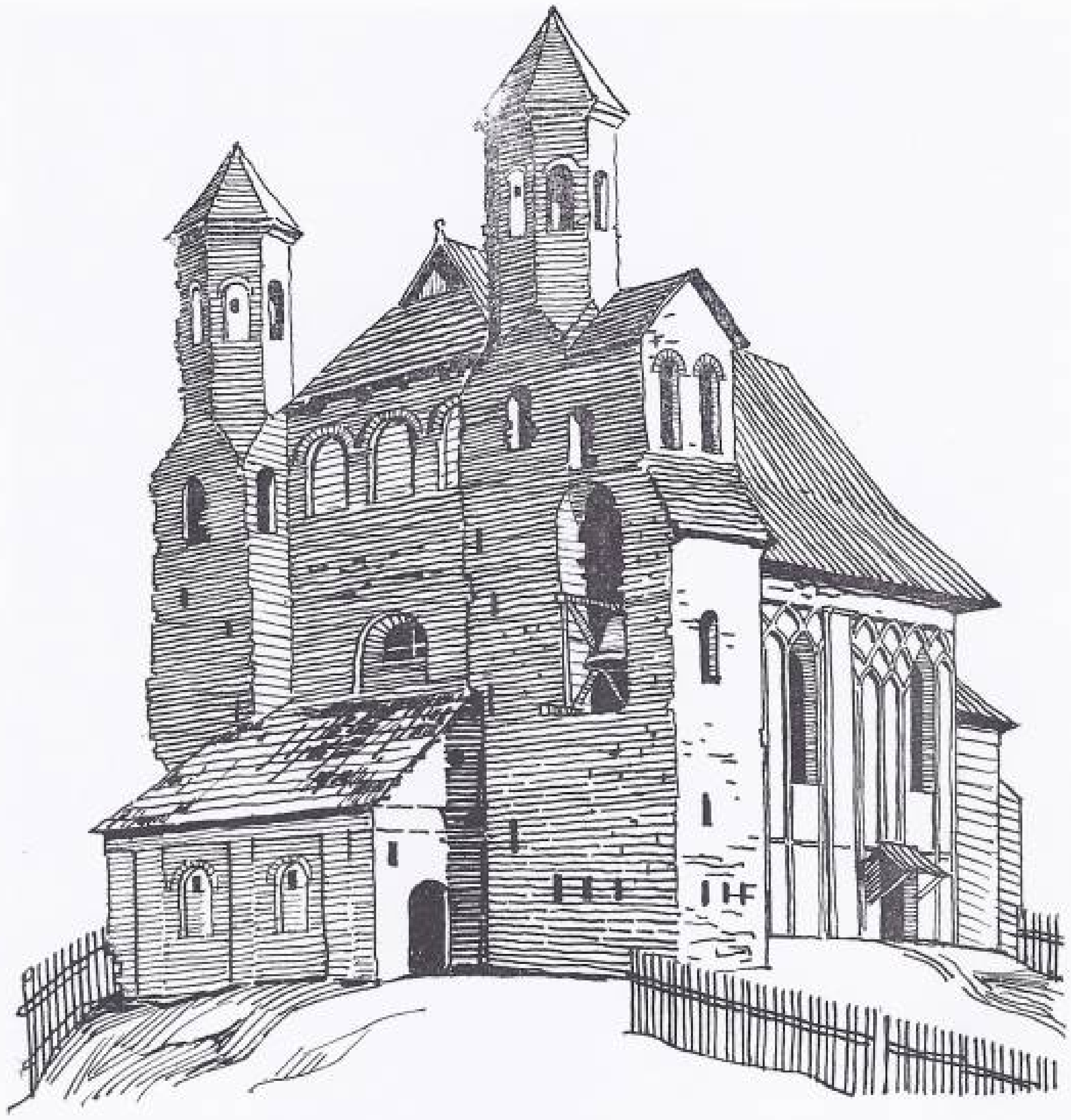
Церковь оборонного типа в Сынковичах, XV—XVI вв.— фрагмент восьмигранной башни, своды церкви

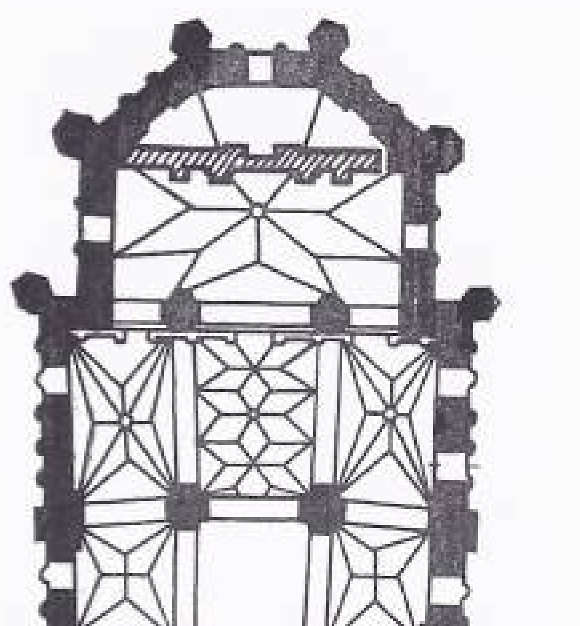
Церковь оборонного типа в Маломожейкове, XV—XVI вв.

Церковь оборонного типа в Маломожейкове, XV—XVI вв.— фасады, план и разрез

Борисоглебская церковь в Новогрудке, XVI—XVII вв.— план и общий вид с рисунка XIX в.

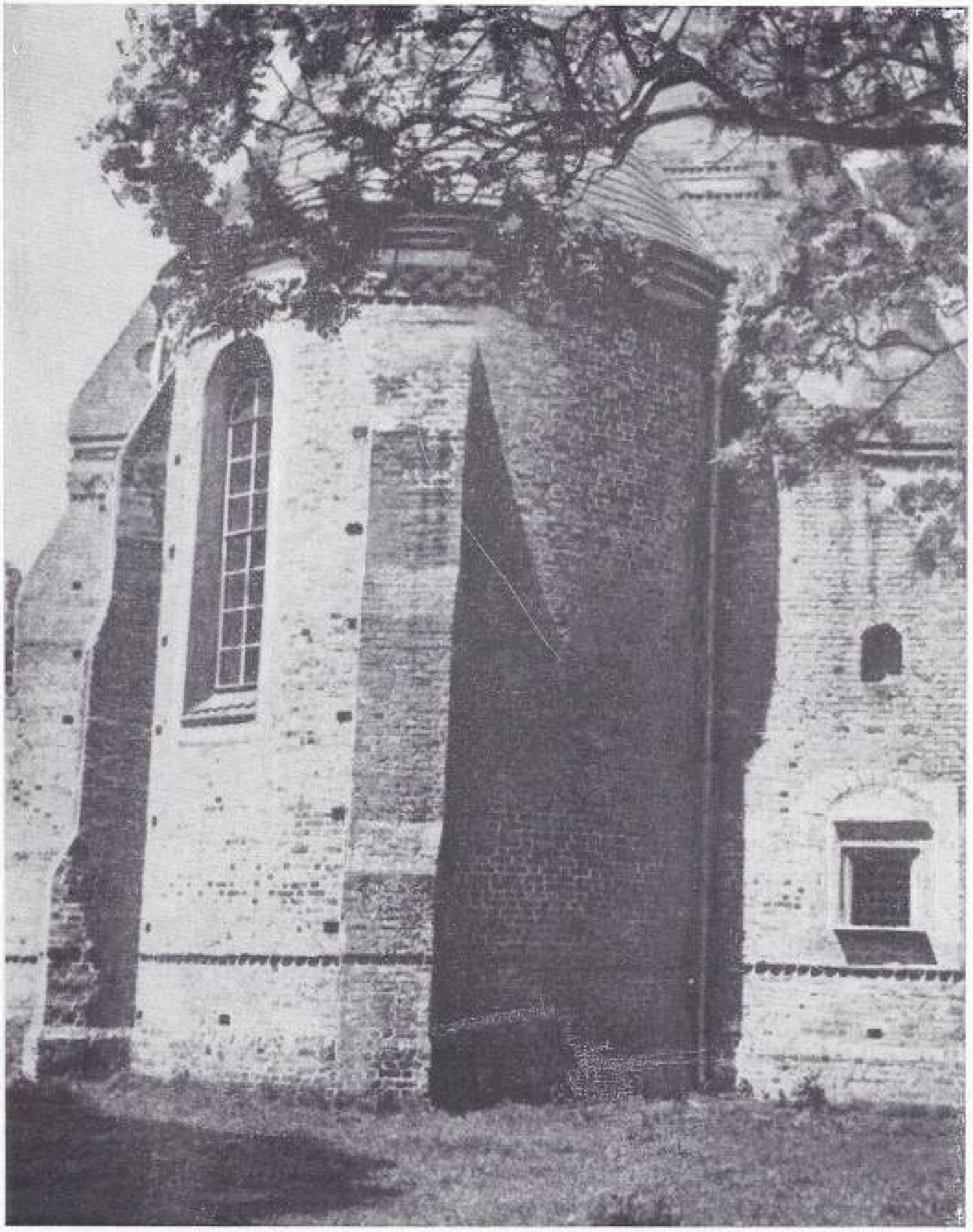

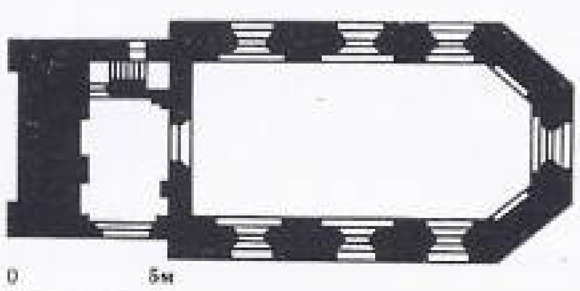

ретал свое выражение, исходя из прямого назначения здания, и в какой-то мере перекликался с цилиндрическим фланкированием культовых и замковых памятников XVI в.

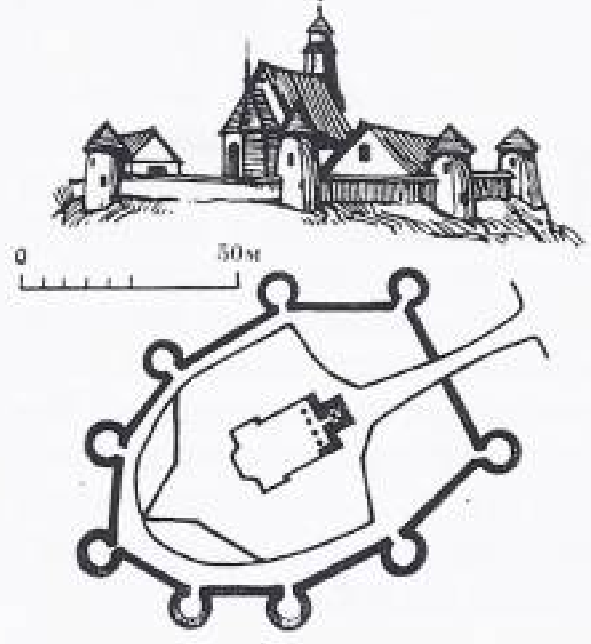
Реформатские храмы своеобразны в своей архитектуре. Они не похожи на костелы, но и в значительной степени отличаются от православных церквей. С последними их сближают некоторые черты планов и общий оборонный характер. Церкви в Осташине, Заславле, Сморгони представляют собой новый этап в развитии бесстолпных храмов Белоруссии, пришедших на смену многопролетной готической системе. По своей планировке, конструкциям и архитектуре они многообразны: с алтарем (Осташин) и безалтарные (Заславль), с коробовым сводом с люнетами (Деревна) и куполом (Сморгонь), с башней у главного фасада (Осташин) и безбашенные (Заславль, до реконструкции). В их архитектуре заметно влияние поздней готики и насыщение формами ренессанса. Контрфорсы, граненые апсиды, высокие щипцовые крыши и другие элементы, характерные для готики, уживаются с цилиндрическими сводами, аттиками, расчлененными фасадами — типичными для ренессанса чертами.

Реформационное движение коснулось преимущественно феодальной верхушки общества, а среди горожан и крестьян Белоруссии не нашло распространения. Местное население в своей борьбе против католической церкви пошло по пути организации православных братств. В такой исторической обстановке уже в конце XVI в. католицизму и контрреформации удалось свести на нет влияние реформационных идей.

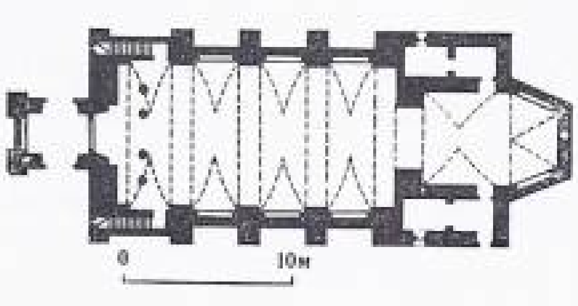

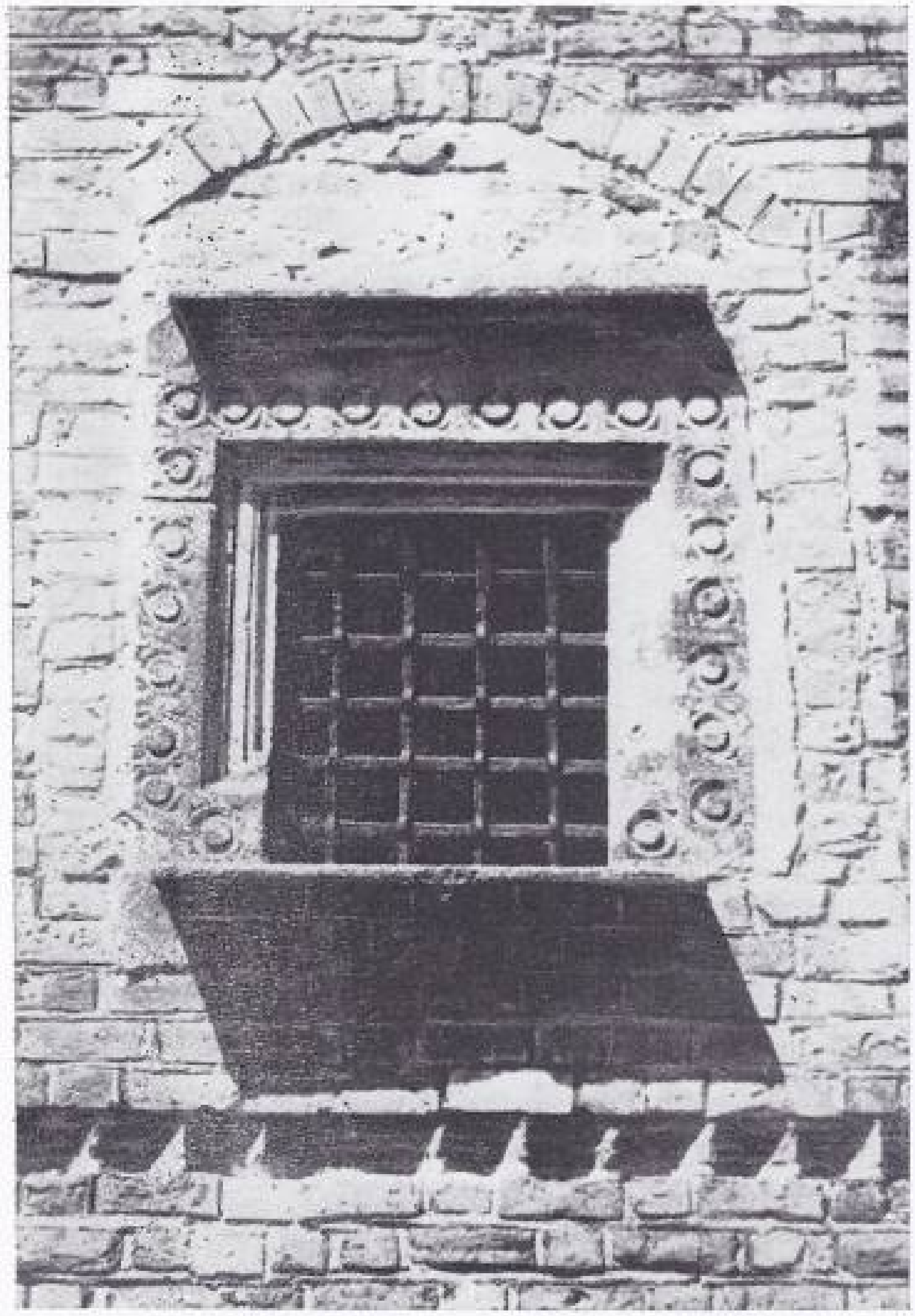
0
5м

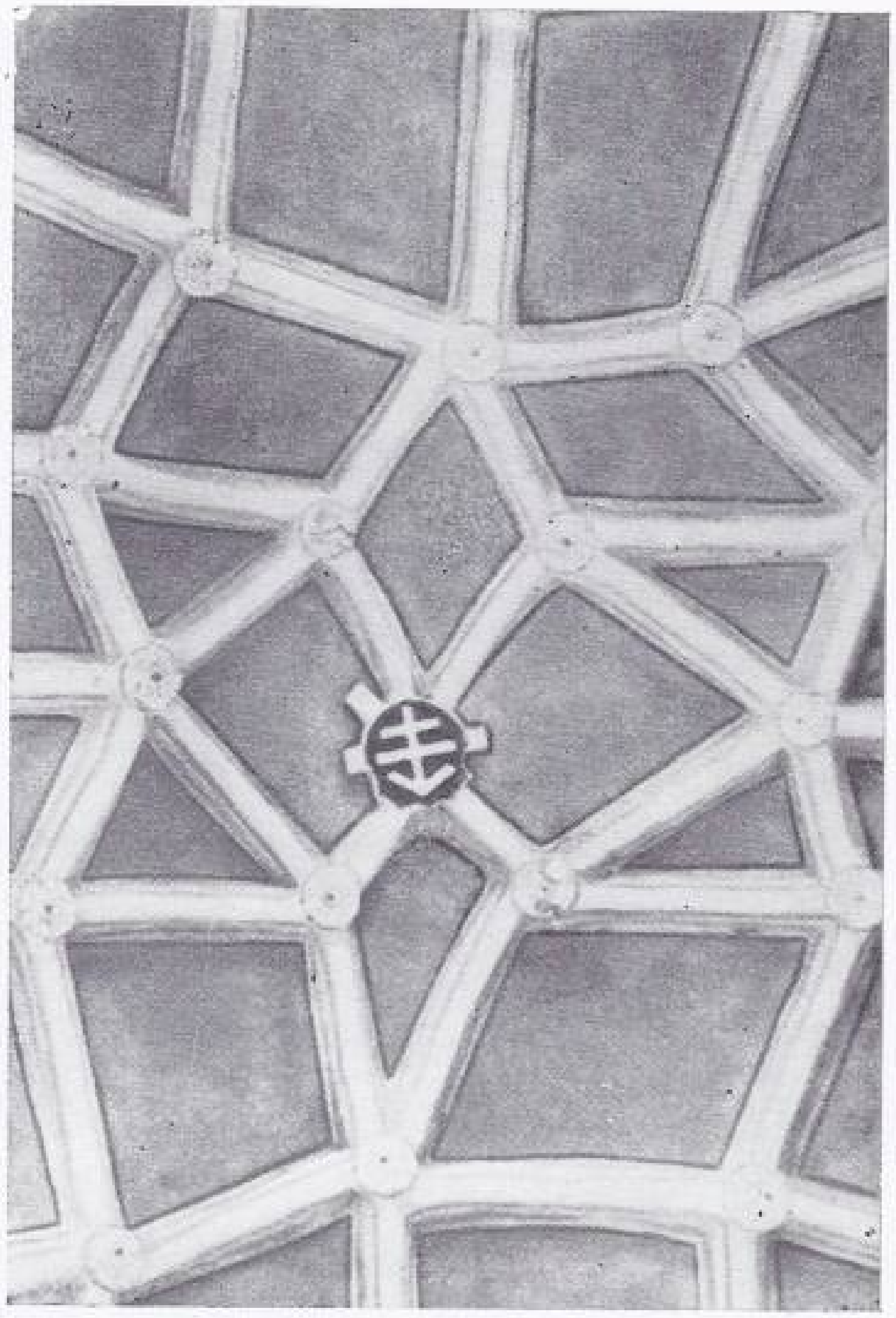

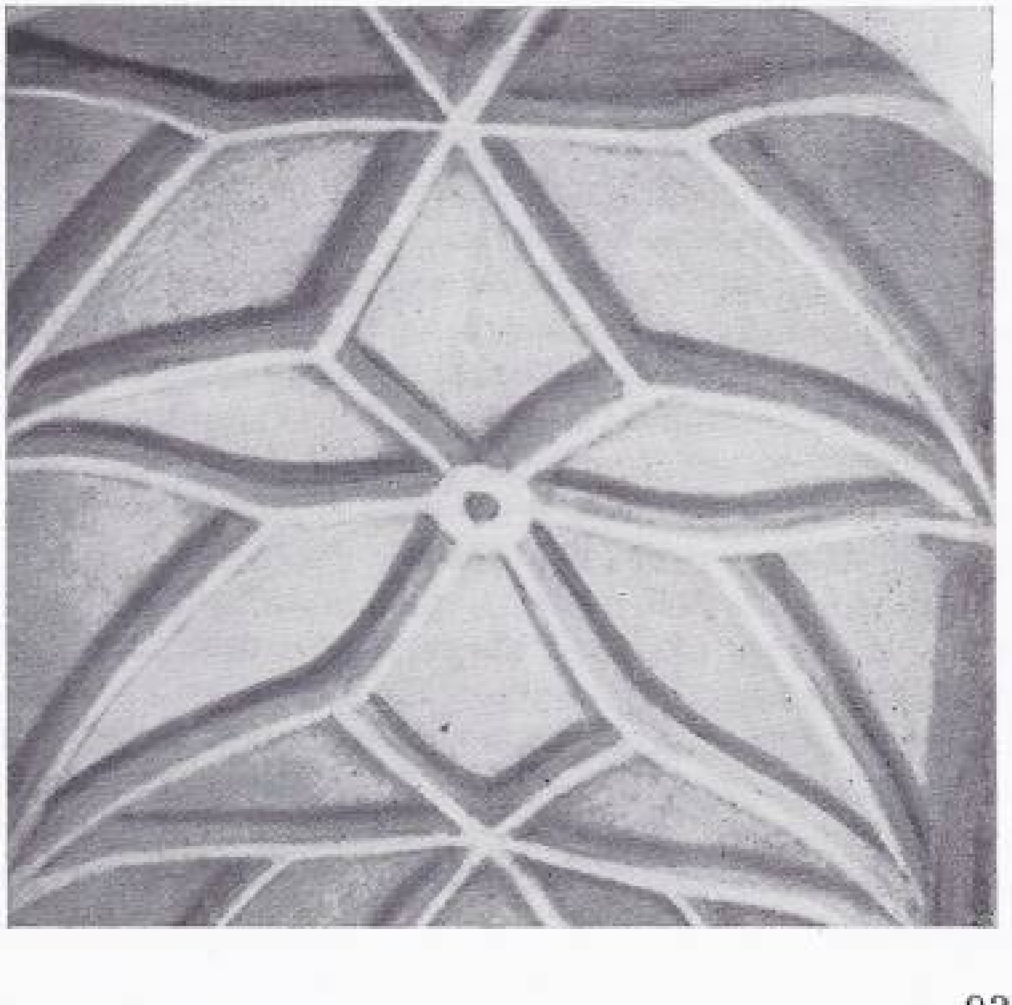
0
50м

0
10м

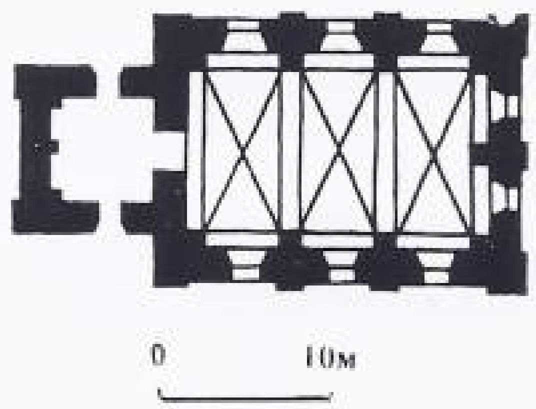
Замковая церковь в Коднэ (Польша), около 1530 г.— апсида с контрфорсами

Планы реформатских (кальвинских) храмов в Осташине, Деревне и Дзержинске (б. Койданово), вторая половина XVI в.

Церковь в Коднэ — обрамление окна, свод

Свод среднего нефа Борисоглебской церкви в Новогрудке, XVI—XVII вв.

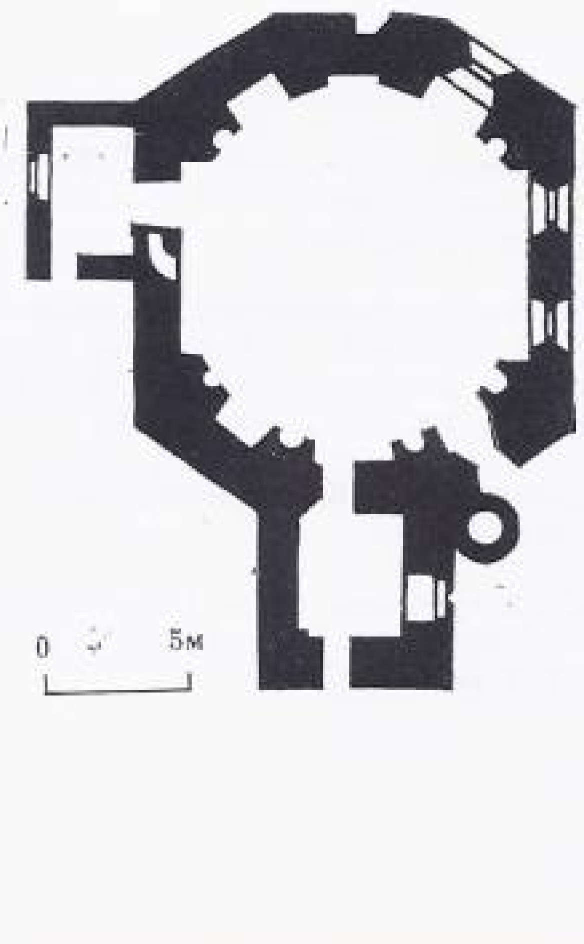

Первые памятники католической архитектуры восходят к XVI и даже к концу XV в. Но это были лишь отдельные и редко встречавшиеся постройки, которые растворились среди многочисленных православных храмов.

Древнейшие каменные костелы носили черты крепостей. В их архитектуре преобладают готические формы — контрфорсы, оборонные башни, характерные своды, стрельчатые ниши и проемы, имевшие широкое распространение в белорусском зодчестве почти до середины XVII в. К таким постройкам можно отнести храмы в Ишкольди, Гнезно, Чернавчицах, Комаи, отдельные части бернардинского костела в Гродно (все конца XV, XVI, начала XVII вв.). Вместе с тем уже в конце XVI в. появляются барочные костелы, близкие к итальянским прототипам (Несвиж). В дальнейшем на их архитектуру стали оказывать активное влияние местные традиции культового зодчества, в силу чего костельное строительство XVII и XVIII вв. в Белоруссии приобретает своеобразие.

Многие мастера-иностранцы, приглашенные из разных стран Европы для строительства костелов и монастырей, также оказались под влиянием местной культуры. Не случайно в первой половине XVIII в. в Белоруссии развивается своя разновидность архитектуры, известная в литературе как «виленское барокко», со своими особенностями, отличными от западноевропейского проявления этого стиля. В этом отношении белорусское барокко представляет больший художественный интерес.

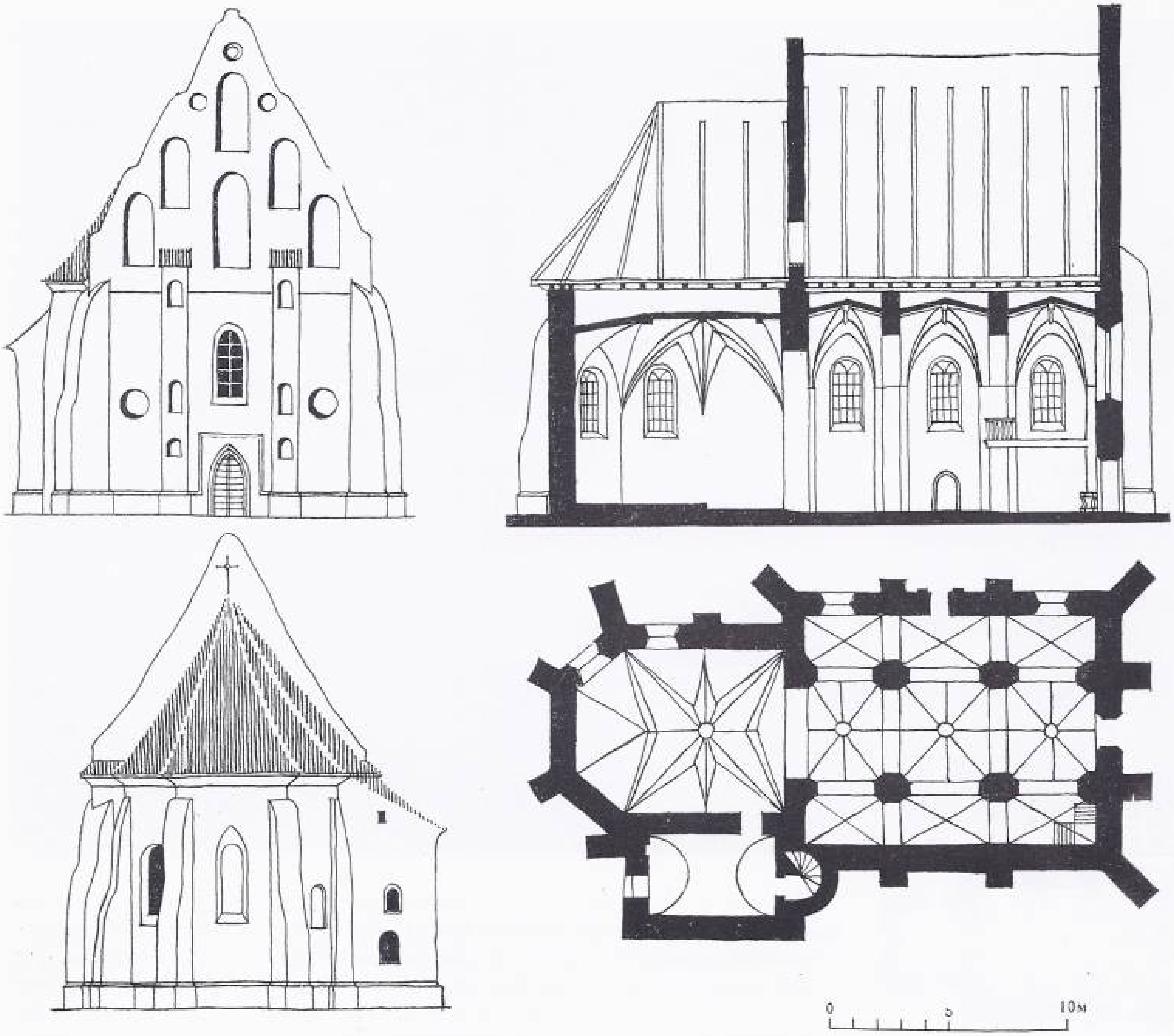

Костел в Ишкольди (Брестская область) является редким образцом деревенского готического храма. Построен в 1472 г. Его прямоугольный план (10×14,5 м) завершается пятистенной апсидой. По своей площади апсида немногим уступает основной части храма, являясь ее органическим завершением как в плане, так и в объемном построении. Фигурное завершение главного фасада и криволинейные очертания контрфорсов сообщают костелу скульптурность, смягчающую монументальный облик постройки. Элементы, типичные для готики,— звездчатый свод над граненой апсидой, мощные контрфорсы, декоративное убранство щипцовой стены плоскими нишами стрельчатого очертания, такой же формы оконные и дверные проемы, высокая крыша — не оставляют сомнения в добарочном характере постройки. Обработка главного фасада костела в Ишкольди в известной мере перекликается с храмом Йонаса в Запишкисе (Литва, XVI в.).

Костел в Гнезно (Гродненская область), относящийся к первой половине XVI в., представляет собой невысокую и массивную постройку. Храм не был достроен: внутри отсутствуют опорные столбы и своды. Перекрытия более поздние, из дерева. Только высокая ярусная башня доминирует в его композиции. Стены с контрфорсами, окна и ниши стрельчатого очертания подтверждают принадлежность костела к готической архитектуре. Вместе с этим конструктивная характеристика и особенности декора отличают храм от образцов западноевропейской архитектуры этого стиля, придавая ему своеобразие.

Реформатский храм в Заславле, 1557 г.— общий вид с валами и план

Кальвинский храм в Сморгони, 1553 г.— план и общий вид

Фасады, разрез, план и общий вид костела в Ишкольди, 1472 г.

Костел в Чернавчицах (Брестская область), построенный во второй половине XVI в., наделен чертами оборонной архитектуры. Так, у апсиды на южном фасаде храма высится цилиндрическая башня. Башни такого типа встречаются в ряде памятников белорусского зодчества XV—XVI вв. (Сынковичи, Маломожейков). Можно полагать, что и введение в архитектуру костела такой башни объясняется известным влиянием местных традиционных приемов строительства. Характерно сводчатое и украшенное скульптурными узорами перекрытие костела. Декорация сводов восходит к ренессансу, что для Белоруссии явление редкое.

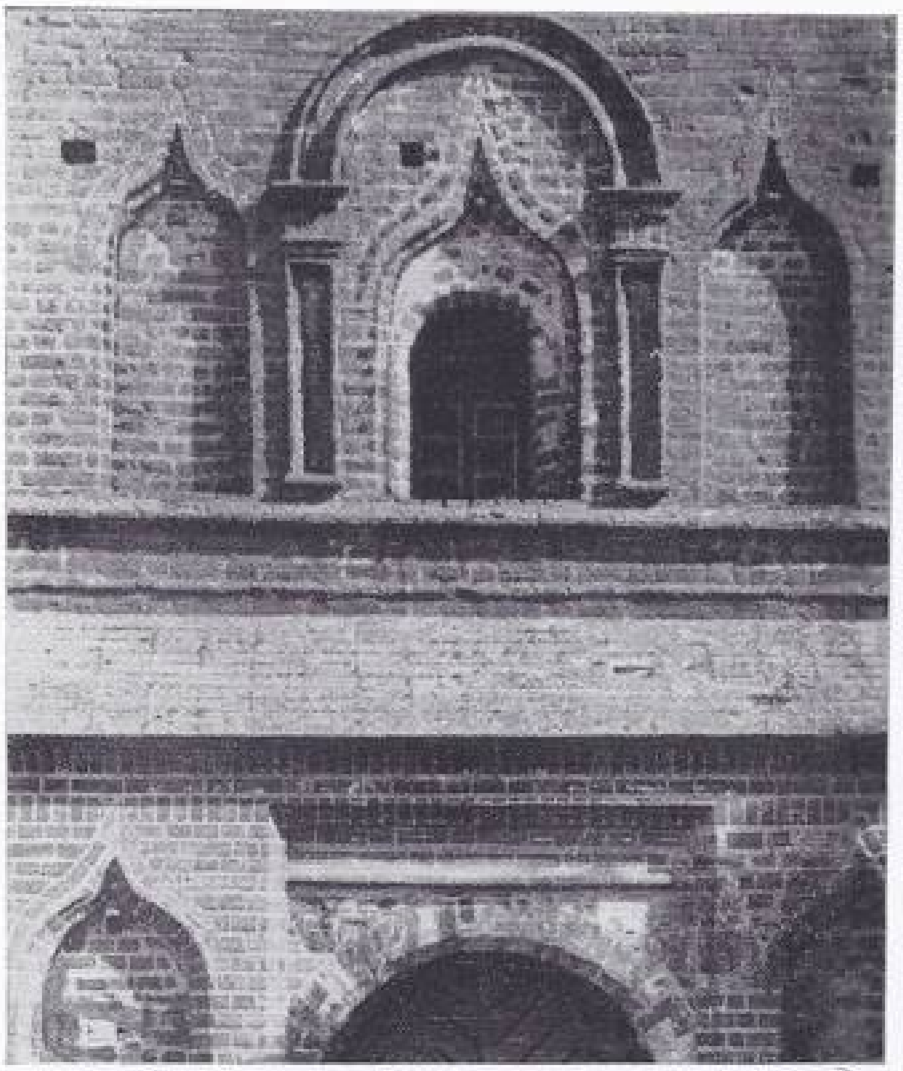
Костел в Комаи (Витебская область), построенный в 1606 г., является примером связи католической культовой архитектуры Белоруссии с местными традициями в церковном зодчестве. План костела имеет сходство с планом церкви в Маломожейкове и первоначально имел компактное построение, типичное для белорусских храмов. Отличительной чертой его является присутствие только двух круглых башен. Их подчеркнуто монументальный вид делает постройку сходной с небольшой крепостью.

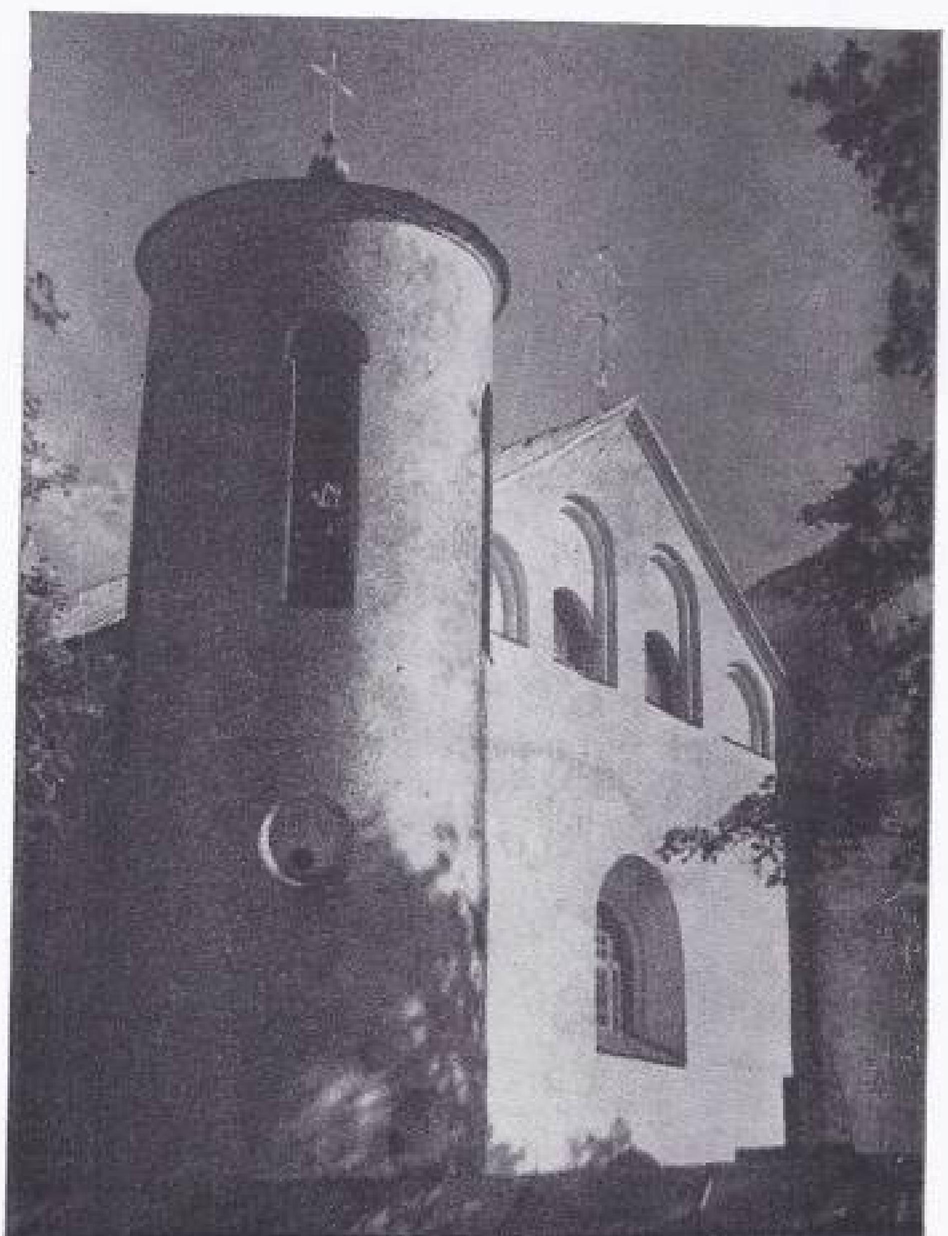

Костелы в отличие от церквей в большинстве случаев отделялись от соседней застройки высокими стенами (Друя) или плотно окружались монастырскими строениями (Гродно). Создавались комплексы, изолированные от городских кварталов, способные в случае необходимости выдержать осаду. Единственным архитектурным акцентом в каменных оградах таких комплексов были входные ворота — брамы, представляющие собой высокохудожественные произведения, связанные с архитектурой костелов.

Раннее барокко в Белоруссии представляет *костел в Несвиже*. Этот первый иезуитский костел на территории Речи Посполитой был воздвигнут архитектором-монахом Яном Марией Бернардони в 1584—1593 гг. Его прототипом является римский храм Иль Джезу (1568—1584), построенный выдающимися итальянскими зодчими Д. Виньола и Д. Порта.

Костел представляет собой трехнефную купольную базилику с одной полуциркульной вытянутой апсидой. Конструктивная схема постройки четкая и достаточно простая: средний продольный неф перекрыт цилиндрическими сводами с люнетами, боковые нефы, рас-

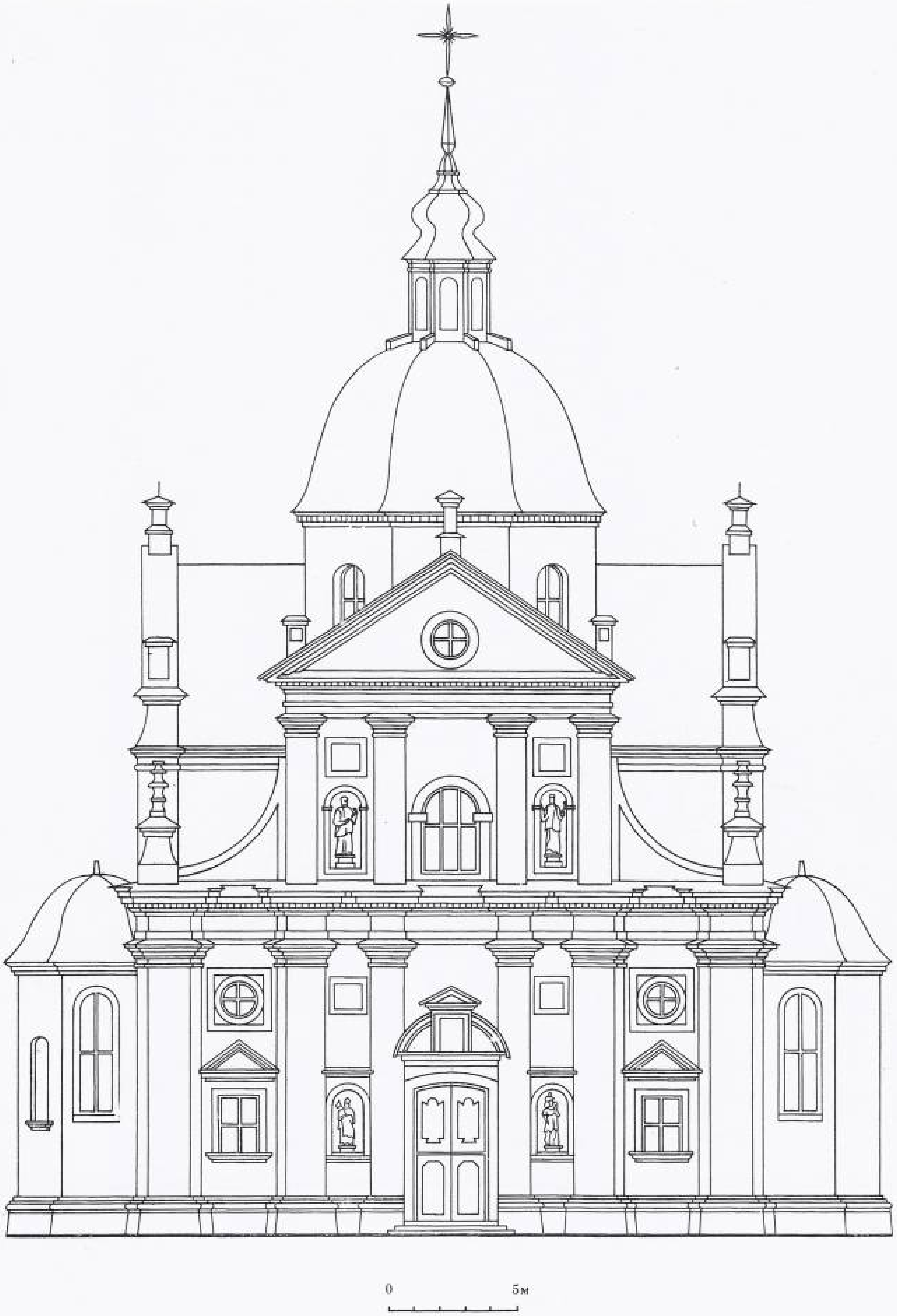

Фрагмент фасада костела в Гнезно, первая половина XVI в.

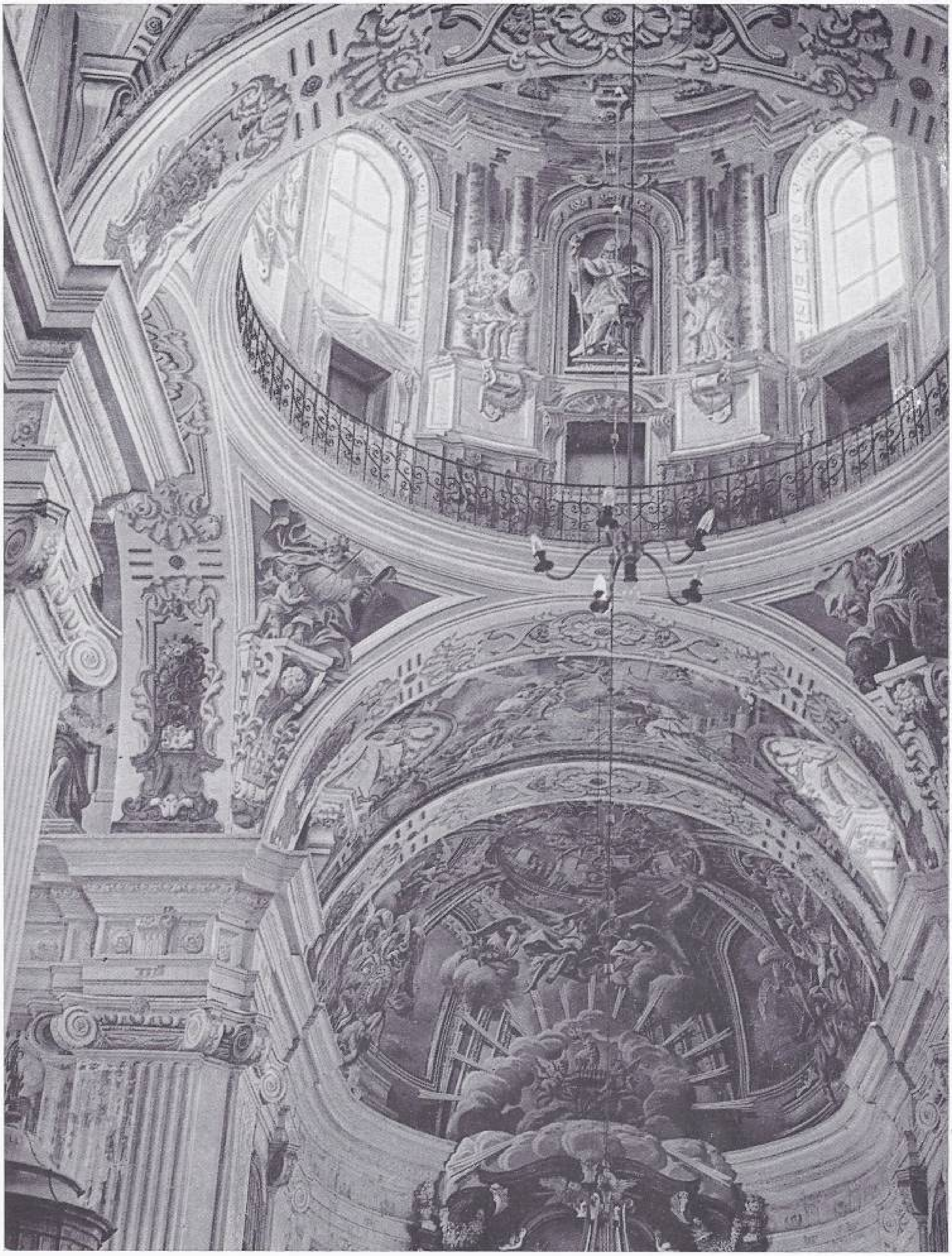
Костел в Команп, 1606 г.

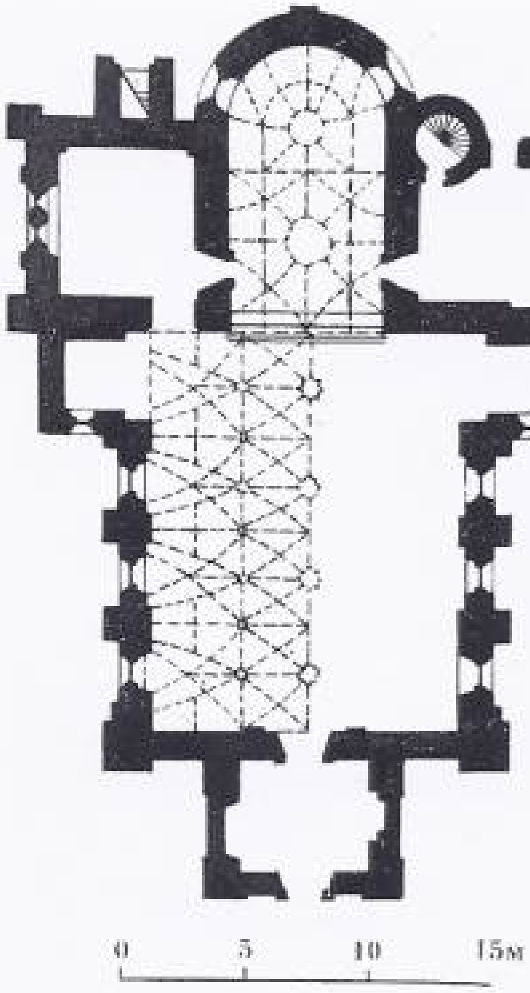
Главный фасад костела иезуитов в Несвиже, 1584—1593 гг. (купол до реконструкции)

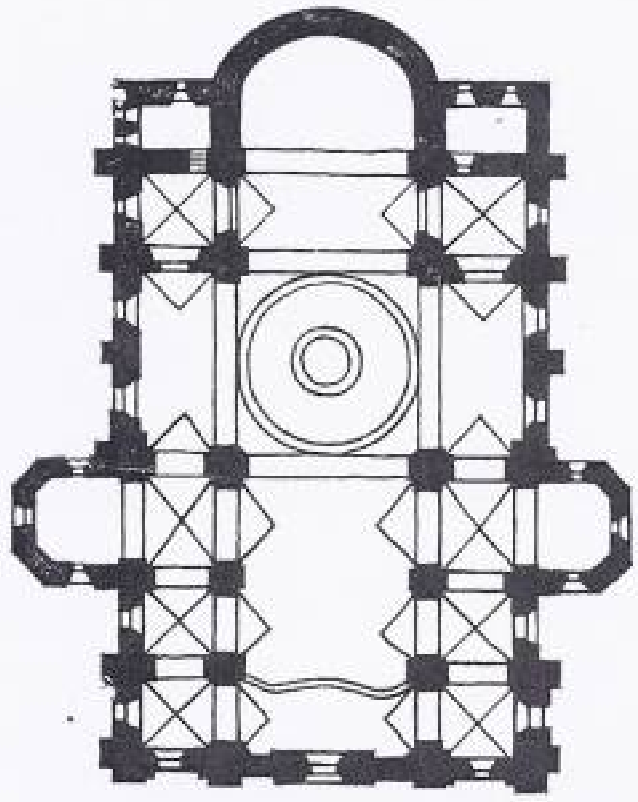

0
5м

Костел иезуитов в Несвиже (1584—1593 гг.) общий вид и роспись интерьера

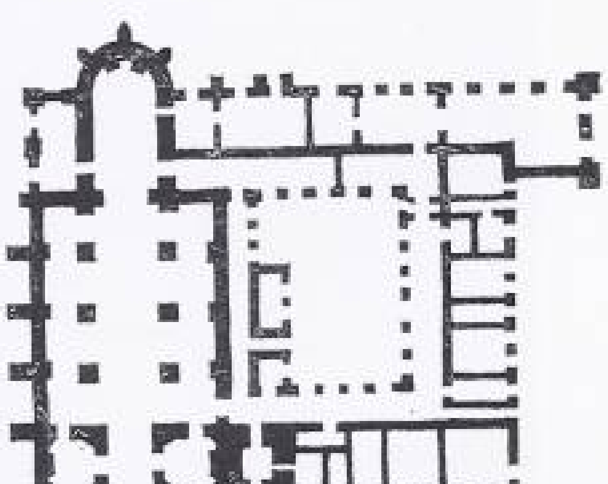
План костела в Чернавчицах, 1583 г.

План иезуитского костела в Несвиже, 1584—1593 гг.

Бернардинский костел в Гродно, конец XVI—XVIII в. — общий вид и план с монастырским комплексом

Фарный (приходской) костел в Гродно, XVI в.

члененные на квадраты,— крестовыми сводами, шесть массивных внутренних столбов с арками воспринимают нагрузку стен среднего нефа с верхними окнами.

Главный фасад костела имеет двухъярусную композицию, где хорошо выражены вертикальные и горизонтальные членения. Первые решены пилястрами, вторые — развитыми поясами антаблементов и карнизами. Обращают на себя внимание характерные для барокко криволинейные формы верхнего яруса, насыщенность фасада ордером, обилие раскреповок, сложные профилировки, введение ниш со скульптурами. В главном фасаде здания особенно проявилась нарядность архитектуры барокко: он представляет собой самостоятельную тему, мало связанную с композицией скромных боковых фасадов. Интерьер храма характеризуется торжественностью и пышностью. В его украшении больше использованы живопись и резьба по дереву, чем средства архитектурной пластики. Особенно выделяется роспись подкупольного пространства, реставрированная художником К. Хески в середине XVIII в.

На архитектуру *бернардинского костела в Гродно* вследствие затяжного строительства (1595—1678 гг., башня достроена в XVIII в.) наложили свой отпечаток три сменивших друг друга стиля: готика, ренессанс и барокко. Сильно выступающие контрфорсы и стрельчатые высокие проемы на тыловом и боковом фасадах — черты готики. Главный фасад выдержан в барочных формах с некоторыми элементами ренессанса. Последнее обнаруживается в тонких обрамлениях ниш и окон, а также в плоскостном решении стены со слабо выступающими пилястрами. Барочные элементы проявляются в криволинейности очертания верхнего яруса, сложной раскреповке антаблемента, динамичной группировке пилястр коринфского ордера, нишах со скульптурами. Позднебарочными являются два верхних этажа башни-колокольни со сложными фигурными шлемами. Несмотря на многообразие архитектурных тем, все они удачно собраны в одно целое, представляют единую композицию большой художественной силы.

Определенной близости белорусских костелов с отдельными православными церквами способствовало нередко то, что они создавались на основе ранее построенных православных храмов. Однако главная причина этого своеобразия заключалась в том, что основными строителями костелов были белорусские мастера-каменщики, которые из поколения в поколение передавали свой строительный опыт. Не отказываясь от влияния западноевропейской архитектуры в прогрессивном ее проявлении, они продолжали развивать приемы и мотивы местного народного узорочья, отражающего национальный орнамент и белорусскую природу. Эти элементы декора нередко включались в архитектуру костелов и монахами-архитекторами, стремившимися привлечь народные массы нарядностью и пышностью своих построек.

ГЛАВА IV

АРХИТЕКТУРА БЕЛОРУССИИ ПЕРИОДА ГОСПОДСТВА ФЕОДАЛЬНО-БАРЩИННОЙ СИСТЕМЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII—XVIII в.)

В 1569 г. в результате подписания Люблинской унии была создана Речь Посполитая — государство, включавшее в себя Польшу и Литву. Формально Речь Посполитую возглавлял король. Однако его власть была ограничена высшим органом государства — сеймом, состоявшим из крупнейших феодалов и выборных представителей от шляхты. Уния не способствовала экономическому развитию Белоруссии, как и других земель Литовского княжества: в новом государстве они играли подчиненную и зависимую роль.

Феодальная анархия усиливала эксплуатацию и бесправие народных масс. Возрос религиозный гнет, вызванный насильственным введением католицизма, с помощью которого польская шляхта рассчитывала ополячить белорусов, уничтожить их язык, культуру, разорвать их братские связи с русским народом.

В Белоруссии появлялись различные католические ордены, которые основывали многочисленные монастыри и костелы. Особенно воинствующим был иезуитский орден, с помощью которого в Речи Посполитой было покончено с реформацией. Католическая агрессия была узаконена в 1569 г. Брестским съездом (Собором), который под давлением магнатов, католической церкви и королевской власти принял решение превратить православную церковь в униатскую. Униатов и католиков поддерживали магнаты Радзивиллы, Сапеги, Огиньские, Тышкевичи и др. При их покровительстве и материальной помощи католическая и униатская церкви начали проникать в города и села Белоруссии.

Католическая церковь силой утверждалась на белорусской земле. Однако белорусский народ не отказался от православия. Несмотря на жестокие репрессии, православная церковь в Белорусии продолжала существовать и вести борьбу с католической. Но католическая церковь в этот период располагала огромными средствами, православная же, будучи в оппозиции, не имела поддержки правящей верхушки. Вот почему монументальное культовое зодчество XVII—XVIII вв. в Белоруссии в основном представлено католическими храмами и монастырями. Своим богатством и великолепием они должны были пропагандировать силу и величие католической церкви.

С XVI в. в ходе борьбы против католической агрессии и унии в городах возникают религиозные объединения — братства. Они содержали школы, типографии, больницы, занимались строительством и благоустройством церквей, были центрами сопротивления ополячиванию и окатоличиванию белорусского народа и тем самым способствовали борьбе за сохранение национальной культуры.

Среди многих достижений белорусского искусства этого периода выделяются резьба по дереву, производство керамики и художественных изразцов. Не случайно в Москву и другие русские города приглашались белорусские мастера для выполнения больших государственных и частных заказов. Особенно много белорусов переселилось

в Россию во второй половине XVII в. в связи с жестокостью феодального и национального гнета в Белоруссии. В Москве в 1672 г. была даже создана особая Мещанская Слобода, в которой проживали ремесленники, торговцы и другой люд, приезжавший из Белоруссии. Многие белорусские мастера работали над изготовлением различных высокохудожественных изделий для Золотой, Серебряной и Оружейной палат царского дворца.

Белорусские мастера принесли в Россию технику изготовления рельефных многоцветных изразцов. Такими изразцами были отделаны собор Ново-Иерусалимского монастыря в Истре (1656—1685), теремок Крутицкого подворья в Москве (1694), покои Кремлевского теремного дворца (конец XVII в.), Покровский собор (1674) в Измайлове и др. Скульптурная деревянная резьба иконостаса Смоленского собора в Новодевичьем монастыре (1685) и убранство фасадов и интерьеров царского дворца в Коломенском (1667—1681) под Москвой также были выполнены белорусскими мастерами-резчиками в творческом содружестве с русскими художниками.

На протяжении XVII и XVIII вв. в Белоруссии параллельно развивалось православное и католическое зодчество. В результате их взаимовлияния появлялись оригинальные решения многих памятников, отличавшихся от образцов русской и западноевропейской архитектуры.

Основным художественным направлением в архитектуре XVII и первых трех четвертей XVIII в. явилось барокко. Его первые шаги были связаны с разгромом реформации и относятся к концу XVI в.

Характерные черты барокко, в том числе его нарядность и пышность, первоначально проявились в костельном строительстве. Архитектура ранних костелов была тесно связана с влиянием итальянской художественной школы, но со второй половины XVII в. появляются памятники с местными чертами.

Хотя в Белоруссии барокко получило значительное распространение, оно не дало ни одного примера, в котором во всей полноте раскрылись бы черты, свойственные западноевропейскому характеру этого стиля. Переплетаясь с местными архитектурными традициями предшествующих периодов, белорусское барокко получило во всех видах строительства особую интерпретацию. Для него характерны простота объемов и формы здания, сочетание живописного силуэта со строгими формами крепостной архитектуры, совмещение обычной барочной декорации с местными сюжетами, связь с народным зодчеством.

Архитекторы-иностранцы, главным образом из Италии, которые приглашались в XVII—XVIII вв. магнатами и католической церковью для возведения больших построек, вносили новшества в архитектуру Белоруссии, хотя и вынуждены были считаться с приемами и традициями местных мастеров. Последние же не чуждались прогрессивных достижений западноевропейской архитектуры, они осваивали их, отбирали все то, что соответствовало их художественным устремлениям. Одновременно большое значение в развитии архитектуры Белоруссии имели разнообразные широкие связи с русским и украинским народами. В таком сложном переплетении влияний и национальных традиций формировалось белорусское барокко.

Сходство между купольной базиликой католического храма и православными крестовокупольными церквами с двумя башнями свидетельствует о том, что при всей исторической нетерпимости религий друг к другу сопутствующая им архитектурно-художественная культура в какой-то мере была общей. Культовое деревянное строительство в Белоруссии, на Украине и в России, имея общие родовые черты, развивается параллельно. Но памятники на этих зем-

лях приобрели и отличительные качества, определившиеся местными условиями.

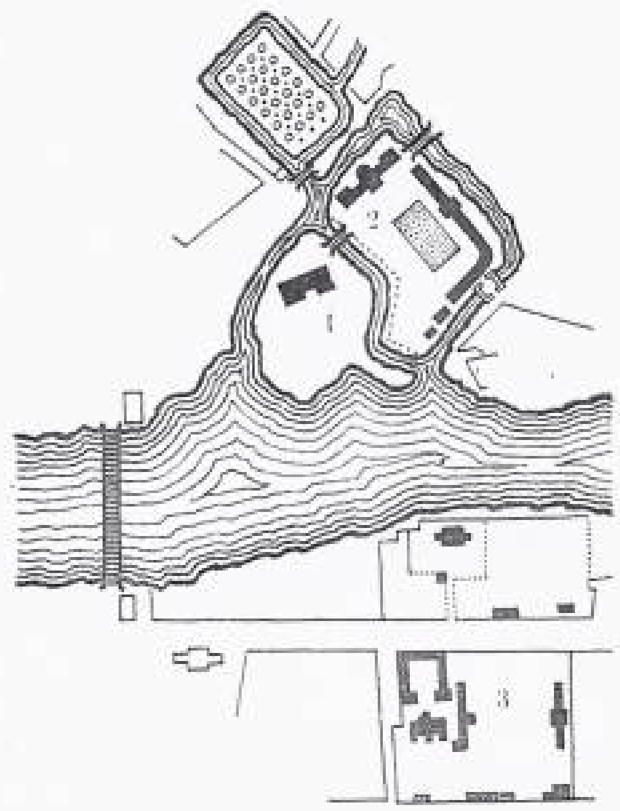
Разнообразие белорусских деревянных церквей сводится к трем основным типам: храмы *односрубные* (церковь Георгиевская в Жировичах), *трехсрубные с глубинно-пространственной композицией* (церковь Михайловская в Слуцке) и *пятисрубные с пирамидально-центрической композицией* (церковь Николаевская в Кажан-Городке). Компактным геометрическим объемам срубов, обшитых досками, соответствовали большие плоскости стен и прямые линии профилей. Нарядность церквей достигалась за счет выразительного силуэта венчающей части, тогда как обработка фасадов была весьма сдержанной. В верхних частях храмов XVIII в. отчетливо просматриваются формы барокко. Это явление наблюдается и в деревянных костелах и синагогах. В последних постройках, возводившихся местными мастерами, влияние барокко особенно проявилось в арочных галереях, сложных профилировках, в увлечении декоративными мотивами, основанными на высокой плотничной технике (Волпа, Наровля).

Упадок торговли и ремесленного производства привел к сокращению большинства городов. Попытки польского короля Станислава Августа и отдельных магнатов вывести страну из кризиса путем некоторых реформ, без изменения существующего общественного устройства, оказались несостоятельными. Искусственное развитие промышленности на основе крепостнических отношений также не дало положительных результатов. Созданные, например, магнатом А. Тизенгаузом мануфактуры в Гродно не оправдали себя и распались. Однако строительная деятельность в Гродно на «городнице», в Поставах и некоторых других местах представляет определенный интерес в смысле больших начинаний, массового возведения экономичных жилых домов и общественных зданий. То же самое относится к планировке и застройке центра Ворнян во второй половине XVIII в., характеризующейся своей регулярностью и законченностью ансамбля. Все это были частные явления в градостроительной жизни страны, не подкрепленные экономически и социально-политически.

Каменное жилое строительство было редкостью в белорусских городах, которые в своей массе оставались деревянными. Однако во второй половине XVIII в. появляется городское жилье более капитального типа из камня или из сочетания камня с деревом. Такие постройки известны в Поставах, Гродно, Ворнянах, Несвиже, Могилеве и других городах. Появление таких домов, иногда с общей планировкой и конструкциями и схожими фасадами, можно расценивать как новый этап развития жилой архитектуры, связанный с известной типизацией застройки.

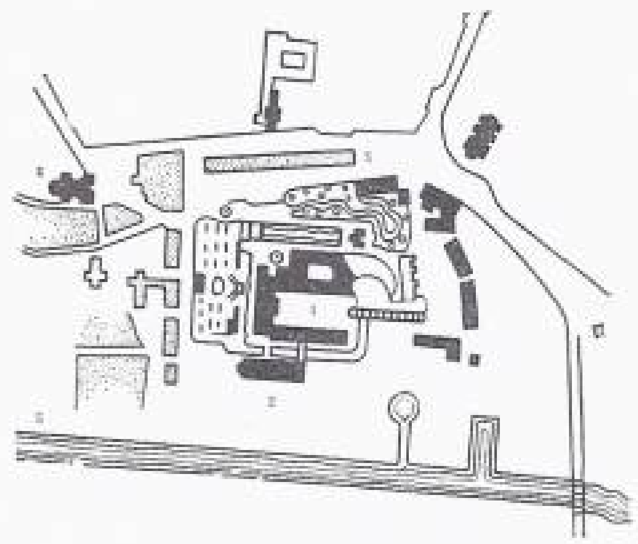
Среди других типов городского жилья выделялись дома с арочной или столбовой галереей по фасаду. Они принадлежали торгово-ремесленной части населения и были близки по структуре к некоторым жилым домам в польских городах. Хотя этот тип жилья с общим экономическим упадком городов и сокращением торговли в XVIII в. почти исчез, в местечках он продолжал развиваться в виде деревянных домов с навесом у торцового фасада (Ивье, Трабы). Своеобразная композиция фасадов подобных домов играла заметную роль в архитектурно-художественном облике населенных мест. Галереи разнообразных типов сохранились и в хозяйственных постройках, видоизмененные в соответствии с их утилитарным назначением. По рисункам Витебска, Дубровно, Могилева и других белорусских городов конца XVIII — начала XIX в. (М. Иванов, И. Пешка) легко заметить в застройке присутствие построек с ярусными галереями.

Живучесть старых архитектурных традиций наблюдается веками как в монументальном, так и в деревянном строительстве. Традиционный в XVI — начале XVII в. прием построения зданий с башнями по углам нашел свое отражение в более поздние времена в архитектуре Белоруссии, Литвы и Польши. Например, в XVIII в. многие каменные городские и монастырские ворота—брамы в целом барочного характера заканчивались по углам башнями по примеру укрепленных замков. Усадебные деревянные дома с коморами-«алькежами» или молитвенные дома, фланкированные прямоугольными выступами, также свидетельствуют об удивительной долговечности башенных композиций, в своей основе еще средневековых.

В XVII—XVIII вв. в корне меняется характер дворцово-замкового строительства. На смену отмирающим изолированным комплексам с системой укреплений приходят дворцовые постройки с открытой композицией. Некоторые из них создавались на базе старых замков и расширялись за счет былых валов, рвов и других укреплений.

Магнаты, нажившие несметные богатства на жесточайшей эксплуатации народа, создавали величественные дворцы с роскошным убранством внутри. Богатство и политическая сила позволяли им содержать не только сотни служивых людей, но и вооруженную армию до 6—7 тысяч человек. Многие города были собственностью магнатов. Ни одна страна Европы не знала таких резких контрастов, как Белоруссия в XVIII в., входившая в состав Речи Посполитой.

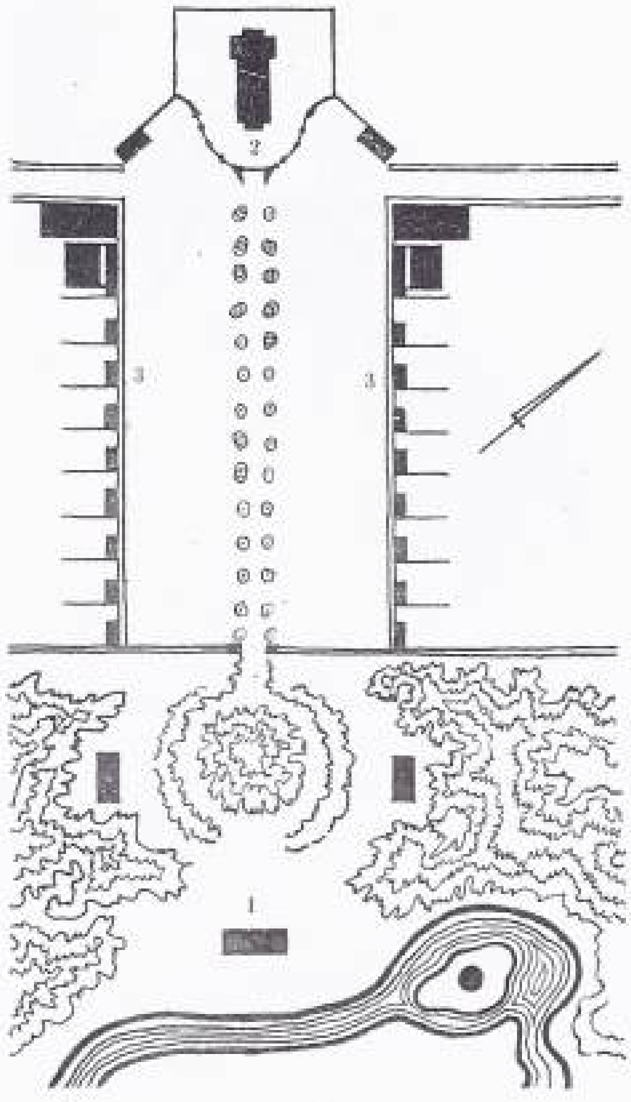

В монументальной архитектуре Белоруссии и в первую очередь в дворцовом строительстве со второй половины XVIII в. наблюдается новое направление, определившее пересмотр прежних художественных принципов. На смену барокко приходит классицизм, который окончательно утвердился в конце столетия. В постройках отмечается упрощенность линий, объемов, деталей, появляются простые и спокойные формы, не лишенные изысканности, свойственной архитектуре предшествующего периода. В отдельных сооружениях еще наблюдаются следы барокко, однако архитектура в целом уже проникается новыми художественными идеями.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Города и местечки Белоруссии во второй половине XVII и первой половине XVIII в. переживали период упадка, вызванного затяжными войнами и разрухой. Было опустошено множество свободных и частновладельческих городов. Среди них Витебск, Брест, Пинск, Бобруйск, Несвиж, Клецк, Ружаны, Ляховичи и др. В результате русско-польской и польско-шведской войн, эпидемий, массовых переселений жителей за пределы Белоруссии число горожан в середине XVII в. сократилось почти вдвое. В городах сворачивалось ремесленное производство, уменьшилась торговля, заметно возросло значение сельскохозяйственных работ. Политический строй Речи Посполитой, произвол феодалов, реакционная экспансия католической церкви не способствовали восстановлению разрушенных городов. Королевская власть в городах ограничивается. Отдельные местечки переходят во власть магнатов (Гераноны, Волпа). В больших свободных городах происходит перераспределение земель: католическая церковь, а также феодалы увеличивают свои владения, занимая лучшие территории; основная масса горожан смещается в периферийные, малоудобные для жилья районы.

Во второй половине XVIII в. отмечается некоторое возрождение и постепенный рост большинства белорусских городов. Однако процесс градостроительных преобразований протекает чрезвычайно мед-

ленно. Планировка свободных городов продолжает развиваться по традиционной схеме, где определяющим являлись торговые пути; сеть старых улиц и площадей стабилизировалась. Реконструктивные мероприятия были явлением редким и касались локального района или узла плана, без учета интересов всего города.

В течение XVII—XVIII вв. территория *Минска* разрослась в южном, восточном и западном направлениях от древнего замчища. Только болотистые земли с севера оставались свободными от застройки. Замчище потеряло свое градостроительное значение, превратившись в небольшой жилой район на окраине города. Однако система обваловання сохранилась и, очевидно, использовалась при необходимости обороны. Южные и юго-западные границы города получили полукольцо новых укреплений в виде земляных валов с равелинами. Учитывая наличие реки и соседствующих малопроходимых болотистых участков как дополнительных рубежей, можно предположить, что оборонительные линии Минска того времени были еще достаточно сильными.

Территория города разделена рекой Свислочью на две части: основную, включившую в себя замчище, Нижнюю и Верхнюю торговые площади, и заречную, или Троицкую,— новое жилое образование в излучине реки. План Минска получил форму мятого овала, в котором середину занял развитый комплекс Верхней площади с концентрированной застройкой монументальными зданиями. Местоположение на высоком холме, большие размеры, крупный объемно-планировочный масштаб площади превратили ее в абсолютную доминанту городского ансамбля. Развитая сеть улиц основной части города брала свое начало от Верхней площади, обеспечивая удобную связь со всеми районами. Однако значение главной улицы сохранилось за Немигой, исторически сложившимся направлением у подножия замчища, переходящим в дороги на Москву, Варшаву и Вильно. В планировке Минска прослеживаются черты, свойственные большинству свободных городов Белоруссии XVII—XVIII вв. Это архитектурно-планировочная система радиальных улиц, стягивающихся к ансамблю центра. Полукольцевые направления улиц в плане Минска лишь

Фрагмент плана Слуцка, вторая половина XVIII в.

(1 — старый замок, 2 — дворец, 3 — комплекс мануфактур)

Фрагмент плана Слонима, вторая половина XVIII в.

(1 — дворец, 2 — театр, 3 — торговые ряды, 4 — культовые здания, 5 — канал)

Планировка центра Ворнян, вторая половина XVIII в.

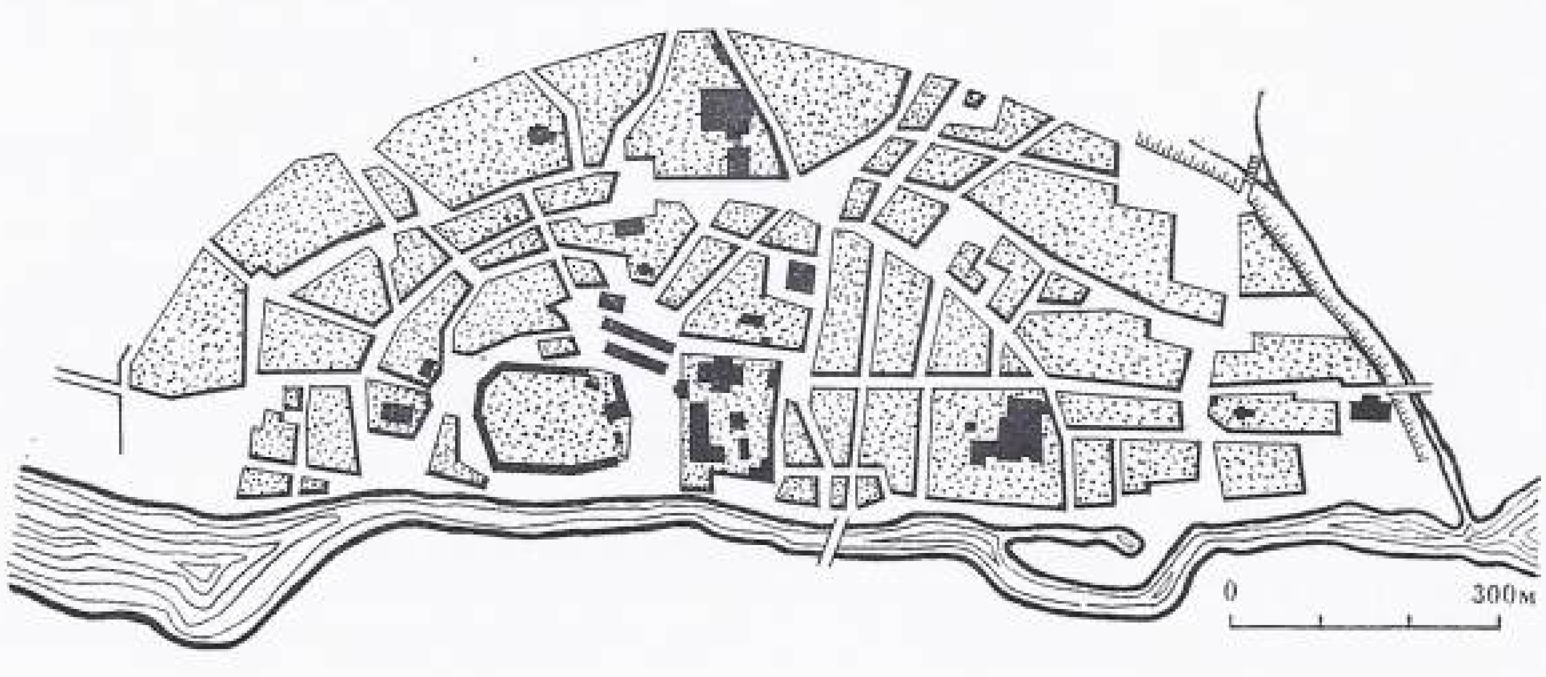
(1 — дворе́ц, 2 — костел, 3 — жилые дома и общественные постройки)

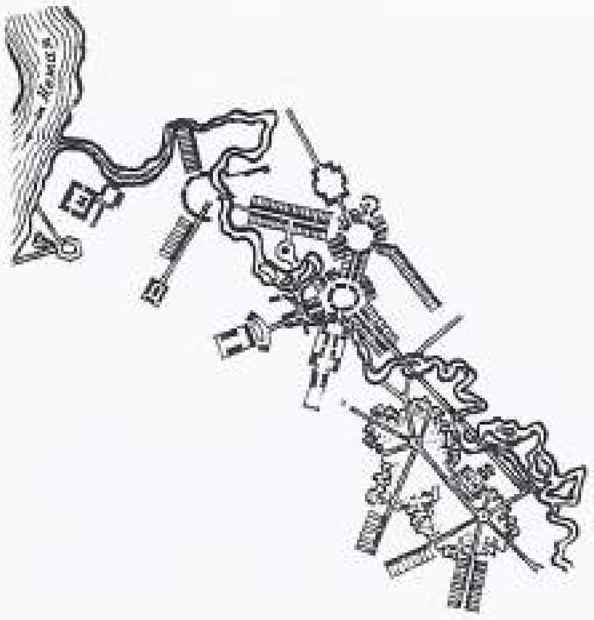
Планировка центра Постав, вторая половина XVIII в.

(1 — рынок, 2 — жилые дома и общественные постройки, 3 — культовые здания)

0
300м

намечаются по контуру земляных оборонительных укреплений и на окраинах города.

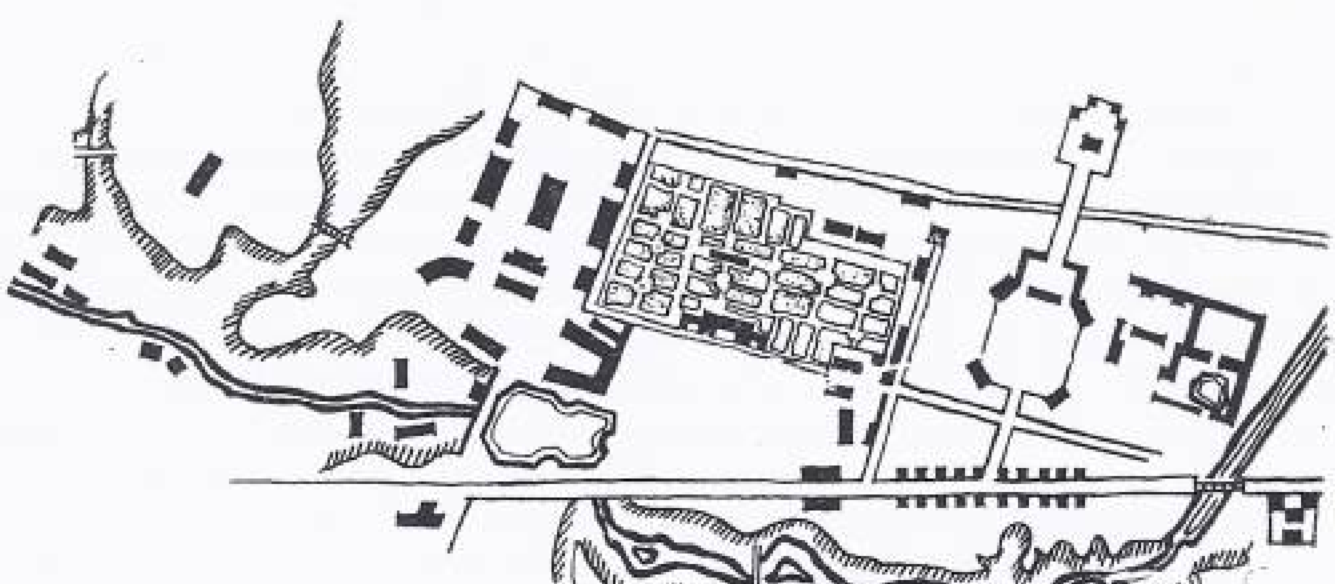
В *Пинске*, расположенном по одну сторону реки Пины, на ровной местности, развитие сети радиальных и полукольцевых улиц особенно показательно в своей законченности. Первоосновой Пинска, как и многих других старых белорусских городов, было укрепленное замчище, у подножия которого разместилась торговая площадь, окруженная жилыми кварталами. Полукольцевые земляные укрепления, опирающиеся на водный рубеж реки, были наиболее целесообразны для обороны города. Исторически сложившиеся две полукольцевые улицы повторяют абрис былых городских укреплений. Их пересекает веер радиальных уличных направлений, начинающийся от торговой площади. Сформировался классический пример плана с полукольцевой и радиальной системой улиц, закрепленной в наиболее ответственных узлах городского плана монументальной застройкой.

В ряде городов и местечек, принадлежавших феодалам, во второй половине XVIII в. открываются промышленные предприятия мануфактурного типа с использованием труда крепостных и участием иностранных мастеров. Известны предприятия по производству фарфора в Свержене, стекла и стеклянных изделий в Уречье, «персидских» поясов в Слуцке, гобеленов, ковров, декоративных тканей в Кореличах, Мире, Альбе и др.

В *Слуцке* в рамках укрепленного еще в первой половине XVII в. города проводится реконструкция кварталов на левом берегу реки Случи: близ цитадели, между старым дворцом Радзивилла и садом, создается регулярная площадь (около 1,6 га) с деревянными корпусами мануфактур. Новая резиденция владельца города переносится на противоположный берег, на обводненную каналами территорию бывшего Нижнего замка. Здесь строится дворец, крытый манеж, службы, разбивается небольшой парк, окруженной рвом с водой.

В *Слониме* гетман М. Огиньский реконструирует городской центр. На месте старого замка, разрушенного за время войн, строится обширный дворцовый комплекс (1768) с театром (1780), типографией (1777), парком, разбитым на спрямленном рукаве реки Щары. Вблизи создается мануфактурное предприятие с небольшим рабочим поселком.

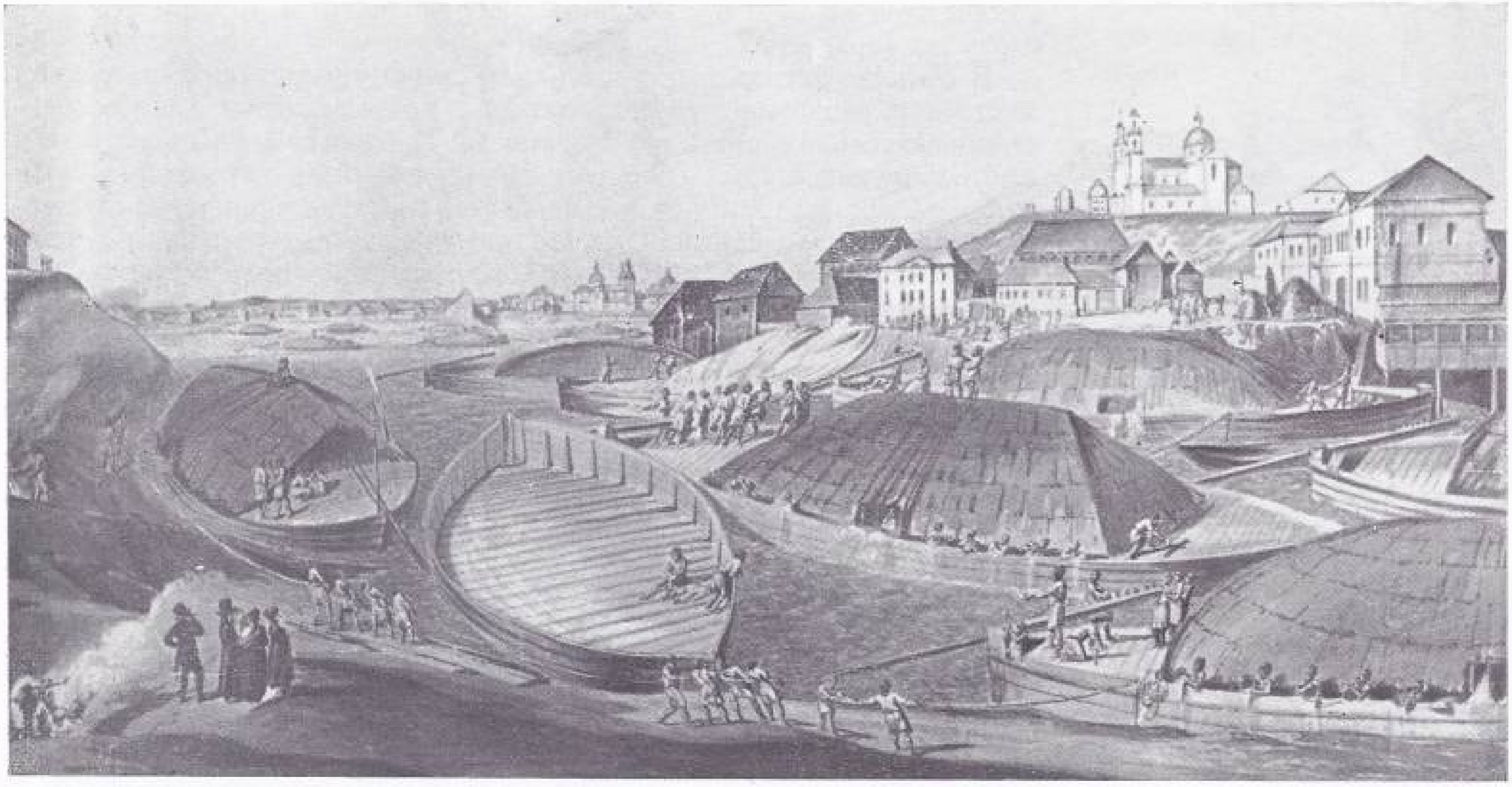
В *Ворнянах* (Гродненская область) во второй половине XVIII в. создается обширный ансамбль главной площади на основе идей регулярности. Площадь в виде растянутого прямоугольника с торцов замыкалась двумя монументальными зданиями: костелом (1767—1769) с одной стороны и двухэтажным дворцом с другой. Дворец с

План Гродно, 1780 г.

План Пинска, конец XVIII в.

Планировка и застройка Лососны, «городницы» в Гродно, вторая половина XVIII в.

симметрично поставленными флигелями, расположенный в парке у пруда, получил важное художественное значение в ансамбле. Отчетливо вырисовывалась продольная главная ось всей композиции площади — от храма к дворцу, подчеркнутая вблизи последнего аллеей тополей. Протяженные стороны площади получили однохарактерную застройку жилыми домами. Планировка и застройка нового центра поселения характеризуется ансамблевым началом, размахом градостроительного замысла.

Большие масштабы градостроительных мероприятий отмечают деятельность министра финансов, гродненского старосты А. Тизенгауза. Во второй половине XVIII в. им проводится коренное переустройство родового имения Поставы, создаются в короткий срок королевские мануфактуры с обширной застройкой на «городнице» в Гродно и пригороде Лососне.

В *Поставах* в 60—70-е годы на месте старого центра поселения разбивается обширная, близкая к прямоугольнику, площадь (около 1,7 га). На ней сходятся четыре основные улицы, в том числе переходящие в дороги на Друю и Мядель. Вблизи площади у озера с плотиной расположились мельница, бумажный завод и другие производственные службы мануфактуры. Застройка площади по своему характеру многообразна: по ее сторонам поставлены жилые дома ремесленников, гостиницы, аустерии, школа, аптека, храмы и др. Торговые ряды с замкнутым внутренним двориком заняли на площади островное положение и были смещены к югу, оставляя значительное место для проведения ярмарок. Все элементы архитектурного комплекса центра Постав объединены одной композиционной идеей, получили родственное построение, основанное на принципах типового строительства с использованием художественных форм барокко.

Сохранившиеся планы города Гродно XVIII в. (1706, 1758, 1780, 1795 и др.) свидетельствуют о стабильности планировки уличной сети, развившейся еще в XVI в. Территориальный рост города незначителен, в направлении вверх по течению Немана и Городничанки. В го-

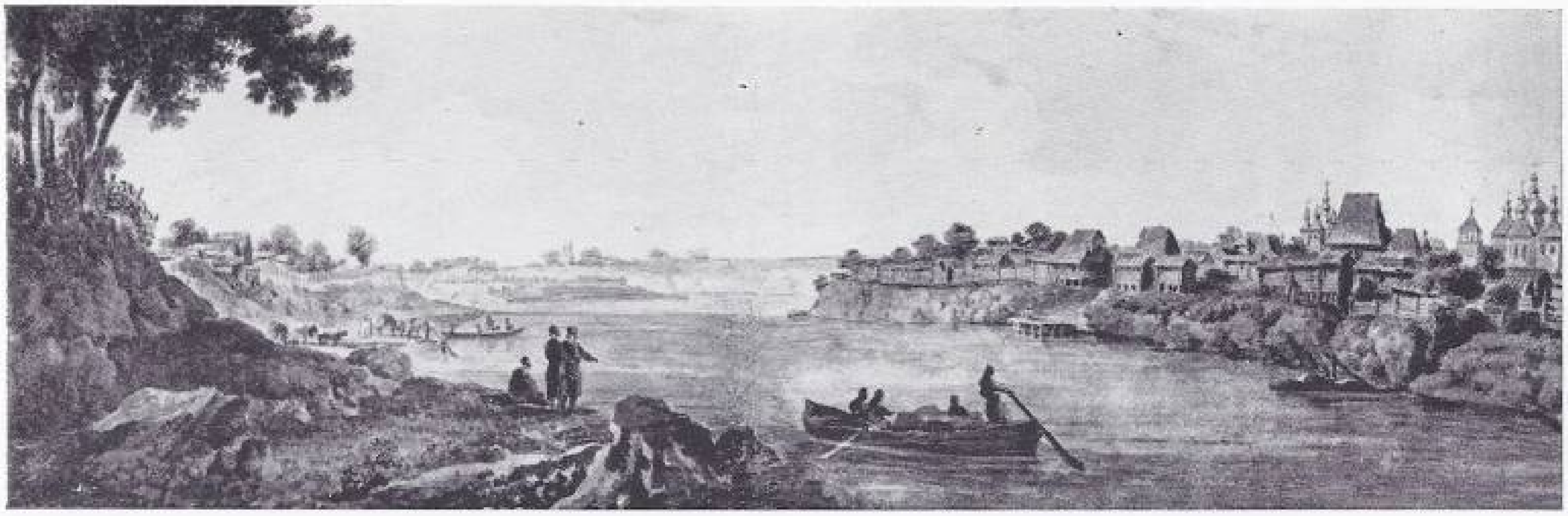

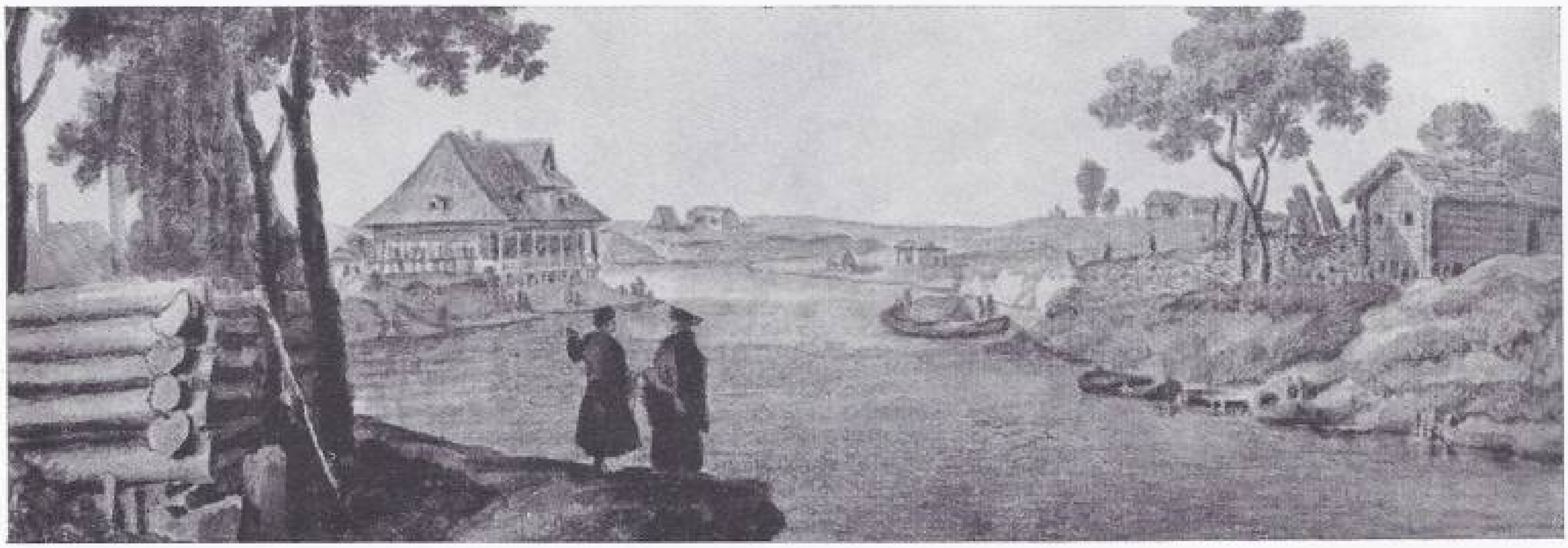
роде продолжается разрастание феодальных резиденций, увеличение угодий многочисленных монастырей. Самым крупным градостроительным мероприятием явилось создание в 65—80-х годах по инициативе А. Тизенгауза на северной окраине города, на месте деревня Городницы промышленно-культурного центра, не знающего равных в других белорусских городах. В нем имелись суконная, шелковая, платяная, ружейная, каретная, красочная и другие мануфактуры, на которых было занято около 1500 человек. Руководили производством квалифицированные мастера, приехавшие из России, Франции, Бельгии и других стран.

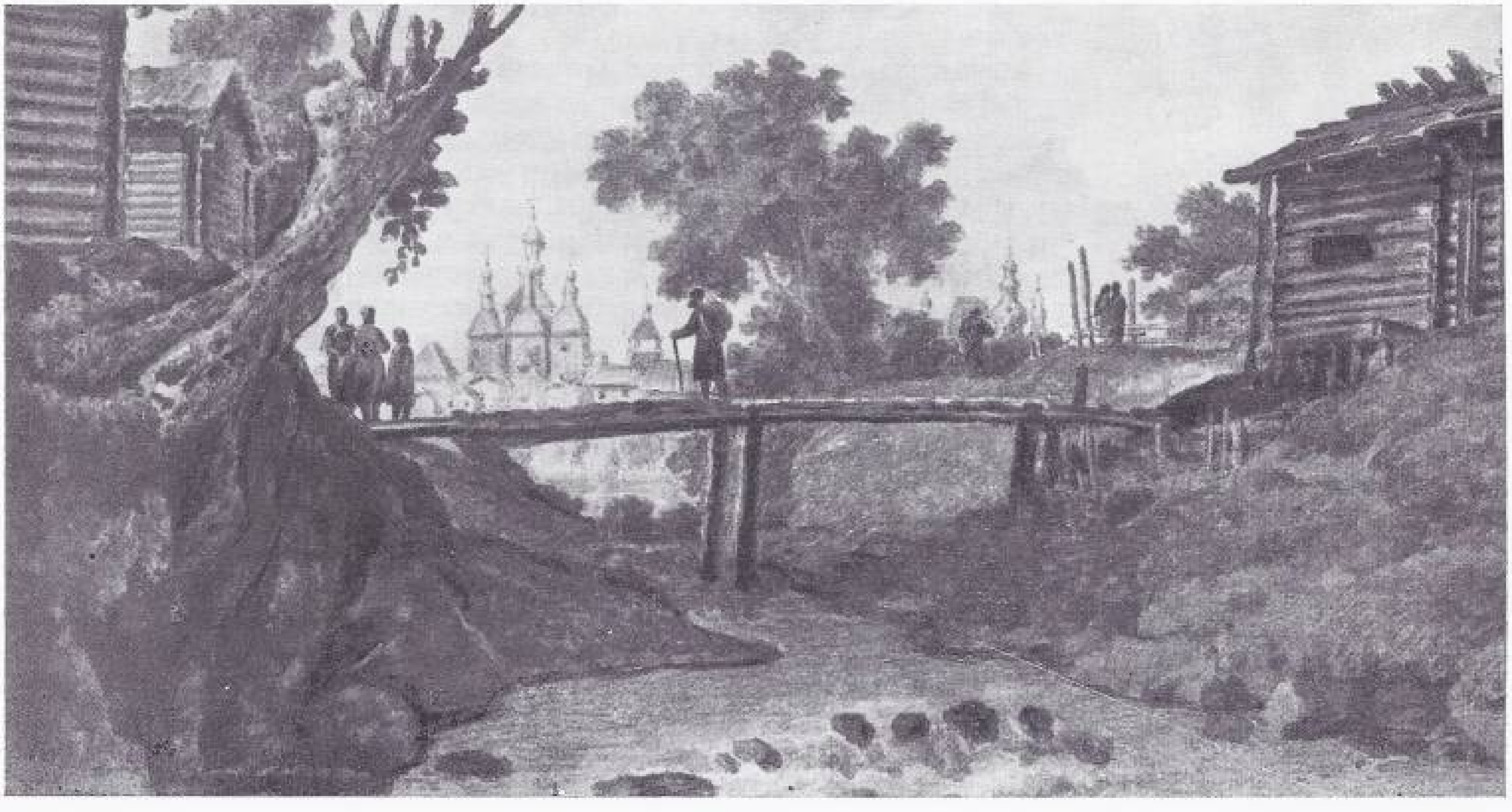
Архитектурный комплекс «городницы» представлял собой значительный район города со своими площадями, улицами, переулками. В застройку вошло 85 зданий различного назначения: дворец Тизенгауза, дворец администратора, флигель вице-администратора, театр, музыкальный флигель, гостиницы, манеж с конюшнями, корчма и аустерия, различные школы, жилые дома и другие многочисленные постройки. Культовые здания на территории «городницы» не предусматривались. Планировка района складывается из отдельных регулярно спланированных групп застройки, связанных друг с другом композиционным замыслом. Таких групп насчитывается три. Первая, головная группа — административно-хозяйственная, примыкающая к площади перед дворцом Тизенгауза; вторая — учебно-научная с обширной площадью у академии и ботанического сада; третья — мануфактурно-производственная в виде компактного образования вокруг квадратной замкнутой площади. Все три группы застройки «городницы» расположились вдоль широкой улицы Роскошь (теперь ул. Ожешко), которая являлась южной границей комплекса и ее главной магистралью, связанной с загородными дорогами.

Еще более крупный культурно-промышленный и торговый центр начал формироваться в пригороде Гродно в устье реки Лососны у деревни того же наименования. Так называемое поселение Кунстова («Мастерство») должно было вместить 14 различных мануфактур с

Виды городов Витебска и Могилева в начале XIX в. (акварели И. Пешки)

многочисленными подсобными и жилыми постройками, проектируемыми только в камне. Планировка была выполнена под влиянием французской архитектурной школы. «Идеальный» промышленный город мыслился как строго регулярное поселение с протяженными и широкими улицами, расходящимися от овальных площадей. Грандиозный в градостроительном отношении замысел в Лососне не был полностью осуществлен.

В условиях крепостного хозяйства мануфактуры оказались нерентабельными и распались.

ГОРОДСКОЕ ЖИЛЬЕ

Материалы по строительству жилья в белорусских городах крайне ограниченны. Поэтому любые графические документы и косвенные источники приобретают важное значение. Некоторые данные по жилищному строительству в Белоруссии можно почерпнуть из описаний, оставленных путешественниками XVII — начала XIX в.

Большую живописность и своебразие белорусской архитектуры отметил чех Бернард Таннер в 1678 г.: «Он (Могилев) состоит из домов, украшенных чем-то вроде картин, удивительных и изящных». Очевидно, речь идет об украшении фасадов лепкой, а возможно, и живописью. Такой прием сейчас можно обнаружить в могилевской Никольской церкви XVII в. с ее выразительным рельефом декорации фасада, корни которой восходят к деревянному зодчеству.

Петр Толстой, посетивший город в 1697 г., писал, что Могилев больше Смоленска, хорошо укреплен, имеет много богатых каменных мещанских домов. Один из таких домов сохранился до нашего времени в Задубровенской части города; его фасад украшен изящной орнаментальной декорацией.

Посетивший в 1802 г. Белоруссию академик В. Севергин характеризовал застройку городов как деревянную. Он отмечал, что в Могилеве «для строения деревянного дома все можно купить на рынке в несколько торгов». Покупатель выбирал заранее заготовленный дом, разбирал и перевозил его на свой участок, где дом вновь собирали и отделывали уже по указанию владельца. В таких случаях была неизбежна повторность и определенная однотипность рядового деревянного жилья.

Значительную часть жилья в белорусских городах составляли дома ремесленников и торговцев. В большинстве случаев они строились из дерева и весьма редко, преимущественно со второй половины XVIII в., из камня. Встречается сочетание дерева и камня в одном доме, но деревянные элементы преобладают. Эти дома обычно группировались на рынках, площадях и прилегающих к ним улицах.

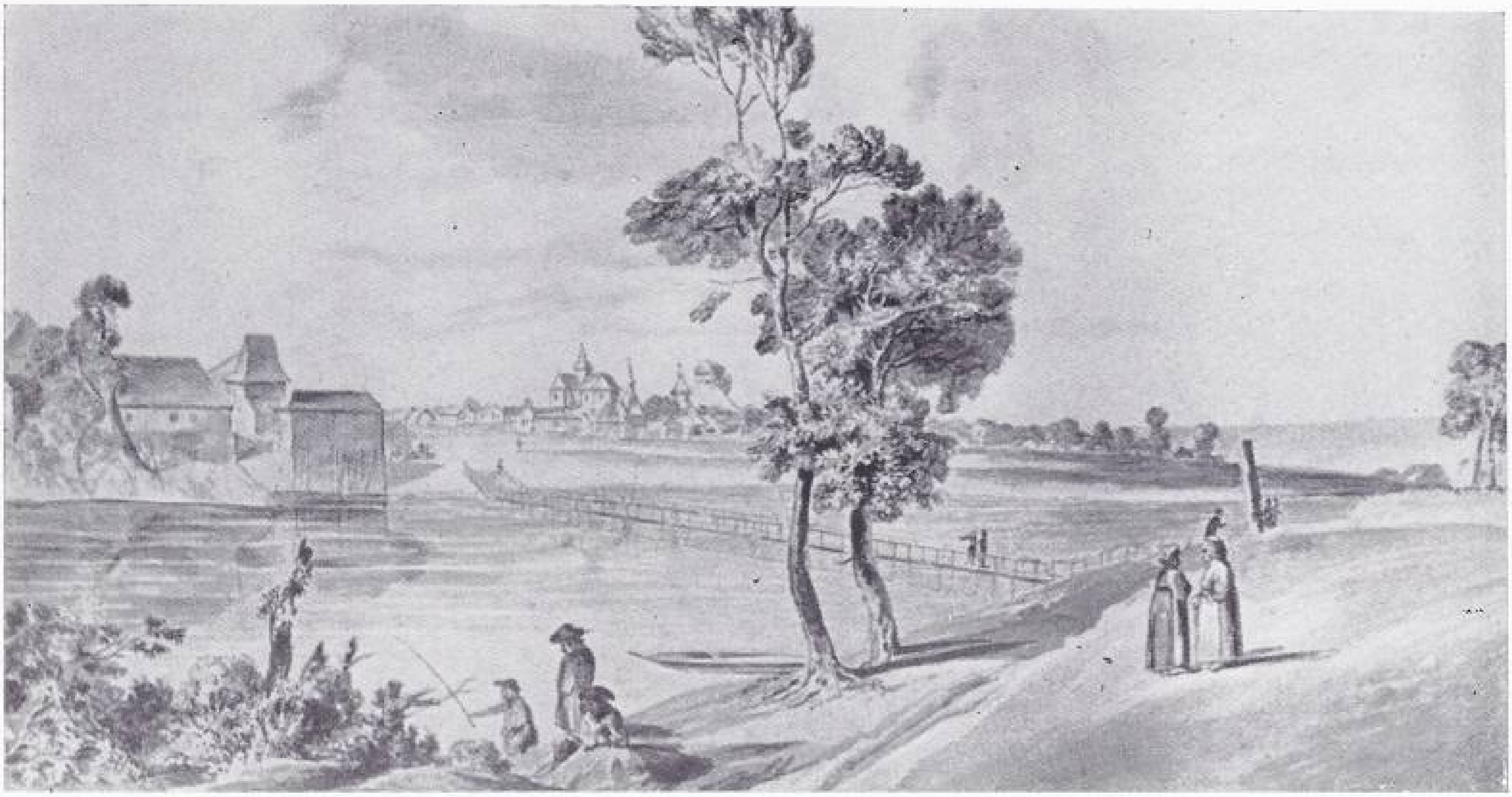
В средневековой тесноте центров городов участки владельцев были узкими. Такое явление особенно наблюдалось в городах, очерченных системой укреплений. Иногда власти запрещали строительство домов в районе центра шире чем на три окна. Поэтому дома ставились торцом к улице и занимали минимальный фронт ее.

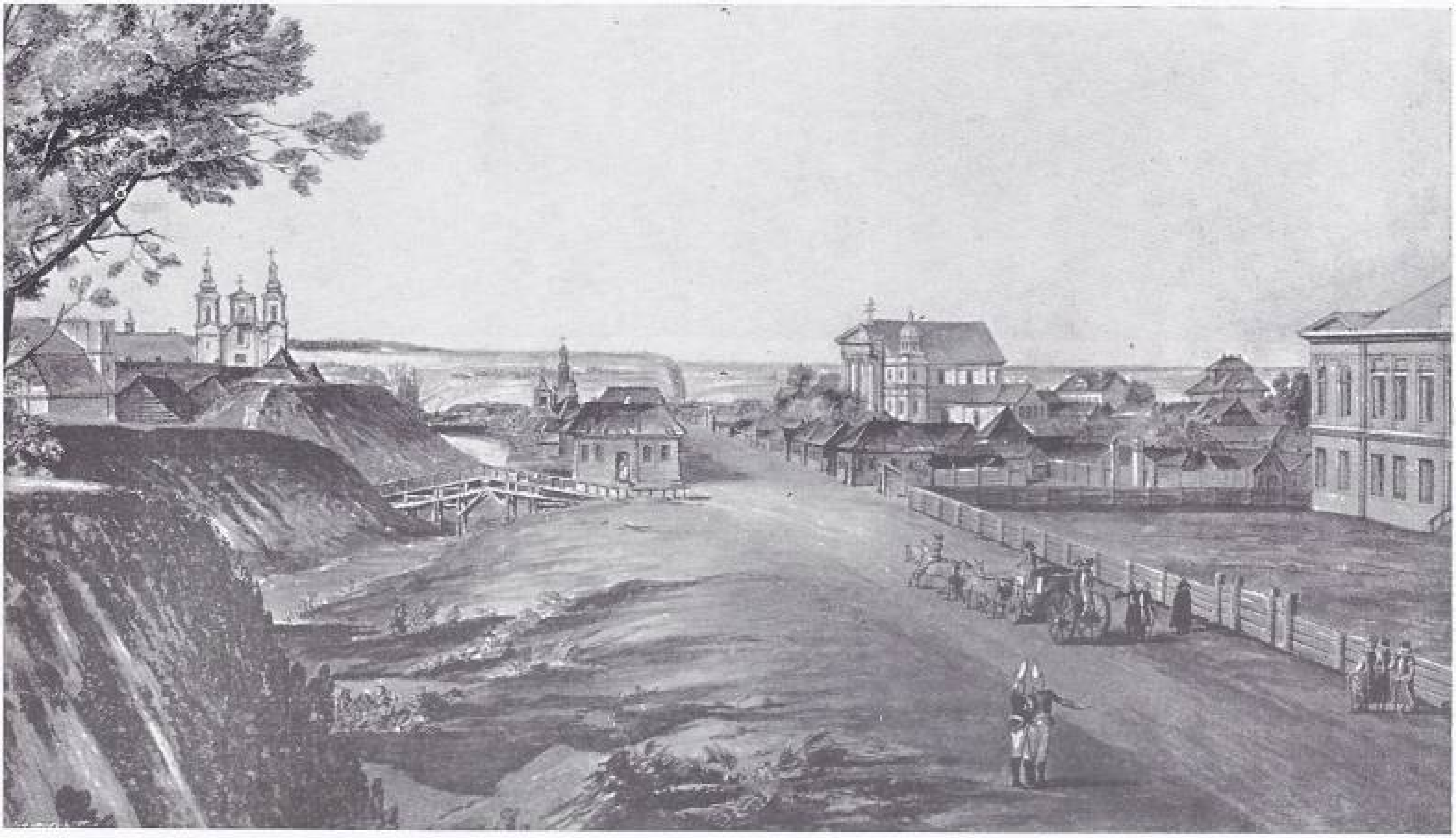
Введение местными властями некоторых ограничений и правил при строительстве в центре обеспечило определенный порядок в его планировке и застройке, чего нельзя сказать о периферийных районах города, носивших полусельский характер. Большая плотность в застройке центра города довольно рано побудила застройщиков увеличить этажность зданий. Часто встречались каменные дома, где пространство под высокой крышей использовалось как жилое помещение. Палисадники перед торцовыми фасадами обычно были присущи жилью сельского типа. В городе их место иногда занимали выступа-

Виды города Дубровно в конце XVIII в. (акварели М. Иванова)

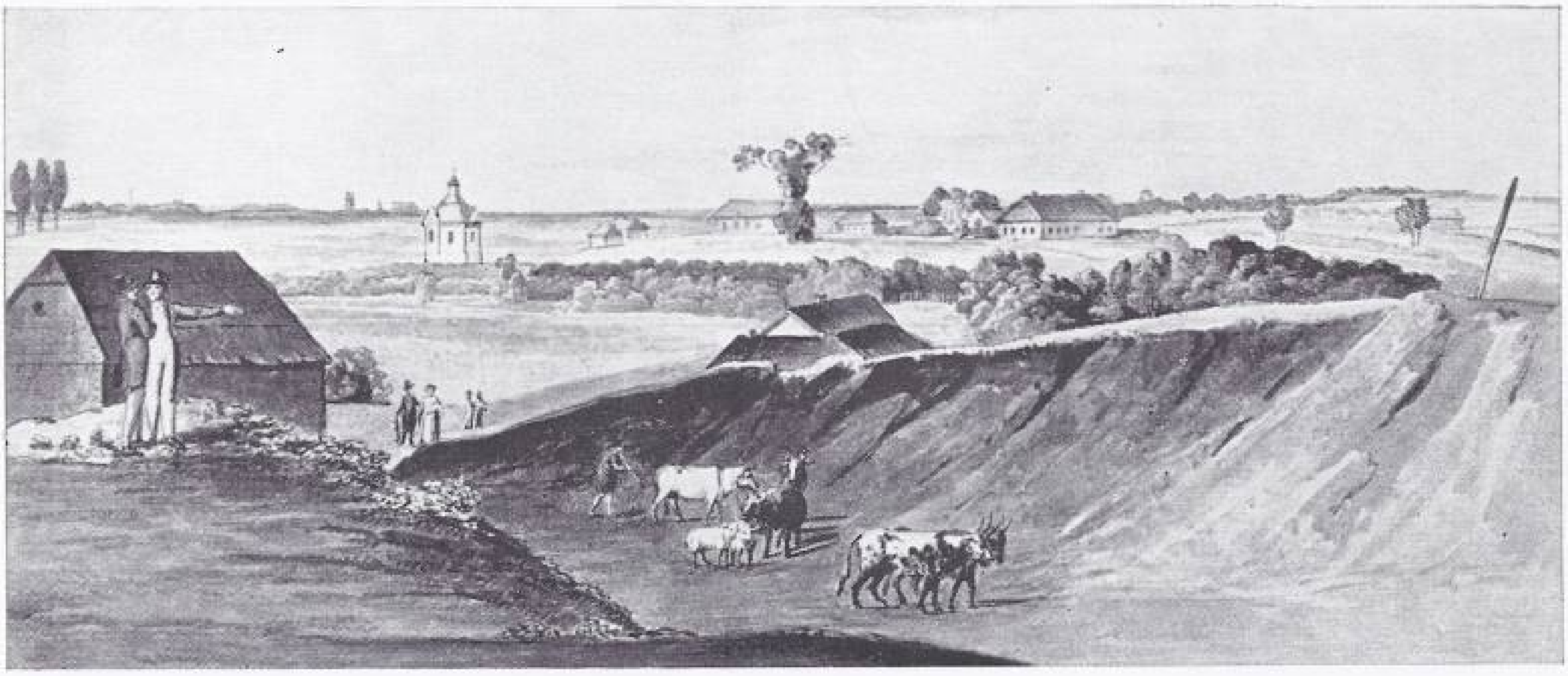

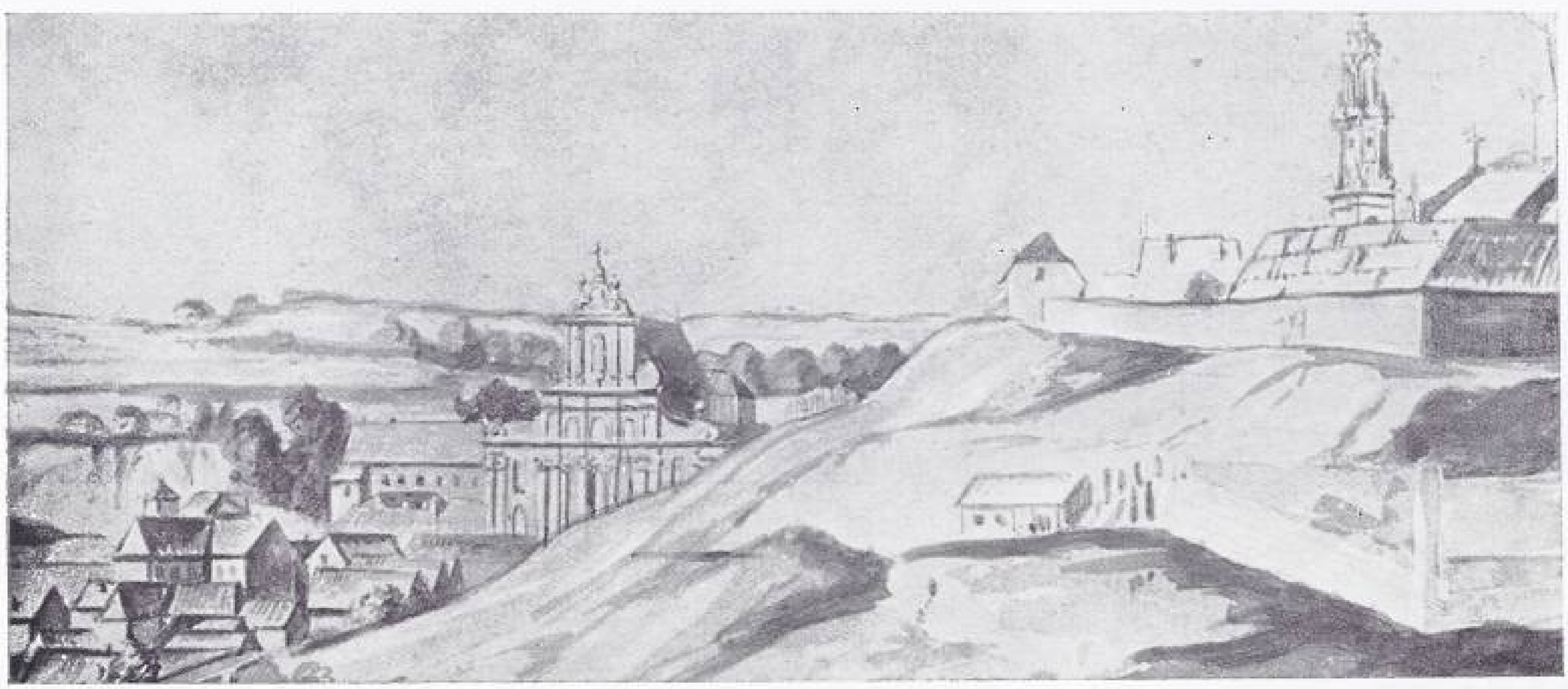

Виды Могилева в конце XVIII — начале XIX в. (акварели Н. Львова и И. Пешки)

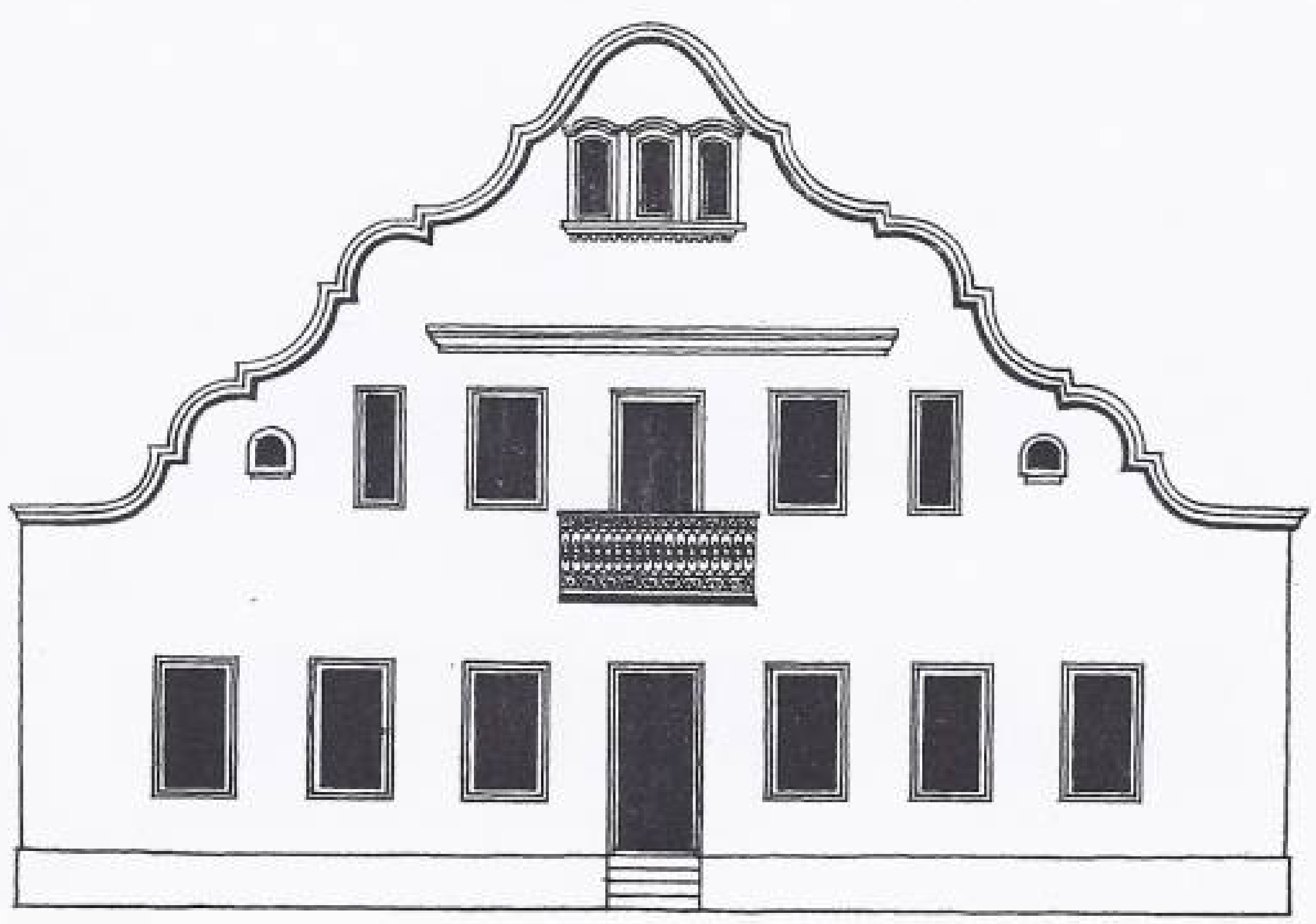

ющие навесы на столбах («подчени»), которые являлись своеобразными открытыми галереями. Эти навесы часто служили для выставки товаров и защиты от дождя. Их устройство, кроме утилитарного преимущества для этого типа домов, пространственно обогащало композицию постройки и усиливало художественную выразительность главного фасада. Истоки этой конструкции следует искать в народном зодчестве. Многие сельские дома и хозяйственные постройки сохранили подобные навесы — галереи — вплоть до конца XIX в. Кроме Белоруссии, подобные навесы имели распространение в Восточной Литве и Польше, где нашли собственное конструктивное и художественное решение.

Ширина навесов соответствовала торцовому фасаду дома, вынос вперед колебался от 1,5 до 2,0 м в зависимости от ширины улицы и размера постройки. На узких улицах выступ был небольшим и носил декоративный характер, символизируя постройку купца или мастерскую ремесленника. Деревянные столбы навесов (их было обычно 2—4) имели круглое или квадратное сечение, если к ним крепились укосины. Эти укосины соединялись с горизонтальной балкой и придавали всей конструкции жесткость. Крепились укосины, как правило, внакладку в виде «ласточкиного хвоста». Их форма была обычно прямая или с небольшим вырезом снаружи. Только в период расцвета барокко укосины усложнились, получили криволинейные очертания, создавая вместе со столбами иллюзию арочной галереи. Примеры подобных укосин обнаруживаются сейчас только в хозяйственных постройках и небольших культовых зданиях. Тогда же дверные косяки некоторых домов или въездные ворота в усадьбу охватывались сверху дугой в подражание арочным перемычкам в проемах каменных зданий.

Деревянные городские дома, имея известное сходство с сельским жильем, получили и свои отличия, вытекающие из социальных особенностей жизни владельца. При сохранении формы компактного прямоугольника план такого дома имеет членение на две выраженные части — служебную и жилую. Первая ориентировалась на улицу, а вторая располагалась за ней. Главный вход в такой дом находился под навесом. Во многих городах и местечках такие дома созда-

Виды городов Витебска, Минска (Лошица) и Гродно в начале XIX в. (акварели И. Пешки)

Фасад «дома рыбака» в Гродно, начало XVIII в.

Фасад «дома на рынке» в Несвиже, 1721 г.

Столовая

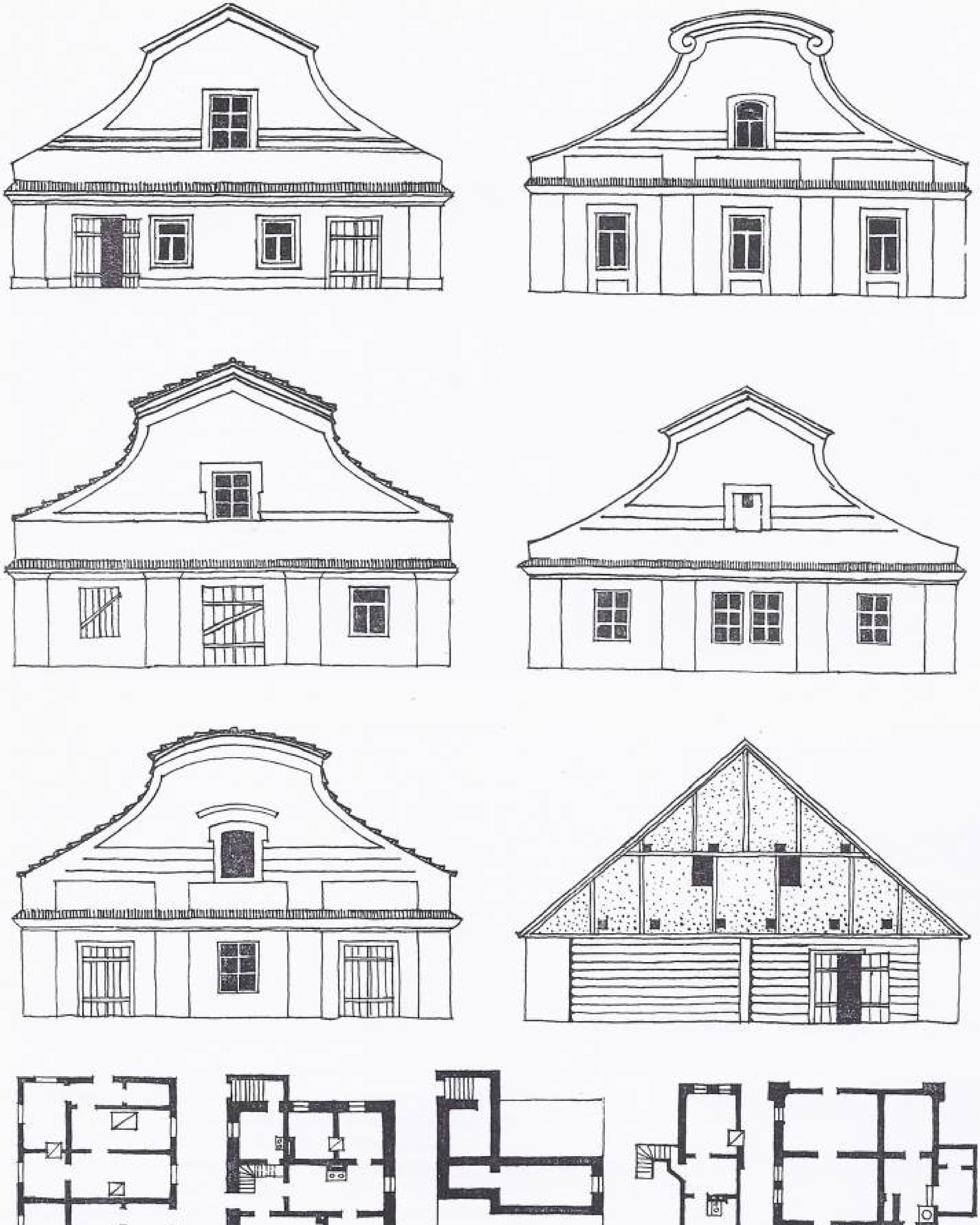
ли сплошной фронт застройки улицы или рынка (Ивье, Каменец, Деречин, Трабы и др.).

Дальнейшего развития в белорусских городах навесы не получили. Со второй половины XVIII в. дома ремесленников и купцов строятся без них. Одну из причин этого явления можно найти в упадке торговли в городах: стало излишним устраивать большую выставку товаров, рассчитанную на многих покупателей. Примеры нового вида каменных жилых домов ремесленников и купцов можно найти в застройке Несвижа, Гродно, Слонима, Новогрудка и др. Фасады этих домов придавали в XVIII—XIX вв. белорусским городам характерный облик.

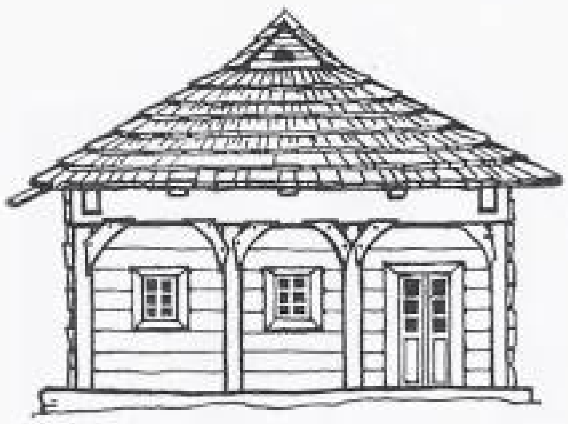
В *Гродно* известен небольшой *каменный дом*, который можно датировать началом XVIII в. Его владелец, по-видимому, относился к рыбацкому цеху: на пилястре фасада сохранилось рельефное изображение рыбы. Постройка напоминает обычный деревянный дом, только, кроме жилья, в нем разместилась производственная половина — мастерская или лавка. В соответствии с этим и составлен план дома; капитальная стена разделяет его на две самостоятельные части. На улицу ориентированы как жилая, так и производственная части дома, однако в первую вход был со двора, а во вторую — с улицы. Изнутри же все помещения дома были связаны друг с другом. Жилых комнат было четыре: две в первом этаже и две в мансарде. Главный фасад дома отличается лаконизмом. Более пластично решен фронтон: здесь имеются ниша и продухи различного очертания.

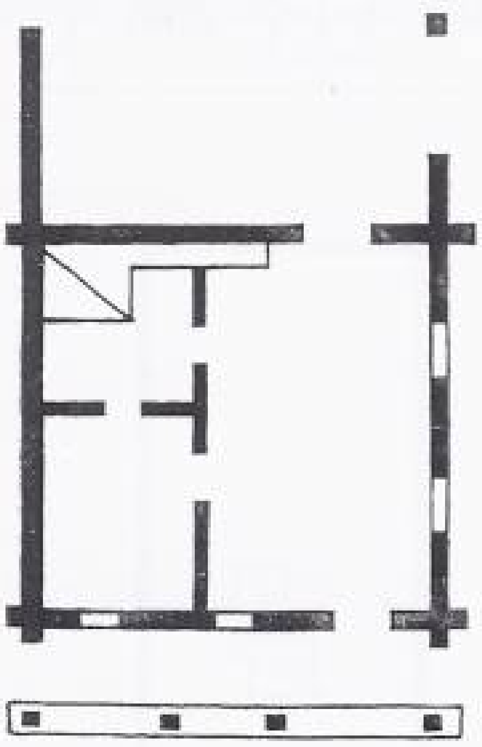
Жилые дома ремесленников и торговцев в Несвиже и Слониме

Фасад жилого дома на «городнице» в Гродно, вторая половина XVIII в.

0
5м

Фасады и планы жилых домов на рыночной площади в Поставах (строительство А. Тизенгауза), вторая половина XVIII в.

Жилые дома с навесами в д. Трабы

Фасад и план жилого дома с навесом в Мире, конец XVII—XVIII в. (по Е. Квитницкой)

В жилых домах подобного типа архитектурно-художественная декорация всегда сосредоточивается на фронтоне в виде разнообразных по форме, глубине и сочетанию ниш, карнизов, скульптурных рельефов. Эти элементы совместно с проемами, иногда и с балконом создают симметричную композицию фасада. Вполне возможно, что прием обработки высокой фронтонной стены развился под определенным влиянием культового и замкового зодчества XVI—XVII вв., где все внимание было сосредоточено на оформлении верхних частей построек.

Жилой дом ремесленника или купца в Несвиже («дом на рынке»), построенный в 1721 г., представляет собой более развитый вариант такого же типа городского жилья. План дома трудно рассмотреть из-за коренных перестроек. Можно лишь предположить, что он был разделен на жилую и производственную части. Наибольший интерес представляет главная фасадная стена барочного характера. Ее высокий фигурный контур скрывает двускатную крышу. Стена с тремя ярусами проемов, количество и размеры которых уменьшаются снизу вверх, характеризуется плоскостным решением. Некоторая асимметрия в разбивке оконных и дверных проемов сглаживается симметричной конфигурацией фасадной стены и одинаковым расположением продухов в углах щипца.

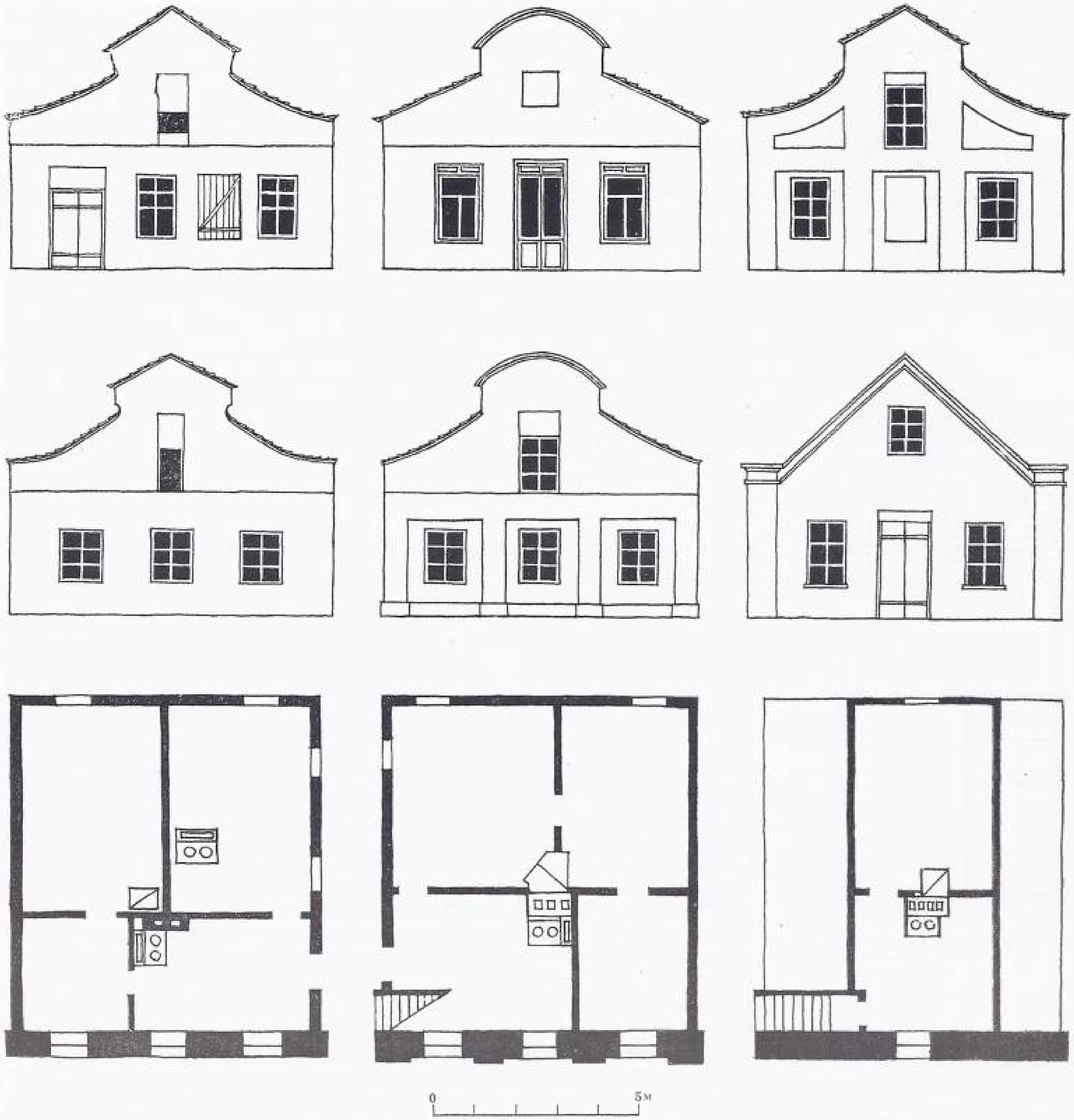
«Дом на рынке» в Несвиже — единственный из сохранившихся примеров городского жилья со своеобразным фасадом, который был свойствен домам такого типа в первой половине XVIII в.

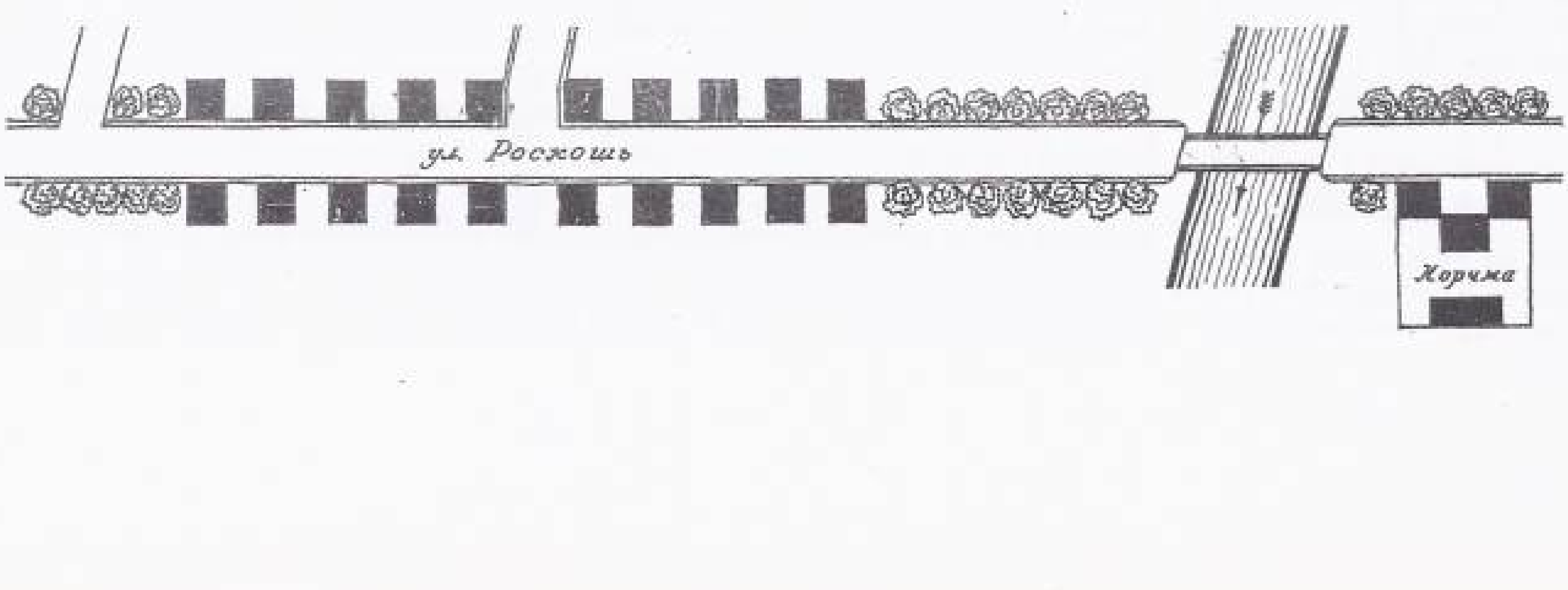
Массовая застройка центра Постав и района «городницы» в Гродно в 60—80-е годы XVIII в. характеризуется домами такого же типа. Дома предназначались для рабочих и мастеров, приглашенных работать на фабриках и обучать местных крепостных различным ремеслам. Сюда съехались квалифицированные специалисты из многих европейских стран — Германии, Франции, Голландии, Швейцарии и др. Первоначально таких домов было в Поставах 9, а в Гродно 20.

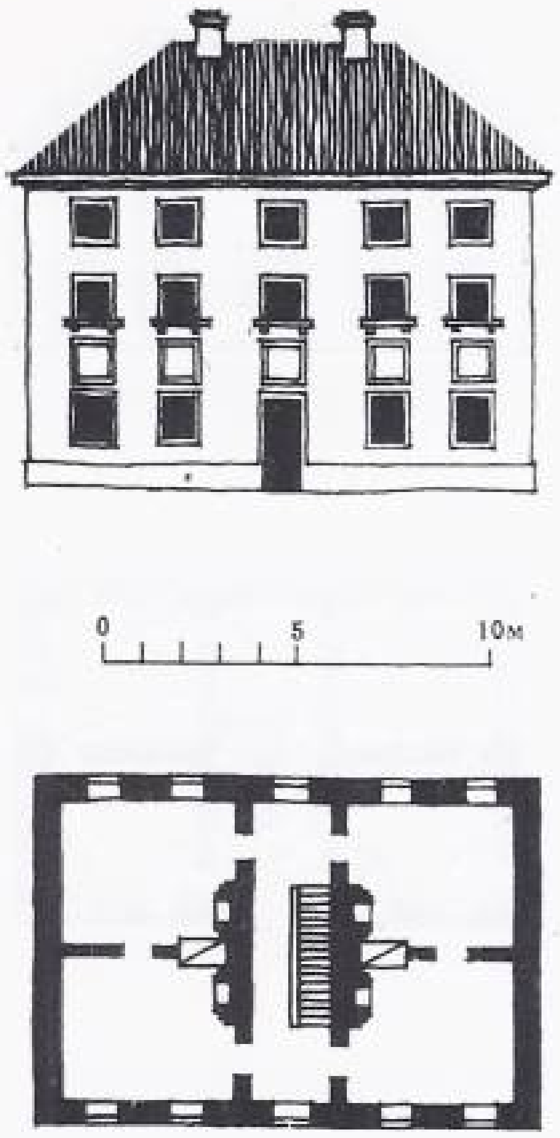
В Поставах эти дома поставлены на площади в ряду других зданий; в Гродно они расположены по обеим сторонам улицы и выделены в самостоятельную группу. В домах осуществлено совмещение элементов каменной и деревянной архитектуры. В целом их можно рассматривать как деревянные с мансардой. Боковые и задняя стены выполнены из брусьев толщиной до 25 см, забранных в деревянные стойки. Торцовый фасад, выходящий на улицу, выложен из кирпича и оштукатурен. Такое решение было продиктовано стремлением создать впечатление каменной застройки улицы, и кирпичные фасады явились своеобразной ширмой, скрывающей в сущности деревянные дома. Представляет интерес конструкция щипца стены дворового фасада одного из домов в Поставах. Она состоит из фахверка с кирпичным заполнением и балки перекрытия. Использование фахверка не было явлением новым в белорусском строительстве. Такую же конструкцию можно обнаружить в домах на гравюре города Гродно XVI в., в усадьбах и хозяйственных постройках XVII—XVIII вв.

Дома этого типа отличались компактностью: планы их приближаются к квадрату (например, в гродненских домах около 8×9 м). Кубатура используется максимально, включая мансарду, которая тянулась вдоль всего здания и вмещала квартиру с самостоятельным входом. Первый этаж состоял из производственной (впереди) и жилой (в глубине) частей. Такая планировочная организация дома была заимствована из распространенных в белорусских городах домов ремесленников и купцов. Отличие от последних сводилось к большей регулярности в разбивке помещений и введению типоразмеров.

Композиция фасадов очень проста: это прямоугольник первого этажа и фронтон. Как в поставских, так и в гродненских жилых до-

0
5м

ул. Роскошь
Корчма

мах фасады имеют плоскостной характер. Они оформлялись невысоким рельефом лопаток, живописной лентой черепицы по карнизу, простейшим обрамлением оконных и дверных проемов. В некоторых домах стены имели филенчатое членение. Такие дома выгодно отличались пластикой и регулярностью членения фасадов (Поставы).

Фронтоны домов неодинаковы: в одних случаях они примерно равны по высоте основному этажу, в других — выше его. В поставских домах фронтоны занимают доминирующее положение и имеют сложное построение, иногда с волютами. Криволинейные очертания щипцов свойственны барокко, однако вычурность и излишества, характерные для этого стиля, здесь отсутствуют. В гродненских домах фронтон значительно ниже, а его конфигурация упрощена. Дома с барочным завершением встречались здесь наряду с классически оформленными. Такое смешение стилей объясняется строительством домов во время, переходное от барокко к классицизму. Следует отметить, что дома двух художественных типов хорошо сочетаются друг с другом в ансамбле. Это объясняется не только близостью их пропорций и объемов, но и тем, что барочные и классические формы взяты с максимальным упрощением и лишь в общих чертах.

Во второй половине XVIII в. на Гродненщине работало много архитекторов и художников иностранцев, приглашенных А. Тизенгаузом. (Типовые жилые дома на «городнице» в Гродно спроектированы Ю. Мезером; в реконструкции Постав принимал участие Д. Сакко.) Их деятельность, несомненно, наложила отпечаток на архитектуру построек, но решающую роль сыграли традиции местного жилого строительства.

В поставских и гродненских домах впервые комплексно осуществлена идея типового малометражного жилья с новыми конструкциями и экономичным сочетанием различных строительных материалов.

Заслуживает внимания практика строительства в Ворнянах (Гродненская область) во второй половине XVIII в., где идее регулярности подчинено архитектурно-планировочное решение главной площади поселения.

Жилые дома на протяженных сторонах площади, однотипные по своей архитектуре, объединенные арками, создавали целостность фронта застройки. Каменная стена главного фасада, срубная конструкция роднят их с серией домов в Гродно и Поставах. Однако принцип расстановки ворнянских домов на площади иной: они расположены фронтально. В этой связи отмечается изменение характера их внутренней планировки, где средняя часть с входом отведена под сени и кухню, а жилые комнаты сгруппированы по сторонам.

Планировка и застройка центра Ворнян отличается размахом градостроительного замысла, более широкого и представительного, чем в Гродно и Поставах второй половины XVIII в.

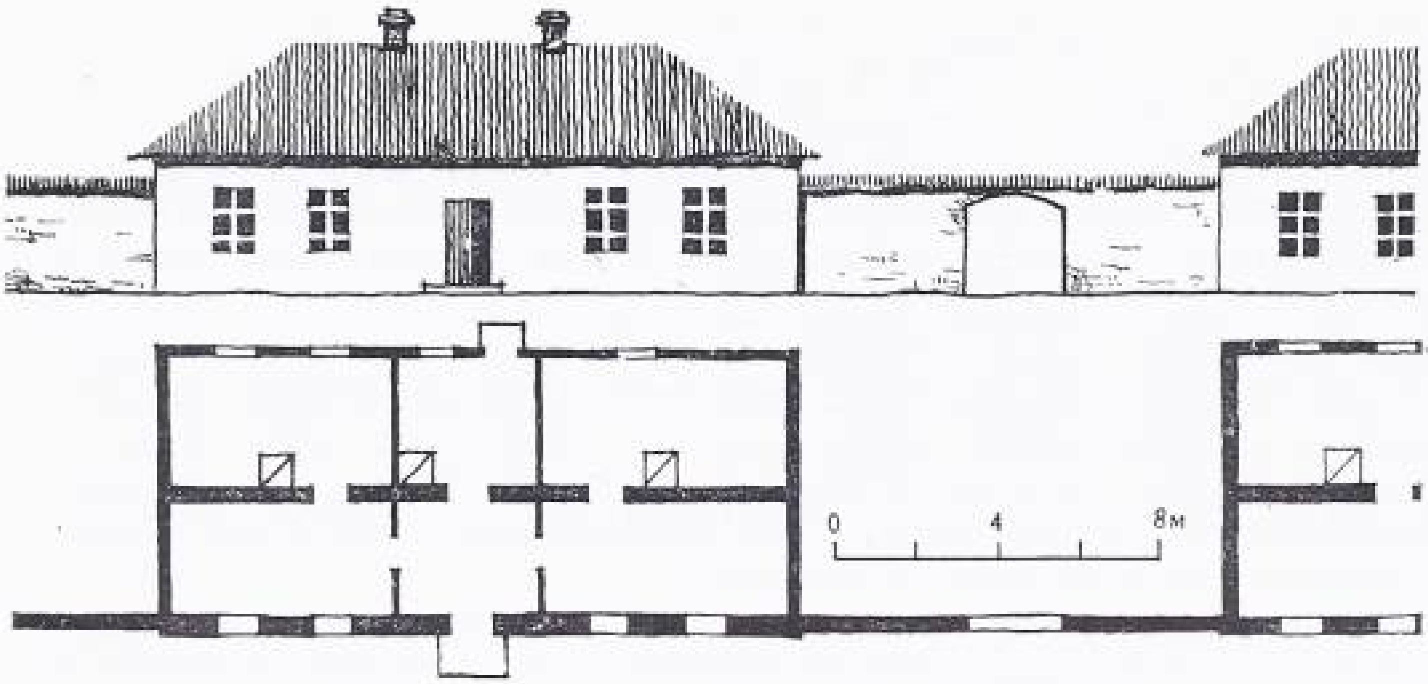
К этому времени также относятся первые образцы типовых двух- и трехэтажных жилых домов. Такие дома строились преимущественно для различных служебных лиц и администрации (Гродно, Поставы, Могилев). Сохранившиеся в чертежах и частично в натуре дома подобного типа возводились, как правило, из кирпича и отличались значительными размерами и строгостью фасадов. Черты, свойственные архитектуре барокко, в этих домах отсутствуют или ощутимы лишь в некоторых деталях.

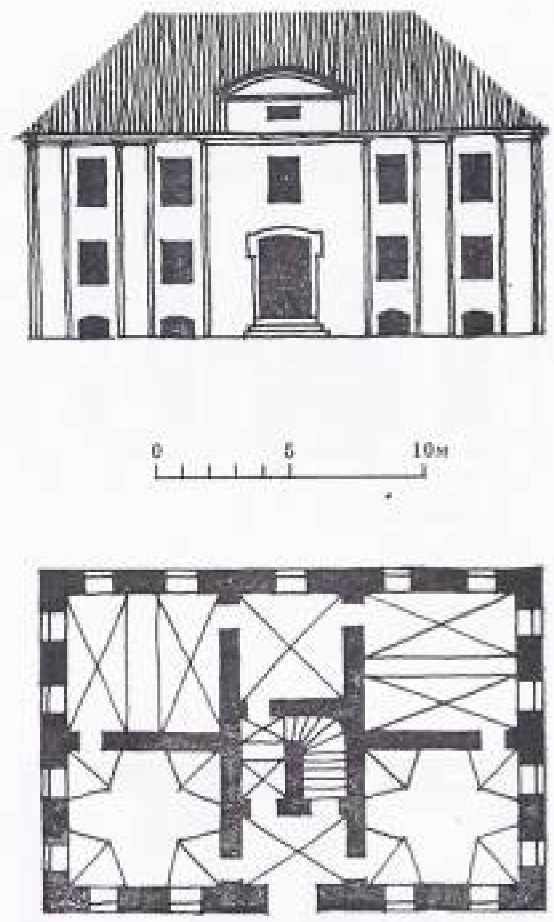
Два казенных дома в Поставах имели различное назначение: один из них предназначался *«для доктора»*, второй — *«для заезда»*. Несмотря на это, они были единообразными в своей архитектуре, имели схожие планы и близкие габариты (приблизительно 11×15 м). Можно сказать, что в этих домах был осуществлен принцип типизации. Двухэтажный дом «для доктора», где в первом этаже размести-

Фасады и планы жилых домов по ул. Роскошь на «городнице» в Гродно (строительство А. Тизенгауза), вторая половина XVIII в.

Фрагмент плана ул. Роскошь

Фасад и план дома при королевских конюшнях в Гродно, вторая половина XVIII в.

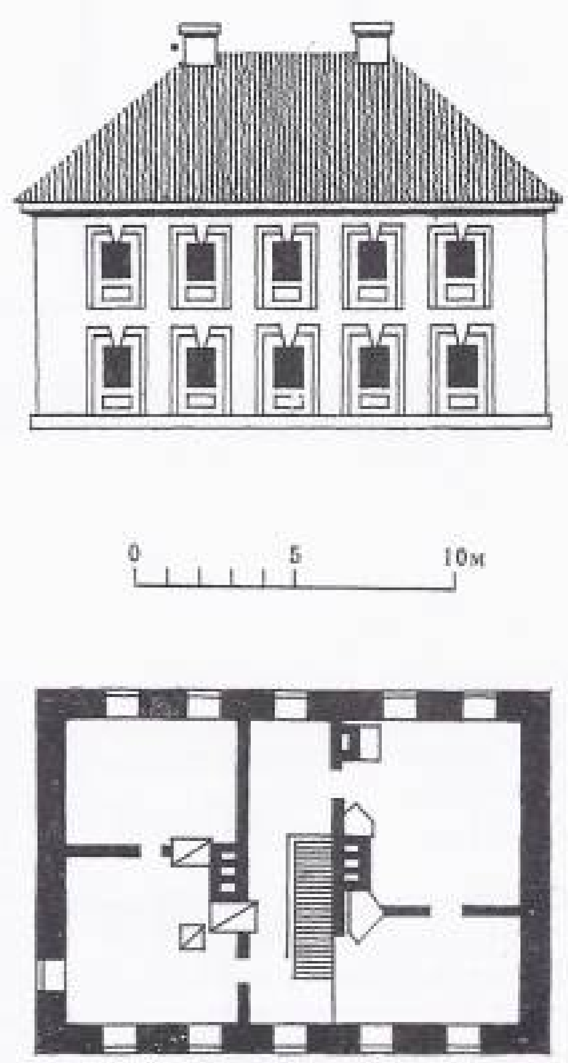

лась аптека, а во втором — жилье, имеет четкое членение на три части, среднюю из которых занимает передняя с лестницей. Пролеты комнат одинаковые. Принцип симметрии соблюден в композиции фасада с регулярной разбивкой проемов. Стена расчленяется на большие, но неглубокие ниши, в которых расположены оконные и дверные проемы. Такой прием архитектурной декорации перекликается с народной традицией украшения окон жилища наличниками и ставнями.

Дом Шимона в Могилеве имел те же характерные черты, что и поставское здание. Его план (14×17 м) разделен узкими сенями — передней — на две половины. В передней также расположена одномаршевая деревянная лестница, ведущая на второй этаж и в подвал дома. Композиционное решение главного фасада характеризуется симметрией, а декорация его — поэтажным членением стен на неглубокие ниши. Центр постройки выделен более широкими нишами. Балкон с шатровым навесом смягчает строгость архитектуры дома, подчеркивает его жилой характер.

Центральная часть здания выделена в *доме купца Гаусмана в Гродно*. Этот дом обращает на себя внимание как пример строительства в общем ряду застройки улицы с учетом примыкающих зданий. Местоположение дома отразилось на общей конфигурации его плана и внутренней планировке, в которой наблюдается отход от традиционной симметрии. Однако в построении фасада это не чувствуется. Все три яруса дома (два этажа и мансарда) трактованы с соблюдением строгой симметрии и четким выделением главной композиционной оси. С большим художественным тактом решен фасад дома, где мансарда посредством пилястр хорошо увязана с основным объемом здания.

В цельности и законченности этих строений можно отметить сходство с другим жилым домом в Могилеве (ныне ул. Ленина, 39), а также зданиями «под квартиры» у Нового замка и на «городнице» в Гродно.

Могилевский двухэтажный дом имеет предельно собранный план. Середину его занимает лестница, к которой поэтажно примыкают четыре угловые комнаты. Главный фасад дома расчленен снизу доверху широкими ступенчатыми лопатками, а его средняя часть выделена плоскостью стены с порталом входа. Дом построен в конце XVII в. под известным влиянием классицизма, хотя в нем заметны и декоративные приемы барокко. В Могилеве сохранилась еще одна постройка (середине XVIII в.), некогда относившаяся к комплексу архиерейского дома (ныне ул. Ленина, 11). Архитектура этих зданий

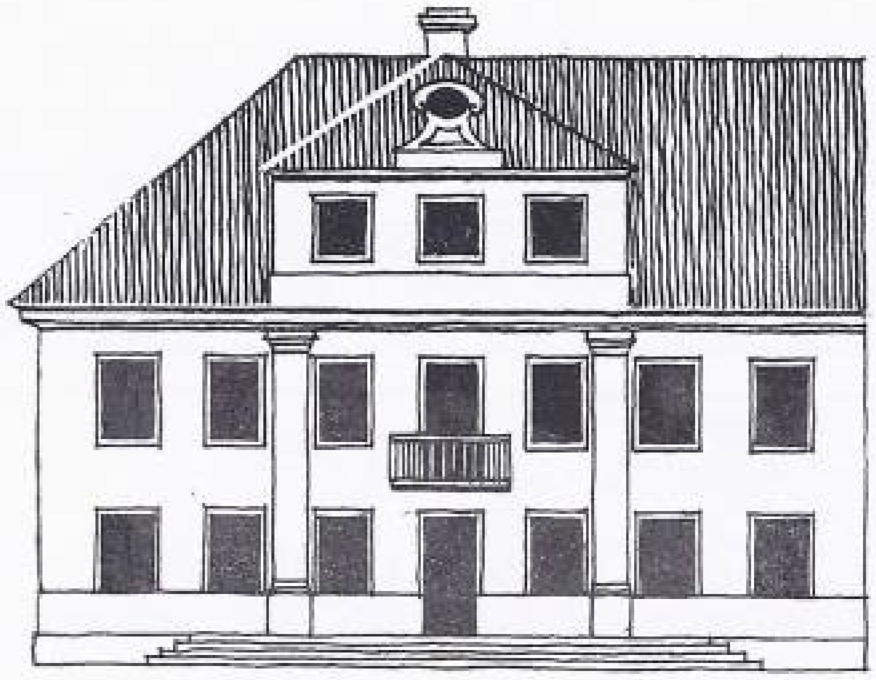

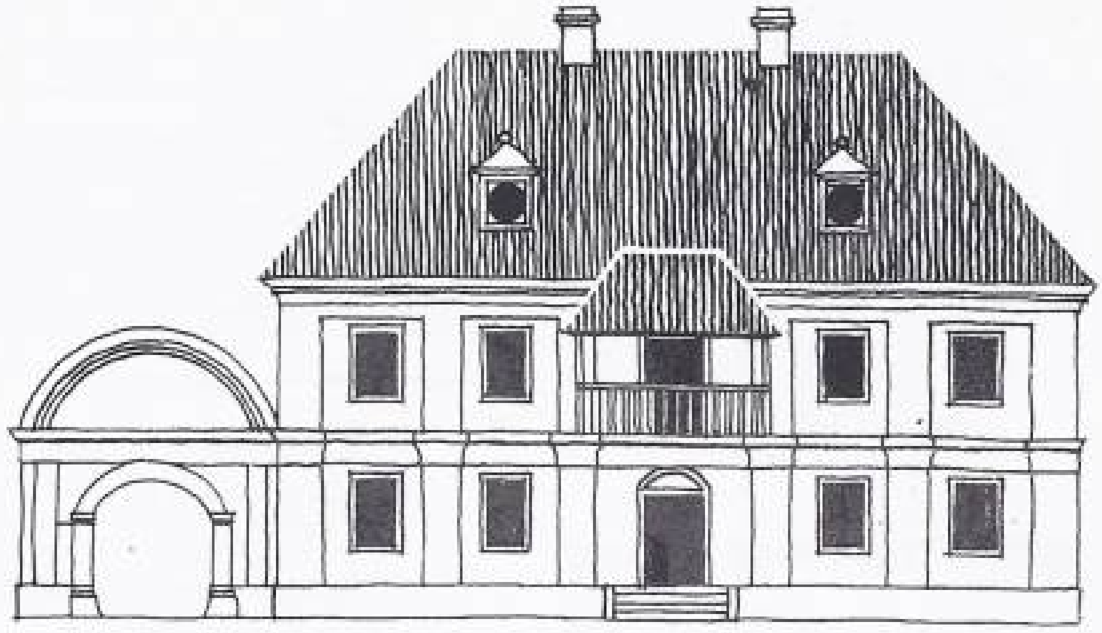
Фасад и план типового жилого дома в Ворнянах, вторая половина XVIII в.

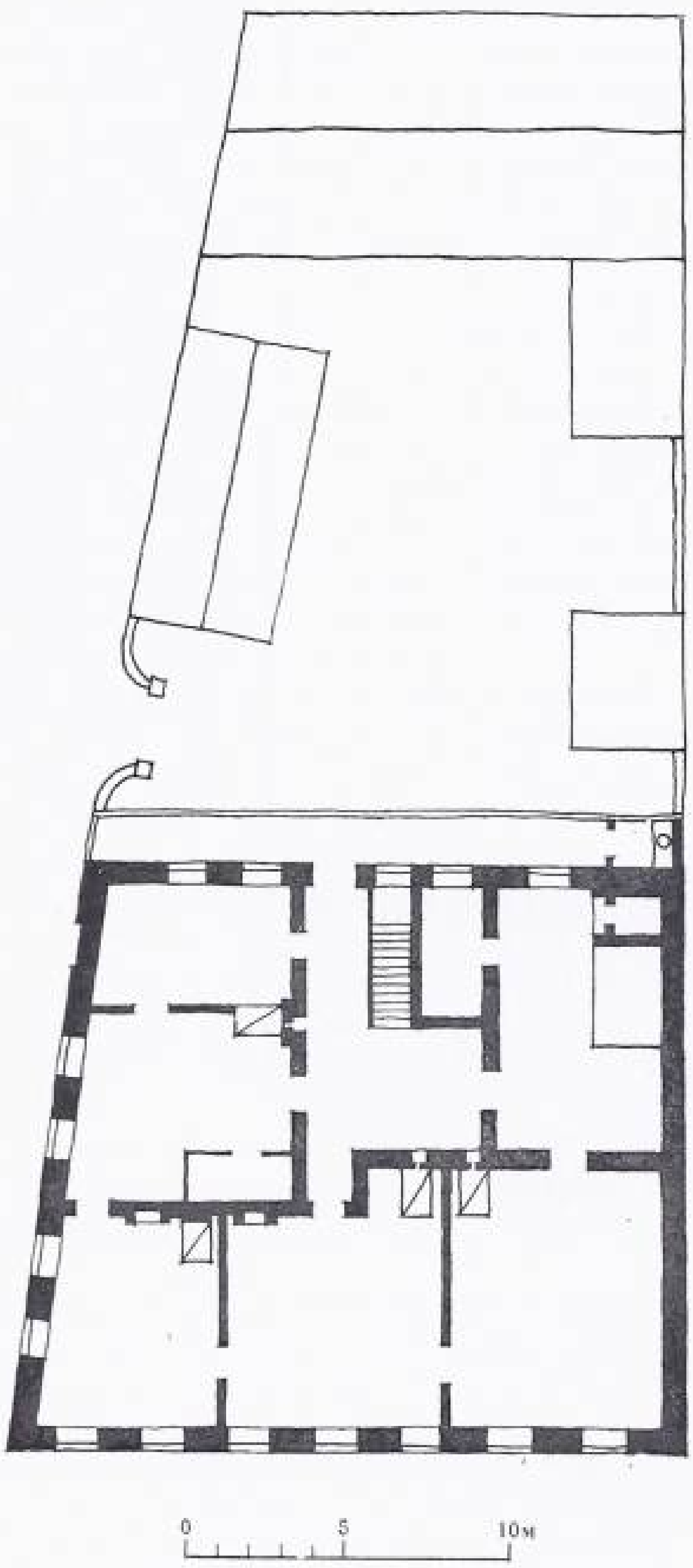
Фасад и план дома в Могилеве (ул. Ленина, 39)

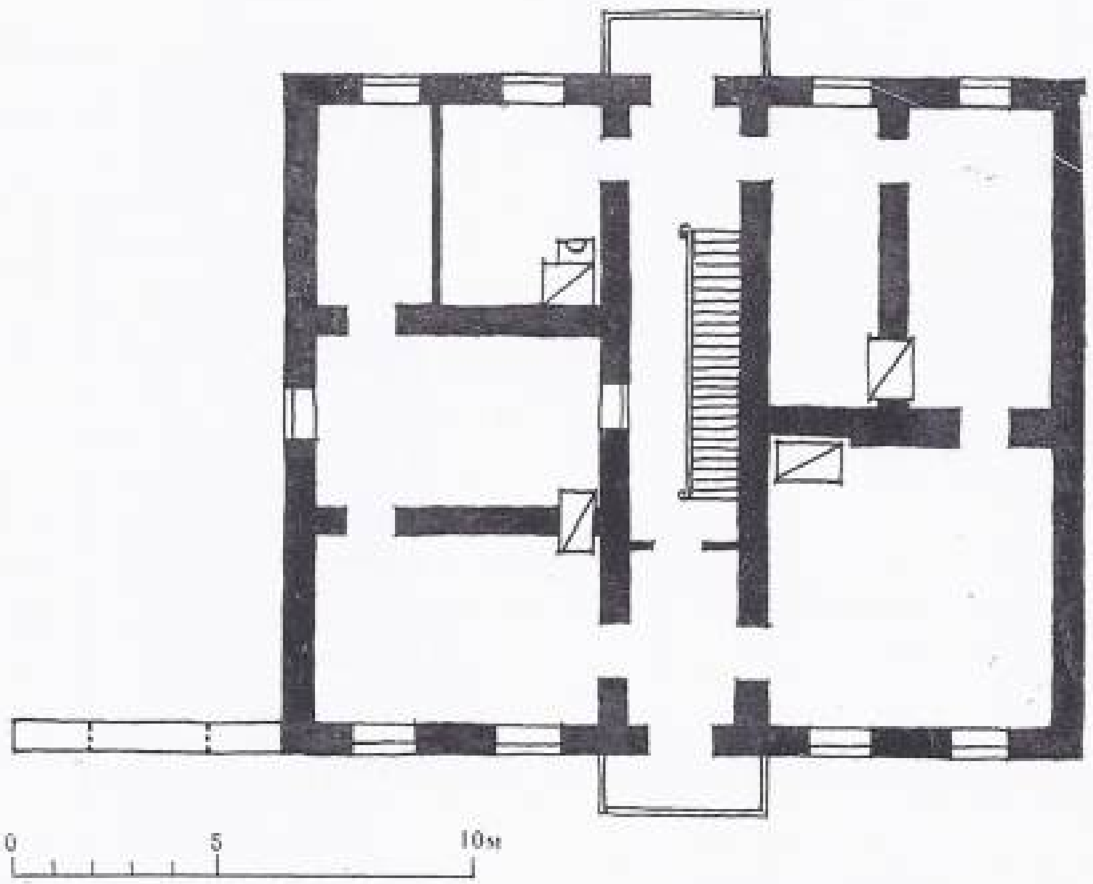
Фасад и план дома в Поставах (б. Рыночная площадь, 4)

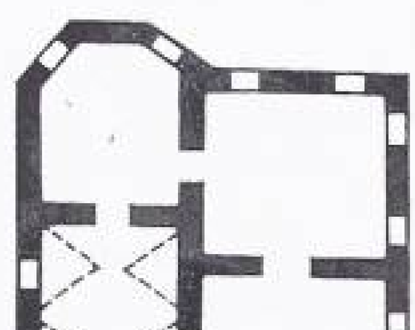
Декоративное обрамление окна дома купца в Могилеве, конец XVII в. (по Е. Квитницкой)

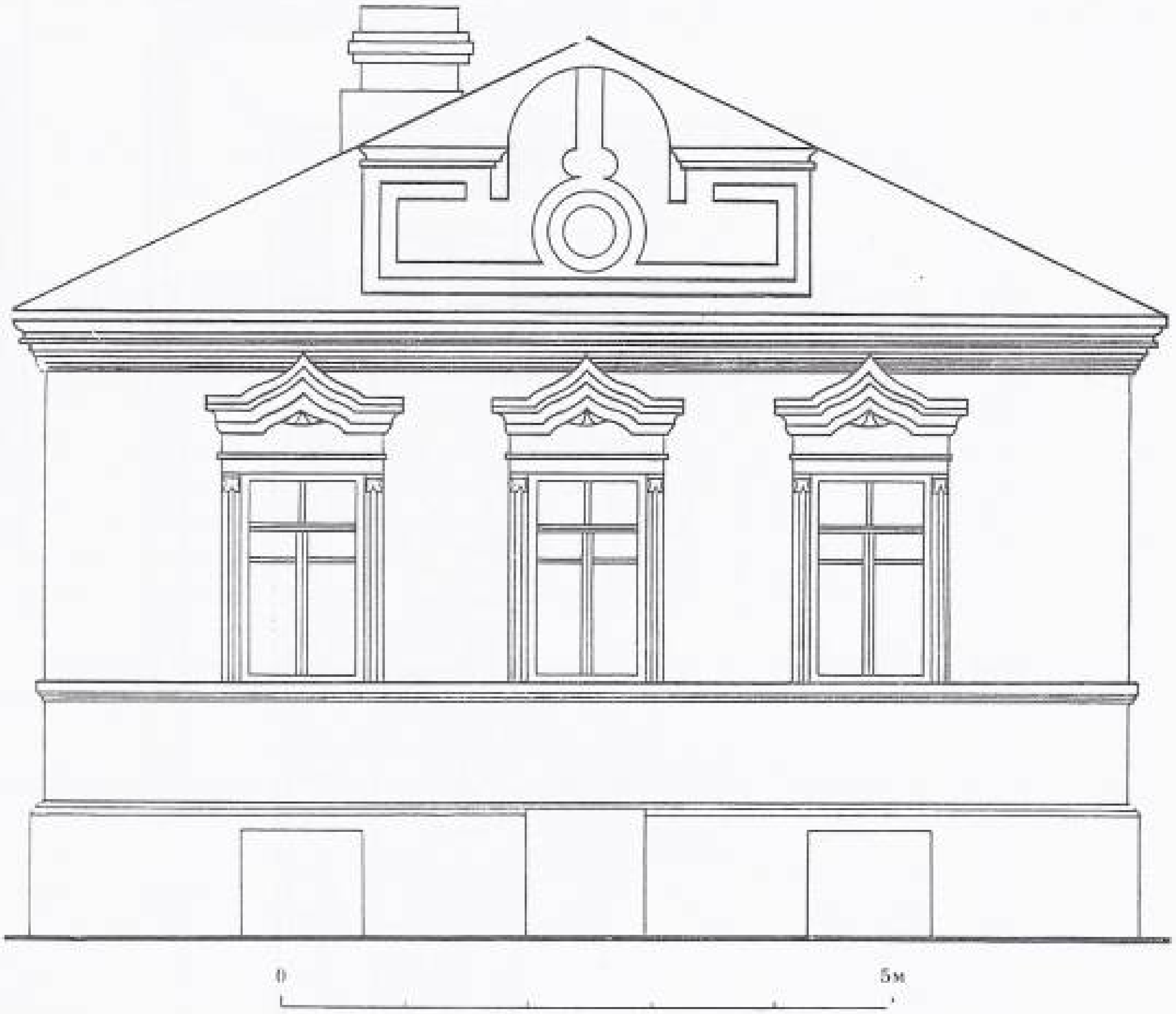

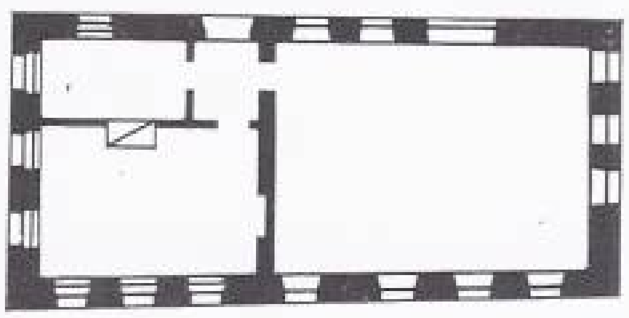

0
5
10м

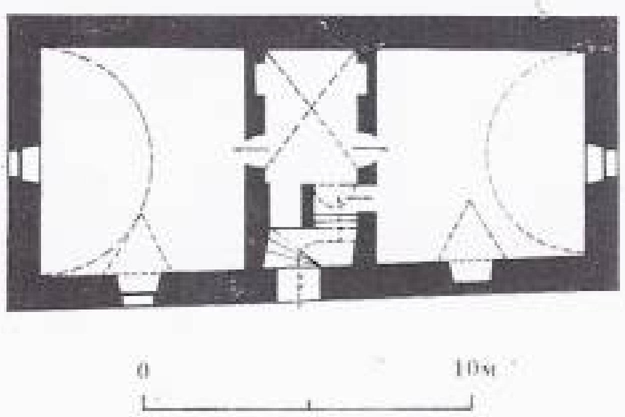

0
5
10м

Фасады и планы жилых домов в Гродно (Гаусмана), в Могилеве (Шимона), вторая половина XVIII в.

Планы подвала и первого этажа жилого дома купца в Могилеве, конец XVII в.

Планы и фасад жилого дома в Полоцке, конец XVII в. («дом Петра I»)

отличается известным единством в построении плана и особенно в решении фасадов. Здесь также наблюдается расчленение поверхности стен лопатками, а вернее пилястрами с упрощенными капителями с волютами. Барочные формы хорошо заметны в рельефной верхней части стены и обрамлении окон. Можно предположить, что жилой дом по ул. Ленина, 39 строился под значительным влиянием этого здания. Сохранив ту же композицию объема, те же членения, он получил несколько иное художественное решение, связанное со становлением классицизма в архитектуре.

Мотив членения лопатками поверхности фасадной стены встречается и в двухэтажном «казенном» жилом доме при Новом замке в Гродно. Типические элементы в архитектуре наблюдаются в гродненском доме садовника и «шляхтарне» (оба на «городнице»), трехэтажных домах, фланкирующих королевские конюшни. Во всех случаях планы характеризуются простотой, минимальным количеством разных по величине пролетов, определенной стандартизацией внутренних помещений. Фасады лаконичны и, как правило, имеют симметричное построение. Декоративное оформление сведено к лопаткам по углам (дом садовника), плоским наличникам («шляхтарня»), нишам типа филенок (трехэтажные дома) и простейшим карнизам. Впечатление монументальности этих домов усиливается благодаря их цельным объемам с высокими четырехскатными крышами. Такие крыши в домах городских ремесленников и мелких купцов не наблюдаются. Зато в имениях они встречаются чаще. Высокие крыши с фигурными слуховыми окнами, а иногда с фронтончиками, темно-красная голландская черепица в сочетании с белой оштукатуренной поверхностью стен придавали домам живописность, подчеркивали теплоту и интимность, свойственные жилому строительству.

Резьба по дереву на парадной двери «дома Петра I» в Полоцке

Сравнивая могилевские, гродненские, поставские и другие дома подобного типа, можно говорить об определенном единстве традиций архитектуры городского жилья в различных районах Белоруссии. В то же время очевидна общность типовых и рядовых городских домов. Это свидетельствует о влиянии последних на формирование и развитие типовых или повторных образцов.

АРХИТЕКТУРА ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ

Типы общественных зданий в городах и селах Белоруссии в XVII—XVIII вв. были весьма разнообразны. К ним относились ратуши, торговые ряды, корчмы, цеховые дома, госпитали, театры при дворцах магнатов, цейхгаузы, общественные бани, парикмахерские и пр. Однако общественные постройки до нашего времени сохранились в очень малом количестве. Поэтому представление о них во многих случаях складывается на основании материалов исследователей XIX в. и архивных документов.

Многие белорусские города в течение столетий имели магдебургское право, т. е. право на самоуправление. В связи с этим в городах, кроме королевской, была магистратская администрация. Аналогичная картина наблюдалась и в частновладельческих городах (Несвиж, Слуцк). Магистраты обладали достаточной властью и значительными средствами. Поэтому ратуши были монументальными, часто каменными зданиями.

В плане города ратуша занимала центральное место и обычно располагалась на площади, от которой брали начало основные улицы, переходящие в загородные дороги. Часто ратуши блокировались с торговыми рядами (Несвиж, Гродно, Шклов) или находились поблизости от них (Минск, Пинск, Полоцк, Чаусы).

Более типичны для ратуши здания с башней, на которой помещались часы, колокол и наблюдательная площадка. В могилевской ратуше многоярусная башня с наружной лестницей выступала вперед от самого здания и лишь одной стороной примыкала к нему; в шкловской она перемещена в центр здания и поднимается над самой крышей; в чечерской заканчивает центрический объем здания; в шерешевской башня, напоминающая купол, носит чисто декоративный характер: она способствует выделению ратуши из жилой застройки. Убранство башен выгодно отличалось от скромных зданий самих ратуш богатой пластикой декорации.

Собственно здания ратуши были разнообразны по планировке и архитектуре: здесь встречаются и массивные объемные образования (Несвиж), и протяженные, замкнутые с торговыми рядами композиции (Шклов), и скромные по размерам здания, близкие к городскому жилому дому (Слоним).

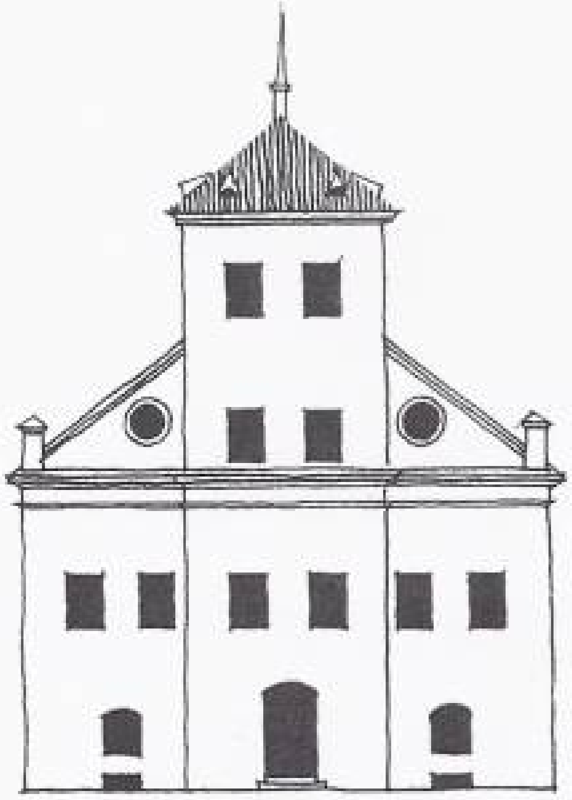
Одной из древнейших является *ратуша в Несвиже.* Она была построена в конце XVI в., когда город по «привилею» Стефана Батория в 1586 г. получил самоуправление и стал до известной степени самостоятельным в финансовом отношении. Тогда же при ратуше были построены торговые ряды. С XVII в. несвижская ратуша перестраивалась и к XIX в. значительно изменила свой облик, особенно башенную часть. Последняя раньше была выше, имела хорошо развитую декорацию фасадов и живописный силуэт.

Значительные абсолютные размеры и большие плоскости стен придают ратуше монументальный вид, близкий крепостному зодчеству XVI—XVII вв. Ратушу с трех сторон окружают торговые ряды, образуя единую архитектурную композицию. Такое решение комплекса логично при островном расположении его на городской площади.

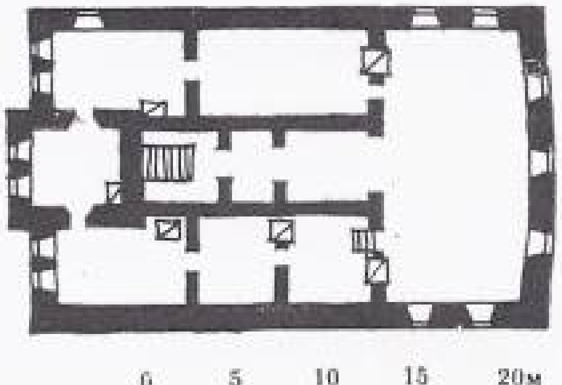
В простых и монументальных формах выполнены и торговые ряды. Их фасадные стены по всему периметру обработаны арками, лопатками, а в аттиковой части — нишами. Аттик закрывает односкатную крышу, благодаря чему стены торговых рядов со стороны площади кажутся более внушительными.

Ратуша в Могилеве была заложена в 1679 г. и строилась народными мастерами Игнатом и Феськой. Ее расположение на главной площади («на валу»), по соседству с торговыми рядами, было обычным для градостроительства того времени. Поставленная на высокой правобережной части Могилева ратуша хорошо просматривалась с реки и подходов к городу, возглавляла архитектурный ансамбль и силуэт застройки площади.

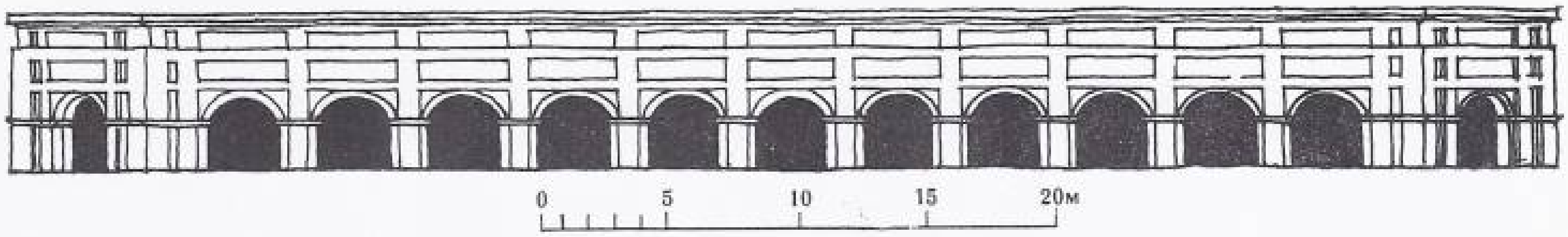
Здание ратуши состояло из основного корпуса и башни. Восьмигранная многоярусная башня, расположенная впереди приземистого двухэтажного корпуса, примыкала к нему лишь одной стороной. Такой прием усиливал пластическую выразительность сооружения и выделял ратушу в застройке площади.

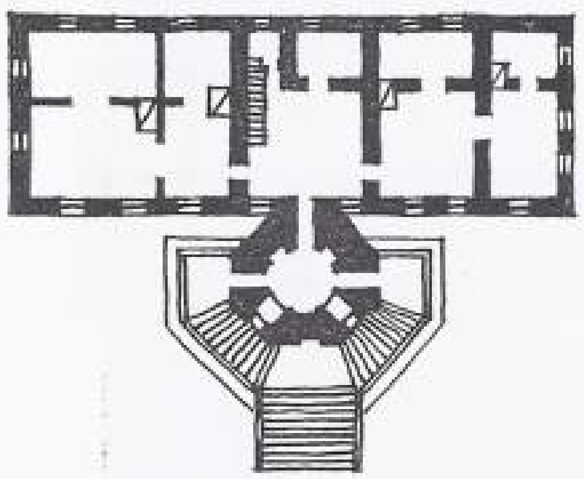
В могилевской ратуше, как и в несвижской, первый этаж отводился под вспомогательные службы, а основные помещения располагались на втором этаже. Парадная наружная лестница создавала хороший композиционный переход от башни к основному корпусу. Связь этих двух различных по своему характеру объемов усиливалась введением развитых горизонтальных членений по фасадам башни.

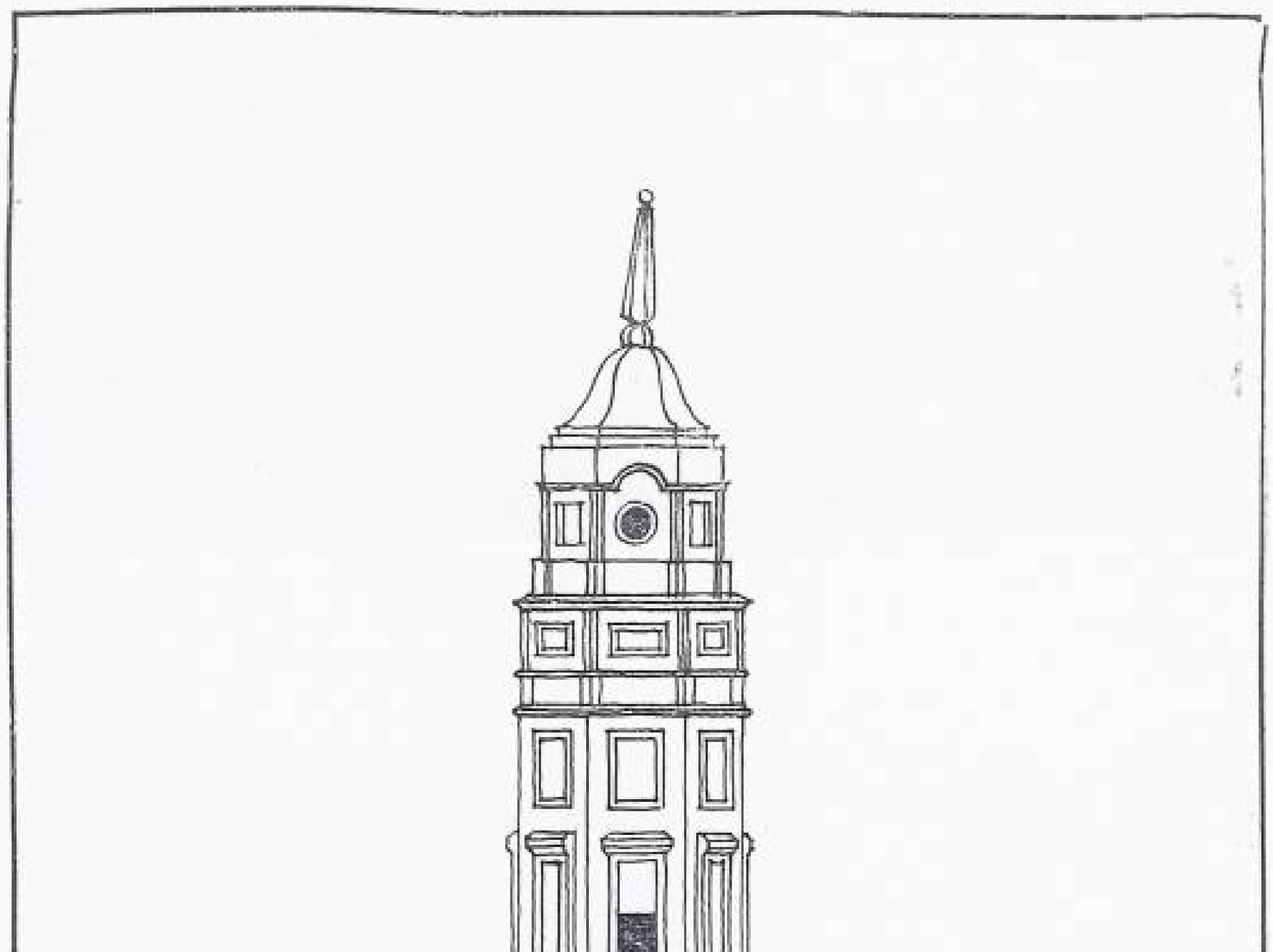

Наиболее интересной в декоративном отношении представляется башня. В ней чередуются низкие и высокие ярусы, выполненные в различной манере: покрытые рустом, снабженные окнами различного очертания, украшенные нишами и гирляндами. Завершалась башня граненым куполом со шпилем, что еще больше подчеркивало высотный характер ее композиции.

В целом в архитектуре ратуши преломлен богатый строительный опыт белорусского народа. В ней отразилось стремление к простым и четким формам, столь типичное для лучших памятников зодчества Белоруссии.

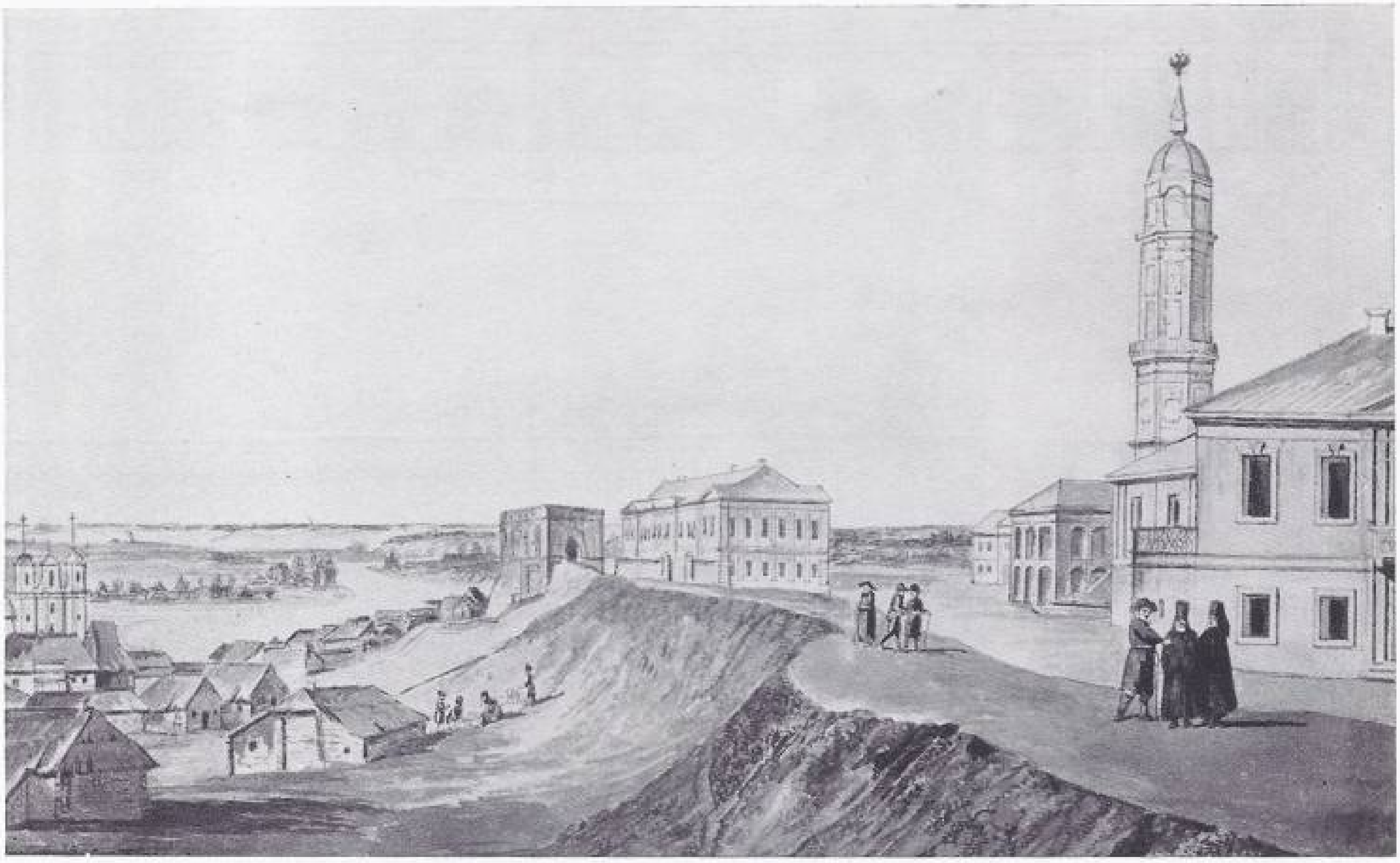

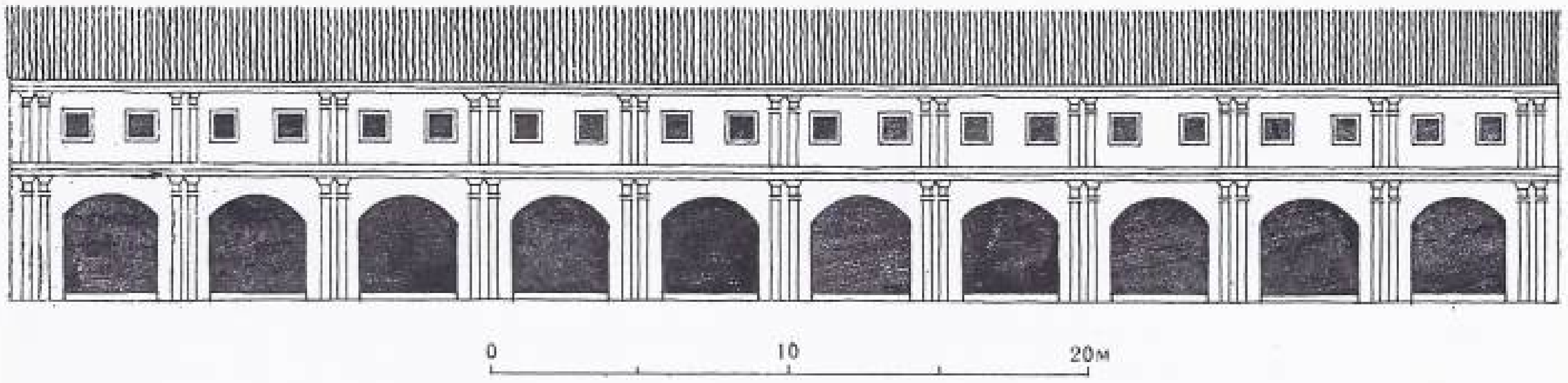

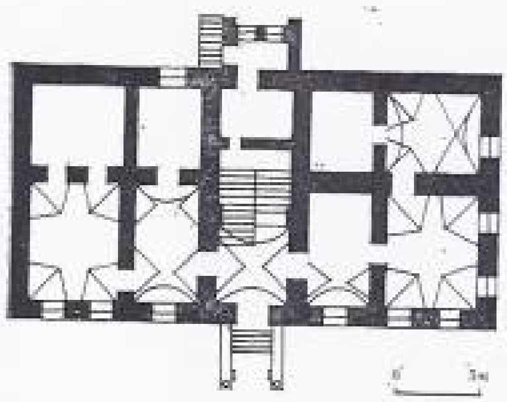
Ратуша и торговые ряды в Несвиже, XVII—XIX вв.— общий вид, фасад и план ратуши, фасад рядов

План и фасад ратуши в Могилеве, 1679—1697 гг.

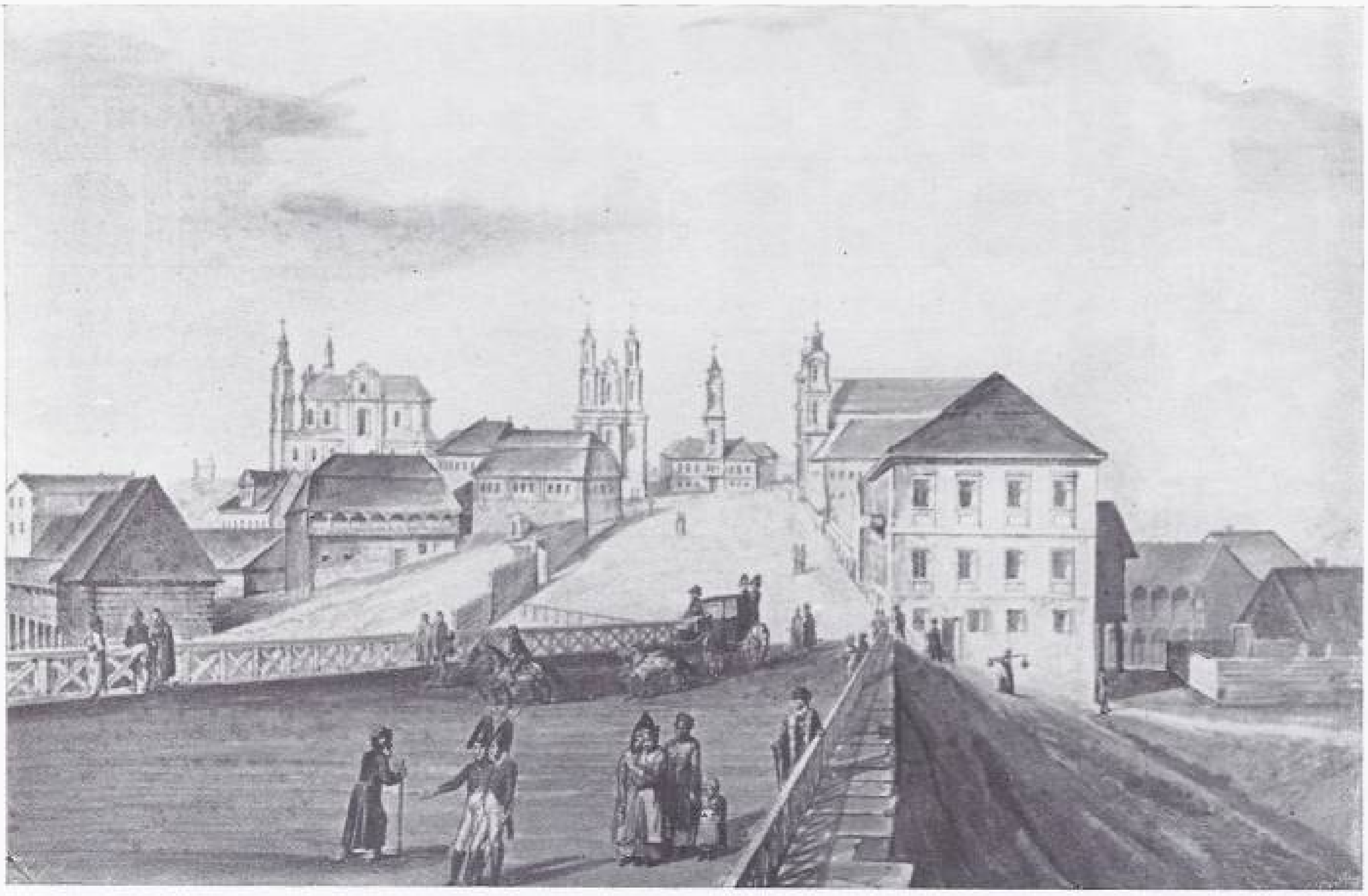

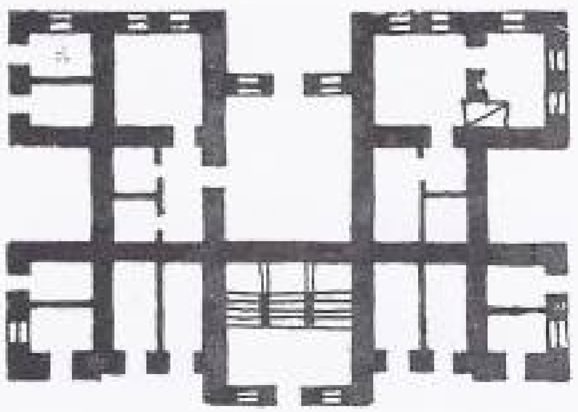

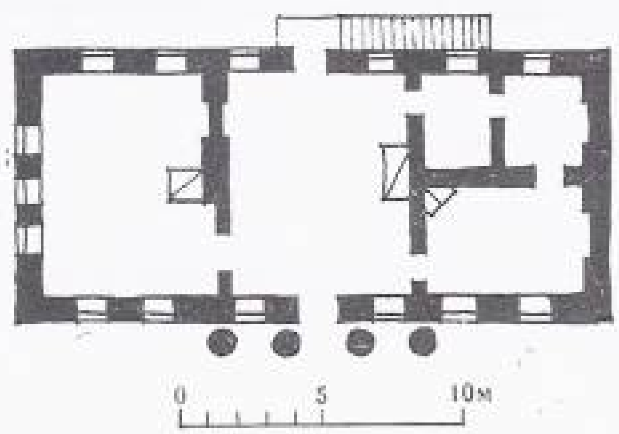
Могилев — вид на ратушу и главную площадь города в конце XVIII в. (акварели Н. Львова)

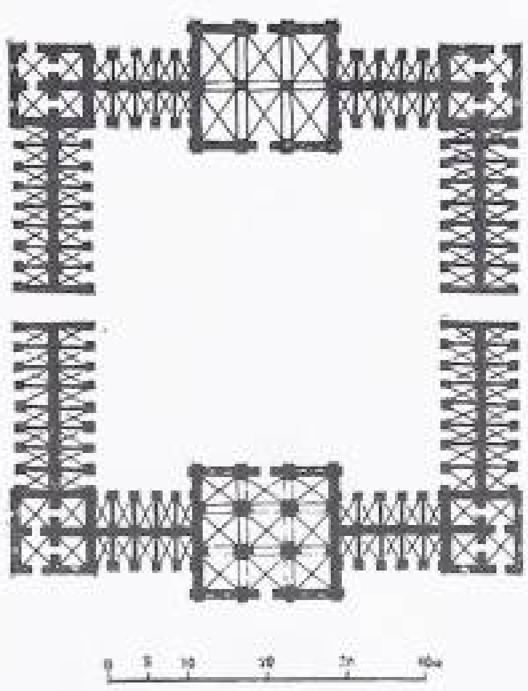
Витебск — фасад торговых рядов, план и фасад ратуши, XVIII в.

Вид на ратушу и торговые ряды в Витебске в начале XIX в. (акварели И. Пешки)

Планы ратуш в Чаусах и Слониме, XVIII в.

План ратуши с торговыми рядами в Шклове, вторая половина XVIII в.

Ратуша в Чаусах (Могилевская область) имеет план, родственный некоторым усадебным домам XVII—XVIII вв. Ее угловые части, выступающие за пределы основных стен, напоминают «алькежи». Внутренняя планировка здания очень четкая; центральное место отведено лестнице и залу, а боковые комнаты вместили служебные помещения. Средняя часть двухэтажной ратуши приподнята в виде башни с куполом и шпилем.

Небольшие по своим размерам *ратуши,* относящиеся к XVIII в., известны в *Слониме* и *Шерешеве.* Обе они имеют безбашенную композицию, чем отличаются от ратуши в Могилеве и других городах, но также совмещены с торговыми помещениями. Например, в Шерешеве (Брестская область) ратуша была включена в объем торговых рядов и занимала среди них центральное место. Ее присутствие здесь отмечалось только декоративной башенкой-куполком на коньке здания. По своему характеру шерешевская ратуша близка к деревянным памятникам архитектуры этого вида.

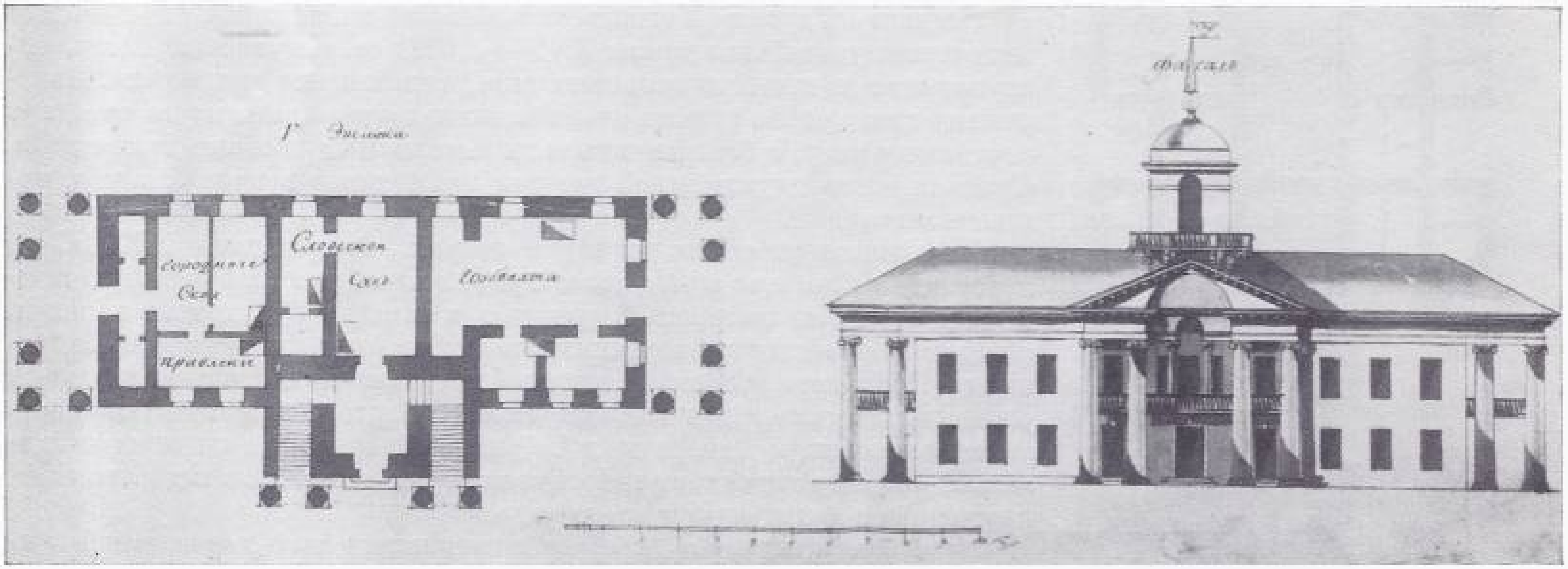
Каменная ратуша в Витебске, заменившая свой деревянный прототип, имеет долгую историю строительства. Последнее возобновление ее относится к 1775 г. До надстройки третьего этажа в начале XX в. ратуша состояла из двухэтажного корпуса, над средней частью которого возвышалась многоярусная башня. Корпус ратуши представлялся своеобразным пьедесталом башни, а собственно башня, как и в могилевской постройке, являла собой сочетание нескольких различных по высоте и декорации ярусов, в которых преобладали типичные для барокко вогнутые поверхности стен, слоистые пилястры, крепованные карнизы и сложные профили. Особенно вычурна была форма верхнего яруса, который трактовался как оформление городских часов и колокола — символа самостоятельности города.

Интересный архитектурный ансамбль *ратуши и торговых рядов,* созданный во второй половине XVIII в., сохранился в *Шклове* (Могилевская область). К двухэтажной ратуше с башней примыкают одноэтажные торговые ряды, которые образуют обширный прямоугольный двор. Торговые помещения ориентированы на улицу и в сторону внутреннего двора, что позволило сосредоточить много лавок на относительно небольшом участке. Главный элемент ратуши — восьмигранная башня, расположенная на высоком основании над крышей. Она имеет один ярус, расчлененный снаружи широкими пилястрами.

Внутренняя планировка ратуши очень проста. Помещения группируются по обеим сторонам короткого коридора, идущего над проездом первого этажа. В левом внутреннем углу помещена компактная лестница. Шкловская ратуша по своему построению похожа на рассмотренные ранее, и только ее декорация имеет характер, свойственный архитектуре классицизма.

Оригинальна по архитектуре *ратуша в Чечерске* (Гомельская область), заложенная в конце XVIII в. Расположение в середине площади определило ее строгую симметрию. Компактный объем с приподнятой центральной частью и квадратным планом завершается пятью башнями. Большая башня поставлена над серединой здания, четыре малые — по углам. Деревянные башенные завершения по своей декорации однохарактерны с каменной, основной частью ратуши. Поэтому можно предположить одновременность их строительства, хотя подобное сочетание дерева и камня в крупных общественных зданиях того времени не наблюдается.

Архитектура ратуши несколько необычна и отличается от распространенных художественных норм эпохи. Рядом с классическими деталями здесь уживаются стрельчатые арки и ниши, взятые из арсенала готического зодчества. Такое явление не было характерным для

белорусской архитектуры и представлено единичными примерами.

Ратуша в Минске относится к концу XVIII в. Она была сооружена минским губернским архитектором Ф. Крамером на месте старого здания магистрата на Верхней площади города. Ратуша представляет собой прямоугольное в плане здание, средняя часть которого, украшенная башней и шпилем, сильно выдается вперед. Выступающая часть, как и торцы здания, заканчивается портиками ионического ордера. Остальные фасадные стены имеют плоскостное и очень скромное решение, оттеняющее пластику четырехколонных портиков. Кроме комнат для магистрата и зала собраний, в ратуше были помещения для городничего, суда, гауптвахты и городского архива. Высотная композиция (символичная для резиденции городской администрации) была стабильной, хотя и не единственной в архитектуре ратуши.

На протяжении столетий, вплоть до конца XVIII в., традиции ратушного строительства лишь незначительно трансформируются. Основные изменения отмечаются во внешней декорации, где формы барокко, свойственные XVII — середине XVIII в., вытесняются классической архитектурой.

Крупный торговый город Белоруссии Гродно имел несколько сменивших друг друга ратуш. Об этом свидетельствуют сохранившиеся гравюры XVI и XVII вв. Последняя *гродненская ратуша* была заложена в комплексе с *торговыми рядами* в конце XVIII в. (закончена в 1807 г.)

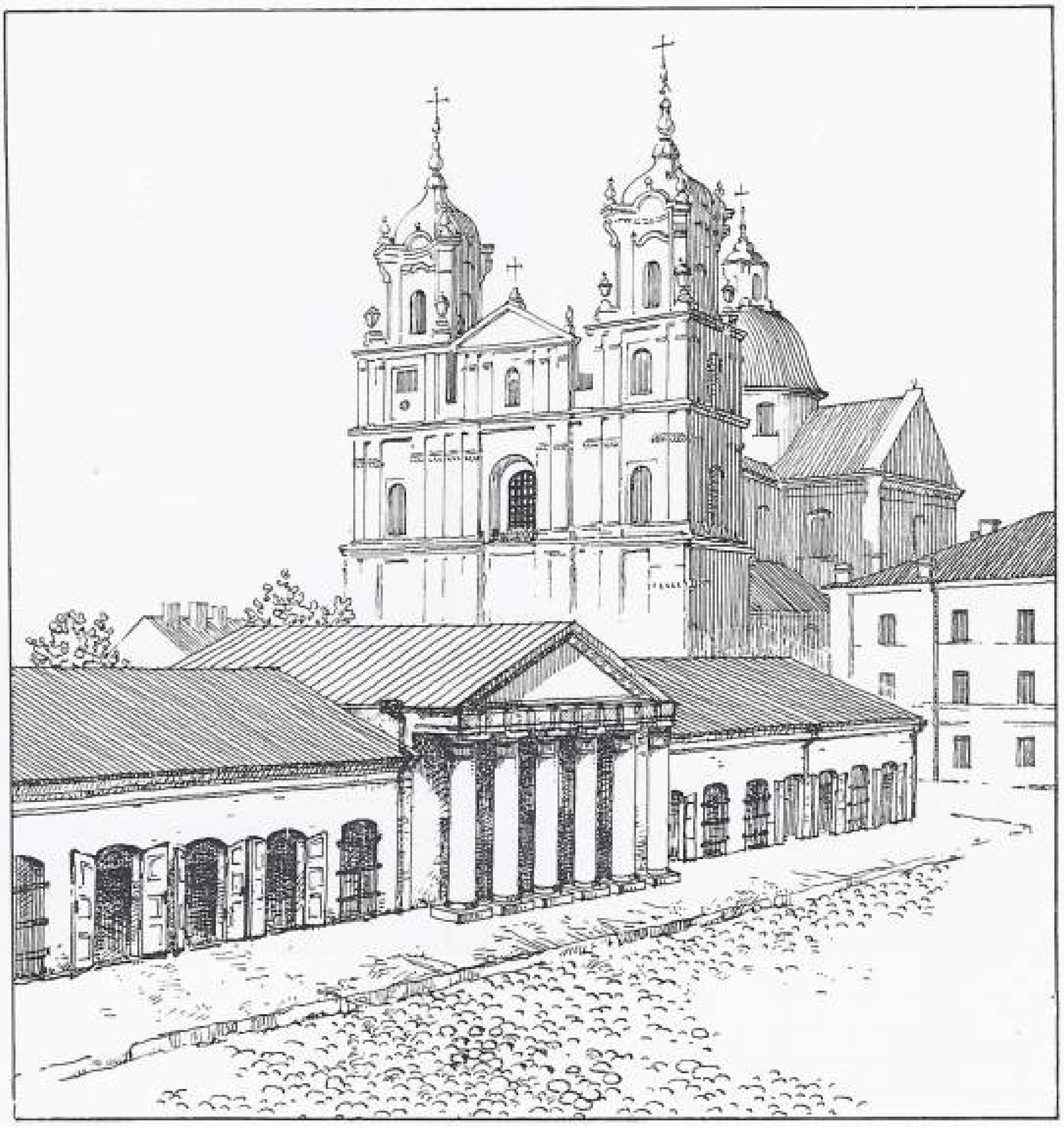
Ратуша и торговые ряды занимали островное положение на площади, представляя собой сочетание приземистых корпусов. Образовался замкнутый прямоугольник зданий с небольшим внутренним двором. По периметру располагались одноэтажные лавки. Ратуша состояла из двух небольших объемов, вкомпонованных в северный и южный корпуса рядов. Ее архитектура заметно отличалась от скромного убранства рядов.

По композиции и архитектуре гродненские торговые ряды близки подобным типам сооружений русского классицизма конца XVIII и начала XIX в. Только портики ратуши отличаются своеобразным решением дорического ордера: массивные основания под колоннами, редко расставленные каннелюры на колоннах и продолжение их на шейке капителей. Подобное отклонение от канонов классицизма и творческая переработка отдельных элементов ордера были довольно распространены в белорусском зодчестве.

Фасад и план ратуши в Минске (чертеж конца XVIII в.)

Фасад ратуши в Чечерске, конец XVIII в.

Ратуша с торговыми рядами в Гродно, конец XVIII в.

Торговые ряды в Пинске и Поставах — два противоположных архитектурных типа зданий. Первый, в Пинске,— в виде открытой композиции — представлял собой два одинаковых протяженных корпуса с многочисленными лавками на обе стороны; второй, в Поставах, имел замкнутую и компактную композицию с лавками на одну сторону.

Торговые ряды, или каменный рынок, в Поставах, так же как в Гродно, занимали островное положение на обширной площади. Они были построены в 60-х годах XVIII в. во время реконструкции Постав, проведенной по инициативе городского старосты и подскарбия Великого княжества Литовского А. Тизенгауза. Корпуса рядов образовывали каре (29×29 м) с мощеным двором внутри. Доступ к лавкам имелся только со двора, наружные стены были глухими. Большое количество лавок (26) и их скромные размеры (9 кв. м), очевидно, определялись характером продаваемого товара или его ассортиментом.

Наружные фасады рядов, подобно несвижским, членились на два яруса: верхний — в виде высокого аттика, прикрывающего односкатную крышу, и нижний — в виде глухой стены с контрфорсами, декорированной пилястрами, плоскими нишами фигурного очертания, богато профилированным и раскрепованным карнизом, скульптурными воротами с барочными фронтонами и пр. По характеру архитектуры ряды перекликаются с остальной застройкой площади, осуществленной примерно в те же годы по одной художественной схеме. Это

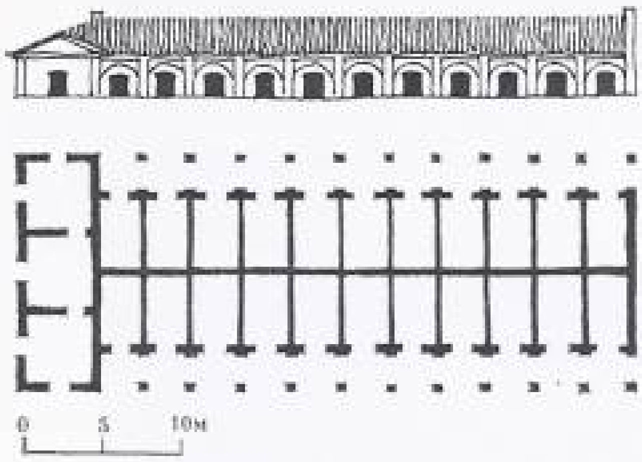

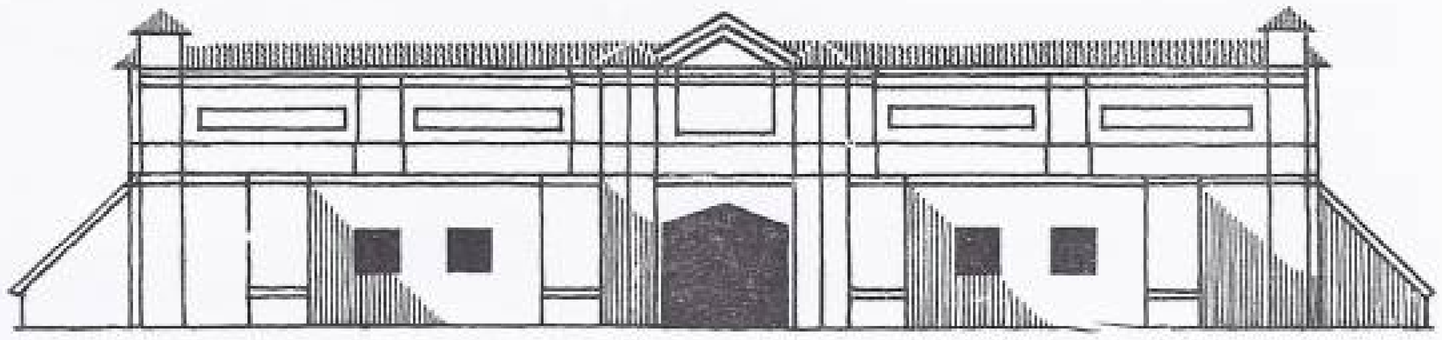
дает основание предположить, что строительство всего поставского ансамбля велось одним зодчим.

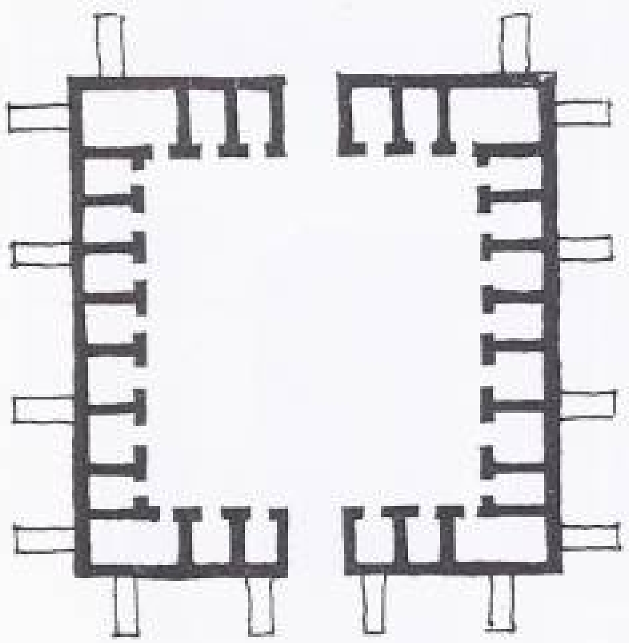
Интересными по своему характеру являлись корчмы — одно из непременных общественных строений как в белорусской деревне, так и в городе. Наибольшее распространение получили деревянные корчмы, но известны и каменные образцы, или аустерии, как обычно их называли.

Деревянные корчмы располагались в центре деревни или на въезде в нее (так называемые придорожные корчмы, служившие обычно приютом для путников). Они были подлинно общественными заведениями: в них проводились различные собрания жителей деревни, устраивались танцы, а иногда и свадьбы. Это были одноэтажные здания, крытые соломой или гонтом. В них сочетались общественные помещения и жилые комнаты, в том числе и жилье арендатора. Существенной частью каждой корчмы являлись также каретная и конюшня. Все эти разнохарактерные помещения удачно группировались в удобный для пользования комплекс. В отдельных случаях жилье арендатора или владельца корчмы размещалось на антресолях (д. Гнездово под Волковыском).

Приемы компоновки отдельных частей корчмы весьма разнообразны, но принципы их были родственны архитектуре сельского жилого дома, который имел однотипный с корчмой состав помещений (сени, комнаты, кухня, кладовые и др.). Можно проследить два типа взаиморасположения жилой части корчмы и каретной-конюшни. Первый — когда они ставились друг за другом на одной оси и покрывались общей крышей. В этом случае в торце постройки имелся проезд к конюшне, а по обе стороны его группировались жилые комнаты. Та-

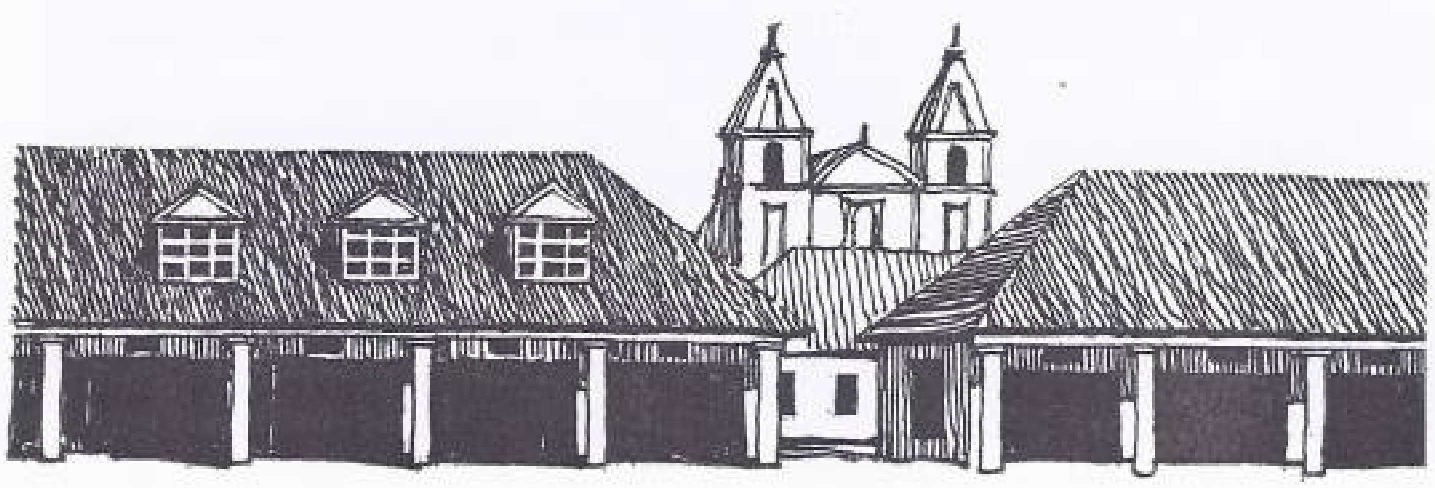

кие корчмы имели значительные размеры (Ошмяны, Чомбров, Гнездово). Во втором случае жилье, конюшни и другие подсобные помещения располагались одно за другим, образуя фронтальную композицию. Такая организация корчмы подобна сельскому жилому дому (д. Минщизна под Сморгонью). Если каретная и конюшни были больше жилой части, то зрительное равновесие создавалось навесом на столбах. Таким образом, компактность корчмы всегда сохранялась, а ее объем также находился под одной крышей. Навесы или галереи получили широкое распространение. Они встречаются в обоих типах корчмы, выделяя главный фасад строения.

Каменные корчмы отличались болшими площадями и дифференцированным по качеству жильем. Кроме того, размеры каретных и конюшен в них были больше, что позволяло одновременно содержать много заезжих экипажей и повозок. В большинстве случаев здесь, как и в деревенских корчмах, наблюдалось объединение всех частей в один комплекс. Однако практиковалось и выделение жилья в самостоятельное здание — гостиницу (Поставы), при этом каретная и конюшня оставались деревянными, типа сарая.

В Поставах корчма была построена в 60-е годы XVIII в. Ее первый этаж отводился под зал («шинковню») и кухню, а второй — под жилые покои. Архитектура корчмы была подчинена задаче создания целостного ансамбля площади, поэтому она не претендует на оригинальность и характеризуется элементами, общими с архитектурой соседних домов.

Связь с архитектурой соседних жилых зданий отмечается и в облике *корчмы «Роскошь»* (1765), построенной на главной улице района «городницы» *в Гродно.* Сооружал ее, как и жилые дома для рабочих и мастеров, архитектор Ю. Мезер. Интересна планировочная композиция корчмы с небольшим парадным двориком, раскрытым на улицу. Такой прием выделял здание из однотипных жилых домов и оправдывался в функциональном отношении. Симметричный план корчмы складывался из трех равновеликих частей: центральной, предназначенной для жилья, и двух боковых, выступающих вперед,— для конюшен. Жилая часть выделялась своей высотой (она была с мансардой) и пластичным решением фасада с живописным, криволинейно очерченным щипцом.

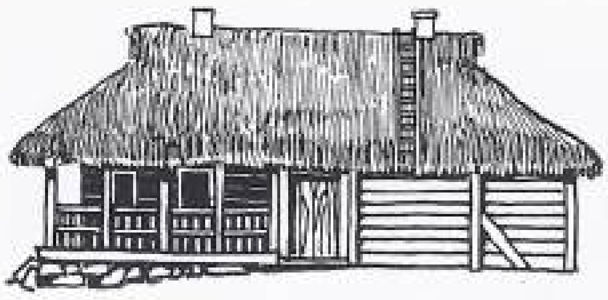
Торговые ряды в Пинске — общий вид (фото начала 50-х годов), фрагмент фасада и плана

План и фасад торговых рядов в Поставах

Торговые ряды в Клецке

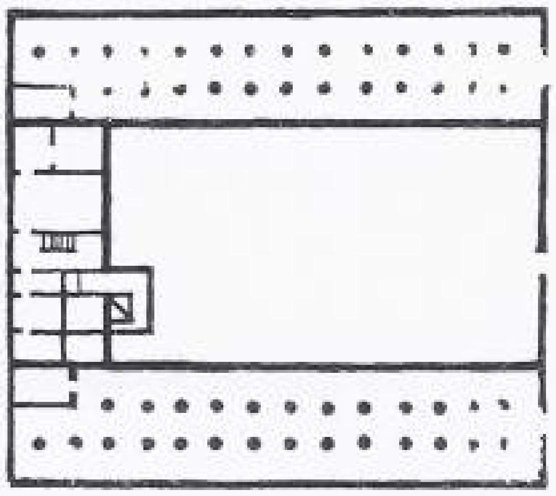

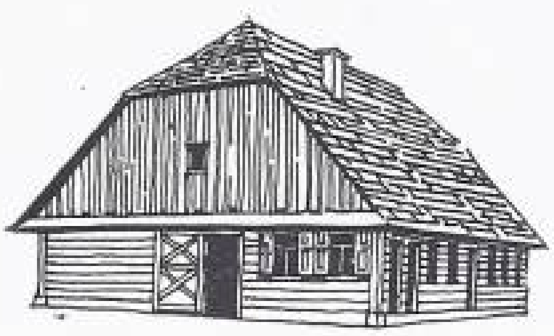
Другая *гродненская* каменная *корчма «Нёнза»* («Нищета») представляла собой более скромное двухэтажное здание с высокой мансардной крышей (1765). С дворового фасада к ней, как и в деревенских корчмах, примыкали конюшня и каретная, по конструкции и оформлению напоминавшие обычные большие сараи. План жилой части корчмы прост, выполнен по традиционной схеме, где нижний этаж включал в себя общий зал, кухню и подсобные помещения, а верхний отводился только под комнаты.

Еще более обширной была каменная *корчма в занеманской части Гродно*. К торцовым частям одноэтажного здания гостиницы примыкали два одинаковых корпуса для каретных и конюшен, образуя обширный внутренний двор, отгороженный от улицы оградой и пригодный для открытой стоянки подвод. Занеманская корчма имела простое декоративное убранство фасадов. Как и «Нёнза», она была построена во второй половине XVIII в.

Тип общественного здания, родственного корчме, свое дальнейшее развитие получил в станционных или почтовых домах с гостиницей конца XVIII и первой половины XIX в. Разумеется, новый тип здания выполнял самостоятельные функции, но его архитектурно-планировочное решение оставалось близким к большим корчмам.

Из других общественных зданий необходимо остановиться на школах и театрах, которых, к сожалению, до наших дней сохранилось мало. Время появления первых театров установить весьма трудно, ибо первоначально многие из них включались в дворцовый комплекс, составляя с ним неразрывное целое. В самостоятельные здания театры выделяются только со второй половины XVIII в. Появление школ нового, светского, типа относится к этому же времени и связано с промышленно-культурными преобразованиями. С конца XVIII в., после воссоединения Белоруссии с Россией, школьное строительство приобретает широкий размах.

По инициативе А. Тизенгауза на «городнице» в Гродно в 70—80-х годах XVIII в. открываются школы ветеринаров, землемеров, строителей, счетоводов, в которых преподавание велось светскими лицами, преимущественно специалистами-иностранцами. Известна и музыкальная школа, где обучались крепостные артисты. Ветеринарная школа в дальнейшем была реорганизована в медицинский институт. В этом здании одновременно размещался небольшой кадетский корпус. Кроме того, здесь же было задумано создать научный центр с музеем и библиотекой. Поэтому получило распространение и встречается во многих источниках второе название школы — «академия».

Торговые ряды и рыночная площадь в Новогрудке (фото 30-х годов)

Корчма в д. Минцизна под Сморгонью

Схема плана деревянной корчмы в занеманской части Гродно

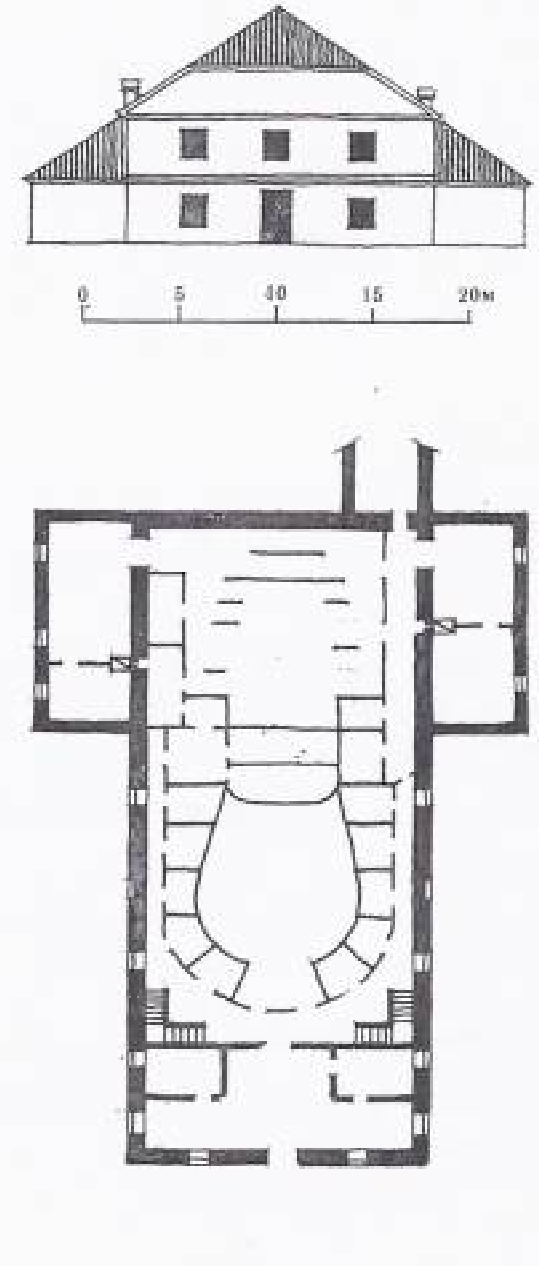
Корчма в Ошмянах

Корчма в д. Гнездово под Волковыском

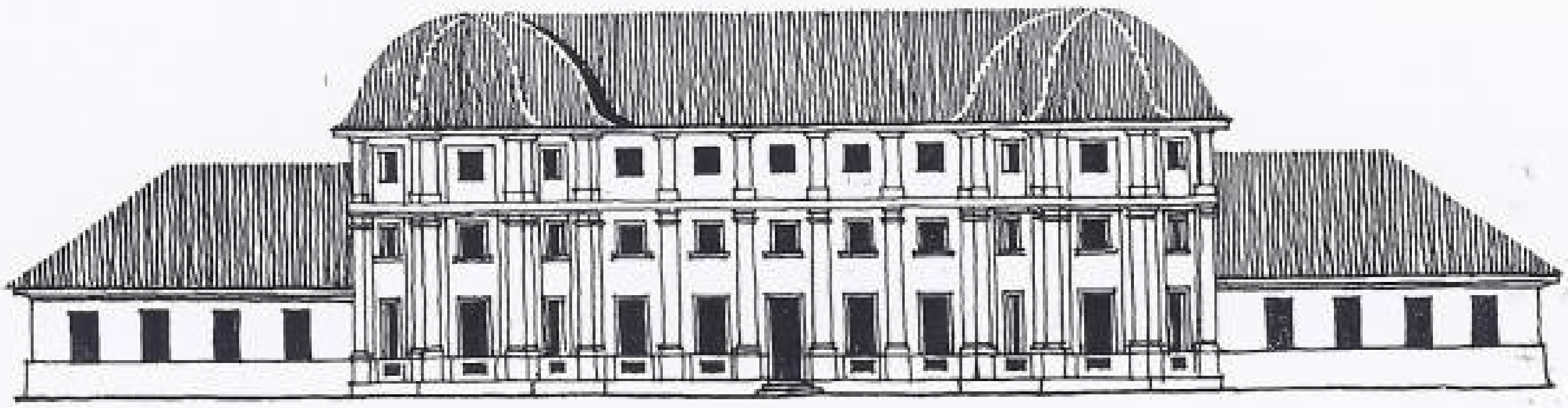

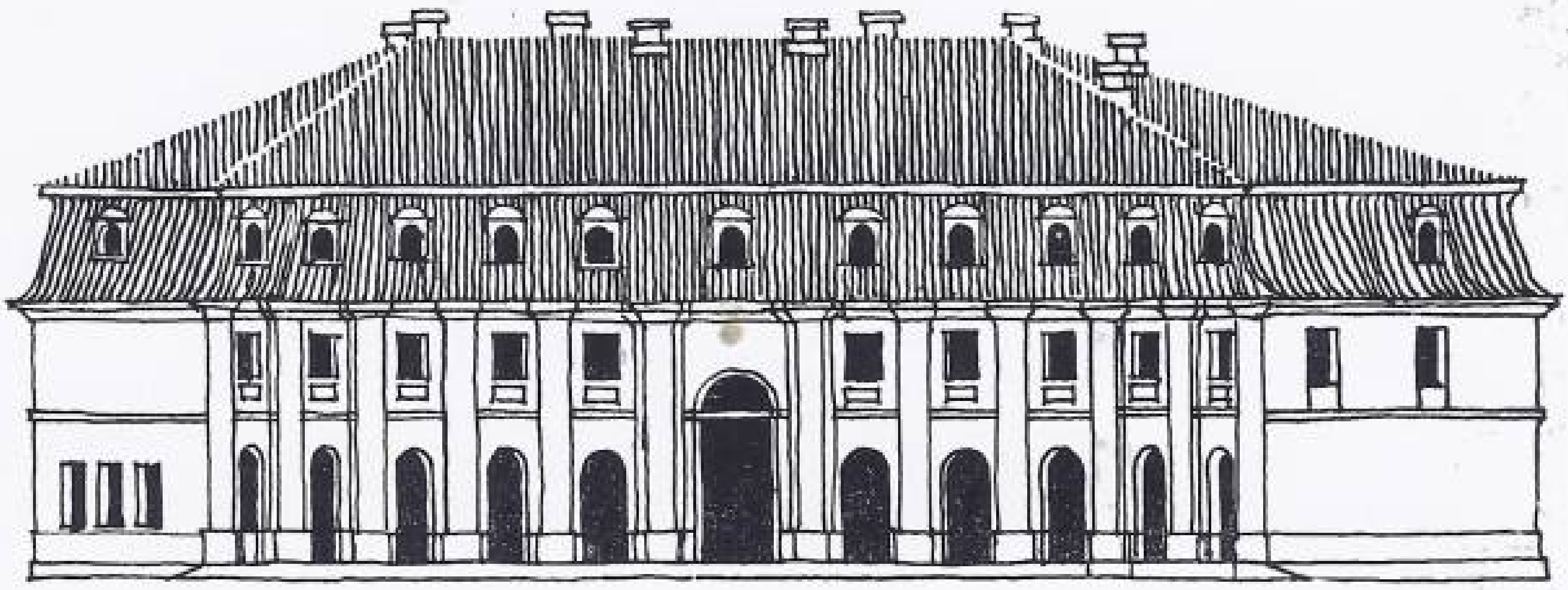
Комплекс учебного заведения располагался в ботаническом саду и был одной из лучших частей архитектурного ансамбля «городницы».

Здание *медицинской школы* было построено в 70-х годах XVIII в. как типичное учебное заведение. По сторонам протяженного коридора располагались классы, кабинеты, комнаты преподавателей и подсобные помещения. Две большие шестиугольные аудитории выступают вперед, образуя по фасаду граненые башни. Завершение башен куполообразными крышами и перепад высот средней и боковых частей здания придают живописное очертание постройке. Необходимо отметить, что подобная композиция знакома по дворцовым постройкам и большим помещичьим усадьбам с башнеобразными выступами, традиции которых относятся еще к крепостным сооружениям. В архитектуре здания преобладают черты барокко, проявляющиеся в довольно сложном объемно-пространственном построении, живописном силуэте, формах и пр. Вместе с тем исполнение отдельных фрагментов очень лаконично, под стать архитектуре всех построек на «городнице».

Здание гродненской *музыкальной школы*, или «музыкального флигеля», относящееся к 70—80-м годам XVIII в., кроме учебных целей, было предназначено для открытых концертов. В первом и втором этажах школы размещались небольшие залы и классы для занятий; общежитие для учащихся и жилье преподавателей были вынесены в мансарду. Изогнутая форма плана здания (из-за которой его часто называли «кривая офицына»), по всей вероятности, была продиктована построением архитектурного ансамбля площади на «городнице». Однако вследствие отхода от первоначального замысла ансамбль не получил законченного выражения, и «кривая офицына» не была композиционно поддержана соседними постройками. Архитектура здания

была сложной: арки, пилястры, межэтажные пояса, фигурная крыша с изломом усиливали пластическую выразительность фасада. Весь облик этого здания, начиная от абриса плана, характерен для архитектуры барокко с ее напряженными скульптурными формами.

ДВОРЦОВАЯ АРХИТЕКТУРА

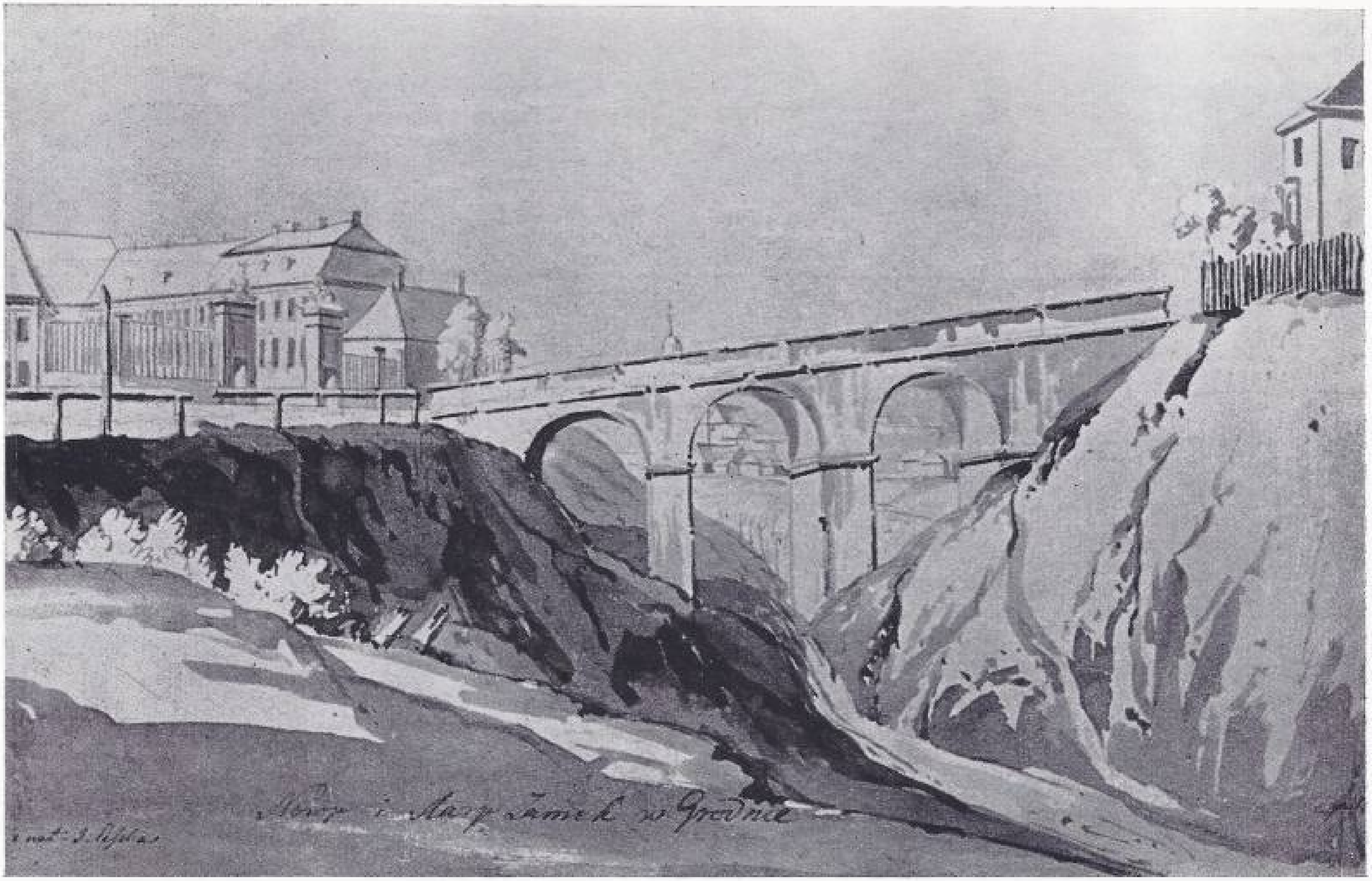
В XVIII в. в Белоруссии формируется новый тип дворцового здания в виде открытой композиции, увязанной с окружающей природой. Обычно дворец располагался между парадным двором и большим садом-парком. Парадный двор образовывался посредством симметрично поставленных флигелей, которые вмещали в себя помещения администрации, квартиры службы, кухни, каретные и др. По оси дворца, замыкая парадный двор, ставились въездные ворота (Ружаны, Щорсы). Часто такие ворота представляли собой самостоятельное произведение, украшенное великолепным скульптурным рельефом (Ружаны). Главная ось архитектурной композиции всего дворцового комплекса получала свое продолжение в дороге, ведущей от ворот и обсаженной деревьями, а со стороны парка — в широкой аллее с далекой перспективой. В паркостроении XVIII в. преобладали сады и парки пейзажного типа, их регулярная часть наблюдается лишь в непосредственной близости от дворца. Включение водоемов в парковый ансамбль носило произвольный характер, исходящий из общего пейзажного решения парка (Святск, Щорсы, Щучин).

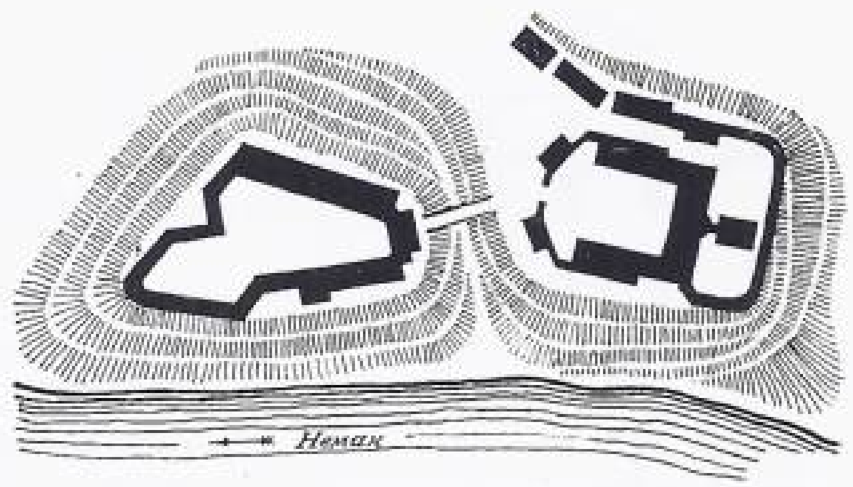
Создавая пышные магнатские резиденции с парадными дворами

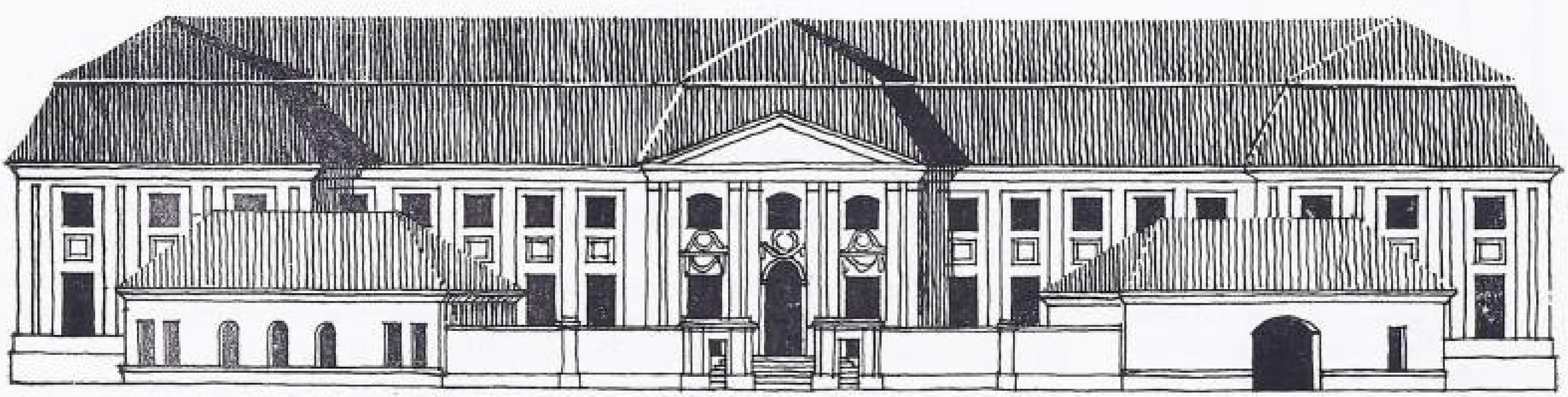
Фасады и планы корчмы «Роскошь» и «Нёнза» в Гродно

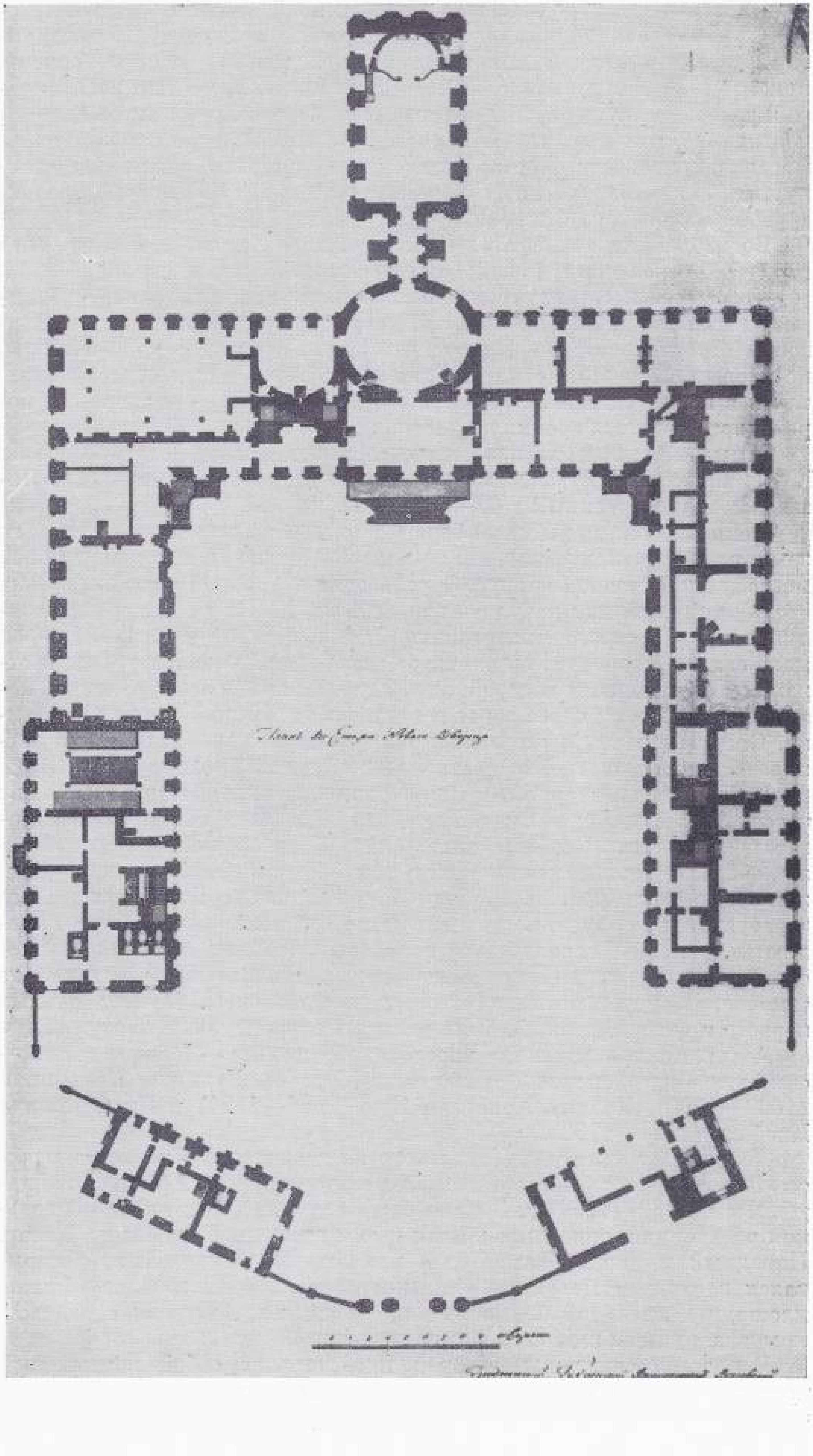
Театр на «городнице» в Гродно, вторая половина XVIII в.

Фасады медицинской («академия») и музыкальной («кривая офицына») школ на «городнице» в Гродно, вторая половина XVIII в.

Nowy i Stary Zamek w Grodnie

Неман

Новый замок в Гродно, вторая половина XVIII в.— общий вид (акварель И. Пешки), генплан, главный фасад, план первого этажа (чертеж начала XIX в.)

и анфиладой залов, зодчие того времени использовали богатый арсенал художественно-композиционных средств архитектуры позднего барокко или рококо. В декорации фасадов широко распространены приемы сложной группировки колонн и пилястр, частые раскреповки и разорванные фронтоны, лепные украшения. Ордерные формы используются как средство максимального пластического обогащения фасадной плоскости стены. Утонченность рисунка, увлечение изогнутыми линиями становится характерной чертой дворцовой архитектуры середины XVIII в.

Во второй половине XVIII в., в условиях кризиса феодального строя и становления новых общественных форм, в период борьбы «старого с новым», в архитектуре отмечается новое явление — развитие классицизма. Первые образцы классической архитектуры в дворцовом строительстве на белорусской земле относятся к 80-м годам, но первые шаги этого стиля можно обнаружить как в перестройках, так и в новых зданиях предыдущего десятилетия — памятниках переходного типа от барокко к классицизму.

Самым крупным из известных светских сооружений середины XVIII в. является *королевский дворец в Гродно*, так называемый Новый замок, построенный в 40—50-е годы.

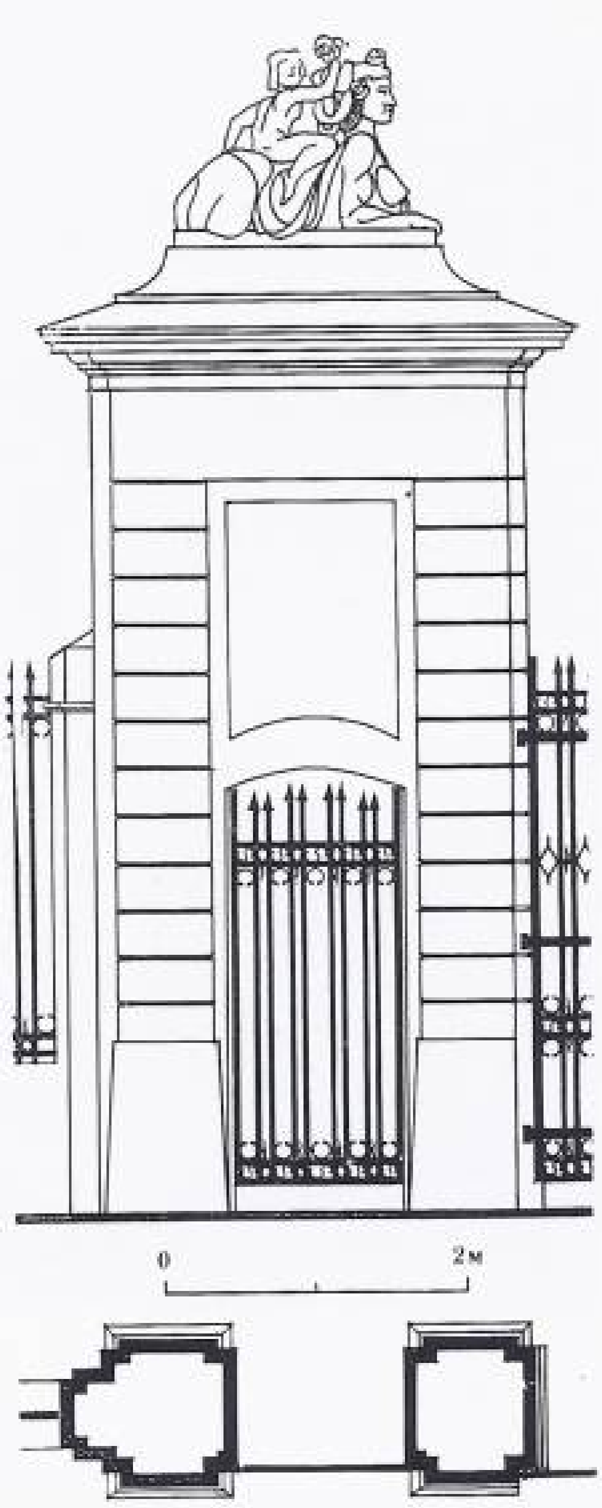
Располагаясь на высоком берегу Немана, по соседству со Старым замком, дворец получил в плане подобие буквы П, где центральное место занял основной корпус. Образовался обширный парадный двор, столь типичный для дворцовых ансамблей XVIII в., а вся композиция получила строго симметричное и законченное решение. Дворец мало связан с городом: он скрыт за поворотом Замковой улицы и огражден служебными постройками. Его главный вход обращен к мосту, перекинутому через овраг и ведущему в Старый замок. Оба замка, Старый и Новый, связаны в один архитектурный комплекс, господствующий в застройке правобережной части Гродно.

В планировке дворца заметно стремление выделить главные залы и создать анфиладу комнат. Интерьер отличался пышностью и богатством отделки. Особенно выделялись Сенаторский и Круглый залы, обильно украшенные лепкой и резьбой с салонной красивостью и легкостью стиля рококо. Наружный облик дворца много проще. Его двухэтажные корпуса, поставленные на высокий цоколь, были перекрыты крышей с характерным изломом. Фасадные стены членились одинарными и сдвоенными лопатками, а центральная часть дворца отмечалась спаренными пилястрами и фронтоном. Между окнами первого и второго этажей, были введены скульптурные картуши.

Авторами гродненского королевского дворца — Нового замка — считаются дрезденские архитекторы Матеуш Даниель Пёпельман (1662—1732), Иоахим Христиан Яух (1684—1754) и Ян Фредерик Кнобель (1724—1792).

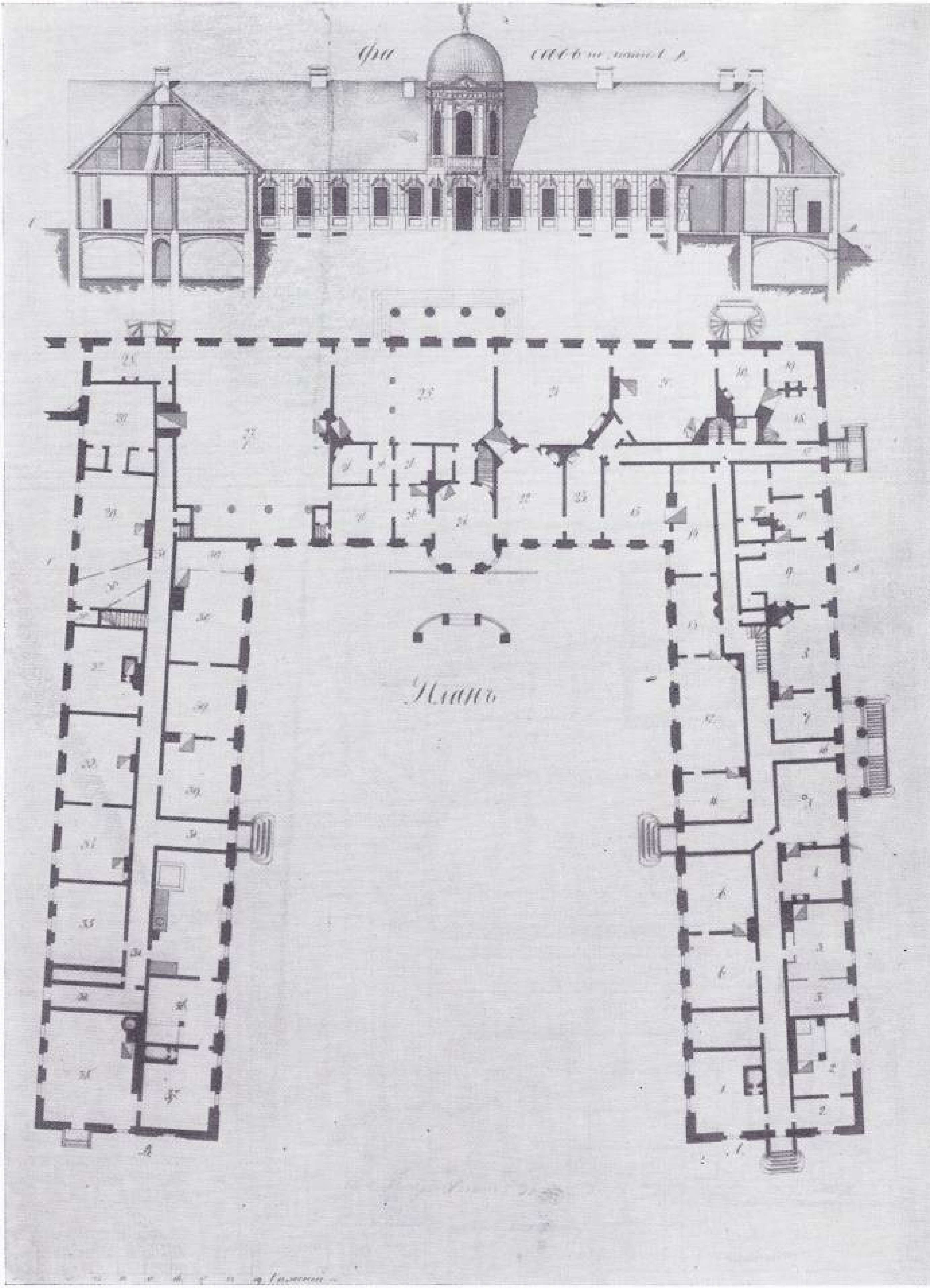
Дворец для архиерея Конисского на территории Спасского монастыря в Могилеве был построен архитектором Яном Кристофом Глаубицем в 1762—1763 гг. Здание было задумано как представительная резиденция, ориентированная своим главным фасадом на Днепр. Парадный дворик, обрамленный монастырскими кельями, раскрывался в сторону Ветряной улицы, трасса которой шла от главной площади к въездной браме того же названия. Ажурная ограда открывала с улицы широкий вид на дворец.

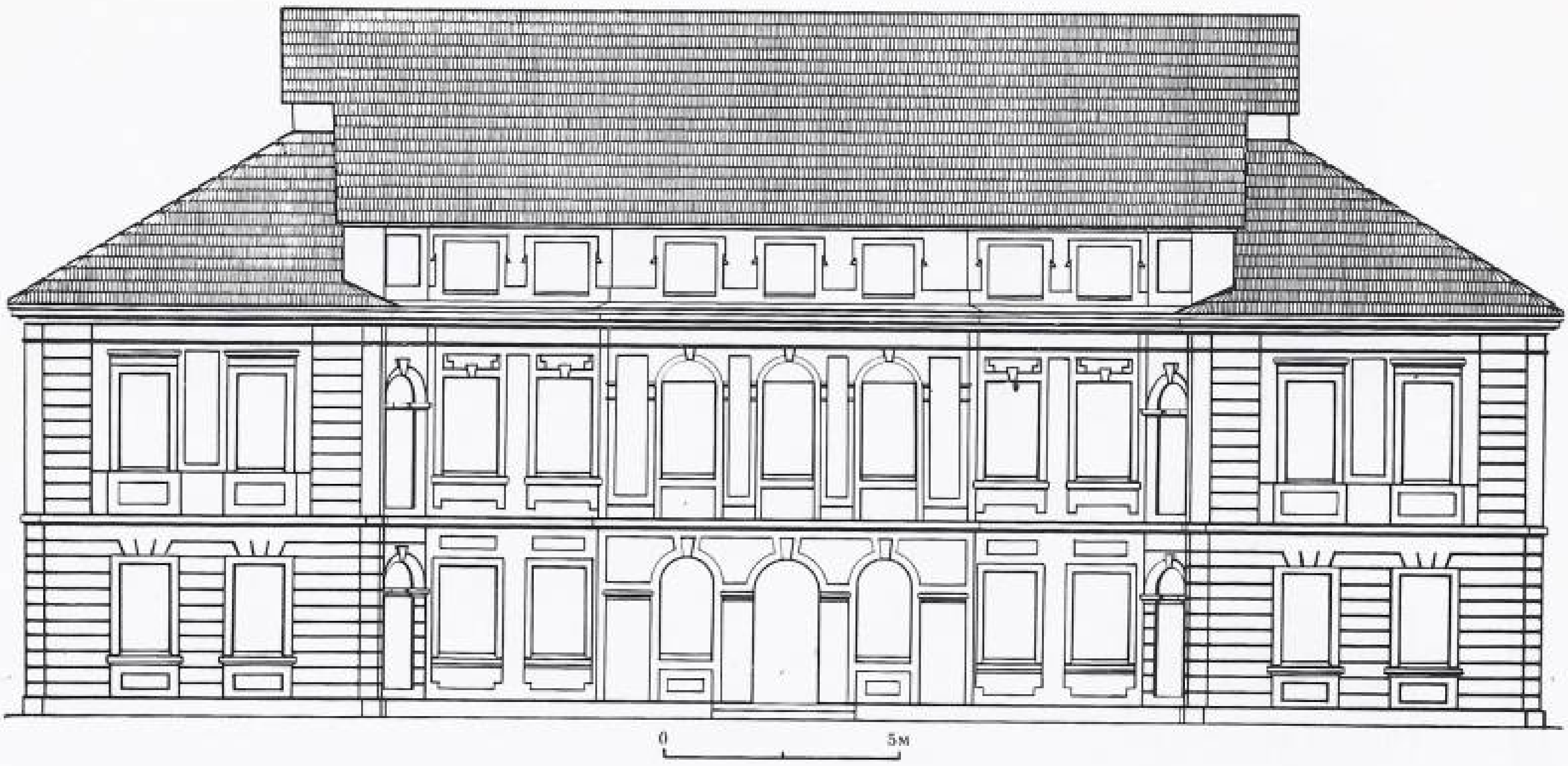
В плане трехэтажный дворец представляет собой компактный прямоугольник с симметричными ризалитами в торцах. Среднюю часть заняли парадный вестибюль и трехмаршевая лестница. На первом и третьем, аттиковом, этажах были размещены приемные, различные служебные и хозяйственные помещения; на втором — покои, кабинеты и библиотека архиерея. Наружный вид дворца характе-

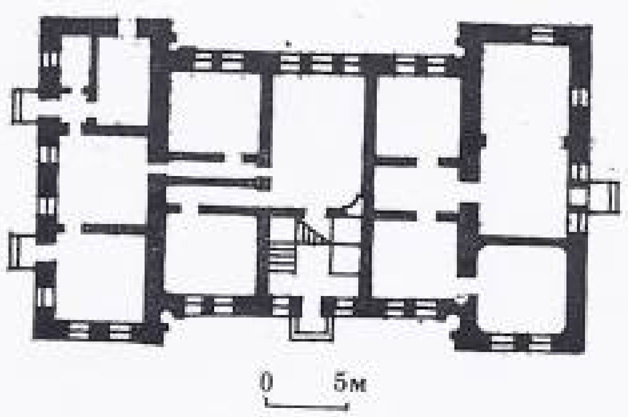

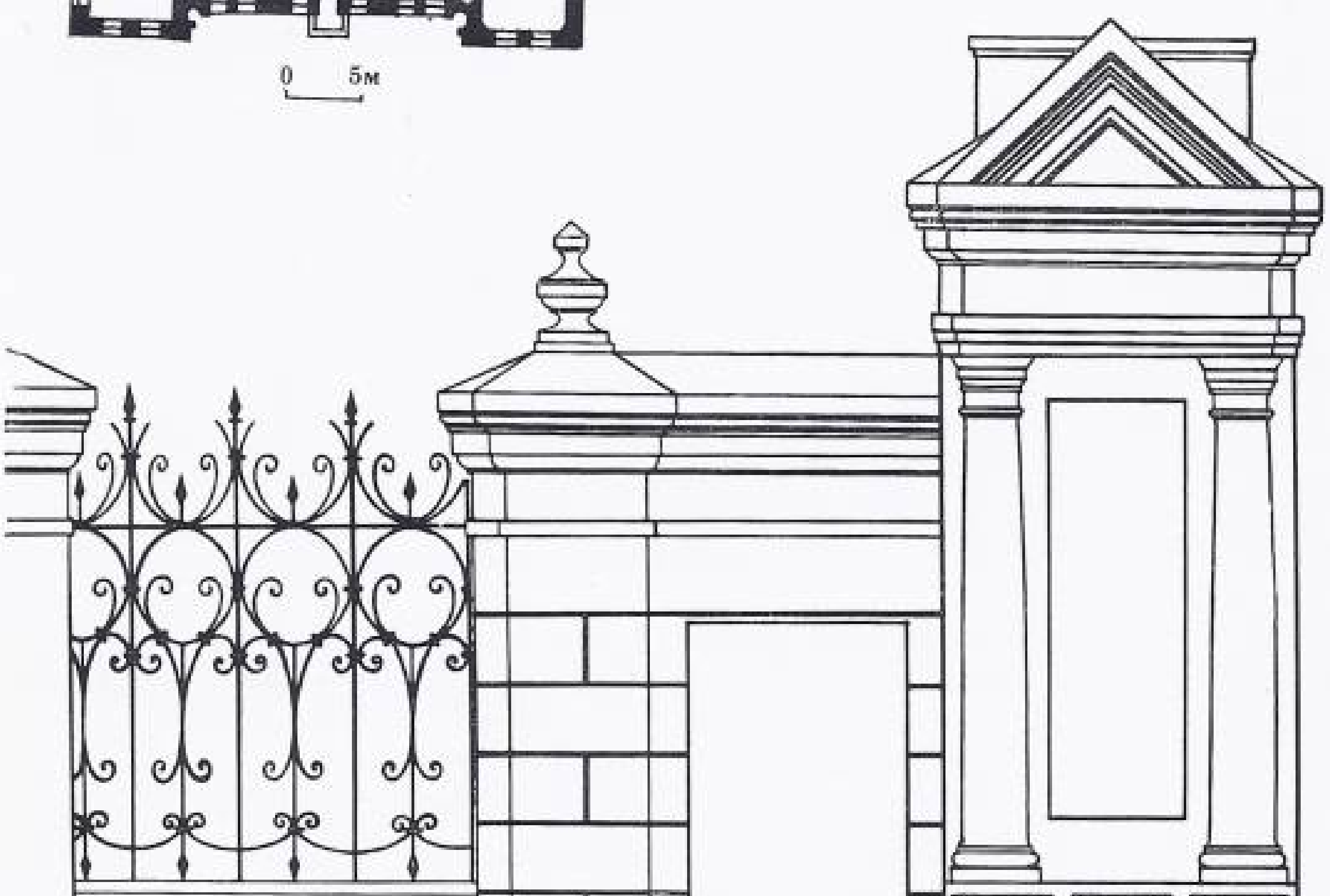
Фрагмент парадных ворот Нового замка в Гродно

Дворец А. Тизенгауза в Гродно, вторая половина XVIII в. (чертеж начала XIX в.)

Планъ

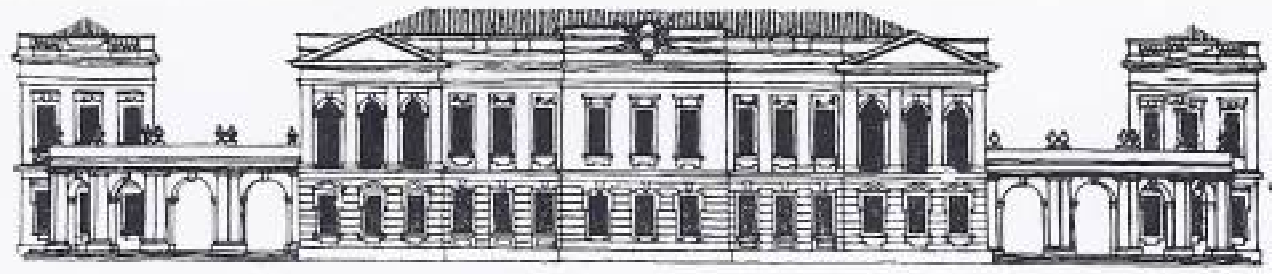

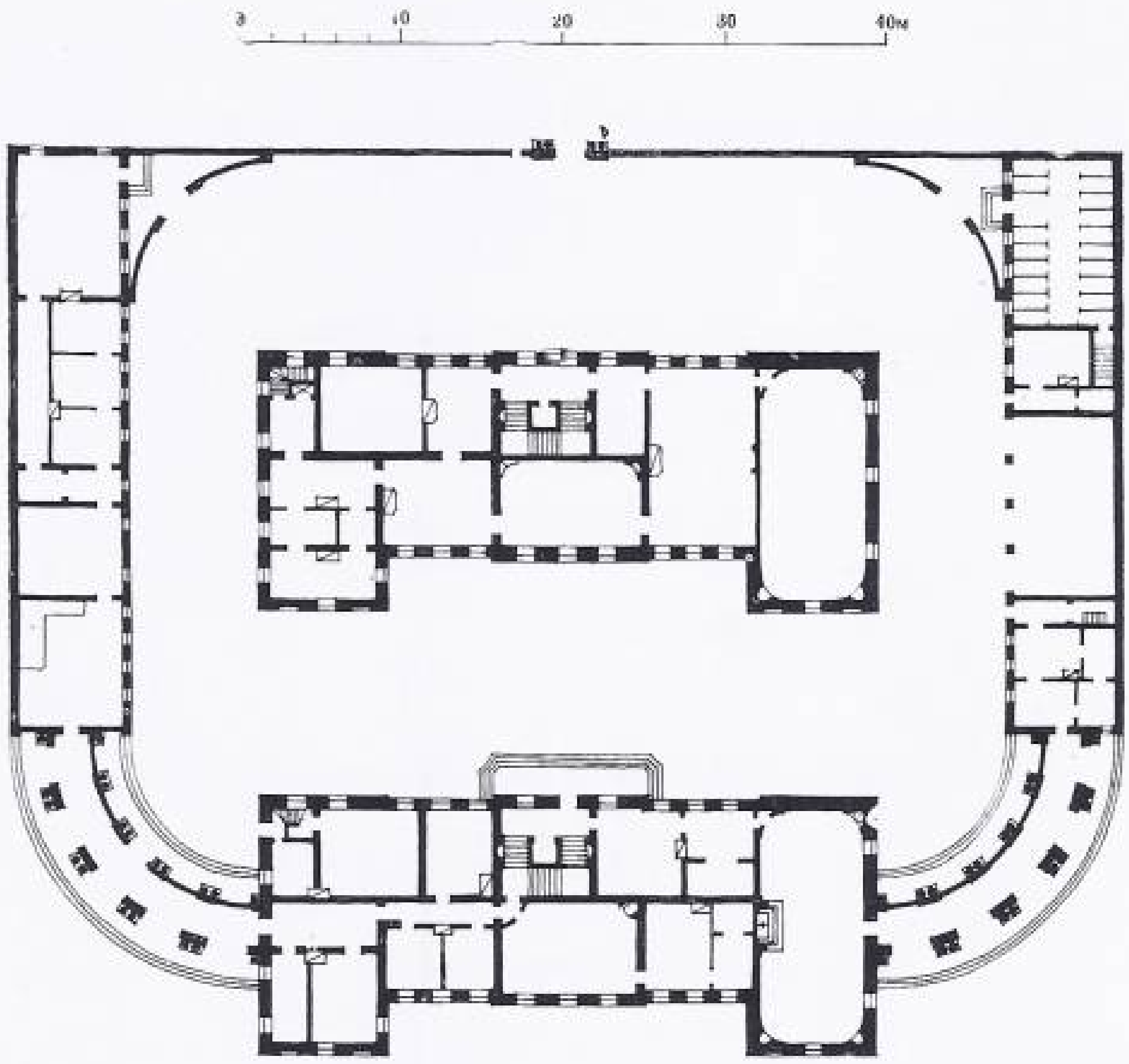

Фасад, план и фрагмент ограды дворца архиерея Конисского в Могилеве, вторая половина XVIII в.

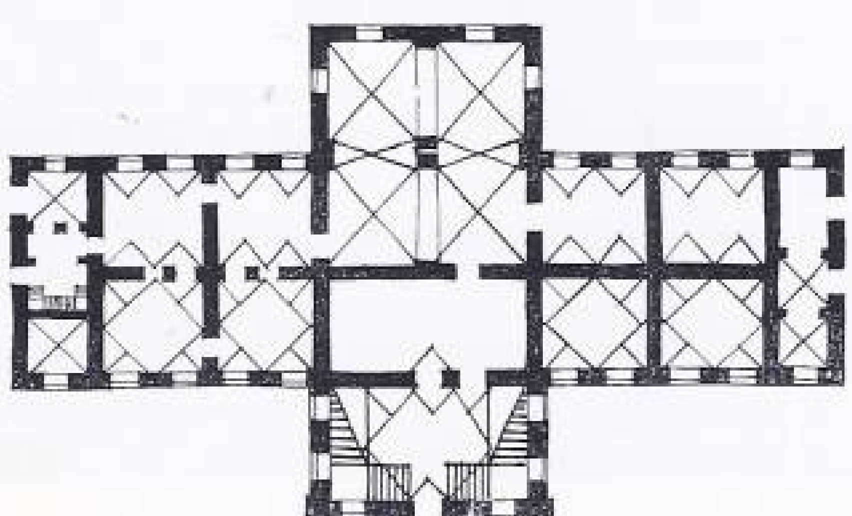
Фасад и планы дворца архиепископа в Могилеве, XVIII в.

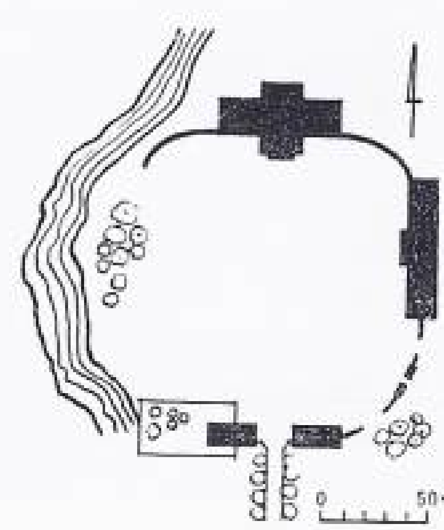
Дворцовый комплекс в Ружанах — план главного корпуса, генплан

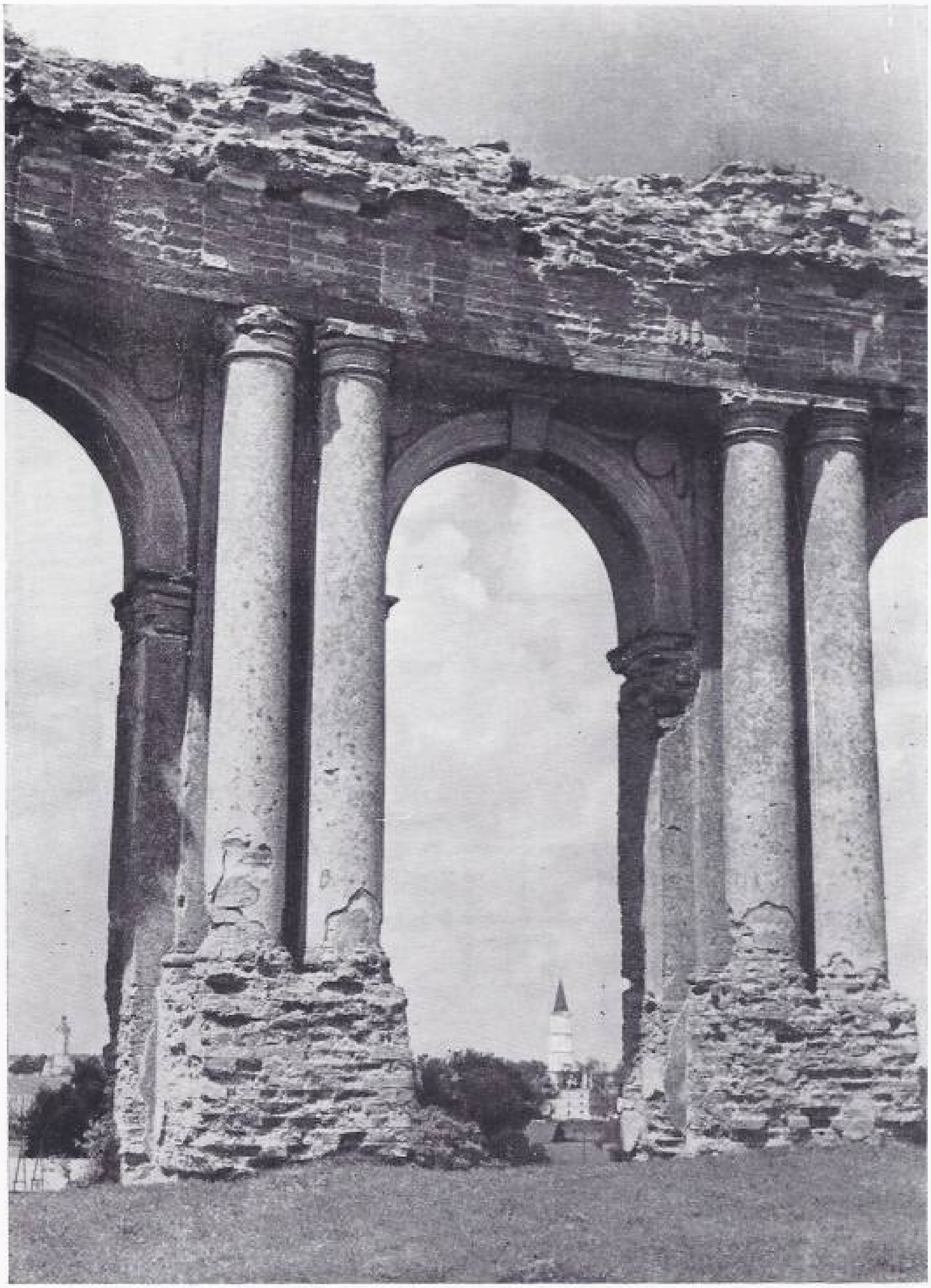

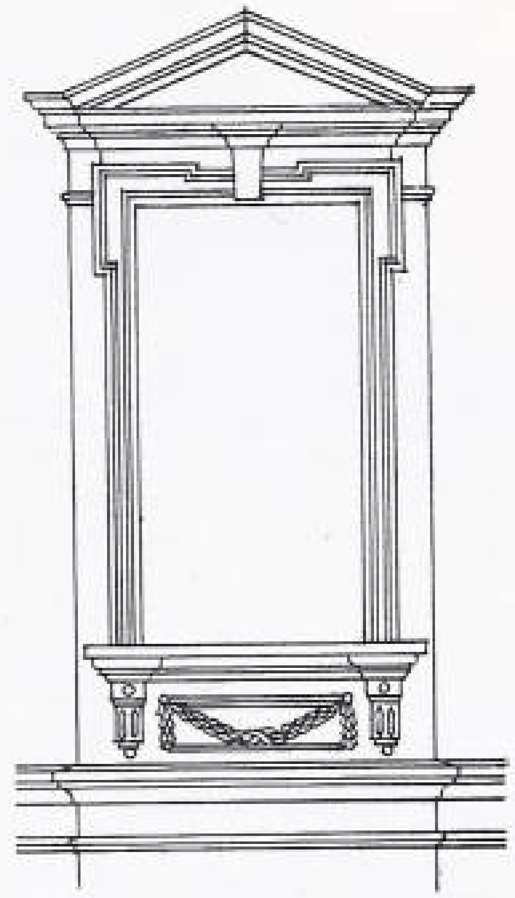
0
10
20
30
40м

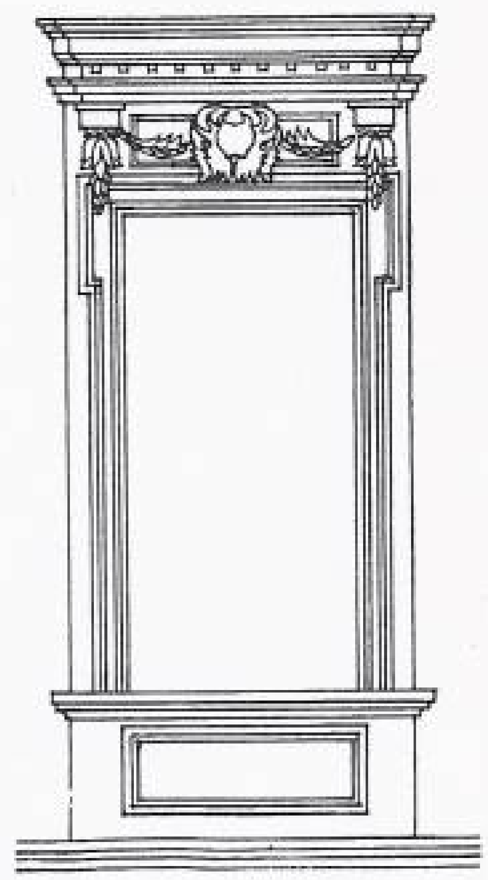

0
50м

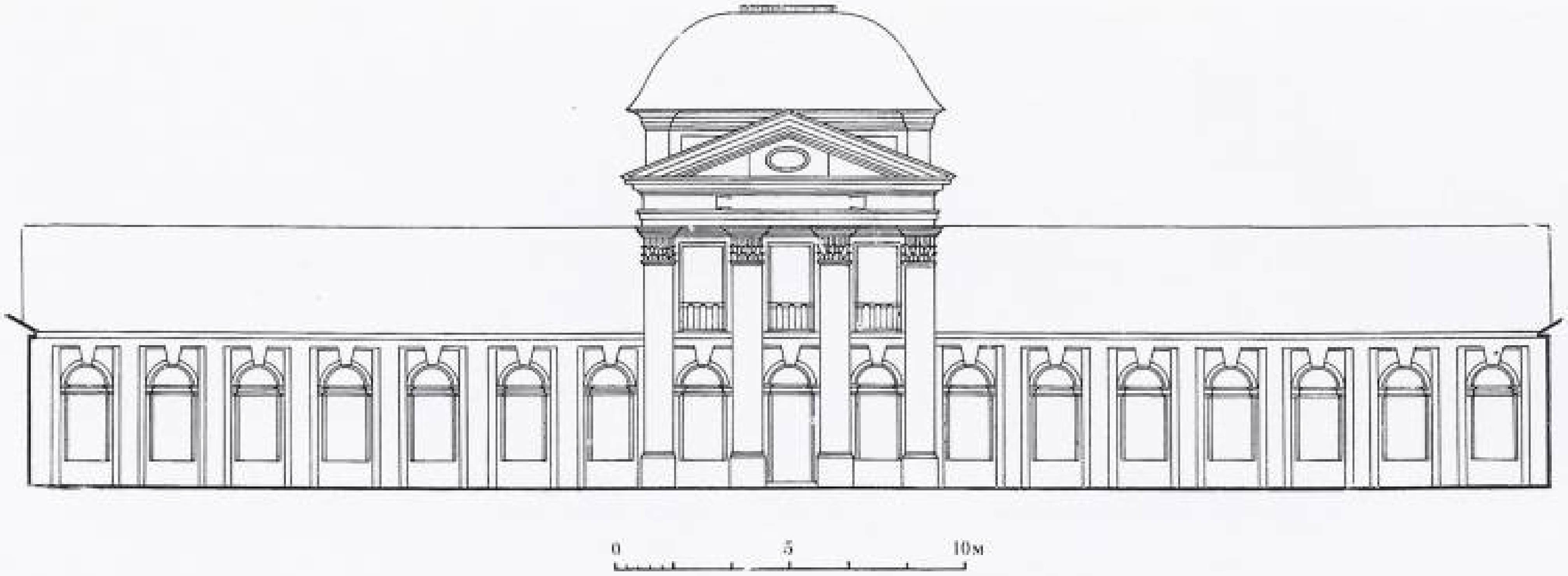

ризуется монументальностью. В архитектуре прослеживаются черты барокко и классицизма. В комплексе с культовыми зданиями и ратушей дворец Конисского формировал силуэт городского центра со стороны Заднепровья и Старобыховской дороги.

Показательной для богатого городского дворцового ансамбля нового типа является *резиденция белорусского архиепископа в Могилеве* XVIII в. Дворец был задуман в виде трех отдельно стоящих двухэтажных корпусов, объединенных полукруглыми галереями-аркадами и оградами в один комплекс, с обширным парадным двором. Проект дворца был четким и ясным, с характерной простотой и прямолинейностью планов всех корпусов. Интересный по художественному замыслу, он не был полностью осуществлен в натуре; был построен только главный корпус (собственно дворец), расположенный в глубине участка.

Фрагмент аркады, обрамление окон и парадные ворота дворцового комплекса в Ружанах, вторая половина XVIII в.

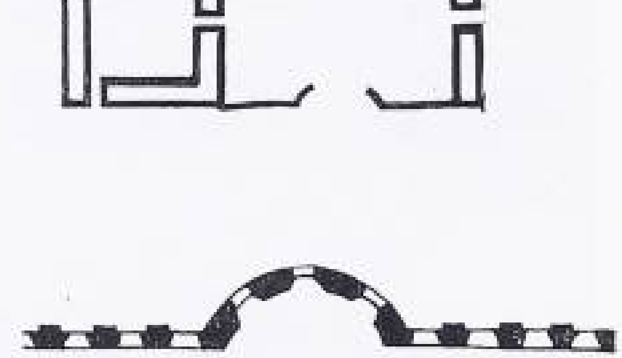

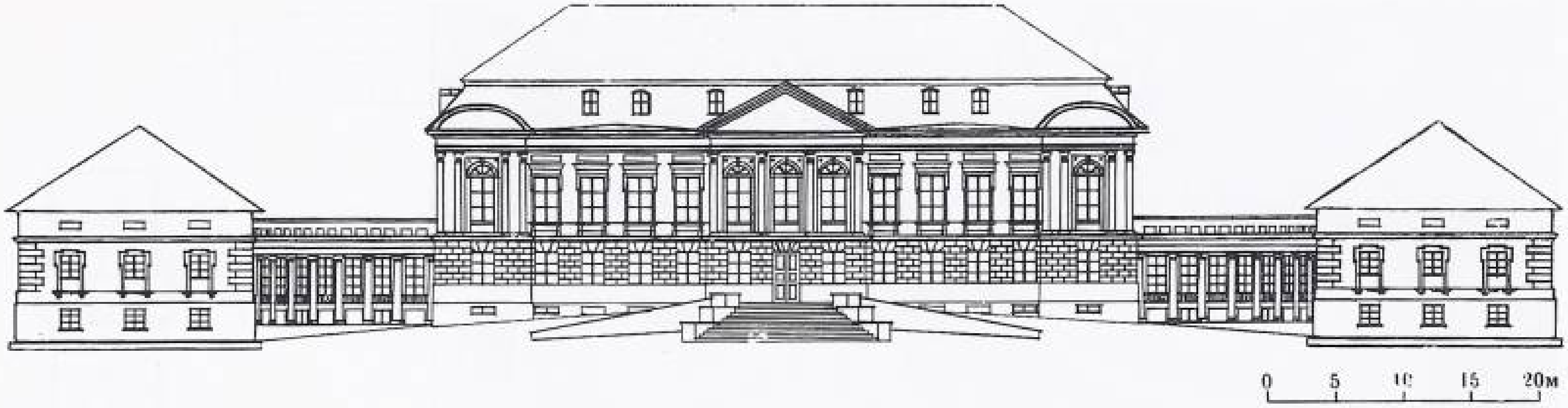
Дворец А. Тизенгауза в Гродно (позже губернаторский дом) был построен в 60—70-х годах XVIII в. при участии архитекторов Юзефа Мезера и Джузеппе Сакко, а также художников Петра Гежидовича, Лукаша Хибля, Антония Грушецкого и Фоллвиля. Здание дворца выполнено в стиле барокко, но некоторые элементы и приемы отделки заимствованы из рококо (обработка фасадов рустом, убранство интерьера, зала). Поставленный как главное здание на вновь спроектированной площади на «городнице», дворец определил ее центральную роль в развившемся здесь позднее архитектурном ансамбле. Трапециевидная конфигурация плана дворца образовывала парадный двор, широко раскрытый к площади. За дворцом расположился обширный парк. Таким образом, принятая планировочная композиция ансамбля также отвечала традициям, имевшим хождение в XVIII в.

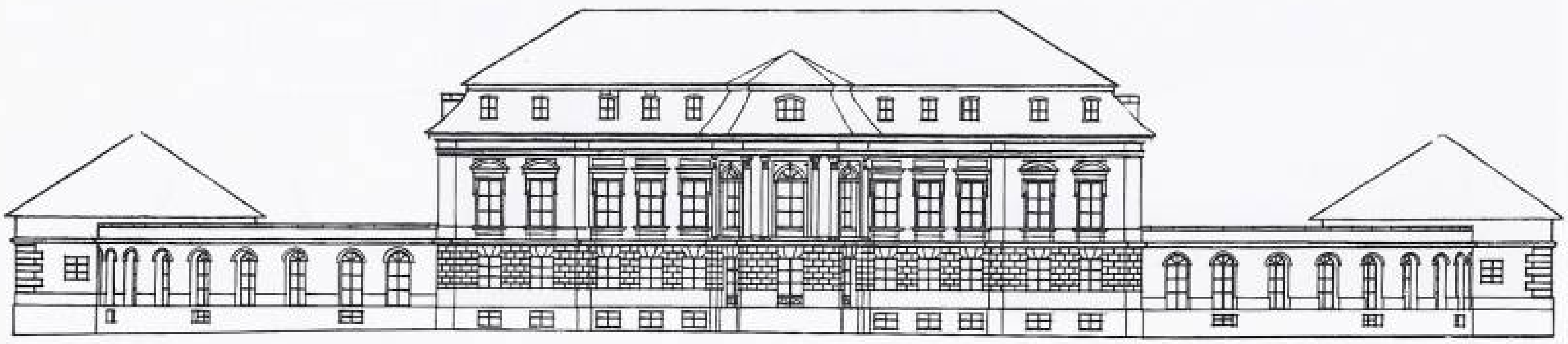
Одноэтажное и весьма растянутое здание в центральной части имело анфиладную систему плана, а в боковых крыльях — коридорную. Планировка дворца не отличается четкостью и композиционным совершенством. Можно предполагать, что во дворце с самого начала основное внимание было уделено наружной композиции, а план привязывался к ней. Это объясняется головным положением дворца в ансамбле «городницы». Главный фасад был расчленен спаренными рустованными лопатками, хорошо читаемыми на зеленом фоне стены. Ритмически повторяющиеся лопатки и большие окна с простым обрамлением были рассчитаны на обозрение с дальних точек — с площади, откуда протяженная масса дворца с высокой черепичной крышей выглядела особенно парадной.

Кроме крупных магнатских дворцов, в это же время строятся небольшие дворцово-усадебные здания, в архитектурной композиции которых продолжают развиваться элементы больших репрезентативных дворцов с осевыми решениями и садами. Такие формы, отражающие последнюю ступень уходящего стиля барокко, известны в *Станиславе* и *Гануте*. Первое из этих зданий располагалось в предместье Гродно, а второе — в небольшой деревне над р. Вилией, недалеко от Сморгони. Оба дворца построены в 60—70-е годы XVIII в. Несмотря на свои скромные размеры, они заметно отличаются от усадебных домов: великолепная отделка интерьера и изящная прорисовка деталей наружной архитектуры, размах планировочной организации ансамблей, которые повторяют принципы, реализованные в крупных магнатских дворцах,— характерные черты этих построек. Мест-

ные традиции дворцово-замкового строительства предшествующего времени нашли свое воплощение в угловых частях дворца в Гануте, которые решены подобно «алькежам» XVII в. Таким образом, старый прием композиционного решения ужился с приемами и формами, типичными для позднего барокко и рококо. Автором дворца в Станиславе является Д. Сакко, а в Гануте — А. Гену и, возможно, Руссель.

Крупным и очень интересным в художественном отношении является *дворцовый ансамбль в Ружанах* (Брестская область). Его строительство велось многие годы. Заложенный в эпоху господства барокко в архитектуре дворец был значительно изменен в период становления классицизма. Это переустройство относится к 1788 г. и связано с именем Яна Самуэля Беккера, придворного архитектора магната Сапеги.

Дворцовый ансамбль, прекрасно вкомпонованный в живописный пейзаж окрестностей Ружан, расположился на высоком холме над городом. Он состоял из главного и двух вспомогательных корпусов, мощной аркады и монументальных въездных ворот между флигелями.

Планировочное построение ансамбля имеет симметричный характер. В замкнутом пространстве обширного парадного двора основное место отведено под центральный корпус. Он представляет собой сочетание двух объемов разной величины, в большем из которых сосредоточены зал, вестибюль и парадная лестница. Расположение главных и более высоких помещений в бельэтаже обусловило основное деление фасада на цоколь, парадный этаж и верхний полуэтаж, объединенные общим ордером. Нарастающая к центру декорация фасада подчеркивает главенствующее значение его средней части, а применение спаренных колонн и раскрепованного антаблемента еще более увеличивает ее пластику.

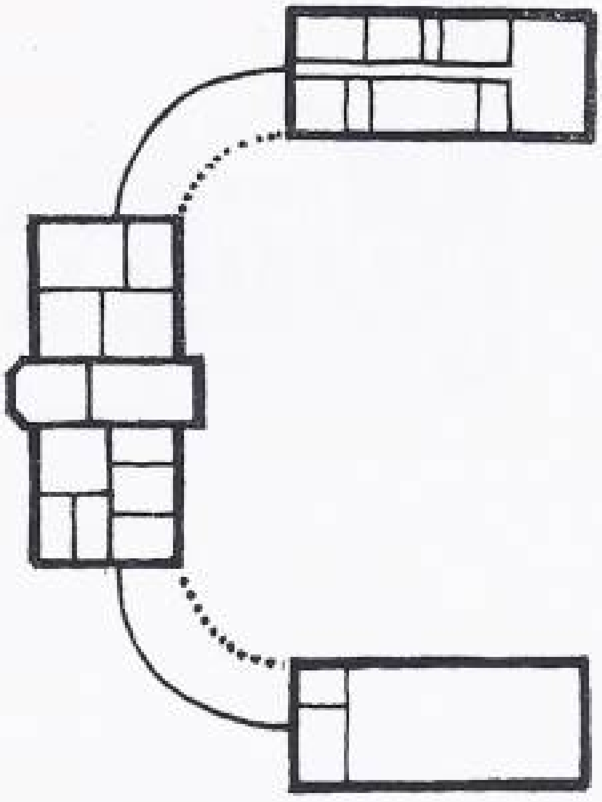
Внушительно разработаны главные въездные ворота, представляющие настоящую триумфальную арку. Они имеют один центральный проезд арочного очертания и два боковых прохода с плоским

Дворцовый комплекс в Щорсах, вторая половина XVIII в.— фасад, генплан, фрагмент плана

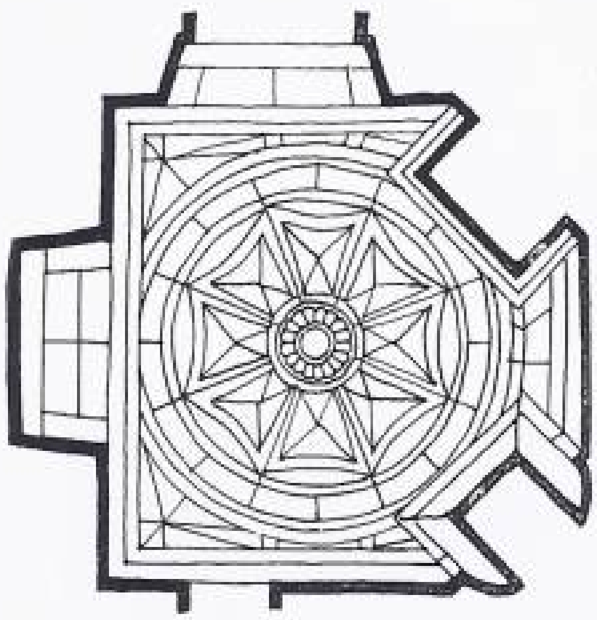
Дворец в Святске, вторая половина XVIII в.— главный и парковый фасады

покрытием. Нижняя часть ворот рустована, а верхняя украшена картушем и гирляндами, вырезанными из мореного дуба. Дерево использовано и при строительстве ажурной аркады, объединяющей основной объем дворца с другими корпусами.

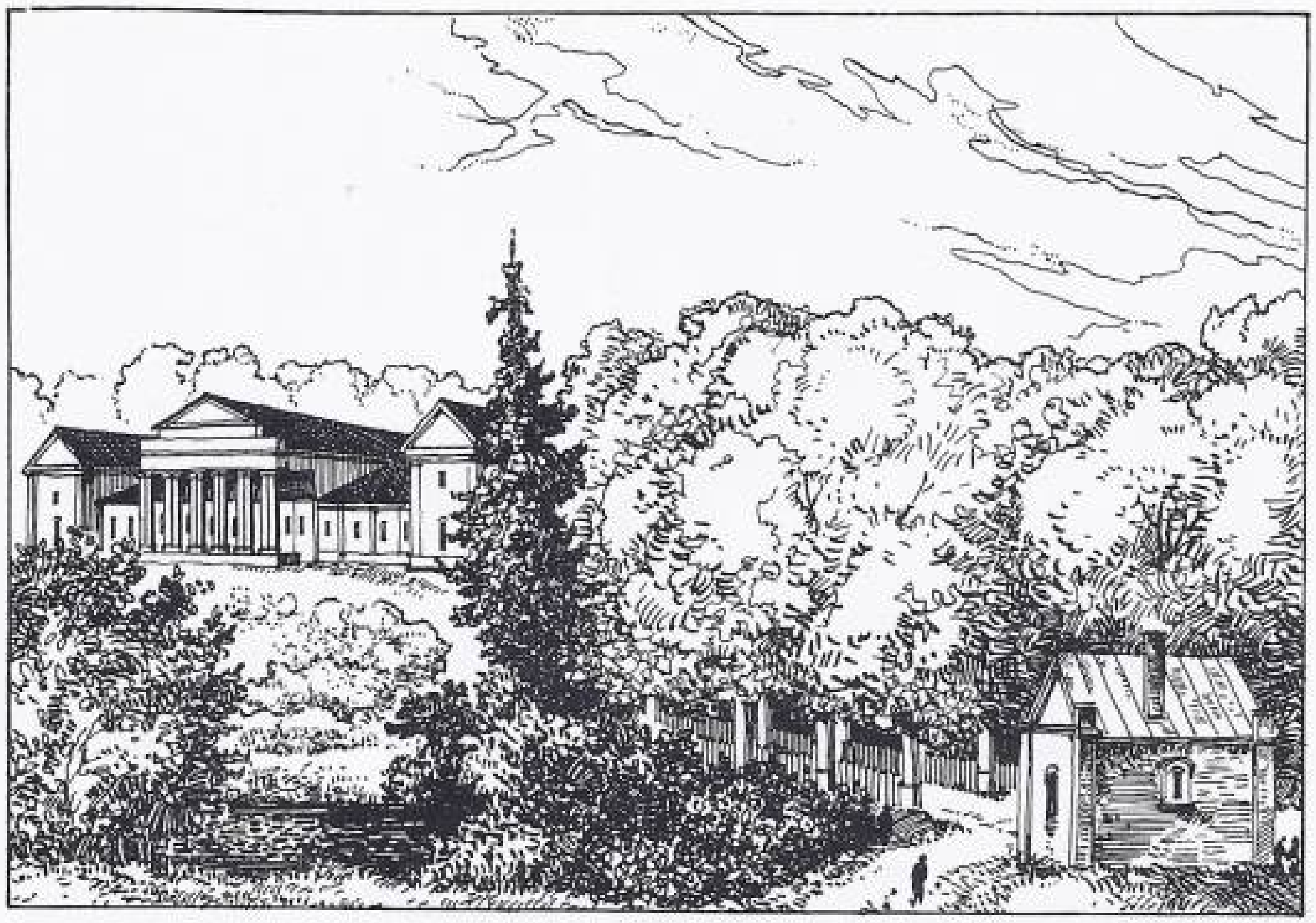
Дворцовый ансамбль Хрептовича в Щорсах (Гродненская область), над которым работали в 1770—1776 гг. архитекторы Якуб Габриэль, Джузеппе Сакко и Карло Спампани, представлял собой сочетание нескольких тесно сгруппированных корпусов. Вытянутый парадный двор комплекса замыкался с одной стороны собственно дворцом, а с противоположной — ажурной оградой и въездными воротами и фланкировался вспомогательными корпусами, где были размещены администрация, кухня, мастерские, каретная, конюшня и др. В Щорсах, как и в Ружанах, лучшие, более высокие и обширные помещения были собраны в центральной части дворца и размещались по главной оси всего комплекса. Эта часть фасада дворца решена большим ордером в виде четырех пилястр, объединяющих этажи.

Дворец в Щорсах — один из ансамблей позднего барокко в Белоруссии, в котором можно проследить отход, правда еще робкий, от художественных традиций середины XVIII в. Особенности архитектуры барокко проявились в интерьере дворца в виде круглого центрального зала, раскрытого в сторону парка, и ряда помещений со срезанными углами. Архитектура фасадов наряду с мотивами барокко (верхние овальные окна, крыши криволинейного очертания) имеет отдельные черты, свойственные классическому направлению в зодчестве.

Дворец в Святске, близ Гродно, построенный в 1779 г. зодчим Джузеппе Сакко для магната Воловича, является также памятником переходного типа. По характеру архитектурно-художественных приемов его можно отнести к эпохе расцвета барокко, но во многом здесь уже чувствуется влияние классицизма. Парк и пруды с каналами образуют живописный пейзаж территории усадьбы. Сам ансамбль состоит из центрального корпуса и двух флигелей, объединенных с ним полуциркульными галереями.

Главная лестница, залы, гостиные и другие лучшие помещения сосредоточены в центральном корпусе дворца. Его планировка весьма проста: средняя часть отведена под трехмаршевую лестницу и восьмигранный зал, в боковых частях собраны малые залы и кабинеты; коридор, продольно разрезающий основной корпус дворца, перехо-

Дворец в Святске — флигель, боковой фасад главного корпуса, схема плана, декорация потолка комнаты с камином, пруд в парке

дит в полуциркульные галереи, ведущие к флигелям. Такая планировка обеспечивает достаточно удобную связь отдельных частей всего комплекса. В главном корпусе дворца применен распространенный для дворцовых сооружений того времени прием композиции фасада с тремя ризалитами. Каждый из слегка выступающих боковых ризалитов отмечен спаренными пилястрами, между которыми расположено высокое полуциркульное окно. Венчаются боковые ризалиты изогнутыми фронтонами.

В парковом фасаде боковым ризалитам противопоставлен пятигранный выступ главных залов. Эта выступающая часть дворца, украшенная пилястрами и завершенная фигурной крышей, трактуется как монументальный эркер. Подобный эркер с полукруглыми частями — мотив, характерный для барокко.

Работы по внутренней отделке дворца в Святске продолжались до конца XVIII в. Панели стен, камины, двери, рамы для зеркал, консоли, вазоны, мебель были сделаны по эскизам и под руководством Д. Сакко. В декорации интерьера принимали участие также художники Т. Маньковский и А. Смуглевич.

Дворцы в Логойске, Деречине, Слониме и Пинске, вторая половина XVIII в.

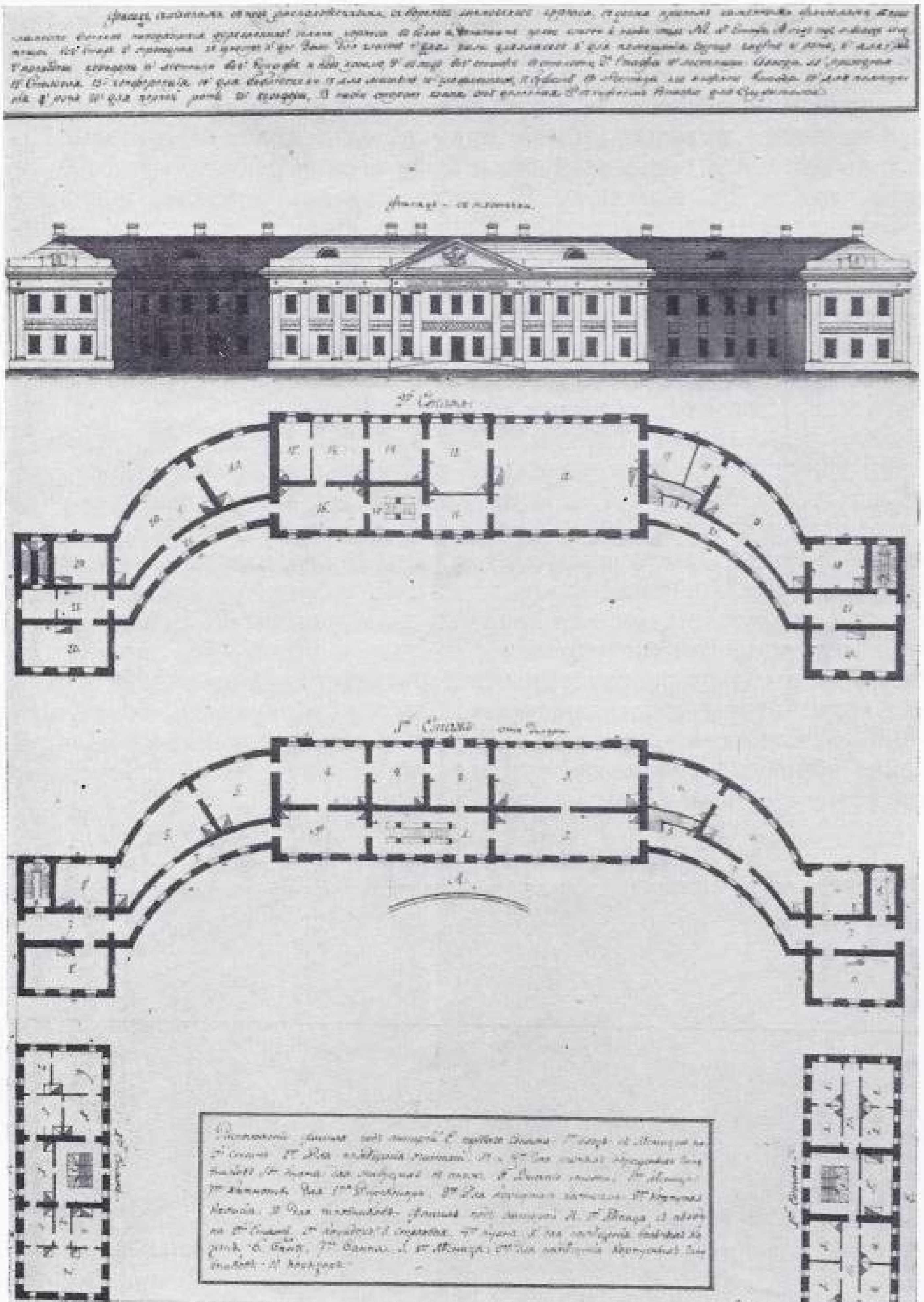

Основная отделка дворца носила черты как барокко, так и классицизма. Она сконцентрирована на втором этаже. Стены основного зала украшались колоннами, наличники дверей были покрыты изящным рельефом, а глубокие ниши вместили камины со скульптурами. В оформлении интерьера были применены лепка и живопись. Последняя занимала большое место и была весьма разнообразна как по стилю, так и по тематике. В одних случаях стенная живопись изображала античные статуи, вазоны в нишах, в других — пейзажи.

Примером архитектуры переходного периода могут служить и некоторые другие дворцовые постройки. Среди них *дворцы в Логойске* (Минская область), *Щучине* (Гродненская область), *Пинске* (Брестская область) и др. В этих зданиях в той или иной мере наблюдается стремление к простым объемам и деталям.

Дворец в Деречине был построен в 1786 г. Я. С. Беккером и Л. С. Гуцявичусом. Первоначально он представлял собой симметричный, достаточно растянутый одноэтажный корпус с повышенной до двух этажей средней частью. Его центральная часть в виде восьмиколонного портика с попарно поставленными колоннами дорического ордера являлась основным элементом композиции фасада. Могучий портик с фронтоном, украшенным скульптурным гербом владельца, своей пластикой контрастировал с боковыми крыльями, лишенными декорации и только расчлененными лопатками на филенки. Этот элемент архитектуры, как и присутствие высокого парапета, также ритмично расчлененного, имеет известную связь с приемами барокко. Однако общее классическое направление во внутренней планировке и архитектуре дворца явилось преобладающим.

Традиционные формы барокко и классицизма перемежались в архитектуре отдельных зданий почти до самого конца XVIII в., представляя при этом разнообразные решения высокого художественного уровня. Такое явление наблюдалось по всей территории Белоруссии, при этом не только в дворцовых постройках. Например, известный кадетский корпус, построенный фаворитом Екатерины II Зоричем в Шклове (Могилевская область), воплотил в себе как отдельные фрагменты, так и общую композицию, больше свойственную дворцовым ансамблям барокко, чем классицизма. Вместе с тем уже в 70-х годах XVIII в. в Белоруссии отмечаются постройки, выполненные в стиле классицизма. К ним относятся *дворцы Огиньского в Слониме, Сапеги в Деречине, Валицкого в Гродно* (все в Гродненской области).

Шклов — кадетский корпус, конец XVIII в. (чертеж начала XIX в.)

Дворец Валицкого раньше принадлежал администратору гродненской «городницы». Это здание, построенное в последней четверти XVIII в., состояло из трех отдельных корпусов, образовывавших парадный двор. Центральный корпус был трехэтажный, боковые — одноэтажные. Все корпуса построены в формах архитектуры классицизма. Планы и фасады имели простую и ясную композицию. В основном корпусе дворца первый этаж трактовался как цокольный, второй и третий объединялись лопатками. Центр дома выделялся пилястрами и фронтоном. Такой прием, как известно, имел широкое распространение в архитектурных памятниках классицизма. Комплекс дворца активно участвовал в архитектурно-пространственной организации главной площади «городницы», замыкая своими объемами одну из ее сторон.

КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА

Православные храмы XVII—XVIII вв. весьма разнообразны в своей архитектуре, при этом как каменным, так и деревянным образцам были свойственны общие плановые и композиционные решения. Крестовокупольные каменные церкви были основным типом монументальных православных храмов Белоруссии XVII—XVIII вв. Наряду с ними строились и церкви бескупольные с базиликальным планом. Наиболее ранней из этого типа построек является Петропавловская, или Екатерининская, церковь в Минске, построенная в 1612 г. Базиликальность плана и общий облик церкви следует связать не только с определенным влиянием архитектуры костелов, массовое строительство которых еще только начиналось, но и с традиционными формами оборонных храмов XVI в. Мощные стены, угловые башни, высоко расположенные окна указывают на такую преемственность архитектуры этой постройки. Среди многих других монументальных культовых зданий особого внимания заслуживают храмы Богоявления и Николая в Могилеве. Они представляют собой наиболее развитый и законченный тип православных каменных построек, в которых собраны характерные черты белорусской архитектуры того времени.

Богоявленский собор (1633—1636), построенный православным братством в центре Могилева, явился прототипом ряда крупных храмов, выстроенных после него в разных местах Белоруссии. В его трехчастном плане выделяется центральный продольный неф, отделенный от боковых с обеих сторон пятью мощными столбами. Нефы заканчиваются полуциркульными апсидами, из которых средняя шире и длиннее остальных. Композиция алтарной части восходит к древнерусскому зодчеству и встречается в культовых памятниках западнорусской архитектуры (Борисоглебская церковь в Гродно). В фасадной стене собора по сторонам входа в круглых колодцеобразных помещениях располагались винтовые лестницы, ведущие на чердак и в башни. Такой прием встречается в храмах оборонного типа (Сынковичи, Маломожейков, Коман) и является продолжением строительных традиций XVI—XVII вв. Над пересечением продольного нефа с трансептом возвышался купол на восьмигранном барабане. Большому диаметру барабана отвечало вместительное подкупольное пространство, доминирующее в интерьере собора.

В *Николаевской церкви в Могилеве,* заложенной братством в 1669 г. у Днепра, приемы, использованные при строительстве Богоявленского собора, получили дальнейшее развитие и совершенствование, а архитектурный облик храма приобрел большую самостоятельность и выразительность. Трехчастный план церкви с высоким нефом и

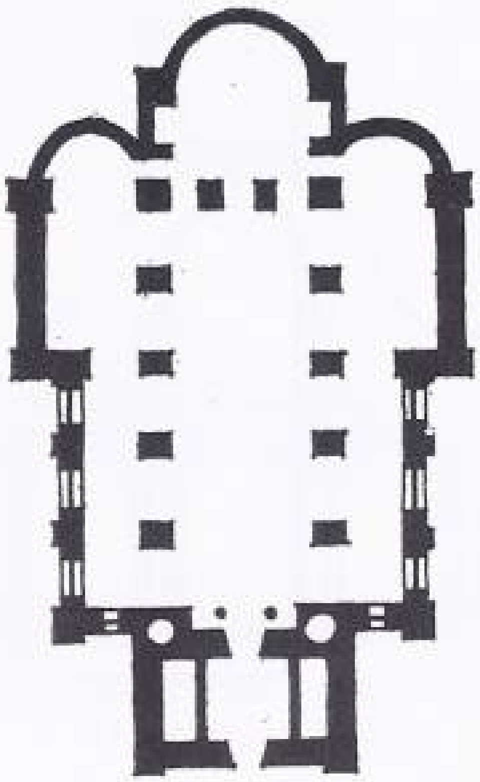
трансептом имеет те же принципиальные черты, что и в Богоявленском соборе. Он только укорочен на один шаг столба и вместо прямоугольного придела имеет небольшую граненую пристройку. В результате этого план храма стал более компактным. В объемной композиции постройки определяющим является восьмигранный барабан с куполом, который, вырастая из среднекрестия, сливается с массой храма, сообщает ему устойчивость.

Главный фасад отличается от остальных ярусным построением и декорацией, выделяется своей нарядностью. Такой прием был свойствен архитектуре барочных костелов. Как и две башни на фасаде с элементами ордерной системы, он явился примером внесения в православное культовое зодчество Белоруссии отдельных приемов и форм западноевропейской католической архитектуры. Однако художественная трактовка главного фасада Николаевской церкви, основанная на местных декоративных приемах, отличается оригинальностью. Она далека от архитектуры костелов и при определенном родстве с декорацией памятников московского зодчества XVIII в. имеет свои отличительные черты. Одна из них проявилась в членении плоскости фасада развитыми карнизами на ярусы различной высоты. Каждый ярус при едином принятом мотиве плоских арочных ниш разнообразной величины и пропорции получил свое убранство в виде пилястр или колонок, покрытых лепным орнаментом, изображающим растения. В церкви найдено удачное сочетание декора главного фасада с убранством интерьера, которое прежде всего определяется резным иконостасом. Деревянный иконостас по тонкости исполнения и сложности форм является выдающимся произведением белорусских мастеров. По своему построению (ярусность), формам (деревянные колонки, покрытые орнаментальной резьбой виноградных лоз — излюбленный мотив барокко) и характеру резьбы он близок к иконостасу, выполненному для Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве белорусскими мастерами в 1683—1685 гг.

Примечательным храмом *Могилева* является *Спасская церковь*, построенная к 1762 г. Будучи связанной своими истоками с крестово-купольными храмами Богоявления и Николая, церковь близка также к отдельным образцам архитектуры барокко в России и на Украине. Компактный массив церкви увенчан высоким пятиглавием, где к средней, наибольшей, главе тесно примыкают четыре малые. Такая объемная композиция с выразительным силуэтом хорошо известна по памятникам русской архитектуры конца XVII в. (церковь Успения на Покровке в Москве) и отдельным постройкам Растрелли (собор Смольного монастыря в Ленинграде и Андреевская церковь в Киеве).

Это сходство свидетельствует о том, что архитектурные связи белорусского и русского народов не прерывались даже в самые тяжелые годы польской католической реакции, и развитие белорусского зодчества представляло собой неразрывный поступательный процесс, связанный с предшествующими этапами. Вместе с тем белорусские мастера не отказывались от творческой школы западноевропейской архитектуры. Они освоили ее и развили те ее качества, которые отвечали их вкусам и художественным традициям. Белорусские мастера стали широко применять ордерную систему, скульптуру, как деревянную, так и керамическую, декоративную резьбу с новыми орнаментальными мотивами и самой техникой резьбы.

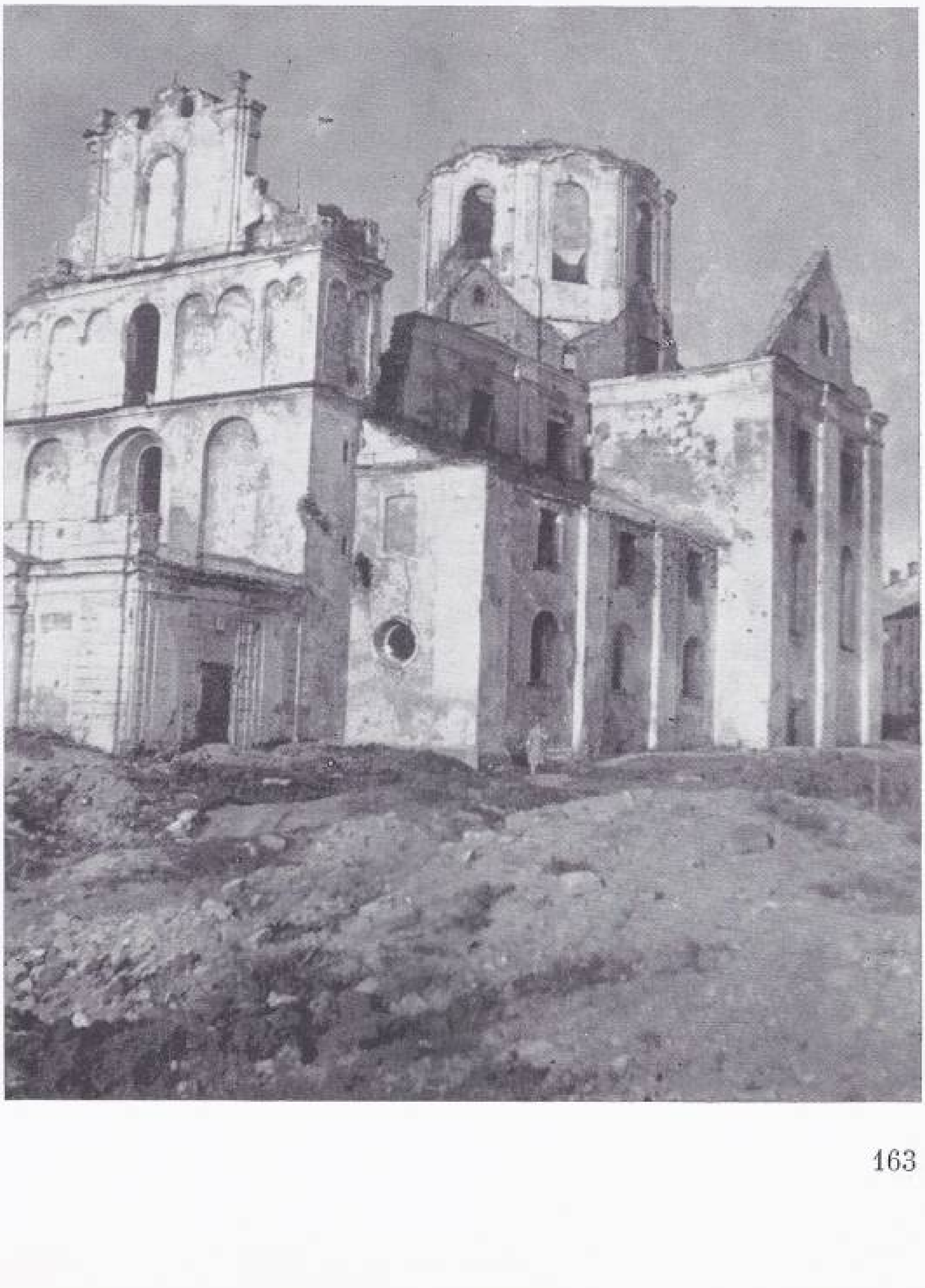
Составной частью архитектуры Белоруссии является культовое деревянное зодчество, в котором воплощены многие черты, свойственные вообще деревянному строительству. Простейший тип деревянного храма напоминает крестьянское жилье, и лишь устройство небольшого купола выдает в нем специфику культового сооружения. Храмы такого типа в XVIII в. обычно строились на кладби-

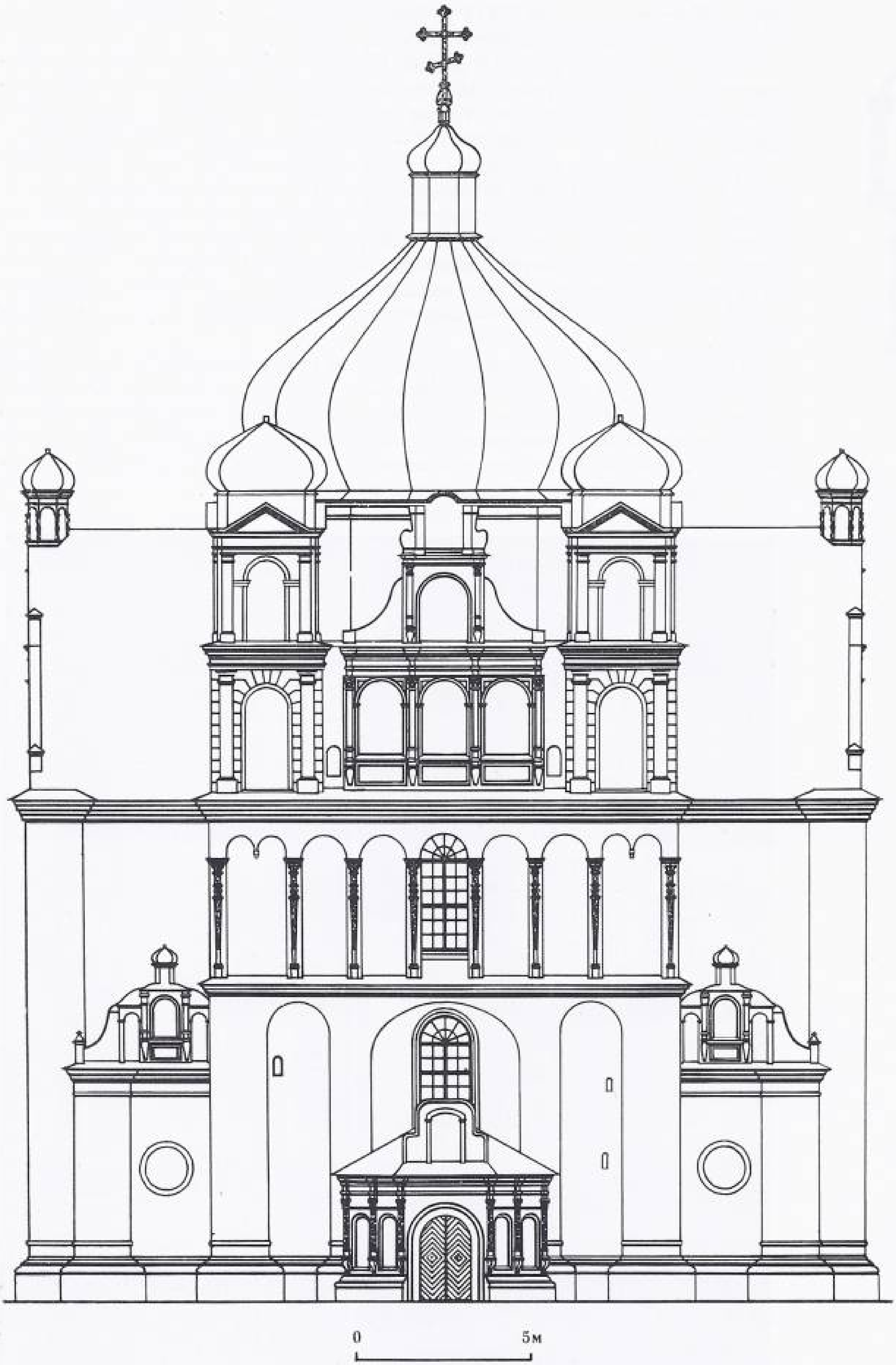
щах (Жировичи), но в XVII в. были известны и в застройке больших городов (Михайловская церковь в Витебске).

Георгиевская церковь в Давид-Городке (Брестская область), воздвигнутая в 1724 г., представляет наиболее простое и четкое решение деревянного трехсрубного храма и служит известным прообразом многих культовых зданий XVIII — первой половины XIX в. Срубы с шатрами располагаются один за другим по одной оси и раскрыты друг к другу, образуя единое пространство интерьера. В наружной архитектуре заметно стремление к простоте, что выражается в почти полном отсутствии декорации. В церкви преобладают большие поверхности стен и шатров. Отделка интерьера скромна и соответствует внешнему виду. Исключение составляет богатая деревянная резьба в алтарной части — замечательный образец народного творчества.

Композицию в виде трех срубов, но с самостоятельной трактовкой отдельных форм можно обнаружить в церквах в Зборове (Могилевская область), Скородном (Гомельская область) Новом Селе (Могилевская область), Дрогичине (Брестская область), Друе (Витебская область), Гощеве (Брестская область), Слуцке, Гомеле, Рубеле (Брестская область) и других городах и селах Белоруссии.

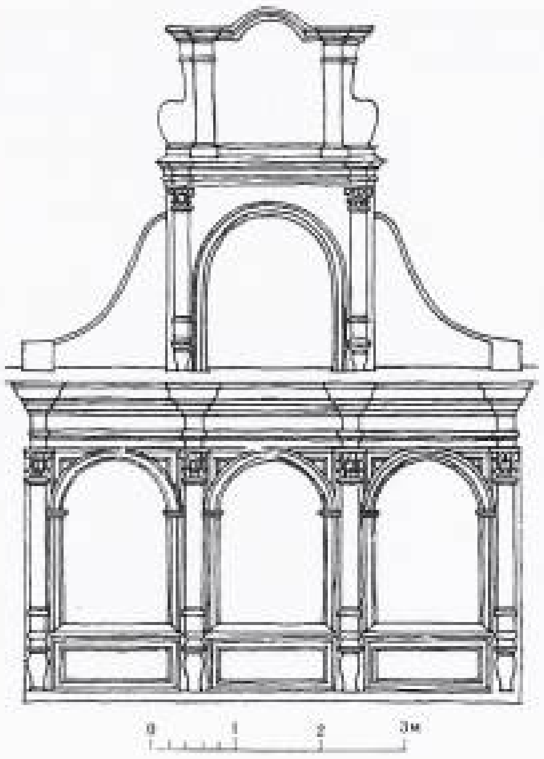
Могилев — план и общий вид Богоявленского собора, 1633—1636 гг. (фото 50-х годов)

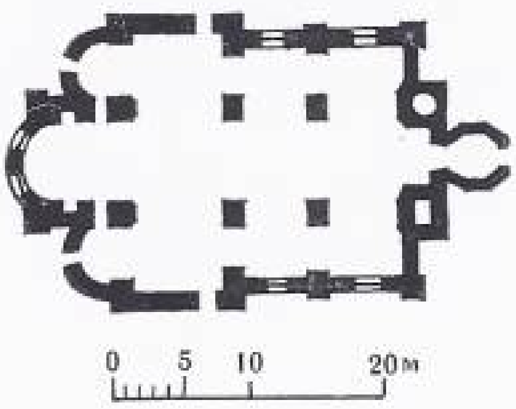

0
5м

К пятисрубным храмам относятся церкви *Ильинская* (1643) и *Троицкая Маркова монастыря* (1691) *в Витебске, св. Духа Тупичевского монастыря* (1641—1645) *в Мстиславле, Троицкая в Ельске, Николаевская в Кажан-Городке* (1818). Эти деревянные храмы состоят из системы срубов, поставленных по кресту, и часто с колокольней над входом. Центрическое построение подчеркивается средним срубом, который всегда выделяется своим объемом, высотой и завершающим шатром. Пятисрубные церкви также весьма разнообразны в своих вариациях и делятся на два вида — одно- и пятиглавые.

В деревянных культовых постройках Белоруссии применялись обычно бревна, тесанные в виде бруса. Для придания фасадам большей красоты и легкости, а также для защиты сруба стены обшивались досками вертикально, горизонтально, наискось и в «елку». Часто в одном сооружении встречается сочетание разных вариантов обшивок. Это один из приемов декорации фасадов здания.

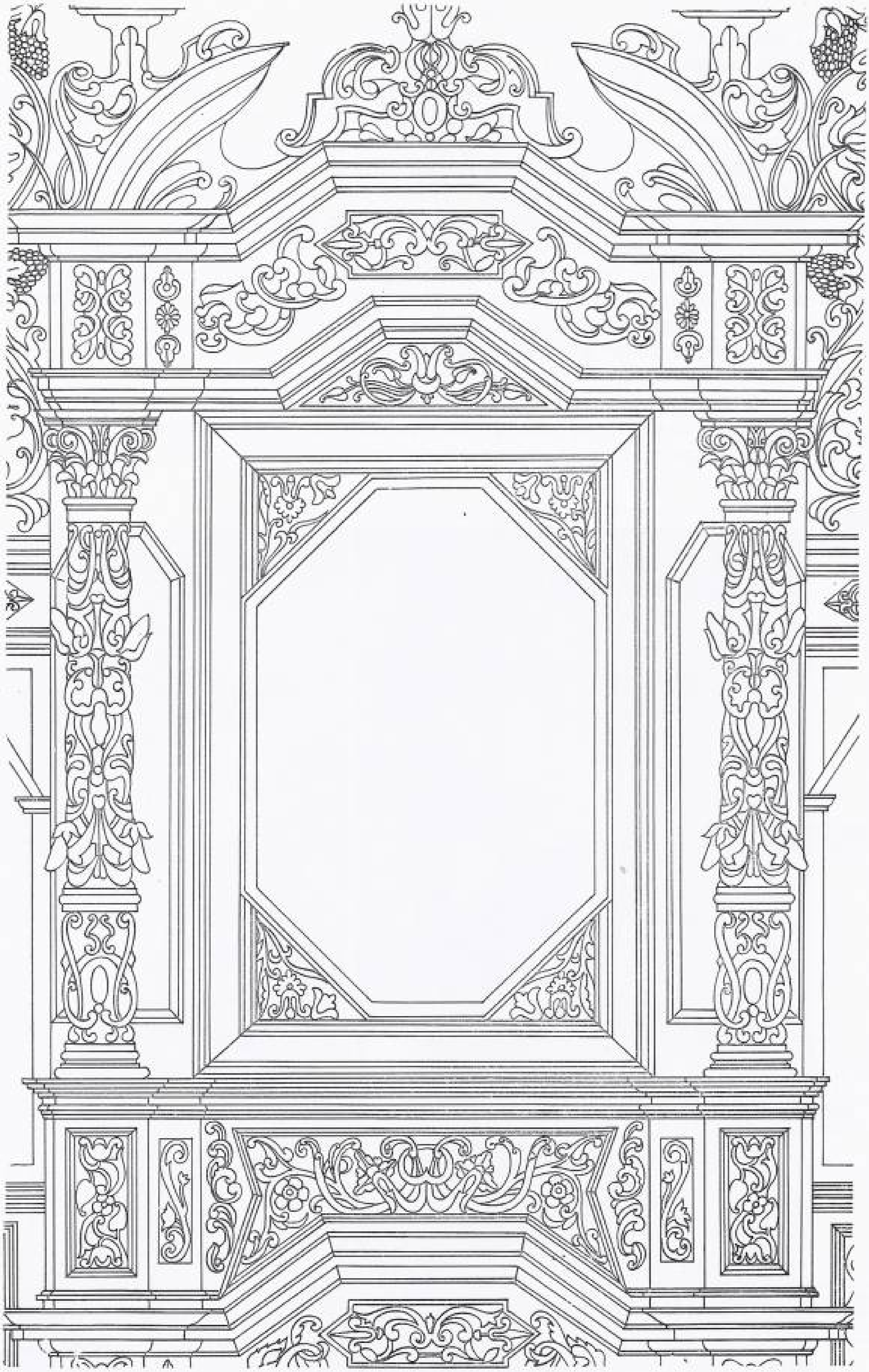
Художественная выразительность деревянных культовых построек тесно связана со структурой и материалом сооружений. Впечатление нарядности деревянных церквей создавалось за счет вырази-

Могилев — главный фасад Николаевской церкви, 1669 г., фрагмент фасада, план и общий вид

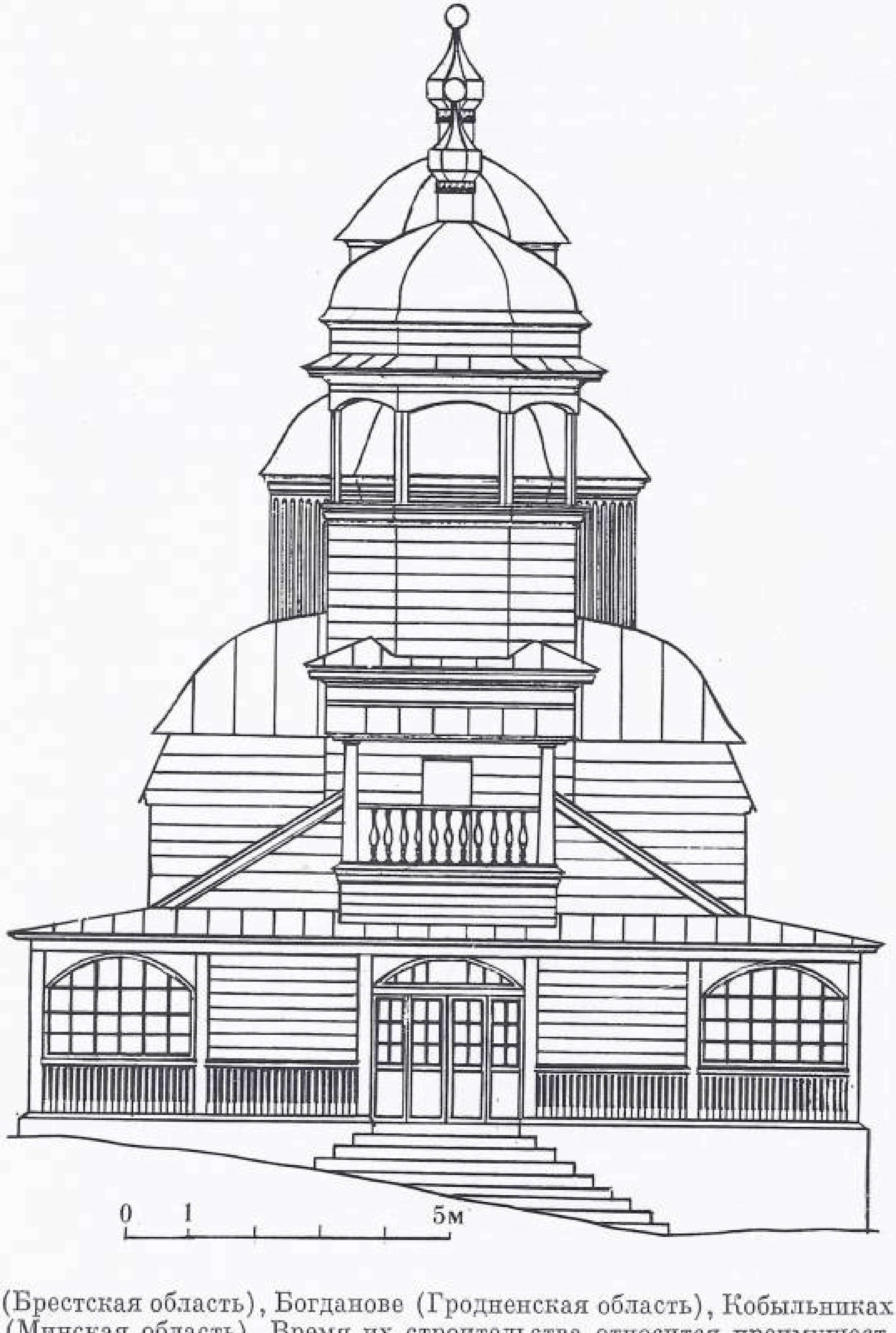
Фрагмент иконостаса и боковой фасад Николаевской церкви в Могилеве, 1669 г.

тельного силуэта венчающей части. Завершались культовые здания шатрами, куполами и разного очертания главками. Храмы различались не только формой своих верхов, но и их количеством. Здесь наблюдалось большое разнообразие: от шатра на два или четыре ската с куполом до развитого пятикуполья, дополненного шатровой колокольней.

Деревянные церкви с одним большим сферическим куполом встречаются преимущественно в восточной части Белоруссии (например, храмы в Гомеле, Ельске, Рассохе — Гомельской области). В центральных и западных районах наблюдаются чаще всего деревянные церкви с несколькими ярусами и системой шлемовидных или другого очертания куполов (например, храмы в Слуцке — Минская область; Рубеле, Кажан-Городке — Брестская область).

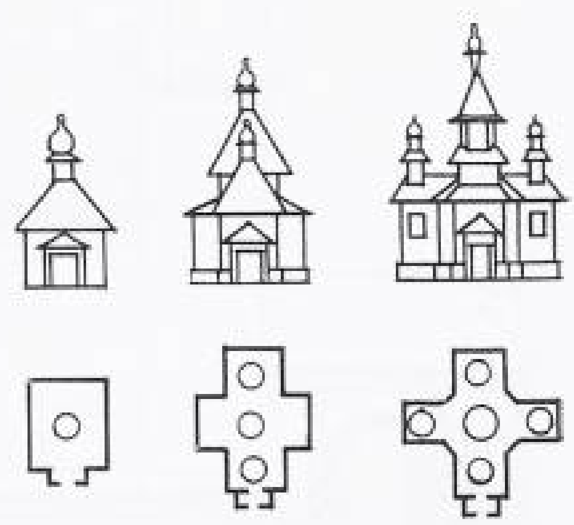
Интересной частью деревянного культового зодчества являются звонницы-колокольни. Они известны в деревнях под Слуцком, Клецком, Молодечно, а также в Докшицах (Минская область), Шерешеве

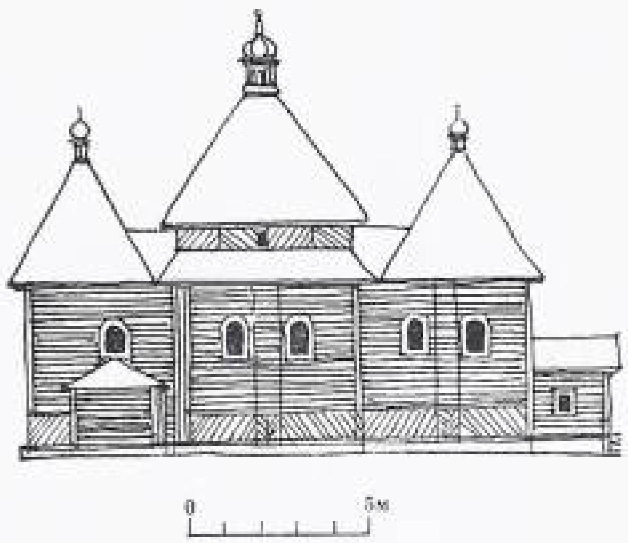

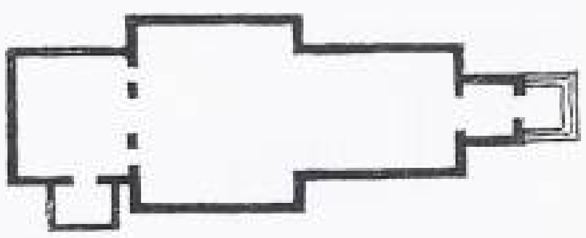

(Брестская область), Богданове (Гродненская область), Кобыльниках (Минская область). Время их строительства относится преимущественно к XVIII в. Звонницы представляют собой ярусные сооружения, стоящие отдельно от храма. В композиции культового ансамбля они занимали головное место и выдвигались на первый план. Не беспочвенно предполагать, что в прошлом звонницы-колокольни использовались и в оборонных целях. Позднее они потеряли эту функцию, но сохранили традиционную форму, напоминающую крепостные вежи.

Разнообразие звонниц-колоколен в Белоруссии сводится к трем основным конструктивным типам. Первый, когда колокольня выполнена по венцовой системе; второй — каркасная конструкция и третий — смешанный тип: нижний ярус венцовый, а верхний — каркасный. Истоки этих конструкций восходят к народному зодчеству.

Фасад Ильинской церкви в Гомеле, 1793 г.

Основные типы деревянных храмов Белоруссии XVIII в.

Фасад и план Георгиевской церкви в Давид-Городке, 1724 г.

Ильинская церковь в Витебске, XVII в. (акварель И. Трутнева)

Обычно звонницы-колокольни имели квадратный или прямоугольный план, но объемное построение их и размеры были весьма различны. При простой форме плана наблюдались развитые ярусные композиции с индивидуальными чертами. Художественная цельность достигалась прежде всего общим объемным решением и пропорциональностью ажурных ярусов. Архитектурная декорация скромна и логична. Устойчивость постройки достигается широким основанием колокольни, постепенным уменьшением кверху ее ярусов и четырех- или восьмигранной крышей пирамидальной формы.

Оригинальные приемы строительства звонниц и декор достигли высокого художественного уровня. Как и в деревянных церквах, в звонницах использованы наиболее рациональные, проверенные жизнью экономичные конструкции, хорошо знакомые местным жителям из практики повседневного строительства.

* * *

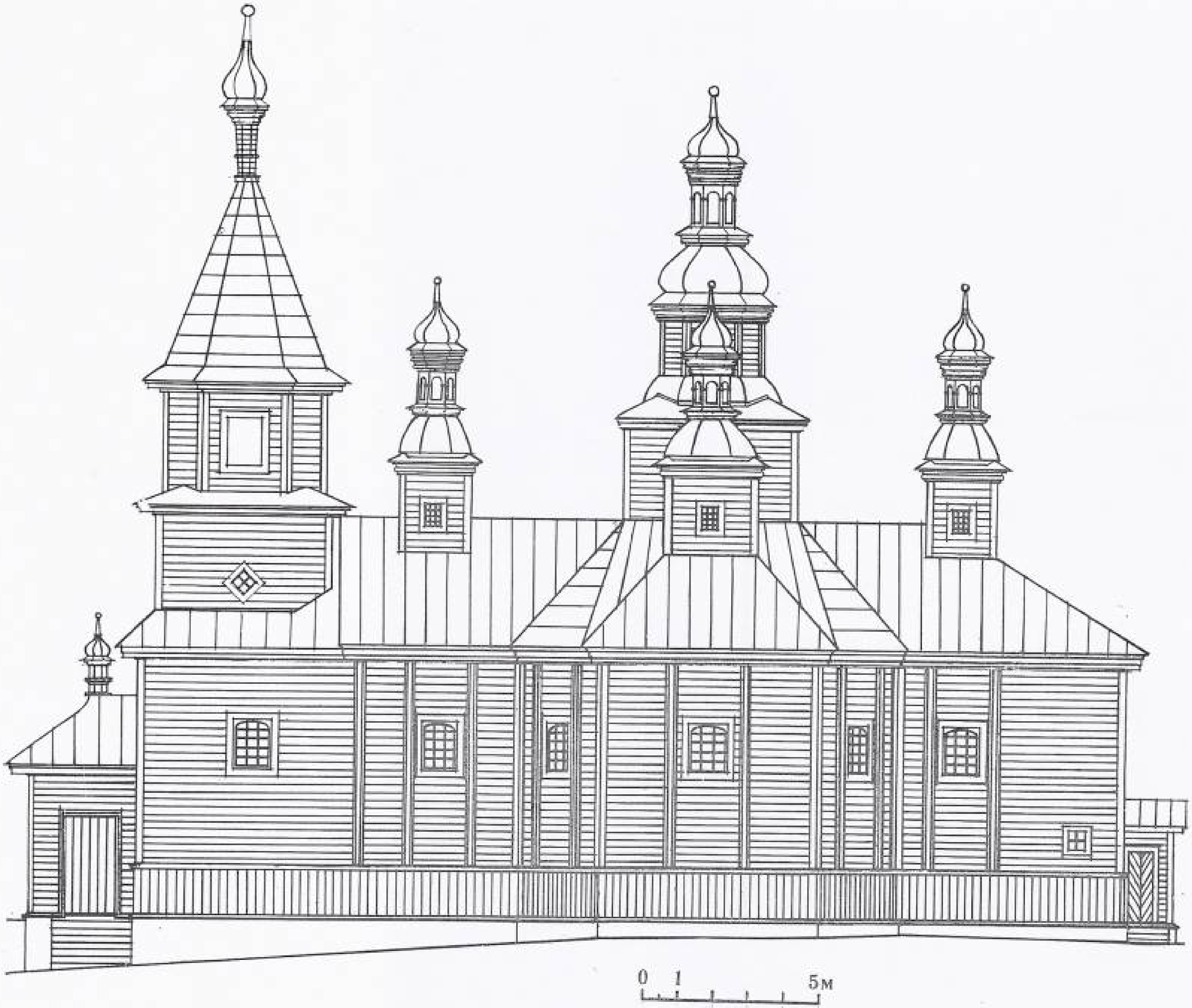
В силу исторических условий бо̀льшую часть монументального культового зодчества Белоруссии в XVII—XVIII вв. составляли костелы и монастыри. По схематическим признакам построения плана их можно разбить на две основные группы — *однонефные и трехнефные* — базиликальные. В свою очередь по композиции главного фасада однонефные подразделяются на три вида: *безбашенные, однобашенные и двухбашенные*. Трехнефные храмы, кроме таких же видов, включают в себя и *двухбашенные* композиции с куполом.

Уже при этой простейшей классификации памятников нетрудно убедиться в их большом разнообразии. Кроме того, необходимо выделить *четырехбашенные* композиции, которые представляют собой уникальное явление местного культового зодчества, и *центрические* постройки, далекие от общеизвестных образцов костельного строительства. Малочисленность последних памятников не позволяет выделить их в самостоятельные группы.

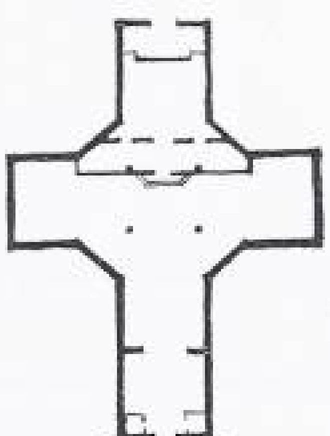
В костелах разных типов трудно проследить эволюцию форм или

Фасад Михайловской церкви в д. Рубеле, 1796 г.

Фасад и схема плана Николаевской церкви в Кажан-Городке, 1814—1818 гг.

планового решения. Часто строительство и простейших, и сложных храмов наблюдалось одновременно. Поэтому нельзя предположить, что, допустим, трехнефные двухбашенные костелы являются результатом завершения процесса формообразования. Каждый из типов костелов существовал самостоятельно, представлял собой законченное целое.

Примерами различных типов костелов Белоруссии могут служить следующие памятники. Однонефные костелы: безбашенные — бернардинский в Пинске (1786); однобашенные — бернардинский в Слониме (1639) и Баромиуша в Пинске (1782); двухбашенные — бригиток в Гродно (1634—1642) и августинцев в Михалишках (1653). Трехнефные костелы: безбашенные — бернардинский в Гродно (1595—1618, XVIII в.), францисканские в Гольшанах (1618, XVIII в.) и Гродно (1635, XVIII в.); однобашенные — бернардинский в Друе (1643, XVIII в.) и кармелитский в Ружанах (1615, XVIII в.); двухбашенные — францисканский в Пинске (1712—1730) и бернардинский в Будславе (1783). Трехнефные безбашенные костелы с куполом — иезуитский в Несвиже (1584—1593); трехнефные двухба-

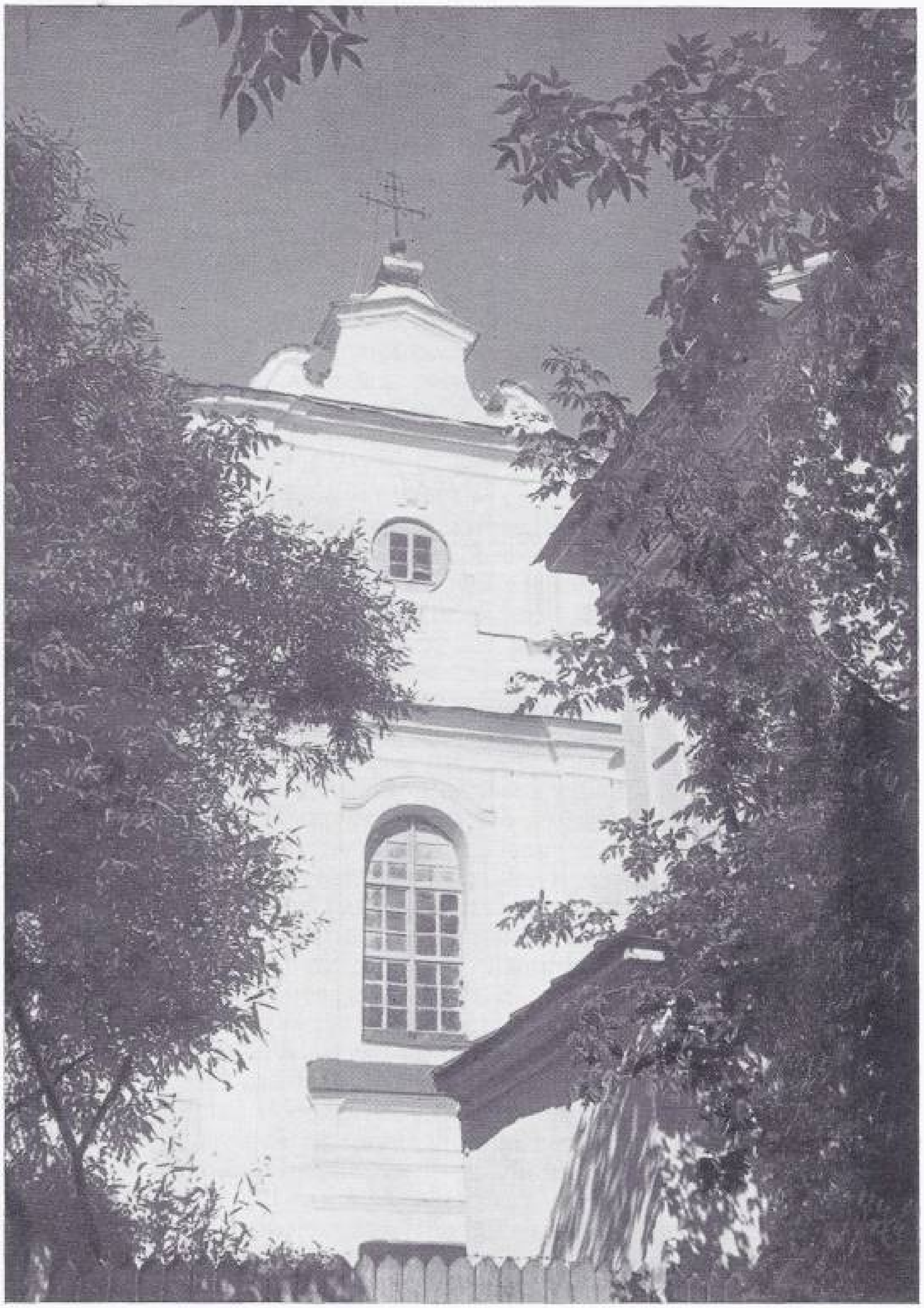

Церковь в д. Зборово близ Рогачева, 1749 г.

Звонница-колокольня в Шерешеве, 1799 г.

Бернардинский костел (Варваринская церковь) в Пинске, 1786 г.

шенные костелы с куполом — иезуитские в Гродно (1647—1663, XVIII в.) и Полоцке (1745).

Большинство приведенных построек отличается своеобразной трактовкой общих приемов и деталей костельного строительства. Например, *гродненский храм бригиток* в отличие от многих польских и литовских костелов этого времени характеризуется большей строгостью, в его барочной архитектуре наблюдается отклонение от канонических форм. Это проявляется в свободной трактовке капителей пилястр, в декоративном оформлении порталов и особенно «брам» монастырской стены, только отдаленно напоминающих элементы западноевропейской архитектуры. Импровизация на основе классических форм архитектуры и введение своеобразных рельефных мотивов на-

водят на мысль, что в строительстве костела и монастыря принимали участие местные мастера.

Простейшими постройками этого типа являются однонефные безбашенные костелы. Их главный фасад, как правило, завершается барочным фронтоном нередко сложного и изысканного рисунка.

Бернардинский костел (1786) *в Пинске* имеет простейшую однонефную композицию. Четкий прямоугольный план с полуциркульной апсидой перекрыт цилиндрическими сводами на подпружных арках. Архитектура фасада лаконична, его барочная декорация сводится к пилястрам плоского рельефа, такой же пластики нишам, наличникам, поясам.

Однонефный однобашенный *бернардинский костел Троицы в Слониме* (1639—1645) отличается мощью внешнего облика, подчеркнутой контрфорсами боковых стен. Высокая башня, примыкающая к западному фасаду постройки, характерна для крепостной архитектуры. Только две пристроенные по сторонам каплицы с куполами смягчают суровый облик костела, тем самым отдаляя его от культовых памятников оборонного характера предшествующего времени.

Интересное сочетание элементов стиля барокко с чертами замковой архитектуры получил *костел Карла Баромиуша в Пинске* (1772). Несмотря на его небольшие размеры, во внешнем облике храма ощущается монументальность. Это достигнуто лаконичностью архитектуры фасадов и фланкированием торца постройки массивной башней. Барочными в костеле являются большие окна верхнего яруса башни и ее завершение в виде комбинации шатра с куполом.

Двухбашенный однонефный *костел бригиток* (1634—1642) *в Гродно*, находящийся за стенами монастыря, лишен элементов оборонного зодчества. Его фасады несут плоский рельеф, но портал, декорированный скульптурными формами, очень пластичен. В архитектурных деталях наблюдается отклонение от канонических форм барокко, что особенно прослеживается в рисунке капителей, деталях монастырских брам. В интерьере костела использована живопись в украшении пилястр и других элементов ордерной системы.

Однонефный двухбашенный *храм августинцев в Михалишках* (1653) по своей композиции родствен костелу бригиток в Гродно. Изяществом отличается декоративное убранство его интерьера, богато украшенного барельефами, близкими скульптуре известного костела Петра и Павла в Вильнюсе (1668—1675). Последнее объясняется тем, что архитектор Пенс работал над интерьером костела совместно с итальянским художником Перти — одним из авторов и исполнителей скульптурных композиций вильнюсской постройки.

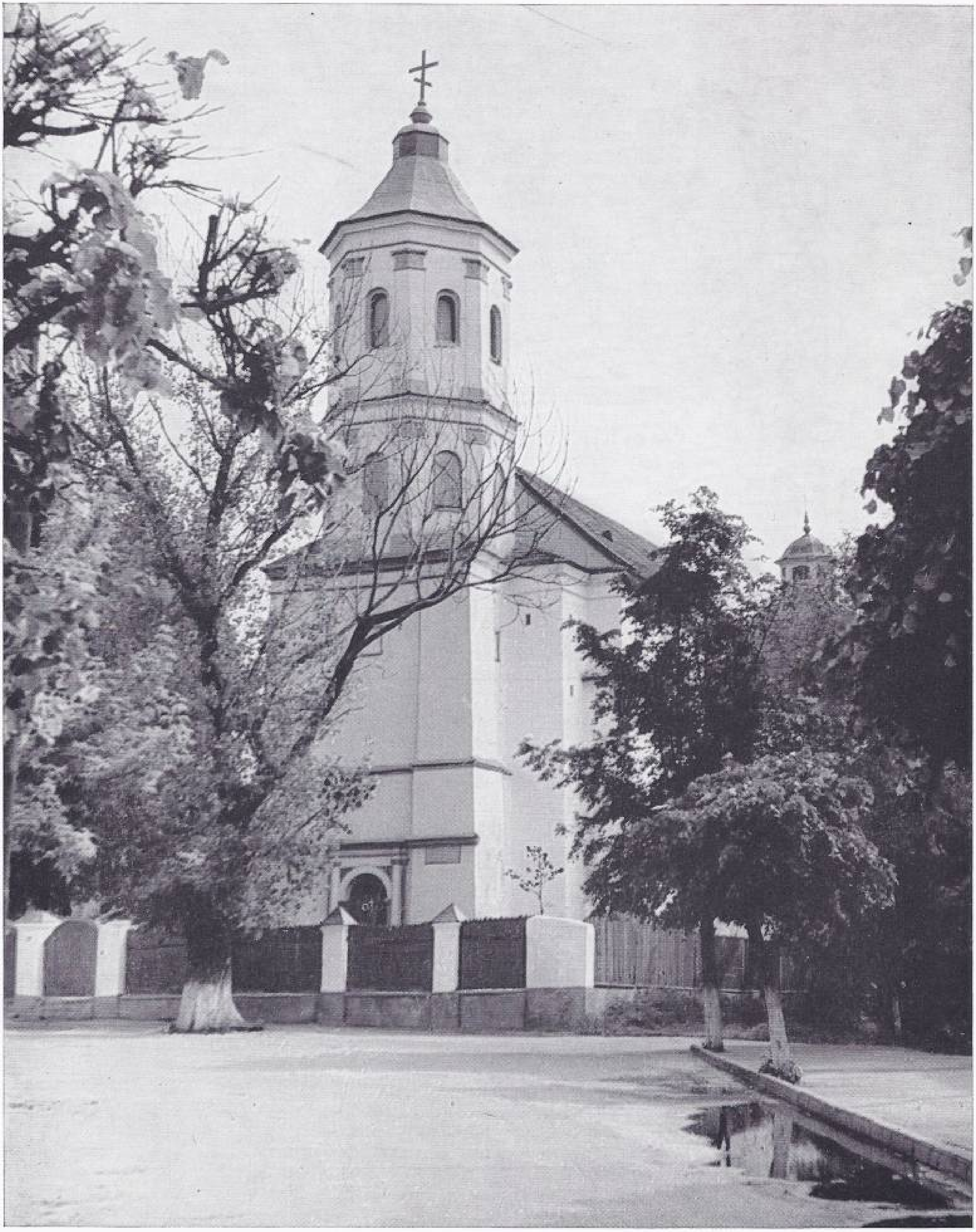
В убранстве интерьеров храмов, кроме скульптурной тематики, большое место отводилось живописи. Перспективные рисунки на стенах, сводах, куполах создавали впечатление глубинной перспективы, сложных форм, рельефного декора. Интерьер *францисканского костела* (1618—XVIII в.) *в Гольшанах* сохранил красочную роспись плоской стены алтаря с иллюзорным эффектом апсидного полукружия, украшенного пучками колонн со сложным антаблементом.

Трехнефные базиликальные костелы во всех своих разновидностях отличаются от однонефных образцов, кроме всего прочего, значительными размерами, представляя собой грандиозные архитектурные композиции, часто возглавляющие силуэт города.

Редко встречаются трехнефные базиликальные храмы с одной башней на главном фасаде. В *бернардинском костеле* этого типа *в Друе* сводчатые перекрытия украшены барочной лепкой в виде геометрических узоров. Такой прием декорации встречается и в архитектуре Польши (люблинская группа) и Литвы (вольнюсская группа) в середине XVII в., что указывает на творческие связи между

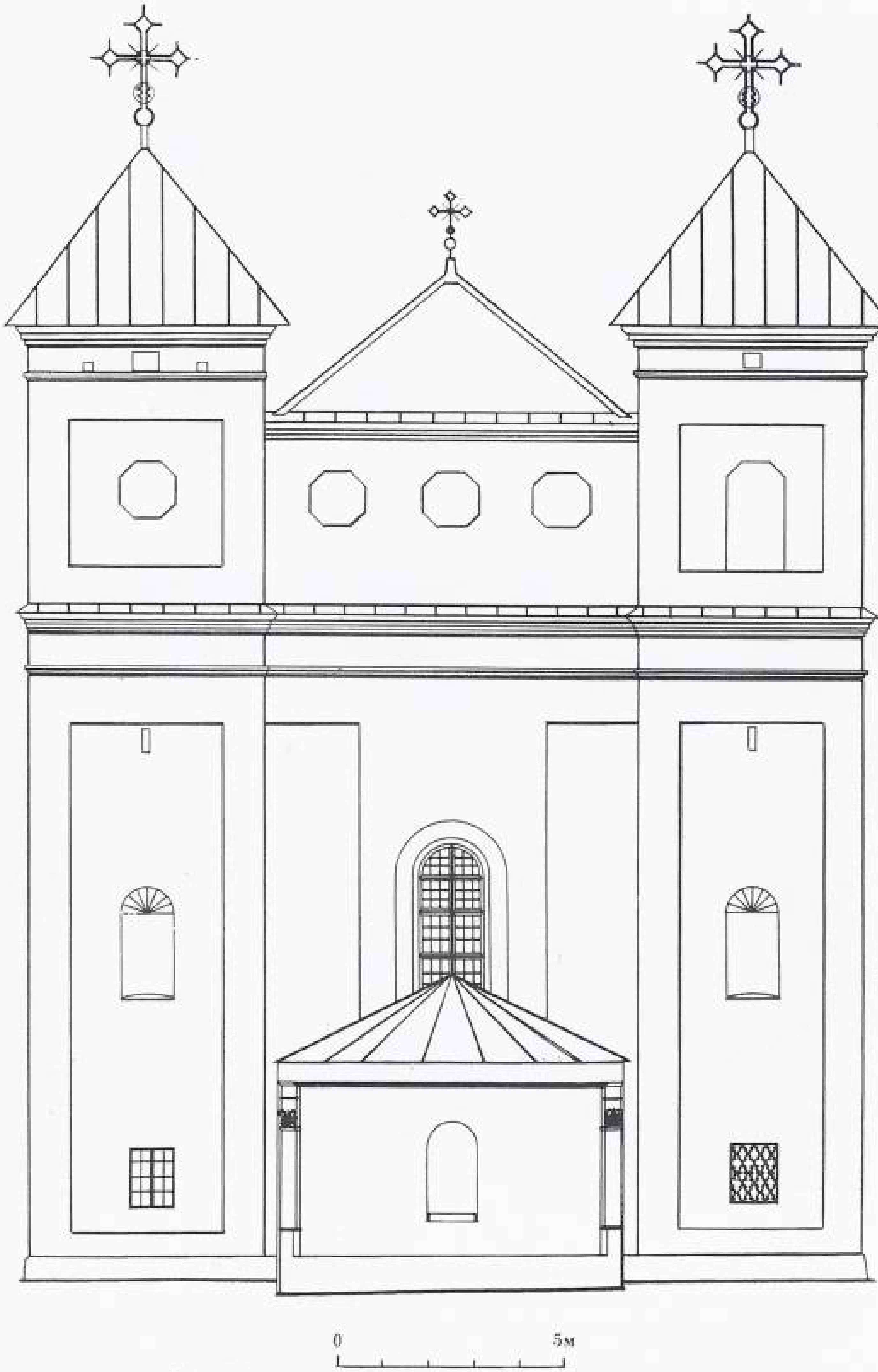
Костел августинцев в Михалишках, 1653 г.— декоративное убранство стены

0
1м

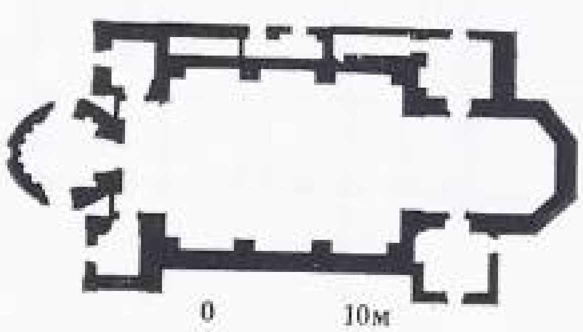

Костел бернардинцев в Слониме, 1639 г.— общий вид и план

Костел августинцев в Михалишках, 1653 г.— план и главный фасад

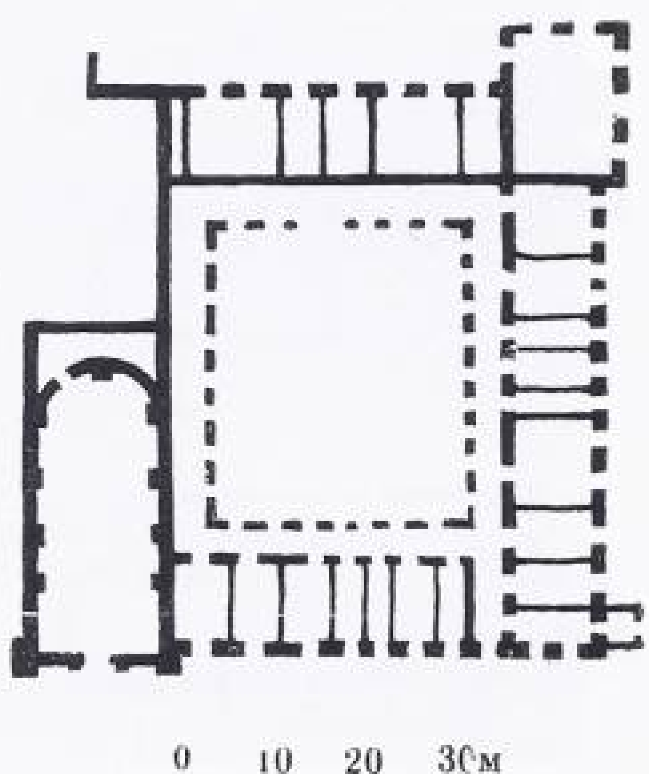
этими землями. Подобное украшение сводов больше свойственно позднему ренессансу и восходит ко времени основания храма (1643). В середине XVIII в. наружная архитектура костела получила выраженный барочный характер.

Кармелитский костел (1615—XVIII в.) *в Ружанах* — однонефное однобашенное сооружение. Высокая башня, завершенная вытянутым шатром, занимает в объемной композиции главенствующее положение: она просматривается с далеких перспектив, на нее ориентированы многие улицы поселения. В результате многократных перестроек храм вобрал в себя ряд фрагментов архитектурных стилей позднейшего периода (например, портал выполнен в классических формах).

Костел Карла Баромиуша в Пинске, 1770—1782 гг.

Бригитский костел и монастырь в Гродно, 1642 г.— схема плана, главный фасад костела

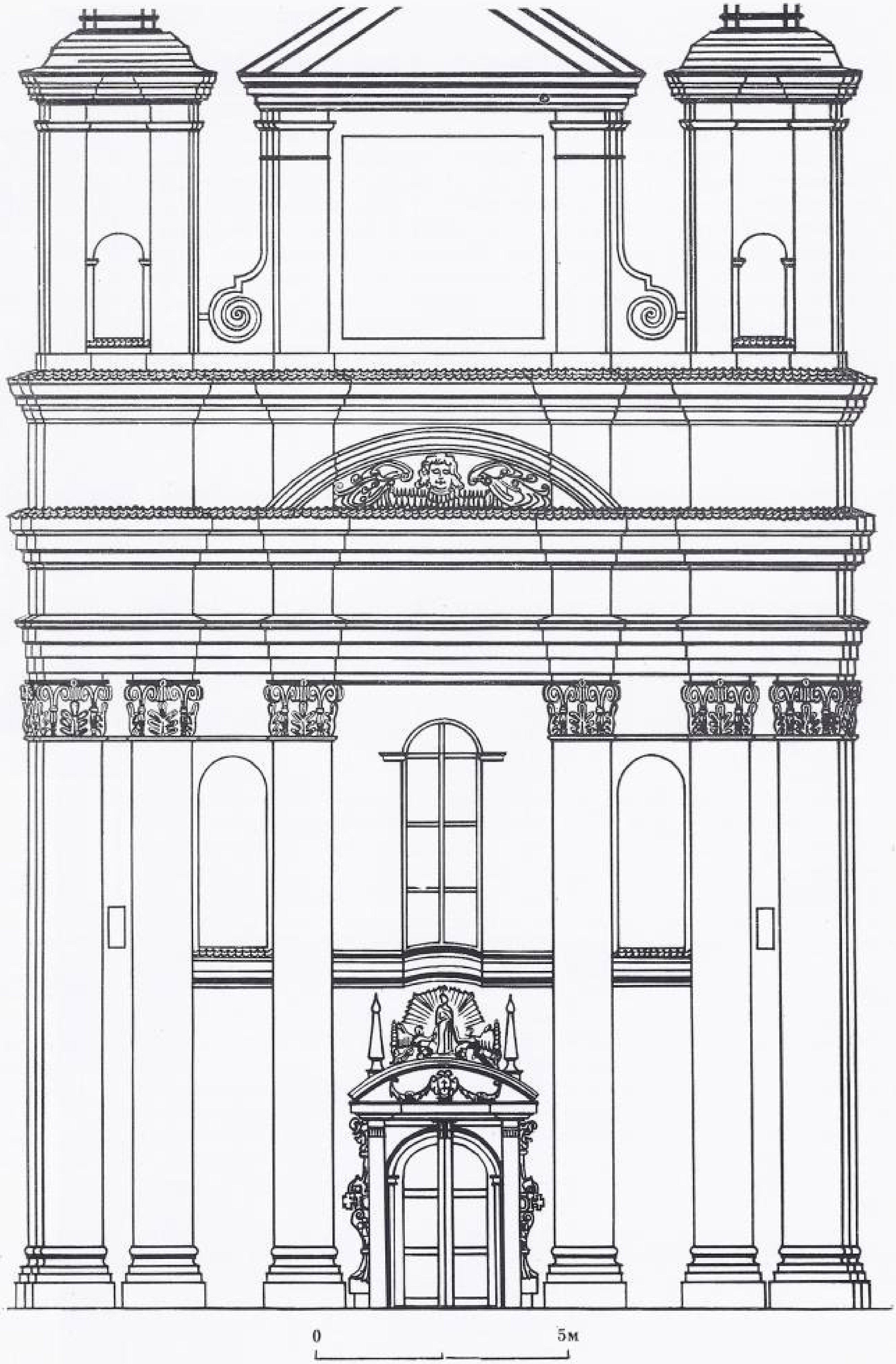

Однако общий барочный характер сооружения сохранился. Наружное убранство исключительно лаконично; впечатление достигнуто сочетанием контрастных объемов — башни и собственно храма.

Наибольшее распространение получили базиликальные двухбашенные костелы. Обычно это были храмы высшей иерархии: монастырские, коллегиальные, кафедральные.

Плановая характеристика их весьма многообразна, хотя у всех в основе лежит трехнефное построение. Так, например, мстиславльская постройка имеет план, близкий к квадрату, минская — в виде растянутого прямоугольника.

Францисканский костел (1712—1730) *в Пинске* воздвигнут на месте храма XVI в. с включением в кладку сохранившихся фрагментов старых стен. Отдельно стоящая ярусная башня-колокольня относится к 1817 г. (верхний ярус достроен в XX в.). Костел имеет трехнефное членение плана. Средний неф, перекрытый цилиндри-

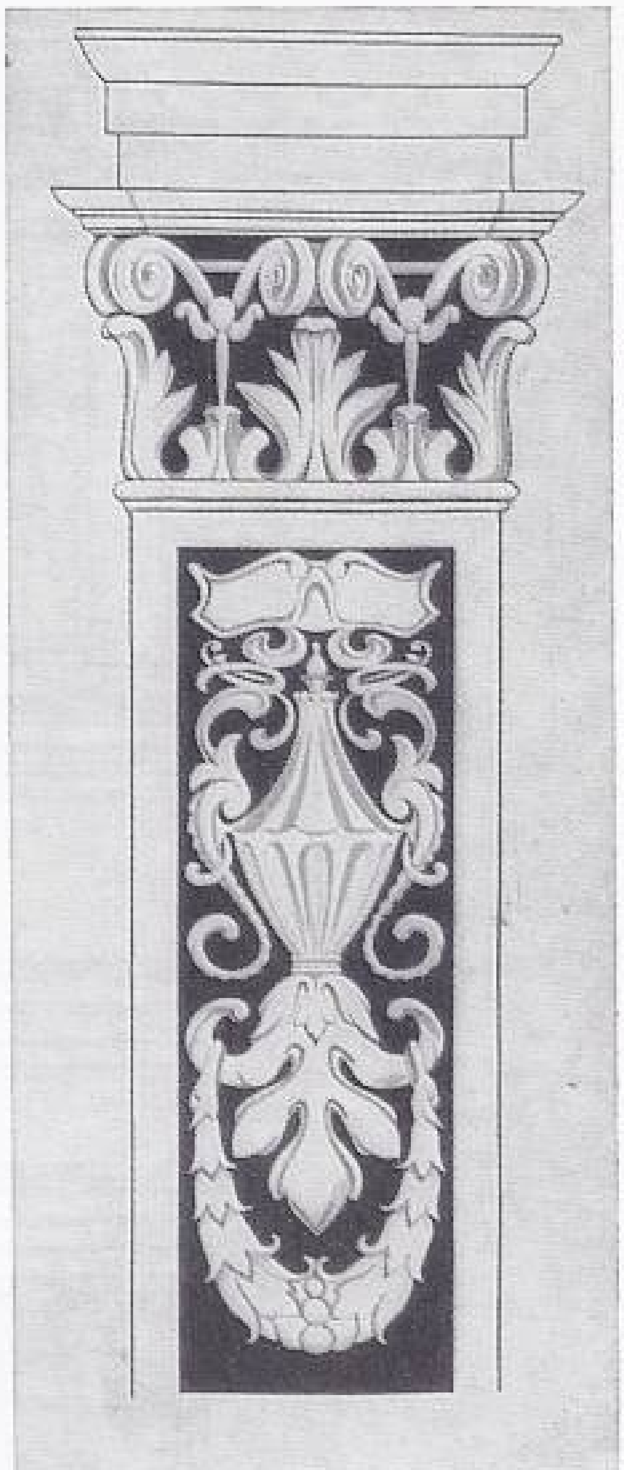

0
5м

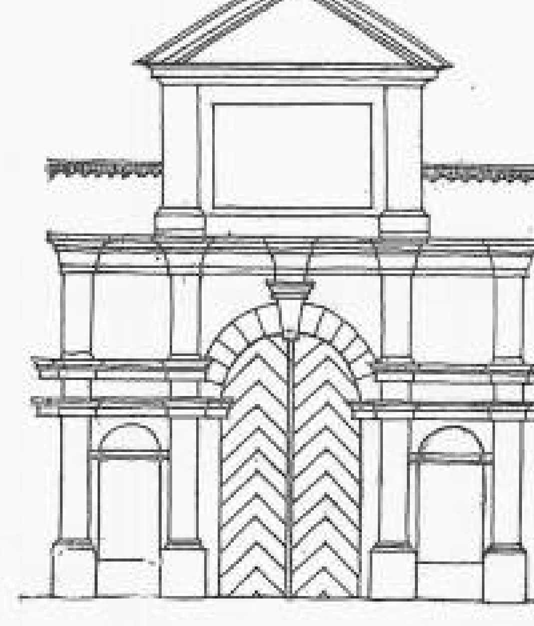
ческими сводами, определяет пространство интерьера; узкие боковые нефы фактически разделены на небольшие секции. Храм на главном фасаде несет две башни, однако им отведена скромная роль: основной акцент перенесен на фигурный щипец. Его пластика увеличена за счет слоистого по контуру филенчатого углубления, занявшего большую часть щипца. Декоративный подход к архитектуре фасада продолжается в барочных формах обрамлений, решетки балкона, нишах, карнизах, поясках и пр. Нарядность главного фасада контрастирует с апсидой, монументальной и скромной в своем декоративном убранстве. *Костел иезуитов* (1635) *в Пинске* также характеризовался нарядностью внешнего облика: в его головной части имелись боковые пристройки, завершенные полукружиями стен с арочными проемами. Увеличилась протяженность и пластика фасада. Ажурный каменный гребень с пинаклями как бы продолжал башенную композицию постройки, сообщая венчанию кружевную легкость. Комплексы иезуитского и францисканского костелов в Пинске благодаря своей высоте и развитым силуэтам занимали исключительное место в панораме города как со стороны реки, так и с далеких точек южных пригородов.

Храм в Будславе (1783) при компактном построении большей части плана имеет сильно развитый в длину средний продольный неф. Апсида в обычном представлении здесь отсутствует, и алтарь размещен в глубине нефа. В этом же костеле трансепт расположен весьма своеобразно — он вынесен к головной части постройки. Его пересечение со средним нефом отмечено сферическим перекрытием, которое не выходит вверх за пределы объема. Костел занимает промежуточное положение между бескупольными и купольными базиликами. Архитектура его главного фасада представлена целым лесом пилястр, полуколонн и сложнейших раскреповок как по вертикали, так и по горизонтали. Особенно насыщена центральная часть фасада, которая утратила былой вид щита с фронтоном и превратилась в скульптурный массив с фигурным гребнем.

Гродненский иезуитский костел (1647—1667, середина XVIII в.) благодаря своим огромным размерам был в течение столетий архитектурной доминантой в застройке центральной части города. Его план 30×60 м, высота — около 50 м. Не только местоположение и абсолютные размеры костела, но и великолепие его убранства являли пример растущей экспансии католицизма в стране, стремление ордена иезуитов к церковной монополии. В композиции костела совмещены системы базиликального и крестовокупольного храмов. Первоначально главный фасад характеризовался большей простотой. Ныне он представляет собой развитую трехъярусную композицию с возвышающимися по бокам двумя башнями-колокольнями. Четко выделяются вертикальные и горизонтальные членения пилястрами и поясами антаблементов. Фасад насыщен ордером; здесь также много арочных и прямоугольных проемов и ниш, сложных креповок и профилей. Очень силуэтны башни и купол костела. Торжествен и пышен интерьер: в его убранстве широко использованы средства архитектурной пластики, скульптура и живопись. Особенно красива многофигурная композиция в алтаре, выполненная резьбой по дереву в первой половине XVIII в. местными мастерами.

Иного типа *храм в Мяделе* (1754), несколько архаичный в своей архитектуре. Его центральная композиция с квадратным планом и высоким куполом с люкарнами на восьмигранном барабане представляет собой объемную и простую геометрическую массу, характерную для ренессанса. В этом отношении мядельский костел напоминает храм в Сморгони XVI в. Однако архитектурное решение фасадов в нем иное: они обработаны большим ордером. Башенка — фонарь с

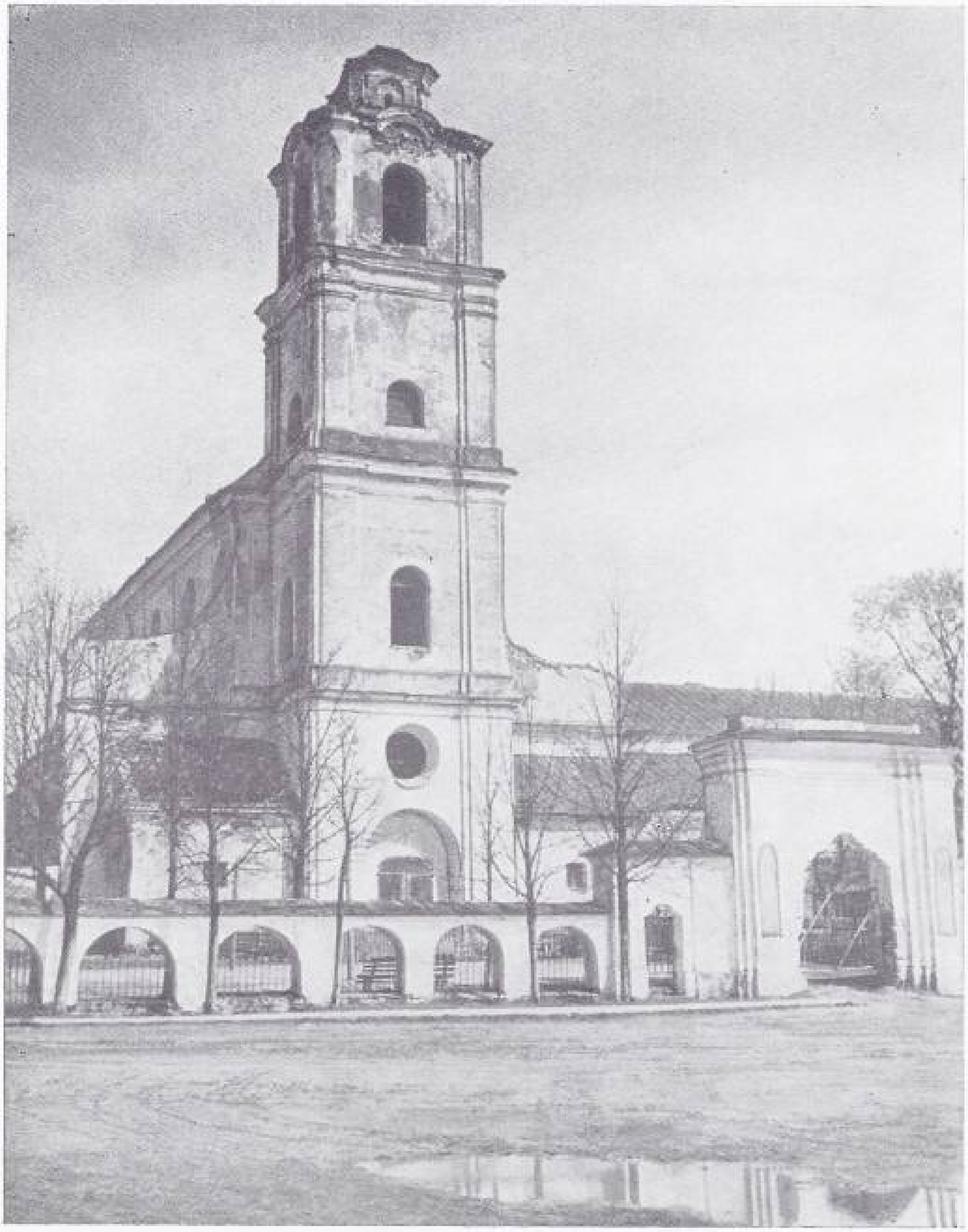

Бригитский костел в Гродно, 1642 г.— деталь интерьера, брама

Костел в Гольшанах, 1618 г.— интерьер

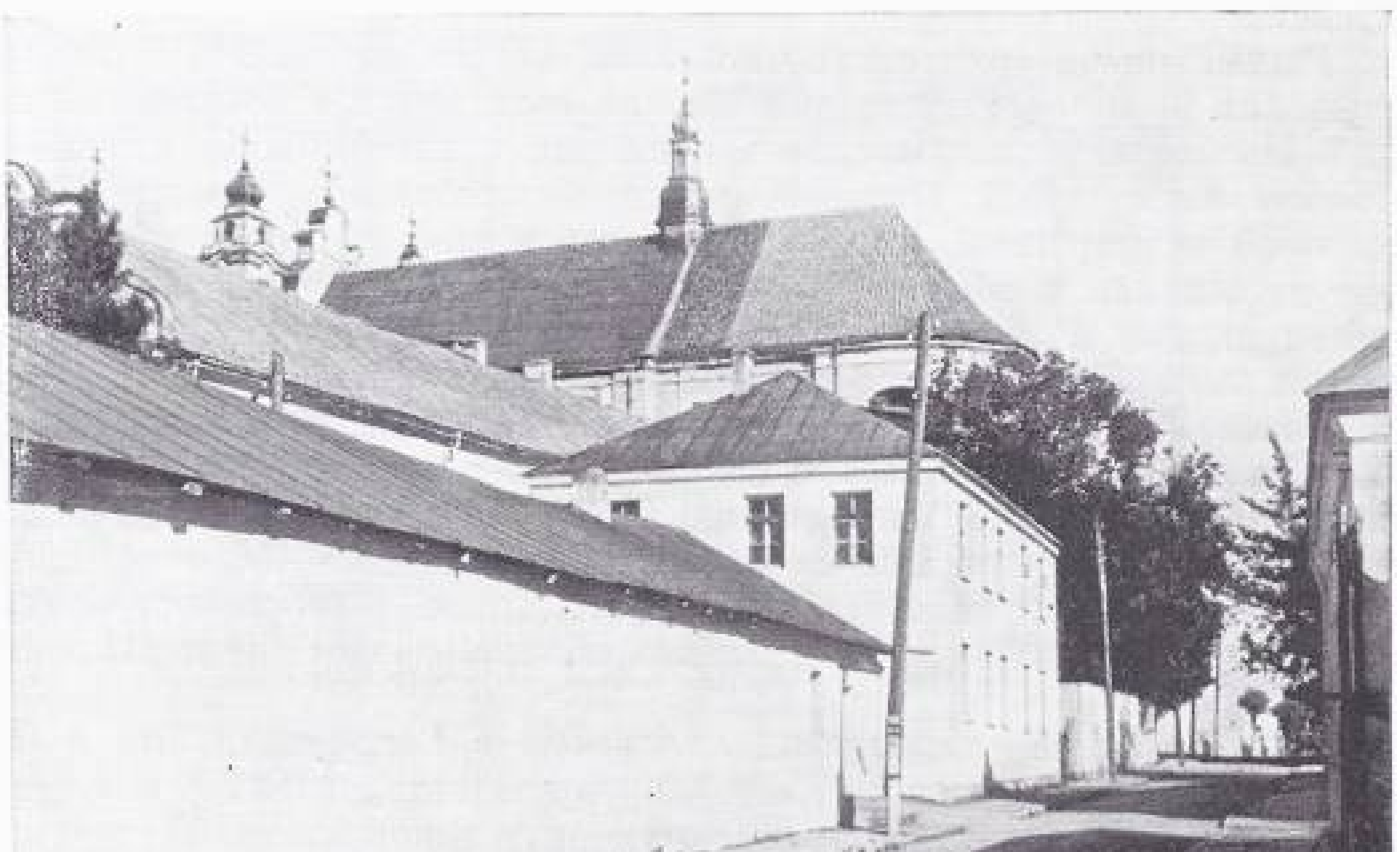

волютами на вершине купола — выполнена в стиле барокко. Черты позднего барокко, нового художественного направления первой половины XVIII в., заметны преимущественно в декоративном убранстве интерьера.

Кармелитский храм в Глубоком (1735) не укладывается в обычные типы построек: первоначально он строился в виде двухбашенной трехнефной базилики, затем был значительно расширен и получил в углах противоположного фасада еще две башни. Он превратился в симметричную композицию с развитым силуэтом, рассчитанным на восприятие со многих точек. Замысел достройки двух башен, возможно, берет свое начало от четырехбашенных храмов Белоруссии и Литвы XV—XVII вв. Однако новая постройка только условно перекликается со старыми храмами, в которых башни выполняли прежде всего оборонные функции. Глубокский костел представляет собой весьма своеобразный тип культового здания, так как четырехбашенные храмы даже в общеевропейском масштабе встречаются в период барокко очень редко.

Бернардинский костел в Друе, 1643 г.

Францисканский костел и монастырь в Пинске, первая половина XVI — начало XVIII в.— вид с реки и фрагмент ансамбля

Социально-экономический застой в стране, неизменность уклада жизни сказываются и в особенностях культового строительства. Отмечаются изменения во внешнем облике храмов: уменьшение массивности отдельных частей, увеличение площади проемов, усложнение силуэта, изменение пропорций, иная декоративная обработка. Башни и фронтоны главных фасадов богато украшаются в верхних частях и вытягиваются вверх, приобретая ажурность. Благодаря изогнутым и разорванным карнизам фронтонов и щипцов, фигурным шлемам, изобилию лепнины их завершения как бы растворяются в пространстве. Весь арсенал архитектурных средств был применен для того, чтобы ошеломить зрителя, воздействовать на его психику и заставить его воспринимать чудеса иллюзорного мира как действительность. Скульптура и живопись в интерьере, дополняя архитектурные приемы, повествовали о церковных преданиях. Средствами искусства церковь и господствующие классы стремились увести мысль народа от жизненных проблем, что было необходимо в условиях обнищания городов, упадка торговли и ремесла в первой половине XVIII в.

Барокко в католическом культовом зодчестве Белоруссии имело на каждом этапе исторического развития свои особенности. Вначале на нем отразилось устойчивое влияние готики, что не наблюдается в итальянском барокко, а в дальнейшем, с конца XVII в. особенно заметно влияние местных традиций. Многие костелы хотя и строились по проектам пришлых мастеров, получили художественную самостоятельность.

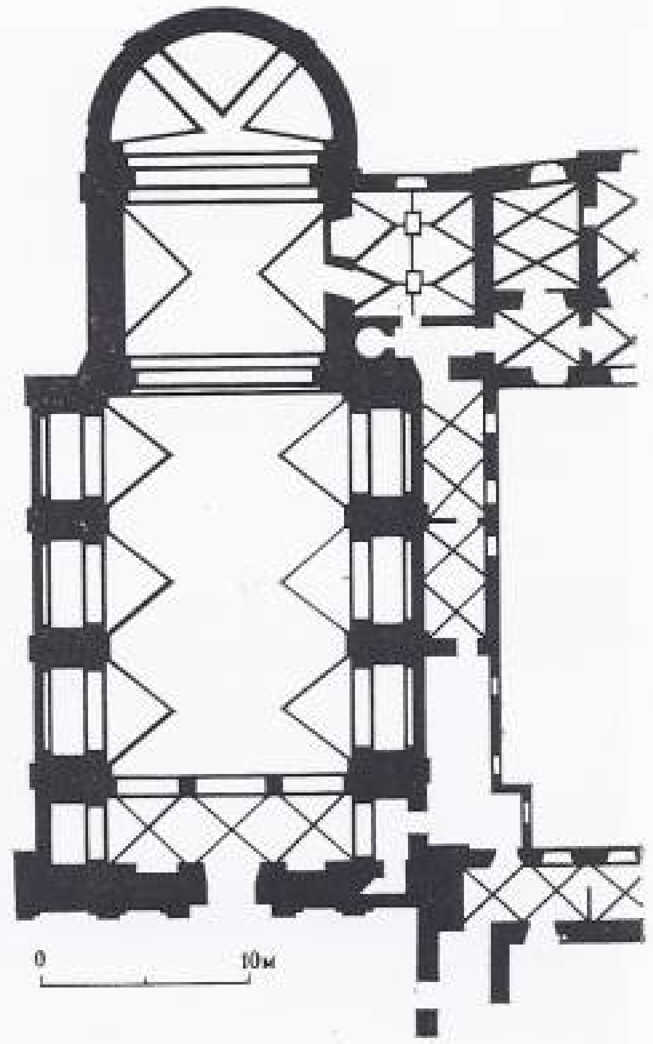
Если для раннего барокко в культовом строительстве были характерны формы относительно приземистые, то в барокко конца XVII — первой половины XVIII в. использовались формы, устремленные вверх. Красота этих построек состояла главным образом в стройности высотной композиции.

Своеобразие барокко широко наблюдается в первой половине XVIII в. Особенностью этого стиля в памятниках католической архитектуры Белоруссии является то, что в них перекликались отдельные формы и приемы северо-итальянского и польско-литовского барокко с местными традиционными формами и приемами, которые в свою очередь сохраняли связь с русским зодчеством. Это определило самобытный облик многих католических храмов на территории Белоруссии.

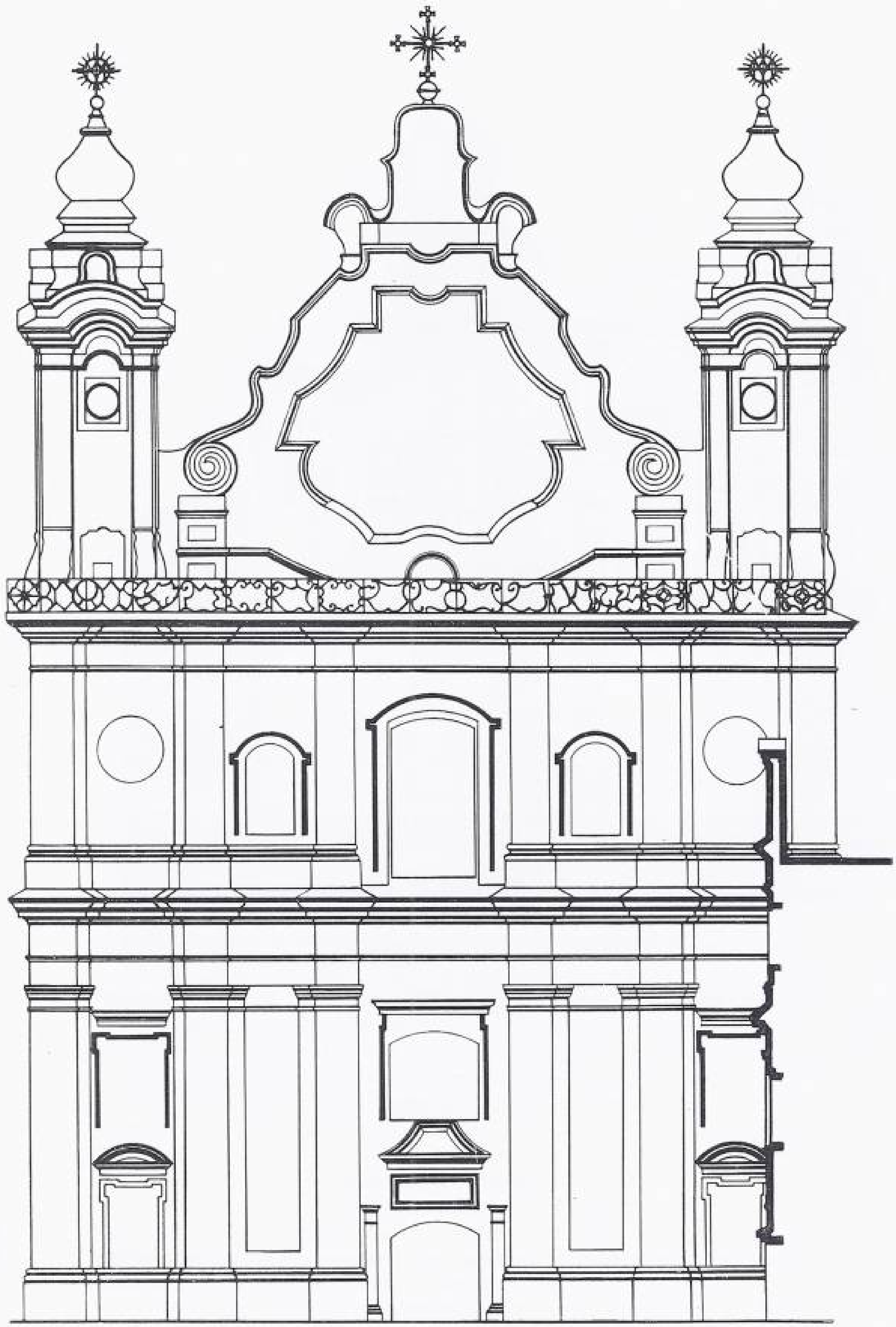
Рассматривая архитектуру костелов, нельзя не сказать и о монастырских комплексах, которые обычно составляли с последними общий ансамбль. Монастырские здания или коллегиумы (у иезуитов) представляли собой большие, часто многоэтажные постройки со сложной планировкой, множеством залов и комнат. Коллегиумы скорее относились к общественным зданиям, так как по своему функциональному назначению являлись прежде всего учебными заведениями со свойственной им внутренней организацией.

Развитые комплексы построек, как правило, имели коллегиумы. Их строительство началось с конца XVI в.; первые образцы возведены в Полоцке (1580) и Несвиже (1584). В течение XVII в. коллегиумы появлялись во многих белорусских городах — Минске, Гродно, Могилеве, Пинске, Витебске, Бресте, Орше, Мстиславле, Слуцке и др. В архитектурно-художественном облике городов они играли значительную роль.

Самый большой *иезуитский коллегиум* в Белоруссии был *в Полоцке* (в камне отстроен в 1750 г.), превращенный в 1812 г. в иезуитскую академию наук, приравненную к университету. Вплоть до изгнания иезуитов из Российской империи он представлял собой сочетание феодального монастыря с учебным комплексом. Здесь было большое общежитие, многочисленные службы, театр, музей, картин-

Францисканский костел в Пинске, первая половина XVI — начало XVIII в.— план и главный фасад

0
5м

Бернардинский костел в Будславе, 1783 г.— общий вид и план второго яруса

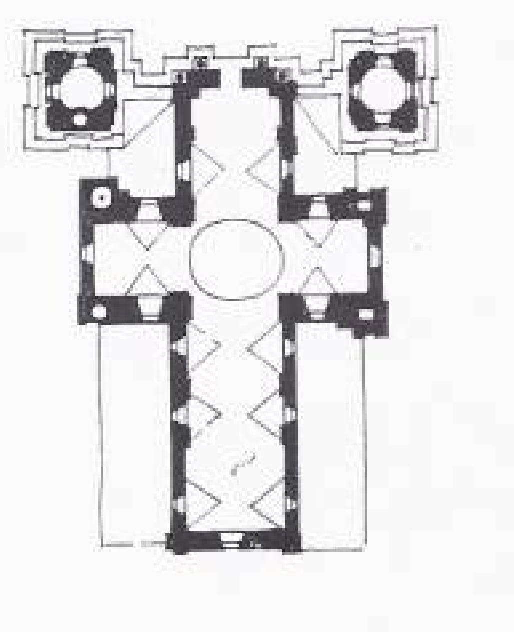
Иезуитский костел в Пинске, первая половина XVII в.— общий вид (фото 30-х годов)

ная галерея, типография, книжная лавка, аптека и пр. Всего в трехэтажных корпусах коллегиума насчитывалось свыше ста комнат и залов. Ученики в специальных классах изучали архитектуру, археологию, историю, естественные и физические науки. Громадный объем костела и коллегиума доминировал в застройке Полоцка, заняв обширную территорию в изголовье центральной части города.

Коллегиум в Несвиже представлял собой сочетание двух- и трехэтажного (в центральной части) корпусов с внутренним двориком, замкнутым аркадой галереи. Рядом со зданием у самых крепостных стен города был разбит небольшой регулярный парк. В первом этаже коллегиума разместились школа, библиотека, типография, аптека, трапезная, кухня и др. Второй этаж заняли комнаты ректора, кельи монахов и придворная часовня. Архитектура фасадов коллегиума не идентична соседствующему барочному костелу, построенному Бернардони: здесь преобладают формы ренессанса в виде фигурных завершений щипцов крыш и аттика, с характерным для этого стиля рисунком. Рельефный гребень, венчающий части здания, контрастирует с фасадными стенами, лишенными какой-либо декорации. Исключение составляет средний корпус, обработанный внизу арочными нишами, а вверху украшенный башенкой с часами.

Коллегиум в Гродно отражает новые тенденции в строительстве этих комплексов: автономию отдельных частей, связанных с частыми посещениями. Например, аптека и школа выделились в самостоятельные объемы, в то время как в Несвиже они перемежались с другими помещениями коллегиума.

Комплекс *иезуитского костела и коллегиума в Пинске* (1631) занимал головное место в ансамбле городского центра. Корпус коллегиума был ориентирован протяженным фасадом на торговую площадь и коротким — на реку Пину. Угол корпуса закреплен массивной шестигранной башней, которая явилась и своеобразным конструктивным контрфорсом и, очевидно, при необходимости несла оборонные

функции. В трех этажах коллегиума были собраны многочисленные служебные и жилые помещения, традиционные для построек этого типа. В архитектуре фасадов прослеживаются черты ренессанса (в декоре окон и простенков) и барокко (в крыше с фигурным фронтоном и волютными завершениями).

Эволюция архитектурно-планировочных композиций коллегиумов прослеживается от компактных замкнутых комплексов (Несвиж) до развитых городских ансамблей с чертами светского зодчества (Могилев).

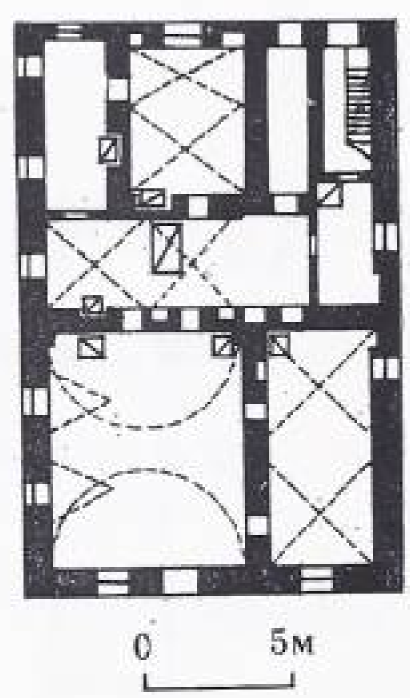
Большинство монастырей различных католических орденов в городах Белоруссии были приспособлены к обороне. Располагаясь в узловых местах плана, на улицах, переходящих в загородные дороги, они опоясывались достаточно высокими каменными стенами и баш-

нями (монастырь бригиток в Гродно). При размещении комплекса на окраине населенного места система укреплений дополнялась глубоким рвом (монастырь картезианцев в Березе). Вход в костел для прихожан был организован так, что не нарушал продуманной обороны монастыря. Крепостной характер монастырских корпусов усиливался принятой планировкой. Обычно они, наподобие феодальных замков, образовывали небольшой внутренний дворик. По периметру дворика тянулись коридоры, из которых вели входы в жилые помещения. Последние представляли собой однотипные планировочные ячейки, многократное повторение которых обеспечивало ритмичное членение фасадов.

Монастырь бригиток в Гродно (1642—1651) является показательным примером монастырского комплекса первой половины XVII в. Его территория обнесена пятиметровой каменной стеной с восьмигранными оборонными башнями по углам. Планировочная организация монастыря решена по традиционной схеме, с замкнутой композицией корпусов. Вход в костел для прихожан устроен через специальный тамбур, ограниченный дополнительными каменными стенами. Достопримечательностью являются великолепные по рисунку порталы — входы на территорию монастыря. Их архитектура, насыщенная барочным декором, очень пластична и разительно контрастирует с аскетичной гладкостью протяженных крепостных стен.

Монастырь картезианцев в Березе (1648—1689) является примером обширного и сложного монастырского комплекса второй половины XVII в. Архитектурно-планировочная схема монастыря опреде-

Аптека при иезуитском монастыре в Гродно, XVII в.— общий вид и план (по материалам XVIII в.)

Иезуитский костел в Гродно, XVII—XVIII вв.

лилась бытом монахов-затворников (картузов) и представляла собой совокупность изолированных ячеек-келий с вспомогательными помещениями и садиками. Кельи размещались по периметру замкнутого большого озелененного двора и объединялись с костелом коридорами. Костел согласно уставу ордена был разделен на две части — для мирян и монахов монастыря. Распластанный комплекс построек монастыря занял площадь свыше полутора гектаров. Объемы двух- и одноэтажных корпусов монастыря и вспомогательных служб, костела, сторожевых башен, брам пространственно объединялись высокой многоярусной башней-колокольней, поставленной у апсиды храма. В толще стен башни были установлены пушки. Система обороны включала граненые башни по углам корпусов и протяженные крепостные стены также с башенками, окружающими монастырский сад с прудом. Это был внушительный феодально-монастырский ансамбль, изолированный от внешнего мира не только укреплениями, но и своей внутренней планировочной организацией.

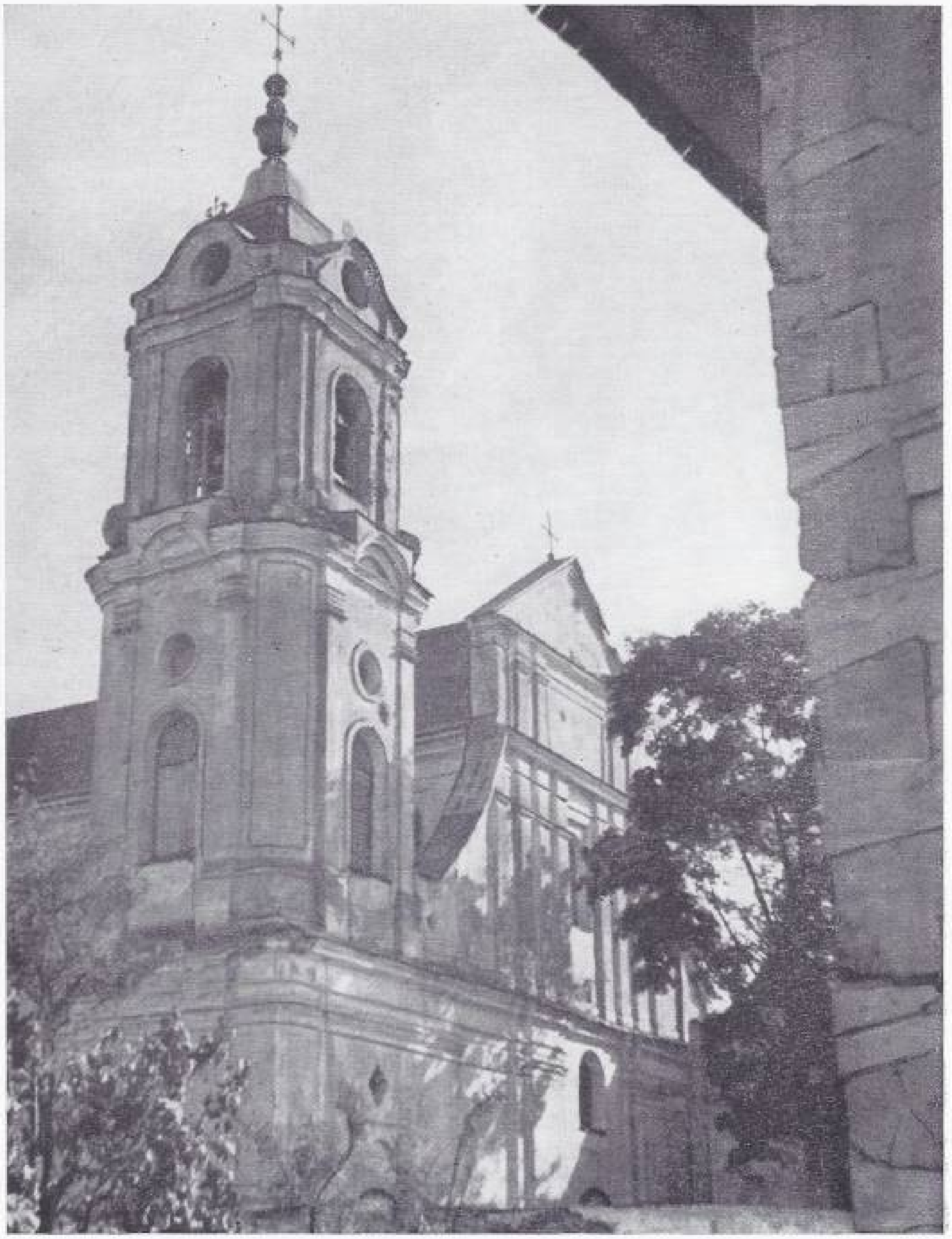

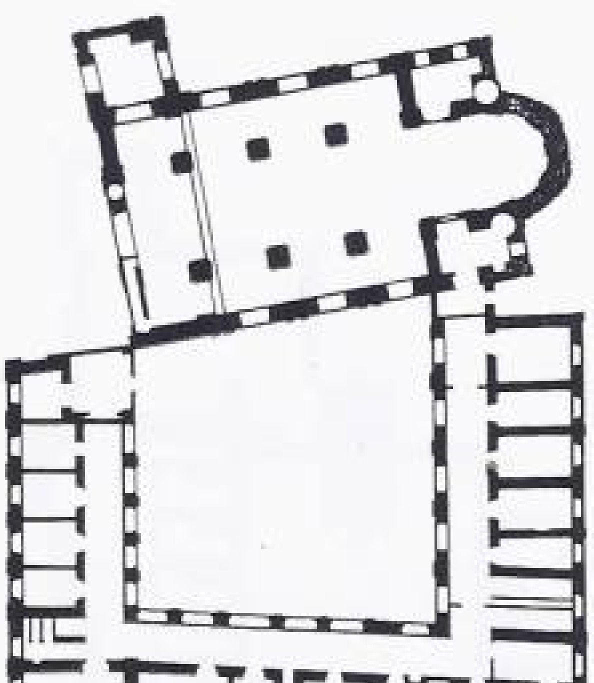
Своеобразный сплав архитектурных форм, пришедших с запада от католических храмов, и форм местного православного зодчества, имеющего корни, общие с русской архитектурой, ярко представляют униатские каменные церкви. Их планировочная и объемная композиция весьма разнообразна. Здесь наблюдаются и центрические построения, близкие памятникам русского зодчества (Бытень), и трехнефные базилики с чертами, типичными для католических храмов (Софийский собор в Полоцке после реконструкции), и небольшие постройки с простейшим прямоугольным планом и одной высокой башней (Новый Свержень), и монументальные трехбашенные композиции (Княжицы). Вместе с тем в униатских храмах встречается и новое решение интерьера и наружного объема, не свойственное православным и католическим культовым зданиям (Крестовоздвиженская церковь Жировичского монастыря).

Главный храм униатского монастыря *в Жировичах Успенский собор* был заложен в 1613 г. Эта монументальная постройка длиной свыше 55 м и высотой около 40 м имеет трехнефный одноапсидный план. В головной части храма некогда возвышались две башни.

Костел в Мяделе, 1754 г.

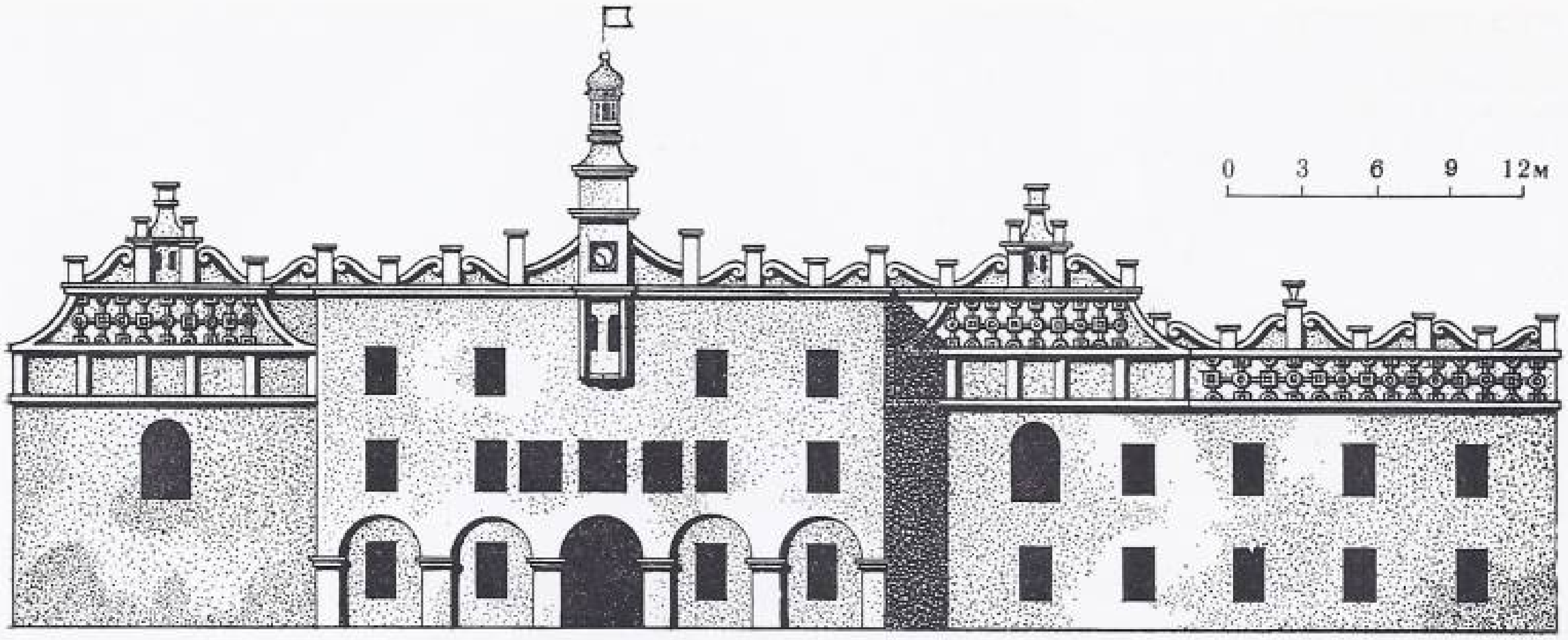
Францисканский костел и монастырь в Гродно, 1635 г.— XVIII в.— план и общий вид

В пределах основного объема собора эти башни сохранили свое первоначальное очертание. Интерьер собора имеет барочный характер: купол поддерживают массивные столбы сложного сечения, стены расчленены слоистыми пилястрами, нефы объединены высокими арками и т. д. После переустройства под православный собор в первой половине XIX в. храм приобрел классическую декорацию, а его отдельные фрагменты включили мотивы византийской архитектуры (портал главного фасада). Были разобраны башни, и главный фасад получил пофронтонное завершение; изменились форма и декорация светового барабана на куполе.

Монументальностью отличается бесстолпная *церковь в Княжицах* (Могилевская область), относящаяся к 1681 г. Боковые фасады, обработанные арочными нишами и спаренными пилястрами, значительно уступают по своей выразительности главному фасаду. Такая особенность была обычно характерна для костельных построек, в кото-

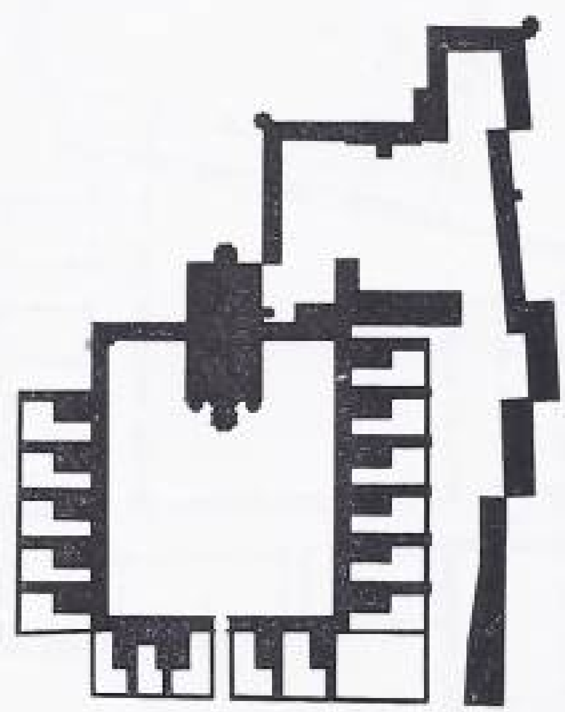
рых основной фасад концентрировал в себе всю мощь архитектурных форм и являлся как бы декоративной ширмой здания.

Главный фасад церкви представляет собой прямоугольный массивный щит, расчлененный по горизонтали на ярусы, а по вертикали пучками пилястр и плоскими нишами на три части. Каждая из частей, имея вытянутые пропорции, завершается небольшой башенкой с куполом и образует в целом выразительную силуэтную композицию. Преобладание вертикалей, как и сокращение высоты ярусов кверху, создает впечатление взлета храма. Нижняя часть фасада с порталом оригинального рисунка фланкируется по бокам двумя выступающими вперед стенками с арочными проемами. Эти стенки, напоминающие аркбутаны, не только придают постройке устойчивость, но и усиливают динамичность ее композиции. Кроме того, они создают как бы парадный дворик перед храмом.

В униатских церквах наблюдается своеобразный сплав приемов и форм православной и католической архитектуры. Как и само существо униатского вероисповедания, занимающего промежуточное положение между католичеством и православием, церковные постройки не имели своего определенного и достаточно ярко выраженного лица. Поэтому не случайно встречаются униатские памятники, близкие как к католическим, так и к православным постройкам.

К середине XVIII в. в результате наступления католической реакции многие униатские храмы почти полностью (за исключением алтарной преграды в интерьере) теряют какое-либо отличие от костелов. В этом отношении весьма показательной является архитектура *Софийского собора в Полоцке*, перестроенного, а точнее выстроенного заново Я. Глаубицем и Б. Коссинским в 1738—1750 гг. Храм был воздвигнут на месте развалин существовавшего здесь с XI в. православного собора того же названия. Остатки древних частей собора — восточные апсиды, части стен, подвальное помещение — были включены в новую постройку и нашли отражение в ее планировке (длина старой постройки определила ширину нового собора).

Главный фасад собора представляет собой двухбашенную барочную композицию, типичную для костельной архитектуры XVIII в. Многоярусные башни, массивные в основании и более легкие, пышно декорированные вверху, объединены между собой высоким фигурным щипцом. Щипец высится и над алтарной частью. Этот прием де-

Коллегиум в Несвиже, XVI—XVII вв.— главный фасад и план

Схема генплана монастыря в Картуз-Березе, 1648—1689 гг.

Коллегиум в Пинске, XVII в.— общий вид и брама

кора впервые появился именно в архитектуре Софийского собора и в последующие времена нашел значительное распространение в культовом строительстве на белорусской земле. В интерьере обращает на себя внимание замечательная трехъярусная алтарная преграда, представляющая собой переработку деревянного иконостаса. Произошло слияние традиционной православной формы с католической. Такие иконостасы неизвестны до XVIII в.

Униатский храм в Борунах (1747) свободен и живописен в своем построении: в нем нет симметрии, свойственной большинству культовых построек. В наружной архитектуре мало ощущается ордер, и основное внимание зодчий сосредоточил на силуэте постройки. Стена главного фасада с волнистой поверхностью, сложные волюты, фигурные фронтоны, повернутая углом декоративная башенка, портал входа и другие элементы придают костелу необычную мягкость очертания и пластичность.

Из небольших униатских храмов со своеобразным решением интерьера и внешнего вида выделяются *Крестовоздвиженская и Богоявленская церкви Жировичского монастыря*, построенные в формах рококо в 1769 г. Первая из них была храмом — кальварией. Многоступенчатая лестница, красочные панно и перспективный рисунок на задней стене создавали иллюзию обширности интерьера при скромных размерах плана постройки (12×25 м). Внешний вид церкви благодаря узкому главному фасаду, вытянутым пропорциям и стройным башням характеризуется устремленностью вверх.

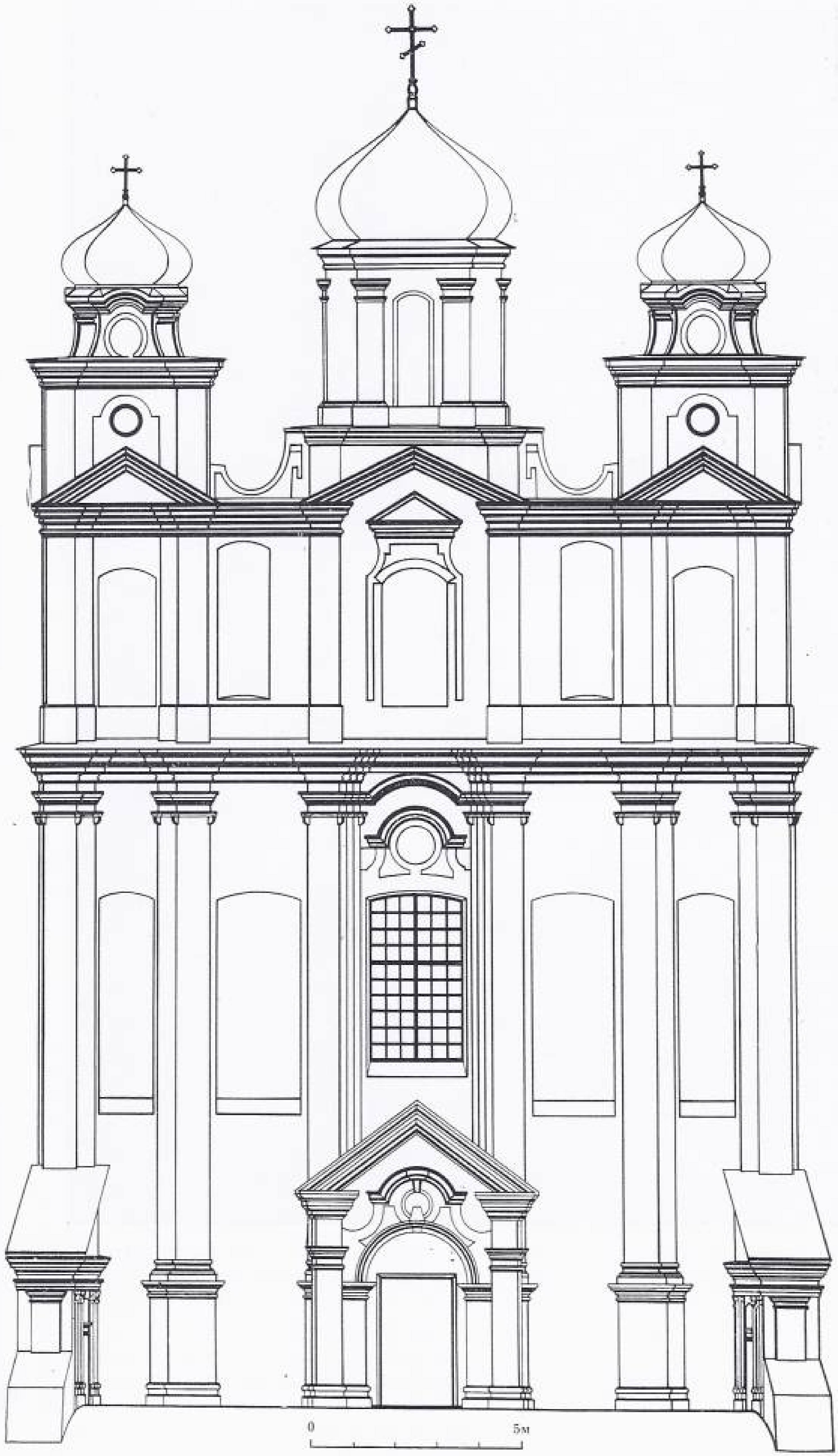
Богоявленская церковь — безбашенная. Ее общая вертикальность достигнута пучками полуколонн и резным щипцом на главном фасаде. Все декоративное убранство сосредоточено на этом фасаде, который, выступая за пределы объема, закрывает скромные боковые стороны церкви.

В последних больших *униатских храмах — в Орше* (1758) и *Березвечье* (1763) — новый стиль в архитектуре получил наиболее полное художественное выражение. Обе церкви представляют собой трехнефные базилики, в которых низкие боковые нефы прорезаны высоким поперечным, равным по высоте основному продольному кораблю. Идентично построение главных фасадов в виде двух башен по сторонам и фигурного щипца между ними. Такие же щипцы венчают торсы поперечных нефов. На фасадах видны проемы фигурного очертания, которые раньше наблюдались только в решении внутреннего пространства.

Большую художественную выразительность имеет иконостас храма в Березвечье. С помощью аркад он объединяется с обрамлением алтарей и приделов, создавая обширную декоративную композицию с многочисленными раскреповками пилястр, резными контурами арочных проемов и пр. Характер интерьера соответствует пышности костельной архитектуры. Окончательно костельную форму имеет интерьер оршанской униатской церкви: в нем высится многоярусный католический алтарь, а иконостас — извечная форма православного культа — отсутствует.

Во второй половине XVIII в. архитектура униатских церквей, так же как православных храмов и католических костелов, начинает принимать формы классицизма. Переход от барокко к классицизму намечается в униатском *Успенском соборе в Витебске*. Элементы барокко видны в композиции коринфского ордера, в силуэте башен, однако характер купола, фронтона, строгие наличники окон и входов свидетельствуют уже о значительной доле классицизма в этом храме. От большой насыщенности плоскости фасадов рельефом, обилия раскреповок, сложных силуэтных башенных композиций наметился переход к простоте и сдержанности в декорации.

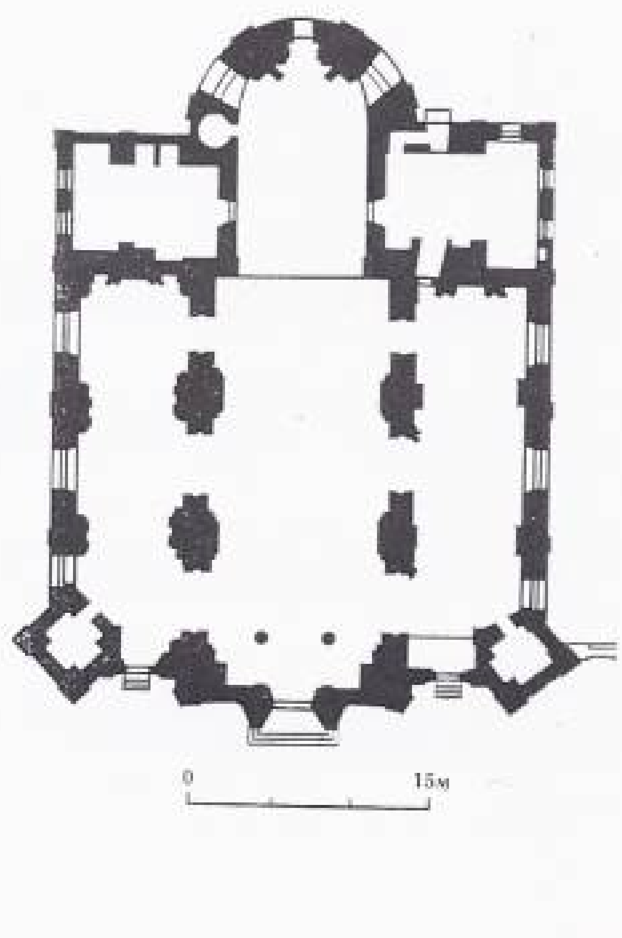
Главный фасад церкви в Княжицах, 1681 г.

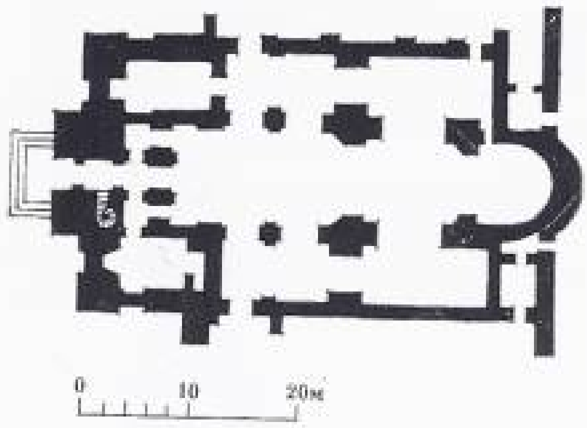

0
5м

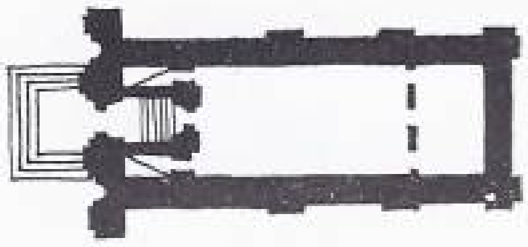

Костел в Борунах, 1755—1770 гг.— общий вид и план

Монастырский комплекс в Жировичах, XVII—XVIII вв.— планы Успенского собора и Богоявленской церкви, план и общий вид Крестовоздвиженской церкви, общий вид Успенского собора

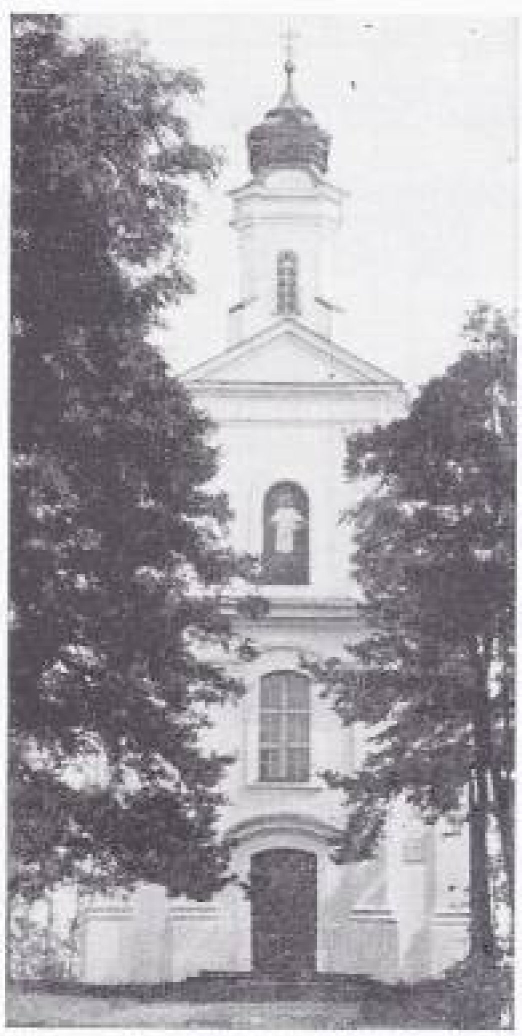

Деревянные униатские церкви, как и деревянные костелы, в процессе развития претерпели те же изменения, что и каменные постройки. Если в XVII в. униатские деревянные храмы строились, как правило, местными плотниками и больше напоминали православные церкви, то в XVIII в. в связи с усилением влияния католической церкви в них отмечаются изменения как плана, так и внешнего вида в сторону сближения с костелами. Тем не менее декоративная роспись интерьера (стен, столбов, потолков) не порывает связи с белорусским национальным искусством. Здесь использовались орнаментика и художественная композиция, распространенные в народном творчестве, в украшении предметов домашнего обихода.

* * *

Большую группу культовых зданий в Белоруссии составляют синагоги, строившиеся преимущественно в XVII—XVIII вв. На рубеже XVI и XVII вв. Речь Посполитая в силу ряда исторических причин стала одной из наиболее населенных евреями стран Европы. В это же время в Белоруссию усиливается наплыв евреев-эмигрантов с запада.

Центрами религиозной и общественной жизни еврейских общин были синагоги. Их размеры и расположение были различными и лишь в королевских городах (Гродно и др.) согласовывались с католическим духовенством. В частности, предписывалось, чтобы синагоги были не слишком высокими и не имели башен. Таким образом католические власти исключали своеобразную «конкуренцию» между храмами различных вероисповеданий. В малых городах ограничения в отношении высоты и наружного убранства синагог обычно мало соблюдались. Поэтому наряду с храмами и ратушами синагоги возвышались над рядовой жилой застройкой.

Синагоги, так же как православные храмы и католические костелы, отличаются разнообразием планировки и объемно-пространственного построения. Однако функциональная специфика синагог,

определившаяся их назначением не только как молитвенных домов, но и как мест дискуссий и судебных заседаний, оказала влияние на выбор наиболее рационального образца. Такой образец представлял собой центрическую композицию с амвоном (бимой). Последний, окруженный четырьмя столбами, являлся одновременно конструктивной частью постройки: па столбы опирались перекрывающие синагогу цилиндрические или крестовые своды, образующие девятипольную систему покрытия.

В каменной архитектуре Белоруссии известны синагоги только центрической композиции, восходящие к XVII в. (Новогрудок, Старый Быхов). Вместе с тем в силу рутинного характера еврейских общин такие композиции синагог повторяются и в XVIII в., хотя их декоративное убранство изменилось в духе костельного барокко того времени (Друя).

Синагоги в Пинске (1640), *Слониме* (1642), *Новогрудке* (1648) представляли собой компактный и довольно высокий центральный объем, имеющий зал, к которому с трех или четырех сторон примыкали пониженные помещения. Аттик, более характерный для светских построек XVII в., окружал невысокую четырехскатную крышу центрального объема постройки (Пинск). В других памятниках наблюдается отказ от аттика, применение высоких крыш и введение на торцовых фасадах барочного щипца (Слоним).

Особенностью синагоги в Старом Быхове (начало XVII в.) является круглая угловая башня, выступающая за пределы основной части постройки. Эта башня придает наружному облику синагоги крепостной характер. Разбивка окон зала на значительной высоте и устройство бойниц в аттиковом ярусе — также свидетельство оборонного характера постройки. Очевидно, в системе укреплений города синагоге отводилась определенная роль.

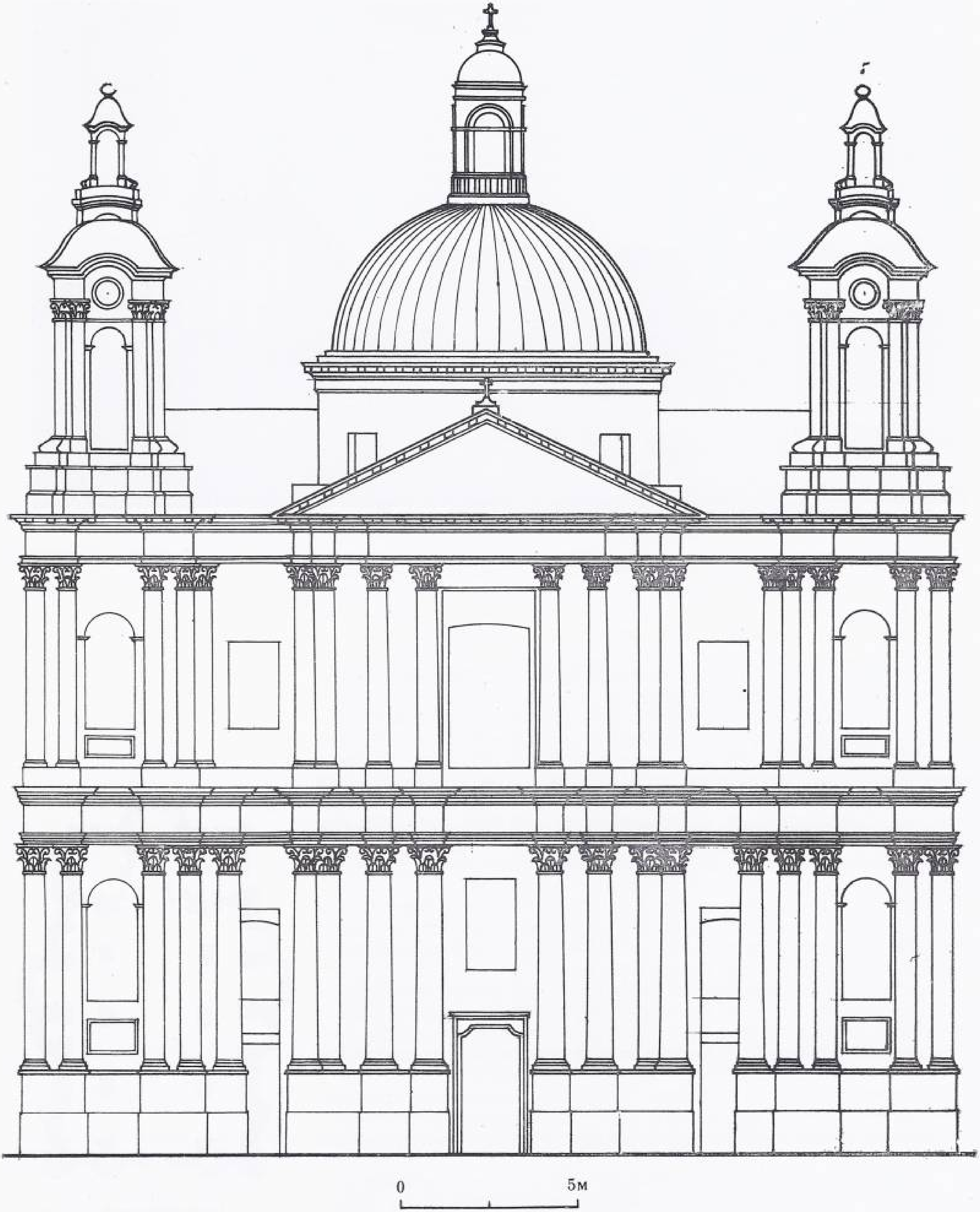
С конца XVIII в. в архитектуре каменных синагог наблюдается большая разнохарактерность и отход от традиционного типа. Многие синагоги получили облик светского здания с внутренней планировкой, лишенной того своеобразия, которым отличались постройки установившегося типа. Например, в *синагоге в Столине* (конец XVIII в.) отсутствует традиционный амвон со столбами, поддерживающими своды, и зал утратил былую ясную центричность композиции. Еще более отходит от традиционных приемов решение фасада: он расчленен на два яруса, верхний из которых обработан пилястрами и отмечен треугольным фронтоном. Такое построение до некоторой степени перекликается с архитектурой дворцовых построек того времени.

Каменная *синагога в Ивье,* относящаяся к концу XVIII в., архитектурой своего главного фасада напоминает жилой дом зажиточного горожанина.

В Белоруссии было особенно развито строительство деревянных синагог. Это объясняется не только изобилием строительного леса, но и тем, что белорусские плотники, имея многовековой опыт в деревянном строительстве, охотно брались за выполнение больших заказов такого характера. Применяя самые различные конструкции и используя многообразную декорацию, отвечающую пожеланиям заказчика, они вводили и свои традиционные конструктивные и декоративные приемы и формы. Поэтому не случайно в архитектуре деревянных синагог можно обнаружить целые фрагменты, аналогичные местным жилым или другим постройкам.

В исполнении сводов, являющихся существенной частью большинства деревянных синагог, наблюдается связь с каменным строительством как результат совместного труда и общего опыта плотников и каменщиков. Плотники, которые изготовляли для каменщи-

Фасад Успенского собора в Витебске (б. базилианский костел, с 1743 г.), перестроен в конце XVIII — начале XIX в.

0
5м

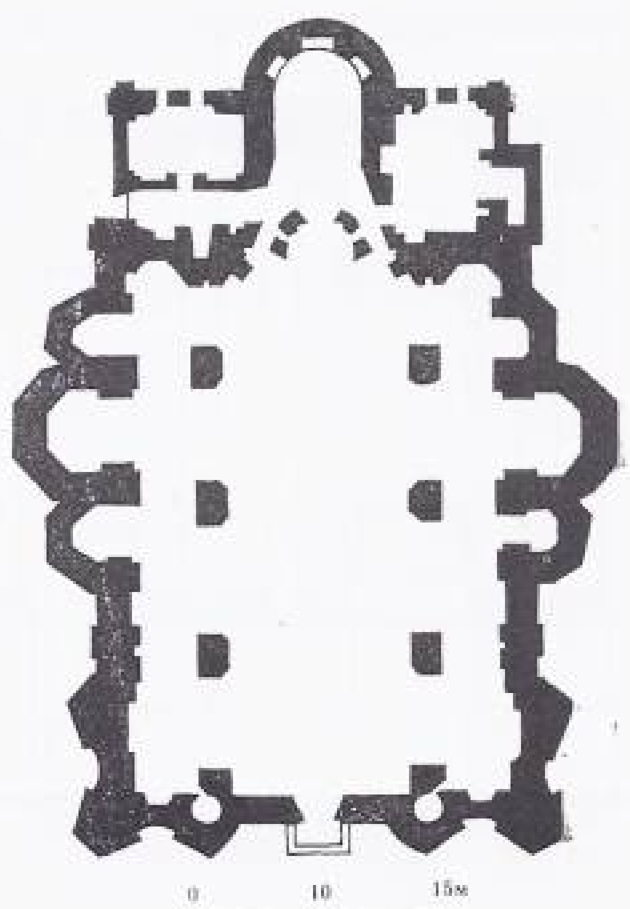
ков опалубку из досок или стропила, были хорошо подготовлены к сооружению деревянных сводов. Уместно сказать, что деревянные своды употреблялись также в каменных синагогах (Ошмяны). Это можно объяснить не только экономическими соображениями, но и тем, что дерево представляло бóльшую свободу в решении многих сложных форм перекрытия: в нем проще было создавать иллюзорные эффекты, столь типичные для сводов и куполов синагог.

Перекрытие главного зала синагоги деревянным сводом было почти обязательным принципом. Только отдельные малочисленные постройки имели плоское покрытие или перекрывались системой плоскостей, образующих подобие зеркального свода. Конструкции сводов были весьма разнообразными. Зеркальные (Глинна), лотковые или цилиндрические (Одельск), перспективные лотковые или сомкнутые (Лунна Воля) и другие деревянные своды не повторялись в своем решении, представляя в каждом конкретном случае самостоятельный характер и свое конструктивное воплощение.

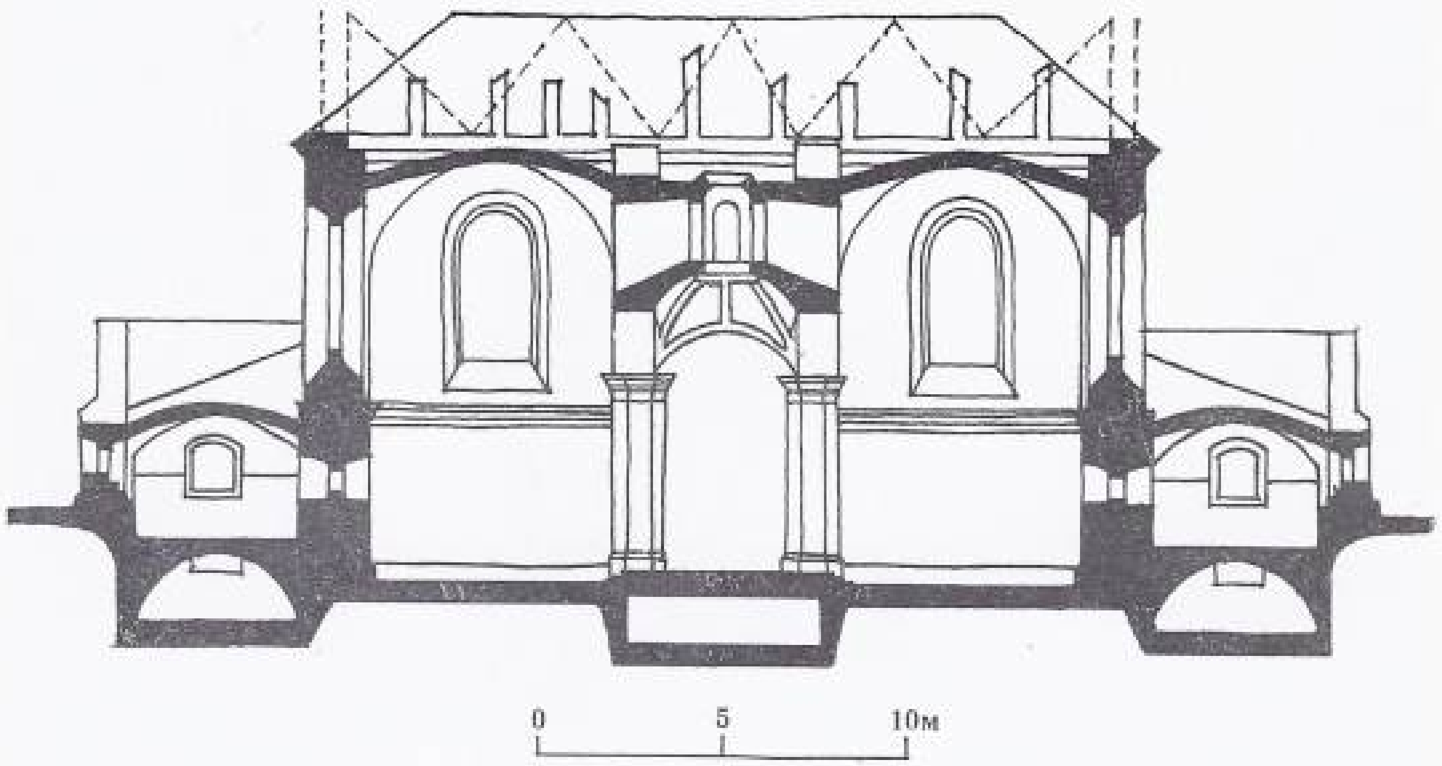
С XVIII в. форма сводчатых перекрытий обогатилась введением куполов. Деревянные купола были восьмигранными, что не только отвечало характеру материала, но и обеспечивало удобный конструктивный переход от квадратного плана зала.

Применение для перехода к своду промежуточного граненого барабана, характерного для каменного строительства, в деревянных синагогах не наблюдается. Вместо него использовался другой конструктивный элемент — плоские или криволинейные треугольники-паруса, которые устраивались в верхних углах зала. Такой прием в решении сводов вызвал развитие форм, напоминающих шатровое перекрытие (Кажан-Городок и др.). Паруса не только служили переходом от квадратного плана к восьмигранному своду, но и придавали всей конструкции бóльшую жесткость.

Между деревянными и каменными синагогами наблюдается прямая связь в планировке и пространственном решении. Здесь приме-

нялись два основных композиционных приема, определивших типологию синагог: или охват всех помещений в одном объеме, или выделение главного зала. В первом типе вся постройка покрывалась общей крышей (Глинна, Лунна Воля, Одельск, Узляны). Во втором типе к высокому главному залу с трех сторон примыкали постройки, которые обычно были ниже зала, поэтому последний доминировал в силуэте и всегда имел самостоятельное покрытие. Второй тип деревянных синагог, более сложный в своем построении и с выраженными характерными чертами, получил в Белоруссии наибольшее рас-

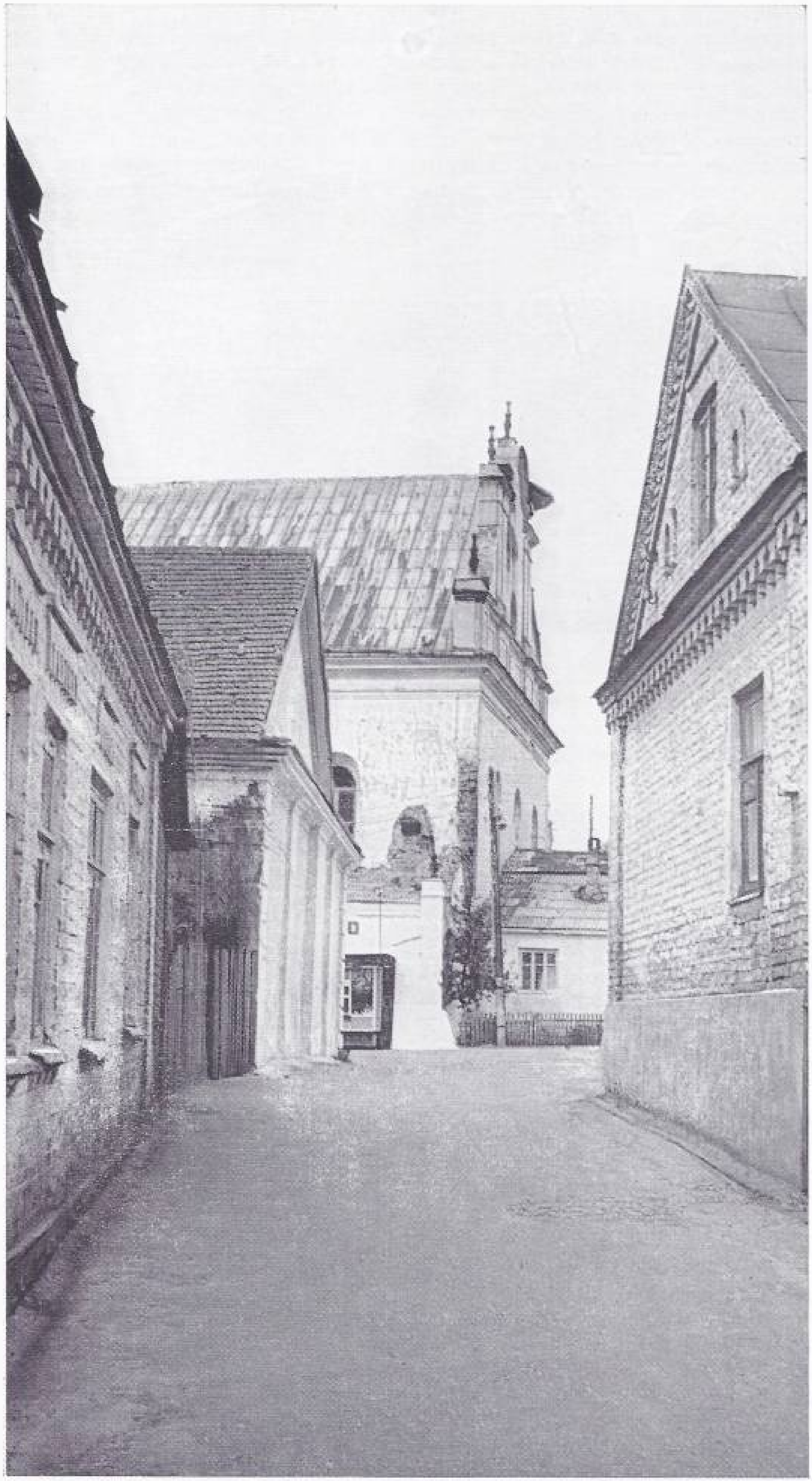

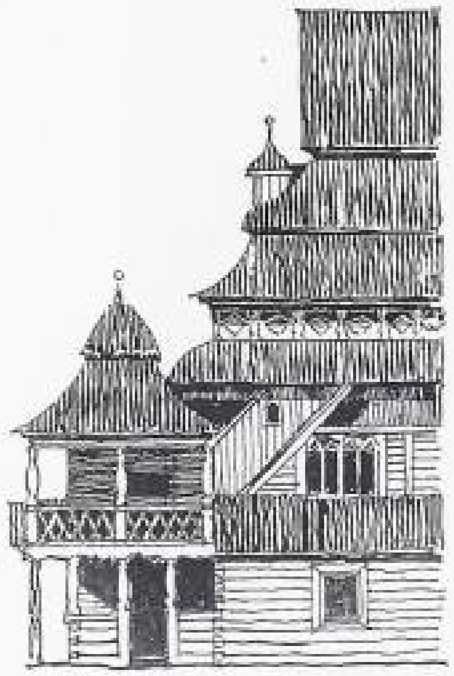

Софийский собор в Полоцке (перестройка 1738—1750 гг.) — вид со стороны Двины и план

Синагога в Пинске, 1640 г.— разрез

Резьба по дереву в интерьере синагоги в Волпе, XVIII в.

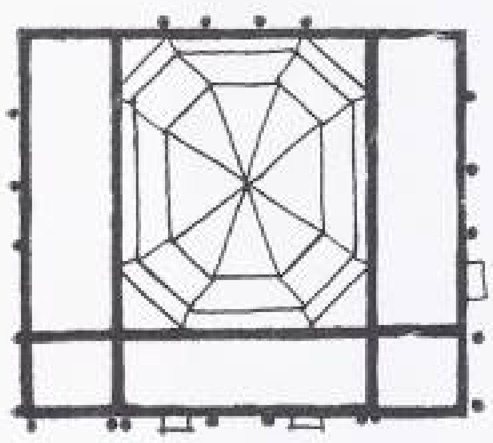

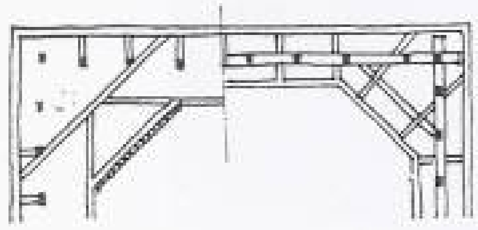
пространение (Волпа, Гродно, Кажан-Городок, Наровля, Озеры, Пески, Сопоцкин и др.).

План *волпинской синагоги* складывается из просторного зала и узких одноэтажных пристроек. Их западные угловые части в два этажа решены в виде башенок, напоминающих «алькежи» помещичьих усадеб. Башенки с резными балконами и столбами, напоминающими фрагменты жилья и хозяйственных построек, являются наиболее декоративными элементами синагоги. Их ломаные и мягко очерченные шатры-покрытия гармонируют с центральной крышей, имеющей ярусное построение. Сращение отдельных помещений образовало развитую симметричную композицию с уравновешенными массами и живописным объемным решением.

Главный зал синагоги квадратный, перекрыт восьмиугольным перспективным куполом. Переход к куполу осуществлен при помощи парусов. На них и на верхний венец сруба положена обрешетка, которая является основанием конструкции крыши и вместе с тем усиливает жесткость сруба. Снаружи крыша представлена тремя ярусами: верхний — двускатный с фигурным завершением в торцах, два нижних — четырехскатные. Оба нижних яруса имеют наслоенную конструкцию, а верхний — стропильную, опирающуюся на внутренние столбы. Несмотря на большую высоту, крыша благодаря ярусности кажется легкой, как бы парящей в воздухе.

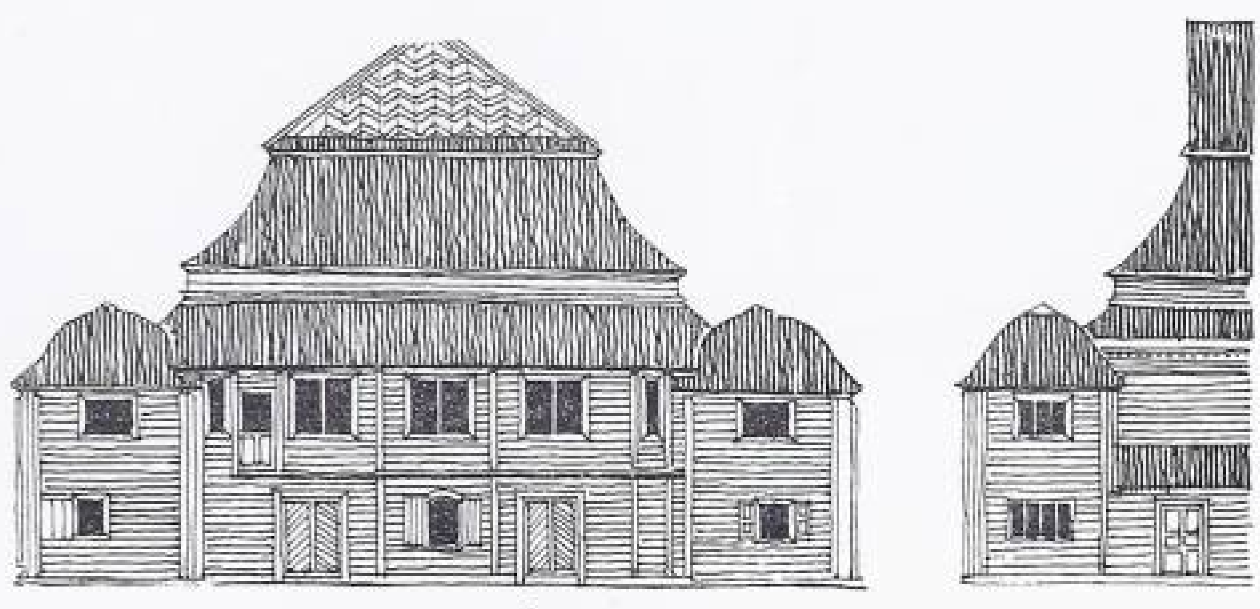
Гродненская синагога — бесстолпная, с планом, близким квадрату. Крыша стропильная и состоит из трех ярусов, каждый из которых изогнут и покрыт гонтом. Дощатая облицовка торцов верхнего яруса представляет собой простой геометрический орнамент. Крыши главного зала, угловых башенок (скирдообразные) и пристроек (односкатные) в совокупности создали сложное сочетание форм, придающее зданию своеобразное объемно-пространственное очертание. Интерьер синагоги украшен искусным резным орнаментом по дереву. Особенно в этом плане выделяются балюстрада под куполом, карнизы и граненый амвон-беседка с колонками и лучковыми арками. Гродненская синагога, как и волпинская, впитала в себя многие черты народного и усадебного жилища.

Аналогичные черты наблюдаются в деревянных синагогах в Наровле, Озерах, Песках, Сопоцкине и других памятниках этого типа. В своей проекции все они близки к квадрату, имеют центрическое построение и перекрыты куполом, не выделяющимся снаружи. К основному срубу — залу — примыкают более низкие помещения под самостоятельными крышами.

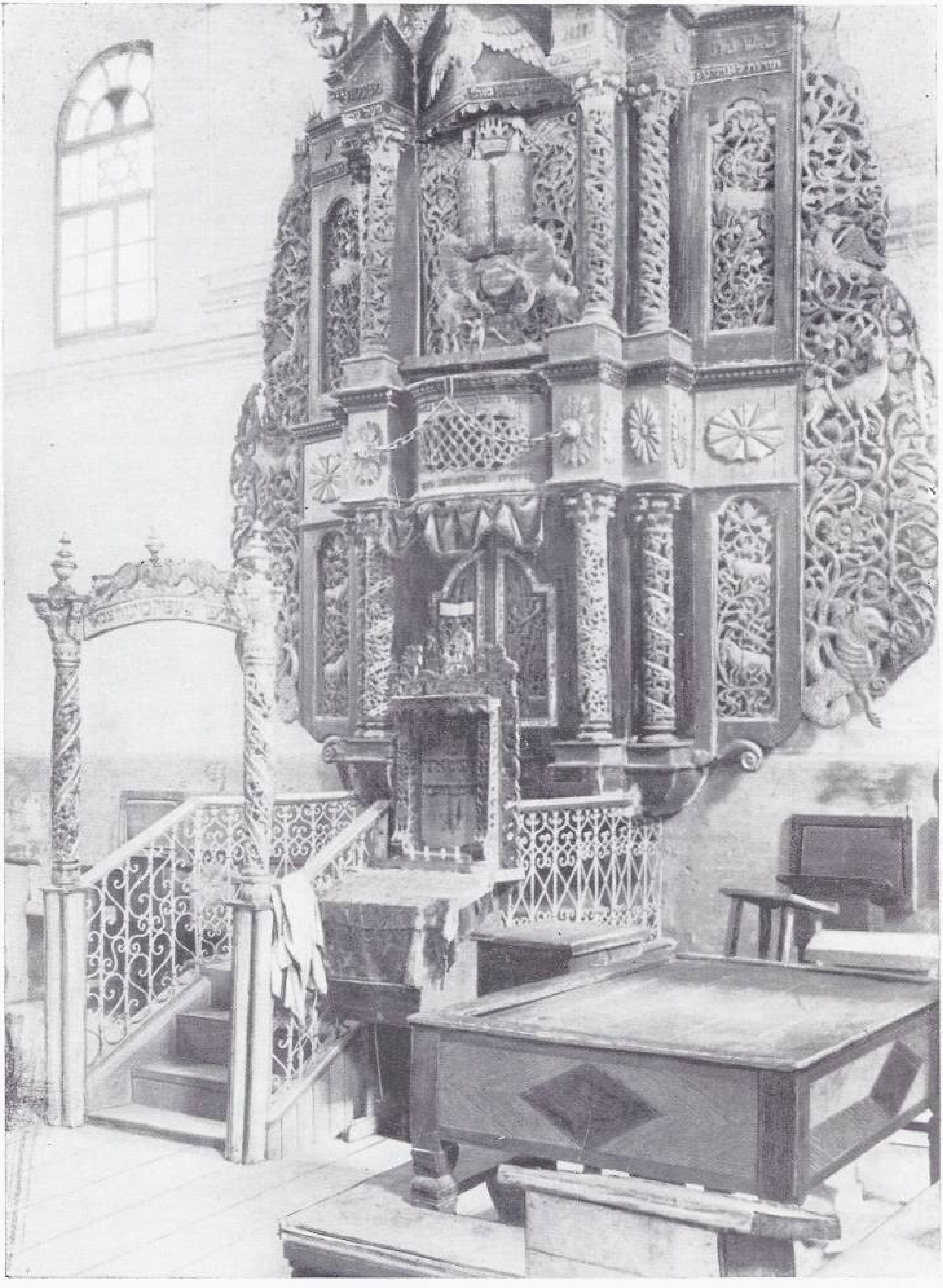
На главном фасаде деревянных синагог имеются двухэтажные башнеобразные пристройки, которые напоминают угловые башенки

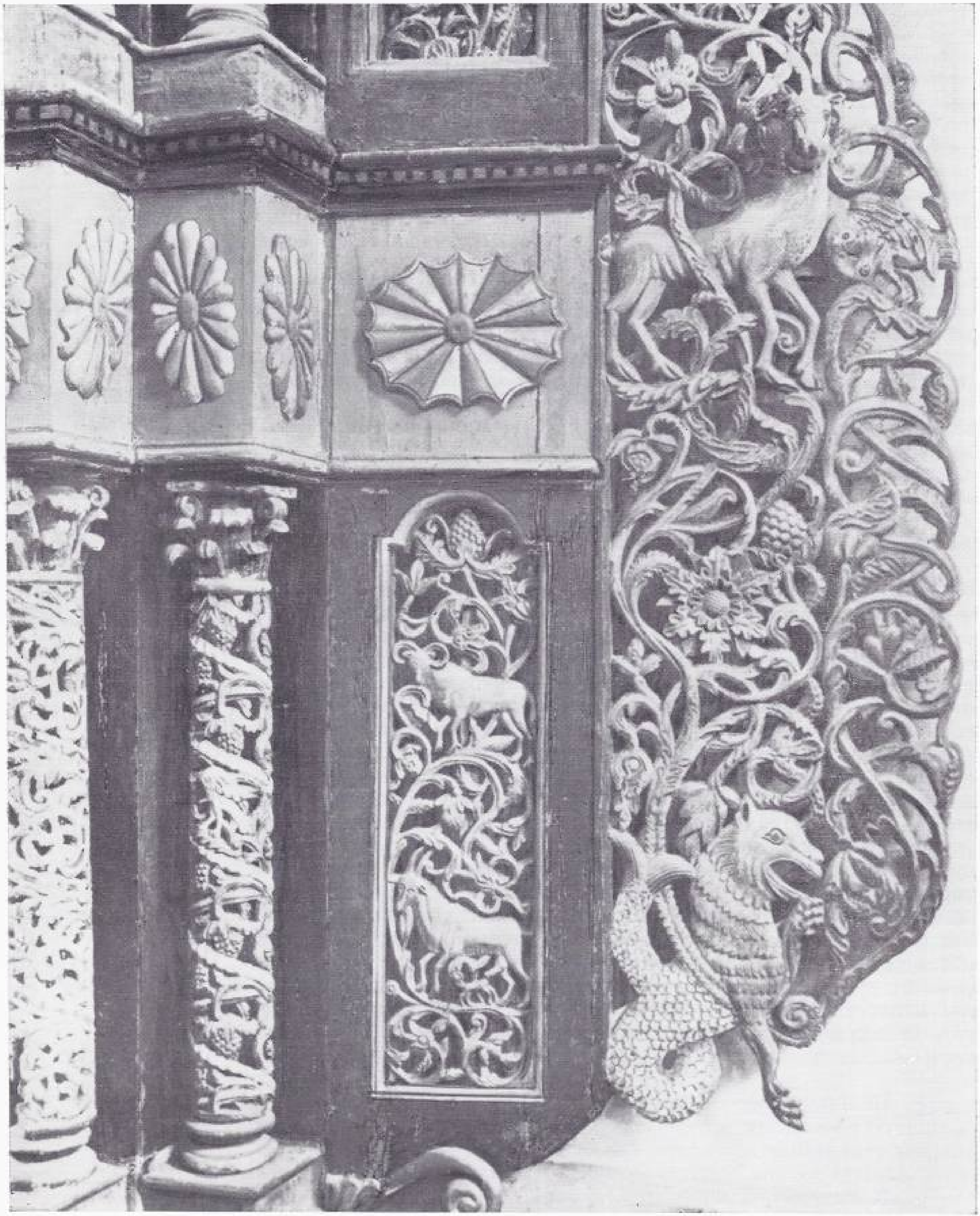

Синагога в Слониме, 1642 г.

Фрагмент фасада синагоги в Наровле, XVIII в.

Синагога в Гродно, XVIII в.— схема плана и конструкций перекрытия, фасады

Резьба по дереву в интерьере синагоги в Зельве, XVIII в.

помещичьих усадебных домов «с алькежами» и роднят эти постройки с культовыми зданиями оборонного характера и магнатскими замками. Декоративному убранству башенных частей синагог придавалось особое значение. Часто они украшались ажурными балконами с резными балясинами, столбами и арками, заимствованными из народной архитектуры. Вместе с тем наружный декор остальной части синагог весьма скромен, что вообще свойственно белорусскому деревянному зодчеству. Он сводится к дощатому узору щипца крыши, дверей и резьбе на карнизах. В противоположность архитектуре фасадов интерьер деревянных синагог получал обильную декорацию, которая складывалась из полихромии сводов и резьбы, включающей орнамент с изображением растений и животных.

Важным элементом композиции деревянных синагог была крыша, как правило, многослойная с криволинейными скатами. Большой объем и значительная высота ее определяли характерный силуэт синагоги. Прототипом такой крыши явились перекрытия усадебных домов и крупноразмерных хозяйственных построек, которые в целом были значительно проще, но вместе с тем часто двухъярусные, ломаные. Высокая крыша вмещала в себя внутренний восьмиугольный купол, искусно подвешенный к стропилам и фермам. По своему очертанию купол совершенно не отвечал форме крыши, хотя он также имел ярусное построение.

При рубке стен зала обычно применялись венцовая конструкция из брусьев, укрепленная по углам «в лапу» и обшитая досками. Иногда для жесткости стен использовались вертикальные стойки, обжимающие брусья сруба. Такой прием имел широкое распространение и в других видах деревянного строительства. В помещениях второстепенного значения применялась каркасная конструкция, также обшитая досками. Разработка отдельных деталей и соединение конструктивных элементов между собой принципиально не отличались от сельского и городского жилого строительства того времени. Только купольное завершение представляло собой более сложную конструкцию, но в своей основе также связанную с традициями местного деревянного зодчества.

В конце XVIII в. в синагогах появляются входные галереи с колоннадой (Озеры). Распространяются в дереве классические детали (капители, базы, массивные колонны) как результат влияния каменной архитектуры. С этого же времени наблюдается тенденция к упрощению системы перекрытия зала, отход от куполов к плоским сводам, применение более экономичных конструктивных решений. Эти изменения были связаны с общеисторическим процессом развития архитектуры, ее переходом от барокко к классицизму. Однако синагоги — памятники времен классической архитектуры в Белоруссии неизвестны, так как строительство их резко сократилось и сводилось преимущественно к реконструкции или поддержанию старых построек.

ГЛАВА V

АРХИТЕКТУРА БЕЛОРУССИИ ПЕРИОДА РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ЗАРОЖДЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА (КОНЕЦ XVIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Воссоединение Белоруссии с Россией (1772—1795) имело огромное прогрессивное значение в исторических судьбах белорусского народа.

Белоруссия под благотворным влиянием российской экономики быстро стала выходить из экономического упадка, обусловленного политикой магнатов Речи Посполитой, консервировавших наиболее застойные, пагубные для народного хозяйства формы феодальных отношений. После воссоединения с Россией в Белоруссии развиваются передовые для того времени капиталистические отношения, оживляется и расширяется торговля. Города начинают расти и благоустраиваться; увеличивается приток населения в них. Появляются новые типы построек, в том числе и промышленные. Например, в Кричеве в конце XVIII в. была построена судостроительная верфь.

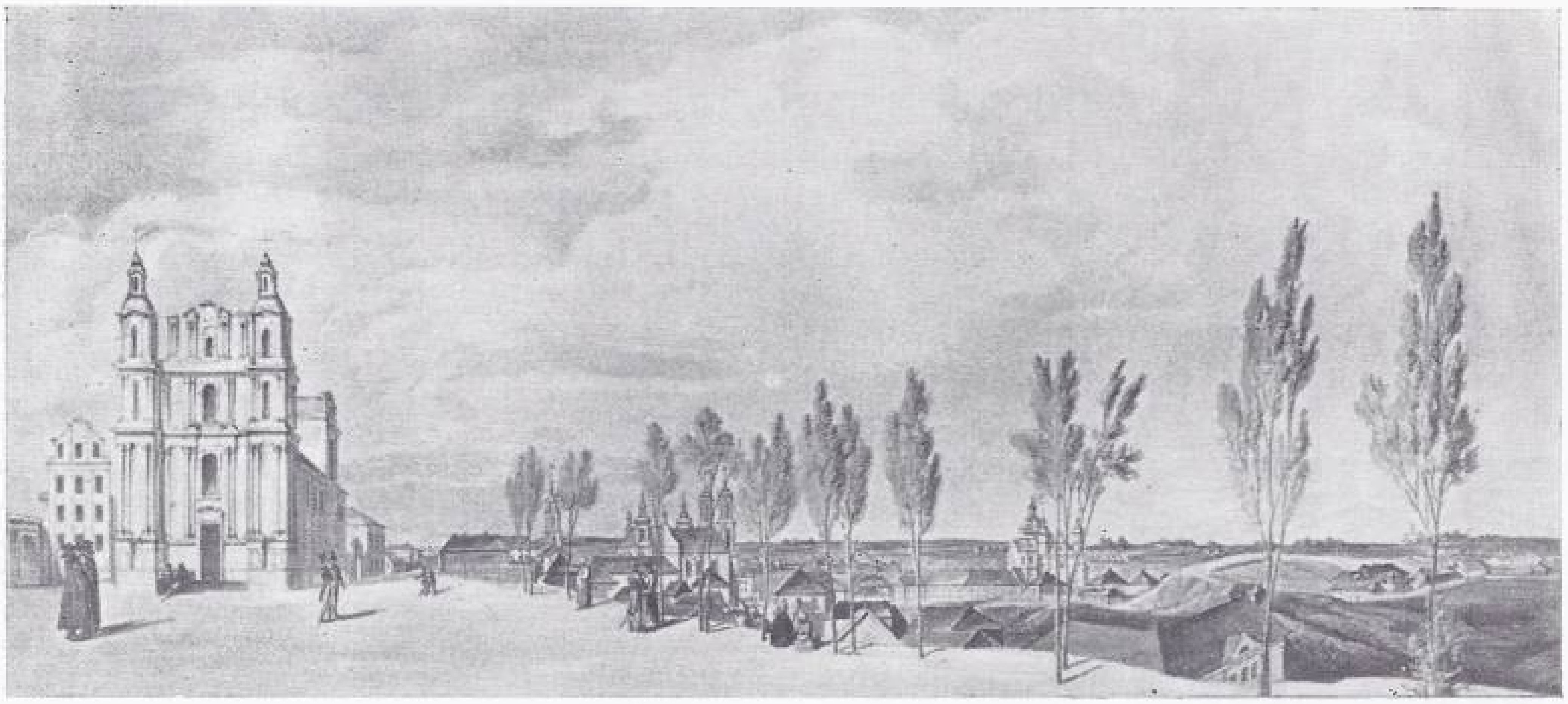
Строительство каменных зданий приобретает значительный размах. Из кирпича строятся не только здания для администрации, но и многие жилые дома и общественные сооружения. В связи с этим появляются новые кирпичные заводы, объем продукции которых был для тех времен значительным. Например, Кричевский завод давал более 2 млн. шт. кирпича в год, а на Гродненщине в начале XIX в. производилось более 8 млн. шт. кирпича.

В городах увеличивается число каменщиков. Многие из них, как и резчики по дереву, славились своим высоким профессиональным мастерством. Известны случаи, когда белорусских мастеров — каменщиков и плотников — направляли в русские города «в науку» (например, при расширении мануфактур в Шклове в 1801 г.).

Наступивший экономический подъем стимулировал широкий размах строительной деятельности. Многочисленные памятники XVIII — начала XIX в. представляют собой образцы утвердившегося классицизма в жилой, гражданской и культурной архитектуре. Выдающимися произведениями классицизма являются дворец в Гомеле, соборы Иосифа в Могилеве, Петра и Павла в Гомеле и др. В них наиболее ярко проявилась связь белорусской и русской архитектуры этого периода, отразилось благотворное влияние высокоразвитого русского классического зодчества.

Массовые градостроительные работы, начавшиеся в Белоруссии после ее воссоединения с Россией, велись при активном участии русских специалистов. Для белорусских городов разрабатывали проекты многие известные столичные зодчие, которые внесли важный вклад в развитие архитектуры и градостроительства Белоруссии. Например, в Могилеве архитектор Львов построил собор Иосифа, а Стасов — здание манежа; в Гомеле монументальный собор Петра и Павла возведен по проекту Кларка; в составлении нового плана Минска принимал участие Мельников.

С конца XVIII в. белорусское зодчество наряду с дальнейшим развитием местных и новых типов зданий и использованием народных

приемов декорации характеризуется все более широкими связями с русской архитектурой.

Значение архитектурно-планировочных работ конца XVIII — начала XIX в. для Белоруссии трудно переоценить: они знаменовали собой проникновение передовых градостроительных идей в большие и малые города страны. Приведение в известный геометрический порядок уличной сети, спрямление и расширение основных магистралей, укрупнение кварталов, создание площадей, увеличение городской территории — вот некоторые задачи, решавшиеся в проектных планах того времени. Строительство осуществлялось с учетом исторически сложившегося ядра города, с сохранением его наиболее самобытной части, насыщенной монументальными памятниками архитектуры. Таким образом, архитектурно-художественное своеобразие белорусских городов не исчезло, хотя в них была изжита путаная средневековая система планировки.

Несмотря на недостаточный учет рельефа местности и перспектив развития городов, регулярная планировка была прогрессивным явлением: впервые за свою историю город проектировался как одно целое. Новым явлением в белорусской градостроительной практике была также массовость планировочных работ.

В Белоруссии с конца XVIII в., так же как и в России, получили распространение типовые проекты жилых и общественных зданий. Здания по типовым проектам дополняли регулярную планировку городов, способствовали ее быстрому осуществлению на ансамблевых началах. В своих основных чертах проекты регулярной планировки были воплощены в жизнь к середине XIX в. Их осуществление, особенно в центральных районах, сказывается до сегодняшнего времени в Минске, Витебске, Гомеле и других городах. С помощью типовых проектов пропагандировалось все лучшее и передовое, что было в архитектуре. Кроме того, в условиях нехватки квалифицированных архитекторов быстрое и качественное строительство по регулярным планам с соблюдением противопожарных требований и приемов стилевого единства архитектуры можно было осуществить только при типовом проектировании.

Конструктивные приемы и декоративные формы классической архитектуры получили значительное распространение не только в ка-

Витебск — вид с Успенской горы на центр города, начало XIX в. (акварель И. Пешки)

менной, но и в деревянной застройке белорусских городов. Особые успехи в этом направлении наблюдаются в гражданском строительстве, в частности в постройке торговых рядов, возводившихся под контролем специалистов-архитекторов.

Долголетняя совместная жизнь белорусов с русскими, украинцами, литовцами и поляками обусловила взаимовлияние архитектуры их жилья. При этом на востоке страны с большей полнотой выступает влияние русского народного зодчества, хотя план, форма и конструкции сельской хаты остаются в целом одинаковыми для всей Белоруссии. Хата и ряд хозяйственных построек при ней скомпонованы по одной оси, перпендикулярно к улице. Земельные участки узкие и длинные. Дома располагаются на близком расстоянии друг от друга, часто почти вплотную. Эта особенность, ставшая традиционной, в большей или меньшей степени наблюдается во всех районах Белоруссии.

Сельское жилье без принципиальных изменений встречается в рядовой застройке белорусских городов, что определило проникновение в них устойчивых народных традиций строительства.

Параллельно с большим каменным строительством под влиянием нового стиля возникло много небольших оригинальных каменных и деревянных домов-усадеб. Их традиционное подковообразное построение с павильонами по бокам, известное из архитектуры барокко (Новощицы под Пинском, Дудичи под Минском и др.), все больше уступало место построению здания по одной линии, что более свойственно классицизму (Радзивиллимонты под Клецком, Чомбров под Новогрудком и др.). Портик становится частью композиции каждой усадьбы, однако еще долго продолжает существовать высокая крыша с характерным барочным очертанием (Воронча под Новогрудком, Маньковичи около Постав и др.).

Архитектура классицизма оказала сильное влияние на развитие художественных форм деревянного зодчества. Ордер был приспособлен к дереву — наиболее распространенному материалу как в сельских местностях, так и в городах Белоруссии. В связи с этим изменились пропорции ордера и допускалась импровизация его отдельных элементов. Белорусские мастера — плотники и резчики по дереву, освоив тектоническую систему и декоративные приемы классицизма, вносили в постройки и народные художественные традиции. Свободная интерпретация канонов классицизма в деревянных постройках придавала своеобразие их архитектуре.

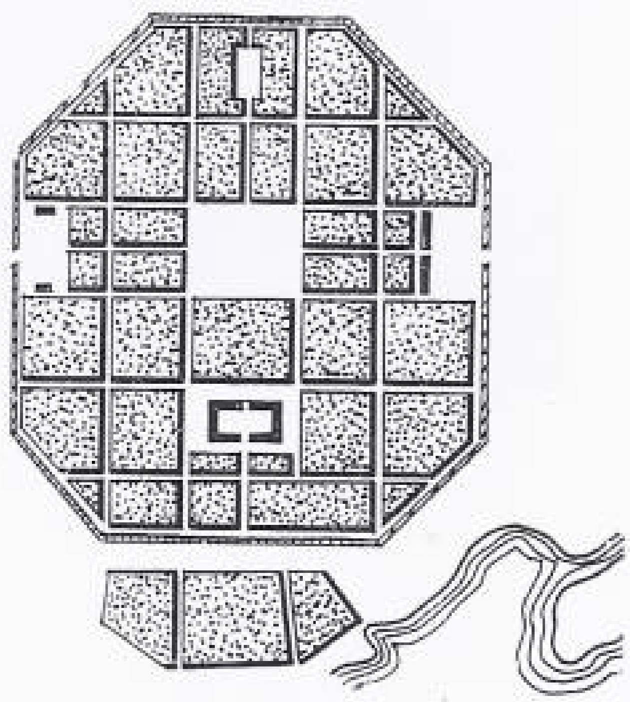
К середине XIX в. в белорусском зодчестве отмечается упадок классической школы и распад стилевого единства архитектуры, связанный с кризисом феодализма. Это время характеризуется отходом от ансамблевых приемов композиции, возникновением антихудожественных и реакционных эклектических течений в архитектуре.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

После воссоединения Белоруссии с Россией Екатерина II щедро жаловала русским дворянам в потомственное владение земли королевских старост, монастырей и конфискованных имений. В Могилевской губернии город Кричев был отдан Потемкину, Дубровно и «староство» Заблоцкое — Меньшикову (позже — владения Потемкина), Чечерск и Жлобин — Чернышеву, Гомель — Румянцеву, Шклов — Зоричу, Пропойск — Голицыну, Новый Быхов и Жиличи — Булгаку,

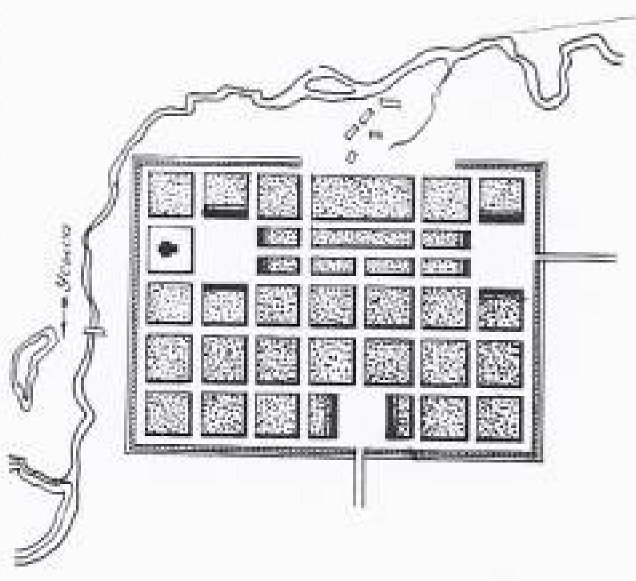
Тетерин — Салтыкову, Стрешин — Остерману, Буйничи — Пассеку и т. д.

Царское правительство стремилось получить поддержку помещиков белорусских земель, для того чтобы лучше удерживать в подчинении народные массы. На территории Белоруссии по-прежнему существовало крупное феодальное землевладение. Однако наличие сильной централизованной власти прекратило в стране феодальную анархию и произвол магнатов в городах. Им запрещалось иметь свои крепости, личные войска или захватывать в собственность небольшие города. Многие частновладельческие города и местечки были выкуплены казной и получили более широкие возможности для своего развития. Некоторые местечки были превращены в уездные центры и приобрели статут города. Новое управление было создано по образцу других городов Российской империи.

Воссоединение Белоруссии с Россией оказало благотворное влияние и на архитектуру Белоруссии. Русская архитектура к XVIII в. прошла большой и сложный путь развития. Расцвет помещичье-дворянского государства, а затем зарождение капиталистических отношений и оживление экономической жизни страны, реформы государственного управления, расширение военного аппарата сопровождались укреплением власти на местах. Все это требовало переустройства городов и строительства новых по своему назначению типов зданий. Решались большие градостроительные и ансамблевые задачи, возникшие с развитием государства. Это явилось основой подъема архитектуры во второй половине XVIII — начале XIX в.

Белорусские города с конца XVIII в. стали объектами изучения для русских специалистов. Историки, топографы, военные инженеры составили подробное описание городов, сняли их планы и сделали чертежи многих зданий. С 70-х годов XVIII в. в градостроительстве Белоруссии наметились коренные изменения. Белорусские города были включены в общий план переустройства городов Российской империи. Правда, в градостроительной деятельности правительства было много показного. Не случайно проекты городов утверждались «монаршим повелением». Некоторые из них, не имевшие предпосылок для экономического развития, так и остались почти неосуществленными. Но большинство городов претерпело существенные изменения как в планировочном, так и в архитектурном отношении.

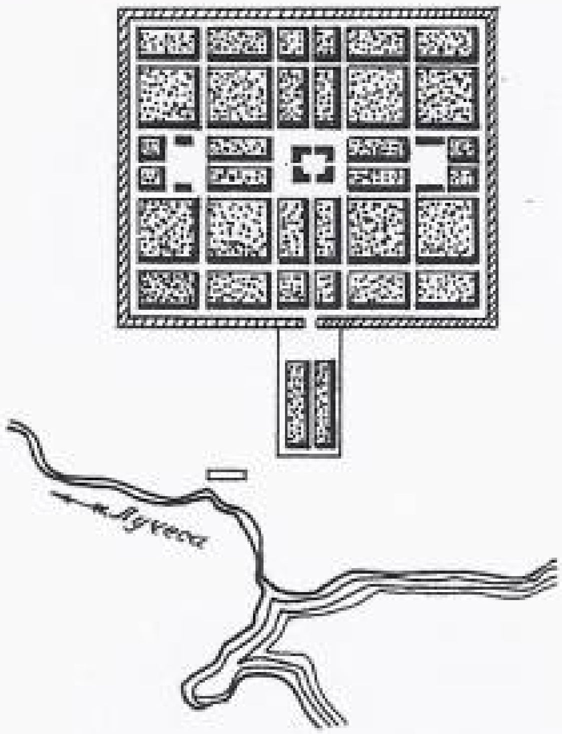

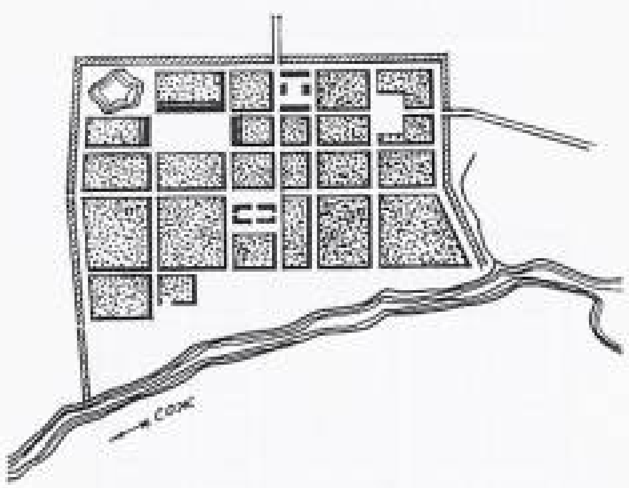
Мероприятия по переустройству белорусских городов решали задачи землеустройства, архитектурно-планировочного построения населенных мест и застройки их центральных районов. Землеустроительные работы сводились к определению земельной площади для города и установлению его границ. В натуре наносили планировочную сетку, разбивали в соответствии с утвержденным проектом кварталы и площади. Под городскую территорию выделялись земли, пригодные для застройки по естественным условиям и не принадлежащие частным владельцам. Это в значительной мере облегчило процесс городского переустройства.

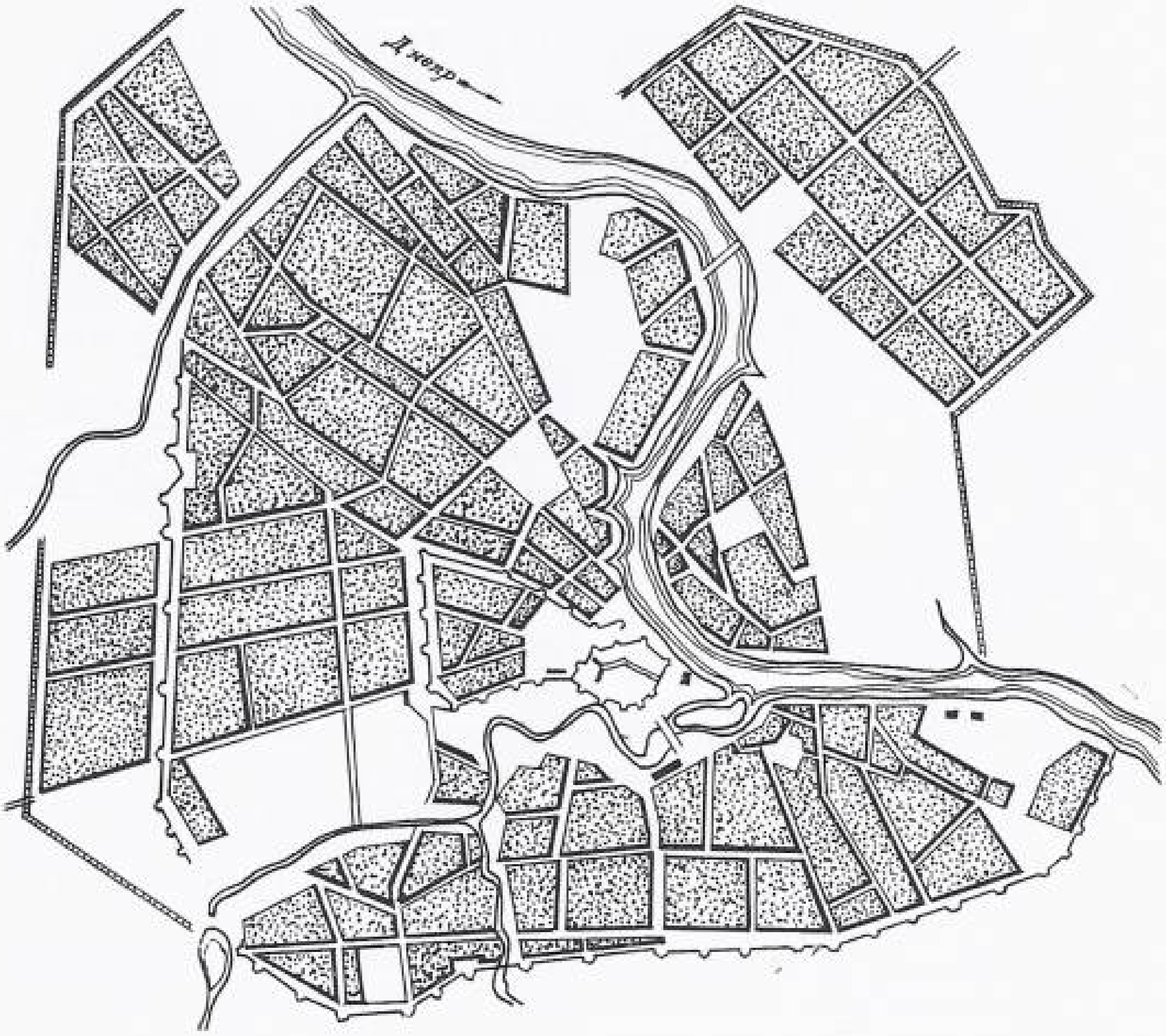

Большое значение в землеустроении имела фиксация его границ. Границы города обозначались земляными валами, рвами и т. д. Система валов отчетливо видна на планах Могилева, Орши, Минска, Бабиновичей, Рогачева. В планах Полоцка, Черикова и Климовичей, кроме земляных валов, были предусмотрены рвы или каналы. В натуре система рвов и валов, окружающих город, нашла лишь частичное осуществление. Въезды в города намечались через охраняемые ворота-заставы, число которых было различно.

В конце XVIII и первой половине XIX в. происходит коренная реконструкция белорусских городов. Капитальные сооружения, а также закрепившиеся улицы, проезды, площади учитывались проек-

Проекты планировки белорусских городов в конце XVIII — начале XIX в.— Чаусы, Городок, Слуцк, Бабиновичи, Чериков и Могилев

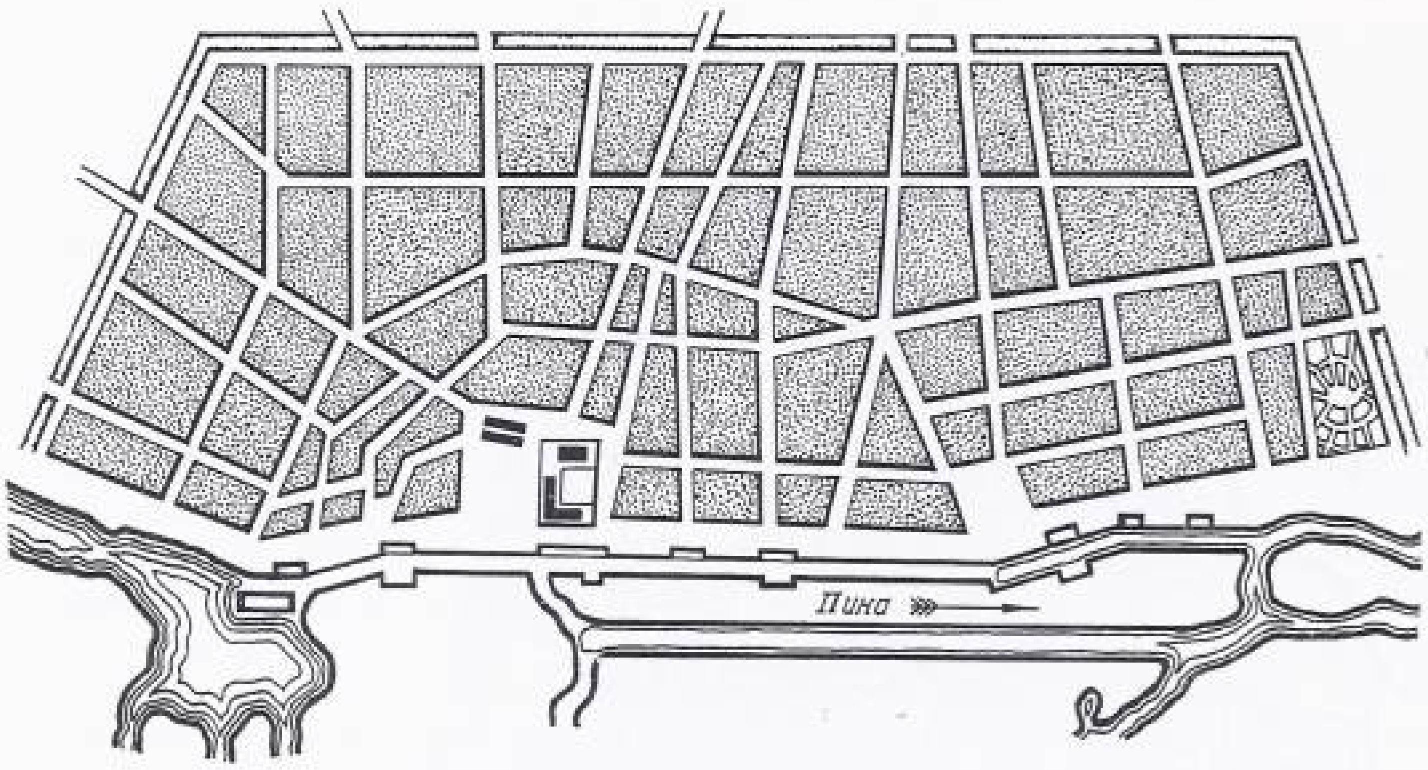
тировщиками и являлись опорными при перестройке города. Исторически сложившиеся интересные архитектурно-планировочные ансамбли сохранялись и почти всегда становились исходным началом композиции нового плана города.

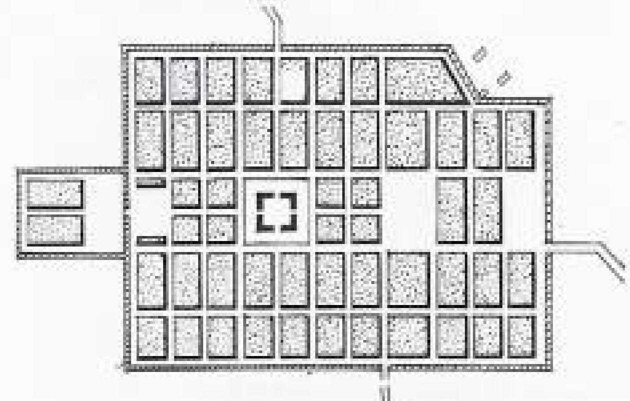
Встречаются примеры, когда городские поселения смещались на новые земли. Это обычно наблюдалось в незначительных поселениях, где отсутствовала возможность дальнейшего территориального роста.

В большинстве проектов учитывались природные условия и рельеф местности. Многие города расположены исключительно удачно: реки, озера, холмы использовались в процессе развития города и органически вошли в его архитектурный пейзаж. В Полоцке река Западная Двина явилась основой композиции городского плана. Планировка Себежа, небольшого городка, подчинена его полуостровному расположению. Холмы на территории Витебска и Минска были использованы для размещения городских центров.

Иногда ради строго симметричных регулярных плановых композиций рельеф местности учитывался мало. Это обстоятельство затрудняло строительство, и в натуре такие планы теряли свое значение, осуществлялись частично и в дальнейшем подвергались коррективам (Чериков).

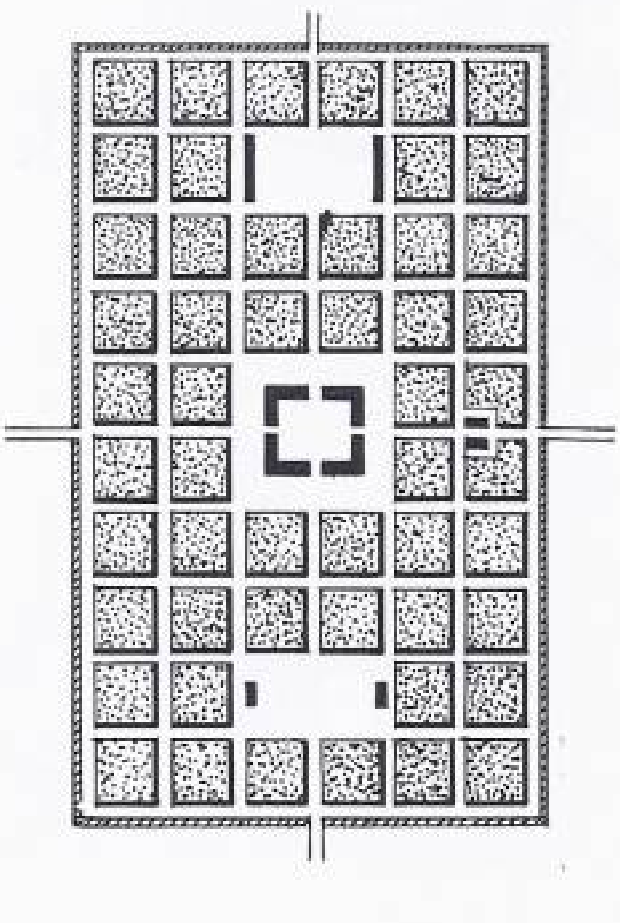
Перепланировка была подчинена интересам господствующего класса, что нашло прямое отражение в новом районировании городов. Принцип разделения города на центральную часть и предместья последовательно был проведен во всех проектах. Города разбивались на районы и кварталы, в которых устанавливались обязательные правила застройки. На окраинах разрешалось строить деревянные дома, а в городском центре возводились каменные здания: административные, культовые, а также жилье дворян, чиновников и купцов. Рай-

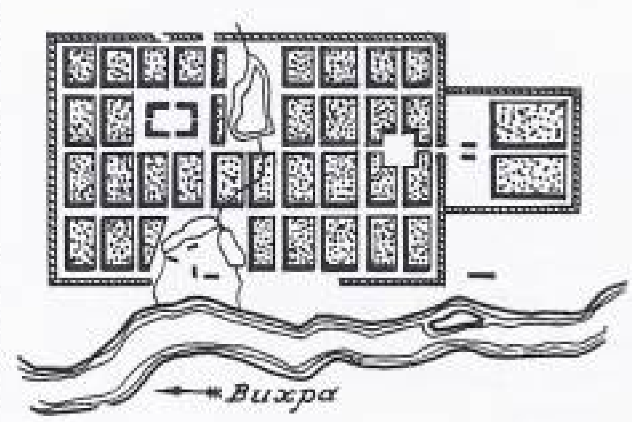
онирование городов по классовому признаку в значительной мере определило характер планировки и застройки городов того времени.

В конце XVIII и начале XIX в. наметилась новая композиция планов городов, основанная на принципах рационализма и классических идеалов. Им, как правило, придавалась форма прямоугольников или многоугольников.

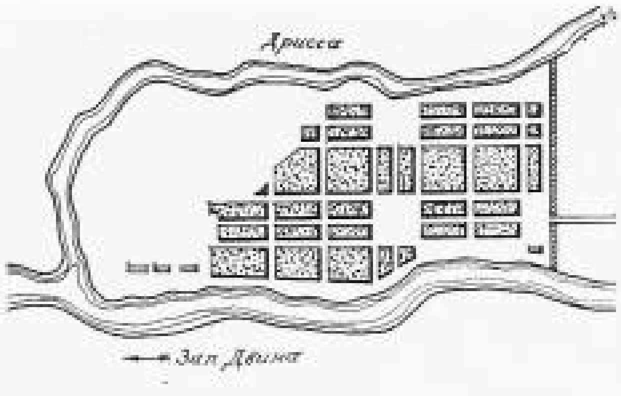

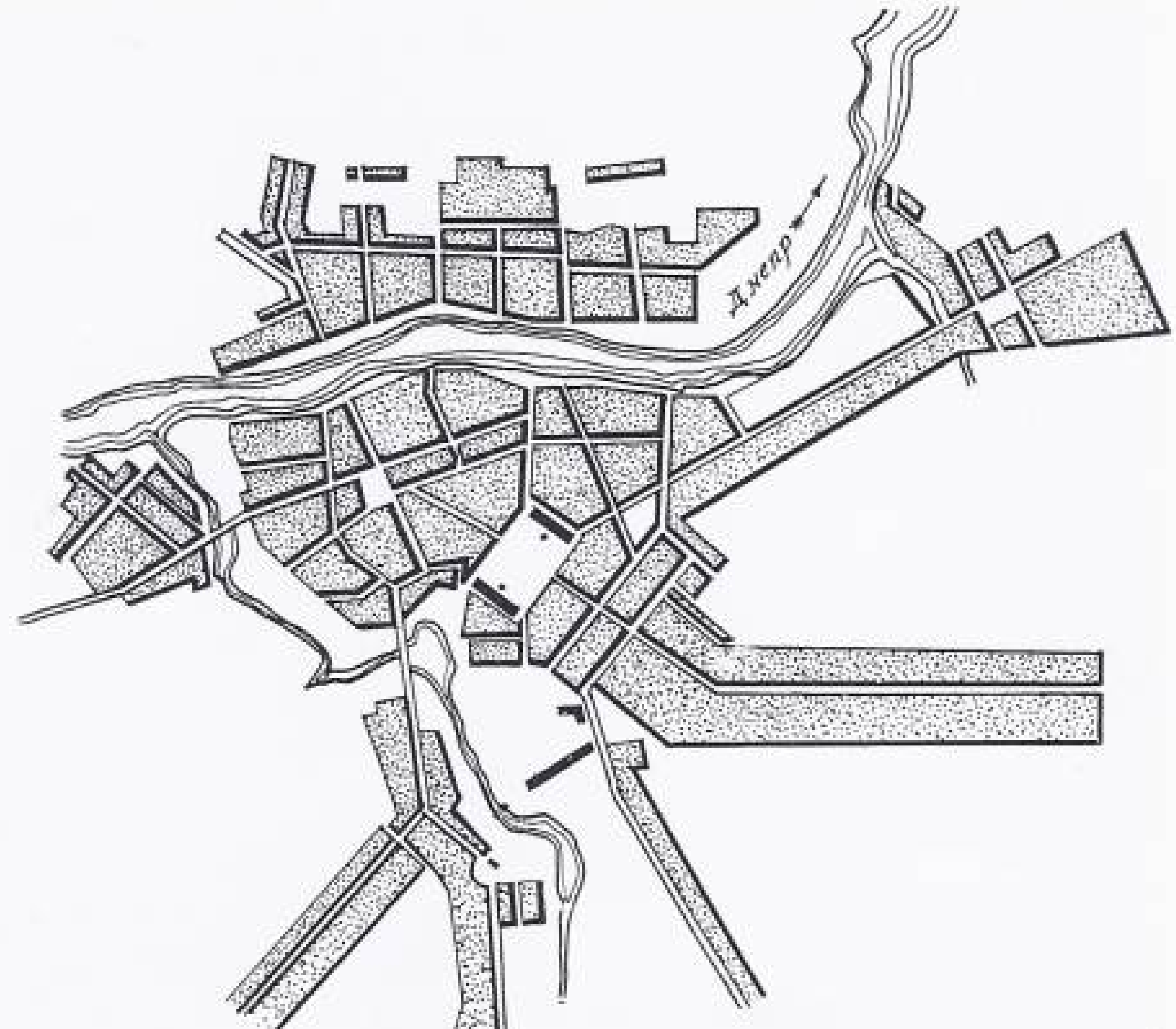
В каждой планировочной системе выделялись композиционные оси в виде основных улиц. Городской центр — обычно площадь — размещался в месте пересечения или точке схода таких осей. Этим центр города не только подчеркивался особо, но и органически увязывался с отдельными частями его. Место для городского центра отводилось на возвышенностях поблизости от реки. Известны примеры, когда центр города представлял собой систему двух-трех площадей, расположенных по одной оси — главной улице. В старых городах проектируемый центр обычно совмещался с исторически сложившимся главным ансамблем города. Архитектура центра определялась как новой застройкой, так и монументальным зодчеством XVII—XVIII вв., главным образом монастырями, костелами, коллегиумами. Это придавало центрам белорусских городов определенное своеобразие.

Наибольшее распространение получил прием прямоугольной планировки городов. Улицы пересекались под прямым углом, образуя квадратные или прямоугольные кварталы, часто одной величины. Главные площади, как и второстепенные, своими очертаниями также отвечали требованиям регулярности: все они имели многоугольную, прямоугольную, квадратную или круглую форму. Необходимо отметить, что в утвержденных в 1778 г. планах городов Могилевского наместничества была осуществлена однотипная схема планировки центральных площадей. В середине их размещались четыре корпуса для присутственных мест и гостиного двора. Однако в каждом из городов менялись размеры и соотношения сторон площади и в соответствии с этим изменялись форма и габариты комплекса указанных корпусов. В результате такого приема типовые черты в планировке и застройке площадей в натуре скрадывались.

Принцип регулярной прямоугольной планировки наиболее последовательно осуществлен в планах небольших белорусских городов, таких, как Бабиновичи, Климовичи, Городок, Сураж, Мстиславль, Чаусы. Особенно показательны в этом отношении уездные города

Проекты планировки белорусских городов в конце XVIII — начале XIX в.— Пинск, Копысь, Климовичи, Мстиславль, Дрисса и Дубровно

Бабиновичи и Климовичи, планы которых представляют собой «идеальные» планировочные схемы того времени.

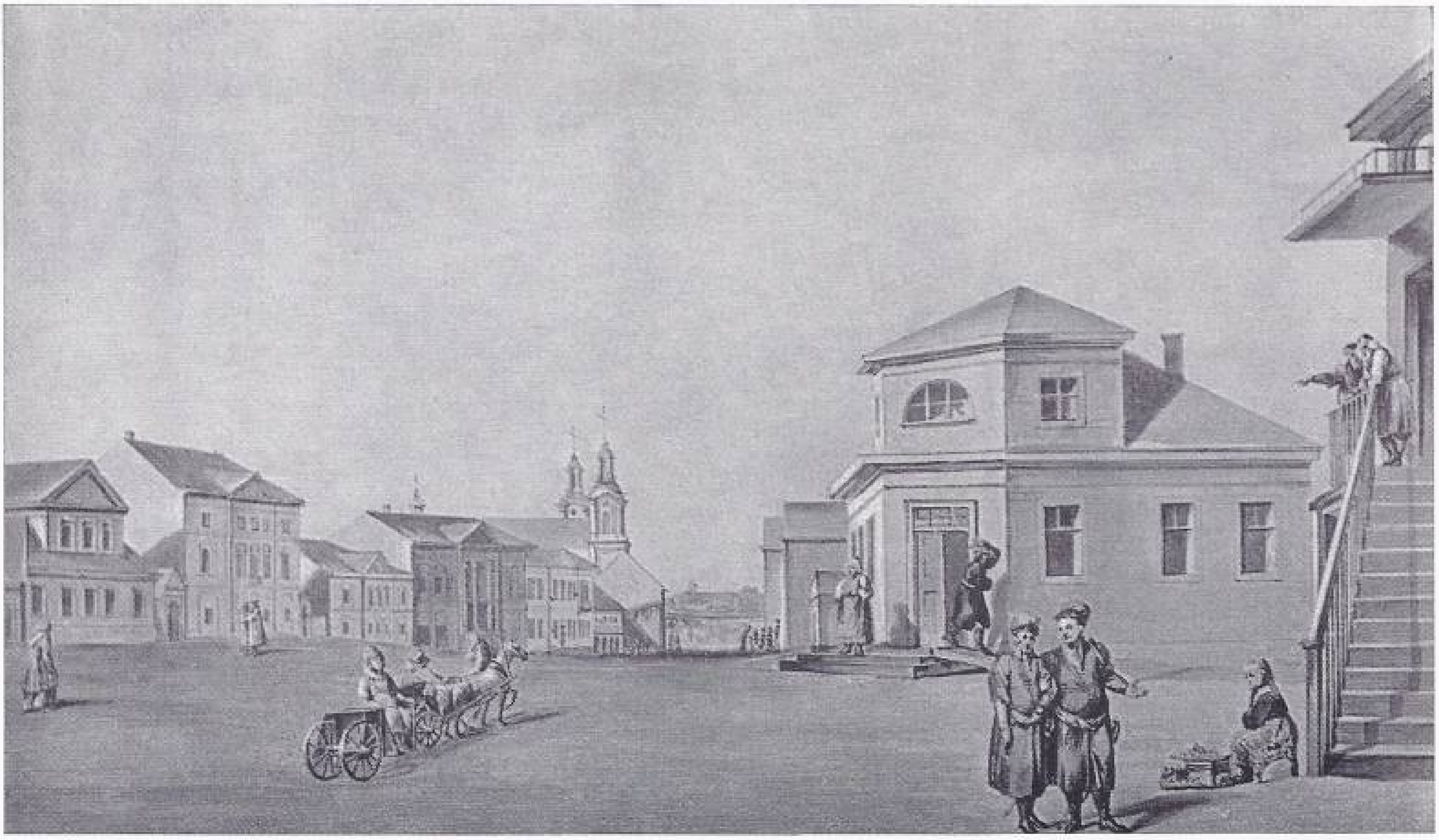
В ряде городов традиционная симметрия и центричность планов нарушены в связи с тем, что приходилось считаться с существующими строениями (Сураж, Копысь, Старый Быхов, Белица). В результате сочетания старых укреплений, культовых и других зданий, а также живописных прибрежных частей городов с новой регулярной планировкой появились отличные друг от друга плановые композиции, лишенные штампа и геометрической сухости.

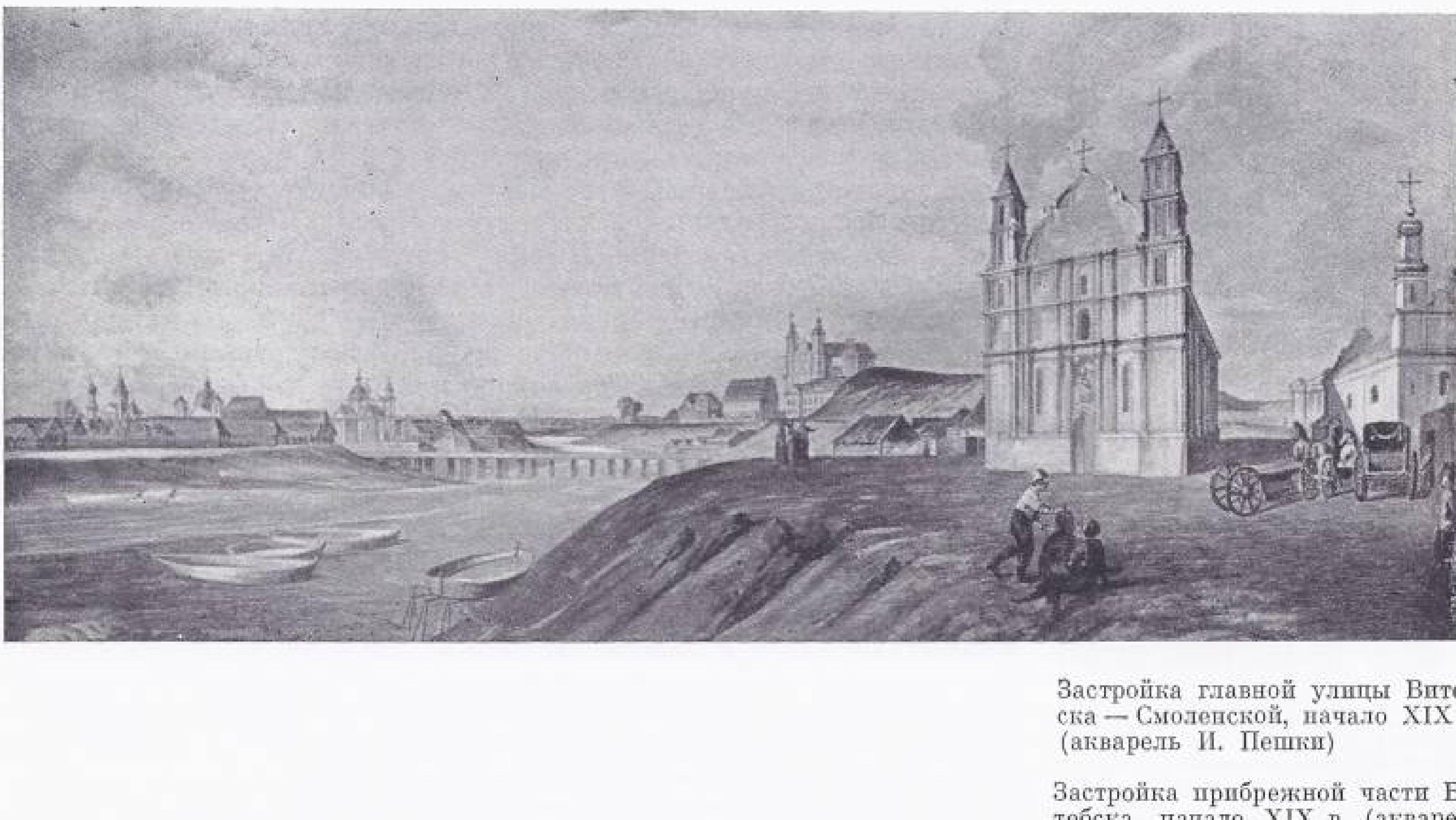
Значительно больший учет местных природных условий и исторически сформировавшихся планов и застройки наблюдается в больших белорусских городах — Полоцке, Витебске, Могилеве, Минске.

Древний *Полоцк* живописно расположился на реке Западной Двине в месте впадения в нее извилистой речки Полоты. После первого раздела Польши по реке прошла государственная граница. Основная, прибрежная, часть Полоцка отошла к России, а малонаселенный район Задвинья остался за Польшей. Поэтому первый проект планировки города, утвержденный в 1778 г., охватил земли Придвинья, Верхнего и Нижнего замков.

Центральная часть Полоцка с прямоугольной системой планировки исторически сложилась к середине XVIII в. Новый план был составлен с учетом существующей уличной сети и комплексов капитальных сооружений. Прямоугольная сеть улиц получила дальнейшее развитие и приобрела более правильную геометрически четкую систему. В определенной степени этому способствовал равнинный характер большей части городской территории. Многие старые улицы и переулки города ликвидировались, укрупнялись кварталы, увеличивалась ширина основных улиц.

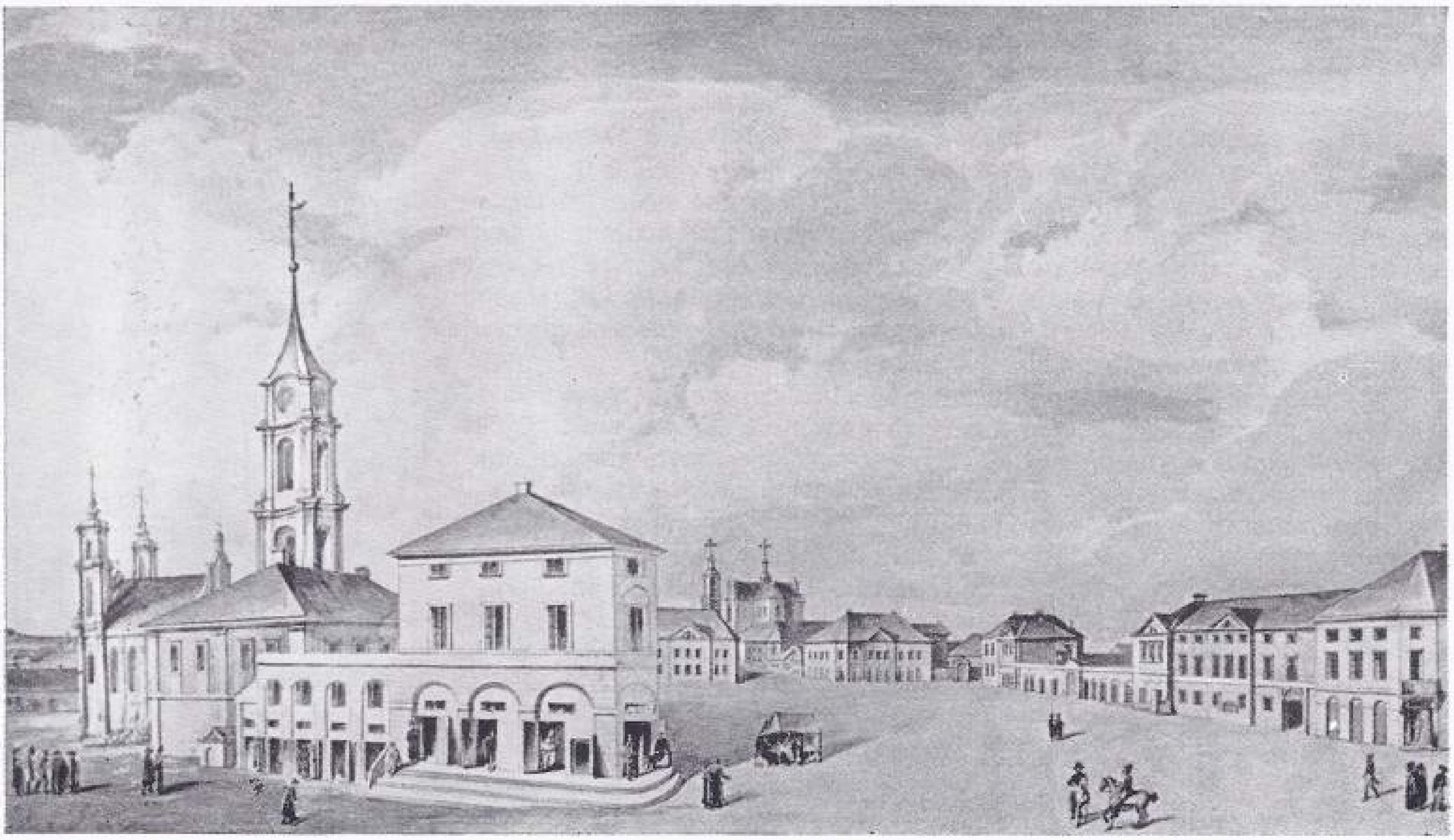
Составители плана понимали важное значение широкой и полноводной Западной Двины для художественного облика города и вклю-

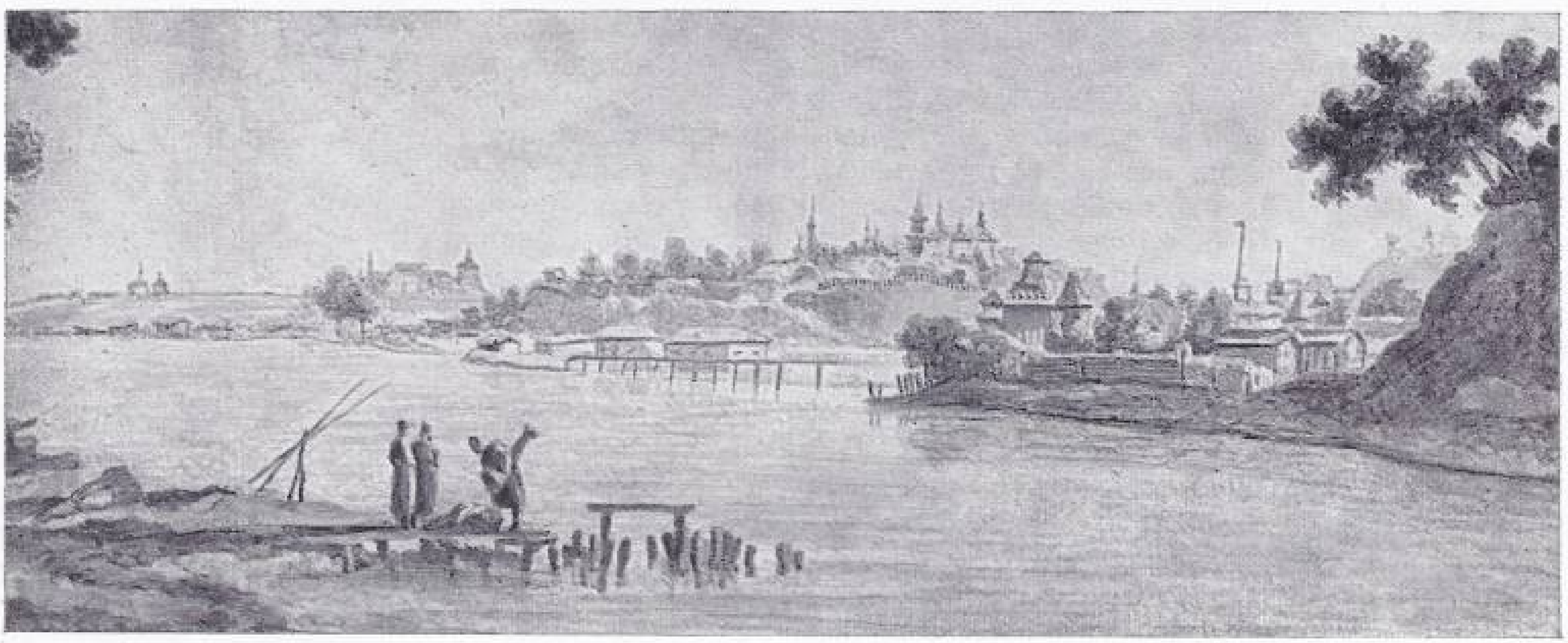

Застройка главной улицы Витебска — Смоленской, начало XIX в. (акварель И. Пешки)

Застройка прибрежной части Витебска, начало XIX в. (акварель И. Пешки)

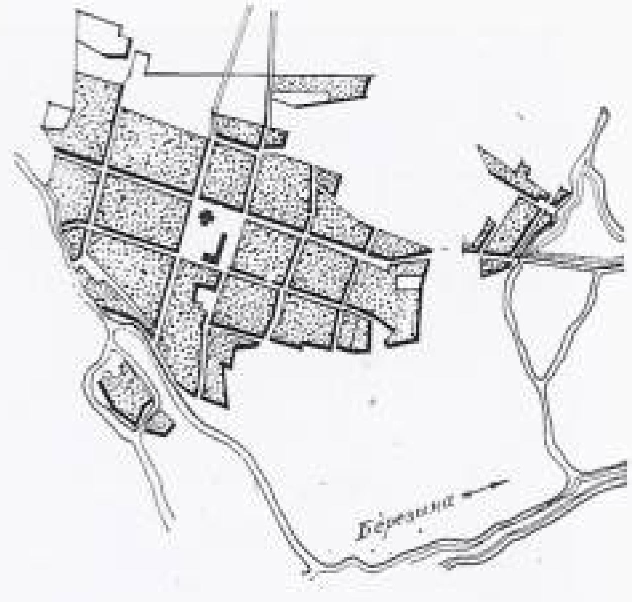

Застройка ратушной площади в Витебске, начало XIX в. (акварель И. Пешки)

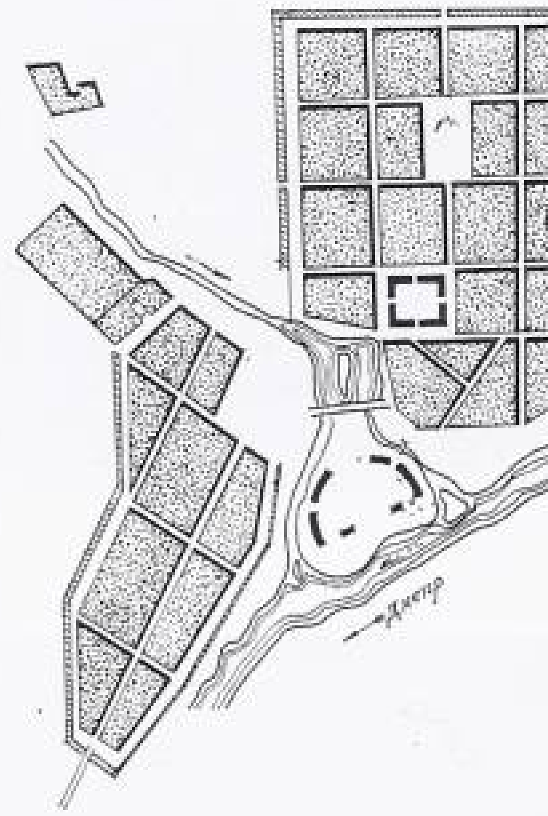
Вид на Кричев с реки Сож, конец XVIII в. (акварель М. Иванова)

чили ее в общую композицию Полоцка. Основные улицы и площади располагались вдоль реки или поблизости от нее. Большое внимание было уделено созданию городского центра, который состоял из двух площадей, связанных между собой тремя параллельными улицами. Средняя из них — главная улица — совпала с осью композиции всего центрального района города.

Главная площадь города в виде прямоугольника в 1,6 га совмещена с существовавшей площадью перед монументальными зданиями иезуитской академии и костела. Эти постройки вскоре были преобразованы в кадетский корпус и кафедральный Николаевский собор. В ансамбль площади также вошли различные казенные строения, которые придали ему новое содержание.

Большинство казенных зданий на площади было создано в соответствии с типовыми проектами второй половины XVIII в. Их архитектурный облик был подчинен идее создания представительного центра. При этом интересовались не столько раскрытием индивидуального содержания зданий, сколько их ролью в ансамбле. Застройка площади группой типовых зданий ускорила процесс формирования нового центра и обеспечила стилистическое единство ансамбля.

Вторая площадь, расположенная выше по течению Западной Двины, стала торговым центром города. По проекту в ее застройку вошли здания магистрата, торговых рядов, склады и амбары для хранения товаров и, наконец, жилые дома купцов и ремесленников. Из планов позднейшего времени видно, что здание магистрата не было построено. В городе было намечено устройство еще нескольких площадей, главным образом рыночного значения: для продажи сена и дров, для молочных лавок, кузниц и мясных рядов.

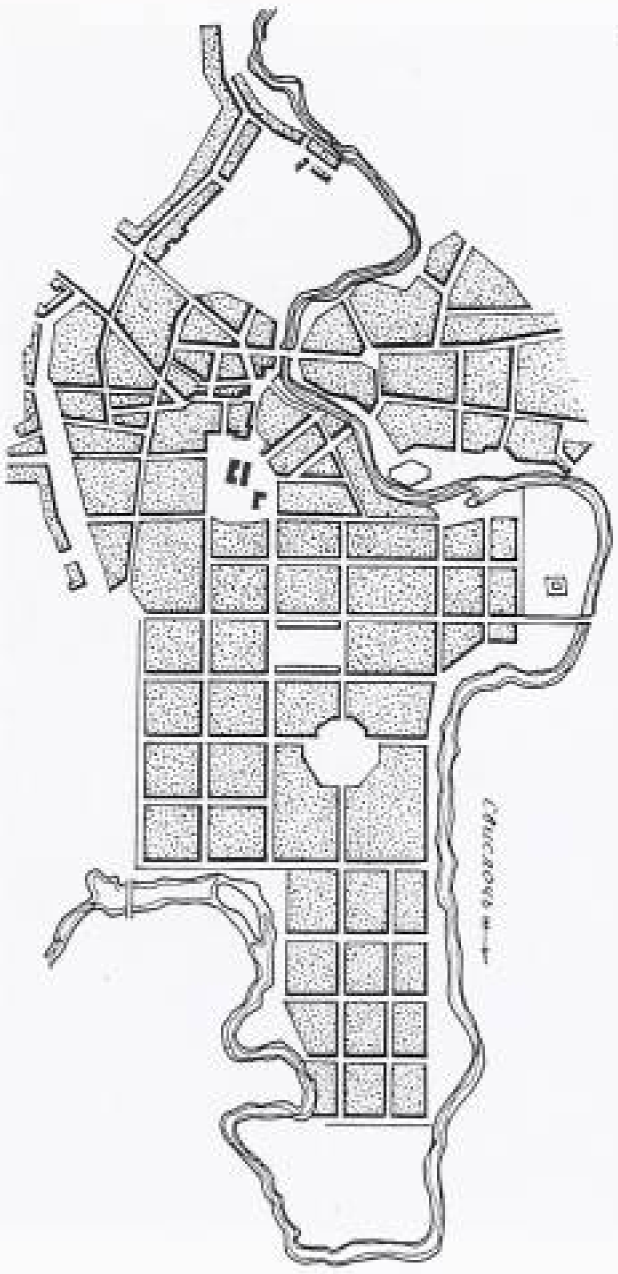
Центральная часть *Гомеля* в конце XVIII — первой половине XIX в. получила лаконичное архитектурно-планировочное построение. Двухлучевая композиция основных улиц города завершается большой площадью. Одна из ее сторон примыкает к прекрасному парку, в котором расположились дворец Румянцева — Паскевича и Петропавловский собор. Обе улицы ориентированы на среднюю купольную часть дворца, тем самым подчеркивая главенствующее значение дворцового комплекса во всем ансамбле. Монументальный собор и дворец возглавляли архитектурный силуэт и панораму города, который особенно хорошо просматривается с реки. Центральный ансамбль Гомеля, созданный мастерами русского классицизма, характерен простотой построения и высокими архитектурно-художественными достоинствами отдельных сооружений.

Для *Минска* была составлена серия последовательно сменявших друг друга проектов регулярной планировки. Переустройство города в XIX в. началось с уничтожения сохранившихся феодальных укреплений, которые потеряли свое былое значение. Вырастает территория города, появляются новые улицы, разбиваются сквер и парк на реке Свислочи, создаются новые площади.

Главная улица города прошла по высокому водоразделу и влилась у деревни Комаровки в загородную дорогу — Борисовский тракт. Эта улица заняла доминирующее положение в плане города (трасса современного Ленинского проспекта). Существующая ныне прямоугольная сетка улиц района городского центра сложилась к середине XIX в. Тогда определились направления и основные габариты современных улиц (Маркса, Энгельса, Ленина, Кирова, Красноармейской, Янки Купалы и др.). Таким образом, регулярная планировка Минска носила реальный характер, а процесс городского переустройства протекал весьма интенсивно.

Составление и осуществление планов городов рассматриваемого периода можно разбить на три этапа: I (1778) — первая и самая

массовая партия утвержденных планов городов (Бабиновичи, Белица, Быхов, Витебск, Городок, Климовичи, Копысь, Могилев, Мстиславль, Орша, Полоцк, Рогачев, Сураж и др.); II (1800) — серия планов городов Минской губернии (Вилейка, Бобруйск, Борисов, Дисна, Игумен, Минск, Мозырь и др.); III (первая половина XIX в.) — планы городов Бреста, Пинска и др.

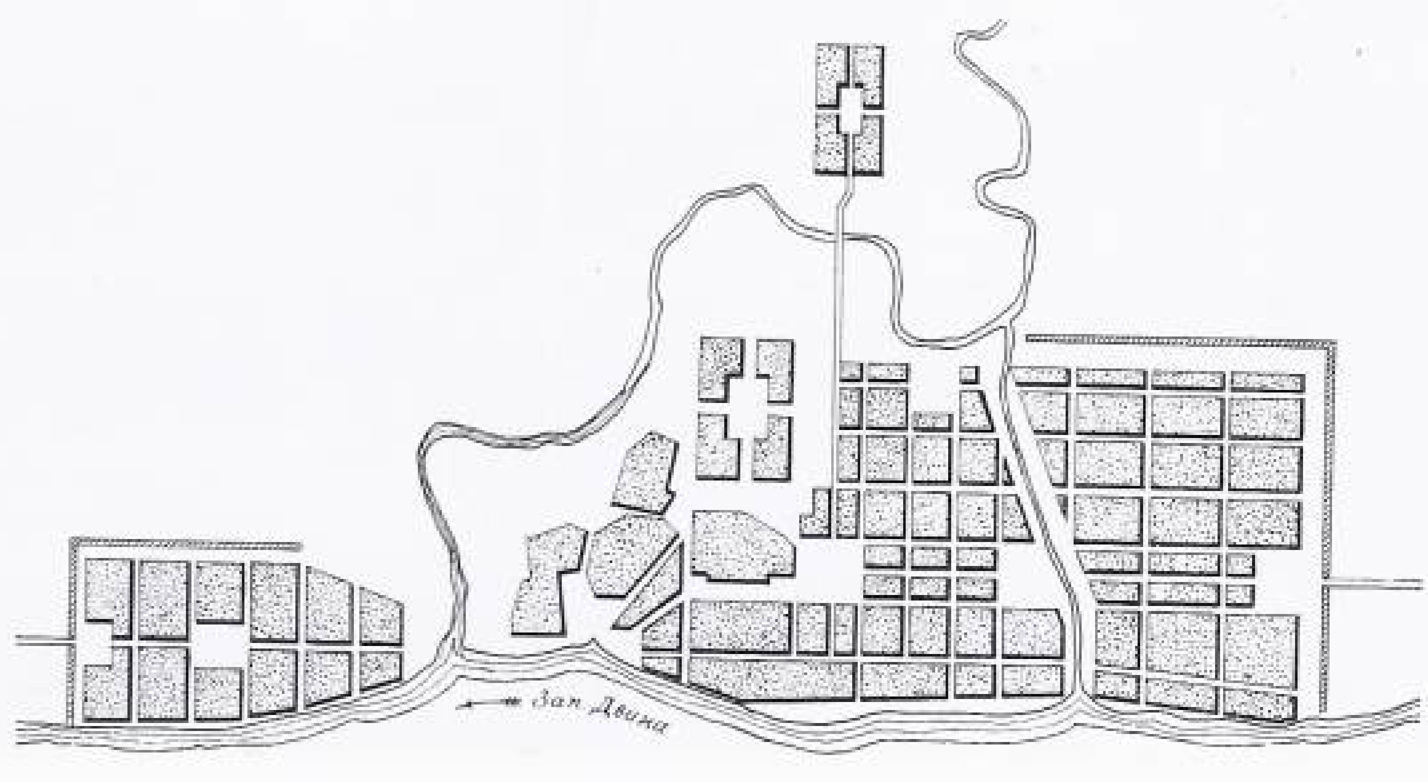
Некоторые белорусские города имели по нескольку проектов планировки. Это было вызвано быстрым ростом городов или несовершенством предыдущих проектных предложений.

Множество планов городов, особенно на первых двух этапах, было разработано в Петербурге, однако были и такие, которые составлялись на местах губернскими архитекторами и землемерами. Для последних планов характерны те же принципы, но в них заметен более вдумчивый подход к использованию сложившейся структуры города и существующего рельефа. Такие планы, учитывающие местные условия, часто были более совершенными и успешнее осуществлялись.

Проекты регулярной планировки городов в основных своих чертах были воплощены в жизнь к середине XIX в.

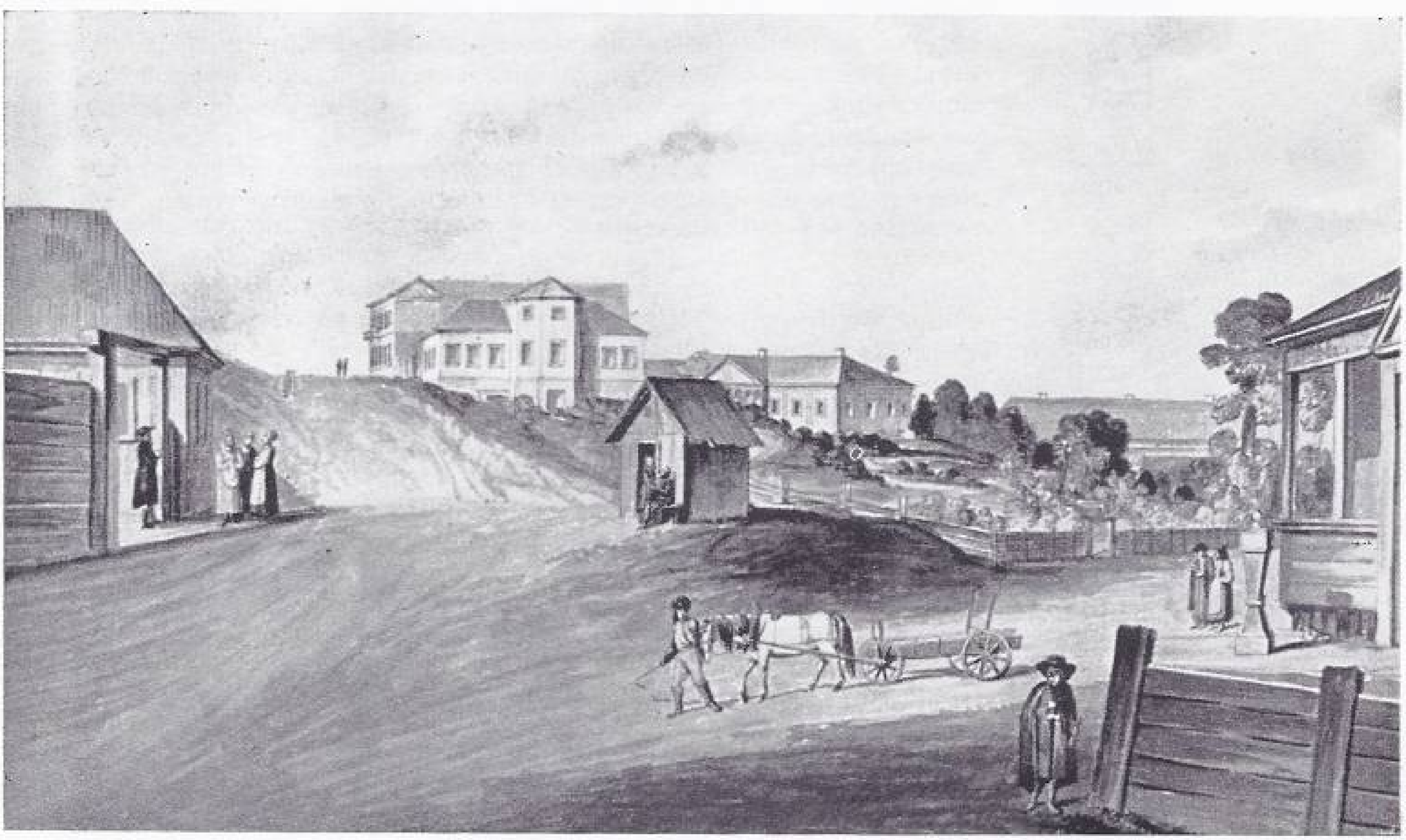
К основным предложениям регулярной планировки относилась реконструкция городских центров. Это мероприятие, связанное с новым содержанием центров белорусских городов, было продиктовано практической необходимостью.

В центрах городов находились здания различных присутственных мест, гостиные дворы, ратуши, торговые ряды, культовые здания, жилые дома и т. п. Для застройки новых центров характерна ансамблевость. Здесь использовались типовые или повторные проекты, составленные для многих зданий центра. Архитектура типовых зданий отличалась строгостью композиции и сдержанностью в декоративных приемах. Общим стилистическим направлением в архитектуре этого периода был классицизм, который нашел свое отражение в застройке белорусских городов. Несмотря на классовую направленность, регулярная застройка была прогрессивным явлением: впервые был поставлен вопрос о целостности архитектурно-планировочной композиции городского плана. Определенный успех регулярной планировки выразился в создании простой и четкой структуры центров городов при первоочередной застройке наиболее важных в градостроительном отношении узлов с учетом принципов ансамблевости.

Проекты планировки белорусских городов, конец XVIII — начало XIX в.— Борисов, Орша, Давид-Городок, Минск и Полоцк

ГРАЖДАНСКАЯ И ЖИЛАЯ АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВ

Осуществление проектов регулярной планировки городов, особенно их центров, начиналось обычно с массового строительства гражданских зданий.

Местные органы управления в белорусских городах, как известно, устраивались по российскому образцу. Высшим исполнительным органом в губернии был губернатор и при нем губернское правление, в городах учреждались думы и магистраты; судопроизводство велось губернскими, уездными, земскими судами и т. д. Весь этот многочисленный аппарат требовал размещения. Первоначально многие присутственные места располагались в случайных помещениях, приспособленных для этой цели. В дальнейшем в губернских и уездных городах широко развернулось строительство специальных казенных зданий для различных государственных учреждений.

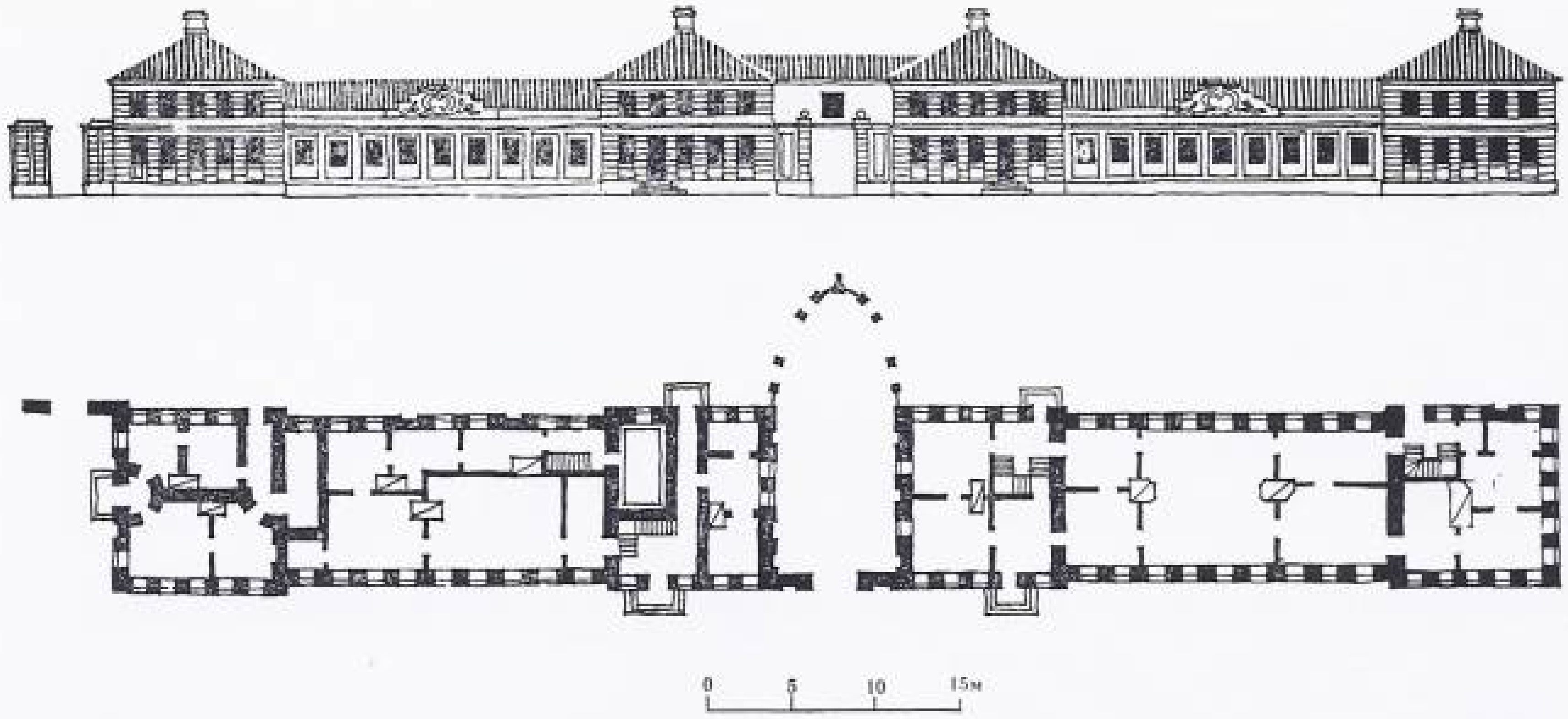
В казенных зданиях принцип типизации применялся наиболее полно. Вместе с тем типовые проекты казенных зданий, так же как и типовые проекты частных построек, прежде всего играли роль увражей. Эти увражи являлись проводниками передовых для того времени принципов архитектуры. Принятый метод типового проектирования создавал возможность трансформации типовых схем с помощью незначительных изменений, что открыло пути для создания архитектурных комплексов, лишенных монотонности, часто сопутствующей практике типового строительства.

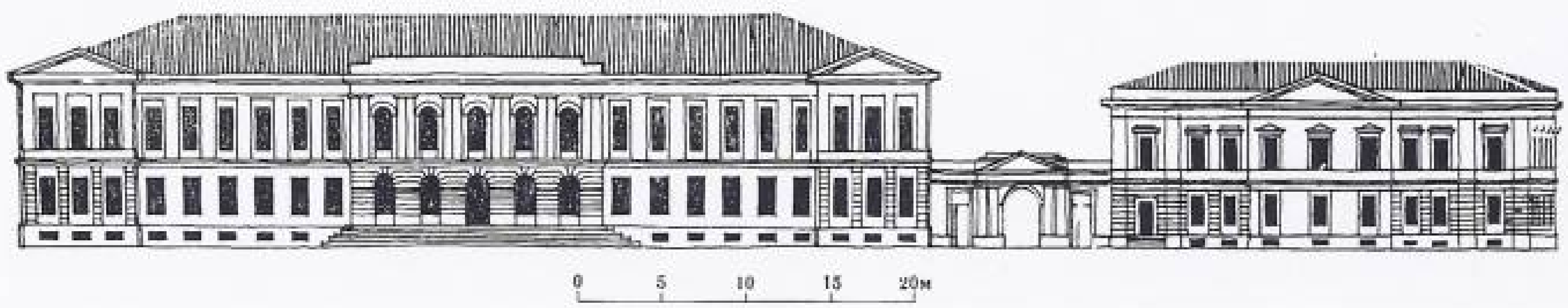
Наряду с типовым строительством наблюдались примеры городских ансамблей, основанных на принципе повторности. Число зданий с одинаковой архитектурной обработкой было значительным. Этим достигалось художественное единство ансамбля площади, улицы или

Вид Могилева со Старобыховской дороги, конец XVIII в. (акварель Н. Львова)

Фрагмент застройки Минска (ныне ул. Интернациональная), начало XIX в. (акварель И. Пешки)

Застройка города Витебска, начало XIX в. (акварель И. Пешки)

района городского центра. Часто за одинаковыми фасадами находились помещения различной плановой структуры и назначения. Показательна в этом отношении застройка центра Полоцка в конце XVIII в. Здесь наружная архитектура жилья и административно-общественных зданий имеет одинаковый характер, строится с использованием тех же приемов и деталей. Единство внутренней планировки и фасада уступило место внешней регулярности и симметрии.

Здания присутственных мест в Орше, Рогачеве и других уездных городах представляли собой компактные двухэтажные дома с четкими планами. Нельзя сказать, что фасады этих зданий отличались высокими художественными достоинствами: им была присуща чрезмерная простота, переходившая в сухую архитектурную схему. В этом отношении дом вице-губернатора в комплексе с присутственными местами в Витебске имеет значительные преимущества. В нем удачно сочетаются два корпуса, объединенных переходом. Сочетание разновысотных объемов, высокие щипцы крыш, введение скульптурных картушей и разделка фасадов рустом обогатили общую композицию здания. По характеру архитектуры это административное здание родственно домам в центре Полоцка.

Благодаря удачному применению типовых и повторных проектов в Полоцке, Витебске, Могилеве и других белорусских городах за короткий срок были созданы ансамбли городских центров. Принципы типизации встречаются в самых различных видах административных и общественных зданий, расположенных как в городе, так и в сельской местности. Архитектура почтовых станций или контор, таможен и многих других построек хорошо иллюстрирует проникновение идей типизации в различные области государственного строительства.

С начала XIX в. возрастает количество мануфактур в различных отраслях промышленности, увеличивается их производительность,

Фасад и план дома вице-губернатора в Витебске, конец XVIII в.

Фасады присутственных мест и дома губернатора в Могилеве, конец XVIII в.

Фасад и план дома полиции в Полоцке, конец XVIII в.

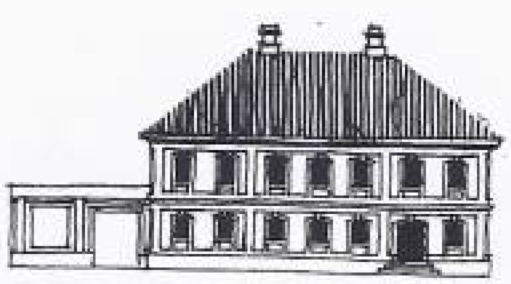
расширяется торговля, укрепляется рынок. Появляется необходимость в сооружении новых, более обширных торговых рядов, гостиных дворов и крупных магазинов.

Торговые ряды, которые строились в первой половине XIX в., развивая известные архитектурные традиции предшествующих веков, имеют и собственные отличия. Ряды образуются многократно повторяющимися одинаковыми по размеру ячейками, каждая из которых представляет собой отдельную лавку. Лавка состояла из прямоугольного в плане помещения (собственно лавки) и галереи со стороны входа в нее. В результате повторяемости ячеек образовывался простой и весьма четкий план рядов, а фасад его получал метрическое построение. Часто лавки стыковались друг с другом задними стенами, образуя композицию с равноценными фасадами. Каждой ячейке-лавке соответствовал по фасаду пролет. Создавалась колоннада, которая являлась основной темой архитектурного решения фасадов. Иногда колоннада сменялась арочными пролетами (Полоцк, Пружаны), но основные принципы организации рядов оставались незыблемыми.

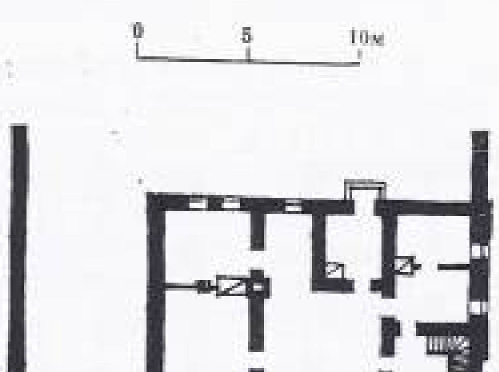
Торговые ряды, имевшие большую протяженность корпуса, в середине разрезались проезжими воротами. Проезды, как правило, отмечались фронтоном, подчеркивающим симметричное построение рядов. В отдельных случаях центральная часть рядов была повышенной этажности и имела иное целевое назначение (Годутишки, Давид-Городок).

Принципы планировочной организации рядов и расположения их на площадях были различными. В одном случае ряды обрамляли по контуру всю площадь, освободив ее среднее пространство (Полоцк), в другом — решались отдельно стоящими корпусами (Новогрудок, Клецк) и, наконец, в третьем случае представлялись одним цельным зданием с лавками, ориентированными на обе стороны, и равноценными по архитектуре фасадами (Давид-Городок).

Наиболее типичными из торговых рядов, построенных в белорусских городах в первой половине XIX в., являются ряды в Годутишках, Новогрудке, Клецке, Давид-Городке. Эти каменные и деревянные комплексы роднятся своей композицией и архитектурой фасадов. Как правило, они были построены в формах классической архитектуры, при этом излюбленным ордером был тосканский, который часто импровизировался в дереве.

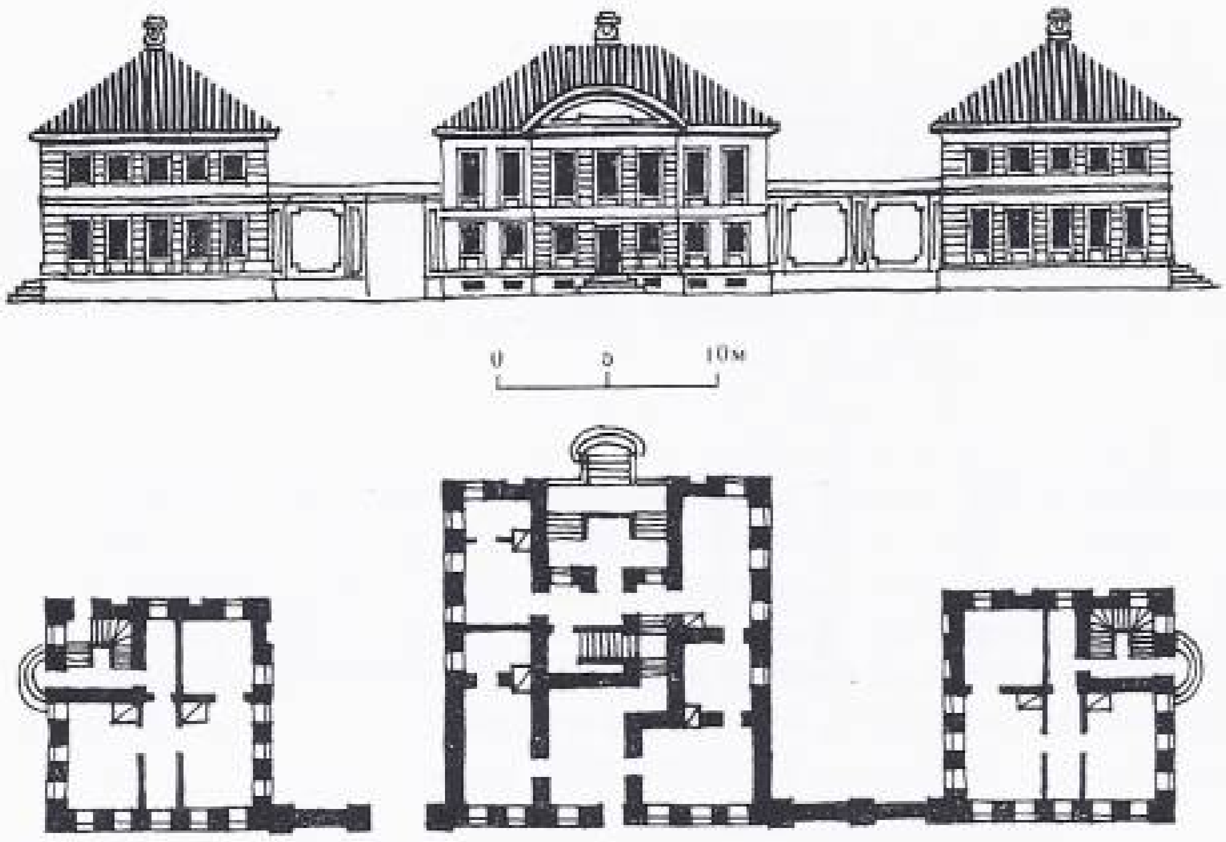

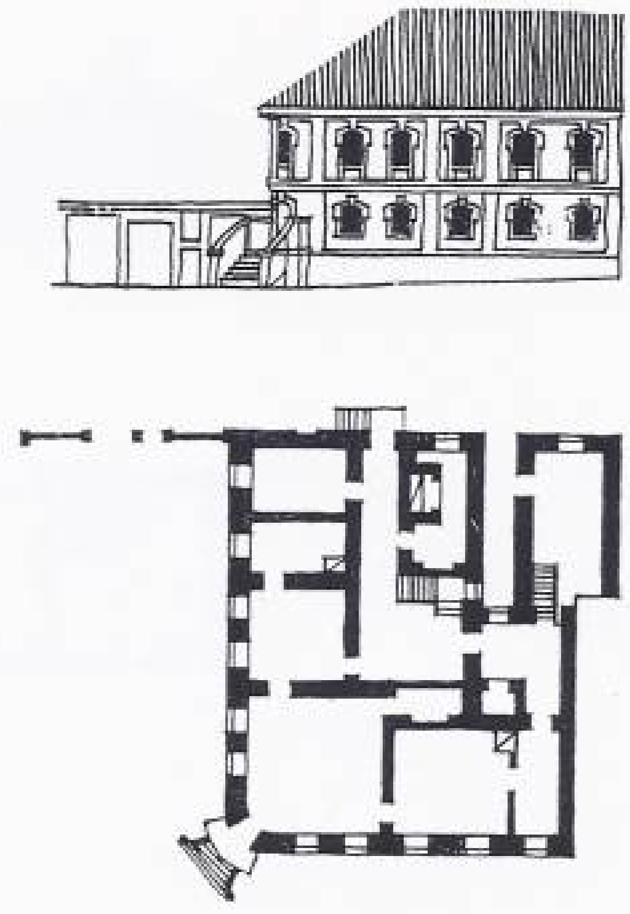
В строительстве торговых рядов принимали участие местные архитекторы. Известны также примеры проектирования и строительства торговых комплексов военным департаментом (например, гостиный двор и торговые лавки на кобринском форштадте в Бресте были задуманы в виде большого прямоугольного комплекса с обширным внутренним двором). В этих случаях обращает внимание более профессиональное исполнение отдельных деталей классической архитектуры и более парадное оформление въездов во двор.

Деревянные торговые ряды до нашего времени не сохранились. Однако о некоторых из них, как, например, в Клецке и Давид-Городке, мы имеем представление по сохранившимся архивным делам и старым чертежам. По своей архитектуре они были схожи с каменными. Иногда ряды одновременно проектировались в камне и дереве, при этом имели родственный характер (Пружаны).

Деревянные торговые ряды не только повторяли известные каменные образцы, но и развивали традиционный тип лавок, располагавшихся на рынке или торговых улицах. Такие лавки или мастерские ремесленников, обычно совмещенные с жилой половиной дома, стояли впритык друг к другу. Каждая постройка имела фасад с галереей или навесом. В сумме создавался протяженный фронт галерей на

деревянных столбах. Так выглядели лавки в Каменце (Брестская область), Деречине, Трабах (оба в Гродненской области) и других городах и селах Белоруссии. Фронт подобных лавок с галереями ассоциируется с деревянными торговыми рядами (Давид-Городок). Несомненно, между ними имелась связь, вытекающая из социально-экономических условий быта торговцев и ремесленников. Эта связь отразилась на формировании стабильных типов торговых рядов.

Новым типом торговых зданий можно считать одно- и двухэтажные каменные магазины, которые стали появляться с конца XVIII в. Они компактны по построению, что, вероятно, было связано с возросшей ценой на землю в городских центрах. Торговые здания имели некоторое сходство с торговыми рядами: это многократно повторяющиеся ячейки-лавки, галереи, а также проезд в середине фасада. Однако внешний облик этих зданий имеет более «городской» характер: их архитектура крупномасштабна, в ней нашли прямое отражение приемы и формы из арсенала классицизма. Импровизация и вольность в трактовке деталей, имевшие место в торговых рядах, здесь отсутствуют. Подобное строительство велось на государственных началах по проекту губернского архитектора или его помощников. Для Минска, например, торговые здания исполнял архитектор Ф. Крамер в 1797 г., для Речицы, Дриссы, Суража и других уездных городов — архитектор И. Зигфриден в 1793 г.

В конце XVIII в. архитектура городского жилья начинает приобретать черты, свойственные типовому строительству. Этот качественно новый этап в развитии архитектуры жилья был связан с опытом, выработанным в практике застройки русских городов, что, однако, не исключало дальнейшего развития местных традиций строительства. Порукой этому явился сам ход типового проектирования и строительства, который предоставлял застройщику известную свободу в отношении рекомендуемых образцов.

Наиболее ценная по своим художественным качествам застройка получалась там, где в соответствии с регулярным планом было построено наибольшее число однотипных зданий, послуживших основой для создания ансамблей (Полоцк).

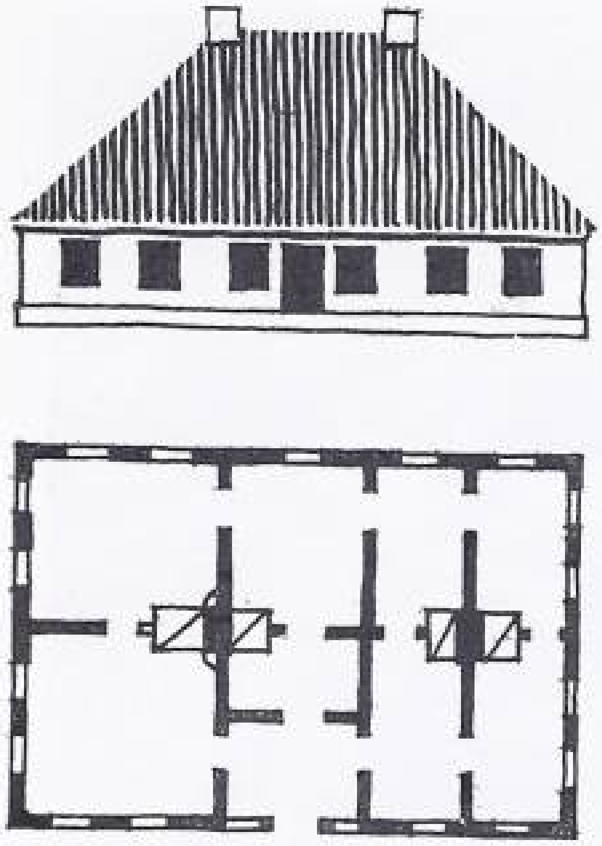
Типовые проекты жилых домов применялись главным образом в губернских городах. В уездных городах вопреки законодательству образцовые фасады использовались мало, в частности по причине

Фасады и планы дома губернатора, магистрата и суда в Полоцке, конец XVIII в.

Аптека в Полоцке, конец XVIII в.

Типовой проект жилого дома в Пружанах, начало XIX в.

Почтовые конторы в Дриссе и Орше, начало XIX в.

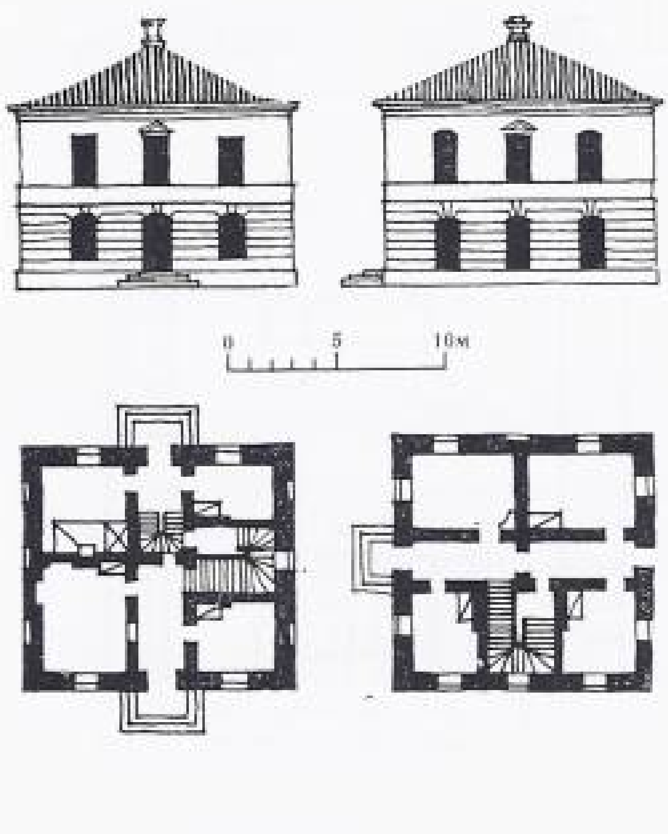
бедности жителей. Но и в губернских городах практика жилого строительства далеко не соответствовала замыслам зодчих. Во многих домах, особенно небольших, проявились частные особенности архитектуры. Они были обусловлены экономикой, материалами, художественными вкусами местных исполнителей и проявились в переработке классического ордера, в своеобразной трактовке архитектурных форм и деталей. В первую очередь это относится к домам, выполненным в дереве. Его применение как основного строительного материала логически вызвало изменение пропорций и профиля. В переработке ордера, карнизов и других форм отмечается тенденция к облегчению и упрощению составных частей.

В предместьях городов также появилось много построек, имевших при образцовых фасадах планы, свойственные предшествующим типам местного жилья. Эта сторона развития архитектуры городского жилого дома очень интересна, так как в ней отмечается известное соединение народных традиций с принципами архитектуры классицизма. Включение в композицию рядового жилого дома таких элементов, как пилястры, фронтоны, руст, наличники, способствовало зарождению новых художественных традиций.

Представляет интерес серия проектов жилых домов и хозяйственных построек, выполненная местными архитекторами в первой половине XIX в. Появление этих проектов, несмотря на существование апробированных образцов, несомненно, было вызвано учетом конкретных условий и желанием полнее удовлетворить потребности заказчика. Проекты разрабатывались специально для каждого города, но иногда повторялись с небольшими изменениями в других городах. Известны такие проекты, сделанные для Пружан, Слонима, Кобрина, Гродно.

Серия пружанских построек выполнена гродненским губернским архитектором Ленчовским в 1810 г. Она состоит из 18 проектов, разработанных с конкретным указанием земельных участков. Из них 12 — жилые дома и 6 — хозяйственные постройки (амбары, конюшни, сараи). Все жилые дома имеют родственную объемную композицию, выполнены в дереве. Основное внимание уделено компоновке планов, как правило, очень простых и четких. Некоторые из домов, значительные по размерам, имеют внутреннюю планировку, схожую с городскими усадебными домами конца XVIII — начала XIX в. Другие, а их большинство, родственны рядовому городскому жилью полусельского типа.

Дома имеют высокие четырехскатные крыши, типичные для усадебных построек. Заметное повышение высоты крыши относительно рекомендуемых проектов следует объяснить как климатическими условиями (обилие осадков), так и местными бытовыми традициями (пространство под крышей использовалось для хозяйственных нужд). Фасады домов на 2—6 окон на чертежах представлены схематично, хотя основные компоненты их ясно выражены. Архитектурная декорация в проектах не предусмотрена. Очевидно, она выполнялась мастерами по личному указанию заказчика.

В целом типовое проектирование в конце XVIII — первой половине XIX в. получило наиболее полное практическое применение в государственном строительстве зданий и значительно меньшее в области частного жилья. В первом случае успех решался централизованной системой финансирования и организацией строительства «казенных» построек, обычно согласованных с архитектурным ансамблем площади или улицы. Во втором случае, несмотря на составление образцовых проектов по сословному признаку, в соответствии с имущественным уровнем застройщиков, наблюдалось известное отклонение от первоначального, узаконенного типа. Подобная

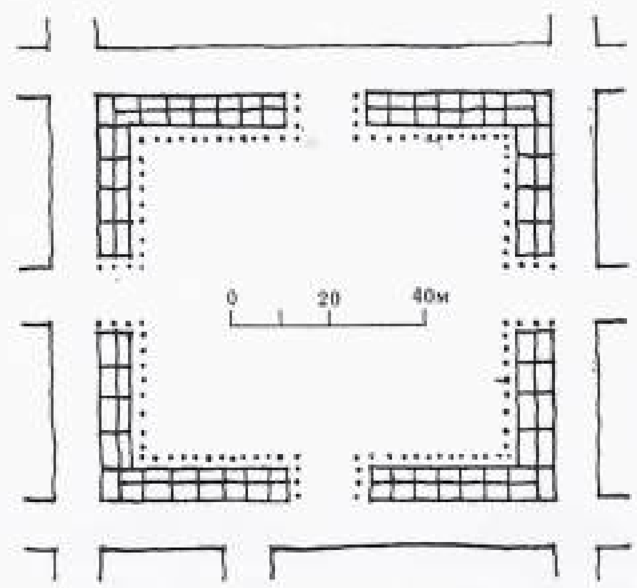

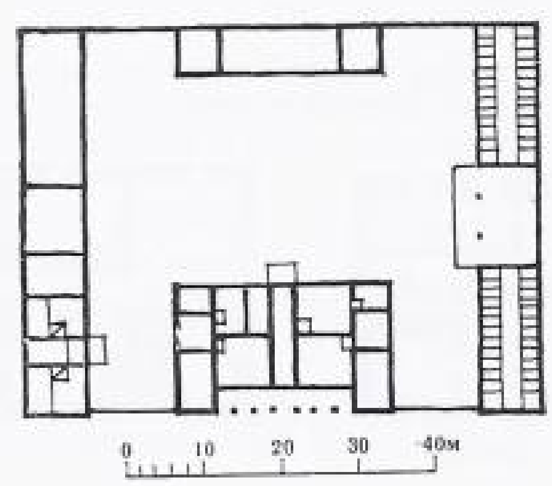
картина особенно показательна для периферийных районов Белоруссии, где действительного контроля за строительством не было.

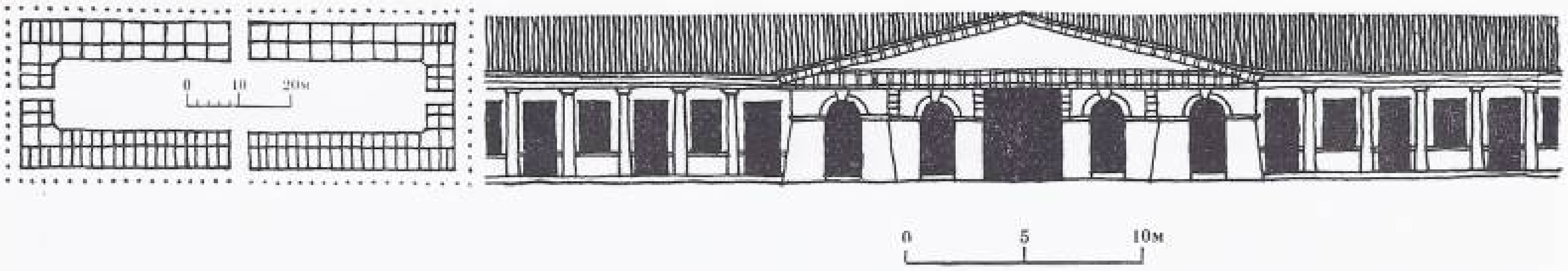
В зданиях первой трети XIX в. пластика стены получила новое развитие. На фасадах появились сильно профилированные карнизы, сандрики, пилястры, колонны, портики. Архитектура белорусского жилья, как и других типов зданий — гражданских и культовых, в то время развивалась под благотворным влиянием русского классицизма. Вместе с тем в архитектуре многих построек наблюдаются отклонения от канонов классицизма.

В жилом доме в Гродно (ныне ул. Замковая, 16) над центральным проездом видны своеобразные лепные гирлянды. Рельефная орнаментика, необычная форма наличников окон, как бы вырезанных и накладных (такой прием имел распространение в небольших монастырских зданиях, например в Ружанах) — мало заметные, но оригинальные черты архитектуры классицизма Белоруссии.

Остальные каменные жилые дома с мастерскими ремесленников и лавками торговцев относятся к более позднему времени, преимущественно к концу XVIII — первой половине XIX в. Несмотря на разновременность строительства, они схожи между собой. Сложившийся в течение многих десятилетий тип такого городского дома удовлетворял потребностям застройщика и отвечал требованиям градостроительства. При общей планировочной структуре и родственной композиции фасадов дома отличались разнообразием декорации фронтонных стен. Здесь можно встретить мотивы и барокко, и классицизма, и смешение этих стилей при вольной трактовке деталей, допускавшейся местными народными мастерами.

Новые художественные формы зарождались, совершенствовались и получали многочисленное повторение в каменных городских домах. Их применение всегда было умеренным, и дома отличались скромностью декоративного убранства. При этом в основных элементах композиции дома сохранялся определенный консерватизм. Например, колонны и портики, которые с конца XVIII в. стали неотъемлемой частью архитектурного пейзажа и нашли свое применение во всех видах строительства, в жилых домах ремесленников и купцов не встречаются. Причину этого следует искать не только в традициях, но и в фактах экономического порядка, которые всегда были определяющими в массовом строительстве.

Как правило, такие дома имеют компактный объем и стоят торцом к улице по красной линии ее застройки. Градостроительные положения, регулировавшие массовую застройку, были незыблемыми в течение многих десятилетий. Распространены были дома в два этажа. В первом размещались все основные помещения, во втором — мансарде — часть жилых покоев. Иногда мансарда заменялась антресольным этажом. Размеры антресолей были различные, а постановка их над основным этажом часто делалась не по закону симметрии (Клецк). Объясняется это отсутствием единого проекта и разновременностью строительства. Развитие жилого дома продолжалось в течение длительного времени и отражало изменение запросов и художественных вкусов владельцев. Такая эволюция заметна как во внутренней планировке жилья, так и в декоре фасада, который часто представлял собой сплав стилей. Однако здание не теряло масштаба, старые части его удачно сочетались с новыми.

Дома имели высокие крыши разнообразной формы и конструкции, заимствованных из деревянного зодчества. Наиболее распространенными были крыши двускатные полувальмовые или смешанных форм: под ними проще было устроить мансардный этаж. Четырехскатные крыши в жилых домах этого типа не встречались.

Большие жилые здания в белорусских городах — явление весьма редкое, хотя отдельные образцы их известны с начала XIX в. Первые *большие дома — Радзивилла в Новогрудке* и *Муравского в Гродно* — в сущности были сооружениями полудворцового характера. Они схожи с более поздними большими городскими домами прежде всего своим расположением: близким соседством с рядовой застройкой и размещением на красной линии площади (первый) и улицы (второй). Здесь отмечаются черты, свойственные будущим доходным жилым домам: коридорная система планов с расположением комнат по обе стороны. Здания имеют арку, прорезанную в центре корпуса — проезд во двор. Такой прием применялся в условиях тесной застройки городов. Не лишен интереса архитектурный облик домов, особенно в Новогрудке, где в решении фасада наблюдается вольная провинциальная трактовка характерных черт барокко.

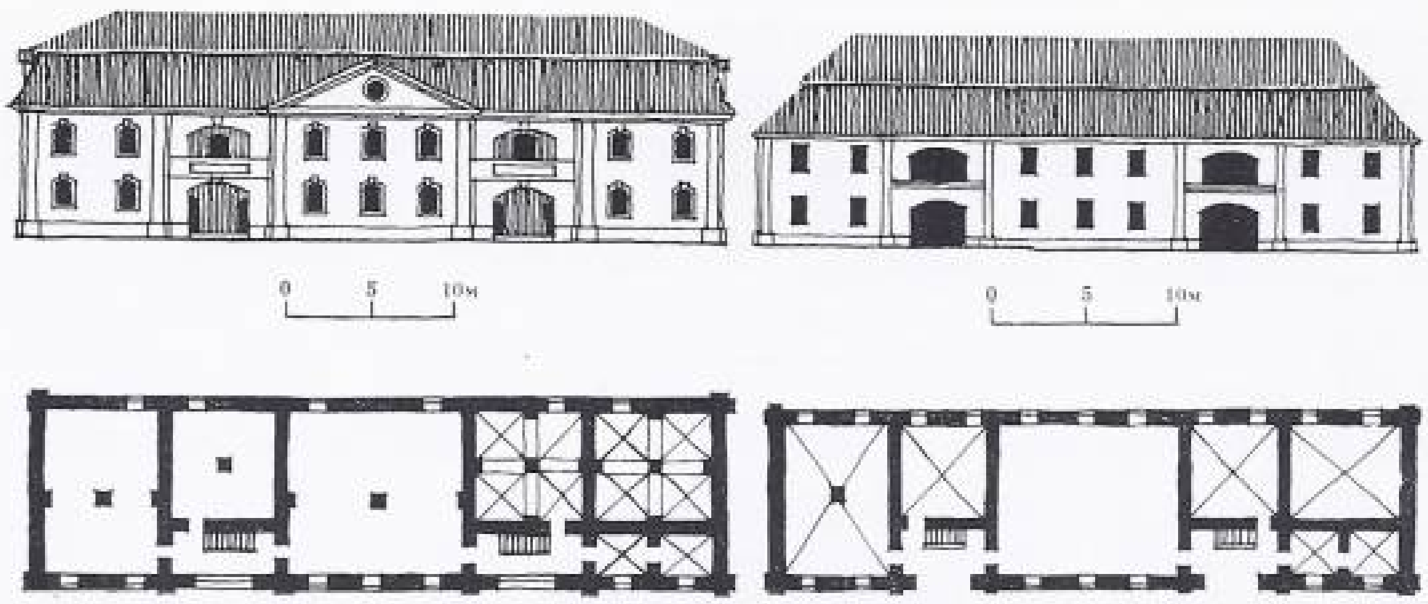
Большие городские жилые дома в конце XVIII и первой половине XIX в. представлены рядом новых решений. Среди них есть дома с обширными магазинами в первом этаже и многочисленными комна-

Регулярная застройка центра Полоцка (фото начала XX в.)

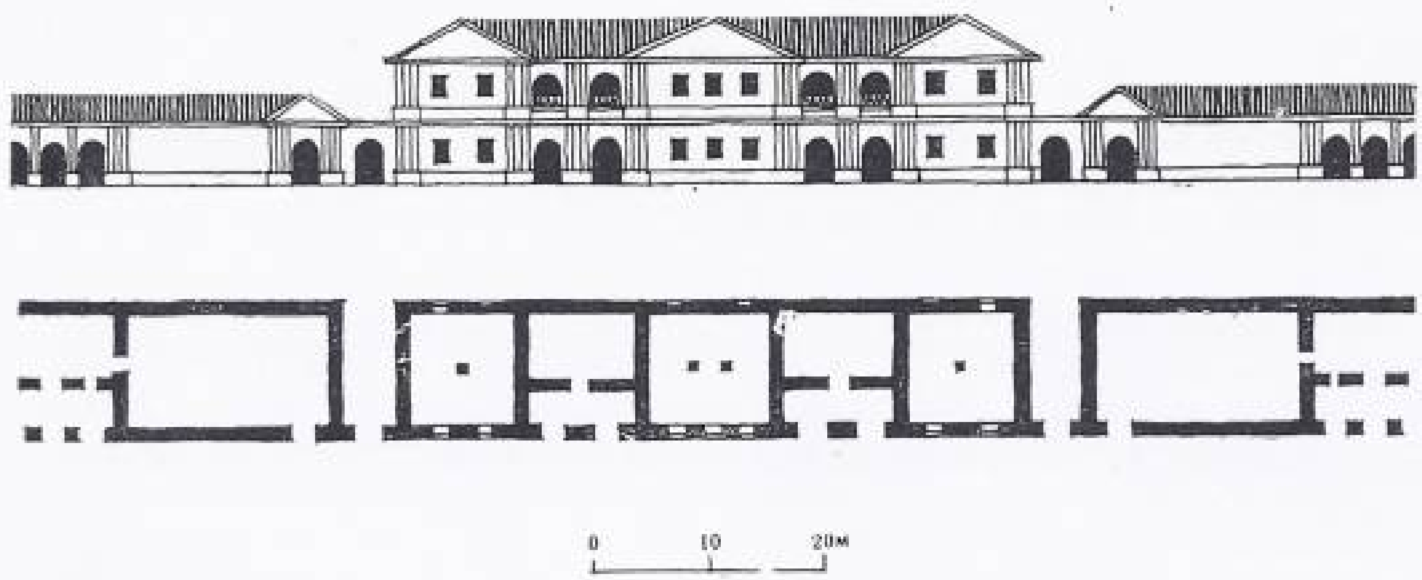
Схема плана торговых рядов в Полоцке, начало XIX в.

Схема плана типового станционного дома с гостиницей под Белицей, Рогачевом, Быховом и Копысью

Схема плана и фрагмент фасада гостиного двора на кобринском форштадте в Бресте

Типовые провиантские и соляные магазины для уездных городов Белоруссии, конец XVIII — начало XIX в.

Хлебные и соляные магазины в Витебске, начало XIX в.

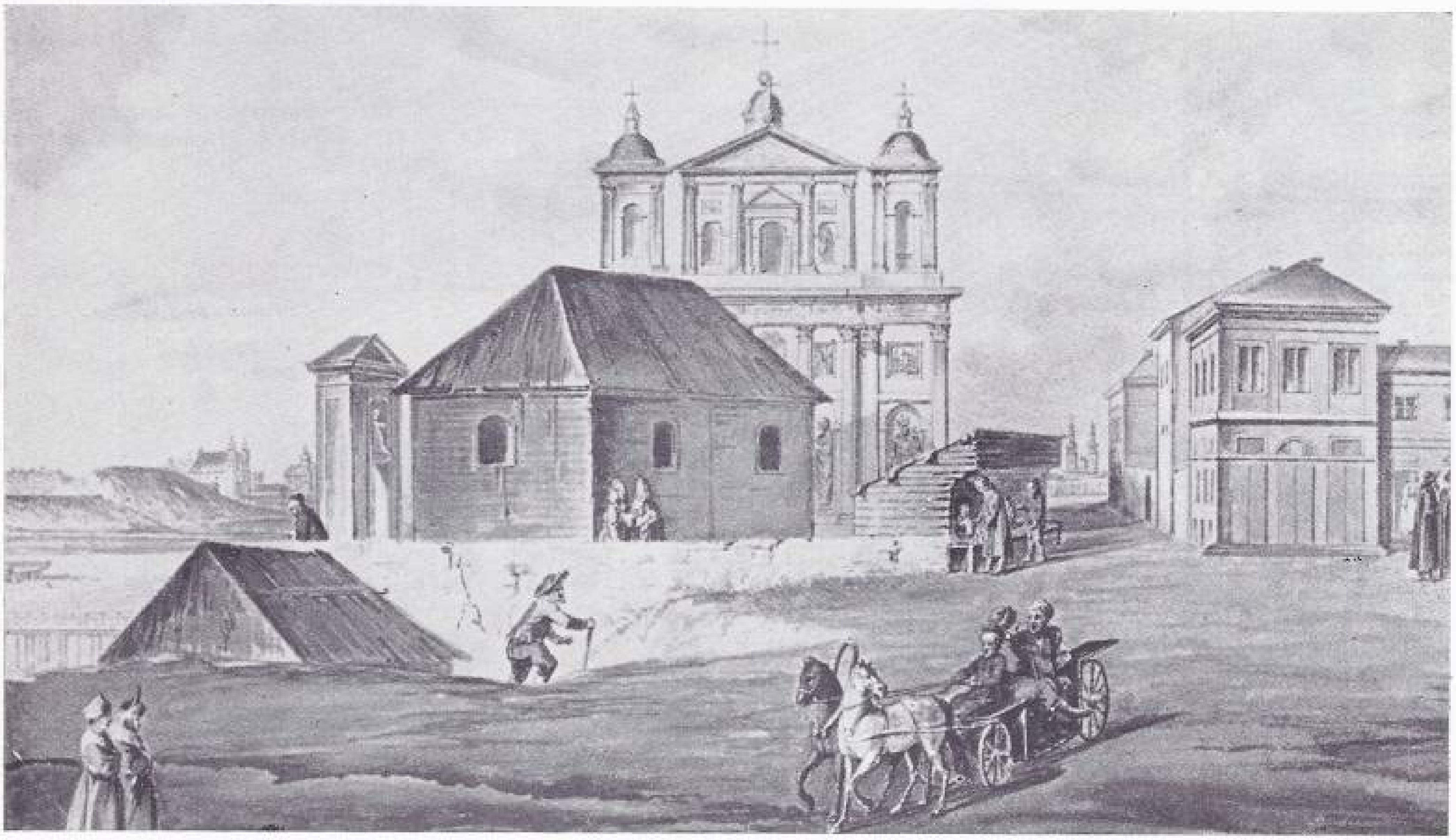
Виды города Витебска с новыми магазинами, начало XIX в. (акварель И. Пешки)

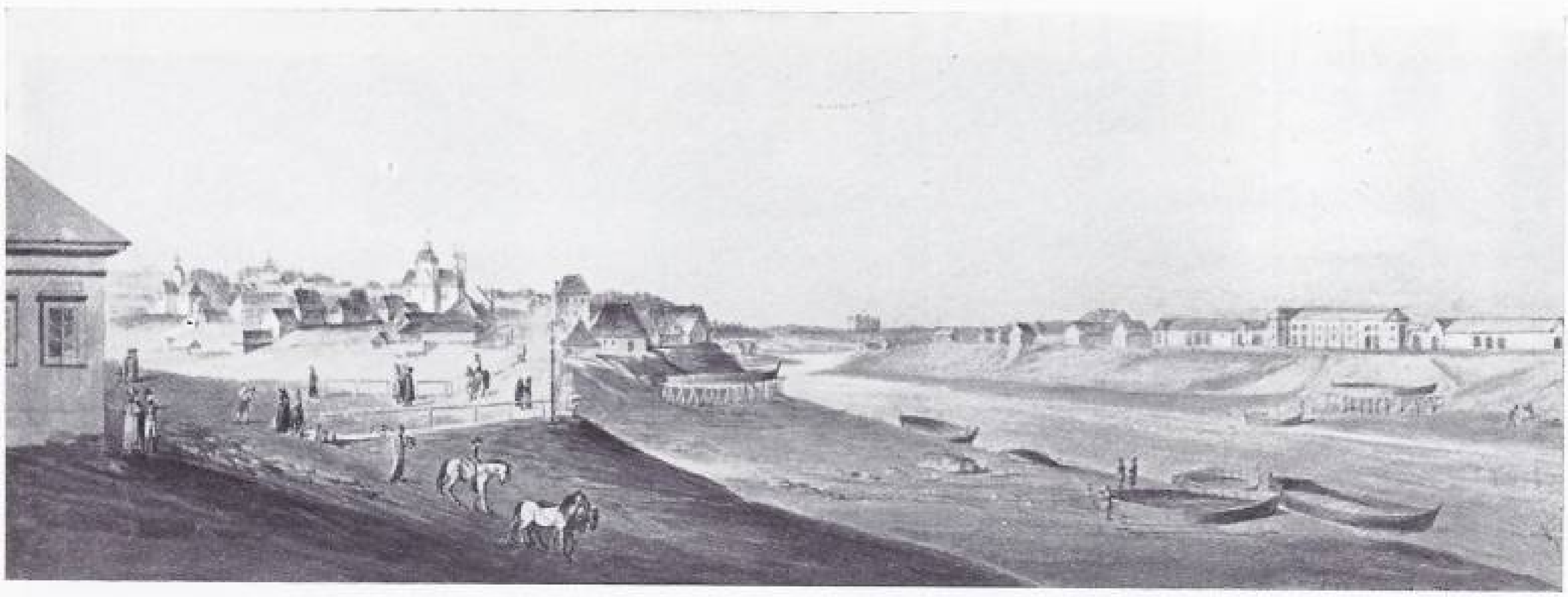
тами, предназначенными, очевидно, для сдачи в наем (Могилев, Витебск).

Витебский дом, расположенный на главной улице города — Петербургской (ныне ул. Ленина), характеризуется компактностью плана. Такое явление с первой половины XIX в. становится распространенным при строительстве в городских центрах. Дорожает земля, изменяется положение дома на участке, фронт его по улице суживается; дома растут не по горизонтали, а в высоту. При таком расположении лишь уличный фасад дома имел художественную декорацию. В витебском доме упрощенному дворовому фасаду также противопоставлен уличный, украшенный портиком с фронтоном, арками, многочисленными тягами и пр. Эта постройка — тип доходного купеческого дома, состоящего из нескольких самостоятельных квартир. Первый этаж отводился под магазины и имел вход с улицы, второй и третий этажи — под жилье. Вход в квартиры был со двора или со стороны проезда во двор.

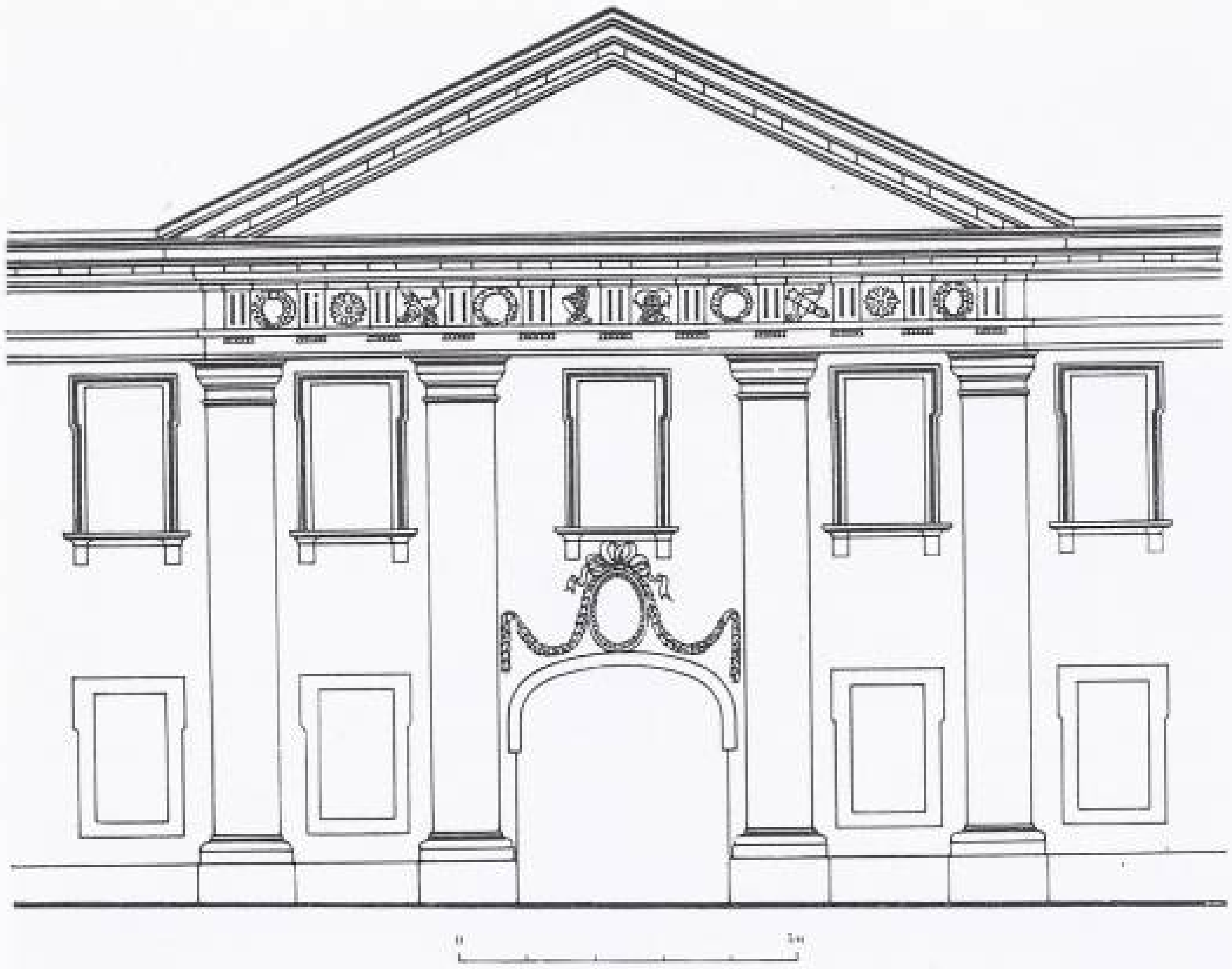
Среди многочисленных «образцовых фасадов» серии 1809—1812 гг., разработанных известными русскими зодчими Стасовым, Гесте, Руска, фасад витебского дома не встречается. Он выполнен по индивидуальному проекту, созданному, очевидно, в аппарате местного губернаторства. Подобное явление не было редкостью при строительстве больших жилых домов, особенно если последние занимали важное место в плане города.

Жилой дом в Витебске имел ярко выраженный городской характер: по своей этажности и размерам он отвечал требованиям круп-

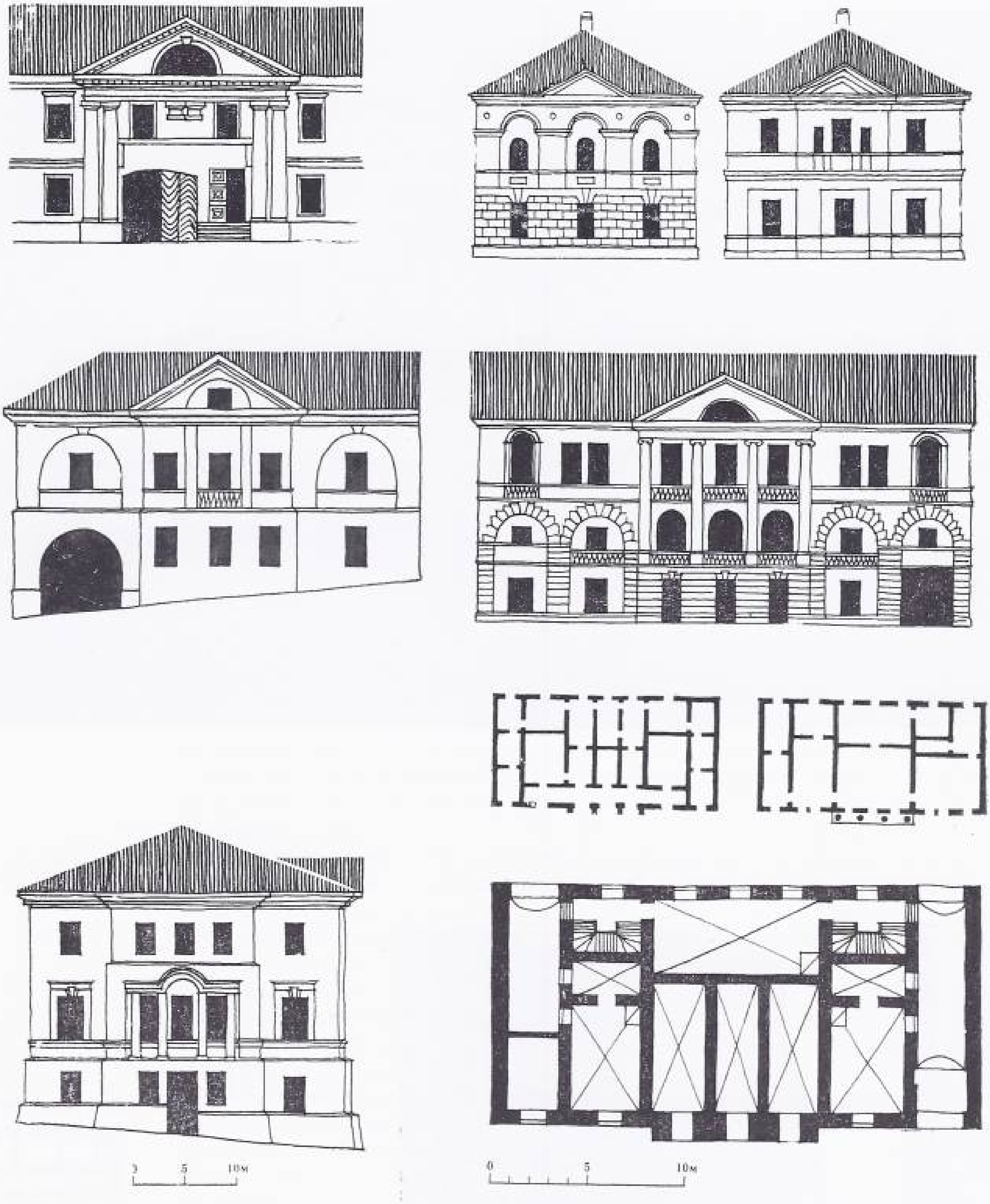
ного города и был рассчитан на состоятельные круги населения. Такой тип дома впоследствии получает все большее распространение. Он характеризует коренные изменения, происшедшие в структуре городского жилья. Индивидуальный, населенный одной семьей дом начинает уступать место многоквартирному зданию, которое становится важным элементом застройки городского центра. Вместе с тем окраинные районы города (иногда и центральные), как и множество небольших городов и местечек Белоруссии, продолжают хранить традиции малоэтажного строительства до XX в.

Фрагмент фасада жилого дома в Гродно, начало XIX в. (ул. Замковая, 16)

Жилая застройка Могилева, конец XVIII в. (ныне ул. Ленинская)

Городское жилье конца XVIII — первой половины XIX в.— Новогрудок (дом Радзивилла), Минск (дом на ул. Герцена), Минск (дом масонов), Витебск, Могилев, Витебск (доходный купеческий дом с лавками), фасад и планы этажей

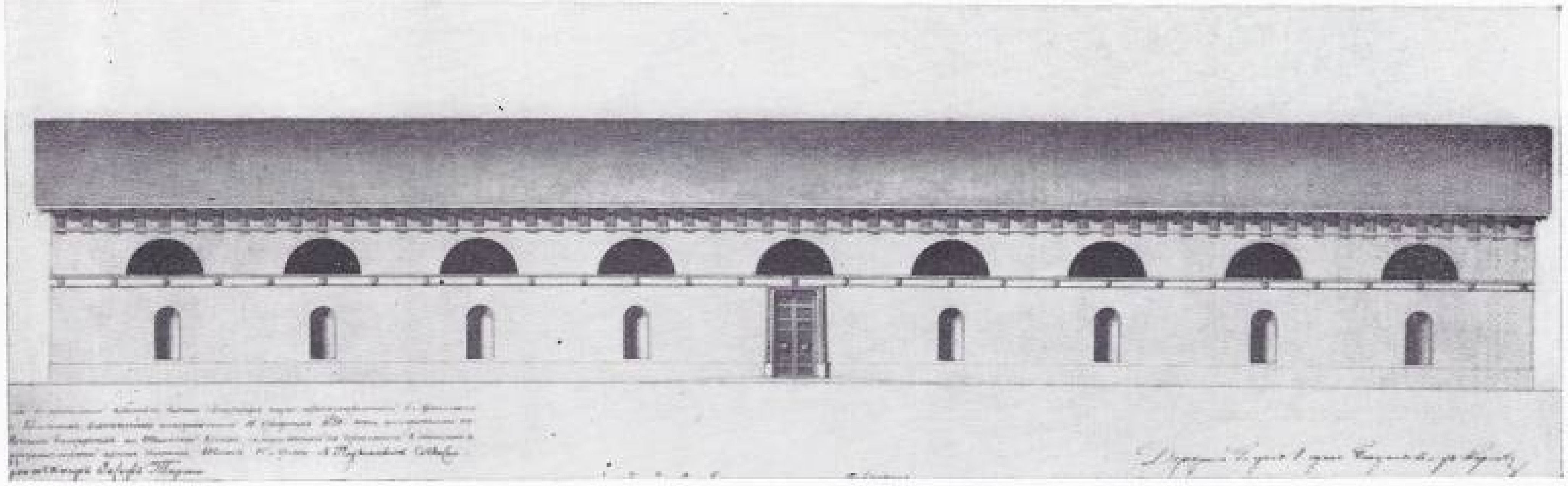

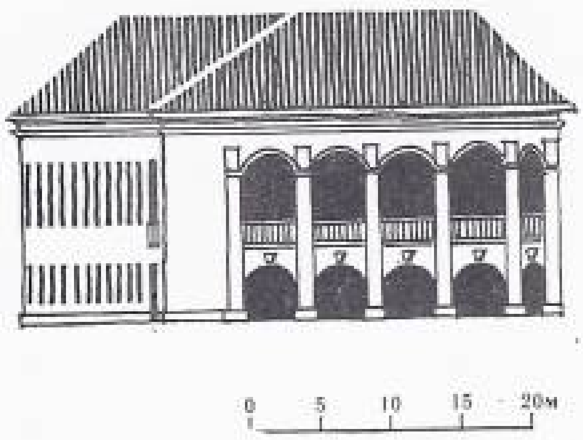

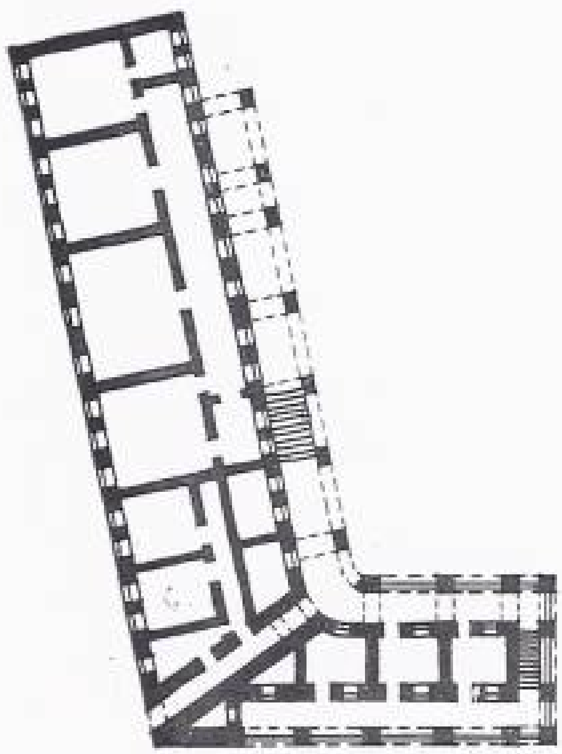
Жилая застройка Кобрина, середина XIX в.

Проект манежа в Могилеве, начало XIX в. (В. Стасов)

Фасад и план жилого дома с лавками на главной площади в Могилеве, конец XVIII в.

СЕЛЬСКОЕ И УСАДЕБНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Самые ранние из существующих ныне деревянных жилых домов относятся к первой половине XIX в., и лишь единичные образцы — к концу XVIII в. Хотя для построек применялись устойчивые строительные материалы, такие, как смолистые старые деревья — сосна и ель, деревянные строения не существовали более полуторадвух столетий. Они разрушались под действием атмосферных влияний или становились жертвой огня. Из этого не следует, что полностью потеряна возможность представить более ранние примеры жилой деревянной архитектуры. Такая возможность имеется благодаря мало изменившемуся в прошлом укладу крестьянской усадьбы и определенному консерватизму в народном строительстве.

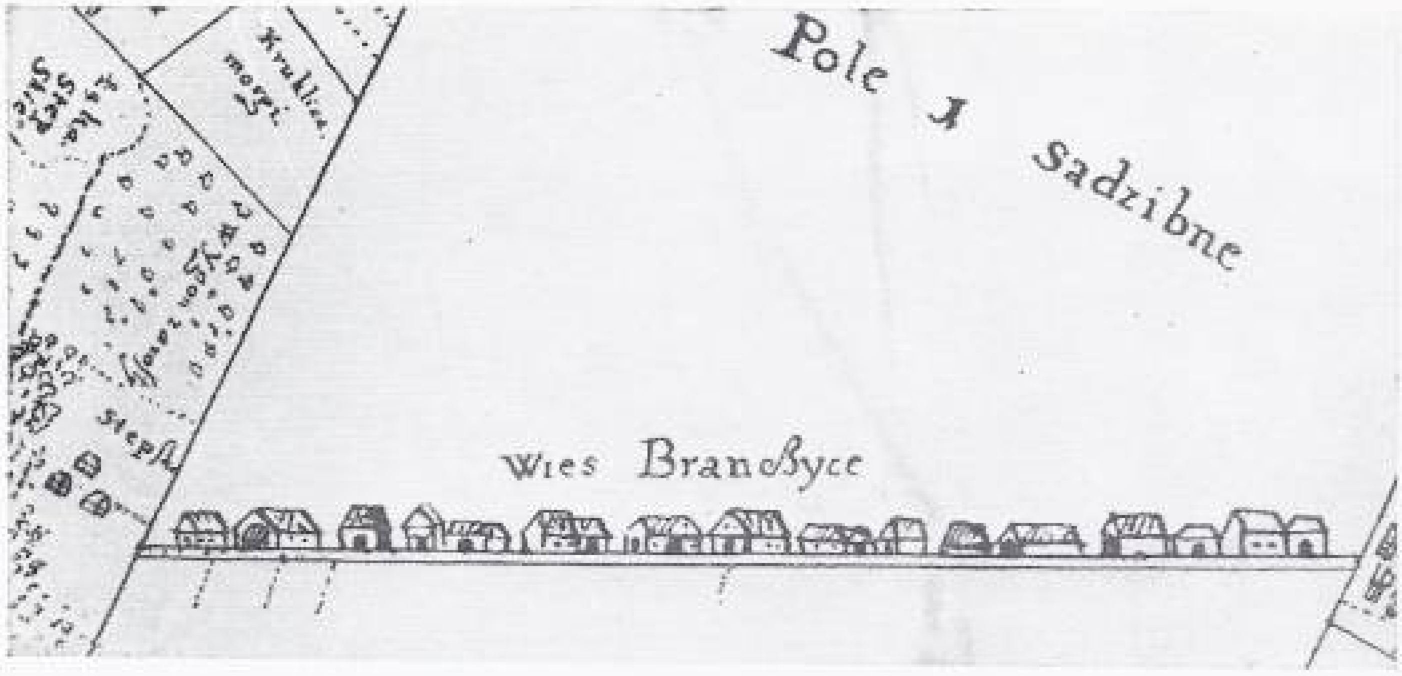
Процесс развития сельского жилья можно восстановить, пополняя исследования сохранившихся памятников данными исторических источников, старыми рисунками, гравюрами и сопоставлениями с народным наследием соседних с Белоруссией районов России, Украины, Литвы и Польши. Соседство белорусов с русскими, украинцами, литовцами и поляками обусловило обоюдное влияние на развитие сельского жилья. При этом на востоке Белоруссии с большей ясностью выступает влияние русского народного зодчества.

Сельское жилище представлено однокамерными, двухраздельными, трехраздельными и сложными домами.

Однокамерный дом — простейший и редко встречаемый тип жилья, принадлежавший в прошлом безземельным крестьянам. Состоял он из одного помещения, вход в которое располагался в тыльном торце. Такой дом послужил основой для других типов сельского жилья, развитие которых шло по длине и лишь отчасти по ширине постройки.

В *двухраздельном доме,* кроме основного помещения, имеются сени, которые становятся характерным элементом жилья. Сени часто делятся на две части: переднюю — собственно сени и заднюю — кладовую (раньше хлев).

Трехраздельный дом состоит из жилой части, сеней и хлева (или каморы). Первоначально ход в хлев вел через сени, а позже — через двор. С этого момента произошло отделение жилья от хозяйственной постройки, что было прогрессивным явлением в истории сельского хозяйства. В дальнейшем место хлева заняла основная кладовая — камора, к которой примыкали в виде отдельных срубов все хозяйственные постройки усадьбы. Объединенный комплекс жилой и хозяйственной застройки получил развитие в глубину участка.

В других случаях камора отапливалась и превращалась в жилье. Создавался дом, состоящий из трех ячеек: сеней и двух жилых помещений (тип, распространенный у русских, украинцев, поляков и многих других народов).

Сложный дом включал в себя такие дополнительные помещения, как кухня и обособленная спальня. В остальном он имел прямое родство с трехраздельным жилым домом.

В деревне Слонимцы недалеко от Пружан (Брестская область) на главной улице сохранился ряд трехраздельных домов, относящихся к середине и второй половине XIX в. Все дома имеют удлиненную форму, а хозяйственные постройки, примыкая одна к другой, вытягиваются за ними. Земельные участки узкие и длинные, что является результатом наследственного дробления. Каждый дом поставлен в голове участка торцом или иногда углом к улице. В последнем случае застройка улицы получается более выразительной (Шерешево Брестской области).

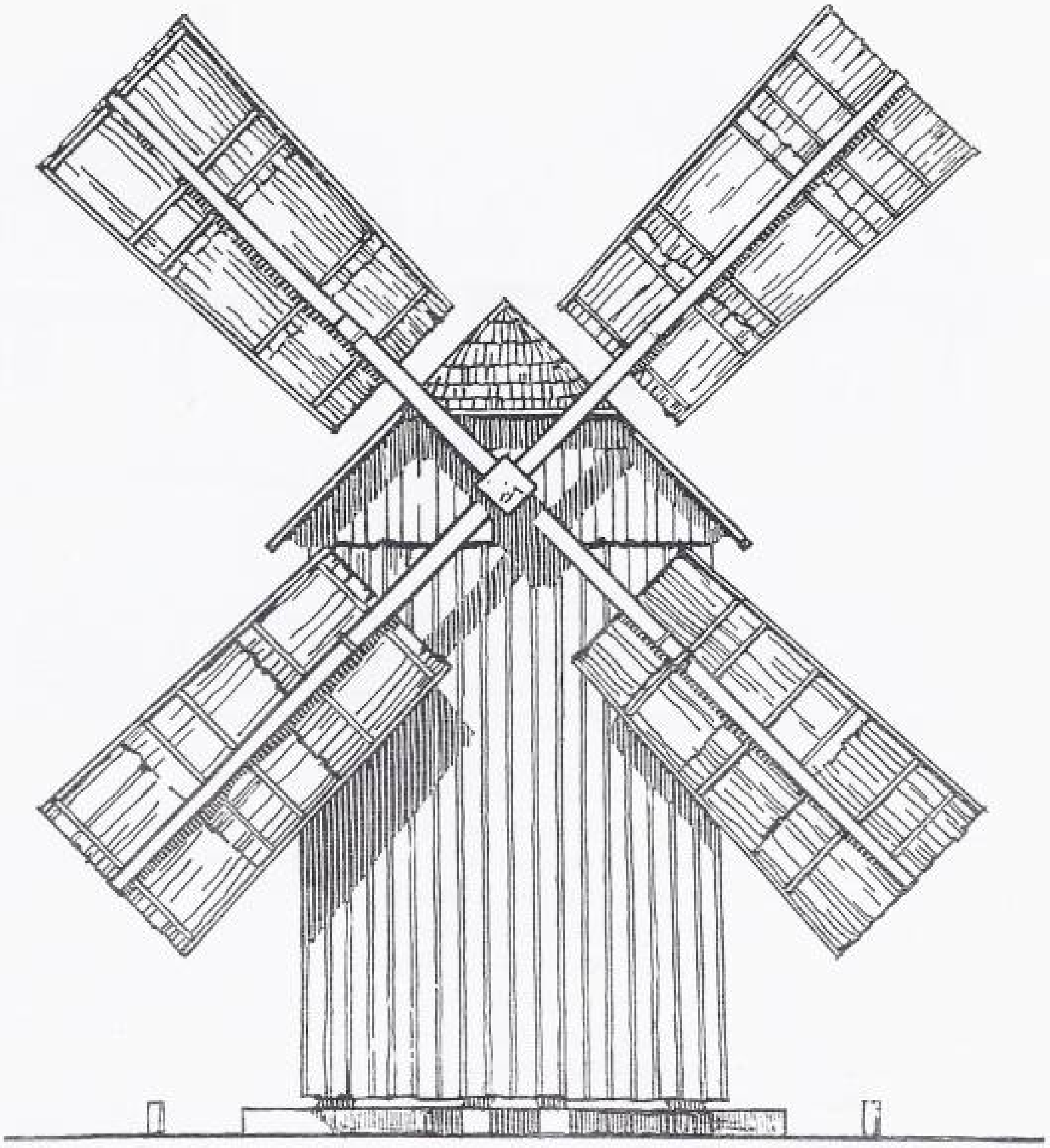

Рисунок застройки улицы в д. Бранчицы (по инвентарю середины XVII в.)

Фрагмент застройки д. Родогощи на Новогрудчине, XIX в.

Мельница в д. Высокие Горки близ Столбцов, XIX в.

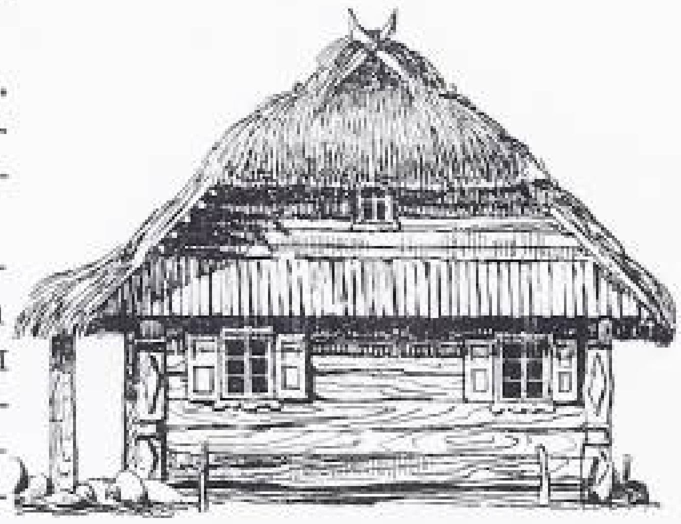
Жилые дома сельского типа в Кобрине, XIX в.

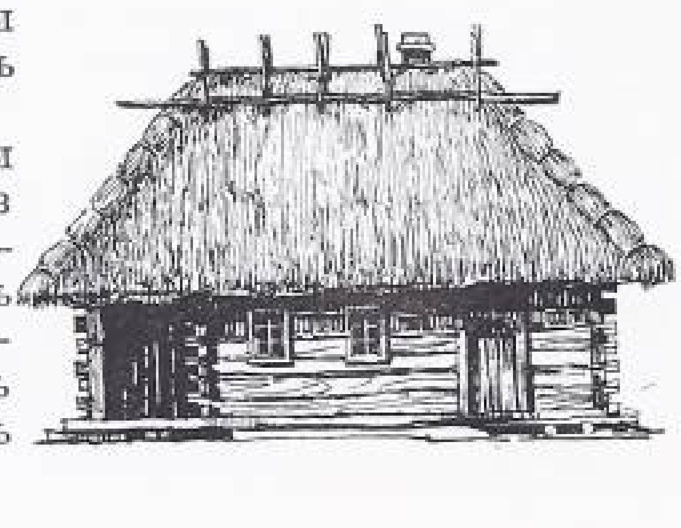
Дома располагаются на близком расстоянии друг от друга. Эта традиционная особенность в большей или меньшей степени наблюдается во всех районах Белоруссии. Перед домом имеется палисадник, отгораживающий зеленым барьером усадьбу от улицы. В деревнях Витебской, Минской и Могилевской областей, кроме палисадников, строились деревянные заборы с воротами. Забор примыкал к дому, не загораживая его уличного фасада, и часто объединял несколько построек. В этом случае улица приобретала черты регулярности и цельности в организации фронта застроек.

Фасады домов не всегда выходили непосредственно на улицу. В некоторых районах Полесья деревянные хаты располагались в глубине двора. В этом случае улица представляла собой сплошные повети с воротами и двускатной крышей.

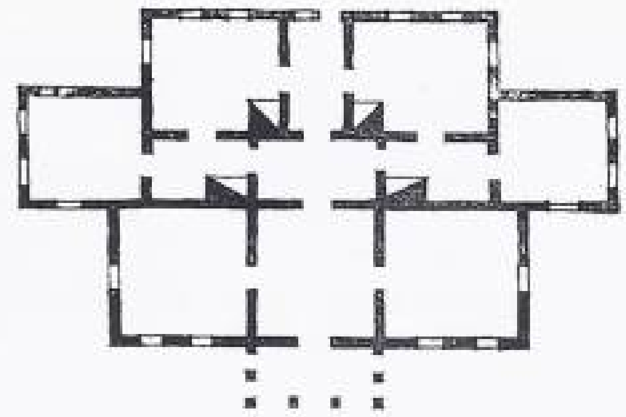
Дома рубились из бревен или брусьев (пластин). В старину — это можно видеть на гравюре Гродно 1568 г. и «чертеже» Витебска 1664 г.— больше употреблялись круглые бревна. Позже бревна стали обтесываться или опиливаться с двух (снаружи и изнутри) или четырех сторон. Из таких брусьев построено множество домов на деревянных нагелях, т. е. без железных гвоздей (Каменец Брестской области). Толщина брусьев была различной (20—40 см), и срубы состояли из семи и более венцов. С середины XIX в. наряду с описанными снова встречаются дома, построенные из круглых бревен.

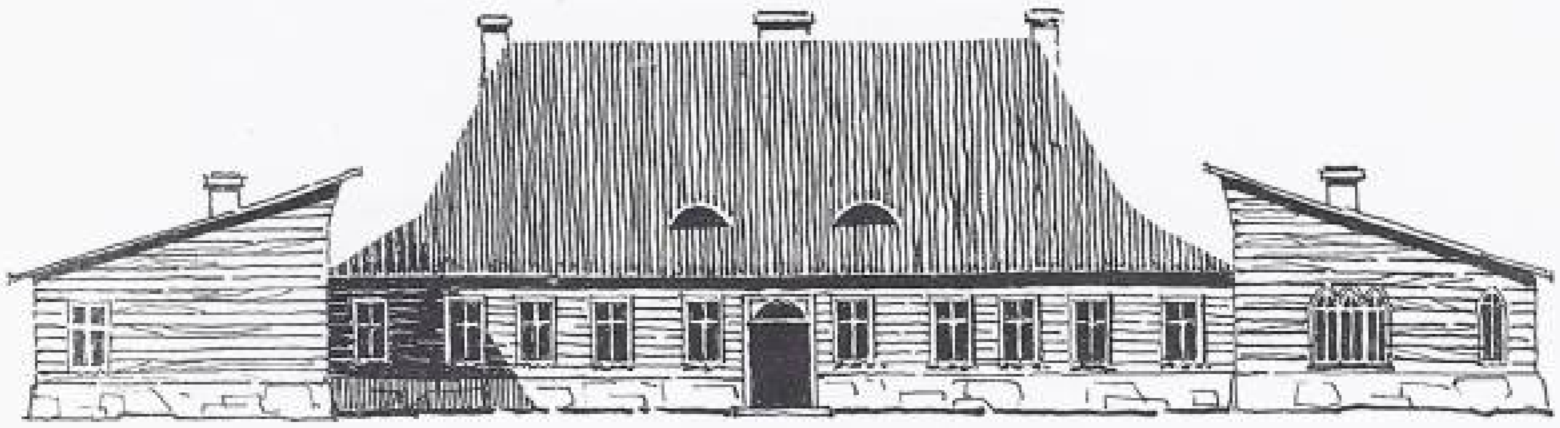
Во второй половине XIX в. срубы начали укреплять по длинной стороне вертикальными досками — пластинами со сквозными железными анкерами. Пластины устанавливались на всю высоту сруба и усиливали его конструктивную жесткость (Кобрин). Такой прием укрепления сруба не был новым: он встречается и в более старых домах, где вместо пластин с анкерами устанавливалось вертикальное бревно (Несвиж). В углах сруба брусья выходили наружу («строить в угол») или укладывались в замок («без остатка») с различными вариантами врубок. В последнем случае углы иногда прикрывались накладными досками с резной декорацией или без нее.

Простейшим фундаментом под сруб был нижний ряд бревен или брусьев — подруб. Дальнейшее развитие фундамента выразилось в том, что под весь сруб или под его углы стали подкладывать большие валуны или деревянные стулья — колоды, которые вкапывались в землю. Если фундамент состоял весь из валунов и булыжника, завалинка у дома отсутствовала. В других случаях она выполнялась различными способами: на небольшом расстоянии от дома ставилась

деревянная стенка, а пространство между нею и домом заполнялось землей; в некоторых случаях делалась насыпь, она удерживалась бревном или камнями, пересыпанными землей и пр.

Важным и наиболее характерным элементом в композиции дома является крыша. В народном зодчестве, где используется минимальное количество архитектурных деталей, она приобретает особое значение. Форма крыши зависела от конструкции дома, кровельного материала, принятого наклона и инструментов. Однако это еще не полностью объясняет большое разнообразие крыш, встречающихся в белорусском строительстве.

Важная роль принадлежит традициям, которые складывались в течение длительного времени.

Крыши делались пропорционально ширине постройки, с наклоном, обеспечивающим сток воды и устойчивость против ветра. В крышах с малым пролетом уклон был круче, чем с большим. Наиболее распространен был уклон немного более 45°, когда угол щипца меньше прямого, но часто создавался уклон и в 30—35°. Здесь не было единых норм: наклон крыши, как и ее форма, диктовался характером постройки, конкретными условиями местности, экономическими возможностями застройщика и эстетическими запросами. При сравнении крыш белорусских построек с крышами построек соседних народов — русских, литовцев, украинцев, поляков — легко заметить, что многие формы у них являются общими. Отличие заключается в процентном отношении применения тех или иных типов крыш, трактовке их формы, пропорциях и декорации.

В крышах с большим пролетом стропила необходимо было делать массивными, а это сложно и неэкономично. В таких случаях иногда устанавливались двойные или ломаные крыши с двумя ярусами стропил. Нижние опирались, как обычно, на сруб, а верхние — на столбы. Стропила стали тоньше, легче, и возведение зданий большой ширины (корчмы, дома-усадьбы и др.) упростилось. Тип мансардной крыши с жилыми помещениями появляется только в XVIII в. в больших усадебных домах и дворцах, в то время как двойные крыши были известны с XVI—XVII вв.

Образцы крестьянских хат в деревнях Белоруссии, XIX в.

Жилые дома усадебного типа с «алькежами» и флигелями в Копыси и Дудичах, XVIII в.

В оформлении интерьеров культовых зданий, особенно иконостасов, белорусские резчики достигли вершины мастерства и прославились далеко за пределами родины, декоративное же убранство сельских жилых домов и других построек народного зодчества отличается необычайной скромностью и лаконизмом, резьба по дереву на фасадах отсутствует, ее использование в жилом строительстве наблюдается только в обрамлении входов, полотнах дверей, потолочных балках, мебели, предметах домашней утвари. Резные наличники окон, украшения дверей, ставней, фронтонов крыш появляются только после воссоединения Белоруссии с Россией и, вполне вероятно, в результате влияния русских декоративных приемов.

В отличие от литовского народного зодчества, с которым белорусская архитектура имеет много сходных черт, в сельском рядовом жилье и хозяйственных постройках Белоруссии крыльца не получили повсеместного распространения. Они встречаются преимущественно в домах зажиточных крестьян и жилье усадебного типа. В таких домах крыльца устраивались у главного входа в виде двух столбов с навесом («ганок») или на четырех деревянных столбах с фронтоном, напоминающим портик. Треугольный фронтон крыльца, как и полотно двери, часто набирался из досок, а большие шляпки кованых гвоздей подчеркивали геометрический характер принятого узора. Крыльцо не только имело практическое значение, но и придавало жилому дому композиционную завершенность и нарядность.

Типическими произведениями народного зодчества, кроме жилого дома, являются хозяйственные постройки усадьбы — амбар, сарай, гумно и др. Эти постройки, сопутствующие жилому дому, не оказали влияния на его архитектуру. Наоборот, они сами вобрали в себя конструктивные и художественные достижения жилой архитектуры. Благодаря этому не сохранившиеся до сих пор первоначальные формы и детали народного жилья часто можно представить по аналогии с хозяйственными строениями.

Если амбары занимали в усадьбе видное место поблизости от жилого дома, то гумна и овины по противопожарным соображениям строились в глубине участка. В Белоруссии основной вид гумен и овинов имел столбовую конструкцию с очень низкими стенами сруба, которые почти скрывались под высокой соломенной крышей. Не представляя в архитектурном отношении особого интереса, они выделялись среди прочих построек усадьбы своеобразным соотношением больших масс, где доминирующей всегда оставалась крыша.

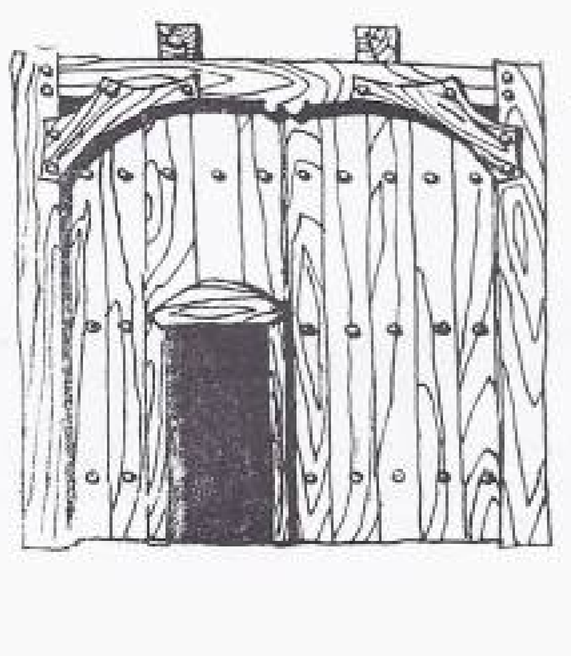
Жилой дом, амбар, гумно, сарай и другие хозяйственные постройки усадьбы располагались в различном сочетании друг с другом, образуя многообразные планировочные композиции. Творчество народа проявилось не только в создании отдельных усадебных ячеек, но и в выработке общего архитектурного облика деревни.

Сельское жилье встречается также во всех белорусских городах. Население, занимающееся сельским хозяйством, преимущественно располагалось на периферии городов, в домах, повторяющих традиционные типы сельского жилья. В Кобрине на левом берегу реки Буг сохранилась улица с домами сельского типа, построенными во второй половине XIX в. Все дома с палисадниками обращены к улице торцом, а входы располагаются во дворе по длинной стороне постройки. Как и в сельских усадьбах, дома поставлены на длинных, но узких земельных участках (шириной 8—12 м). Хозяйственные постройки группируются за жильем по одной линии, уходя в глубь территории. Компоненты дома — сени, две жилые комнаты, кухня и кладовая — строились небольших размеров. Жилые помещения — 10—15 кв. м при высоте не более 2,2 м. Снаружи дома не име-

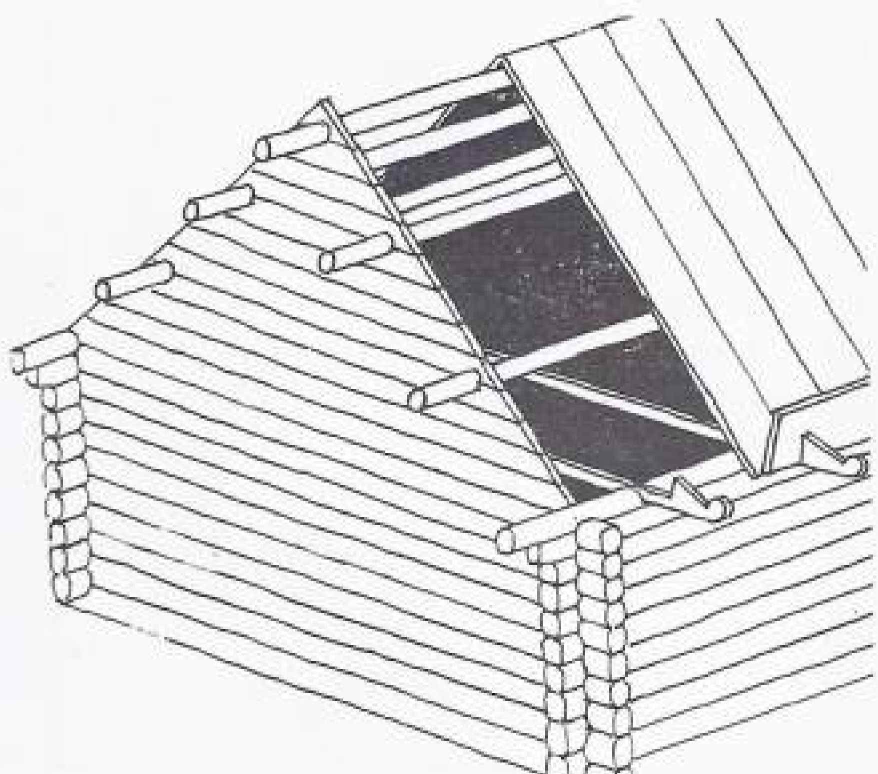
Ворота усадьбы в д. Орховка на Гродненщине, XVIII в.

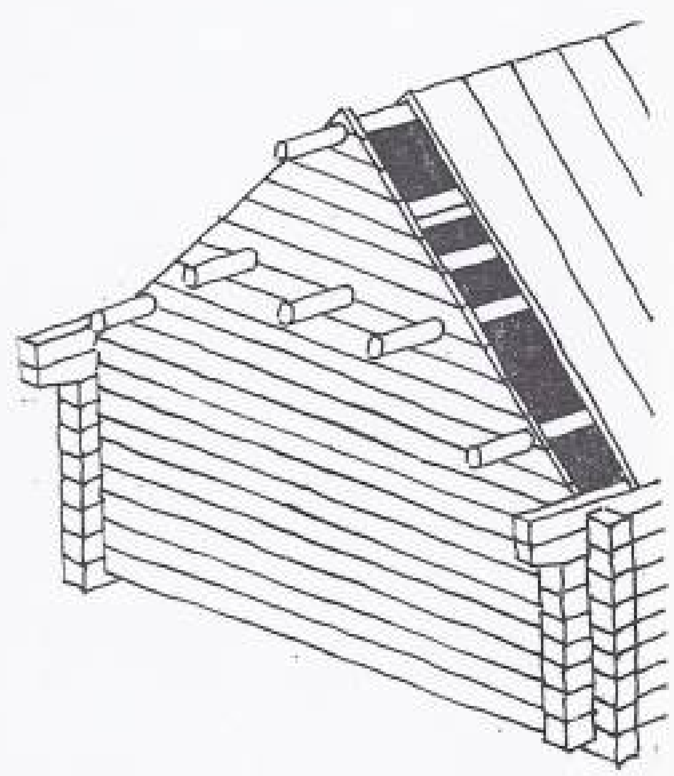
Хата в д. Слонимцы близ Пружан, XIX в.

Конструкции крыш амбара и хаты на Полесье, XIX в.

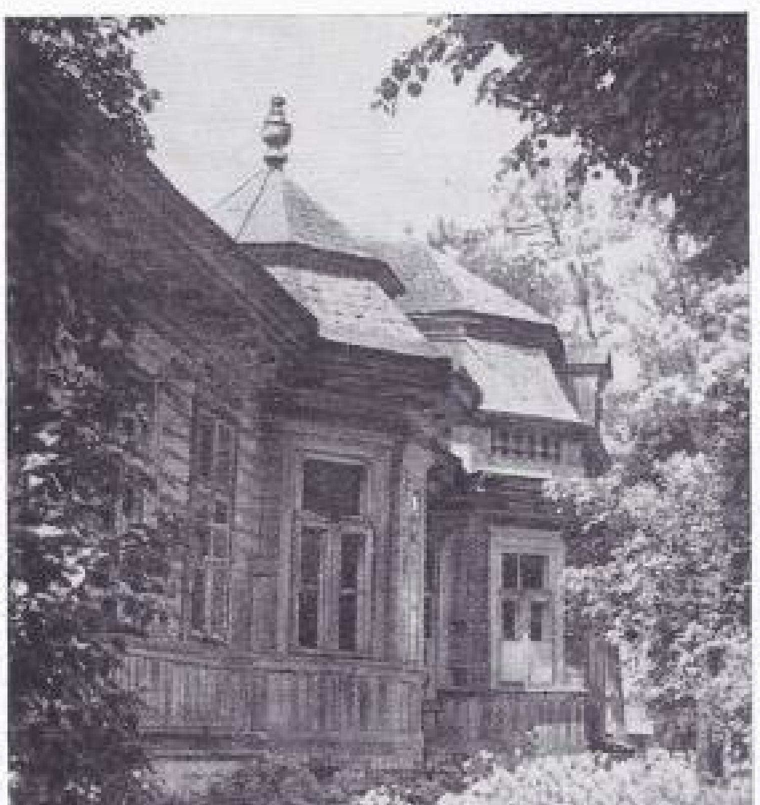

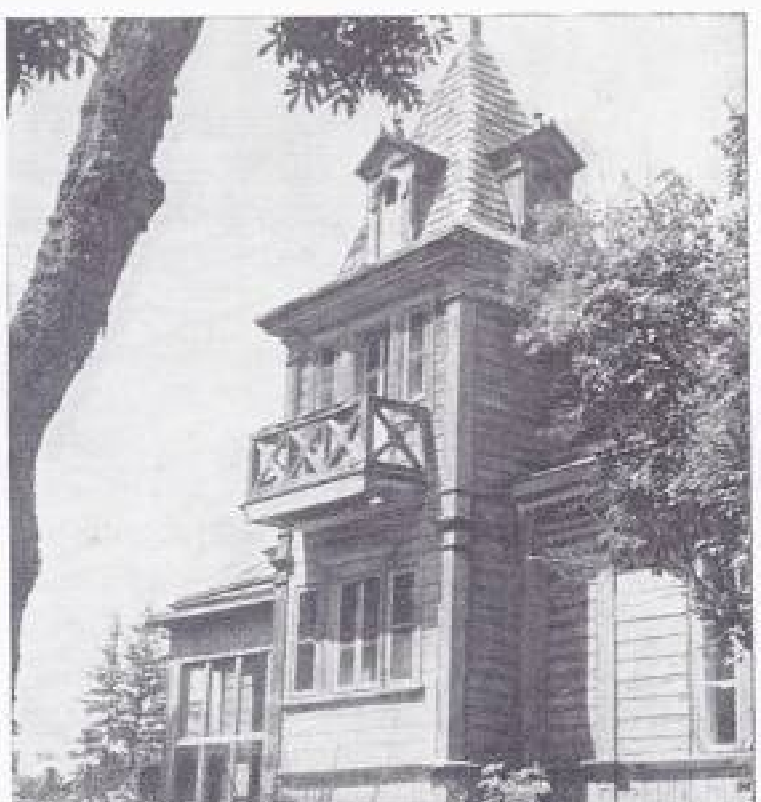

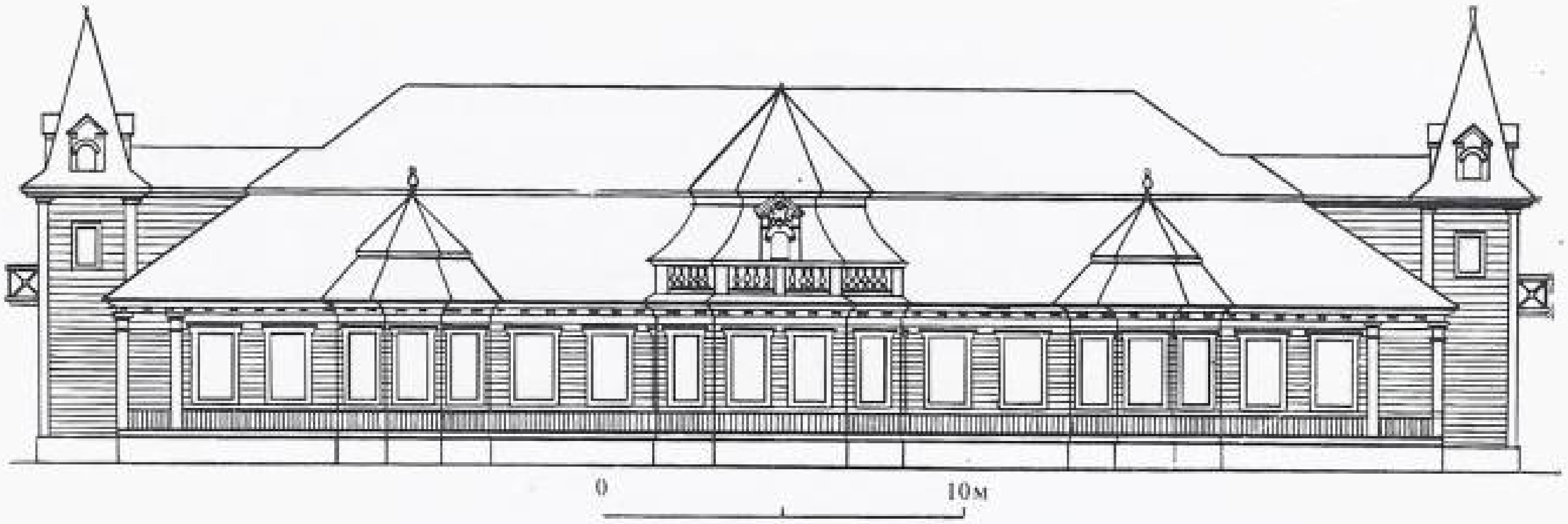

ли декоративных элементов, что было, как известно, свойственно жилью крестьянских усадеб.

Дома сельского типа в городах явились прототипом каменного городского жилья. Жилой дом ремесленника, мелкого купца, обывателя, представляющих основную часть населения города, развивался под прямым влиянием сельского дома. В его композиции и конструкциях отражены характерные черты белорусского народного зодчества, которые получили свое дальнейшее развитие в условиях городского быта и часто при использовании другого строительного материала — камня.

В XIX в. в результате активного вмешательства государственных властей в дела строительства наблюдалась известная нормировка и стандартизация деревянных конструкций и форм. В печатных пособиях были рекомендованы типы фундаментов, стен, крыш и др. Плотничное искусство перестает быть профессиональной тайной мастеров. Тем не менее сохранение этой профессии в семье не исчезло даже в начале XX в. и большинство плотников училось своему ремеслу у отцов и дедов.

Крестьянское жилье оказало также определяющее влияние и на помещичьи усадебные дома. Плотничные конструкции в них оставались такими же, как и в сельских домах и хозяйственных постройках. В простых образцах усадебных домов были собраны все характерные элементы народного зодчества, усовершенствованные в соответствии с экономическими возможностями владельца. План усадебного дома исторически образовался и развился из крестьянской хаты за счет ее удвоения. Поэтому он всегда имел симметричное строение. Центральное место в плане занимали сени, по обе стороны от которых располагались столовая и гостиная, а впереди каморы (кладовые). Спальные комнаты располагались в глубине дома. Вход в сени вел с длинной стороны дома и отмечался обычно крыльцом со столбами и высоким треугольным фронтоном. Такое традиционное крыльцо на последующих этапах развития архитектуры легко заменилось колонным портиком.

Характерной чертой многих усадебных домов была высокая, иногда ломаная крыша, покрытая соломой, позже гонтом. Дома были одноэтажными, частично использовалось под жилье чердачное помещение. С конца XVIII в. использование чердака или части его под мансардный этаж стало обычным. Интересна другая особенность усадебных жилых домов: в любом из них стремились к минимуму наружных дымоходов. Это объясняется тем, что раньше с домовладельцев взимался «подымный» (по количеству труб) государственный налог. Поэтому дымоходы образовывали сложное сплетение, позволявшее отводить дым в одну-две трубы. Такой прием наблюдается на протяжении столетий и проявляется весьма искусно в различных вариан-

Усадебный дом в д. Красное под Минском, середина XIX в.

Эркеры, башня и парковый фасад усадебного дома в Порозово на Гродненщине, конец XVIII — начало XIX в.

тах. Именно в усадебных домах впервые появилась наружная труба, в которой собрано несколько дымоходных каналов.

Печи, камины с фигурной декорацией облицовывались кафелем различной цветной поливы и были наиболее богатыми элементами интерьера дома. В парадных комнатах стены иногда штукатурились, а потолки обшивались беленым холстом. Остальные помещения мало чем отличались от убранства крестьянского дома и часто имели глинобитные полы.

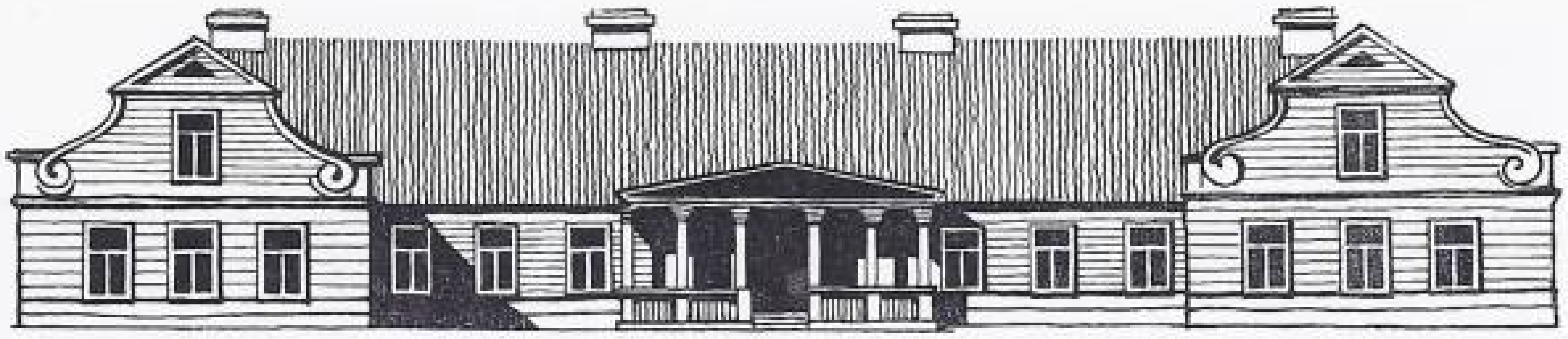
В XVIII в. в некоторых имениях, принадлежавших зажиточным помещикам, строились дома с усложненной планировочной схемой, схожие с оборонительными сооружениями. В них имелись квадратные пристройки в углах или торцовых частях дома, которые часто покрывались отдельной шатровой крышей и тем самым уподоблялись башням, фланкирующим здание. Пристроек («алькежей») было четыре, позже две, и расположение их хотя и было различное по отношению к дому, но всегда с соблюдением принципа симметрии.

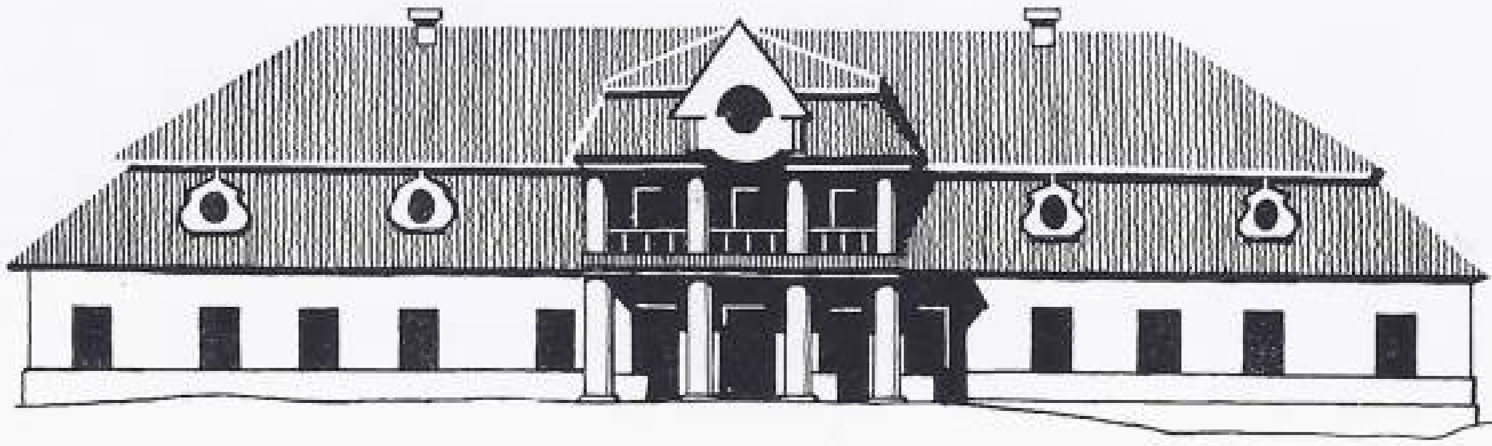
Дома подобного типа известны как в Белоруссии (Копысь), так и на Украине (Черножилы) и Польше (Ковалевщизна). Вполне возможно, что такое развитие усадебного дома при сохранении традиционной планировочной структуры было известной данью архитектуре оборонительных сооружений. Свое происхождение «алькежи» вели от замковых башен XVI—XVII вв., когда последние соединялись не только с крепостными стенами, но и с жилой частью замка. Однако оборонительных функций «алькежи» не имели. Они складывались из тех же деревянных брусьев, что и сам дом, и имели такие же по величине оконные проемы. По существу это были дополнительные жилые помещения, в которых обычно располагались спальни и малые гостиные. Снаружи такие усадебные дома имели внушительный вид.

Фасад, план и разрез дома-усадьбы в д. Ворончa под Новогрудком, вторая половина XVIII в.

Усадебный дом в д. Регинево под Слонимом и в д. Маньковичи на Витебщине, конец XVIII в.

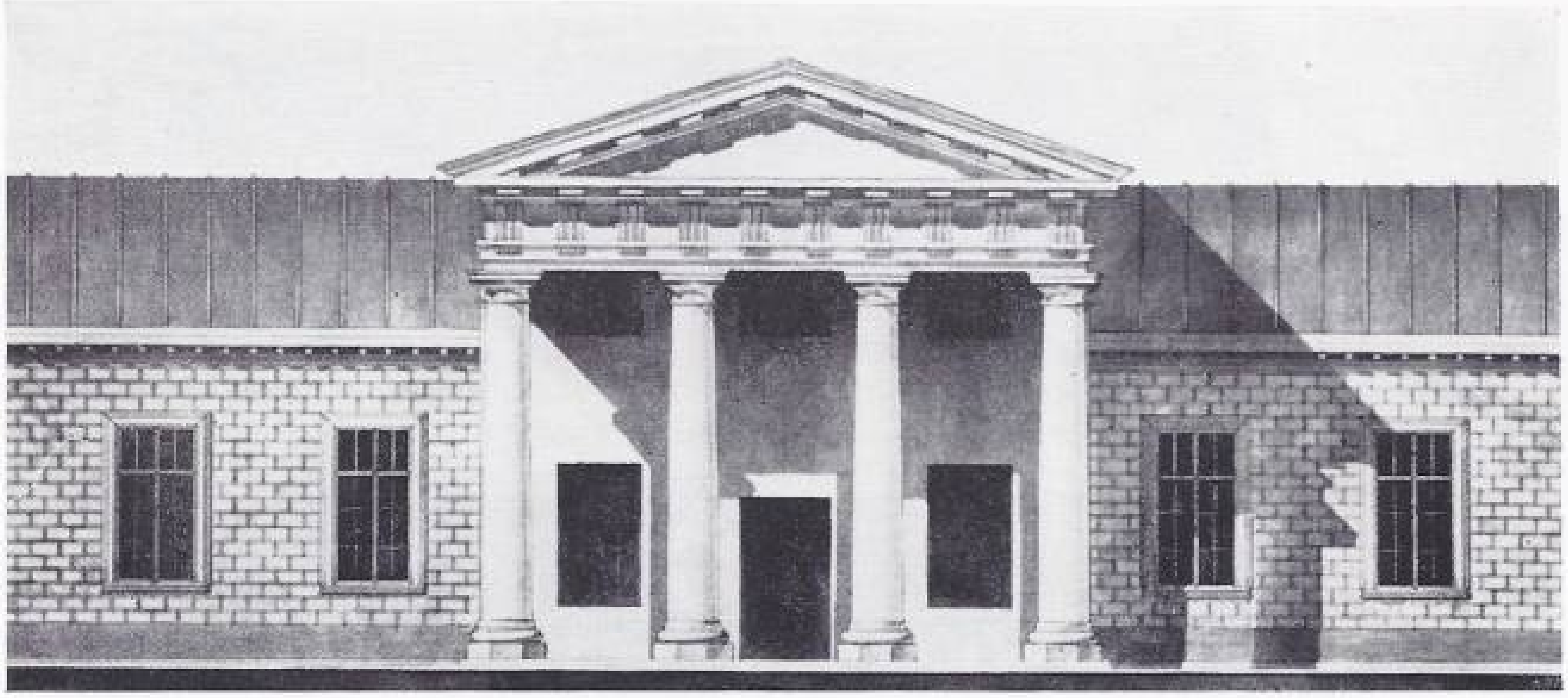

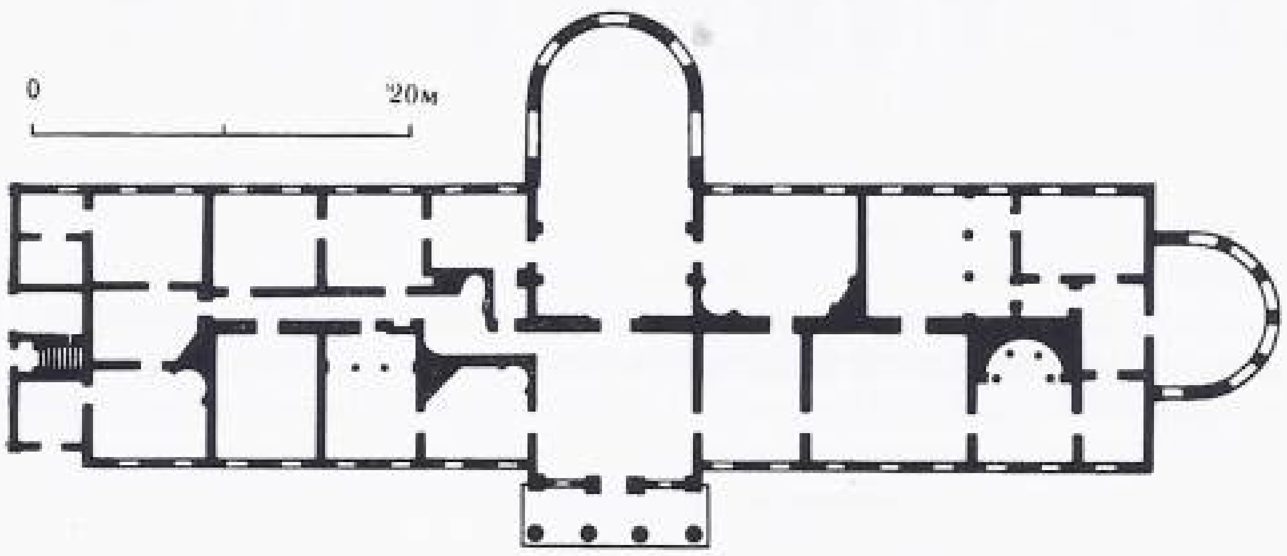

Во второй половине XVIII в. «алькежи» превратились в два развитых флигеля с самостоятельными входами, связанных с основной частью дома. Известны четыре дома такого типа: *в Новощицах под Пинском, в Дудичах около Минска и Яцковщизне и Порозово на Гродненщине.* Наиболее простой из них в Новощицах. Он представляет собой симметричную композицию из трех компактных срубов, образующих небольшой парадный дворик перед основным фасадом. Все срубы связаны друг с другом, однако снаружи это мало заметно благодаря тому, что каждый из компонентов дома имеет самостоятельную крышу. Архитектура дома весьма лаконична. Его художественная выразительность достигается только объемным решением. Еще больший эффект в объемном построении отмечается в доме в Яцковщизне, где центральная часть здания двухъярусная и доминирует в комплексе, подчиняя себе скромные боковые флигеля.

Сходно с этими постройками *имение в Регинове* около Слонима. В нем основные крылья согласуются с центральной частью дома, а их завершение, несмотря на барочное очертание щипцов, носит более спокойный характер. Это здание можно считать следующим этапом в развитии усадебного дома, композиция которого логично исходит из предшествующих образцов. Такой же характер имел дом усадьбы в Турце под Новогрудком.

Более известные или сохранившиеся до настоящего времени жилые дома усадеб в формах, развившихся под влиянием искусства барокко и особенно классицизма, относятся к самому концу XVIII и первой половине XIX в. Усадебные дома этого периода строились из дерева, камня или с использованием того и другого строительного материала. В последнем случае из кирпича складывалась внутренняя продольная стена (Радзивиллимонты) или средняя, парадная часть здания (Задвия). Большинство домов-усадеб были одноэтажными или с антресолями в центре. Двухэтажные образцы встречаются преимущественно в каменных усадьбах (Скоки, Хальч) или в домах смешанного типа (Лунна Воля). Часто второй этаж представлял собой мансарду, занимавшую все пространство под крышей (Маньковичи, Мачульня).

0
20м

Старое построение усадебных домов в форме подковы с флигелями по бокам все больше уступает место построению домов по одной линии. Здания, повторяющие подковообразное очертание плана, были единичными и не определяли общего направления в архитектуре усадеб конца XVIII — первой половины XIX в. Из усадебных построек, ранних в этом периоде, можно назвать *дома в Хойнове* около Лиды и *Маньковичах* недалеко от Постав. В их архитектуре преобладают формы, традиционные для барокко. Это заметно в фигурных фронтонах, окнах-люкарнах в криволинейной оправе, баллюстраде и пр.

Имение в Воронче недалеко от Новогрудка — пример развитого деревянного усадебного дома с мансардой конца XVIII в. Первоначально дом имел компактный объем, центр которого выделялся портиком и антресолью над ним. Позже дом увеличили почти вдвое. Хотя общий характер фасада мало изменился, былая симметрия здания нарушилась. План дома после достройки стал чрезвычайно развитым и значительно отличался от простых плановых композиций усадебного жилья. Группировка жилых комнат и их связь с мансардой была устроена исключительно исходя из интереса быта большой семьи и не претендовала на представительность, обычную для больших и малых дворцов. Декоративную отделку стен и роспись потолков получили только зал и несколько кабинетов. Архитектура дома в целом имела классическое направление, что видно по разбивке фасадных стен пилястрами, применению простого портика и пр. Тем не менее окна мансарды имели овальную форму и обрамление с волютами, свойственное барокко. Следует отметить, что отдельные барочные формы встречались в усадебных домах почти до XIX в., т. е. до времени, когда классицизм уже окончательно утвердился в архитектуре монументальных зданий. Это было одной из особенностей усадебного зодчества.

В начале XIX в. в архитектуре исчезли черты барокко. В усадебных домах появились гладкие стены, на фоне которых выделялись портики — единственный элемент, пластически обогащавший фасад здания. К таким усадьбам относятся, например, *Голынка, Радзивиллимонты* (обе *в Минской области*), *Заполье (Брестская область), Заболотье, Чомбров, Новощицы* (все *в Гродненской области*). Дома

Фрагмент фасада и план усадебного дома в д. Радзивиллимонты под Клецком, конец XVIII в.

Уголок парка усадьбы

Фрагмент портика главного фасада дома

16*

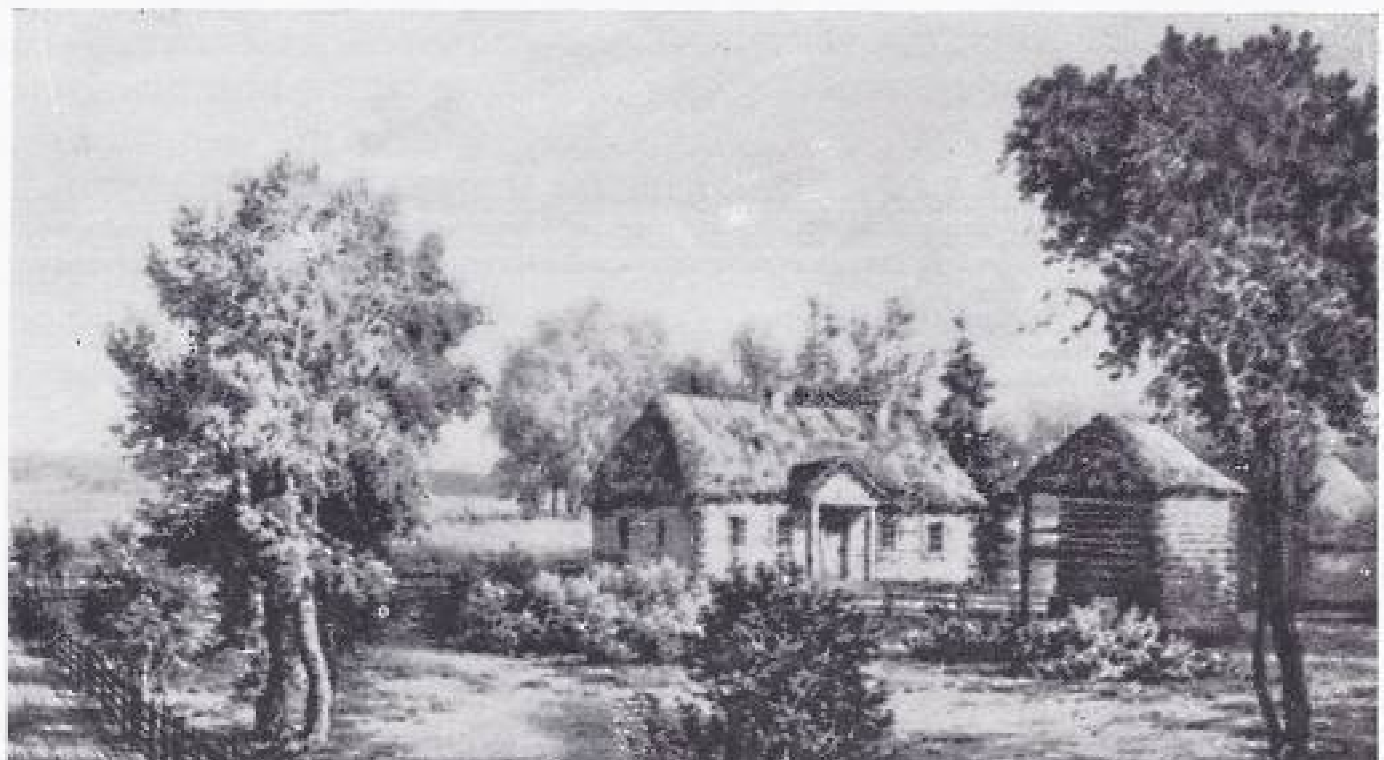

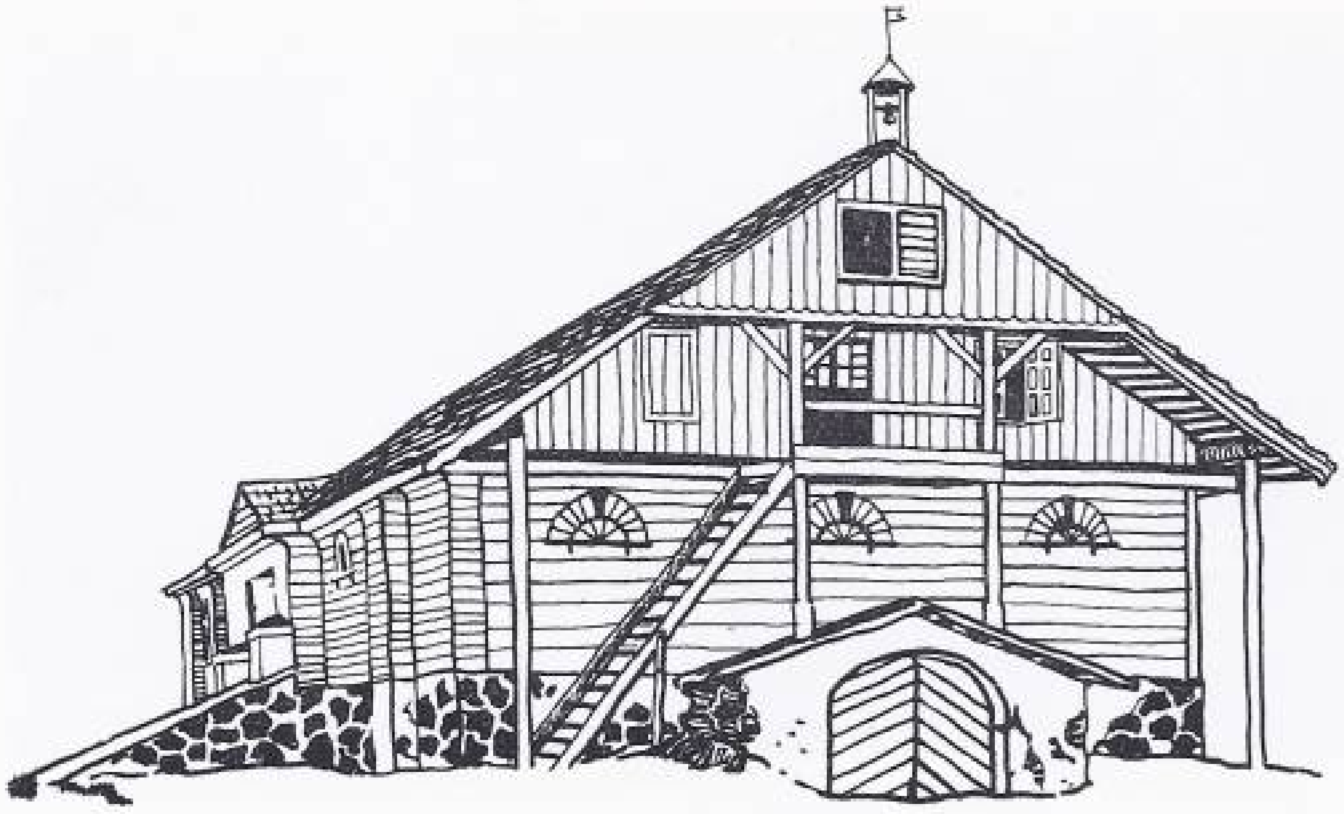

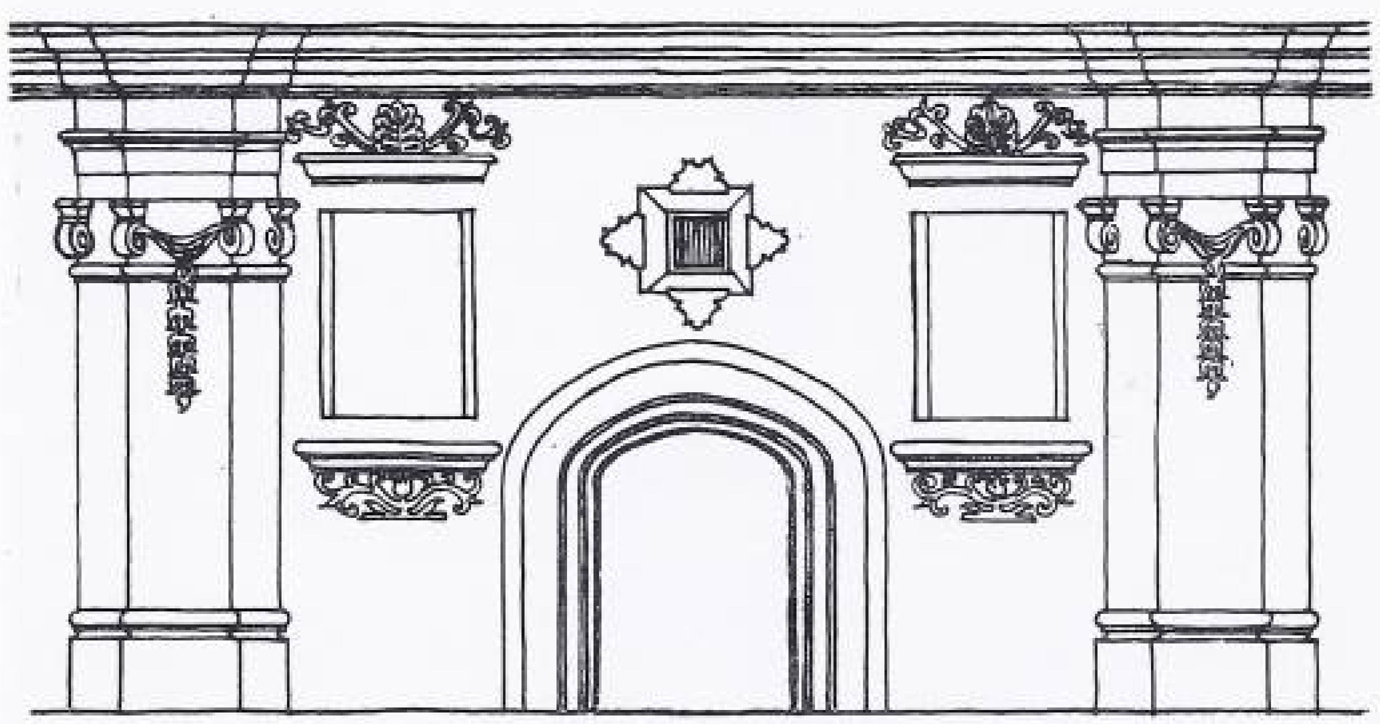

Усадебные дома конца XVIII — первой половины XIX в. (рисунки Н. Орды) — Дубоп, Молодово, Смолгов, Скоки, Мерачовщина и Заосье

усадеб родственны между собой. Их планы характеризуются четкостью и рациональностью разработки, а фасады — симметричностью построения. Если дом был с антресолью в средней части, то в ней размещались более тесные и низкие жилые комнаты. Первый этаж отводился для парадных помещений — зал, большая столовая, гостиная, кабинет. Такое построение имели дома зажиточных владельцев. Большинство усадебных домов из дерева были одноэтажными и имели небольшие размеры.

Архитектура классицизма оказывала влияние на развитие художественных форм деревянного зодчества. Широкое распространение получили колоннады, антаблементы, капители, розетки, резьба по дереву. Изменялись пропорции ордера, увеличивался пролет между колоннами и упрощались профили. Иногда элементы классической архитектуры импровизировались: в портики вводились разные кронштейны (Чомбров), колонны делались тонкими(Голынка), капитель не отвечала общепринятому рисунку (Лозовцы близ Новогрудка). В архитектуре многих деревянных домов использовались местные приемы декорации, которые вносились народными мастерами, строившими усадьбы. Овладев тектонической системой классицизма, они включали в нее свои излюбленные художественные мотивы. Вместе

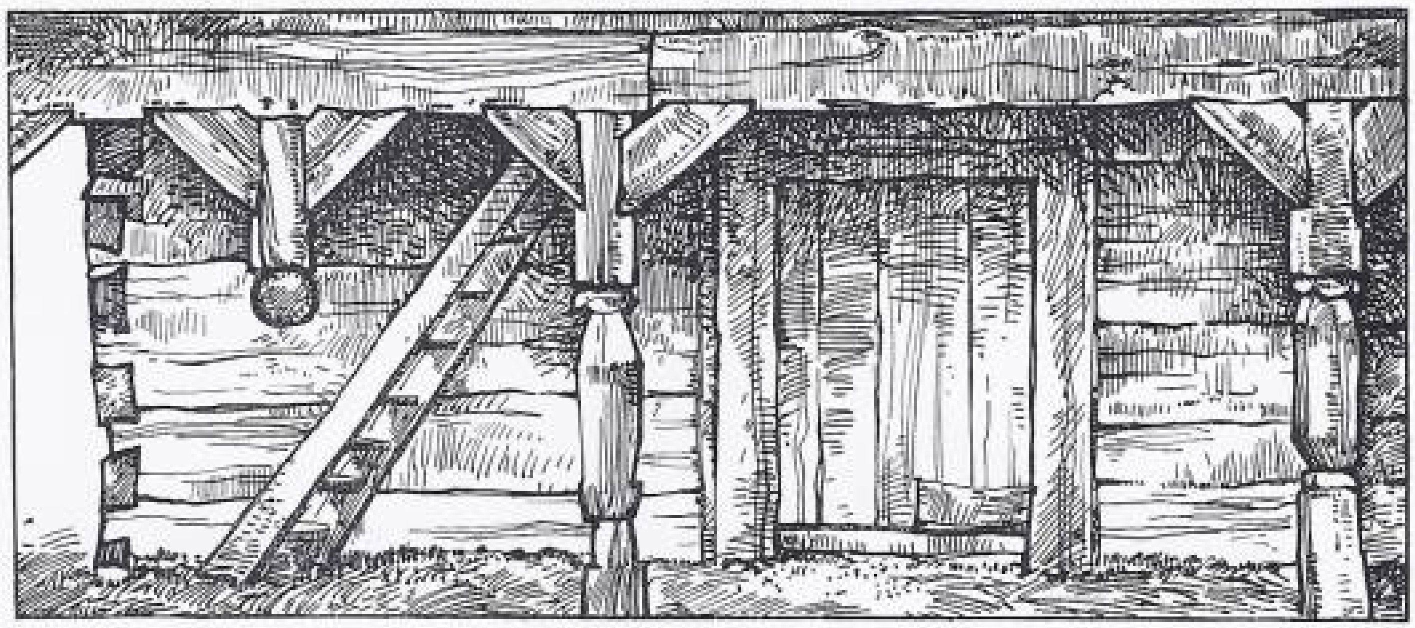

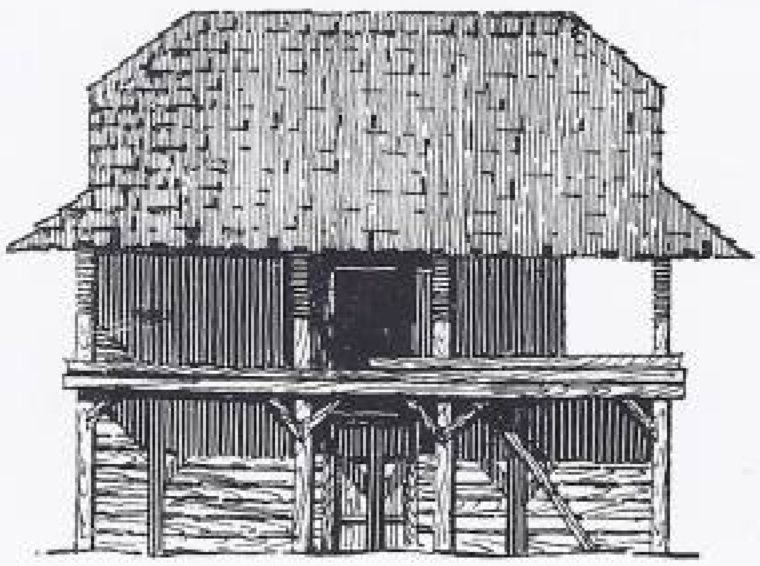
Амбар в д. Радзивиллимонты под Клецком

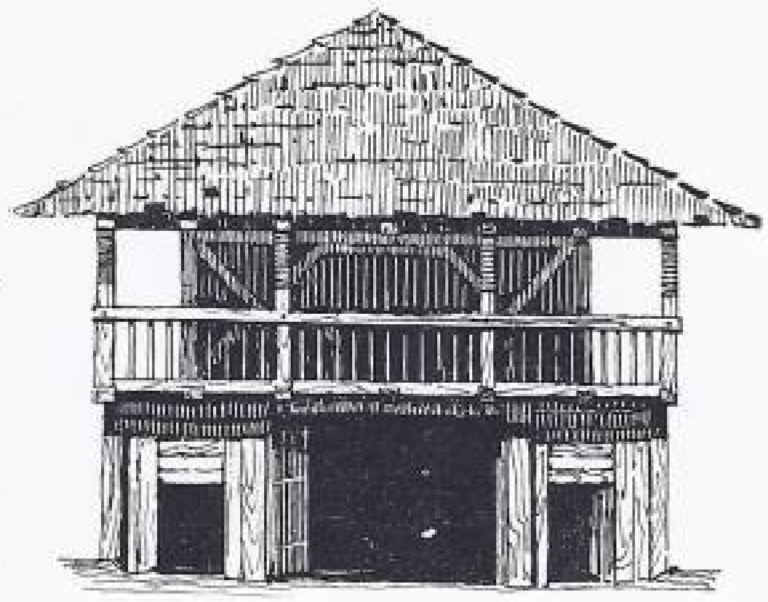
Ледник в д. Княжицы под Могилевом, конец XVIII в.

Фрагмент деревянных конструкций амбара в д. Рудники под Слонимом, XVIII в.

Традиционные типы сараев, XVIII — начало XIX в.

с тем известны дома, которые поражают грамотным и умелым воплощением в дереве всех канонов классической архитектуры.

Особый интерес в этом отношении представляет усадебный дом в Радзивиллимонтах, в котором слились особенности деревянного и каменного зодчества. Его большая часть — стены, обработанные рустом, карнизы, портик с фронтоном и другие детали, заимствованные из каменной классической архитектуры,— выполнена из дерева. Внутренняя продольная стена и отрезки поперечных стен центральной части дома — кирпичные.

Дом-усадьба в Радзивиллимонтах построен в 1780 г. архитектором Карло Спампани. Зодчий принадлежал к первым представителям классического направления в архитектуре Белоруссии. Его строительная деятельность проходила главным образом в Минской и Гродненской областях и на востоке Литвы, где им были созданы небольшие дворцы, усадебные дома и некоторые хозяйственные постройки. Представитель палладианской школы, которую он пропагандировал в своих первых постройках по приезде из Рима (Дворец в Павлове около Вильнюса), Спампани в последующих произведениях широко использовал местные архитектурные традиции. Примером этому может служить деревянный амбар («ламус») в имении Беница около Молодечно, который создан им по образцу старых белорусских хозяйственных построек, но на основе новой, классической системы.

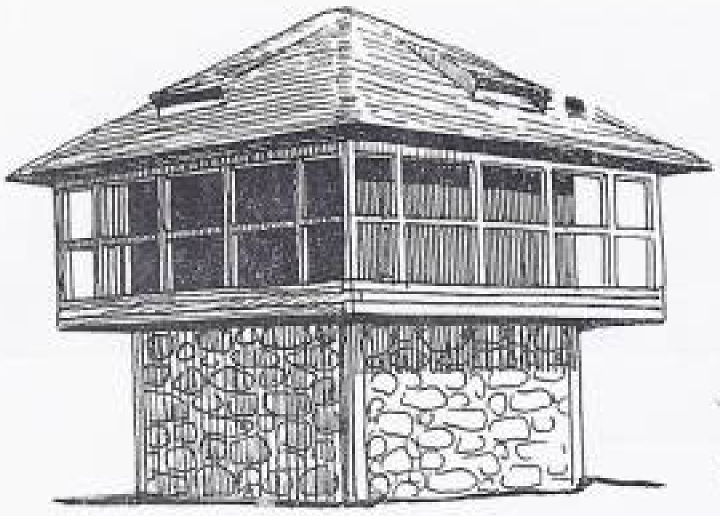
Каменные усадебные дома в Белоруссии строились в значительно меньшем количестве. По своей планировке и общим наружным очертаниям они обычно повторяли деревянные дома усадеб (Осташин,

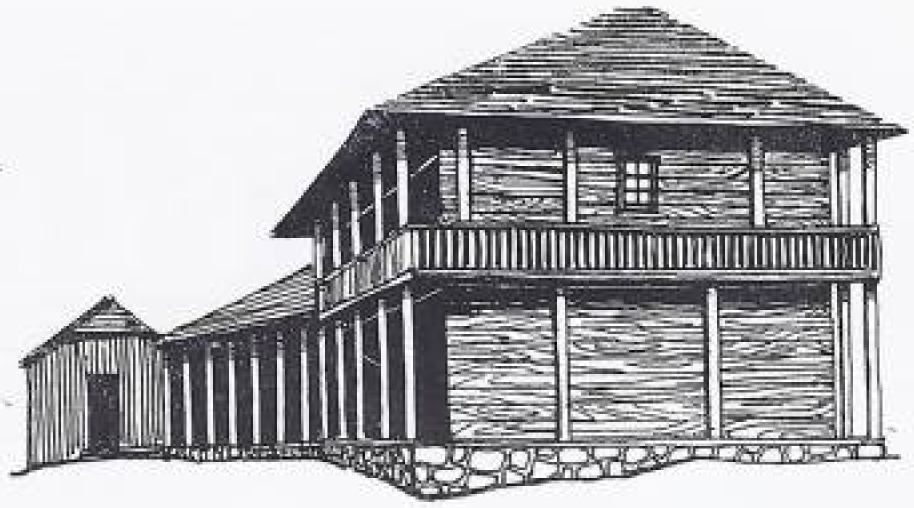

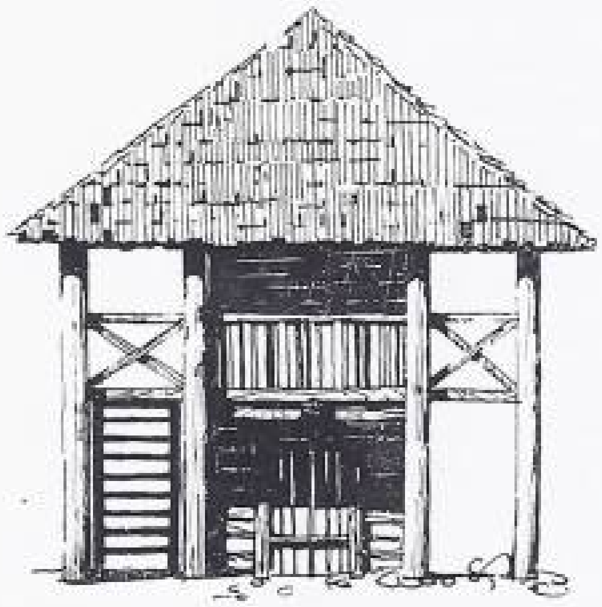
Мерачовщина, Мачульня, Убель и др.), но иногда отличались от них этажностью (Скоки, Хальч), или композицией фасада (Яновичи), или характером архитектуры, близким к небольшим дворцам (Беница, Нача, Вистич). В последних случаях о родстве каменных усадебных домов с их деревянными прототипами можно говорить лишь условно. Они больше напоминают дворцовые постройки или городские каменные усадебные дома.

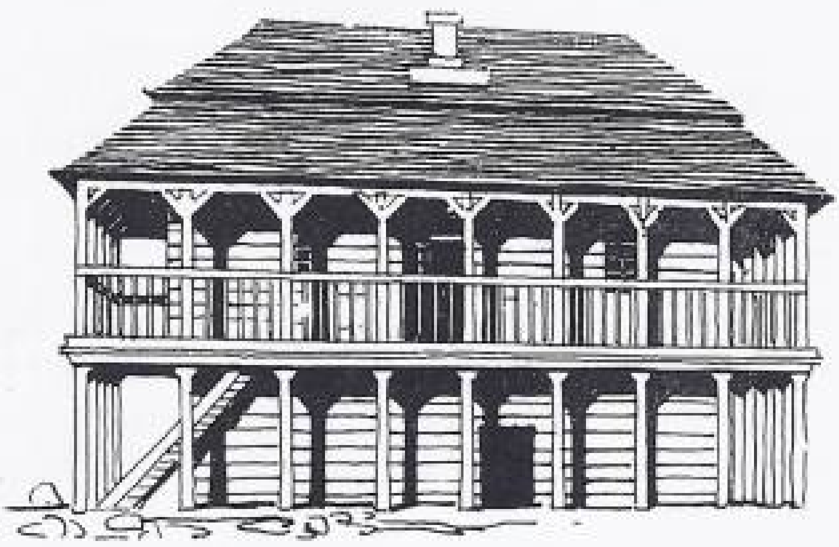
Наружные и внутренние стены всех разновидностей каменных усадебных домов штукатурились, окна и двери украшались наличниками, фасады обрабатывались пилястрами и имели портики, а в угловых частях декорировались плоским рустом. Крыша, как и в деревянных усадебных домах, была с изломом или мансардой, хотя встречается и более простая — двускатная.

Усадебные комплексы располагались в живописных местах и хорошо сообщались с главными дорогами. В местностях с пересеченным рельефом или у водоемов размещение построек было особенно сильно подчинено природным условиям. Поэтому образовались в основном два приема композиции — регулярный и свободный. Выбор того или другого приема в решении комплекса усадьбы осуществлялся в соответствии как с практическими, так и с художественными требованиями. Обязательным для каждого усадебного комплекса был парк, который примыкал к главному дому или начинался поблизости от него. Часто в парке подбирались кучно деревья одной породы или окраски, в результате чего создавались живописные и рельефные массивы зелени. Перед фасадом дома устраивалось открытое пространство, иногда с регулярной партерной зеленью, способствующей лучшему раскрытию здания со стороны подъезда.

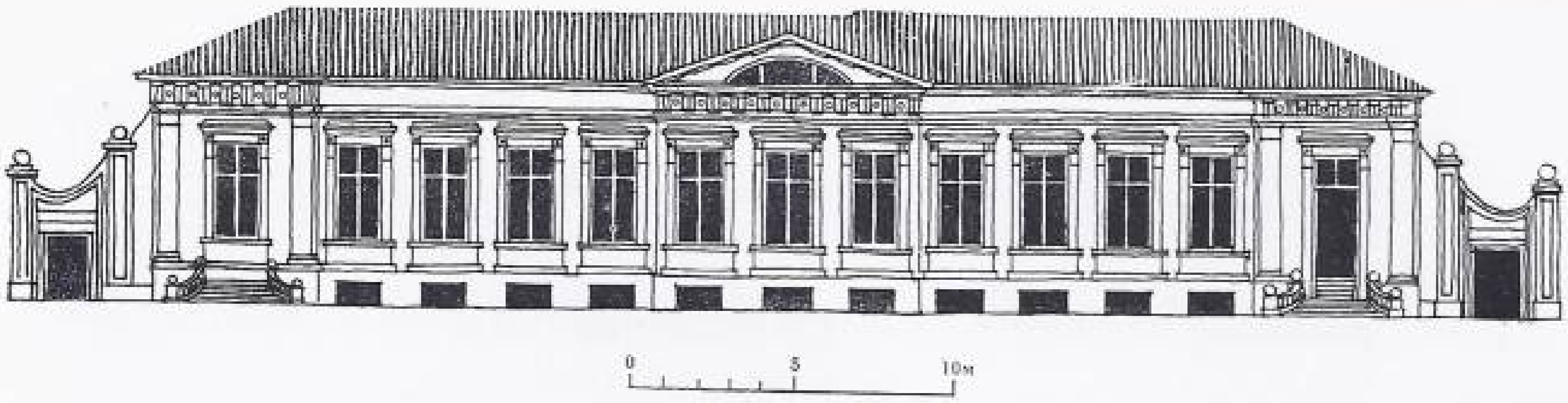
Свирон в д. Заосье под Новогрудком, конец XVIII в.

Сараи и амбары конца XVIII — начала XIX в.— в д. Ясневичи под Поставами, Долгое на Гродненщине, Данюшево под Сморгонью, Нестанишп под Свирью

Главный дом усадьбы в композиции всего комплекса занимал доминирующее положение. Иногда перед ним группой построек, непосредственно с ним связанных, образовывался небольшой симметричный двор. Хозяйственные строения размещались поодаль от главного дома и не имели с ним регулярной связи. Развитие хозяйственных построек помещичьих усадеб протекало под влиянием аналогичных построек крестьянских дворов. Особенно это относится к XVII — первой половине XVIII в., когда первые из них отличались лишь размерами и количеством помещений, но оставались также деревянными.

Во второй половине XVIII и в первой половине XIX в. в связи с распадом феодальных отношений и развитием капитализма спрос на сельскохозяйственные продукты увеличился. Это привело к интенсификации помещичьих хозяйств. Появилась необходимость в создании значительных хозяйственных построек, в том числе и больших каменных. Такой тип строений раньше не наблюдался. Вместе с этим он сразу получил много общих черт с деревянными прототипами, имеющими то же утилитарное назначение. Дальнейшее развитие каменных и деревянных хозяйственных построек шло параллельно, в тесной взаимосвязи. С начала XIX в. в архитектуру каменных, а нередко и деревянных хозяйственных сооружений стали проникать элементы классицизма, применявшиеся более или менее умело в зависимости от квалификации отдельных мастеров. В этом случае художественная направленность всего усадебного комплекса — главного дома и других построек — была единой и составляла цельный архитектурный ансамбль.

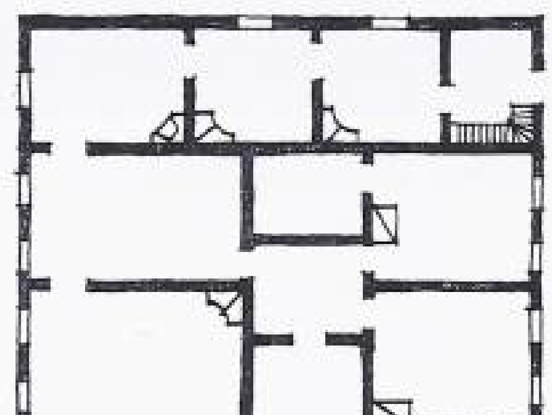
В Белоруссии известно много типов амбаров как деревянных, так и каменных. В двухэтажных амбарах первый этаж часто был кирпич-

ным, второй — деревянным. Иногда во втором этаже получала продолжение кирпичная кладка в виде столбов или простенков, пространство между которыми закладывалось деревянными брусьями. Во многих амбарах широко использовались чердачные помещения (Радзивиллимонты, Ружаны и др.). При высоких крышах они не уступали своей вместительностью низкому основному этажу. По универсальности использования, разнообразию композиции и декоративному убранству с амбаром не может равняться никакая постройка усадьбы. Несмотря на сравнительно небольшие размеры и простоту конструкций, они не были шаблонными. Аркады, галереи, навесы, наружные лестницы, различные крыши — от шатровой до двухъярусной — использовались народными мастерами для придания амбарам разнообразного облика.

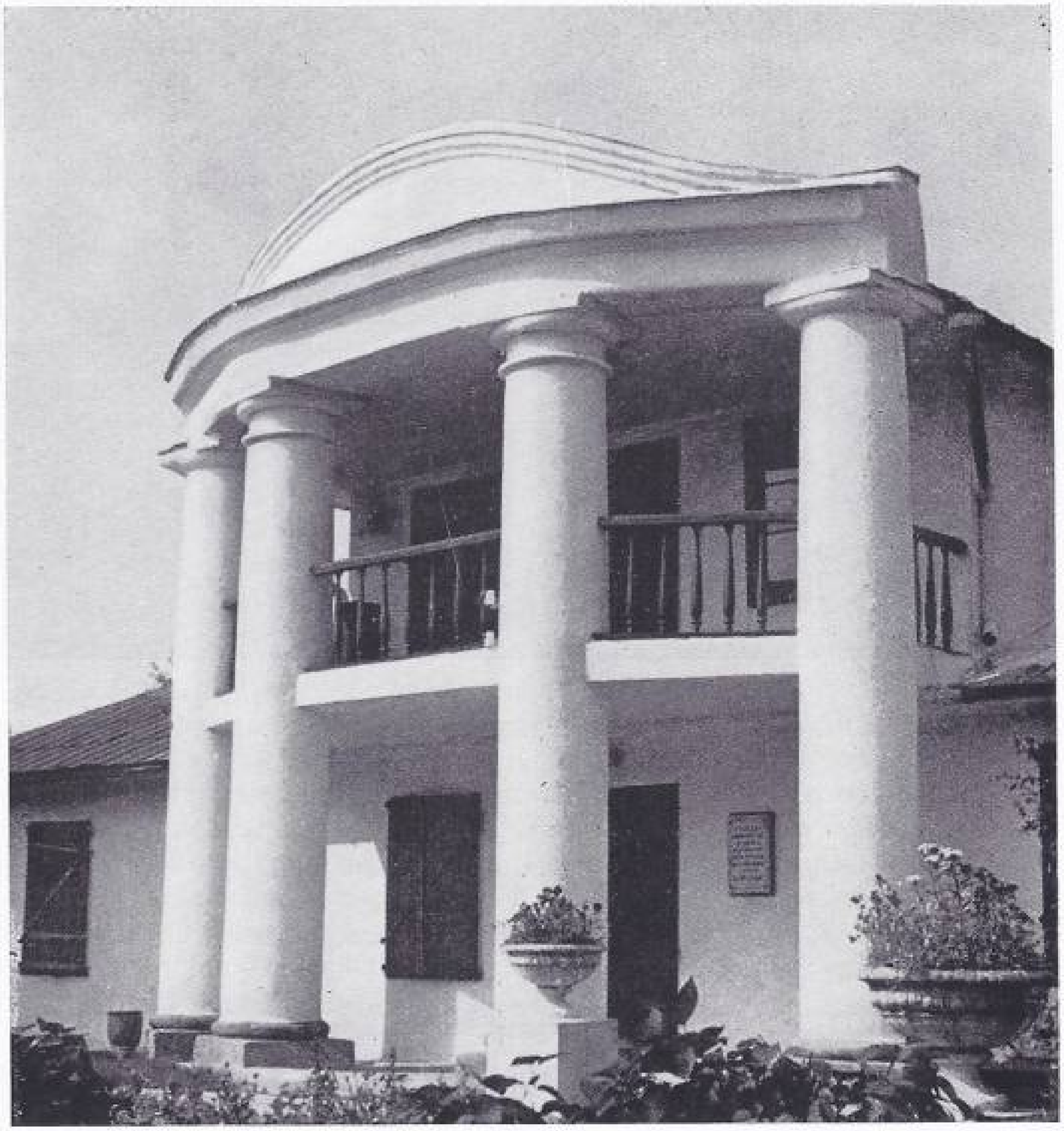
С конца XVIII в. появляются типы амбаров, связанные с архитектурой классицизма, однако планировка их остается близкой к предшествующим образцам. Среди таких амбаров, выполненных в дереве, выделяется *постройка в Бенице,* осуществленная К. Спампани. Она представляет собой симметричный прямоугольный объем, в котором выступающая средняя часть украшена портиком и башенкой. Три широких пролета под портиком напоминают традиционную для белорусского зодчества галерею под навесом.

Особенности классицизма еще больше проявились в архитектуре каменного *амбара в Маньковичах* (Витебская область), в котором главный, протяженный фасад представлен рядом монументальных колонн. Следует сказать, что черты нового стиля в архитектуре наблюдались прежде всего в усадьбах помещиков. В крестьянских усадьбах амбары, как и другие хозяйственные постройки, продолжали возводиться из дерева по традиционным образцам с бесконечной вариацией форм при минимальном использовании декоративных элементов.

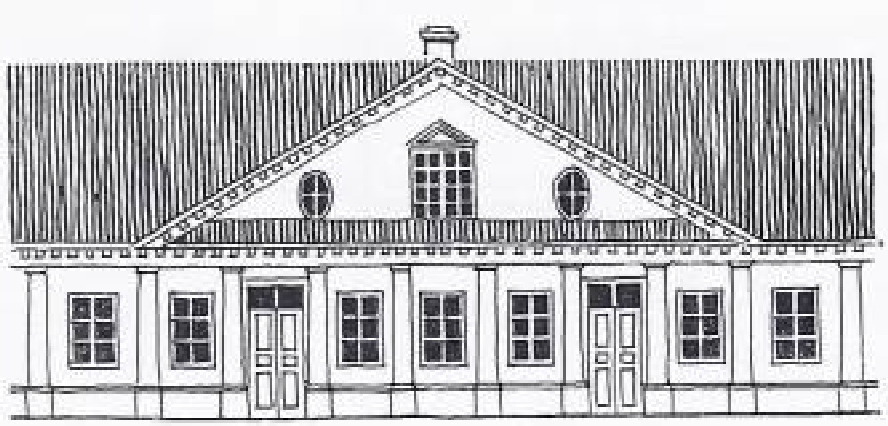

Дома усадебного типа получили распространение также в белорусских городах. Одна из причин этого заключается в том, что многие помещики имели здесь второе жилье или переезжали на постоянное жительство в города после передачи хозяйства взрослым детям. Однако организация территории городских усадеб имеет свои особенности, вытекающие из специфики города. Прежде всего они занимали небольшие земельные участки, обычно огражденные и часто неправильной формы, что было вызвано их расположением в гуще уже сложившейся городской застройки. Вместо традиционных парков появились небольшие сады. Сократилось до минимума количество хозяйственных построек, которые в условиях городского быта оказались ненужными. Обычная постановка дома фасадом на улицу являлась градостроительной особенностью и исключала создание открытого пространства у здания, распространенного в сельских условиях.

Внутренняя планировка и архитектура городских усадебных домов, как уже отмечалось, подобна сельским образцам. Именно такие

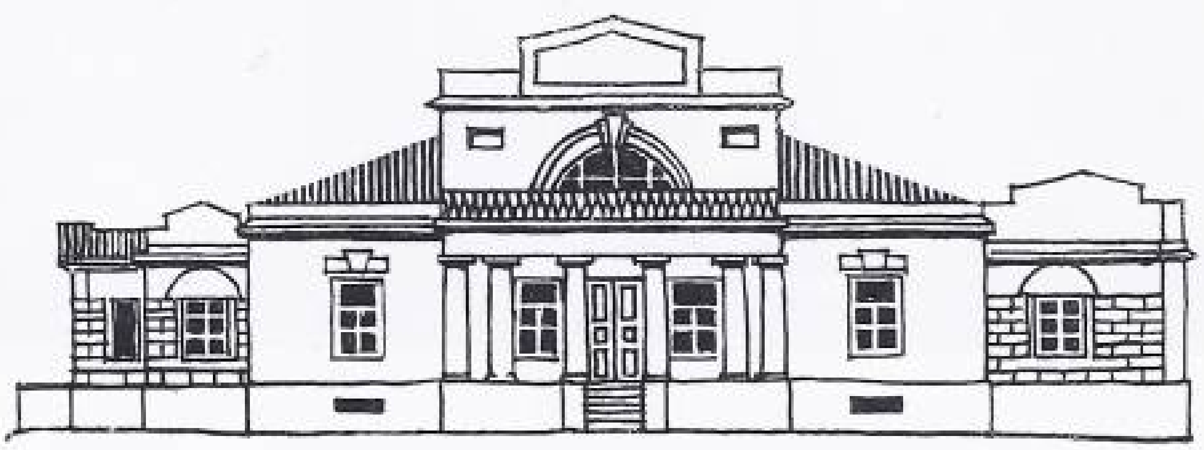

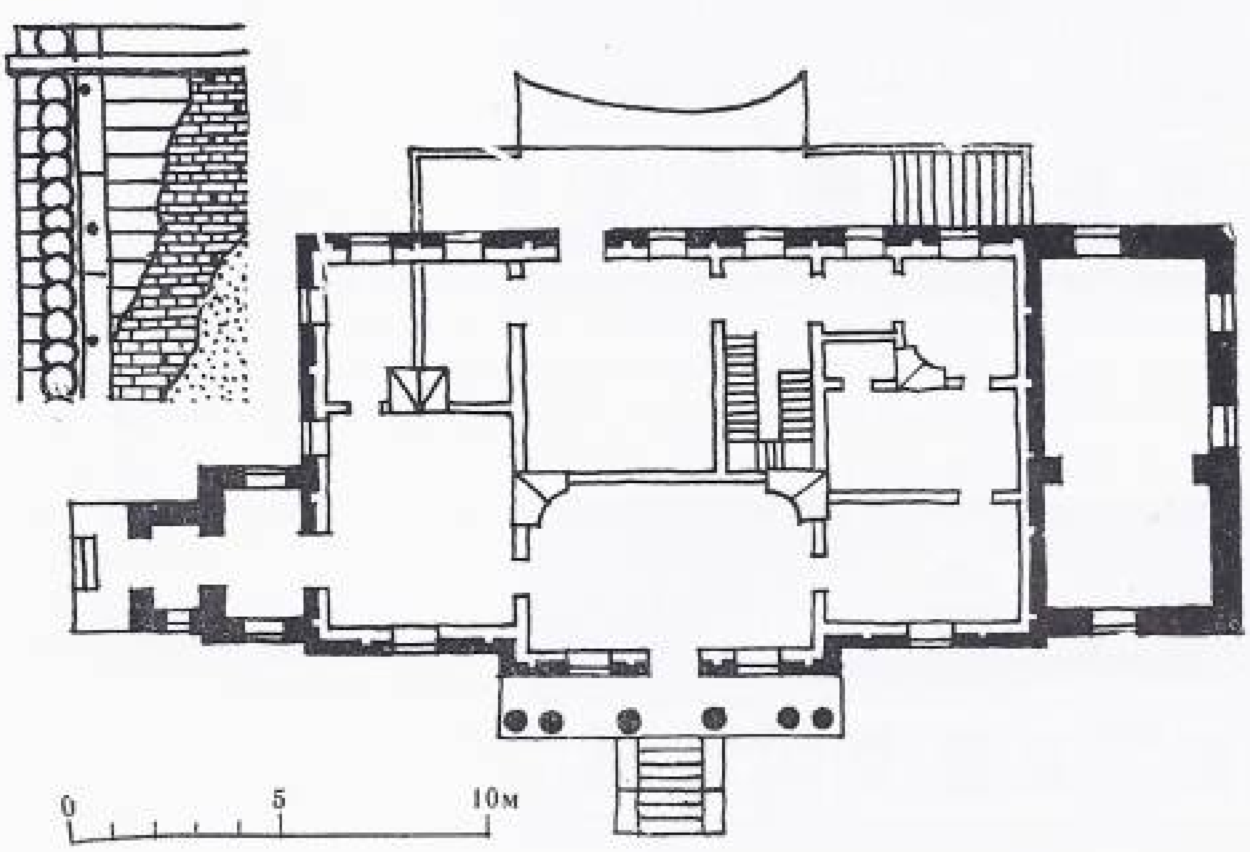

Фасад и план жилого дома в Могилеве (Пассековой), конец XVIII в.

Дома в Волковыске (Багратиона), Бресте и Минске (Ваньковича), начало XIX в.

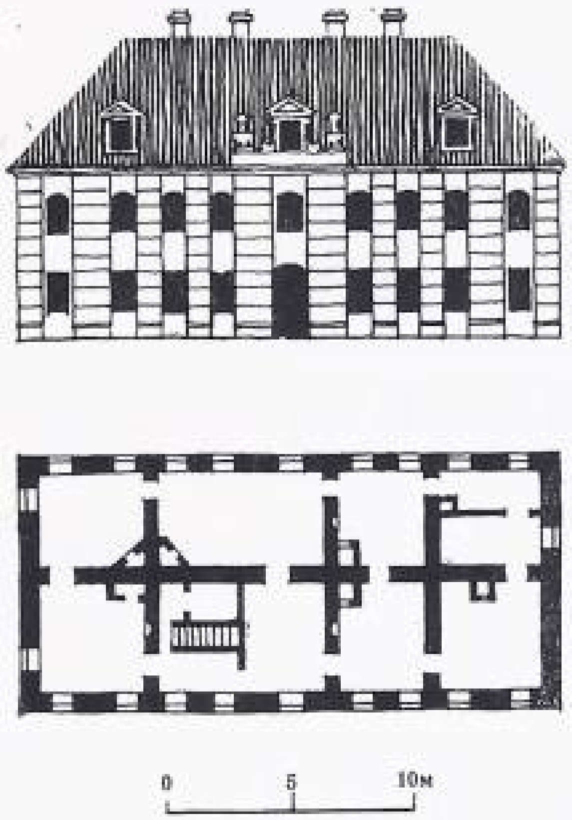

Общий вид, фасад и план жилого дома в Гомеле, начало XIX в.

Жилой дом в Слониме (Марцинкевича), конец XVIII в.

Жилой дом в Пружанах, начало XIX в.

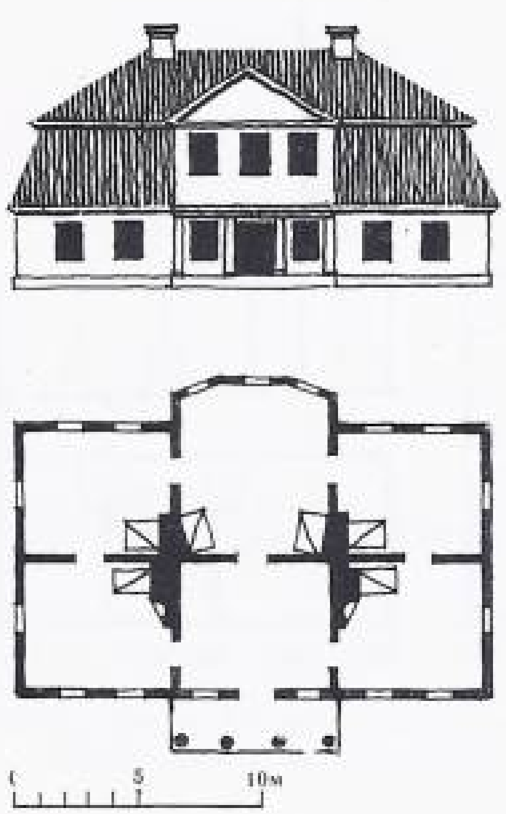
дома составляют *основную, или первую группу городских усадеб.* Они известны с конца XVIII — первой половины XIX в. в Минске, Волковыске, Пружанах, Вилейке, Бресте, Слониме, Гомеле, Гродно и других городах. Эти деревянные или каменные усадебные дома отличались большим разнообразием планового и объемного построения. Многообразны дома и в своем архитектурном облике, хотя типичным у них был портик (Слоним) или крыльцо с навесом по главному фасаду (Вилейка). Остальные украшения почти отсутствуют или несложны, дешевы и в то же время весьма выразительны. Общим у всех домов первой группы является лаконичное решение плана и фасада, заимствованное в большинстве случаев у сельских усадебных домов.

Деревянный дом в Бресте имеет шестичастный план, в котором две центральные комнаты — самые большие. Одна из них трактовалась как зальное помещение и отмечалась по фасаду четырехколонным портиком с фронтоном. Колонны портика выполнены из дерева и оштукатурены. Фронтон не имеет штукатурки, и его поле заполнено геометрическим узором из досок, сбитых коваными гвоздями. Портик, накладные доски с узором, прикрывающие стык брусьев в углах сруба, ставни с простым украшением — вот основные элементы, обогащающие лаконичную архитектуру брестской постройки.

Усадебный дом конца XVIII в. *в Волковыске* (Гродненская область), именуемый домом Багратиона, вынесен своим основным фасадом на красную линию улицы. Здание деревянное одноэтажное с мезонином в центральной части. Главным элементом композиции является монументальный портик из камня с фронтоном криволинейного очертания. Своеобразный портик пластически обогащает среднюю часть дома, усиливает ее архитектурную выразительность.

Другой *деревянный усадебный дом XVIII в. в Минске* (дом Ваньковича) несколько нарушает установившуюся градостроительную традицию в размещении городского жилья: он расположен в глубине двора и отгорожен от улицы каменной оградой с въездными воротами. Первоначальный план дома установить почти невозможно в связи с его коренной перестройкой. Зато главный фасад, ориентированный на улицу, сохранился почти без изменения. Его средняя часть представлена растянутой колоннадой с фронтоном. Пространство под крышей в ее средней части используется под жилье. Поэтому центральная часть дома несколько выше боковых. В архитектуре фасада переплетаются элементы классицизма и барокко.

Усадебный дом в Пружанах (Брестская область) имеет четкий шестичастный план и очень компактный объем с более высокой средней частью. Его архитектурный облик носит особенно «городской» характер, перекликающийся с некоторыми домами ремесленников и торговцев. Но композиция плана сохранила прямую связь с помещичьим жильем.

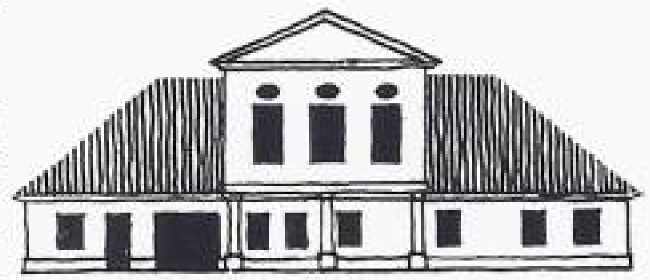

В первой половине XIX в. городские усадебные дома приобретают несколько иной, особняковый облик. Их архитектура отличается от рассмотренных образцов полной классичностью форм. Для фасадов стали характерными перемычки и замки над гладкими проемами окон, портик, мезонин с фронтоном над средней частью здания, лепные детали в небольшом количестве и двухцветная окраска.

Жилой дом такого типа, построенный в первой трети XIX в. в Гомеле, представляет интересное конструктивное сочетание дерева и кирпича. Все стены и колонны портика деревянные, но наружный сруб обложен рядом кирпича и оштукатурен. Это в сочетании с деталями из арсенала классической архитектуры создает полную иллюзию цельнокаменной постройки.

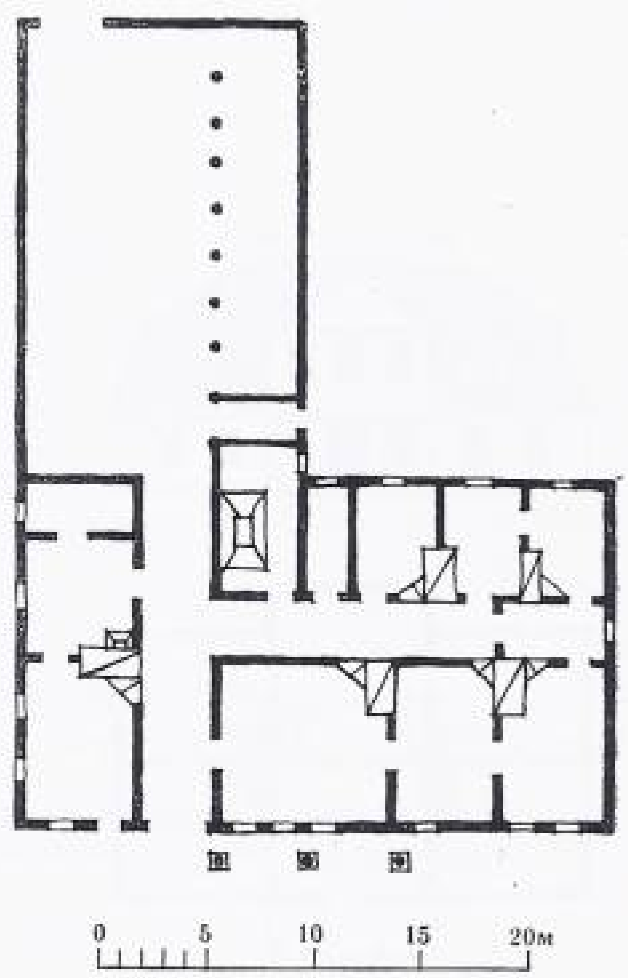

Вторую группу городских усадебных домов представляют образцы в Бресте и Мозыре. Они в общем имеют родство с первой группой городского усадебного жилья и отличаются от них или развитым планом (Мозырь) или комплексной организацией территории усадьбы (Брест). Как в первом, так и во втором случаях особенности архитектуры домов были тесно связаны с торгово-хозяйственной деятельностью их владельцев.

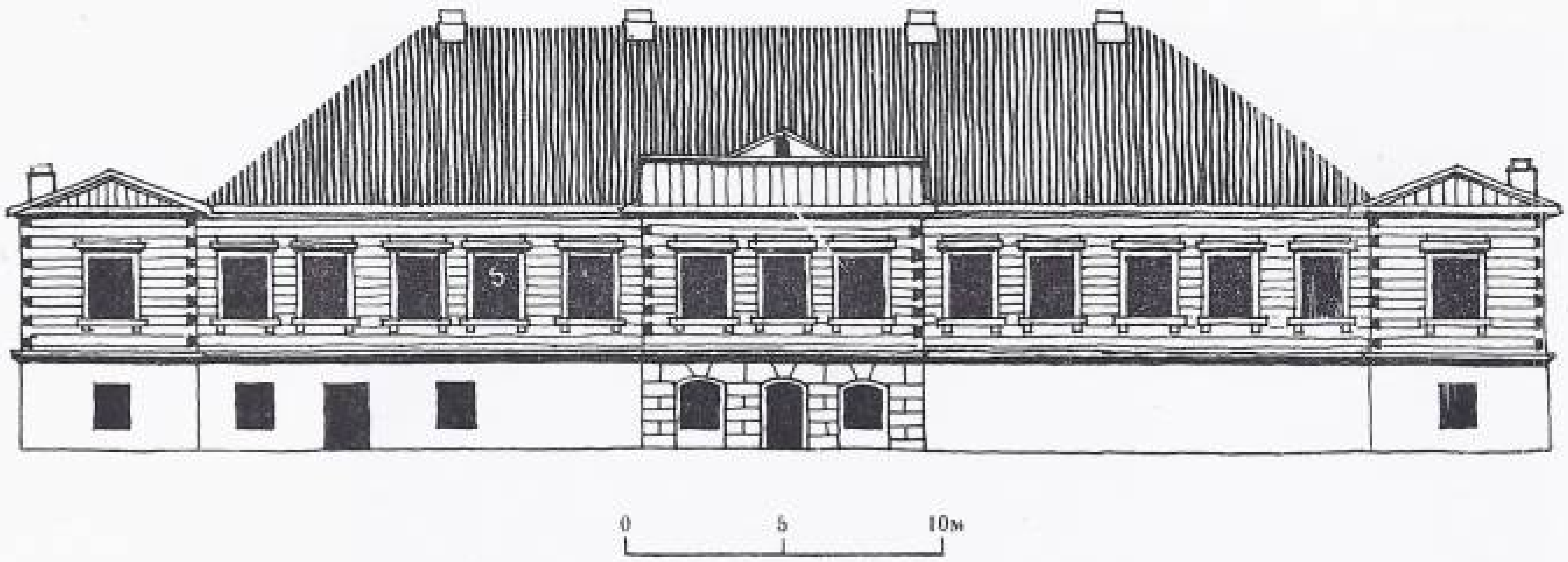
Деревянный дом в Мозыре был непосредственно увязан с хозяйственной постройкой («стодолом»), въезды в которую были устроены со стороны улицы и двора. Большая часть первого этажа, кроме кухни и подсобных помещений, также отводилась под хозяйственно-производственные нужды. Жилье располагалось на втором этаже, в средней части дома. Этот этаж был выдвинут вперед и покоился на трех колоннах. Высокая крыша удачно объединяла все части дома и придавала ему объемную целостность.

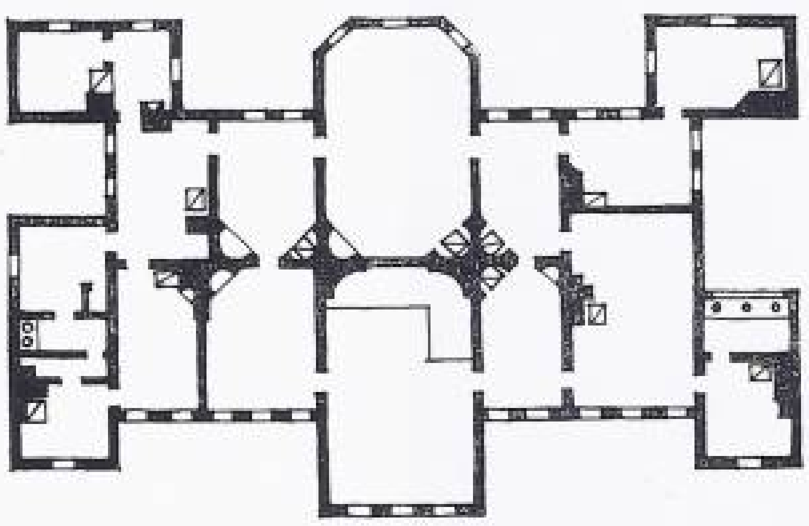
План *брестского главного дома усадьбы* очень простой, с симметричным расположением комнат. Высокая крыша использована под мансарду, которая в центре получила открытый балкон. Остальные постройки усадьбы, как жилые, так и хозяйственные, своей архитектурой были под стать главному дому. Постановка усадьбы на самом берегу Буга, наличие пристани и многих складских помещений наводят на мысль, что владелец ее был связан с торговыми операциями. Взятый отдельно главный дом усадьбы близок к сельскому помещичьему жилью.

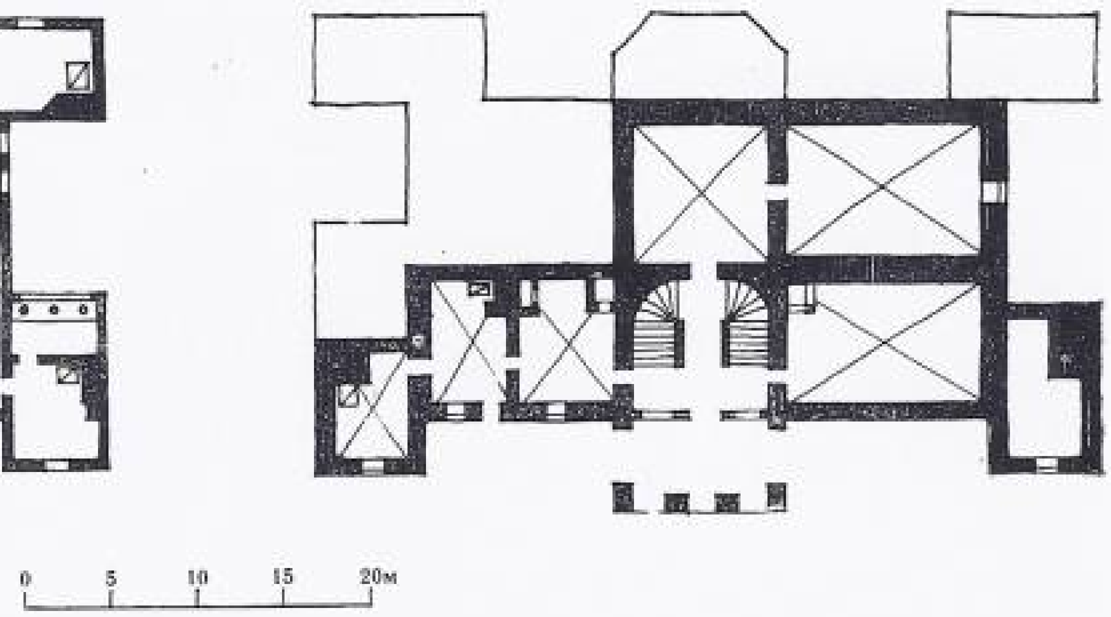

Третью группу городских усадебных домов составляют крупные постройки, заметные в архитектуре города или непосредственно участвующие в застройке его центрального района. К ним можно отнести дом Огиньского в Гродно и дом Пассековой в Могилеве (конец XVIII в.). Эти здания имеют отдельные черты, сближающие их с небольшими дворцами, хотя в сущности они относятся к типу развитых городских усадебных домов.

Могилевский дом представляет собой растянутую одноэтажную постройку, которая ориентировалась своим фасадом на главную улицу. Композиция дома и его архитектура были достаточно представительны, что отвечало соседству с Иосифовским собором, требованиям нового городского ансамбля, формировавшегося в конце XVIII в.

Усадебный дом в Заполье — пригороде Пинска, начало XIX в.

Жилой дом в Мозыре, конец XVIII — первая половина XIX в.

Жилой дом в Гродно (Огиньского), конец XVIII в.

Особого внимания заслуживает *гродненская постройка,* олицетворяющая жилье дворянской знати. Ее осуществил архитектор Кароль Шильтхауз в 1790 г. По композиции план и объем дома Огиньского близок к усадебным домам XVII—XVIII вв. «алькежами» в углах. Такое решение придавало постройке крепостной характер. Но так же, как и в других, более ранних примерах усадебного жилья, в детальной разработке здания ничего крепостного не было. Дом был двухэтажный. Первый, каменный, этаж напоминал высокий цоколь. В нем разместились лестница и кладовые. Второй этаж был целиком выполнен из дерева и включал в себя залы, жилые комнаты и кухни. Членение на два этажа нашло прямое отражение в фасаде здания. Нижний ярус был массивный, с несколько узкими проемами; верхний — более высокий, легкий, сплошь разрезанный широкими окнами с наличниками и покрытый четырехскатной черепичной крышей. Назначение каждого этажа дома легко угадывалось по архитектуре фасада.

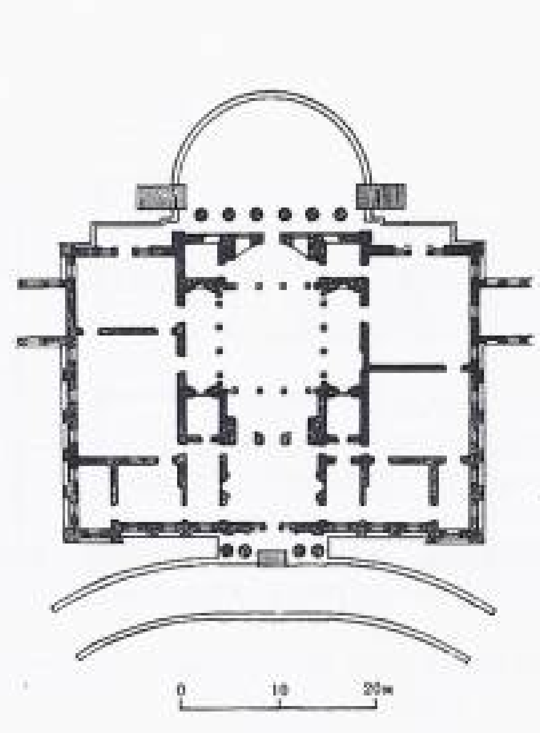
Усадебные дома всех видов и типов, бесчисленное множество которых было рассыпано в городах и сельской местности, составляют одну из интереснейших страниц архитектурного наследия Белоруссии. Как и сопутствующие им хозяйственные постройки, эти дома развивались под плодотворным влиянием народного зодчества, язык которого был ясен, красочен и выразителен. Усадебным зданиям была свойственна разумная простота и теплота. В творческих поисках архитектуры жилища и хозяйственных строений зодчие исходили из особенностей быта, местных условий и национальных традиций.

ДВОРЦОВАЯ АРХИТЕКТУРА

После воссоединения с Россией строительство монументальных дворцовых ансамблей в Белоруссии продолжалось как местными магнатами, так и русскими вельможами, получившими здесь обширные земельные владения. Размеры, этажность, характер наружного и внутреннего убранства дворцов во многом зависели от материальных возможностей владельцев. Однако если в предшествующее время было характерно создание главным образом значительных и часто обособленных от поселения дворцовых комплексов, то теперь типы дворцового строительства стали значительно разнообразнее — от небольшого дворца-усадьбы до городского дворца, занимающего важное место в архитектурно-планировочной структуре города.

Новым этапом в развитии дворцовой архитектуры можно считать строительство *дворца в Гомеле*, заложенного в 1785 г. известным русским полководцем П. Румянцевым. Его местоположение определялось

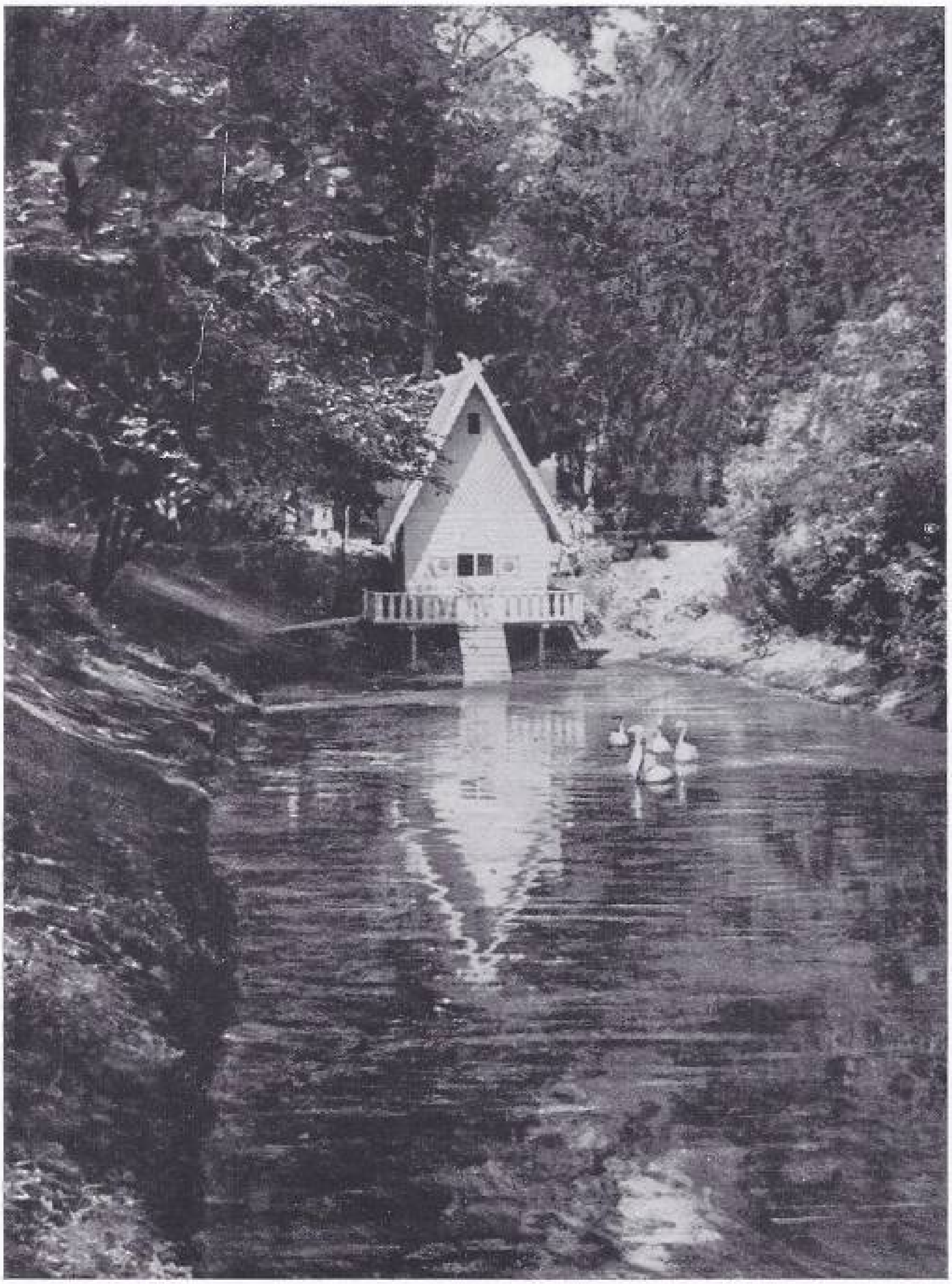

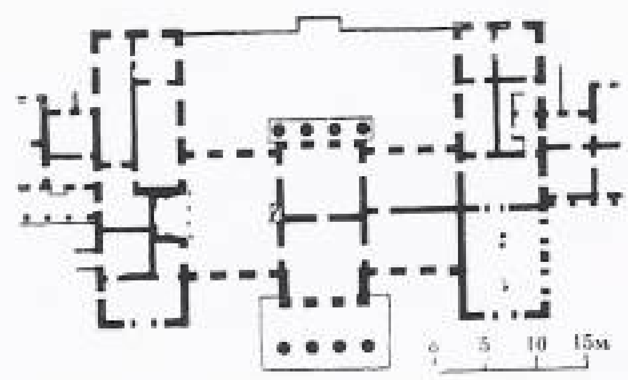
выгодными природными условиями и поддерживалось всей планировочной структурой населенного места.

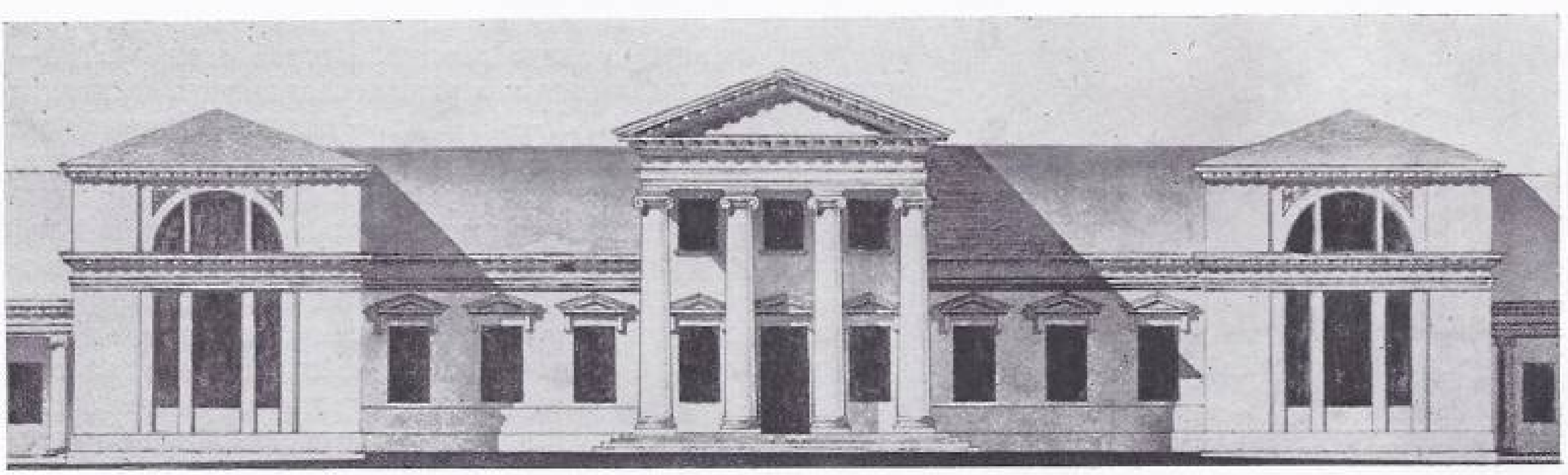
Строительство дворцового комплекса можно разделить на несколько этапов. Первым этапом следует считать 1785—1793 гг. В это время был построен главный корпус дворца. Второй этап — 1794—1805 гг.— период строительства двух боковых павильонов, флигелей и колоннады. Третий этап — 1837—1848 гг.— связан с переходом владения к фельдмаршалу И. Паскевичу и достройкой башни дворца.

Главный корпус дворца представляет собой компактный двухэтажный объем с повышенной центральной частью, завершенной куполом. Посреди него расположен квадратный зал с широкими нишами по сторонам, обрамленный рядами стройных колонн. Подобное построение плана наблюдается во многих русских дворцах эпохи классицизма. Положительной чертой плана гомельского дворца следует считать простоту и ясность в решении группы основных помещений, которые обходятся без коридоров и темных проходов. Раскрытые пространства придают интерьеру необычную парадность.

Дворец в Гомеле, конец XVIII — первая половина XIX в.— парковый фасад, план главного корпуса, башня

0 5 10 15м

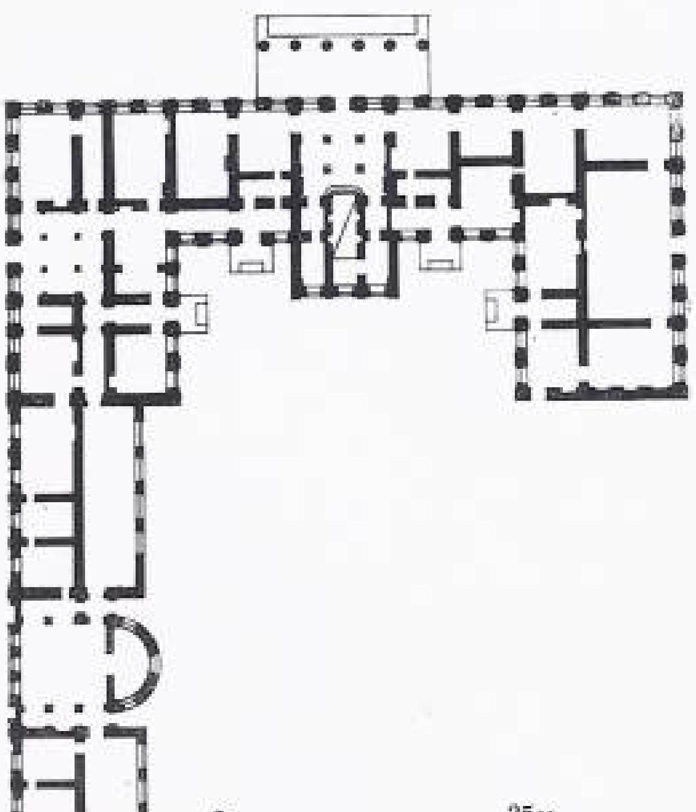
Уголок парка при дворце в Гомеле

Фрагмент плана и фасада дворца в Снове, начало XIX в.

Дворец в д. Жиличи (Добосна), начало XIX в.— схема плана, главный и дворовый фасады

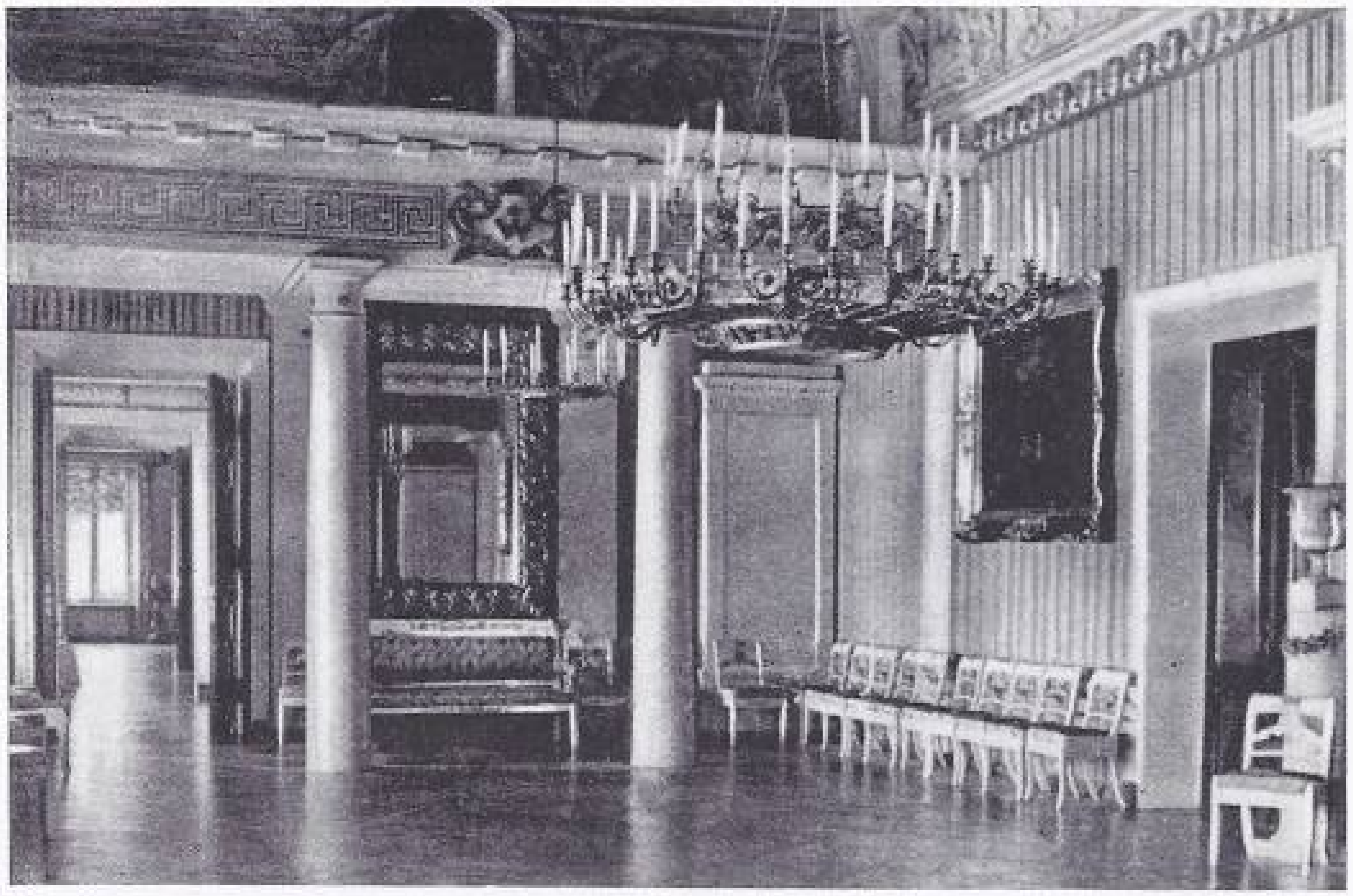

В дворцовых сооружениях конца XVIII в. лестницы потеряли свою былую торжественность и большие размеры. Если раньше они располагались по главной оси здания, то теперь сдвигаются в стороны, уступая центральное место залу. Небольшие по своим размерам лестницы занимали скромное место в интерьере дворца. Это объясняется тем, что все парадные помещения планировались в первом этаже, а верхний этаж отводился под жилье. Аналогичное явление наблюдается и в плане дворца в Гомеле: две лестницы главного корпуса размещены поодаль от зала и по возможности скрыты от глаз посетителей.

Основным элементом декора зала являлся классический коринфский ордер. Колонны с каннелюрами были выполнены в искусственном мраморе белого цвета. Использование полой керамики в виде коротких гофрированных труб в куполе и сводах обеспечивало легкость конструкции. В интерьере было много живописи и лепного орнамента тонкого рисунка.

Фасад дворца, обращенный к городу, имеет трехчастное деление, где четырехколонный портик коринфского ордера контрастирует с

плоскостью стены и ризалитами. Парковый фасад дворца, обращенный к реке Сожу, выглядит иначе. В нем средняя часть в виде развитого шестиколонного портика является главной темой всей композиции. Обширная полуциркульная терраса служит удачным переходом от дворца к парку.

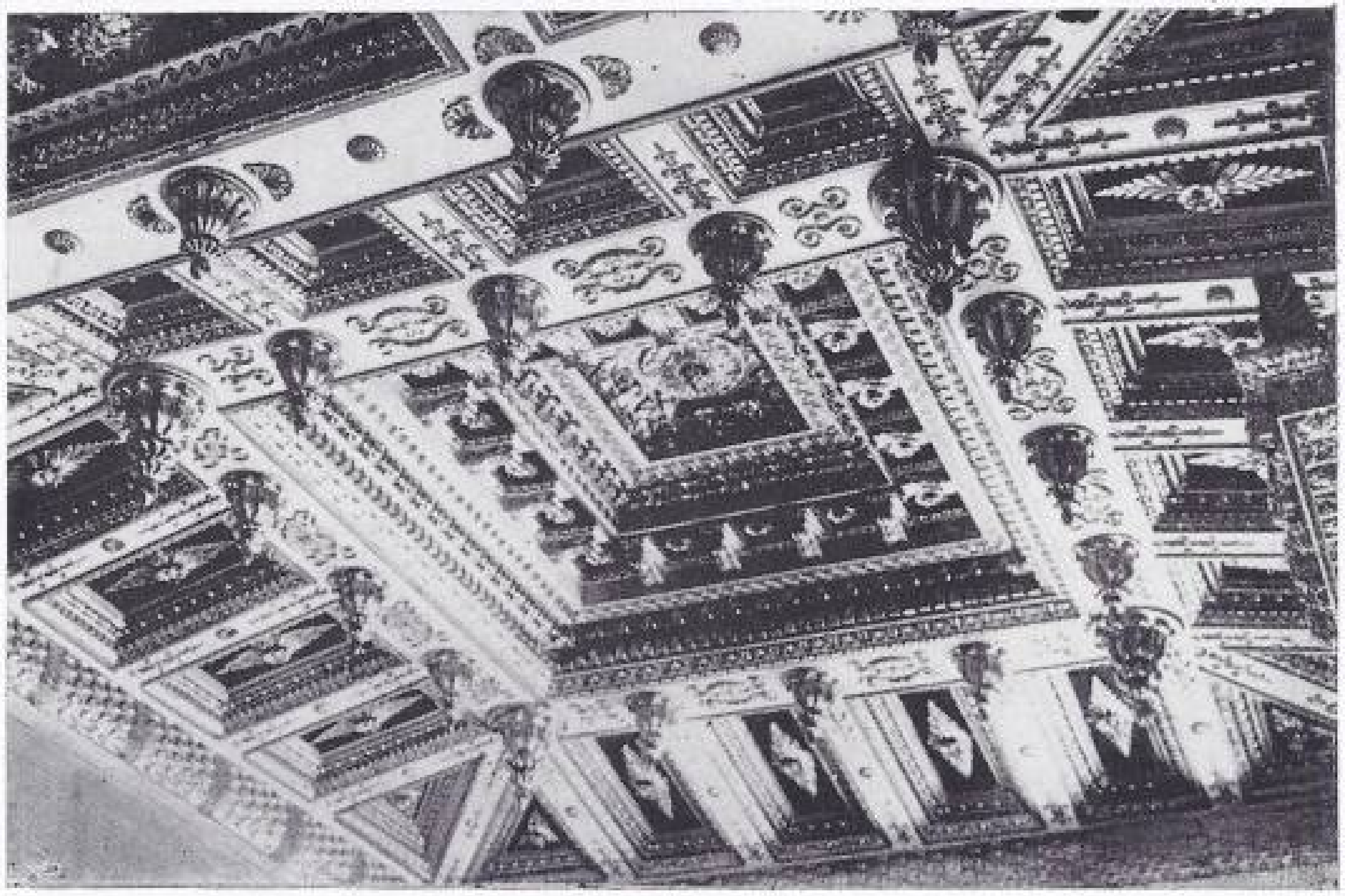
Особенностью гомельского дворцового комплекса является наличие замечательного прибрежного паркового массива. По своей художественной законченности, выражающейся в гармонической увязке в едином ансабле рельефа, воды, зелени, архитектуры, в разрешении сложных композиционно-пространственных задач, парк стоит в ряду лучших образцов паркостроения конца XVIII — первой половины XIX в.

Парк площадью около 25 га расположен на обрывистом берегу полноводного Сожа и оврага с ручьем Гомий. Большая часть парка — пейзажная и лишь перед главным фасадом дворца имеет регулярный характер. Насаждения парка состоят из местных и привезенных видов растений. Здесь растут могучие дубы, граб, клен, ясень, лиственница, каштан, акация, а также редкие породы пирамидального дуба, веймутовой сосны, плакучего ясеня, маньчжурского ореха и др. Различные породы деревьев искусно скомпонованы в живописные группы, усиливающие эффект восприятия пейзажа.

Грандиозный по своим размерам *дворцовый комплекс в Снове* (Минская область) для польского маршала Рдултовского был воздвигнут в 1827 г. архитектором Б. Тишецким. Здание претерпело многие изменения во внутренней планировке, однако наружная архитектура дворца сохранилась без существенных изменений.

В генеральном плане усадьбы применена система симметричной композиции, в которой главное место отведено дворцу. Его протяженность около 140 м в натуре мало ощущается. Последнее достигнуто тем, что массив сооружения разбит на отдельные разновысотные объемы, имеющие различную архитектурную характеристику. Центральная часть дворца и фланкирующие ризалиты — в два этажа, крылья одноэтажные. Все объемы здания при строгом их соподчинении и гармоническом сочетании друг с другом четко выявлены.

Композиция главного фасада дворца в виде крупного центрального объема с портиком, протяженных боковых крыльев с колонна-

дами и фланкирующих павильонов напоминает в известной мере принципиальную схему дворца Потемкина (зодчий И. Старов) в Днепропетровске (при различии архитектурно-планировочного характера и этажного построения). Сновский дворец более изыскан в трактовке центральной части и имеет развитое объемное построение. Пропорциональность и изящество портиков с красивым рисунком капителей, ажурные ризалиты центральной части здания с широкими трехчастными окнами на два этажа, декоративные вставки у арочного завершения окон придают фасадам дворца стройность и величественность. Особенностями дворца в Снове можно считать большую протяженность и раскрытость композиции, четкость планировочного и объемного построения, строгость архитектурных форм.

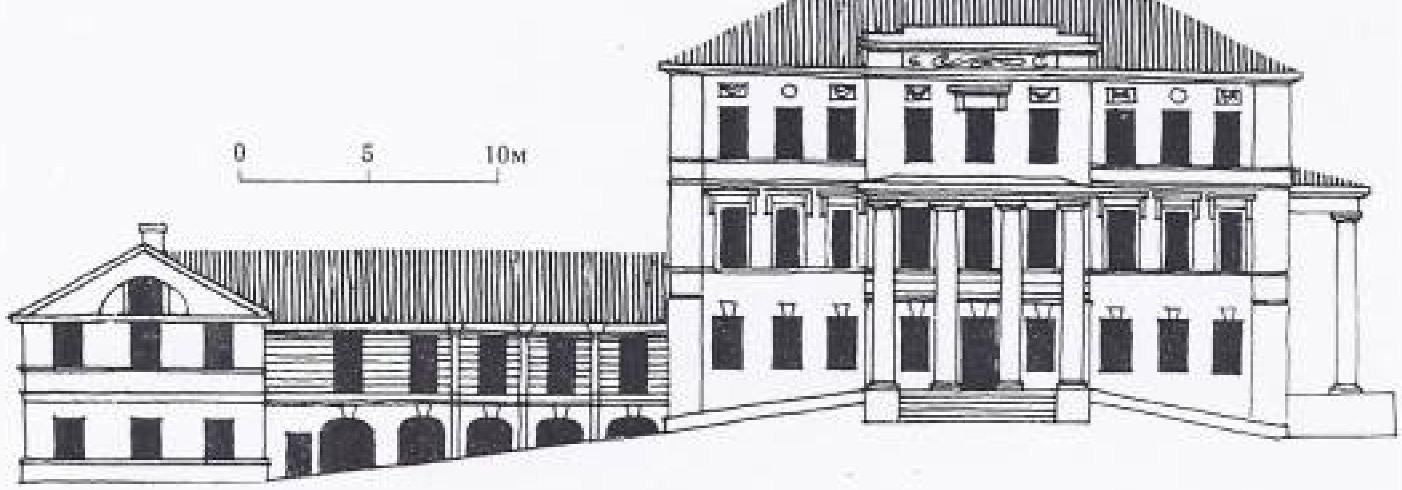
Большой *дворцовый ансамбль* с парком и подсобными сооружениями был создан в 30-х годах XIX в. *в Жиличах* (Добосна) близ Бобруйска (Могилевская область). Его осуществил архитектор К. Подчашинский .

Дворцовый комплекс строился в два приема: вначале был возведен главный корпус, а позже к нему пристроили протяженное крыло с придворной церковью и дополнительными жилыми помещениями. Главный двухэтажный корпус решен спокойным объемом, подчеркнутым в центре большим шестиколонным портиком коринфского ордера с фронтоном и бельведером над лестничной клеткой. Архитектурный образ дворца прост, зато внутреннее убранство его поражает своим великолепием. Роскошные интерьеры, в особенности зал, богато обработаны лепкой, росписью, позолотой, зеркалами, декоративными тканями и т. п.

Дворец в Жиличах имеет усадебный характер: его корпуса, расположенные в гуще парка, мало связаны с поселением. Аналогично построены *дворцы в Залесье* (Гродненская область), *Высоком* (Брестская область), которые также относятся к усадебному типу. Близок к такому типу дворца и комплекс в *Воложине* (Минская область), построенный в первой половине XIX в.

Дворец в д. Жиличи (Добосна), начало XIX в.— зал и потолок с кессонами

Архитектура каждого из этих дворцов выдержана в классических традициях начала XIX в. Для плановых построений характерны простота и рациональность разработки. В качестве основных средств

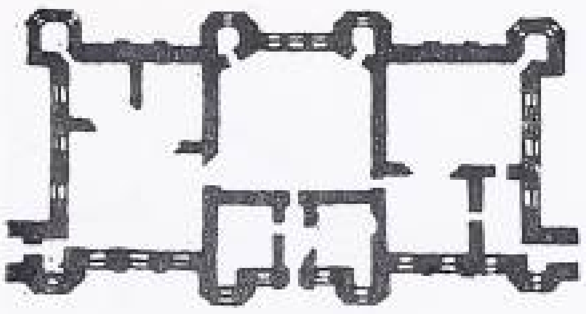
архитектурно-художественной композиции использованы свободно переработанные формы античных, преимущественно римских, ордеров. Протяженность плоскостно разработанного фасада противопоставлена пластически богатым портикам. При этом в последних наблюдается большое разнообразие пропорций, форм и приемов, трактовки составных частей.

Строительство дворцов-усадеб составляет одну из особенностей архитектуры конца XVIII и первой половины XIX в. Они создавались исходя из условий дворянско-помещичьего быта и удовлетворяли потребностям узкого круга людей. Поэтому нельзя говорить о народности этих произведений в широком смысле слова. Однако, разрабатывая разнообразные дворцово-усадебные комплексы, зодчие подняли их архитектуру на высокий художественный уровень. Самостоятельность и своеобразие этих сооружений отражали исторически значительные явления жизни Белоруссии в составе Российской империи.

Наряду с дворцами-усадьбами в это же время развивается строительство дворцов городского типа. Расположенные на главных улицах

Фасад и общий вид дворца в Витебске, конец XVIII в.

Фрагмент плана и общий вид дворца в Коссово, первая половина XIX в.

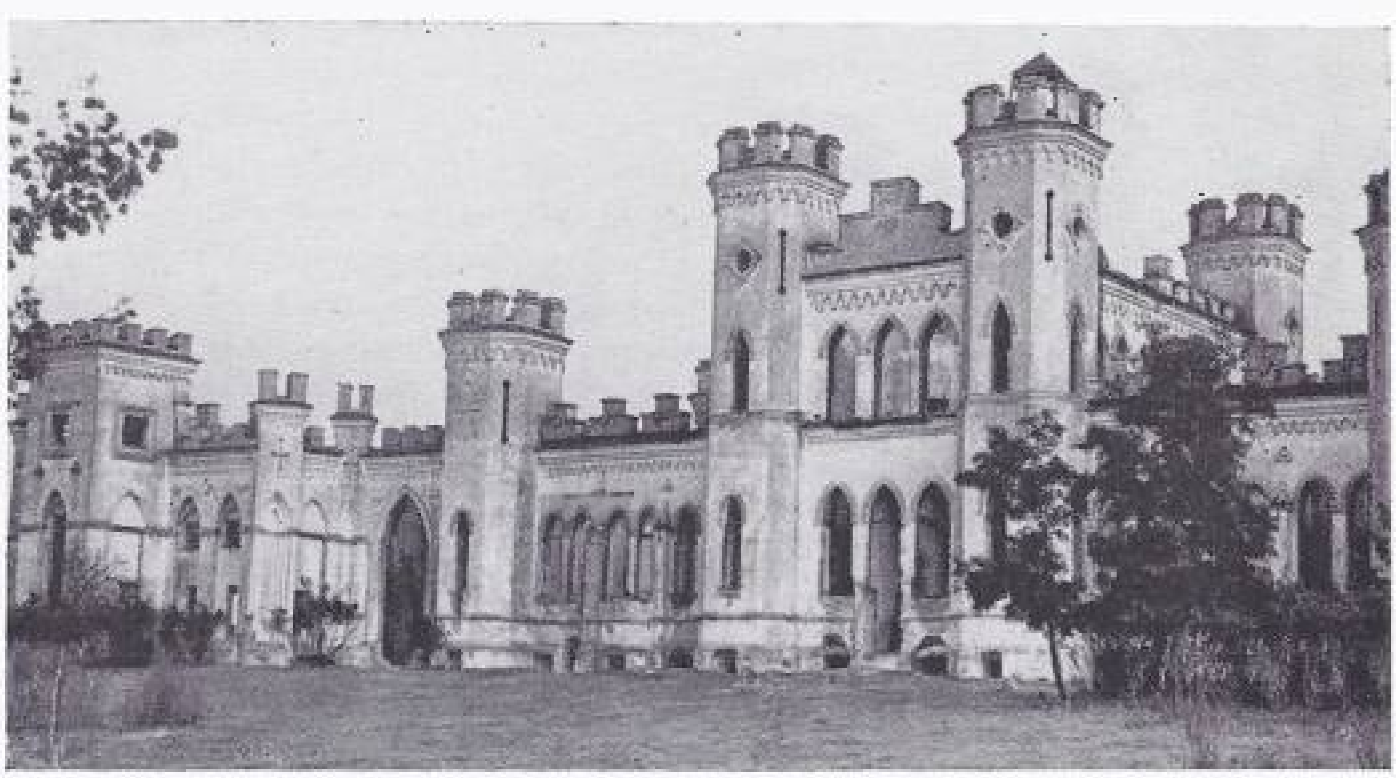
или площадях, они включались в общий ансамбль городской застройки. Принцип организации планов подобных сооружений, как и построение их объемов, был иной, чем в усадебных дворцах. Своим главным фасадом они, как правило, развертывались непосредственно на улицу или площадь. Озелененные участки при дворцах или вовсе отсутствовали, или были незначительными. Их внешний облик, хотя и выделялся своим масштабом и архитектурой среди городской застройки, тем не меене не шел в сравнение с дворцами-усадьбами, всегда более торжественными и парадными.

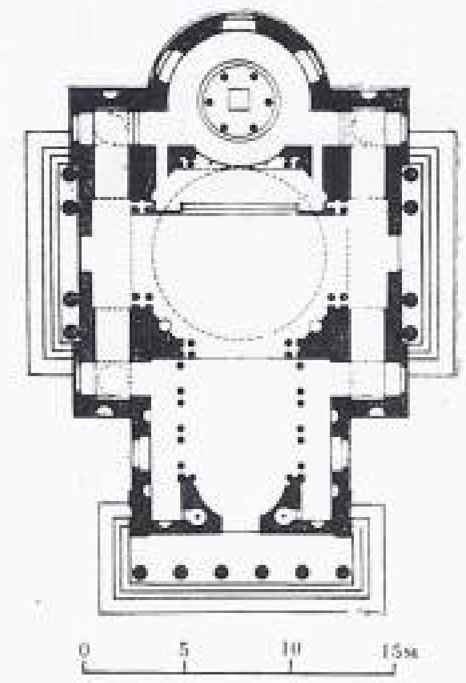
Количество дворцов городского типа невелико: они обычно строились владельцами городов (Потемкиным — в Кричеве), губернаторами (Чернышевым — в Витебске), вице-губернаторами (Максимовичем — в Гродно) и крупными вельможами.

Дворцы в Гродно, Витебске, как и в Кричеве и некоторых других городах, отличаются друг от друга своей планировкой и архитектурой, хотя последняя имеет у них единый классический характер. Каждый из них построен по индивидуальному проекту и расположен в сложившейся городской застройке. В практике дворцового строительства это было новым событием.

В первой половине XIX в. в белорусской архитектуре, как и в архитектуре русской, появляется тенденция к строительству зданий в духе готической старины. Для Белоруссии это было явлением частным и редким. Из сооружений такого типа можно назвать монументальный *дворец в Коссове* (Брестская область). Имея симметричную и широко развернутую композицию, свойственную классицизму, этот дворец сохранил крепостные башни. В архитектуре видны признаки эклектики и подражательства художественным стилям прошлых эпох. Зубчатые завершения высоких многогранных башен, окна стрельчатого очертания, карнизы наподобие крепостных машикулей были искусственным возвращением к архитектурным формам средневековья. Это направление, не оправданное исторически, не привилось в белорусском зодчестве.

Основным господствующим направлением в архитектуре до середины XIX в. остается классицизм с его гармоничными формами, ясностью, простотой и логичностью построения. Такое явление наблюдается и в русском зодчестве этого периода. Следовательно, монументальное дворцовое строительство Белоруссии и России по своему характеру становится единым.

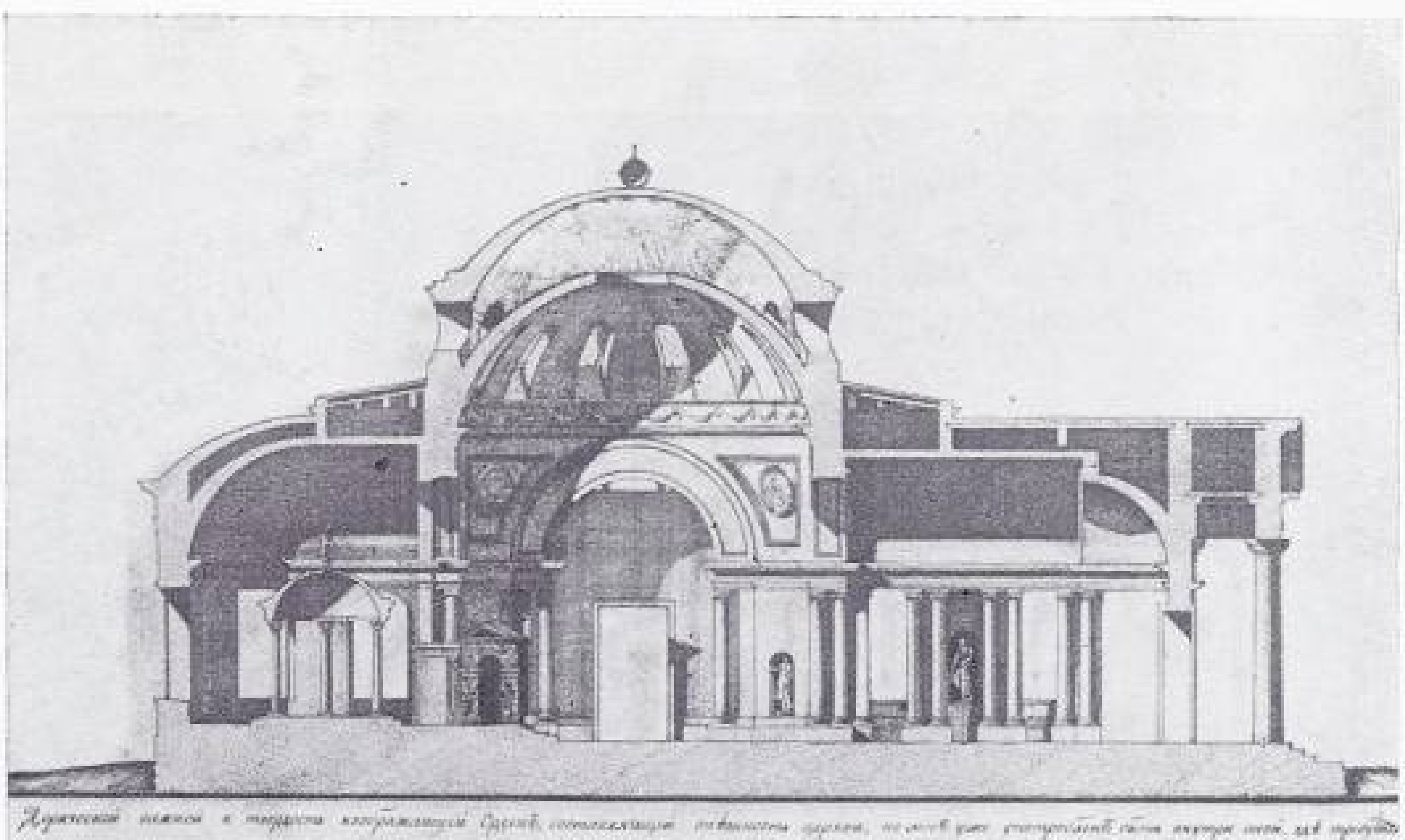

Развитие архитектуры классицизма в культовом зодчестве Белоруссии начинается с конца XVIII в. Переходный этап от барокко к классицизму нашел выражение в ряде построек (например, Петропавловская и Семеновская церкви в Витебске). Признаки нового в архитектуре, вначале чисто внешние, вскоре переходят в законченное направление со своими архитектурно-планировочными, конструктивными и художественными особенностями.

Отдельные формы и детали барокко еще встречаются в культовых сооружениях, построенных в самом конце XVIII и даже в начале XIX в., когда классицизм стал основным направлением в белорусском зодчестве. К таким постройкам относятся *Спасская церковь в Витебске* и *Никольская в Орше*. Четкое и симметричное построение их планов, центрическое решение объемов, завершенных куполами, и общий характер архитектуры отвечают установившимся принципам классицизма в культовом зодчестве того времени. Вместе с тем, например, в Спасской церкви наблюдается некоторое несоответствие внешнего и внутреннего убранства здания. Фасадам, решенным в духе классицизма, противопоставлен интерьер, свойственный позднему барокко, с обильными профилировками и вертикальными членениями.

В Никольской церкви центральный купол окружают четыре башни с куполками, форма которых напоминает венец культовых сооружений середины XVIII в. Связь с более ранним зодчеством проявилась в рисунках фриза, оконных наличников, криволинейных и сложных карнизов. Уместно сказать, что в процессе строительства Никольской церкви многие сложные декоративные детали, имеющиеся в проекте, были заменены более простыми из арсенала классической архитектуры. Это можно проследить, сравнив сохранившийся проект с воздвигнутой церковью.

Наиболее ранним из значительных памятников культовой архитектуры классицизма в Белоруссии была *церковь Иосифа в Могилеве*, построенная Н. Львовым в 1781—1798 гг. Церковь заложена по указанию Екатерины II в честь встречи с австрийским императором Иосифом (в 1802 г. указом Синода она переименована в собор).

Иосифовский собор в Могилеве, конец XVIII в.— разрез, план, общий вид (акварель Н. Львова)

Основным фасадом собор ориентирован на главную улицу. Некоторый отступ в глубину квартала и введение циркульных оград, замыкающихся небольшими флигелями, создали перед собором открытое пространство, чем усилили восприятие его объема.

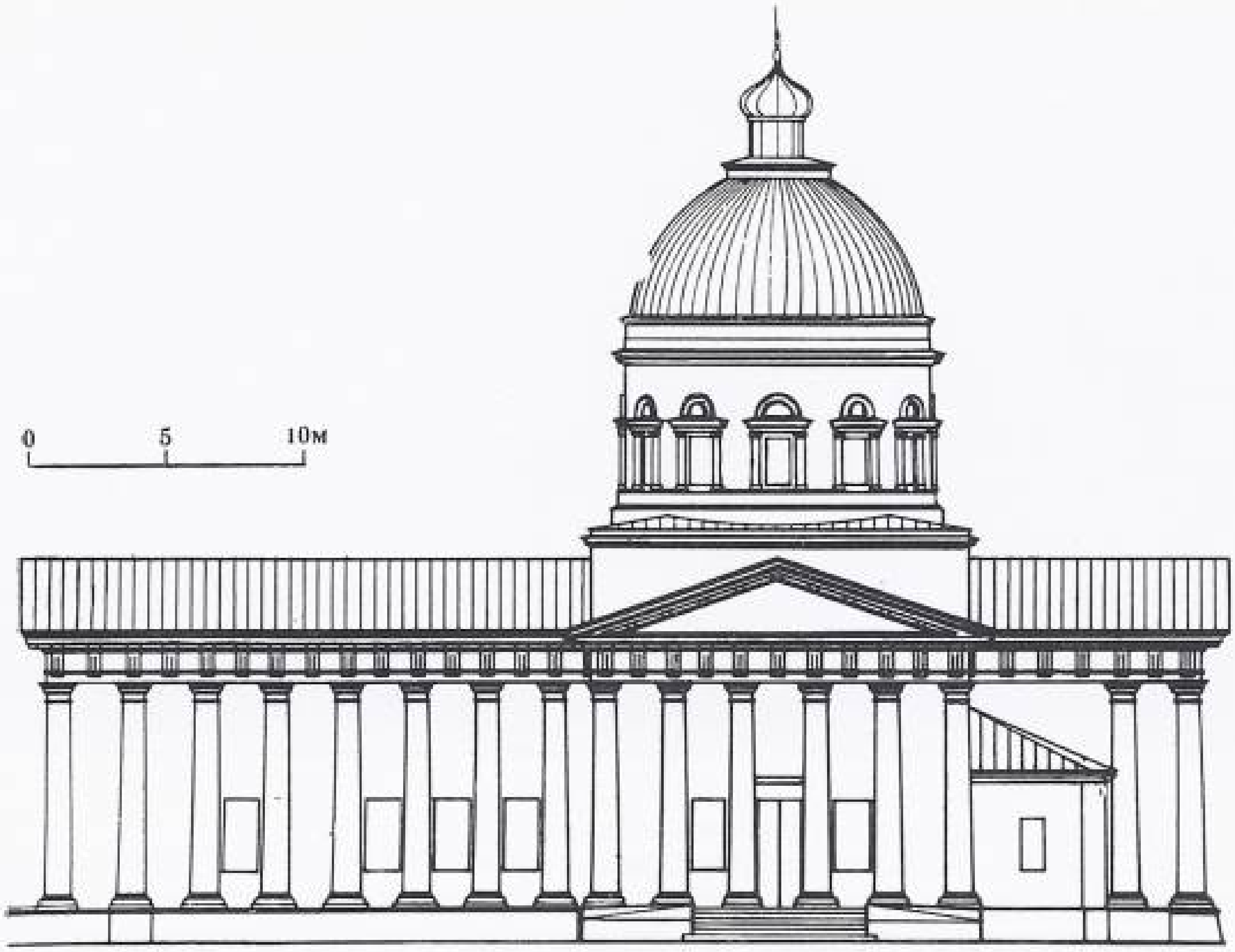
План сооружения отличается простотой. В его основу взят квадрат, к которому по оси восток — запад примыкают апсида и притвор. Барабан со сферическим куполом был поставлен на четыре мощных столба-пилона, образующих второй квадрат, который вписан в основной объем здания. Отношение высоты к длине собора 1 : 2. Такое соотношение отличало новое архитектурное направление в культовом строительстве от прежнего стиля барокко с его тенденциями к высотным композициям. Некоторую приземистость сооружению придавало и пологое очертание купола, поставленного на невысокий барабан с округлыми окнами.

Необычайно строго решены фасады собора: гладкую поверхность стен оживляют только портики и большие окна без наличников. Четырехколонные портики боковых фасадов представлены дорическим ордером. Колонны, слегка отступающие от стен, поставлены попарно у дверных порталов. Портик главного фасада из шести колонн того же ордера имеет значительный выступ и тем самым сообщает фасаду большую пластику. Последняя усиливается и благодаря двум нишам со скульптурами.

В противоположность строгой наружной архитектуре интерьер собора был обильно насыщен лепкой и живописью. Его основным украшением были парные ионические колонны, ниши со статуями и скульптурные медальоны, а также графические композиции, выполненные на медных щитах известным русским художником В. Боровиковским в 1797 г.

В качестве основного декоративного материала интерьера собора был применен искусственный полированный мрамор: светло-желтый — для стен, зеленый — для колонн. Приятная цветовая гамма придавала внутреннему пространству сооружения живописный и праздничный вид.

Особый интерес представляет устройство купола собора: он имел две оболочки, наибольшее расстояние между которыми составляло 3 м. В нижней, внутренней, оболочке было 12 арочных прорезов и

центральное круглое отверстие. Через них просматривалась из собора живопись, помещенная на второй оболочке. Круглые окна — люнеты — в основании купола обеспечивали хорошее освещение росписи.

Такое устройство купола усиливало перспективный эффект последнего и создавало иллюзию большой легкости и простора интерьера здания.

Прием построения купола из нескольких оболочек встречается позже в Голицынской больнице (1796—1801) архитектора М. Казакова в Москве и Казанском соборе (1801—1811) архитектора А. Воронихина в Петербурге. Иосифовский собор приобрел известность как один из лучших образцов классицизма XVIII в. Он оказал благотворное влияние на храмы-ротонды во многих белорусских городах и Петропавловский собор в Гомеле.

Собор Петра и Павла в Гомеле сооружен в 1809—1819 гг. архитектором Кларком вблизи дворца Румянцева — Паскевича на высоком холме, ограниченном рекой Сожем и глубоким оврагом. Поставленный у центральной площади собор, так же как и дворец, связан системой лучевых улиц с различными частями Гомеля. В плане собор имеет форму вытянутого креста с развитыми трансептами и укороченным средним нефом. Над его центральным пространством возвышается купол на высоком прорезанном окнами барабане. Центричность композиции роднит его с могилевским собором.

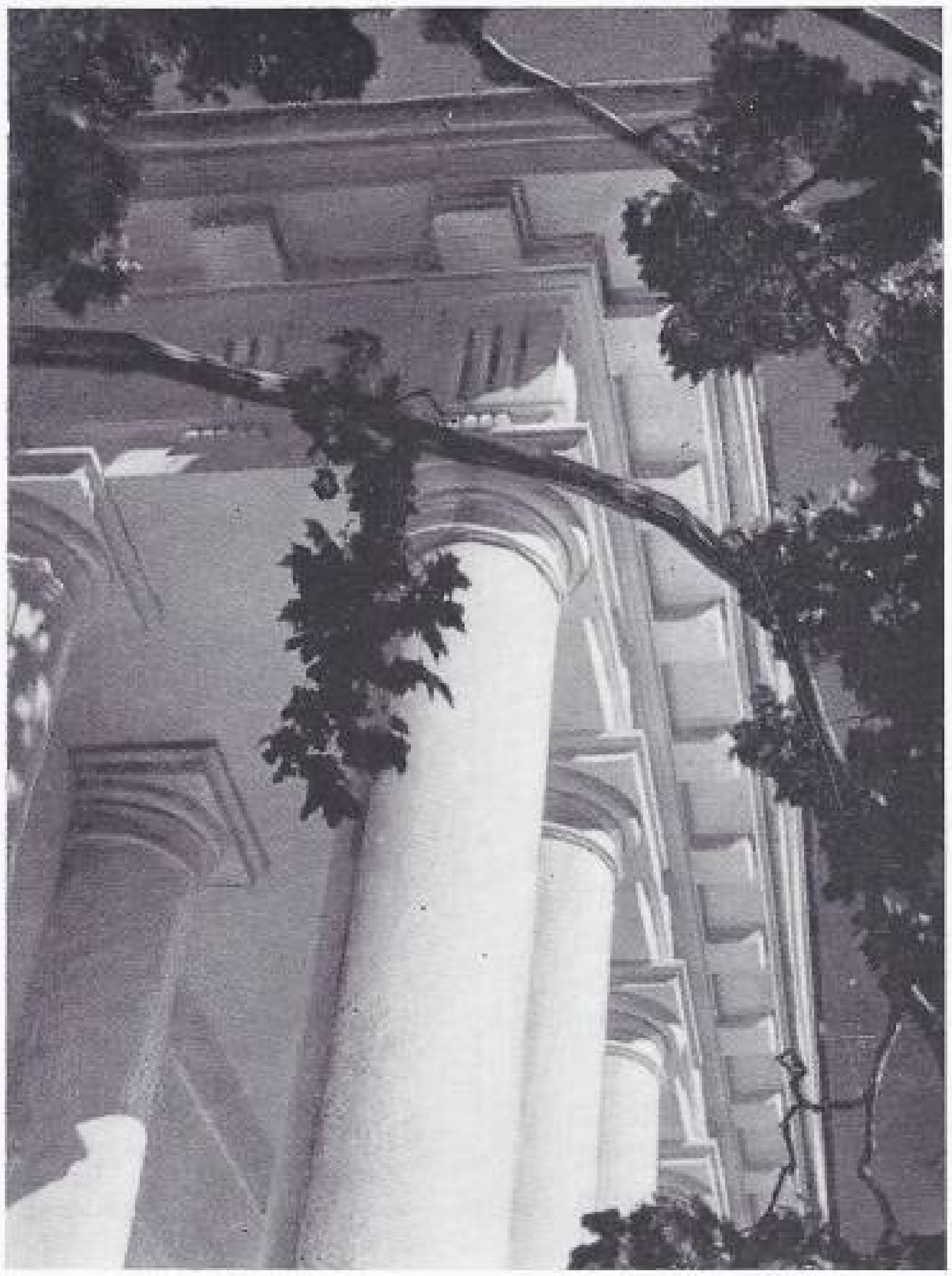
В Петропавловском соборе дальнейшее развитие получил излюбленный прием целого поколения зодчих — сочетание классического портика и купольного объема. Четыре шестиколонных портика и множество полуколонн дорического ордера придают фасадам сооружения большую пластику и вместе с тем суровую простоту. В четком членении объемов, в равновесии и соразмерности масс, в строгости и благородной простоте архитектурного оформления фасадов собора сказались характерные черты классического зодчества начала XIX в.

Церкви-ротонды получили широкое распространение в Белорус-

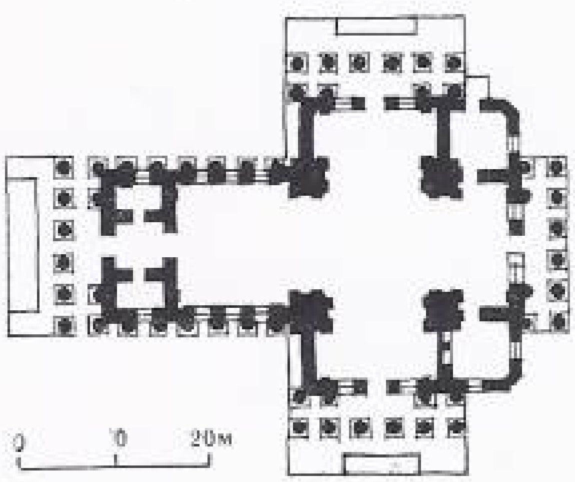
Собор Петра и Павла в Гомеле, начало XIX в.— фасад, фрагмент портика, план

План церкви в Стрешине, конец XVIII — начало XIX в.

Преображенская церковь в Чечерске, конец XVIII в.

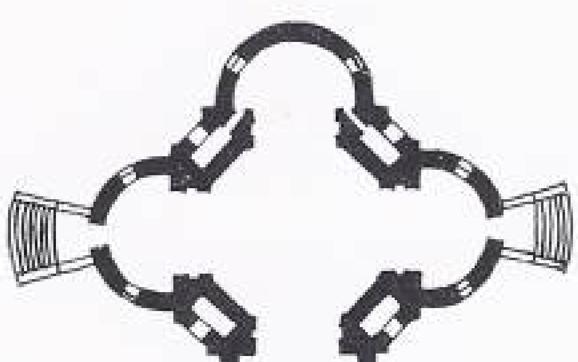

сии с конца XVIII в. Такой тип храма можно считать образцом классицизма в культовом строительстве того времени.

Церкви в Стрешине и Славгороде несут новые черты культового строительства конца XVIII — начала XIX в.; примечательным в них является светское начало. Оно наблюдается в форме окон и входов, типичной для гражданской архитектуры, в отсутствии традиционных апсид, равноценном архитектурном выражении всех фасадов и др.

В связи с общим сокращением костельного строительства в конце XVIII — начале XIX в. число памятников подобного рода незначительно, но они весьма показательны. Костелы в Лиде и Щучине (оба в Гродненской области) в отличие от устремленных вверх базиликальных построек XVII — XVIII вв. имеют вид храмов-ротонд с приземистой центрической композицией. Таким образом, и в конце XVIII — начале XIX в. обнаруживается определенная связь между архитектурой православных храмов и костелов, являющаяся как бы завершающим этапом длительного сосуществования двух основных направлений в культовом зодчестве Белоруссии.

В Чечерске (Гомельская область) в результате осуществления регулярной планировки был создан новый городской центр; он получил прямоугольную композицию, где каждый угол был закреплен храмом, а средняя часть отведена под ратушу. Церкви Преображенская, Вознесенская и Богородицы характеризовались общностью построения и соразмерностью объемов. Каждая из них представляла собой перекрытую невысоким куполом ротонду, к которой примыкал притвор.

В *Преображенской церкви* притвор устроен в виде башни, которая гармонично сливается с ротондой в силу общего с ней декоратив-

ного убранства. Ротонда двухъярусная. Нижний, основной, ярус с квадратными окнами расчленен пилястрами, нишами и несет развитый антаблемент. Низкий второй ярус имеет такие же окна, но его архитектурная декорация значительно скромнее.

В *церкви Богородицы* центричная композиция сооружения была несколько нарушена апсидой и сильно выдвинутым притвором с двумя башенками. Глубокие ниши и колонны, поставленные вокруг объема ротонды, характеризовали пластичный облик фасада. Вход был оформлен лоджией с четырехколонным портиком.

Аналогичную композицию и архитектуру фасадов имела *церковь Вознесения,* первоначальный план которой был сильно изменен в результате пристроек дополнительных помещений к западной части ротонды. Все церкви Чечерска отличались простотой и четкостью решения, а также монументальностью.

Еще более интересными по замыслу, совершенными в своем построении являются церкви в Стрешине (Гомельская область) и Славгороде (Могилевская область). Это центрические композиции с компактными, строго симметричными планами как в продольном, так и в поперечном направлении. Фасады каждого сооружения равноценны по своему архитектурно-художественному облику.

Церковь в Стрешине состоит из кубического массива, к которому примыкают четыре одинаковые полукруглые пристройки. Одна из пристроек используется как алтарь, а три другие являются притворами церкви. Пирамидальная группа объемов сооружения венчается полусферой со световым фонариком и миниатюрной главкой.

Церковь в Славгороде характеризуется более сложным, чем в Стрешине, сочетанием объемов. Однако план сооружения очень ясен и компактен: оно имеет форму креста с пристройками циркульного очертания. Центральное место в композиции занимает восьмигранный массив, возвышающийся над всем зданием и покрытый плоским куполом. В его верхней части имеются большие полуциркульные окна, обеспечивающие хорошее освещение внутреннего пространства церкви. Четыре торца имеют одно архитектурное решение, увязанное с центральным массивом сооружения. Более низкие и скругленные пристройки обогащают объемное построение здания.

Рядом с церковью воздвигнута трехъярусная колокольня. Характер ее архитектуры, основные пропорции, детали карниза, циркульные проемы и скругленные углы связывают церковь и колокольню в единый ансамбль.

ГЛАВА VI

АРХИТЕКТУРА БЕЛОРУССИИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.)

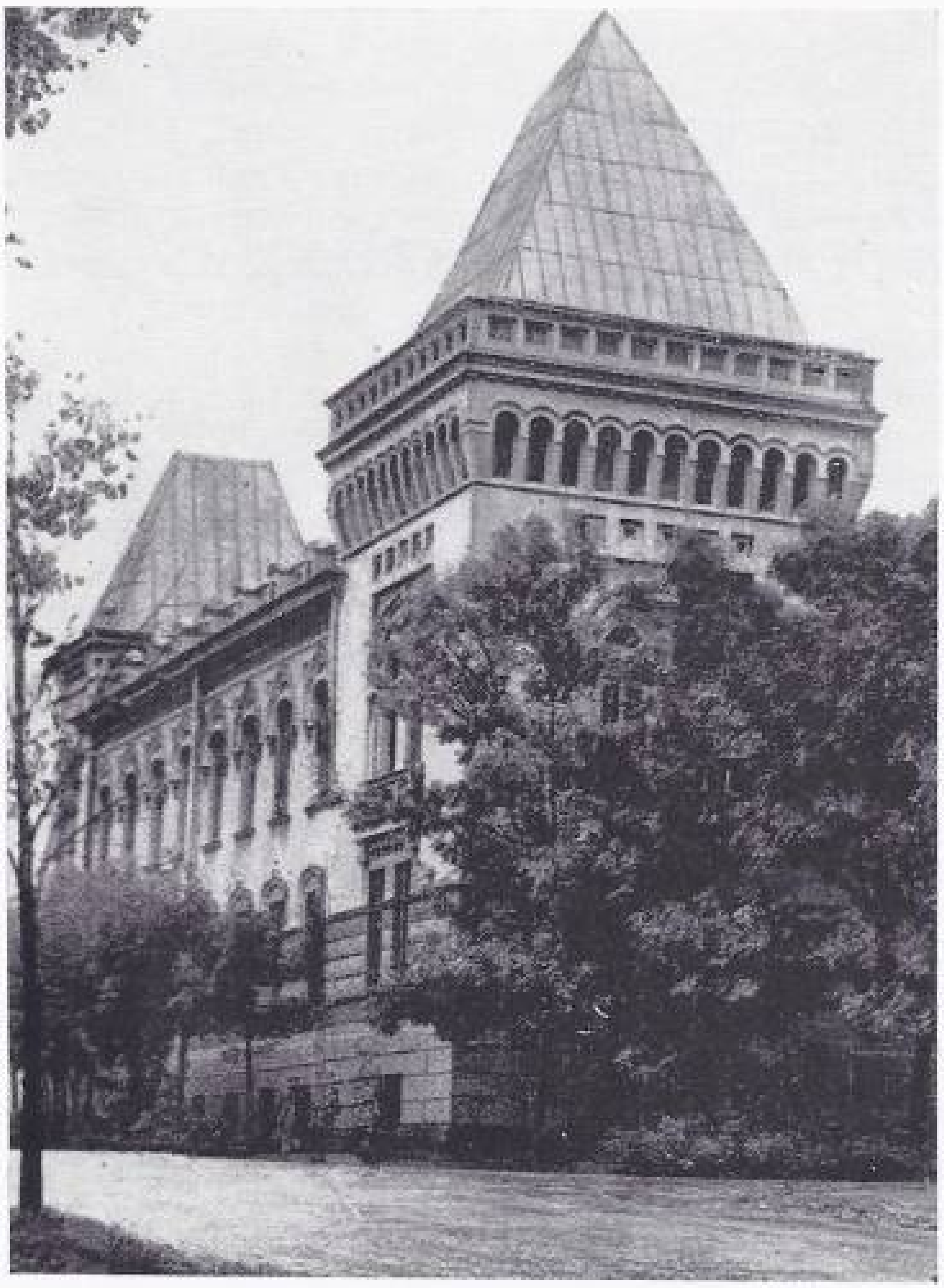
После крестьянской реформы 1861 г. Россия вступает на путь капиталистического развития. Начинается бурный рост промышленности и торговли. Города превращаются в значительные торгово-промышленные центры. Росту городов также способствовало строительство железных дорог. Эта картина в целом была типична для всей России. Однако в отдельных частях страны, например в Белоруссии, наблюдалась своя специфика, обусловленная многими исторически сложившимися факторами.

Характер белорусской промышленности определялся в первую очередь предприятиями, перерабатывающими сельскохозяйственное сырье. Эти предприятия были мелкими и располагались главным образом в сельской местности, в уездах. Такое положение замедляло рост городов, и на протяжении почти всего XIX в. они развивались в основном как административные и торгово-промышленные центры. Белорусские города не стали местами большой концентрации промышленности. Высокий удельный вес мелкого производства и его характер предопределили преобладание мелких и средних городов.

Однако существовали и крупные города, бурное развитие которых наблюдается в конце XIX и начале XX в. с ростом крупного промышленного капитала и железнодорожного транспорта. Последний факт имел для Белоруссии особо важное значение в связи с высокой плотностью сети железных дорог. Строительство железных дорог привлекло большое количество рабочей силы из белорусской деревни и повысило спрос на местные строительные материалы. Таким образом, железнодорожное строительство, финансировавшееся в основном русским капиталом,— проявление прогрессивного влияния передовой экономики России на экономическое развитие Белоруссии.

Города, ставшие железнодорожными узлами,— Минск, Витебск, Гомель, Брест, Пинск — быстро разрастались. Появляются новые города — Барановичи, Лунинец. Население городов к XX в. увеличилось почти вдвое (с 350 до 650 тысяч человек). Прогрессивное для конца XVIII — первой половины XIX в. централизованное проектирование городов с развитием капитализма начинает служить частной собственности. Поэтому многие белорусские города утрачивают былую логичность и стройность планировки. С ростом численности населения в городах увеличивается плотность застройки. Беспорядочно складываются новые городские районы, связанные с промышленными предприятиями и железной дорогой.

Промышленность в городах возникала часто на берегах рек или среди жилых кварталов. Железнодорожные пути тянулись к промышленным предприятиям, рассекали городские территории на отдельные районы, связь между которыми была затруднительна. Например, в Пинске железная дорога до речного порта пересекла весь город; в Минске в центральной части города вырубается зеленый массив у

реки Свислочи и строится электростанция, от которой протягивается ветка железной дороги через жилую территорию города. Подобная бесплановость была характерна для белорусских городов, как и всех городов России. Это положение было закономерным для эпохи капитализма, когда городские земли стали средством грубой эксплуатации и наживы. Произвол промышленников при выборе места для строительства фабрик и заводов, захват лучших приречных территорий резко ухудшили планировку и санитарно-гигиенические условия городов. Постепенно города отрезались от природных водоемов, получали чересполосицу в застройке и тем самым теряли свои лучшие градостроительные качества.

Вместе с тем нельзя не отметить и рост материальной базы для строительства и возросший объем продукции строительных материалов. Наиболее крупными мероприятиями в области благоустройства белорусских городов явились массовое строительство водопроводов, устройство электрического освещения и развитие постоянных внутригородских средств сообщения. Эти работы были проведены в конце XIX — начале XX в.

К сожалению, прогрессивные тенденции в области градостроительства, которые иногда намечались, в своей большей части терпели крах. Проект реконструкции города Гродно (1874) намечал укрупнение кварталов, спрямление улиц, выделение зеленых санитарных зон и решение прочих назревших вопросов городского строительства. Однако все эти замыслы остались лишь на бумаге: частная собственность на землю, промышленность и дома значительно затрудняла реконструкцию города. Проникновение капитала в коммунальное хозяй-

Ветеринарный институт в Витебске, жилой дом в Минске (ныне ул. Ленина, 13), начало XX в.

Схема железнодорожной сети Белоруссии в конце XIX в.

ство хотя и расширило возможности последнего, но, превращая отдельные его отрасли в типично капиталистические предприятия, приносило с собой и не менее отрицательные последствия, при которых жажда наживы часто сводила на нет положительные стороны самой сущности городского благоустройства. Поэтому антисанитарное состояние было обычным явлением в городах и особенно на их окраинах, заселенных трудящимися.

Рост количества рабочих в городах, общий процесс углубления классовой дифференциации отразились на планировке и архитектурном облике городов: различия между центром и окраинами становятся еще глубже. Резкое разделение застройки на богатую и бедную, каменную и деревянную не способствовало созданию художественного единства города. В Минске, Витебске, Гродно и других больших городах появились улицы со сплошной застройкой обеих сторон. Появление таких улиц-коридоров, хаотическая постановка и скученность зданий в кварталах были следствием дороговизны городских земель, с которых их владельцы старались получить побольше прибыли.

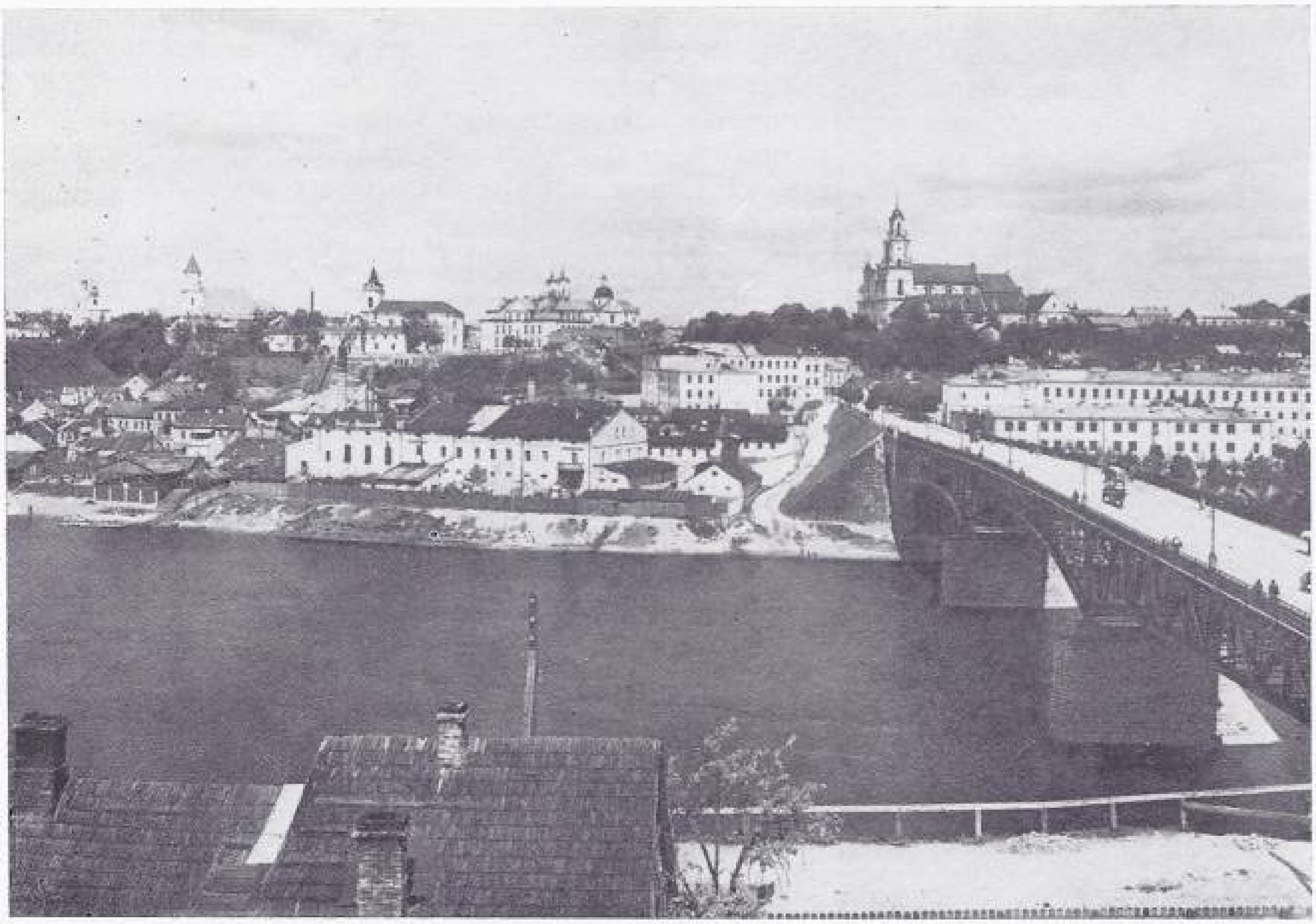
Массовая застройка белорусских городов во второй половине XIX — начале XX в. характеризовалась в первую очередь деревянным одноэтажным жильем горожан. Сравнительно низкий уровень развития городов, бедность основной массы городского населения, образ жизни и сила традиций в таких условиях определили тип жилища, близкий по своему характеру к крестьянскому срубному дому. Имел распространение и смешанный тип жилого дома, в котором на каменном полуэтаже устанавливался деревянный сруб. Такие дома были весьма протяженными и служили для многосемейного заселения. Иногда дома такого типа составляли сплошную застройку, имитируя планировочную организацию кварталов городских центров. Унылый внешний вид этих жилых районов, их низкое благоустройство явились прямым отражением социальных противоречий, свойственных капиталистическому обществу.

Капитализм оказал прямое влияние на развитие монументальной архитектуры. Промышленность и транспорт вызвали к жизни новые типы зданий и сооружений — заводы, вокзалы, корпуса специальных учебных заведений, гостиницы, больницы, многоквартирные дома. Строительство храмов, городских и загородных дворцов, усадебного жилья и других типов построек, преобладавших ранее, заметно сокращается. В этой связи меняется характер и масштаб застройки городов.

В некоторых новых типах зданий отмечается технический прогресс как в использовании новейших для того времени строительных материалов (чугун, прокатное железо, бетон), так и в применении большепролетных конструкций (мосты, фермы). Прогресс типологической и технической сторон строительства сосуществовал с общим художественным упадком архитектуры. Капитализм был враждебен архитектурно-художественному творчеству.

Процесс постепенного упадка архитектурной классической школы, начавшийся в 30—40-х годах XIX в., резко усилился в середине столетия. Это отмечается не только в ослаблении градостроительных работ, но и в появлении эклектических мотивов в архитектуре. Вкусы заказчика часто определяли внешнюю архитектуру зданий. Поэтому разнобой в художественном облике городских улиц и площадей стал обычным явлением. Разностильные, пестрые в своей декорации дома ставились рядом друг с другом, создавая дисгармонию в застройке. Строительство подразделялось на чисто утилитарное (промышленные здания, доходные жилые дома) и художественное (театры, особняки знати), что обедняло творческие возможности архитектуры, направляло ее по ложному пути.

Во второй половине XIX в. в архитектуре Белоруссии, как и всей России, прослеживается много идейно-художественных направлений. Некоторые из них не порывали связи с высокоразвитыми традициями русской классической архитектуры. Другие — и их было подавляющее большинство — склонялись к реставраторству или рационализму.

Реставраторство, хотя и имело много различных нюансов, в целом пропагандировало архитектурно-художественные формы прошлых веков. Например, так называемая «русско-византийская» архитектура, одним из пионеров которой считается К. Тон, пропагандировала в альбомах типовые проекты зданий, основанные на подражании русскому зодчеству XVII в. Церкви, построенные в псевдорусском стиле, эклектичном в своей сущности, можно встретить во многих городах и поселках Белоруссии (Барановичи, Борисов, Брест, Гродно).

Наиболее удачными произведениями архитектуры этого направления можно считать мемориальный храм в д. Лесной, поставленный в честь двухсотлетия разгрома шведской армии Петром I, и часовню усыпальницы кн. Паскевичей в Гомеле. Последняя очень живописна благодаря обилию архитектурных деталей, использованию керамики и глазури.

Примерами реставраторства являются кирпичные костелы в Минске и Нарóче. В них перепеваются мотивы романской и готической архитектуры, имевшие распространение в средневековой Западной Европе. Искусно выполненные в техническом отношении, они тем не менее представляют формалистическую архитектуру конца XIX и начала XX в.

Эклектичны по своему решению и многие другие значительные постройки в белорусских городах (театры в Минске и Могилеве, жилой дом купца Муравьева в Гродно, комплекс архиерейского подворья в Минске, доходные дома в Гомеле, Витебске, Минске и т. д.).

То же самое можно сказать и об образцах так называемой «кирпичной архитектуры», получившей некоторое распространение с конца XIX в. под влиянием творчества известных столичных зодчих (В. Шретер и др.). Художественная выразительность кладки (без оштукатуривания фасадных стен) достигалась использованием высококачественного лицевого и лекального кирпича широкой цветовой гаммы. Однако существо архитектуры в постройках этого рода оставалось тем же и носило печать стилизации.

Период империализма в архитектуре отмечается распространением нового художественного стиля модерн. Это течение космополитического характера, хотя и ставило одной из своих задач вывести архитектуру из творческого тупика, не дало желаемых результатов. В белорусских городах проявление его было незначительным. Это была дань моде, имевшей хождение в крупнейших городах России. Примерами этого направления, пропагандирующего новые формы в архитектуре, являются храм в Мире, жилые дома в Минске (ныне улицы Кирова, Интернациональная, Ленинский проспект и др.), Гродно (дом Тальгейма) и некоторые другие постройки.

Храм-усыпальница (1904, Марфельд) в Мире — пример удачного сочетания объекта с окружающей средой. Его цветовое решение — красный кирпич, серый камень, бетон, красочное мозаичное панно — гармонирует с древним замком, зеленью парка, водоемом, увеличивая живописность этого уголка ансамбля.

Различные архитектурные течения, которые имели хождение в эпоху капитализма в городской архитектуре, на сельское строительство не оказали влияния.

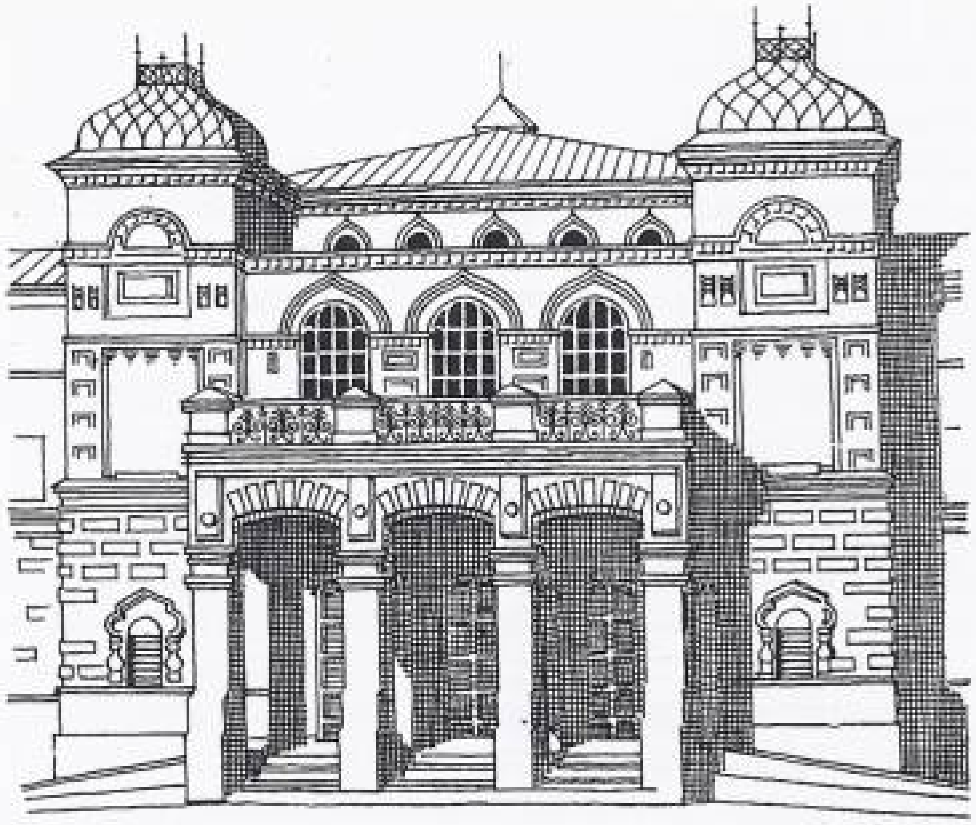
Виды белорусских городов в начале XX в.— Гродно и Слоним

Городской театр в Могилеве, конец XIX в.

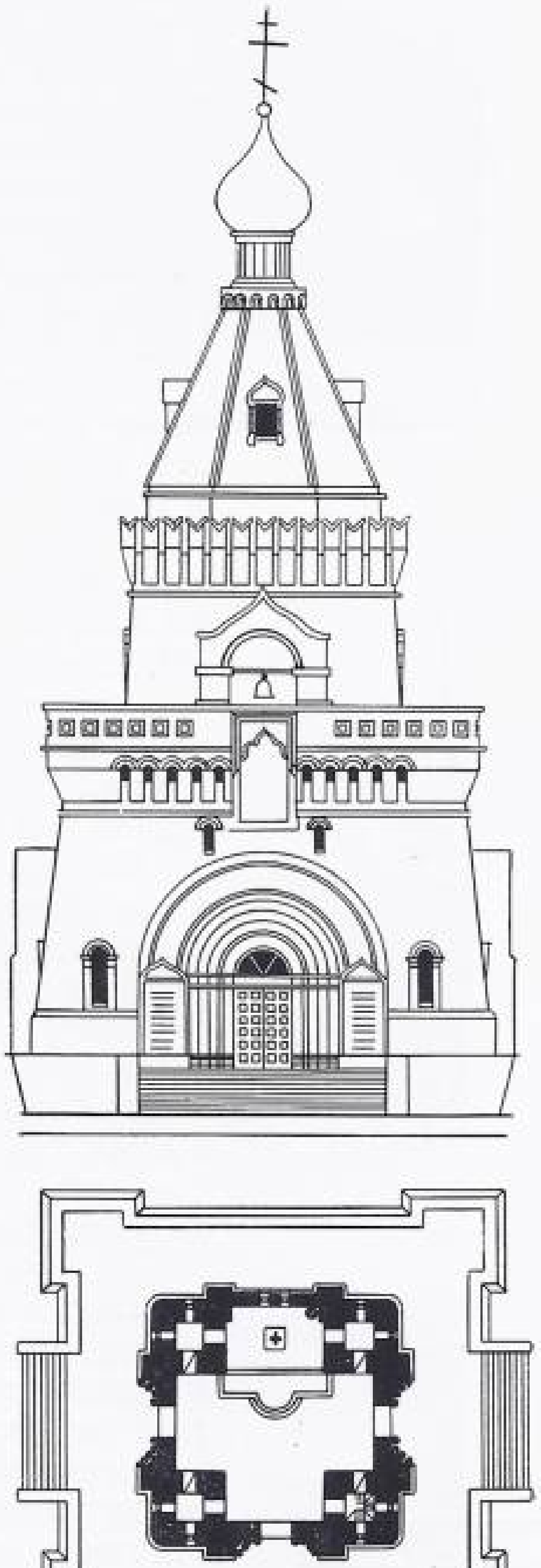
Усыпальница Паскевичей в гомельском парке, вторая половина XIX в.

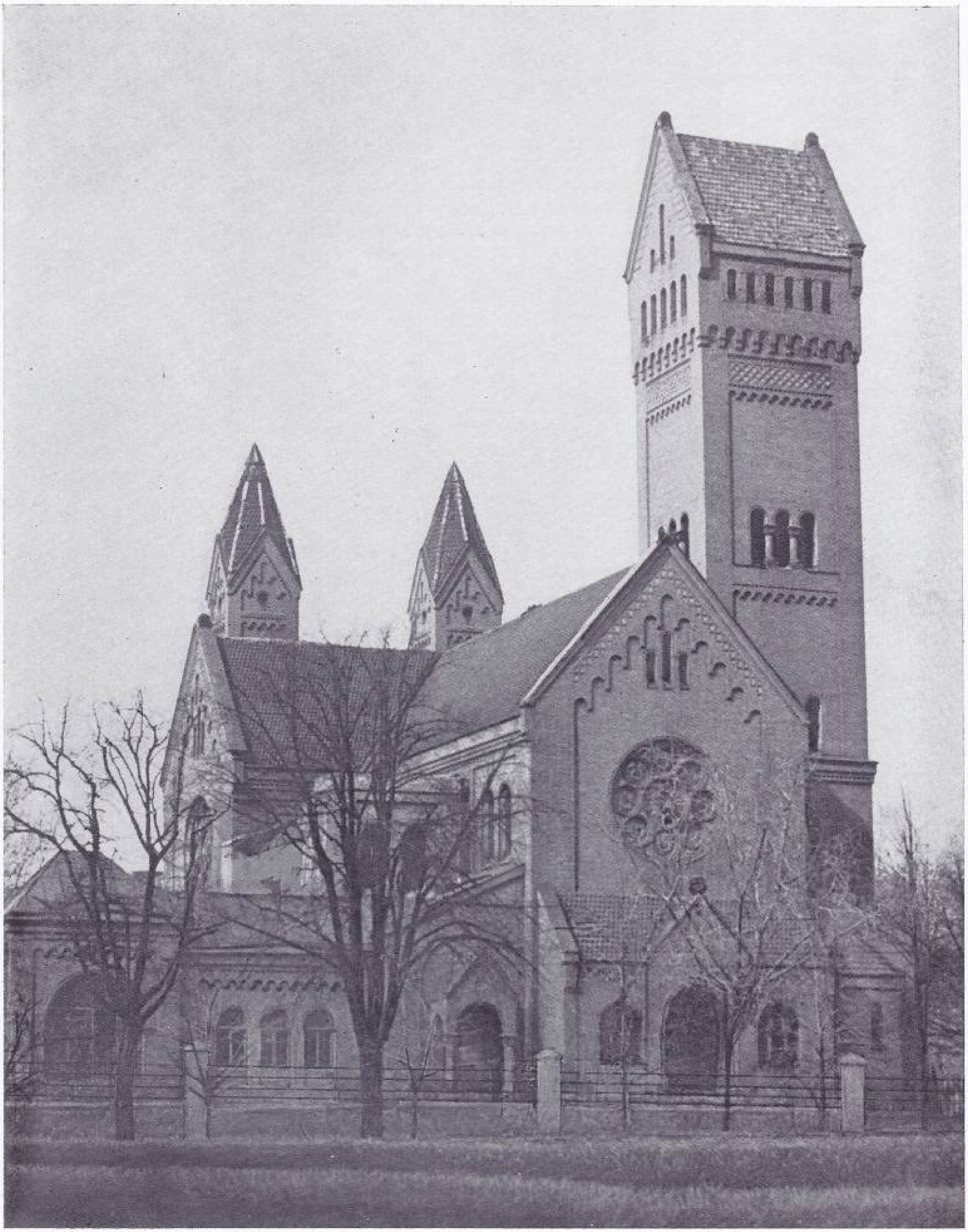
Храм-памятник в д. Лесной, начало XX в.

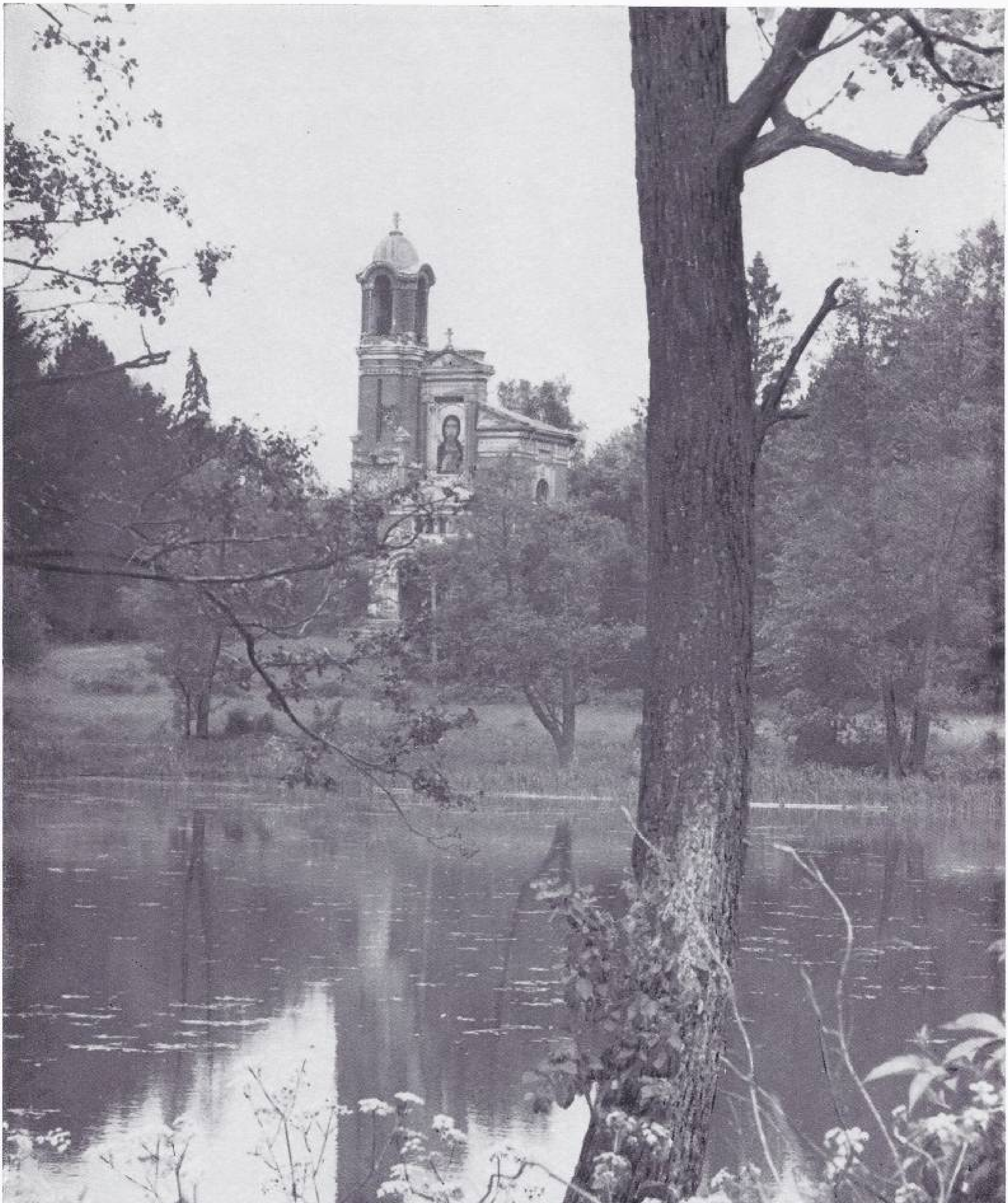
Костел в Минске, начало XX в.

Храм-усыпальница в Мире, начало XX в.

* * *

Белорусский народ создал самобытную архитектуру. Наглядным подтверждением этого являются многочисленные и разнообразные памятники деревянного и каменного зодчества различных исторических эпох, рассмотренные в этой книге.

Древнейшие постройки Полоцка, Витебска и Гродно, монументальные крепости и замки Новогрудка, Лиды, Крево и Мира, величественные и неприступные храмы-крепости в Сынковичах и Маломожейкове, живописные деревянные церкви Полесья, оригинальные соборы Могилева, великолепные дворцы в Ружанах и Гомеле говорят о том, что архитектура Белоруссии представляется произведениями высокого художественного и строительного мастерства.

Длительное время культура Белоруссии развивалась в сложных условиях борьбы за сохранение языка, обычаев, религии. Все это, содействуя укреплению национального самосознания, создало своеобразие культуры народа и ее составной части — архитектуры.

В истории архитектуры прослеживаются пути взаимообогащения культур братских народов и прежде всего непрерывное благотворное влияние родственной русской культуры. В белорусской архитектуре и градостроительстве прослеживаются многие принципы, идущие от архитектуры Древнерусского государства. Вместе с тем им не чуждо и западноевропейское зодчество, прогрессивные приемы которого перерабатывались и осваивались применительно к местным условиям. Однако при всем этом белорусская архитектура всегда имела свое национальное своеобразие в решении как функциональных, так и эстетических задач, что нашло отражение в общности строительных и художественных приемов народного зодчества. И это вполне закономерно: архитектура не может жить только прошлым или привнесенным извне. Главным источником ее поступательного развития всегда оставались развивающиеся традиции народной культуры во всей их совокупности.

В лучших памятниках белорусской архитектуры нашли свое выражение не только интересы господствующего класса и художественные вкусы архитекторов, но и народное представление о прекрасном. Основой всякой большой архитектуры всегда было народное зодчество и народное искусство, сила и неисчерпаемое своеобразие которого придают яркий характер произведениям монументального зодчества.

Выдающиеся памятники из арсенала архитектурного наследия белорусского народа поучительны своей логикой, правдивостью и красотой. Они могут быть одним из источников вдохновения для современных мастеров этого прекрасного и вечно живого искусства.

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ БССР

(ПРИЛОЖЕНИЕ)

В древних городах Белорусской ССР сохранились ценные в историческом, художественном и градостроительном отношениях комплексы городской застройки, образцы старой планировки, природные ландшафты, а также культурный слой земли, представляющий большой археологический интерес. Все это имеет важное научное и познавательное значение и подлежит учету, изучению и сохранению при реконструкции городов и других населенных мест.

В историко-культурном наследии основное — это памятники архитектуры, включающие разнообразные по своим типам и масштабам сооружения. Сохранились постройки начиная с XI—XIII вв., т. е. со времени основания многих древних городов. Большое значение имеют также группы зданий, которые по своим характеристикам не являются памятниками, однако представляют определенный интерес в историко-архитектурном отношении. Это рядовая застройка жилыми домами конца XVIII, XIX и начала XX вв. Формируя крупные фрагменты городской среды, старая рядовая застройка служит фоном для восприятия памятников; без нее невозможно оптимальное сохранение исторического облика города.

Госстрой БССР и Коллегия Министерства культуры БССР в 1971 г. утвердили примерный список городских поселений республики, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, природные ландшафты и древний культурный слой земли. Проекты планировки и застройки этих городов должны согласовываться с органами охраны памятников культуры. В перечень вошли: Брест, Каменец, Пинск (Брестская область); Витебск, Орша, Полоцк (Витебская область); Гомель, Туров, Чечерск (Гомельская область); Гродно, Волковыск, Лида, Мир, Новогрудок (Гродненская область); Минск, Заславль, Логойск, Несвиж (Минская область); Могилев, Мстиславль, Славгород (Могилевская область). Список охватывает лишь часть исторически сложившихся населенных мест Белоруссии, общее число которых, с учетом сохранившегося культурного наследия, значительно больше.

Освоение градостроительного наследия в современных целях связано с комплексом многочисленных проблем, из которых первоочередной является культурно-эстетическая оценка всего существующего фонда исторических объектов. Оценка наследия входит в историко-архитектурное обоснование как исходный материал для составления проектов детальной планировки и застройки центров древних городов.

Исходя из того что городские поселения представляют собой значительное разнообразие, целесообразно классифицировать их по значимости сохранившегося культурного наследия. Основные критерии, по которым произведена классификация, следующие:

количество и ценность памятников архитектуры, расположенных в историческом городском центре;

сохранность исторически сложившейся планировочной сети и фрагментов рядовой застройки;

наличие зон археологии, памятных мест и районов характерного ландшафта;

роль историко-культурных комплексов в формировании облика города.

По ценности сохранившегося историко-культурного наследия все города Белорусской ССР, независимо от их величины и народнохозяйственного значения, можно условно разделить на четыре классификационные категории.

К *первой категории* относится Гродно, который имеет исключительное по своему значению архитектурное и градостроительное наследие. Архитектурные памятники и их комплексы, капитальная рядовая застройка прошлых столетий, сохранившиеся в большом количестве, играют значительную роль в композиции города и художественном облике его центра. Монументальные сооружения активно формируют панораму и силуэт Гродно, фиксируют основные узлы исторически сложившейся планировочной структуры.

Вторую категорию составляют города Гомель, Несвиж, Новогрудок, Пинск, Полоцк, Слоним. *Третью* — Витебск, Кобрин, Минск, Мир, Могилев, Мстиславль, Поставы, Ружаны. *Четвертую категорию* представляет большое количество городов и поселков всех областей республики. Среди них Брест, Бобруйск, Волковыск, Воложин, Глубокое, Дятлово, Жировичи, Заславль, Каменец, Орша, Туров, Чечерск и др.

Рассмотрим историческое развитие и основное сохранившееся архитектурно-градостроительное наследие некоторых наиболее интересных городов Белоруссии из различных категорий.

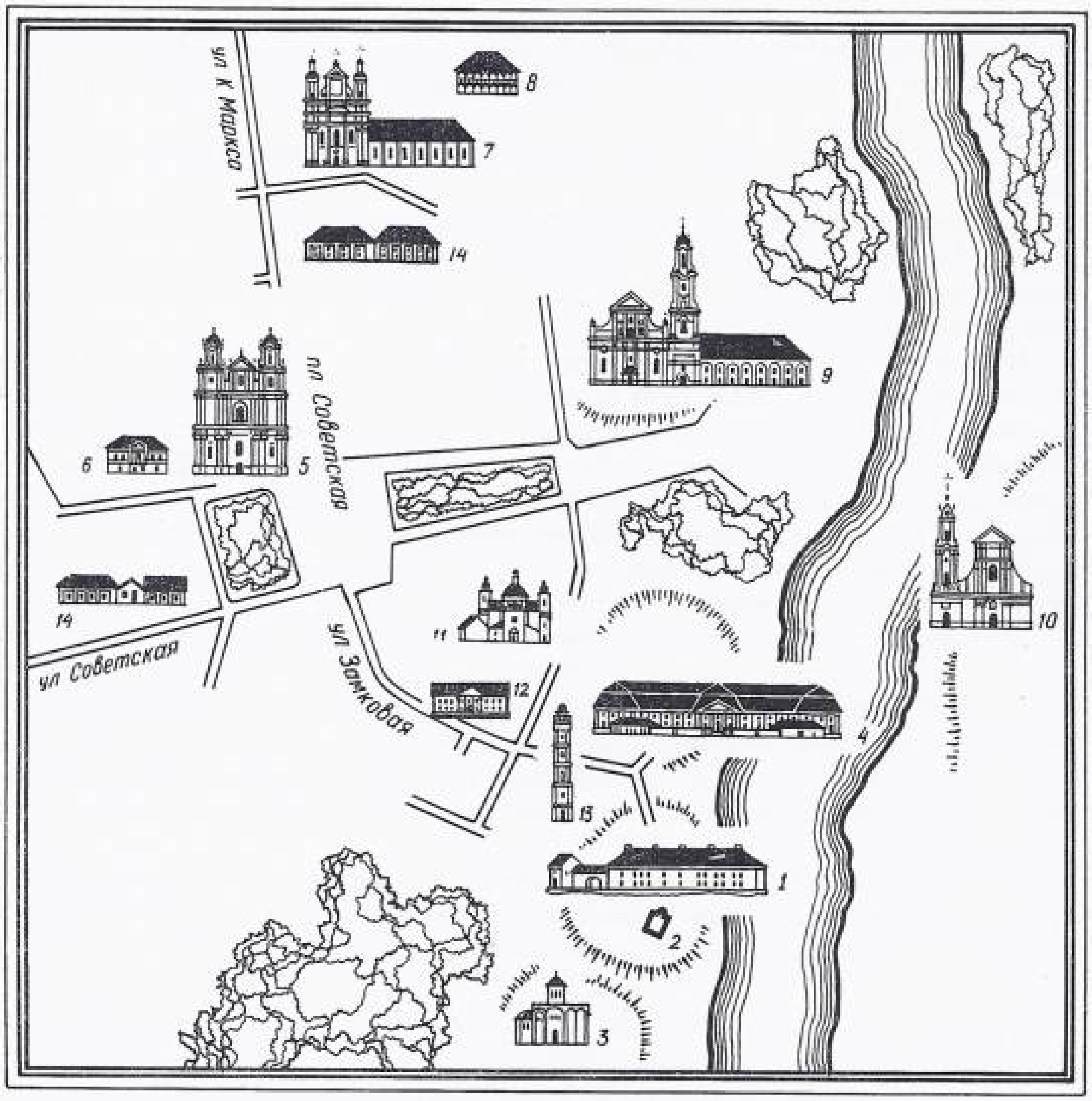
Гродно впервые упоминается под 1128 г. Первоосновой города была древнерусская крепость, возникшая в конце XI в. на высоком холме при впадении в Неман р. Городничанки. Между этими реками в течение веков развивалась основная застройка города.

Историко-археологические сведения выявляют общую схему города в XII—XIII вв.: крепость, торгово-ремесленные посады и Борисоглебский монастырь. Поселение раскинулось на пересеченном рельефе правобережья Немана. В его структуре воплотилось традиционное объемно-пространственное выделение замкового комплекса.

В XV в. Гродно получает дальнейшее архитектурно-планировочное развитие. При Витовте перестраивается древняя крепость — Верхний замок; рядом с ним, на соседней возвышенности, сооружается обнесенный стеной Нижний замок. Оборону города усиливали форпосты — укрепленные монастыри.

В XV—XVI вв. границы Гродно расширяются, городской центр перемещается к востоку от замка. Им становится рыночная площадь с костелом (заложен Витовтом около 1389 г.). Основными в планировочной структуре были взаимно перпендикулярные направления: ул. Великая с ее продолжением — Виленской и ул. Замковая, переходящая в дорогу на Смоленск. Сеть улиц между главными магистралями имела нерегулярный характер.

В 1496 г. Гродно получает магдебургское право; на городской площади возводится здание ратуши с высокой башней. Строятся соборная Пречистенская церковь, бернардинский монастырь с костелом, дом короля на месте развалин Нижнего замка и др. В 1560 г. в состав города включен Занеманский форштадт, где сложился один из рынков и несколько улиц. Обе части города соединялись мостом через Неман.

Архитектурно-планировочная структура Гродно в XVII—XVIII вв. сохраняла основные черты сложившейся ранее композиции. Ансамбль рыночной площади формировался ратушей с торговыми рядами, монументальными культовыми зданиями и гражданскими постройками, среди которых выделялись дворцы Батория и Радзивиллов. Площадь имела композицию замкнутого характера.

Изучение инвентарных описей и историко-картографических материалов показывает, что существующая сеть улиц и площадей центральной части города окончательно сформировалась к XIX в. Измельченность кварталов, изломанность и кривизна улиц с очевидным тяготением их к замку и площади характеризуют наиболее древнюю планировку города. Планировочная структура оказалась устойчивой, большинство старых улиц сохранили свои очертания. Изменялась лишь застройка: на смену деревянным или обветшавшим домам появлялись каменные постройки XIX—XX вв.

Развитие плана Гродно показывает, что системы планировки не исключали одна другую, а дополняли, объединяли все предыдущие при формировании последующей. Этот процесс сопровождался изменением роли отдельных частей города: крепость превратилась в княжескую цитадель, затем в парадную королевскую резиденцию; посад с рынком из торгово-ремесленного придатка крепости перерастает в центральную часть города.

Исторически сложившийся центральный район современного Гродно расположен на территории между железнодорожным полот-

ном, берегом Немана, поймой р. Городничанки и ул. 1 Мая. Значительное число сохранившихся в нем построек различных эпох и стилей позволяет проследить пути развития города с древнейших времен.

Архитектура XII в. представлена такими выдающимися памятниками, как Борисоглебская церковь, остатки крепости и Нижней церкви; XIV век представляют остатки Верхней церкви; XVI век — фрагменты королевского замка Стефана Батория. Комплекс этих сооружений с археологическим слоем Замковой горы имеет огромную историко-культурную ценность и является заповедником. Расположенный на высоком берегу реки, он и в настоящее время играет большую градоформирующую роль в застройке правобережья Немана.

Архитектуру XVII—XVIII вв. представляют сохранившиеся костелы и монастыри — б. иезуитский (1647—XVIII в.) с аптекой и коллегиумом, б. бернардинский (1595—XVIII в.), б. бригитский (1634—1642) с деревянным домом этого же времени, б. францисканский костел (1635—XVIII в.), б. каменная синагога, дошедшая до нас в перестройке XIX в., и др.

Гродненские монастыри были оборонными форпостами и поэтому в структуре города занимали узловые пункты на основных улицах: бригитский — на ул. Озерской (ныне ул. К. Маркса), бернардинский — у реки близ ул. Мостовой, иезуитский — в центре города на рыночной площади (ныне пл. Советской), францисканский — на высоком левом берегу Немана. Значимость памятников XVII в. определяется не только их высотной композицией, но и тем, что комплексы, поставленные вдоль основных городских улиц, прочно закрепили их направления.

XVIII в. характеризуется строительством новых архитектурных комплексов — церкви Рождества Богородицы (1720—1751) и монастыря при ней, королевского дворца, так называемого Нового замка (1751), группы зданий на «городнице» (60—80-е годы XVIII в.) — дворца А. Тизенгауза, домов администратора и вице-администратора, здания медицинской школы, музыкального флигеля («кривая офицына»), театра, жилых домов мастеровых по ул. Ожешко и др. На «городнице» расположен и Ботанический сад.

Архитектура XIX в. представлена множеством единичных зданий, рассредоточенных по основным улицам города. К наиболее интересным относятся дома по ул. Замковой, Советской, Ожешко, Карбышева, Кирова, 1 Мая.

В конце XIX — первой трети XX в. были построены здания реального училища, женской гимназии, лютеранская кирха, дом Муравьева, военный собор, дом Тальгейма, здание банка и др.

Архитектурное наследие Гродно не исчерпывается вышеперечисленным. Помимо построек выдающихся с ясно выраженными чертами той или иной эпохи, в старом центре сохранились большие массивы каменных зданий, которые формируют историко-архитектурную среду города.

К *особенностям* исторического центра Гродно относятся:

формирование градостроительной композиции с учетом живописного природного ландшафта — холмов, пойм рек и оврагов;

сохранность древней планировочной структуры, не испытавшей влияния регулярных преобразований конца XVIII — начала XIX в.;

сохранность архитектурных памятников всех основных периодов истории зодчества Белоруссии;

активное участие памятников архитектуры и массивов другой ценной в историко-архитектурном отношении застройки в формировании композиции современного города.

Гродно. Схема фрагмента плана исторической части города с сохранившимися памятниками архитектуры: *1* — Старый замок, XII—XIX вв.; *2* — Нижняя церковь, XII в.; *3* — Борисоглебская церковь, XII в.; *4* — Новый замок, XVIII в.; *5* — иезуитский костел, XVII—XVIII вв.; *6* — аптека, XVIII в.; *7* — бригитский костел и монастырь, XVII в.; *8* — деревянная постройка, XVII в.; *9* — бернардинский костел и монастырь, XVI—XVIII вв.; *10* — францисканский костел и монастырь, XVII—XVIII вв.; *11* — церковь Рождества Богородицы, XVIII в.; *12* — жилой дом, начало XIX в.; *13* — башня пожарного депо, конец XIX — начало XX в.; *14* — жилая рядовая застройка, XVIII — начало XX в.

Гродно. Древнейший комплекс города

Историческая застройка площади Ленина

Фрагменты застройки старой части города

Несвиж впервые упоминается в летописи под 1223 г. как столица удельного княжества. С 1533 г.— частновладельческий город магнатов Радзивиллов. В конце XVI в. на месте древнего укрепления закладывается новый замковый комплекс, строительство и реконструкция которого продолжается в течение длительного времени. Замок расположен поодаль от города, среди искусственных водоемов и связан с ним разборным мостом (ныне трехсотметровая земляная дамба).

Планировка и архитектурный облик Несвижа в основном определились в 1584—1616 гг. Его план был очерчен замкнутой системой валов, рвов и крепостных стен. Башни-брамы фиксировали места въезда в город.

Композиционным ядром города была прямоугольная рыночная площадь; середину ее занимала ратуша, окруженная корпусами торговых рядов (1596 г.—XVIII в.). По углам плана располагались монументальные культовые комплексы, в функции которых входили также задачи оборонного характера. Это монастырь бернардинцев (1598 г.—XVIII в.), иезуитский костел и коллегиум (1584—1593), монастырь бенедиктинок (1590 г.— XVIII в.) и православный храм (конец XVI — начало XVII в.).

В планировке Несвижа выделялись две взаимно перпендикулярные основные улицы: одна, проходя через Замковую браму, соединяла рыночную площадь с замком, другая протянулась от Виленских ворот к Слуцким. Доминантами архитектурно-пространственного построения города являлись замок, ратуша, культовые здания и башни-брамы.

Помимо перечисленных построек, в XVI—XVII и XVIII—XIX вв. в Несвиже существовали такие значительные здания, как городской дворец Радзивиллов, униатская церковь, аустерия и др.

В процессе исторического развития города трансформировался его облик, были утрачены многие монументальные сооружения. Однако и сейчас исторический центр города насыщен памятниками большой историко-культурной значимости.

Исследование градостроительного наследия Несвижа позволяет определить исторический район, который охватывает две отчетливо выраженные и взаимосвязанные части — дворцово-замковый комплекс и старый город. В формировании индивидуальных ландшафтных качеств Несвижа большое значение имеют обширные водоемы (пруды Иванов, Дикий) и парк, памятник садово-паркового искусства XIX в.

Парковый комплекс в настоящее время состоит из пяти автономных ландшафтных районов, имеющих свою законченную композицию и в то же время взаимосвязанных. Ландшафтная система, расчлененная водоемами, строится на далеких и близких перспективах. Размещение видовых точек позволяет последовательно раскрыть отдельные парковые пейзажи. Замок с его выразительным силуэтом является завершающим элементом для многих перспектив; водное зеркало и зеленые массивы сочетаются в единой архитектурно-ландшафтной композиции большой художественной выразительности.

Граница старого города сейчас проходит вдоль улиц Гейсика, Ленинской, Белорусской, Чкалова, на востоке — вдоль берега водоема. Анализ планировки и застройки выявляет значительную преемственность в процессе исторического развития Несвижа. При сравнении с планом города начала XIX в. обнаруживается стабильность большинства магистралей, а также сохранность в целом планировочной композиции, заложенной в начале строительства города. Система улиц носит прямоугольный характер и свидетельствует о замысле зодчих XVI в. Трассы улиц Ленинской, Советской, Белорусской, Гейсика и

Несвиж. Схема плана исторической части города с сохранившимися памятниками архитектуры: *1* — дворцово-замковый ансамбль, XVI—XVIII вв.; *2* — башня Замковых ворот, XVI в.; *3* — иезуитский костел, XVI в.; *4* — ратуша, XVI—XVIII вв.; *5* — дом ремесленника, XVIII в.; *6* — Слуцкая брама, XVIII в.; *7* — бенедиктинский монастырь, XVI—XVIII вв.; *8* — плебания, XVII—XVIII вв.; *9* — бернардинский монастырь, XVI—XVIII вв.

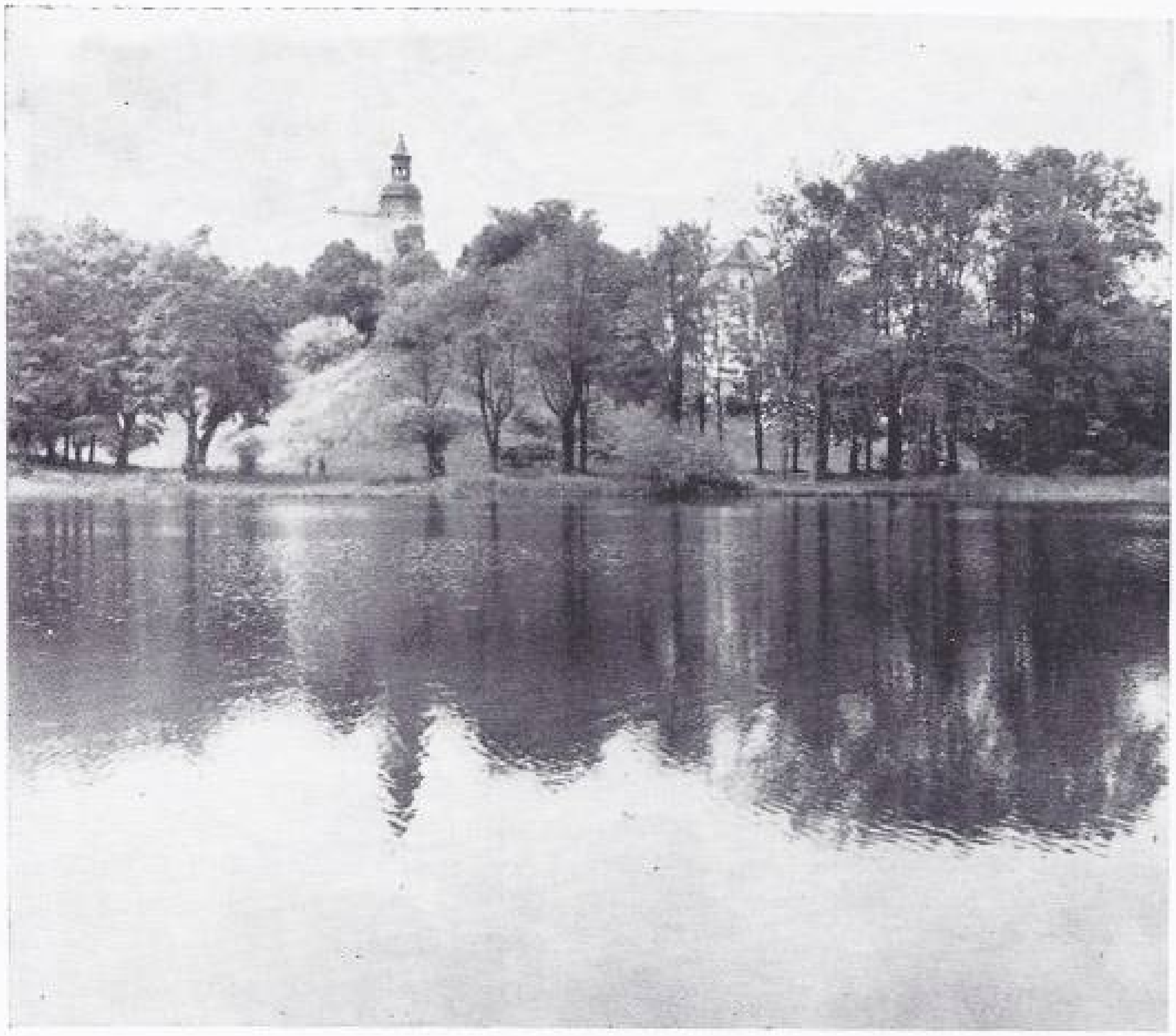
перпендикулярных им Пушкина, 17 сентября, К. Либкнехта, Рокоссовского, Мицкевича, Чкалова соответствуют уличным направлениям, обозначенным на плане начала прошлого столетия.

Планировочным ядром старого города является площадь со зданием б. ратуши и торговых рядов. Здесь же, на северо-западной стороне площади сохранился «дом ремесленника», или «дом на рынке» (1721), редкий образец городского жилья с характерным фигурным фронтоном.

Недалеко от площади находятся корпуса б. женского бенедиктинского монастыря — двухэтажный кляштор и брама-звонница. Этот комплекс в XVII в. усиливал укрепления юго-восточной части города.

Другой фрагмент старого города — район Фарного (иезуитского) костела, монументального храма в формах раннего барокко. Рядом с костелом высится городская оборонительная башня XVI в., напротив — здание б. плебании XVII—XVIII вв. Сохранились также небольшая часовня при костеле, придорожная каплица и въездные ворота на дамбу, ведущую к замку. В северо-западном направлении располагается б. бернардинский монастырь, связанный короткой улицей с комплексом строений в районе костела.

Для планировочной структуры старого центра города характерен принцип замыкания перспективы улицы архитектурным памятником или комплексом. Например, ул. Чкалова ориентирована на б. женский бенедиктинский монастырь, костелом замыкается ул. Гейсика, Слуц-

Несвиж. Панорама замка со стороны пруда

Слуцкая брама

кая брама расположена на оси одноименной улицы. В пространственной композиции всего исторического района архитектурными доминантами являются дворцово-замковый комплекс, Фарный костел и звонница б. бенедиктинского монастыря. Объемные ориентиры композиции отчетливо воспринимаются в панораме города со стороны прудов.

Некоторые градостроительные *особенности* Несвижа заключаются в следующем:

сохранность планировочной системы, возникшей в конце XVI — начале XVII в.;

большое градоформирующее значение ландшафта — обширных прудов и паркового массива;

активная роль архитектурных памятников в композиции города.

Новогрудок, как показывают археологические исследования, существует с конца X в. На высоком холме, окруженном рвом, был заложен замок. В XII в. поселение состояло из крепости на Замковой горе, укрепленного района на территории соседней возвышенности («Малый замок») и посада. Новогрудок был резиденцией князей Великого княжества Литовского и крупным торгово-ремесленным центром.

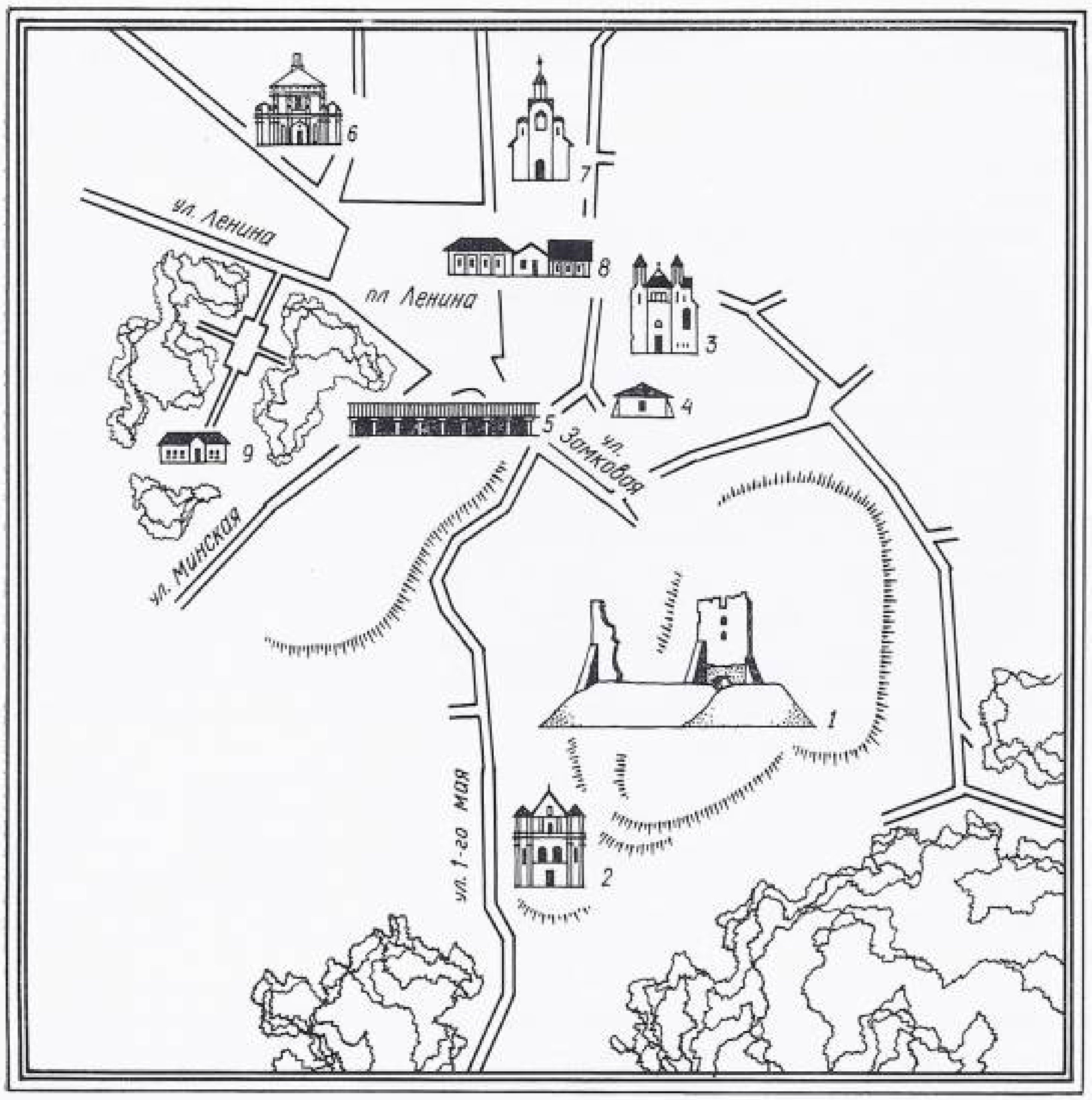
В последующие века городская застройка расширялась преимущественно в южном и западном направлениях. Поблизости от Замковой горы сформировалась торговая площадь, к которой сходились основные улицы. На ней группировались культовые постройки, торговые лавки, дома зажиточных горожан и, очевидно, ратуша (магдебургское право с 1511 г.). На протяжении XIV—XVI вв. неоднократно достраивался замок. В 1503—1505 гг. возведены каменные стены, которые объединяли пять крепостных башен — четыре угловые и главную проезжую. В конце XVI — начале XVII в. в замке построен дворец.

В городе сооружены Борисоглебская церковь (1517 г., достроена в первой половине XVII и в XIX в.), Фарный костел (основан Витовтом в начале XV в., перестроен в 1613 г.), доминиканский (1637), бернардинский и францисканский монастыри (XVII—XVIII вв.), синагога (1648). Планировочная структура города характеризовалась как неправильная радиальная; сеть улиц была построена в соответствии с особенностями рельефа.

В 1809 и 1872 гг. были составлены проекты регулярной перепланировки Новогрудка, однако его коренная реконструкция не осуществилась. В XIX в. на торговую площадь выходили восемь неправильных по очертаниям улиц: Бернардинская (ныне Гродненская), Базилианская (Почтовая), Троицкая (Минская), Сенежицкая (Свердлова), Валевская (Ленина), Слонимская (Мицкевича), а также современные улицы Советская и Замковая.

В настоящее время исторический центр Новогрудка включает древние холмы (Замковая гора и Малый замок) с руинами крепости, парковый массив к востоку от них и район со старой застройкой вокруг пл. Ленина (б. торговой). В историческом центре полностью сохранилась система улиц, сложившаяся к началу XIX в., что подтверждается изучением картографических материалов этого времени. Для планировки характерны сложная конфигурация улиц, вызванная особенностями рельефа, измельченность и неправильная форма кварталов.

Основными частями исторического центра являются древние возвышенности (архитектурно-археологический заповедник) и площадь Ленина, связанные между собой отрезком ул. Замковой. Доминирую-

щее положение в композиции занимает Замковая гора с руинами двух крепостных башен, относящихся к началу XVI в. Их крупные объемы, расположенные на высоком рельефе, формируют характерный силуэт города.

В формировании архитектурно-художественного облика площади Ленина и примыкающих улиц Гродненской, Почтовой и Замковой участвуют отдельные культовые здания и фрагменты жилой застройки XVIII и XIX вв. На южной оконечности площади возвышается открытый для обозрения объем безбашенного доминиканского костела. Северную сторону площади и отрезок ул. Гродненской организует разнообразная по характеру историческая застройка: жилые дома второй половины XIX в. с высокими фронтонами, Николаевская церковь (1780 г., перестройка XIX в.), б. монастырский корпус XVIII в.

На углу площади и ул. Минской сохранилась часть корпуса торговых рядов начала XIX в. с традиционным рядом колонн. К этому же времени относится жилой дом со своеобразной трактовкой классической декорации фасада. Здание имеет распространенное в белорусских городах и местечках построение, обычное для домов ремесленников или торговцев: двухчастная функциональная организация, компактность объема, ориентация торцом на торговую площадь, лаконичная декорация щипцовой стены и пр.

Доминантой застройки ул. Почтовой является Борисоглебская церковь — памятник готики. Рядом с нею еще в XIX в. была вытя-

Новогрудок. Схема плана исторической части города с сохранившимися памятниками архитектуры: *1* — замок, XIV—XVI вв.; *2* — Фарный костел, XVII в.; *3*, *4* — Борисоглебская церковь, XVI—XVII вв., и монастырская постройка; *5* — торговые ряды, XIX в.; *6* — доминиканский костел, XVII в.; *7* — Николаевская церковь, XVIII—XIX вв.; *8* — жилая рядовая застройка, XIX в.; *9* — дом-музей А. Мицкевича

Древнейший комплекс города

нутая прямоугольная площадь. Поблизости от церкви расположена одноэтажная монастырская постройка (Почтовый пер.). Двухбашенное завершение Борисоглебской церкви находится в секторе видимости из некоторых точек пл. Ленина.

Классическое решение фасада с большим полуциркульным окном на фронтоне имеет жилой дом по ул. Почтовой. Ко второй половине XIX в. относится постройка с упрощенной, выложенной из кирпича декорацией; к началу XX в.— здание почты в стиле модерн.

Рядовые исторические здания Новогрудка, рассматриваемые как отдельные объекты, не представляют особой архитектурной ценности, однако, группируясь в комплексы, они создают образную среду, не только являющуюся фоном для восприятия памятников-доминант, но имеющую и самостоятельное художественное значение.

Ул. Замковая на отрезке 120 м представляет собой характерный планировочный элемент, который в прошлом связывал торговую площадь — общественный центр города с феодальной резиденцией — замковым комплексом. Историческая застройка улицы, образующая отдельные фрагменты, относится к XIX в. В районе ул. Замковой находятся остатки декоративной башни второй половины XIX в., расположенной на северо-западной оконечности Малого замка. У ее подножья, на склоне холма, сохранились остатки фундаментов укреплений.

В историческом центре разнообразна пространственно-планировочная, формирующая роль монументальных культовых сооружений — доминиканского костела, Николаевской и Борисоглебской церквей, Фарного костела, которые являются акцентирующими архитектурными объектами в застройке площади и улиц.

К памятникам истории города относится дом-музей Адама Мицкевича, расположенный в центральном сквере в районе площади. На территории Малого замка находится «Курган бессмертия», насыпанный в честь поэта в 1924—1931 гг. Отдельно от исторического центра расположена древняя насыпь с захоронениями — «холм Миндовга»

(названа именем литовского князя, который владел Новогрудком в XIII в.). Курган дополняет богатую исторической информацией среду центрального района, находясь в визуальной связи с архитектурно-ландшафтным комплексом Замковой горы и Фарным костелом.

Исторический центр Новогрудка имеет некоторые *особенности*, состоящие в следующем:

выраженная градоформирующая роль рельефа местности, который определяет пространственно-планировочную композицию города;

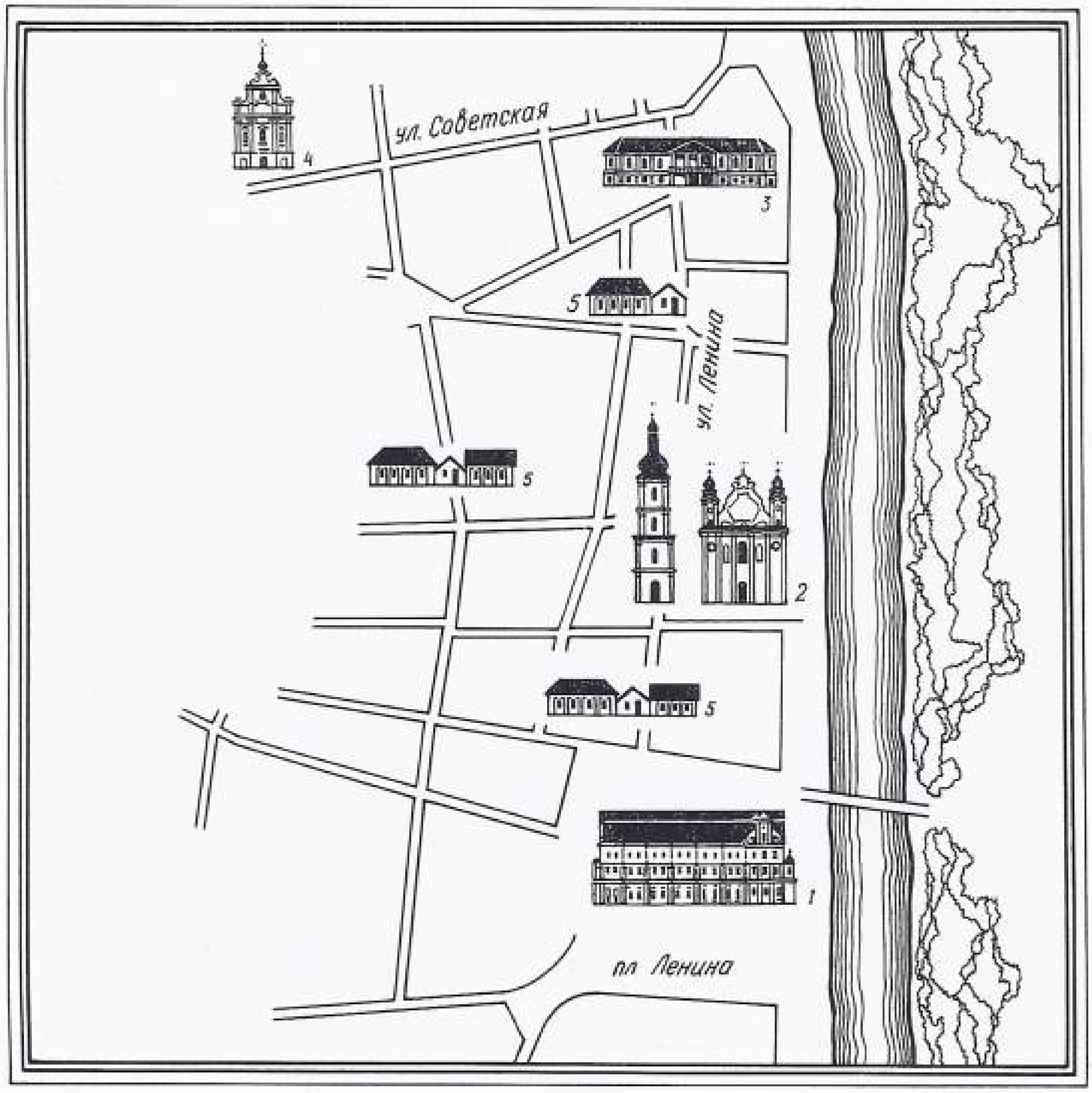
в отличие от многих населенных мест планировочная система имеет не регулярный, а свободный, естественно сложившийся характер, который формировался в течение веков;

одним из основных элементов планировки является площадь, в районе которой сосредоточено большинство памятников архитектуры и рядовых исторических зданий.

Пинск впервые упоминается под 1097 г. Начало формированию города положил замок, расположенный на левом берегу р. Пины. Близость водных магистралей — рек Пины, Припяти и Ясельды — способствовала быстрому развитию поселения. Древнее замчище имело в плане овальную форму и занимало около 1,75 га. За его пределами сложился посад. Для планировочной структуры города замок был своеобразным центром, к которому сходились радиальные направления и вокруг которого полукольцом складывались жилые кварталы.

Известные планы Пинска относятся к концу XVIII—XIX вв. Более ранние этапы его эволюции можно лишь предположить, учитывая преемственность планировки: радиально-полукольцевая схема улиц была основой, в соответствии с которой формировалась система кварталов. Рядом с замком в процессе развития города сложилась торговая площадь. К ее основным зданиям относились: ратуша, торговые ряды, иезуитский костел с коллегиумом (начало строительства — 1631 г.), униатская церковь. В XVII—XVIII вв. в городе были основаны монастыри доминиканцев, кармелитов и др. В 1712—1730 гг. реконструирован ансамбль францисканского монастыря

Новогрудок. Фрагмент застройки старой части города

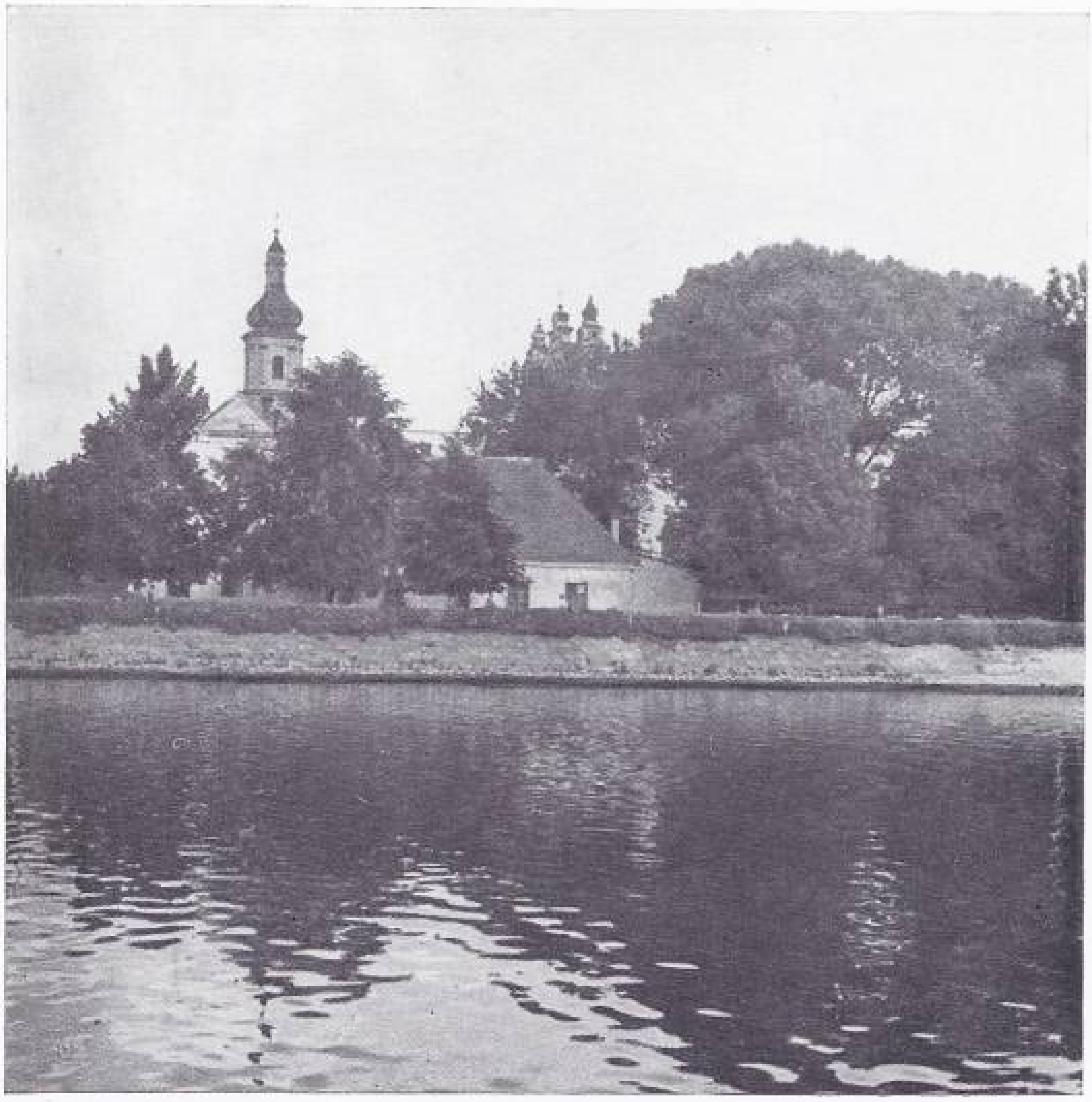
Пинск. Схема плана исторической части города с сохранившимися памятниками архитектуры: *1* — иезуитский коллегиум, XVII в.; *2* — францисканский костел, XVIII в., звонница, начало XIX в.; *3* — дворец Бутримовича, XVIII в.; *4* — бернардинский костел, XVIII в.; *5* — жилая рядовая застройка, XIX — начало XX в.

(основан в 1396 г., каменный костел заложен в 1510 г.; в 1817 г. рядом с костелом сооружена звонница, достроенная в XX в.).

В конце XVIII в. в планировочной структуре Пинска выделялось несколько полукольцевых и радиальных направлений, форма города в плане приближалась к полукругу. В XVII—XVIII вв. его территория, так же как и древний замок, была охвачена земляным рвом. С конца XVII в. на востоке застраивается предместье Каролин, его кварталы получили прямоугольные очертания. В 1701 г. здесь начато строительство дворца, окруженного земляными укреплениями (разрушен в 1706 г.), был посажен парк. К культовым постройкам этого района относятся костел Карла Баромиуша (1782) и бернардинский костел (1786) с монастырским корпусом.

Проекты регулярной планировки Пинска составляются в 1800, 1842 и 1856 гг. При значительной трансформации уличной сети сохранилась общая радиально-полукольцевая структура. Полностью унаследовались очертания главной городской улицы, расположенной параллельно р. Пине (Большая Киевская, ныне ул. Ленина), а также полукольцевых направлений: ул. Завальной, Соборной (ныне Горького) и др. Укрупняемые кварталы получали правильные очертания, значительно увеличивалась территория города.

Застройка Пинска развивается во второй половине XIX — начале XX в., когда строится основная масса существующих ныне зданий центра. Традиционный силуэт, представленный контрастом верти-

кальных доминант культовых сооружений и низкого массива гражданской застройки, сохраняется.

Исследование планировки и застройки Пинска позволяет определить территорию его современного исторического центра. С юга она ограничена берегом р. Пины, с запада — пл. Ленина и ул. Брестской, с севера ее граница проходит вдоль ул. Завальной и Кирова, а с востока — по ул. Насырова. Исторический центр находится в основном в границах города конца XVIII в. и включает комплекс исторически ценной застройки.

В территориально-планировочном отношении исторический центр представляет собой вытянутое вдоль реки образование, в его уличной сети сочетаются две планировочные системы — радиально-полукольцевая, первоначальная в историческом аспекте формирования города, и прямоугольная в восточной части, охватывающая район б. местечка Каролин. Существующая планировка окончательно сформировалась в результате реконструкции города в первой половине XIX в. Однако общие направления улиц Ленина, Завальной, Ровецкой, Горького, Кирова, Островского и других, сложившиеся к концу XVIII в., имеют значительно более древнее происхождение. В пределах исторического центра в прошлом концентрировались монументальные сооружения Пинска, многие из которых сохранились.

Площадь Ленина занимает часть древнего замчища и территорию главной городской торговой площади XVII—XVIII вв. Замчище, где

сохранился частично исследованный культурный слой, местами застроено современными зданиями. С западной стороны его территория ограничена ул. Чайковского. Радиальными направлениями (ул. Ленина, Брестская, З. Космодемьянской, Белова, Днепровской флотилии) площадь связана с другими районами исторического центра. Основным объектом, придающим ей историко-архитектурный облик, является здание б. иезуитского коллегиума, выделяющееся в панораме города со стороны реки.

Архитектурным комплексом прошлого является застройка ул. Ленина — основного направления исторического центра. Она объединяет крупные постройки: б. иезуитский коллегиум, ансамбль б. францисканского монастыря с костелом и б. городской дворец Бутримовича. Эти монументальные здания входят в композицию уличного пространства и своими пластичными объемами акцентируют фронтальное построение застройки. Фоном для восприятия памятников архитектуры служат жилые здания второй половины XIX — начала XX в. Вертикальной доминантой является звонница францисканского храма, находящаяся в зоне видимости на всем протяжении улицы.

Как и коллегиум, францисканский монастырь с костелом — важный объект в формировании панорамы и силуэта исторического центра с обширных открытых пространств на правом берегу р. Пины. Панорама характеризуется сочетанием крупных, пластически развитых объемов с низким массивом жилой застройки и озеленения.

Для композиции центра характерно замыкание перспективы улицы архитектурным объемом, имеющим тот или иной пространственный масштаб. Улицы Ленина и В. Хоружей ориентированы на апсиду францисканского костела, Брестская и Первомайская — на барочный щипец иезуитского коллегиума, а ул. Островского замыкается небольшим пластичным объемом жилого здания второй половины XIX в.

Различные по конфигурации кварталы исторического центра Пин-

Пинск. Панорама ансамбля францисканского костела и монастыря

Вид с реки на древнейшую часть города

ска на значительных участках сформированы застройкой второй половины XIX — начала XX в. Здания создают в плане разнообразные комплексы: застройку одной или двух сторон, всего периметра квартала и др. Одноэтажная застройка прямоугольных кварталов б. местечка Каролин (в районе, ограниченном ул. Советской, Кирова, Насырова и Днепровской флотилии) носит усадебный характер. Живописность упрощенного орнамента и использование декоративных свойств строительных материалов придают своеобразие архитектуре этого района. Здесь же, поблизости, находятся памятники барокко: б. бернардинский костел с монастырским корпусом на ул. Советской и б. костел Карла Баромиуша на ул. Кирова.

Особенности исторического центра Пинска заключаются в следующем:

в планировке сочетаются две системы улиц: радиально-полукольцевая и прямоугольная;

в архитектурно-планировочной композиции центра выделяется комплекс застройки ул. Ленина;

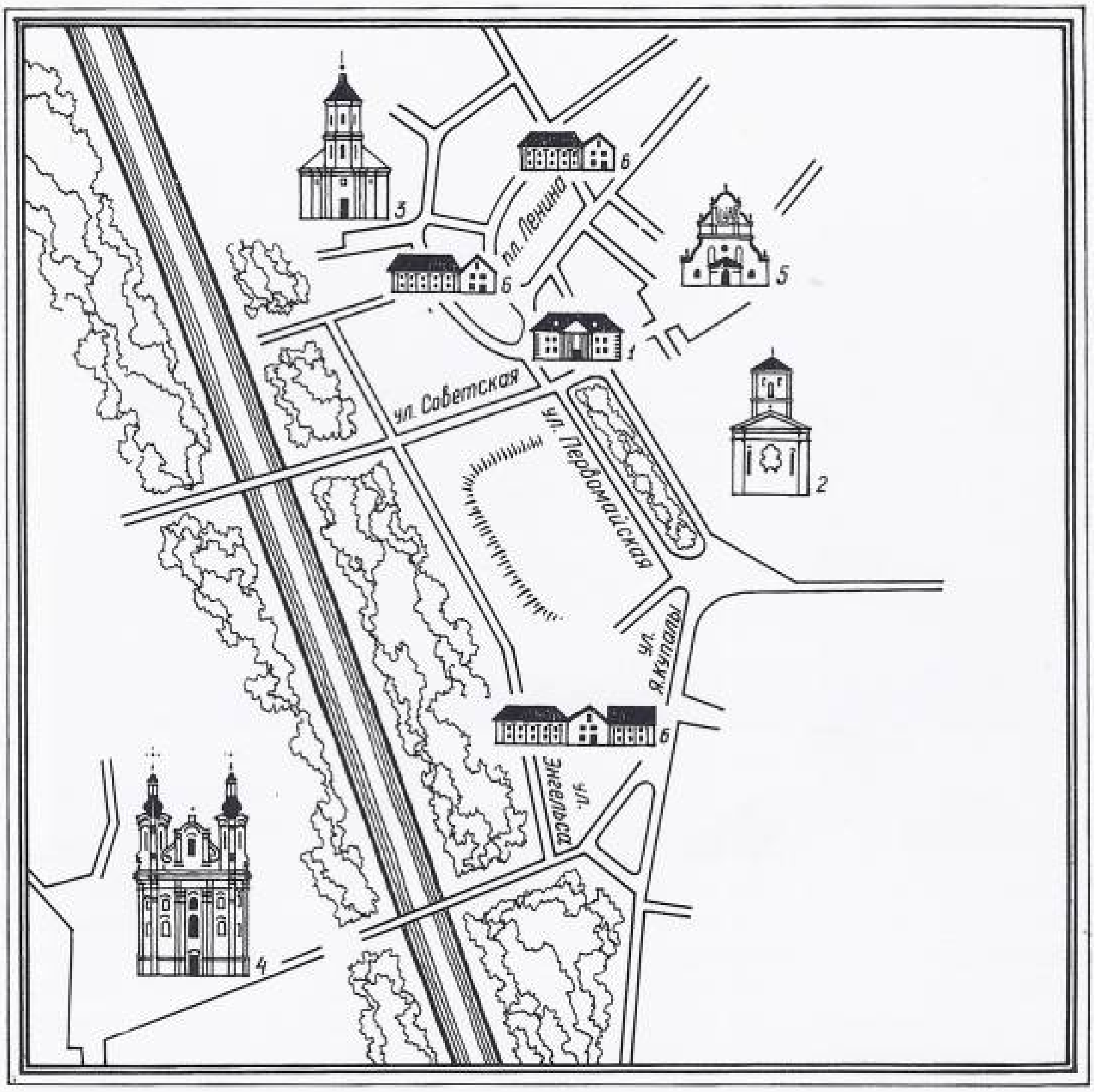
на обширной территории сохранились крупные образования рядовой исторической застройки.

Слоним впервые упоминается под 252 г. Его планировочной первоосновой было городище, на месте которого в XII—XIII вв. воздвигнут деревянный замок, в XIV—XV вв. формируется городская застройка, перестраивается замок. В 1520 г. на месте замка сооружается деревянный дворец князя Сапеги, окруженный стеной с башнями. Укрепленный комплекс располагался поблизости от р. Щары; перед ним сложилась торговая площадь, к которой сходились городские улицы. Магдебургское право Слоним получил в 1532 г.

В систему обороны города в XVII в. входили костелы и монастыри: мужской и женский бернардинские (XVII в.), каноников лютеранских (1635), доминиканский (монастырь заложен в 1680 г., костел — 1747—1798 гг.), женский бенедиктинский (1669), а также синагога (1642). К XVIII в. относятся иезуитский костел с коллегиумом (1740—1769) и костел св. Андрея (1775). Около 1768 г. на месте замка Сапеги построен каменный дворец М. Огиньского с парадным двором-курдонером. В комплекс дворца входили дома для придворных, театр (между 1780 и 1786 гг.), типография, манеж, оранжерея и другие здания. Регулярный сад отделял дворец от городской застройки. Значимым мероприятием было строительство «канала Огиньского» (70-е годы XVIII в.), который в пределах города выровнял рукав р. Щары и вошел в ландшафтную композицию перед дворцом.

Планировка Слонима характеризовалась системой трех связанных площадей: торговой, перед доминиканским костелом и у синагоги. В ориентации улиц отмечалось тяготение к торговой площади, где располагались торговые ряды, ратуша, костелы, жилые дома зажиточных горожан. Пониженная местность к востоку от дворца оставалась незастроенной. В первой половине XIX в. был составлен проект регулярной перепланировки Слонима, который, однако, не нашел воплощения.

В XIX — начале XX в. в центральном районе строится большое число 1—3-этажных капитальных зданий; видоизменяется архитектурный облик Слонима при сохранении исторически сложившейся композиции, основанной на контрасте вертикалей культовых сооружений и низкого массива жилой застройки. В процессе последующего развития города и за время войн были утрачены некоторые монументальные сооружения, формировавшие ансамбль центра: дворцовый

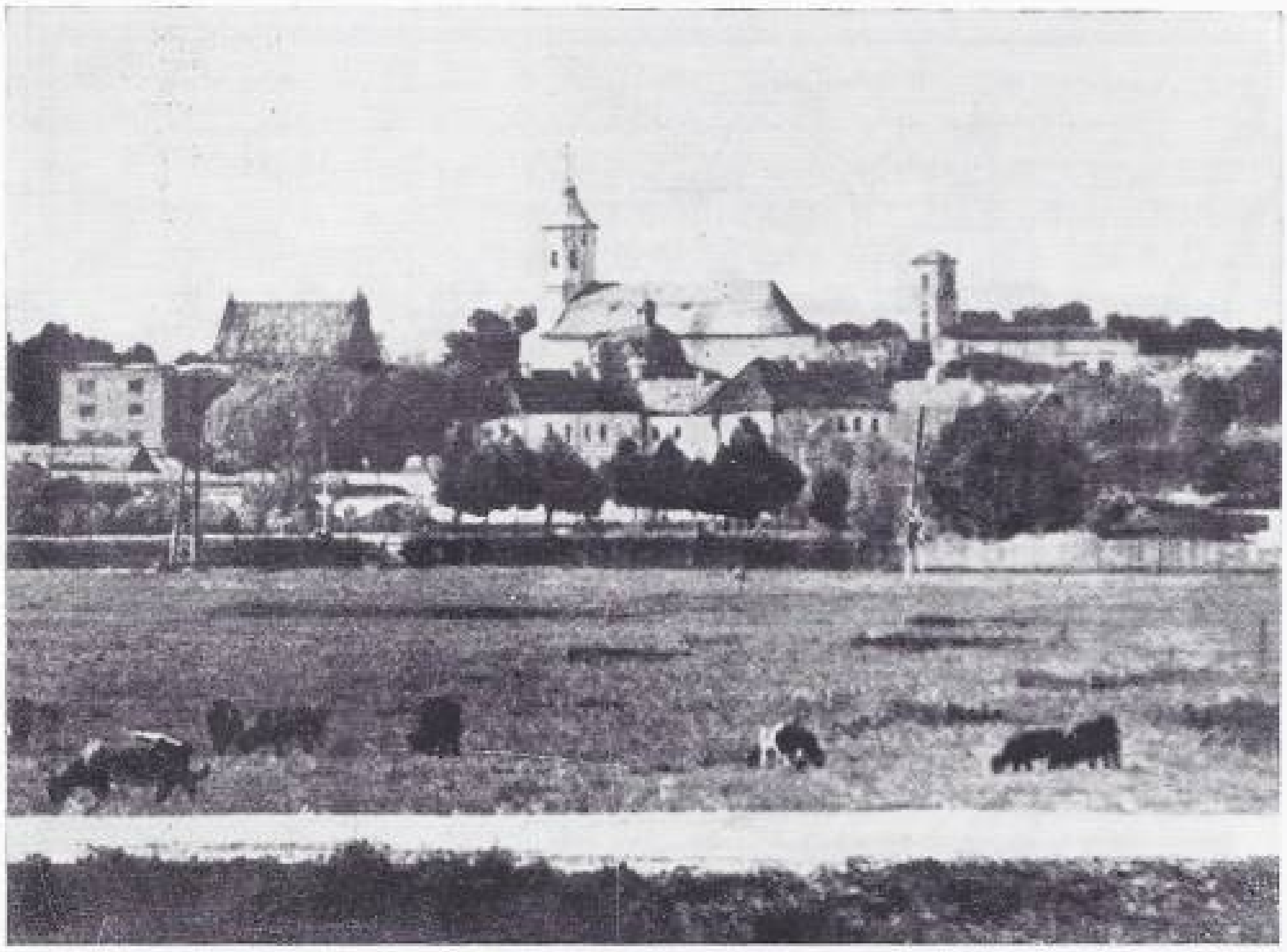
Слоним. Схема плана исторической части города с сохранившимися памятниками архитектуры: *1* — ратуша, XVIII в.; *2* — костел бернардинок, XVII в.; *3* — костел бернардинцев, XVII в.; *4* — костел св. Андрея, XVIII в.; *5* — синагога, XVII в.; *6* — жилая рядовая застройка, XIX — начало XX в.

комплекс, костелы — иезуитский, доминиканский и каноников лютеранских, торговые ряды.

Территория современного исторического центра Слонима на севере ограничена ул. Я. Купалы, на востоке — ул. Энгельса, на юге включает б. мужской бернардинский монастырь и ограничена ул. Банковой и пер. Аптечным, на западе в нее входит б. синагога и б. женский бернардинский монастырь. Планировка старого района имеет нерегулярный, естественно сложившийся характер.

В архитектурно-планировочной композиции исторического центра выделяются различные по характеру взаимосвязанные элементы — площади Ленина и рыночная и бульвар по ул. Первомайской. Территория бульвара, являвшаяся в прошлом торговой площадью, занимает вытянутый участок. Обширная площадь Ленина со сквером имеет в плане форму неправильного овала. Прямоугольной конфигурацией характеризуется нынешняя рыночная площадь с монументальным зданием синагоги. Пространственно-планировочная связь между площадями и бульваром осуществляется короткими прямолинейными проездами.

Историко-архитектурный облик ул. Первомайской (б. торговой площади) составляют отдельные, композиционно разрозненные объекты. Основная ее застройка — современная (50—60-е годы XX в.). На западной стороне обращенный апсидой к площади располагается костел бернардинок (1664—1670) и монастырский корпус с внут-

ренним двором (1764—1793). Скупо декорированная башня храма является одной из вертикальных доминант панорамы исторического центра; в пространственно-планировочной композиции отмечается ориентация на нее некоторых улиц. Южную, короткую, сторону площади занимает двухэтажное здание б. ратуши, обозначенное на планах Слонима конца XVIII в.; его дворовый фасад сохранил декорацию в виде пилястр.

Историческая среда площади Ленина представлена рядовыми жилыми домами конца XVIII—XIX вв., которые образуют фрагменты, разнообразные по своей планировочной организации. Плоскостное построение зданий сочетается с изогнутым в плане фрагментом застройки, повторяющим криволинейное очертание восточной стороны площади. Представляет интерес здание первой половины XIX в. с декоративными элементами в формах классицизма, выходящее на площадь торцовым фасадом.

Главный объект рыночной площади — компактный объем синагоги. На плоскость фасада с лаконичной крупномасштабной пластикой ориентирована ул. Советская, на западный фасад — ул. Школьная. С другой, узкой, улицы, соединяющей рыночную площадь с площадью Ленина, барочный фронтон храма воспринимается под острым углом. Короткие проезды, по которым осуществляется связь между площадями, создают разнообразные возможности для обозрения историко-архитектурных комплексов.

Значение объемного ориентира композиции имеет мужской бернардинский костел (начало строительства — 1639 г., здание монастыря XVIII в.). Массивная восьмигранная башня с чертами оборонного зодчества является одной из архитектурных доминант исторического центра.

Основная масса зданий старого района Слонима относится ко второй половине XIX — началу XX в. Для них в определенной мере характерна упрощенная орнаментальная обработка фасадов с использованием декоративных свойств кирпича. К постройкам в стиле модерн относятся здания банка (ул. Банковая), почты (ул. Маяковского)

и другие, характеризующиеся разнообразием фасадных композиций и сочетанием различных отделочных материалов.

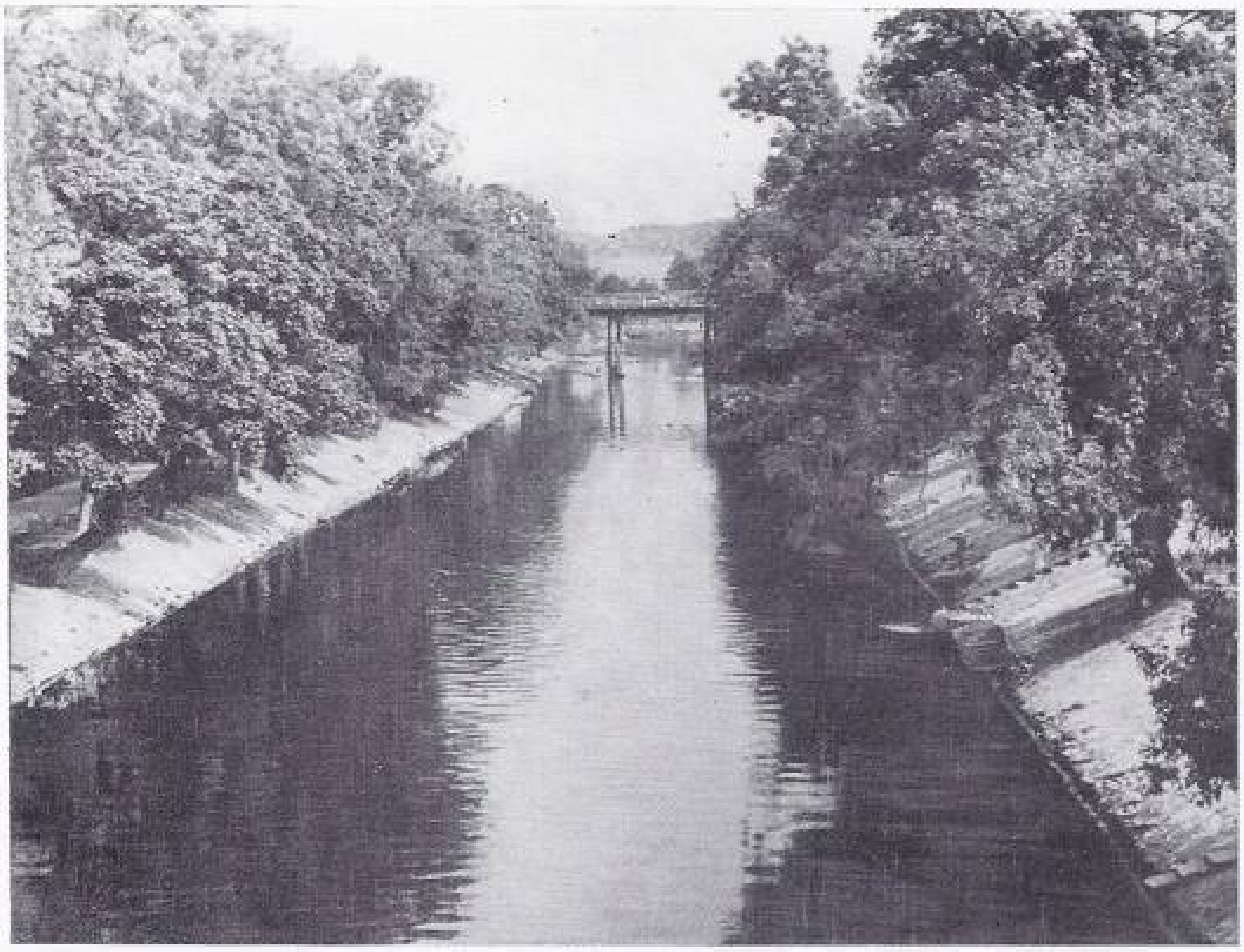
Фрагменты рядовой застройки составляют архитектурную среду города, фиксируют его живописную и своеобразную планировочную систему. Кварталы исторического центра имеют в плане различные очертания: прямоугольные, неправильные многоугольные, с криволинейными сторонами.

В природном ландшафте Слонима большое значение имеет канал Огиньского, который пространственно связан с комплексом исторического центра. Между каналом и ул. Энгельса расположен парковый массив. Перед ним, на территории, ограниченной ул. Энгельса, Советской, Первомайской и Маяковского, в прошлом находился дворцовый комплекс Огиньского, а еще раньше Старый замок.

В отдалении от исторического центра возвышается Фарный костел св. Андрея. Как памятник архитектуры барокко храм является

Слоним. Панорама исторического центра города

Перспектива на костел св. Андрея

выдающимся объектом по пластической композиции фасада и богатству скульптурно-декоративной обработки. В архитектурный комплекс входят брама и одноэтажный монастырский корпус.

Площадь перед костелом, на которой находятся также здания второй половины XIX в., сохранила конфигурацию XVIII в.

Район Фарного костела находится в пространственно-планировочной связи с комплексом центра. Объем храма хорошо воспринимается в панораме города. Зона его видимости распространяется, помимо исторического центра, на окружающие районы одноэтажной застройки и протяженный участок подводящей к городу магистрали (направление Лида — Дятлово — Слоним).

Вне исторического центра, в различных районах города находятся отдельные постройки, имеющие историко-архитектурную ценность: каплица св. Доминика в стиле барокко (1745), часть корпуса б. бенедиктинского монастыря на ул. Красноармейской и др.

Градостроительное наследие исторического центра Слонима имеет следующие *особенности:*

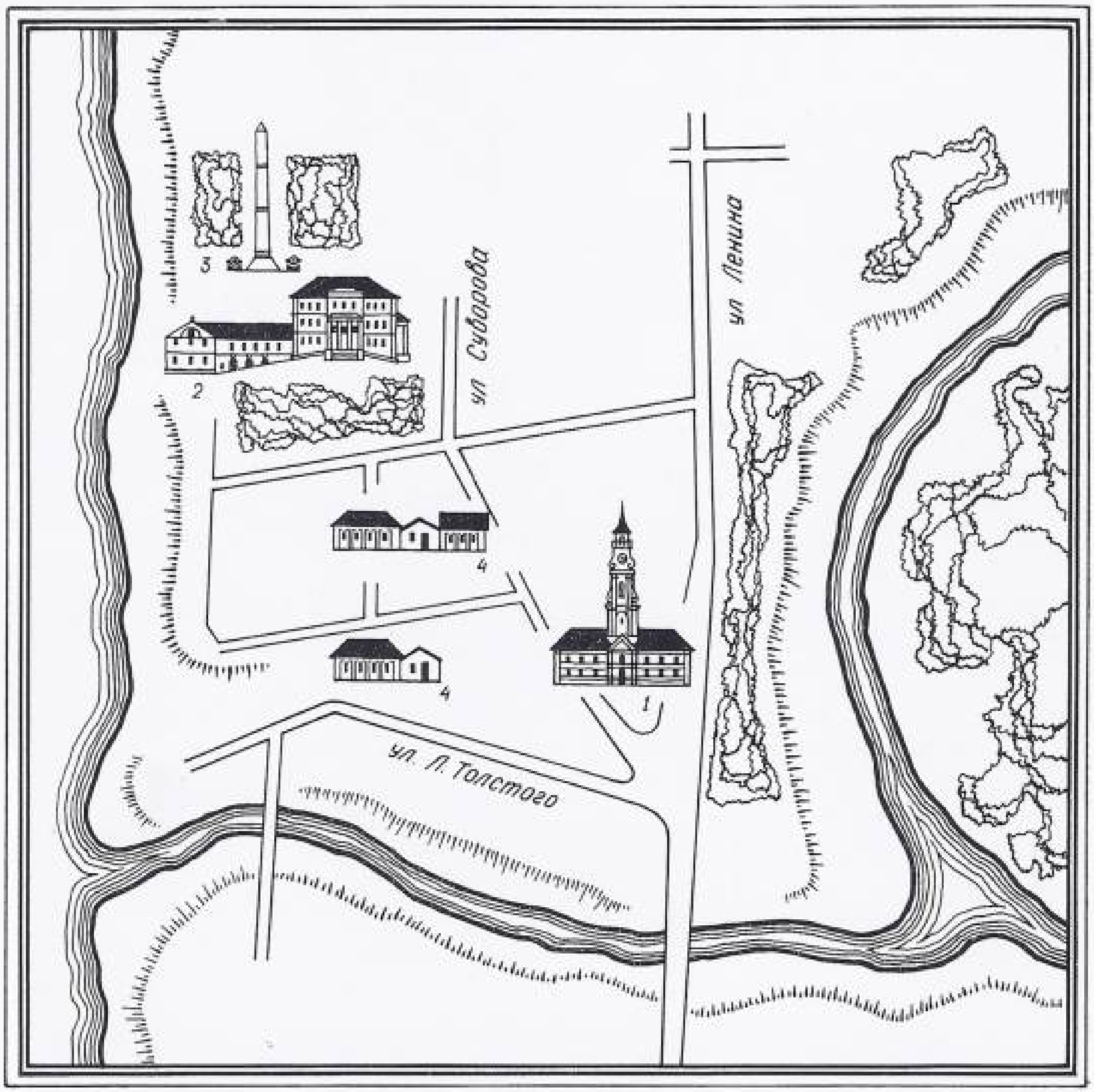
уличная сеть не получила преобразования в период регулярной перепланировки и имеет сложные неправильные очертания;

в пространственно-планировочной композиции выделяется система взаимосвязанных площадей, имеющих разнообразную форму и архитектурный облик застройки;

сохранились значительные фрагменты рядовой исторической застройки.

Витебск как раннефеодальное поселение существовал с IX в. В различных исторических документах упоминается под 947, 974 и 1021 гг. Первоосновой его было древнее городище, впоследствии замок, расположенный на возвышенности при слиянии рек Двины и Витьбы. В XII—XIII вв. Витебск уже крупный торговый центр.

Слоним. Канал Огиньского

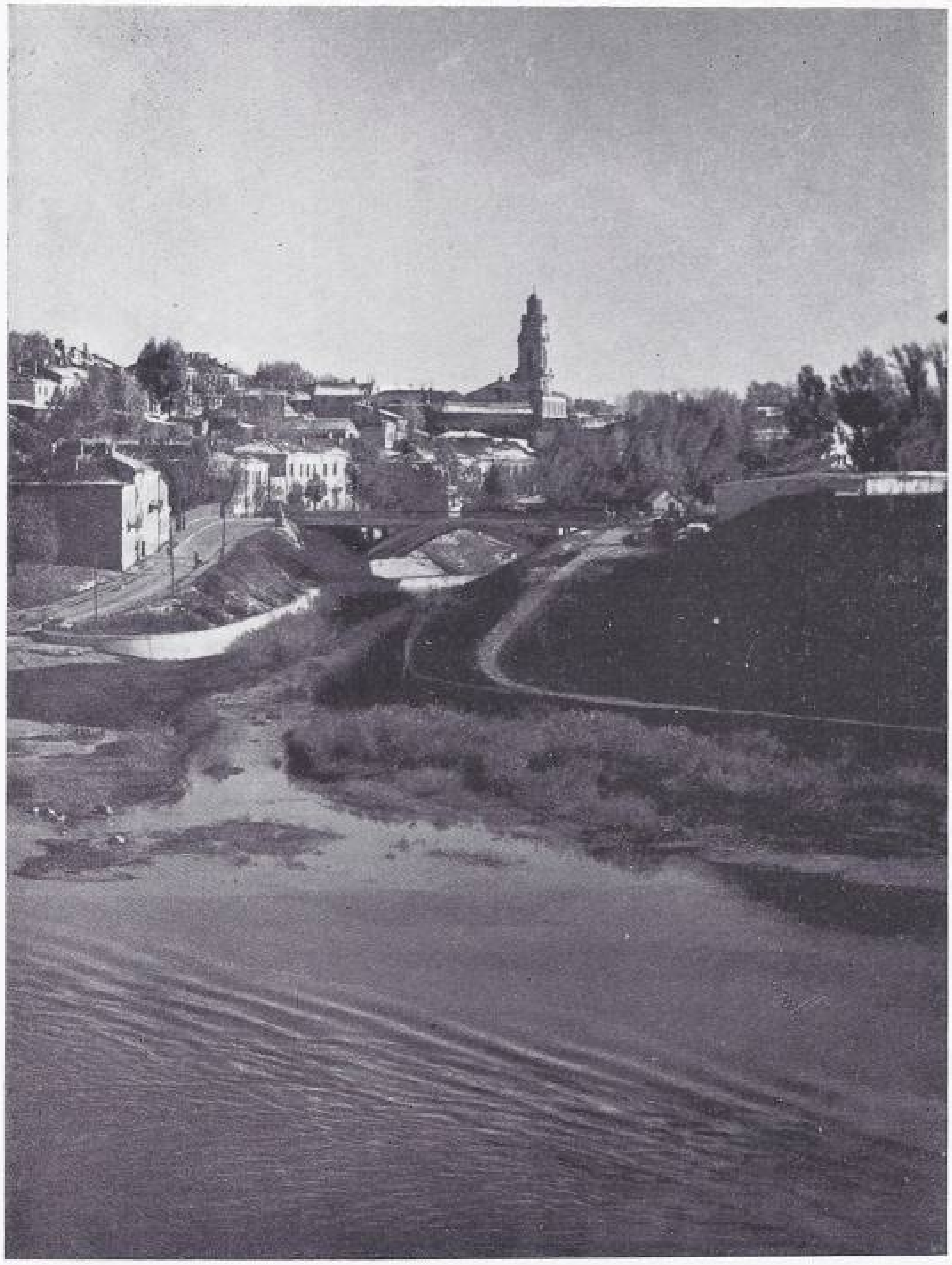

Витебск. Схема плана исторической части города с сохранившимися памятниками архитектуры: *1* — ратуша, XVIII в.; *2* — дворец губернатора, XVIII в.; *3* — памятник-обелиск героям 1812 года, начало XX в.; *4* — жилая рядовая застройка, XVIII — начало XX в.

Укрепления города состояли из Верхнего (сформировался к XIII в.) и Нижнего (XIV в.) замков. В конце XVI — начале XVII в. возникает укрепленный посад — Взгорский замок.

В середине XVII в. стены замков повторяли более ранний план города. Рядом с мостом через Витьбу, соединявшим посад и Нижний замок, располагался торгово-общественный центр — гостиный двор и деревянная ратуша (магдебургское право с 1597 г.). Пространство площади перед ней было окружено цепью лавок. Многочисленные церкви (Алексеевского монастыря, Благовещения и др.) возвышались в основном вблизи рыночной площади и главных проездных башен. По территории Нижнего замка проходила главная в городе Великая улица. Направления нескольких основных улиц, образовавшихся к середине XVII в., стали структурной основой, в соответствии с которой в последующие века развивалась планировочная схема центральной зоны Витебска.

В XVIII в. в центре города сложилась система трех площадей, объединенных в общую композицию. Изменились планировка и архитектурный облик ратушной площади, ансамбль которой сформирован новым зданием ратуши (1775), монументальной Воскресенской церковью (1772) и костелом бернардинского монастыря (1737—1755). Связующими элементами образованного пространства курдонера являлись двухэтажный гостиный двор и торговые ряды. В планиро-

вочном построении площади XVIII в. прослеживается преемственность: культовые здания и ратуша занимали участки, положение которых определилось в XVII в. Ансамбль ратушной площади был ориентирован на другую площадь, расположенную напротив, на другом берегу Витьбы. Застройка ее состояла из иезуитского костела с коллегиумом и дома воеводы. Обе площади, связанные мостом, были пространственно раскрыты друг к другу. Значимым элементом архитектурно-планировочной композиции и силуэта был Успенский собор (заложен в 1743 г.), площадь перед которым была третьей в системе площадей центра Витебска.

В результате регулярной перепланировки (первый проект 1778 г.) город был преобразован на базе основных черт сформировавшейся структуры. Сохранилось построение ратушной и двух других пло-

щадей; трансформация планировки заключалась в расширении и выпрямлении изломанных улиц, в организации новой площади за зданием ратуши (позднее сквер). Сложившаяся в XVIII в. двухлучевая схема улиц, расходящихся от ратушной площади в северном направлении, была преобразована в систему параллельных магистралей. Выходящие к площади отрезки улиц сохранили радиальную ориентацию.

Ансамбль сложившегося центра связывался главной магистралью (ныне ул. Ленина) с новой квадратной торговой площадью, спроектированной в северной части города. Вдоль реки группировались монументальные сооружения: дворец губернатора, здание дворянского собрания, многочисленные культовые постройки.

Рациональной чертой реконструкции был учет важного градообразующего фактора — реки Двины. Основные улицы прокладывались параллельно берегу; перпендикулярные им направления связывали различные кварталы города с рекой. Условия рельефа определили трассирование улиц в каждом конкретном районе Витебска.

Разрушения в результате войны привели к утратам историко-архитектурного наследия Витебска. В центральном районе города ныне сохранился небольшой исторически сложившийся комплекс застройки. Его граница проходит вдоль ул. Ленина, Я. Купалы, Суворова, Политехнической и Л. Толстого. В пределах этой зоны отмечается полная преемственность регулярной планировочной сети улиц конца XVIII — первой половины XIX в., которая, в свою очередь, унаследовала черты дорегулярной структуры.

В систему культурного наследия Витебска входят памятники архитектуры второй половины XVIII в., другие здания, представляющие интерес в историко-архитектурном и художественном отношении, фрагменты рядовой застройки и исторически сложившаяся планировочная структура.

Главным объектом центра является б. ратуша, от которой расходятся магистральные лучи — ул. Ленина и Суворова. Квартал зданий вокруг нее имеет островное положение и окружен с одной сторо-

Витебск. Панорама исторического центра города

Фрагмент застройки старой части города

ны площадью, с другой — сквером вдоль ул. Маяковского. Для исторического района характерен плотный фасад застройки улиц (Крылова, Маяковского, Суворова), в среде которой значительную долю занимают жилые постройки в стиле классицизма.

Вне центра, к югу и северу от него расположены памятники архитектуры — руины Благовещенской церкви (XII в.) и б. дворец губернатора (конец XVIII в.). Перед дворцом разбита площадь с обелиском победы в Отечественной войне 1812 г.

Особенностями исторического центра Витебска являются:

сохранность планировочной структуры конца XVIII — начала XIX в., развившейся на основе плана XVII в.;

компактность градостроительного образования с регулярным очертанием кварталов, закрепленных фрагментами исторической застройки;

главенствующая роль здания ратуши как вертикальной доминанты в среде исторического ядра.

Поставы впервые упоминаются под 1581 г. До середины XVIII в. представляли собой незначительное поселение, расположенное на берегу двух озер, образованных р. Мяделкой. Сложившимся центром Постав была рыночная площадь, от которой шли торговые дороги на Мядель и Друю. На ее восточной стороне находились деревянный костел (заложен в 1516 г., отстроен после пожара во второй половине XVIII в.) и униатская базилианская церковь (1713). На другом берегу озера находился деревянный францисканский монастырь (костел построен в 1617 г.).

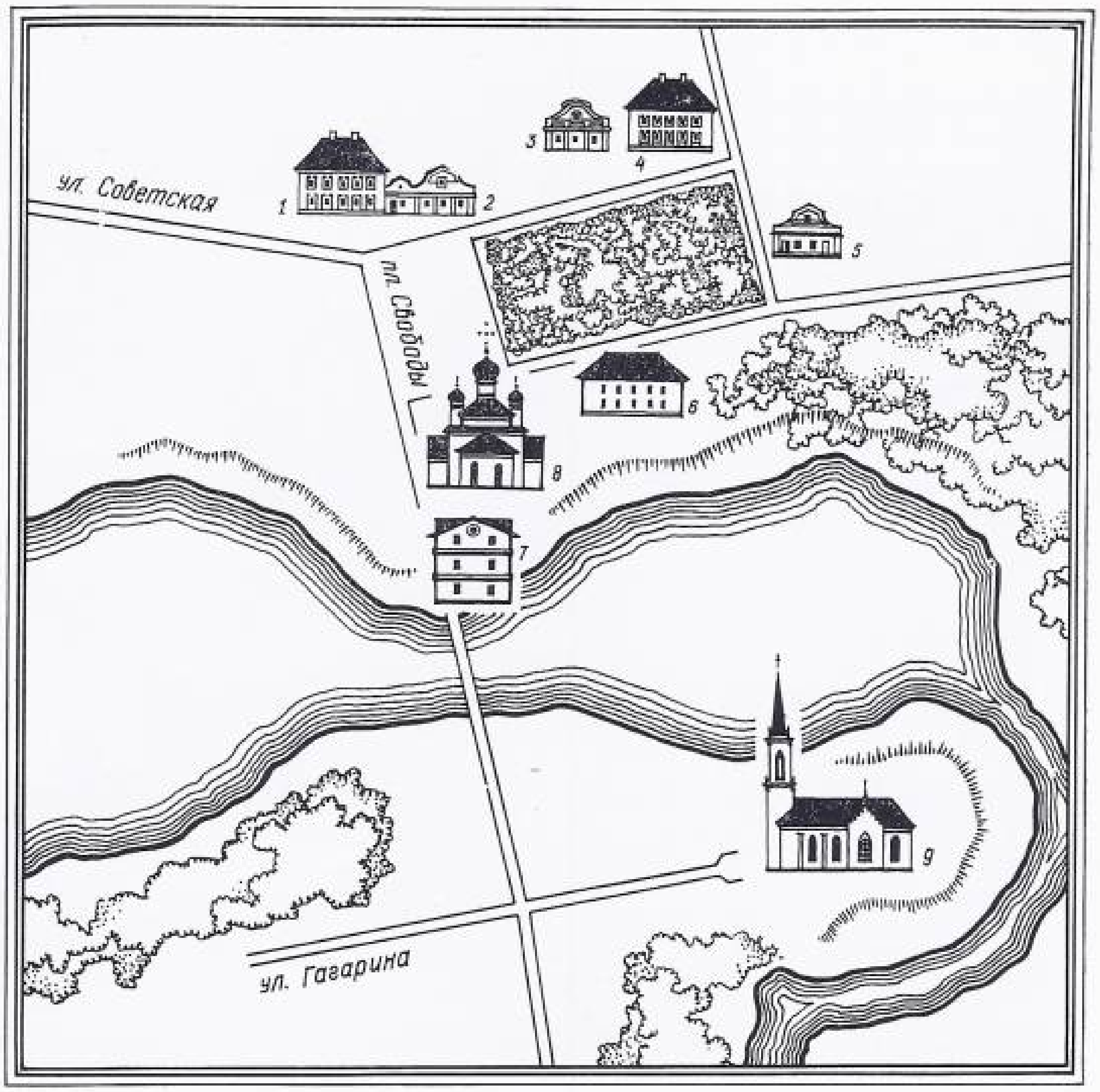
Во второй половине XVIII в. Поставы принадлежали магнату А. Тизенгаузу, который организовал мануфактурное производство, создав в своем имении 35 предприятий, и провел значимые градостроительные работы. На рыночной площади был построен архитектурный ансамбль, в который вошли торговые ряды (60-е годы XVIII в.), лечебница и канцелярия, аустерия, школа, гостиницы, жилые дома ремесленников и другие здания. В плане площадь приближалась к прямоугольнику; от каждого угла отходила улица — продолжение стороны площади. Вместе с дворцом Тизенгауза, построенным поодаль от городского центра, в Поставах сооружено 21 каменное здание.

В последующее время город развивался медленно. К 1866 г. здесь существовало всего 70 жилых домов. Во второй половине XIX — начале XX в. на месте деревянной униатской церкви строится каменная в псевдорусском стиле; на месте францисканского храма — новый костел в формах подражания готике.

Современный исторический центр Постав включает площадь Свободы (б. рыночная), застройку улиц Советской и Красноармейской и участок вокруг костела. В композиции исторического центра выделяется район застроенной по периметру площади и обширный участок природного ландшафта — пруд и озелененная территория вокруг костела.

Происхождение существующей планировки площади и примыкающих отрезков улиц (Красноармейская, б. Заречная; Советская, б. Виленская и др.) относится к XVIII в.; несмотря на трансформацию архитектурно-пространственного построения и утрату многих сооружений ансамбля, в застройке площади отмечается значительное число домов второй половины XVIII, XIX и начала XX в.

На западной стороне площади сохранились двухэтажное строение б. лечебницы и б. дом ремесленника с высоким изогнутым фронтоном. Между зданиями находится небольшое строение, повторяющее,

Поставы. Схема плана исторической части города с сохранившимися памятниками архитектуры: *1* — лечебница, XVIII в.; *2, 3, 5* — дома ремесленников, XVIII в.; *4* — заезжий дом, XVIII в.; *6* — школа, XVIII в.; *7* — хозяйственная постройка, XIX в.; *8* — церковь, конец XIX — начало XX в.; *9* — костел, начало XX в.

Фрагмент застройки площади

в меньшем масштабе, характерную для ансамбля барочную форму фронтона. На здание лечебницы ориентирована ул. Красноармейская.

К памятникам второй половины XVIII в., формирующим историко-архитектурный облик площади, относятся также б. заезжий дом и б. дома ремесленников. Двухэтажное здание на восточной стороне площади представляет собой, в перестроенном виде, одну из построек ансамбля (в конце XVIII—XIX вв.— школа).

В комплексе площади сочетаются различные по характеру фасада гражданские постройки в стиле барокко. Относительно низкий лишенный декорации первый этаж и высокий фронтон различной конфигурации определяют один тип композиции. Эти здания поставлены перпендикулярно стороне площади. Постройки второго типа, сохранившие раскреповку стен, имеют два этажа с высокой четырехскатной кровлей и расположены вдоль фронта площади.

Необходимо отметить трехэтажное здание у моста через р. Мяделку по ул. Красноармейской. В конце XVIII в. на его месте находилась мельница. Существующая постройка относится к XIX в. и в прошлом имела производственно-хозяйственное назначение.

Одной из архитектурных доминант композиции исторического центра является церковь, декоративное убранство которой характерно для псевдорусского стиля. На северной стороне площади фрагмент исторической застройки, помимо дома XVIII в., составляется зданиями второй половины XIX — начала XX в.; их архитектурные формы гармонируют с барочными фасадами тизенгаузовских построек.

Поставы. Фрагмент застройки старой части города

Во второй половине XIX и начале XX в. возведена также застройка одной стороны ул. Советской.

Вертикальным акцентом пространственного построения исторического центра является башня костела, сооруженного на огибаемом рекой участке. В архитектурно-ландшафтной композиции сочетаются водное зеркало прудов, озеленение и псевдоготические, из красного кирпича, монументальные формы храма.

Достопримечательностью Постав является живописный природный ландшафт. Обширные озера, наполняемые р. Мяделкой, придают своеобразие старой городской застройке, исторически сложившейся вблизи воды. С южной стороны открываются далекие перспективы на памятники архитектуры, возвышающиеся над озерами и вместе с массивами зелени образующие живописную панораму города. Сохранился традиционный силуэт, в котором вертикальные объекты культовых зданий сочетаются с малоэтажной жилой застройкой.

К югу от исторического центра на ул. Советской находится дворец, построенный в начале XIX в. на месте резиденции Тизенгауза. Здание расположено в живописном ландшафте и главным фасадом обращено в сторону реки.

Особенности исторического центра Постав заключаются в следующем:

планировка, сложившаяся во второй половине XVIII в., имеет регулярный характер и является сохранившимся элементом историко-архитектурного ансамбля;

в облике города значительна роль природных условий — водных пространств и озеленения.

Глубокое впервые упоминается в документах XVI в. Одна часть поселения принадлежала магнатам Зеновичам, Радзивиллам (с 1668 г.), затем Витгенштейнам; другая часть — роду Корсаков.

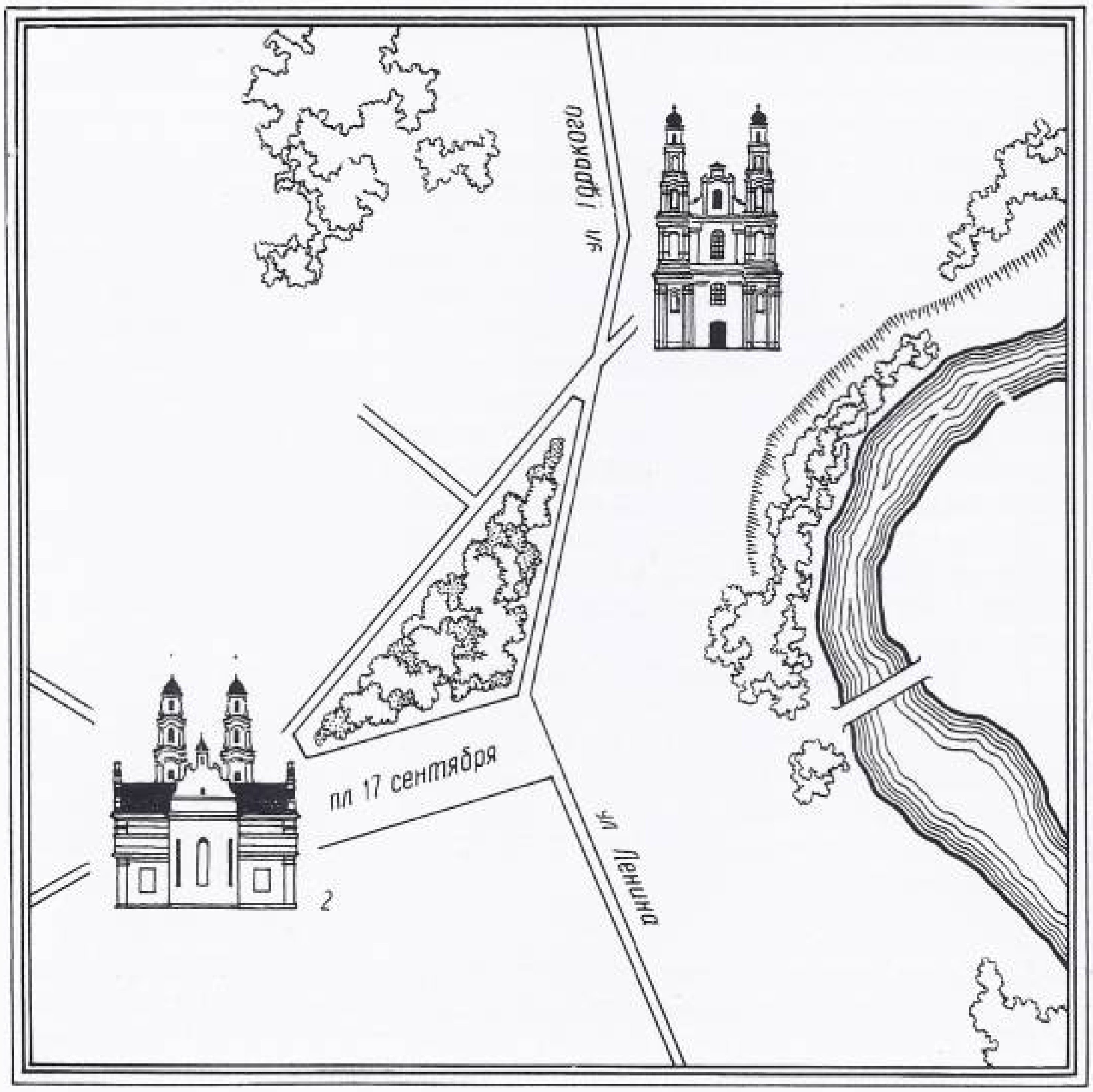
Сведения об архитектурно-планировочном развитии Глубокого незначительны. Застройка сформировалась на берегу двух соседствующих обширных озер. Торговая площадь с культовыми зданиями являлась композиционным центром городского плана. Несколько улиц, выходящих на нее, имели в общих чертах регулярный характер.

В XVII—XVIII вв. сооружены два барочных костела, стоящие на площади и обращенные друг к другу главными фасадами, которые стали архитектурными доминантами застройки. Костел св. Троицы был основан в 1628 г. и перестроен в XVIII в. Выдающимся памятником зодчества явился кармелитский храм Успения Богородицы с монастырем, заложенный в 1639 г. и перестроенный к 1735 г. При нем был посажен обширный сад.

В Глубоком существовала также православная церковь, в 40-х годах XIX в. на ее месте сооружена новая (сгорела в 1880 г.). Описания свидетельствуют, что основная масса строений, как и в других городах и местечках, была деревянная.

Современным историческим центром города является район треугольной по форме площади 17 сентября (б. торговая). На нее выходят пять прямолинейных улиц: Советская, Ленина, М. Горького и др. За отсутствием картографических материалов невозможно проследить эволюцию планировки; можно лишь предположить, что, как и в других исторически сложившихся населенных пунктах Белоруссии, унаследована структура давностью не менее 150—200 лет.

Кармелитский костел имеет оригинальную объемно-планировочную композицию; помимо двух высоких башен главного фасада, на противоположной стороне возвышаются две башни меньшего размера. Храм имеет развитый силуэт и является наиболее крупным со-

оружением в пространственной композиции города. Сохранился также монастырский корпус и брама перед главным фасадом костела. Другой храм расположен напротив, на другой стороне площади. Его силуэт формируется двумя башнями и высоким фигурным щипцом над апсидой. Композиция площади воспринимается почти симметричной, эффект усиливается благодаря небольшому расстоянию между памятниками. Интересные точки обозрения отмечаются вдоль ул. Советской, откуда в небольшой сектор видимости попадают оба сооружения, а также вдоль других подводящих к площади улиц.

Капитальная рядовая историческая застройка отсутствует за исключением нескольких зданий. В пределах исторического центра основная масса строений деревянная и не представляет архитектурной или большой материальной ценности.

Особенность градостроительного наследия Глубокого — выразительная архитектурно-пространственная композиция, сформированная двумя монументальными памятниками, роль которых в панораме города весьма значительна. Природный ландшафт Глубокого характерен обширными озерами, которые обогащают восприятие памятников зодчества.

* * *

В исторически сложившихся городах БССР получили отражение все этапы развития белорусского зодчества. Древнерусскими памятниками или их фрагментами в Полоцке, Гродно, Витебске, Каменце

Глубокое. Схема плана исторической части города с сохранившимися памятниками архитектуры (*1* — кармелитский костел, XVII—XVIII вв.; *2* — Троицкий костел, XVII—XVIII вв.)

Памятники архитектуры центра

представлена культура XI—XIII вв. Крепостные и культовые постройки Гродно, Лиды, Новогрудка, Мира и других городов характеризуют архитектуру периода формирования белорусской народности.

Многочисленные памятники различных типов зданий представляют архитектурное наследие барокко. В исторически сложившиеся образования входят планировочные комплексы и сооружения XVII—XVIII вв., отражающие становление и развитие этого стиля со всеми его особенностями. Хорошо сохранившееся наследие зодчества барокко определяет художественный облик старых центров многих городов.

Классицизм — следующее напластование в формировании планировки и застройки городов. Архитектурно-планировочные комплексы Гомеля, Витебска, Полоцка, Минска отражают идеи регулярного градостроения конца XVIII — первой половины XIX в. и сохранили памятники, характерные для этой эпохи.

Застройка второй половины XIX — начала XX в., многообразная в своих художественных тенденциях, занимает значительные участки исторических центров. В этом отношении особенно характерны Гродно и Пинск, где рядовая городская застройка формирует крупные комплексы.

Архитектурное наследие белорусских городов отражает эволюцию основных типов монументальных зданий — оборонных, культовых, общественных, жилых. Этот факт увеличивает познавательную и научную ценность исторических комплексов.

Во всем многообразии старых центров городов различаются нерегулярные и регулярные планировочные системы.

Нерегулярная планировка складывалась в течение многих веков и характерна неправильными очертаниями улиц, площадей, кварталов. Такие естественно сложившиеся системы наиболее древние и представляют большую градостроительную ценность. В этом отношении выделяются Гродно, Новогрудок и Слоним. Большинство городских улиц имеет более или менее выраженную ориентацию в сторону главной площади. Вторым центром схождения улиц иногда является замковый комплекс (Гродно) или другая городская площадь (Слоним). В этом случае два композиционных центра определяют своеобразную структуру плана, живописную в своем рисунке. Нерегулярная планировка без больших фрагментов застройки сохранилась в Браславе, Волковыске, Каменце, Мозыре и многих других населенных местах четвертой категории.

Регулярная планировка исторического района образовалась в большинстве городов в процессе их массового переустройства в конце XVIII — первой половине XIX в. Несвиж, в прошлом частновладельческое поселение, получил геометрически правильный план в конце XVI — начале XVII в.

Среди регулярных планировочных систем наиболее характерны прямоугольные и с радиальными элементами. Из городов второй и третьей категории прямоугольную в основных чертах планировку исторического центра имеют Полоцк, Несвиж, Мир, Мстиславль и Поставы. Первоначальное заложение прямоугольной системы Полоцка относится к XVII в., Постав — ко второй половине XVIII в. В период реконструкции окончательно сформировалась планировка Полоцка, возникла прямоугольная сеть улиц в Мстиславле и ряде городов и поселков четвертой категории: Бобруйске, Бресте, Славгороде, Турове, Чечерске и др.

Неправильный естественно сложившийся радиальный характер уличной сети был упорядочен и во многом сохранен регулярной перепланировкой. Элементы радиальной структуры прослеживаются в старых центрах Витебска, Кобрина, Минска, Могилева. Гомель своеобразен двухлучевой, Пинск — радиально-полукольцевой планировкой.

В ряде городов БССР исторический центр складывается из двух частей (Несвиж, Новогрудок, Полоцк, Могилев, Мстиславль и др.). Одна часть, которая была первоосновой города — древние холмы, нередко с остатками замкового комплекса или другими сооружениями. Для нее характерно в большинстве случаев наличие культурных слоев различных эпох и живописного природного ландшафта. Другая часть исторического района охватывает бывшую главную площадь и примыкающие к ней улицы. Здесь сосредоточена основная масса исторически ценной застройки, образующей разнообразные по композиции фрагменты. В некоторых городах старый центр имеет компактный характер, занимая небольшой район городского плана (Витебск, Минск, Слоним).

Можно выявить наиболее характерные типы сохранившихся локальных историко-архитектурных комплексов. К ним относятся: замковый или дворцовый комплекс, застройка площади, застройка улицы, застройка квартала.

Замковые и дворцовые комплексы Гродно, Гомеля, Мира, Несвижа, Новогрудка, Ружан играют значительную роль в пространственной композиции и художественном облике города, требуя выделения в заповедную зону. Сооружения, входившие в укрепленный комплекс, имеются и в населенных местах четвертой категории (Быхов, Каменец, Лида, Любча и др.).

Комплексы сложившейся застройки площадей, сохранившиеся ныне целиком или во фрагментах, подразделяются на два основных типа:

исторический комплекс площади формируют архитектурные доминанты и низкий массив остальной застройки (пл. Ленина в Новогрудке, пл. 17 сентября в Ружанах и Дятлово, пл. Свободы в Поставах, центральная площадь в Мире и др.);

исторический комплекс площади формирует низкий массив застройки без архитектурных доминант (пл. Ленина в Гродно и Слониме, пл. Свободы в Кобрине и Полоцке и др.).

Комплексы сложившейся застройки улиц разнообразны по композиции. К наиболее интересным из них, где сохранились памятники архитектуры, большие массивы или группы рядовых зданий, относятся улицы Замковая, К. Маркса и Советская в Гродно, Ленина в Пинске, Могилеве и Полоцке, Суворова в Витебске, Почтовая в Новогрудке и др. В Гродно, на отрезке улицы К. Маркса длиной в 450 м расположено 20 исторических построек, в Пинске вдоль 750-метровой улицы Ленина — 40.

Исторически ценная застройка квартала, как правило, сохранилась по его периметру. Представляют интерес старые кварталы Гродно, Пинска, Слонима, Витебска и других городов, весьма разнообразные по своей форме в плане. В ряде случаев они хорошо сохранились и представляют целостные образования. Очертания древнейших кварталов сложились в XVI—XVIII вв. и ранее (Гродно).

Рядовая историческая застройка, входящая в архитектурные комплексы площадей, улиц и кварталов, наибольшую этажность имеет в Гродно, Витебске, Гомеле, Минске, Могилеве и Пинске (в среднем 2—4 этажа). В остальных городах высота основного массива рядовых зданий не превышает двух этажей.

В композиции исторических городов Белоруссии отмечается традиционное для градостроительства прошлого сочетание низкого массива жилой застройки с вертикальными доминантами. Последние служат вехами пространственно-планировочного построения исторического центра и всего центрального района города. Крупные культовые или гражданские объекты располагаются на площадях, на пересечениях или поворотах улиц, служат объемными ориентирами, которые замыкают перспективы улиц и обозреваются на всем их протяжении. Такой прием традиционен и отмечается в композиции городов Гродно, Гомеля, Несвижа, Новогрудка, Пинска, Слонима, Постав, Глубокого, Чечерска и др.

Количество доминант, их архитектурный облик и силуэт во многом определяют художественное значение исторических композиций. В этом отношении выделяется Гродно, где сохранилось значительное число высотных доминант: иезуитский, бернардинский, францисканский, бригитский костелы и др. Пять крупных сооружений определяют панорамы историко-градостроительных комплексов Несвижа и Новогрудка, три — Ружан и Слонима, два — Пинска, Полоцка и

Постав. Пластически богатая архитектура памятников барокко придает особый характер панорамам Гродно, Несвижа и Пинска. Роль сложившейся ценной застройки в соотношении с современными зданиями окружающих районов и формировании панорамных видов города в целом достаточно велика.

В ряде случаев историко-градостроительные комплексы расположены на одном берегу реки или озера, тогда как другой берег, часто более низкий, свободен от застройки. Такая ситуация благоприятна для восприятия комплекса с этого берега, где в настоящее время находятся наиболее интересные видовые точки и откуда открывается многоплановая панорама архитектурных памятников и другой исторической застройки (Гомель, Несвиж, Пинск, Полоцк и др.). Интересные видовые точки находятся вблизи холмов, на которых расположены архитектурные памятники (Новогрудок, Ружаны, Быхов и др.). При реконструкции городов необходимо учитывать эти районы наилучшей видимости исторических комплексов.

Древний сложившийся центр часто входит в состав современного центра города. В одних случаях историко-архитектурные комплексы занимают на территории центра главенствующее положение (Пинск, Несвиж, Слоним, Поставы), в других — второстепенное (Минск, Могилев, Витебск). Новая застройка в пределах старых районов городов в целом незначительна. Это обстоятельство открывает широкие творческие перспективы для организации всего комплекса работ, связанного с сохранением историко-культурного наследия и его органичным включением в реконструируемый центр современного города.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. Т. 1, 2. М., «Искусство», 1957.

Ленин В. И. О литературе и искусстве. Госполитиздат, 1960.

Абецедарский Л. С. Белорусы в Москве XVII в. Из истории русско-белорусских связей. Минск, 1957.

Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966.

Воронин Н. Н. Древний Гродно.— «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1954, № 41.

Всеобщая история архитектуры. Т. 6. М., 1968.

Егоров Ю. А. Градостроительство Белоруссии. М., 1954.

Загорульский Э. М. Древний Минск. Минск, 1963.

Кацер М. С. Народно-прикладное искусство Белоруссии. Минск, 1972.

Квитницкая Е. Д. Планировка Гродно XVI—XVIII вв.— «Архитектурное наследство». М., 1964, № 17.

Кудряшев В. И. Гродно. М., 1954.

Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. Минск, 1968.

Сабаленка Э. Р., Гуркоў У. С., Іваноў У. М., Супрун Дз. Д. Беларускае народнае жыллё. Мінск, 1973.

Чантурия В. А. Архитектура Белоруссии конца XVIII — начала XIX в. Минск, 1963.

Чантурия В. А. История архитектуры Белоруссии. Дооктябрьский период. Минск, 1969.

Чарняўская Т. Д. Архітэктура Магілёва. Мінск, 1973.

Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Минск, 1975.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧАНТУРИЯ

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ БЕЛОРУССИИ

Редактор *С. А. Быстрицкая*
Худож. редактор *В. Н. Валентович*
Техн. редактор *М. Н. Кислякова*
Корректор *Р. К. Емельянова*

Графические материалы подготовлены автором при участии *Л. Кузнецовой, С. Сергачева, В. Трацевского* и студентов БПИ (Минск) в 1954—1973 гг.

АТ 06012. Сдано в набор 8/I 1976 г. Подписано в печать 7/IV 1977 г. Бумага $84\times108^{1}/_{16}$ мелованная. Печ. л. 20(33,6)+0,25 (форз.). Уч.-изд. л. 31,97+0,72 (форз.). Изд. № 74—47. Тип. зак. 2933. Тираж 3500 экз. Цена 2 руб. 95 коп.

Издательство «Вышэйшая школа» Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Редакция общественно-политической и социально-экономической литературы. 220600, Минск, ул. Кирова, 24.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, ул. Красная, 23.

SERENISSIMO

